

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

4 (58)

Октябрь – Ноябрь – Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2017

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),
член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. НАНА *И.А. Бабаев* (Баку),
проф. *Д. Бошкович* (Крагуевац), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), член-корр. НАНУ *С.Д. Крыжицкий* (Киев),
проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем), проф. *К. Липполис* (Турин),
акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва), д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва),
д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь), проф. *М. Ольбрихт* (Жешув),
акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент), проф. *А.Ф. Строев* (Париж),
д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин), д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),
д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дэвлет* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2017
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2017
 - © Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

4 (58)

October – November – December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2017

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Yl'yas Babaev* (Baku),
Prof. *Dragan Bošković* (Kragujevac), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Sergey Kryzhitsky* (Kiev), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Alexander Stroeov* (Paris),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Prof. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexander Vlaskin* (Magnitogorsk)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

ИСТОРИЯ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2017), 5–13
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2017), 5–13
© Автор(ы) 2017

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К РАСШИФРОВКЕ СМЫСЛА ЗООМОРФНЫХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ С «УМНОЖЕННЫМИ» ЧАСТЯМИ ТЕЛА

Е.Г. Дэвлет, М.А. Дэвлет

Институт археологии РАН, Москва, Россия
eketek@yandex.ru; ia-ran@yandex.ru

Аннотация. Среди наскальных изображений эпохи бронзы Саяно-Алтая и Центральной Азии четко выделяется в особую группу фигуры животных с лучистыми дисками на головах. В едином синкретическом образе сливаются реально существовавшие виды животных и стилизованные условные символы – знаки небесного дневного светила. Лучистый диск – символ солнца, помещался иногда на голове животного вместо рогов, иногда на концах рогов, он венчает голову даже такого безрогого животного как кабан. Это обстоятельство дает основание предполагать, что солнечный символ не заменял рога, а нес на себе иную смысловую нагрузку. Встречаются изображения животных с рогами самых причудливых очертаний, не имеющими прототипов в реальной действительности. В отдельных случаях они напоминают своим видом лестницу – семантический эквивалент шаманского мирового дерева, лестницу, по которой шаман, согласно представлениям сибирских аборигенов, мог подниматься в верхний мир. Среди изображений животных, наделенных фантастическими чертами, известны такие, чьи образы формировались путем умножения отдельных частей тела. Это многорогие, многоухие и т.п. зооморфные суще-

Дэвлет Екатерина Георгиевна – доктор исторических наук, ученый секретарь Института археологии РАН, руководитель центра палеонискусства.

Дэвлет Марианна Арташировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела бронзового века Института археологии РАН.

Работа выполнена при поддержке программы Президиума ОИФМ РАН «Историческое наследие Евразии: новые смыслы».

ства. Примером может служить изображение шестирогого козла на горе Устю-Мозага на правом берегу Енисея. Примечательно, что рядом с ним представлено другое фантастическое животное с солярным символом на голове. Подобные ирреальные образы встречаются также и в фольклоре коренных народов Северной и Центральной Азии. Это хтонические существа нижнего мира или же волшебные персонажи, олицетворяющие светлые небесные силы.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, Центральная Азия, наскальное искусство, эпос, петроглифы

В наскальном искусстве эпохи бронзы и раннего железного века Центральной Азии и Саяно-Алтая особую группу составляют фигуры животных, наделенных фантастическими чертами. В едином синкретическом образе сливаются реально существовавшие виды животных и стилизованные символы, эти ирреальные существа формировались путем умножения отдельных частей тела или приобретением солярной символики. Многухие, многорогие, многоногие, животные с гипертрофированно большими рогами в виде лучистого диска, петли с солярным кругом, «лестницы» или извилистой длинной линии (семантического эквивалента пути), выраженной рифленой изогнутой дугой, и пр.¹ (рис. 1–6).

Среди наскальных изображений представлены фигуры животных с огромными гипертрофированными рогами, какие не встречаются в природе, образы копытных с ирреальными древовидными рогами, или с рогами, на концах которых помещался солярный символ – круг с расходящимися лучами. Лучистый диск, символ солнца, помещался иногда на голове животного вместо рогов, иногда на концах рогов, может сочетаться с таким безрогим животным, как кабан. Рога бывают трактованы в виде древесных стволов с отходящими от них отростками ветвей. В подобных случаях в них бывает заключена идея возрождения жизни, уподобление рогов мировому дереву². В изобразительном материале эта идея приобретает весьма убедительное звучание. Рога у многих представленных на петроглифах животных непропорционально велики – это целые деревья с отростками, вообще мало похожие на рога, порою они могут значительно превосходить туловище самого животного. Они могут приобретать весьма сложные детали при том, что туловище показано весьма обобщенно. Причудливые очертания рогов не имеют прототипов в реальной действительности, но наделены значимым семантическим смыслом. В отдельных случаях они могут трактоваться как реминисценция представлений о пути на небо, как своего рода семантический эквивалент шаманского мирового дерева, символизировать лестницу, по которой шаман, согласно представлениям сибирских аборигенов, мог подниматься в верхний мир. Олень с рогами, растущими не только из головы, но и из туловища, известен в петроглифах Верхнего Енисея. Между этих высоких рогов-лестниц показана как бы поднимающаяся вверх по ним антропоморфная фигура³ (рис. 3).

Изображения козлов и баранов с утрировано большими дугообразными рогами, на которых поперечные валики, так называемые шестеренки, иногда напоминают лучи, вероятно, коррелируются с солярной символикой. Подобные изобра-

¹ Окладников 1964; Дэвлет, Дэвлет 2005; Кубарев и др. 2005; Кубарев 2009.

² Мартынов 1987, 20–23.

³ Дэвлет, Дэвлет 2005, табл. 48.

жения не только в искусстве на скалах, но и в металлопластике приобретают исключительное значение в эпоху раннего железа. Значение образа козла или барана в древней мифологии Евразии неоднократно отмечалась разными исследователями. А.П. Окладников указывал на его связь с представлениями о небесном мире, космосе, что «кривые, дугообразно загнутые над туловищем козла или барана рога естественным образом вызывали ассоциацию с выпуклым сводом неба, с небесной твердью. По закону симильной магии дуга козлиных рогов была однозначна небесной дуге. Это был как бы зримый, живой образ небесного свода. Такие ассоциации, служившие стимулом для работы воображения художника в те далекие времена, когда искусство еще находилось в нерасторжимой связи с образным мышлением, было как бы вплетено в повседневную жизнь, имели несомненно огромное значение»⁴.

В зачине сказки алтайских тувинцев говорится о мифологическом времени, когда «хвост верблюда касался земли, когда рога горного козла задевали небо»⁵. Такие гипертрофированные рога, как бы упирающиеся в небеса известны в образах наскального искусства.

Среди изображений животных, наделенных фантастическими чертами, известны образы, которые формировались путем умножения отдельных частей тела, – многорогие, многоухие, многокрылые, многоногие персонажи⁶. Подобные ирреальные образы встречаются также и в фольклоре коренных народов Северной и Центральной Азии. Это как хтонические существа нижнего мира, так и персонажи, олицетворяющие светлые небесные силы. Верхом на девятирогом черном быке ездит владыка подземного царства

Рис. 1. Цааган-Салаа IV (по Кубарев и др. 2005, рис. 512)

Рис. 2. Цааган-Салаа, Монголия (фото Д. Уранчимэг)

⁴ Окладников 1980, 78.

⁵ Таубе 1994, 154.

⁶ Дэвлет 1982, табл. 27; Дэвлет, Дэвлет 2005.

Рис. 3. Мозага-Хомужап, Тува (прорисовка М.А. Дэвлет)

Рис. 4. Цааган-Салаа IV (по Кубарев и др. 2005, рис. 442)

Эрлик⁷. В осетинском эпосе приводится описание многорогого оленя: «Лучи солнца падали на восемнадцатирогого оленя..., шерсть его была золотая»⁸. В алтайском героическом сказании «Маадай-Кара» повествуется о волшебной кобылице, которая была «четвероуха и быстра». В трудные времена она помогала Маадай-Кара в образе синей молодой черытехрогой коровы, родившей четвероухого бычка⁹. На молоке этой волшебной коровы хозяйкой земли Алтая был взращен Когюдей, сын престарелого Маадай-Кара. В дальнейшем Когюдей, скитаясь по свету, принимал облик разных зверей и птиц, в том числе он обернулся сорокарогим маралом, а его конь – тридцатирогим¹⁰. По иной версии этого сказания, молодой богатырь обратился в черного лохматого марала с рогами, имеющими семьдесят ответвлений, а конь Когюдея – в черного марала, на рогах которого было девяносто ответвлений¹¹. На этом череда превращений не закончилась. Пленного Когюдея в подземном царстве охраняли лучшие стрелки владыки нижнего мира Эрлика. Чтобы вызволить хозяина из плена, богатырский конь превратился в четырехкрылого беркута, который поднял героя на воздух и перенес к целебному источнику¹². Спасаясь от чудовища, девушка-богатырка Очы-Бала, следуя совету своего вещего коня, обернулась девятикрылым орлом. После победы над противником к ней вернулся вновь человеческий облик¹³.

В героическом сказании алтайцев конь богатырки для единоборства с посланником Эрлика превращается в рыжего быка, голову которого венчают два рога с шестьюдесятью ответвлениями. Представления об ирреальных фантастических животных, способных к оборотничеству, нашедшие отражение в мифах и героическом эпосе народов Саяно-Алтая,

⁷ Суразаков 1985, 50.

⁸ Абаев 1979, 15.

⁹ Алтайские героические сказания 1983, 49.

¹⁰ Алтайские героические сказания 1983, 114.

¹¹ Маадай-Кара 1973, 356.

¹² Алтайские героические сказания 1983, 143.

¹³ Алтайские героические сказания 1983, 235.

восходят, судя по образам, воплощенным в наскальном искусстве, к эпохе бронзы – раннему железному веку.

Однако не только многочисленные запечатлены на скалах. Иногда древний художник изображал животных с тремя, пятью и более ногами. В определенных случаях подобная трактовка, по-видимому, связана с семантикой образа, ведь многоногие животные передвигаются быстрее, в мифологии они наделены способностью проникать в иные миры.

Герой эвенкийской сказки Емерхен едет сватать дочь Солнца на девятиногом коне, которого ему дал дух Майин. У хантов и манси в разных вариантах существовал миф о шестиногом лосе, у которого в стародавние времена, когда еще не было людей, культурный герой после долгой погони отрубает две ноги, чтобы в будущем люди могли догнать его на охоте¹⁴. В якутском мифе «дьявол перевернул свой бубен, сел на него, три раза ударил его своей палкой, и бубен этот превратился в кобылу с тремя ногами»¹⁵. Трехногая лошадь, связанная с потусторонними силами, встречается в кетском фольклоре. Там герой преследует лисицу, которая, ударившись о землю, становится трехногим конем. На этом коне герой приезжает к шаманскому дереву. Трехногий конь встречается в сказках о дочери Солнца¹⁶. В шорском сказании «Кара Каан» говорится о том, что у золотой коновязи стоит превосходящий других коней треухий конь. У героя хакасского эпоса Ай-Хуучин конь треухий. Это признак того, что он слышит все, что происходит на земле и на небе¹⁷. В хакасском героическом сказании «Ай Мирген» повествуется о

Рис. 5. Цааган-Салаа IV (по Кубарев и др. 2005, рис. 1292)

Рис. 6. Цааган-Салаа, Монголия (фото Д. Уранчимэг)

¹⁴ Мифы, предания, сказки хантов и манси 1990, 66–69, 508.

¹⁵ Худяков 1890, 142.

¹⁶ Николаев 1985, 104.

¹⁷ Майногашева 1997, 40.

двуглавом коне, который, питаясь соками корней растений, обретает в подземном мире силу и неуязвимость¹⁸. В сказании говорится:

Под синим небом над облаками
Белыми стоит двуглавый карий конь:
Одна его голова смотрит на землю,
Другая – смотрит на небо¹⁹.

В героическом эпосе конь обычно неотделим от своего хозяина. Герой становится воином-богатырем лишь после того, как он получил своего коня. Как правило, конь сам находит своего хозяина. Он его верный спутник, помощник, советчик. Зачастую конь самостоятельно совершает подвиги. Среди наскальных изображений иногда встречаются изображения крылатых коней. На Алтае в кургане из Уландрыка были обнаружены фигурки коней с характерными отверстиями на спине, предназначенными скорее всего для вставных крыльев. В связи с этим В.Д. Кубарев упоминает, что изображения крылатых небесных коней, выполненные в типично скифской манере, известны среди петроглифов Горного Алтая²⁰. Недаром алтайская пословица гласит: «Конь – это крылья»²¹. Чтобы подняться на небо, конь превращается в птицу²². Мир-сусне-хум, солнечное божество, путешествует по небу на железном крылатом скакуне²³, крылья для его коня выковал кузнец. На таком коне Мир-сусне-хум имеет возможность летать над миром на высоте облаков²⁴. В якутском мифе упоминается белый конь, имеющий «с середины спины, подобно птице, серебряные крылья»²⁵. О крылатых конях повествуется и в эпических сказаниях. Богатырь обращается к коню со словами:

Днем ты – крылья мои,
Ночью – неразлучный друг.
Умрем – могила у нас одна,
Живы будем – жизнь у нас одна²⁶.

В алтайском эпосе крылатый жеребенок – чудесный помощник героя. Детей, которых преследует людоед Делбеген, крылатый жеребенок уносит от погони²⁷. В хакасском героическом эпосе Алтын-Арыг фигурирует крылатый конь-помощник – «с концов обоих его крыльев пламень струился, с предплечий крепких крыльев искры сыпались»²⁸. Герой русской сказки до встречи с Бабой-Ягой ездит на обычном коне. Яга приказала ему оставить своего коня у нее, а на ее двукрылом отправиться к ее сестре. У второй сестры герой обменял двукрылого коня на четырехкрылого, а у третьей – на шестикрылого. «Вот почему не годится отцовский обычный конь, – пишет В.Я. Пропп, – он земное существо, он не крылат. У входа в иной мир герой получает иного коня»²⁹.

¹⁸ Сунчугашев 1980, 116.

¹⁹ Ай Мирген 1959, 130.

²⁰ Кубарев 1979, 78.

²¹ Суразаков 1985, 31.

²² Липец 1984, 134.

²³ Николаев 1987, 157.

²⁴ Гемуев, Сагалаев, Соловьев 1989, 157.

²⁵ Худяков 1890, 142.

²⁶ Суразаков 1985, 31.

²⁷ Суразаков 1985, 36.

²⁸ Алтын-Арыг 1988, 405.

²⁹ Пропп 1986, 174.

Таким образом, можно предположить, что фантастические персонажи наскального искусства эпохи бронзы и раннего железного века Саяно-Алтая и Центральной Азии коррелируются с мифологическими сюжетами о зооморфных фантастических многогогих, многоногих, крылатых и пр. существах, наделенных особыми способностями.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, В.И. 1979: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 2. Л.
Ай Мирген. 1959: Абакан.
Алтайские героические сказания. 1983. М.
Алтын-Арыг 1988: *Хакасский героический эпос*. М.
 Гемуев, И.Н., Сагалаев, А.М., Соловьев, А.И. 1989: *Легенды и были таежного края*. Новосибирск.
 Дэвлет, Е.Г., Дэвлет, М.А. 2005: *Мифы в камне: Мир наскального искусства России*. М.
 Дэвлет, М.А. 1982: *Петроглифы на кочевой тропе*. М.
 Кубарев, В.Д. 1979: *Древние изваяния Алтая. Оленные камни*. Новосибирск.
 Кубарев, В.Д., Цэвээндорж, Д., Якобсон, Э. 2005: *Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай)*. Новосибирск.
 Липец, Р.С. 1984: *Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе*. М.
Маадай-Кара 1987: *Алтайский героический эпос*. М.
 Майногашева, В.Е. 1997: О хакасском героическом эпосе и алыптых нымахе «Ай Хуучин». В кн.: *Хакасский героический эпос «Ай Хуучин»*. Новосибирск, 40—44.
Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990. М.
 Николаев, Р.В. 1985: *Фольклор и вопросы этнической истории кетов*. Красноярск.
 Николаев, Р.В. 1987: Солнечный конь. К вопросу о культе коня у народов Евразии. В сб.: *Скифо-сибирский мир*. Новосибирск, 150—159.
 Окладников, А.П. 1964: *Олень золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками*. М.—Л.
 Окладников, А.П. 1980: *Петроглифы Центральной Азии. Хобд-Сомон (Гора Тэбиш)*. Л.
 Пропп, В.Я. 1986: *Исторические корни волшебной сказки*. Л.
 Сунчугашев, Я.И. 1980: О двуглавых конях в хакасском героическом сказании. В сб.: *Вопросы археологии Хакасии*. Абакан, 110—123.
 Суразаков, С.С. 1985: *Алтайский героический эпос*. Л.
 Таубе, Э. 1994: *Сказки и предания алтайских тувинцев*. М.
 Худяков, И.А. 1890: *Верхоянский сборник*. Якутск.

REFERENCES

- Abaev, V.I. 1979: *Istoriko-ehimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Ossetic Historical-Etymological Dictionary]. Vol. 2. Leningrad.
Ay Mirgen. 1959. Abakan.
Altayskie geroicheskie skazaniya [The Altai heroic legends]. 1983. Moscow.
Altyn-Aryg 1988: *Khakassskiy geroicheskii epos* [The Khakass heroic legends]. Moscow.
 Gemuev, I.N., Sagalaev, A.M., Solovyev, A.I. 1989: *Legendy i byli taezhnogo kraya* [Legends and true stories of the Taiga land]. Novosibirsk.
 Devlet, E.G., Devlet, M.A. 2005: *Mify v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva Rossii* [Myths in Stone. The Russian World of Rock Art]. Moscow.
 Devlet, M.A. 1982: *Petroglify na kochevoy trope* [Petroglyphs on a Nomad Trail]. Moscow.

- Khudyakov, I.A. 1890: *Verkhoyanskiy sbornik* [*Verkhoyansk Collection*]. Yakutsk.
- Kubarev, V.D. 1979: *Drevnie izvayaniya Altaya. Olennye kamni* [*Altai ancient sculptures. Deer stones*]. Novosibirsk.
- Kubarev, V.D., Tsevendorsh, D., Yacobson, E. 2005: *Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongol'skiy Altay)* [*Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur (the Mongolian Altay)*]. Novosibirsk.
- Lipce, R.S. 1984: *Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose* [*The images of batyr and his horse in the Turkic and Mongolian epic*]. Moscow.
- Maaday-Kara. *Altayskiy geroicheskiy epos* [*Maadai-Kara. The Altai heroic epic*]. 1987. Moscow.
- Maynogasheva, V.E. 1997: O khakasskom geroicheskom epose i alyptykh nymakhe «Ay-Khuuchin» [On the Khakass heroic epic and alyptykh nymakh *Ai Khuuchin*]. In: *Hakasskiy geroicheskiy epos «Ay Huuchin»* [*The Khakass heroic epic Ai Khuuchin*]. Novosibirsk, 40–44.
- Mify, *predaniya, skazki khantov i mansi* [*Myths, legends and fairy-tales of the Khanty and Mansi*]. 1990. Moscow.
- Nikolaev, R.V. 1985: *Fol'klor i voprosy etnicheskoy istorii ketov* [*The folklore and issues of ethnic history of the Kets*]. Krasnoyarsk.
- Nikolaev, R.V. 1987: Solnechnyy kon'. K voprosu o kul'te konya u narodov Evrazii [Solar horse. On the horse cult of Eurasian peoples]. In: *Skifo-sibirskiy mir* [*Scythian Siberian world*]. Novosibirsk, 150–159.
- Okladnikov, A.P. 1964: *Olen' zolotye roga. Rasskazy ob okhote za naskal'nymi risunkami* [*Deer with gold horns. Stories about hunting by rock paintings*]. Moscow—Leningrad.
- Okladnikov, A.P. 1980: *Petroglify Central'noy Azii. Khobd-Somon (Gora Tehbsh)* [*The petroglyphs of Central Asia. Hobd-Somon (The Mount Tehbsh)*]. Leningrad.
- Propp, V.Ya. 1986: *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [*Historic roots of fairytale*]. Leningrad.
- Taube, E. 1994: *Skazki i predaniya altayskih tuvincev* [*Fairy-tales and legends of the Altai Tuvinians*]. Moscow.
- Sunchugashev, Ya.I. 1980: O dvuglavykh konyakh v khakasskom geroicheskom skazanii [On two-headed horses from the Khakass heroic epic]. In: *Voprosy arkhologii Hakasii* [*The issues of the Archaeology of Khakassia*]. Abakan, 110–123.
- Surazakov, S.S. 1985: *Altayskiy geroicheskiy epos* [*The Altai heroic epic*]. Leningrad.

FOLKLORE TEXT FOR INTERPRETING THE MEANING OF ZOOMORPHIC ROCK IMAGES WITH “MULTIPLIED” BODY PARTS

Ekaterina G. Devlet, Marianna A. Devlet

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
eketek@yandex.ru; ia-ran@yandex.ru

Abstract. Images of animals with radiant discs on their heads or with exaggerated horns, or horns of fantastic outlines stand out as a specific group among the rock images of the Bronze and the Early Iron Age in the Sayan-Altai and Central Asia. Animals with multiplied parts of their body (many-eared, many-legged, many-horned, etc.) are also a common subject in the rock art.

Really existing species of animals and stylized conventional symbols (the signs of the day heavenly body) merge in a single syncretic image. There are images of animals with horns of the most bizarre outlines, which have no prototypes in real life. Some of them resemble a ladder – the semantic equivalent of a shamanic world tree, the ladder by which the shaman, according to

the beliefs of the Siberian aborigines, could rise to the upper world. The pictures of animals with fantastic features are known to include those forming images by multiplying individual parts of the body. These are many-horned, many-eared, etc. zoomorphic creatures. Similar surreal images are also found in the folklore of the indigenous peoples of North and Central Asia. These are the chthonic creatures of the lower world or the magical characters that personify the light heavenly powers. Numerous mythological stories tell about the transformation of heroes and their animal assistants into many-winged, many-horned, many-legged characters that have extraordinary incredible strength, speed, and the ability to overcome the boundaries of the universe. Rock images is a petrified folklore; petroglyphs have numerous parallels in metal items, especially in the art of the Scythian-Siberian animal style, which often employed the images of fantastic animals, including those with hypertrophied horns, ears, etc.

Keywords: Sayan-Altai, Central Asia, rock art, epic, petroglyphs

О ЦАРСКОМ КУЛЬТЕ В ПАРФИИ (на примере булл из раскопок Гебеклы-депе)

В.А. Гаибов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
gaibov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается группа оттисков печатей – булл, – обнаруженных при раскопках центрального здания пограничной крепости парфянского времени Гебеклы-депе на северо-западной окраине Мервского оазиса (античной Маргианы). Буллы были найдены между промазками полов обводных коридоров, служивших складскими помещениями, где вскрывались товары и грузы, прибывавшие в крепость из столичного центра сатрапии – Александрии/Антиохии Маргианской. Особое внимание привлекает представительная группа булл с сюжетами «идеологической» направленности, суть которой заключалась в прославлении (и обожествлении) царя и царской власти. Наиболее показательными с рассматриваемой точки зрения являются буллы с изображением царя-всадника перед алтарем огня с орлом за спиной, держащим в клюве ленту-диадему; сидящего на троне царя с Никой, вручающей ему диадему; битвы царя-всадника с пехотинцем. Однако наиболее показательным примером прославления (и обожествления) царской власти является небольшая (4 экз.) группа булл с изображением сцены инвеституры богиней Тюхе царя перед алтарем (огня?). Наличие надписей за спинами персонажей подтверждает высокий статус чиновника – владельца данной печати.

Ключевые слова: Парфия, Маргиана, Гебеклы-депе, оттиски печатей, буллы, царский культ

На протяжении двух десятилетий – с 1981 по 2001 гг. – Среднеазиатская экспедиция ИА РАН под руководством Г.А. Кошеленко осуществляла раскопки городища Гебеклы-депе в Каракумском этрапе Марыйского ваялата Туркменистана¹. Памятник, впервые зафиксированный в ходе разведочных маршрутов ЮТАКЭ, был интерпретирован как небольшой город раннепарфянского времени², однако масштабные работы, проведенные Среднеазиатской экспедицией, позволили уточнить характер и историю памятника. Первое поселение возникло здесь, очевидно, на позднем этапе раннего железного века, но основное время жизни памятника приходится на парфянский и раннесасанидский периоды.

Гаибов Вассиф Абидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

¹ Кошеленко, Никитин 1991, 108–121; Новиков, Новикова, Кошеленко 1994, 69–76; Гаибов, Кошеленко 2007, 360–374.

² Пугаченкова 1958, 44–45.

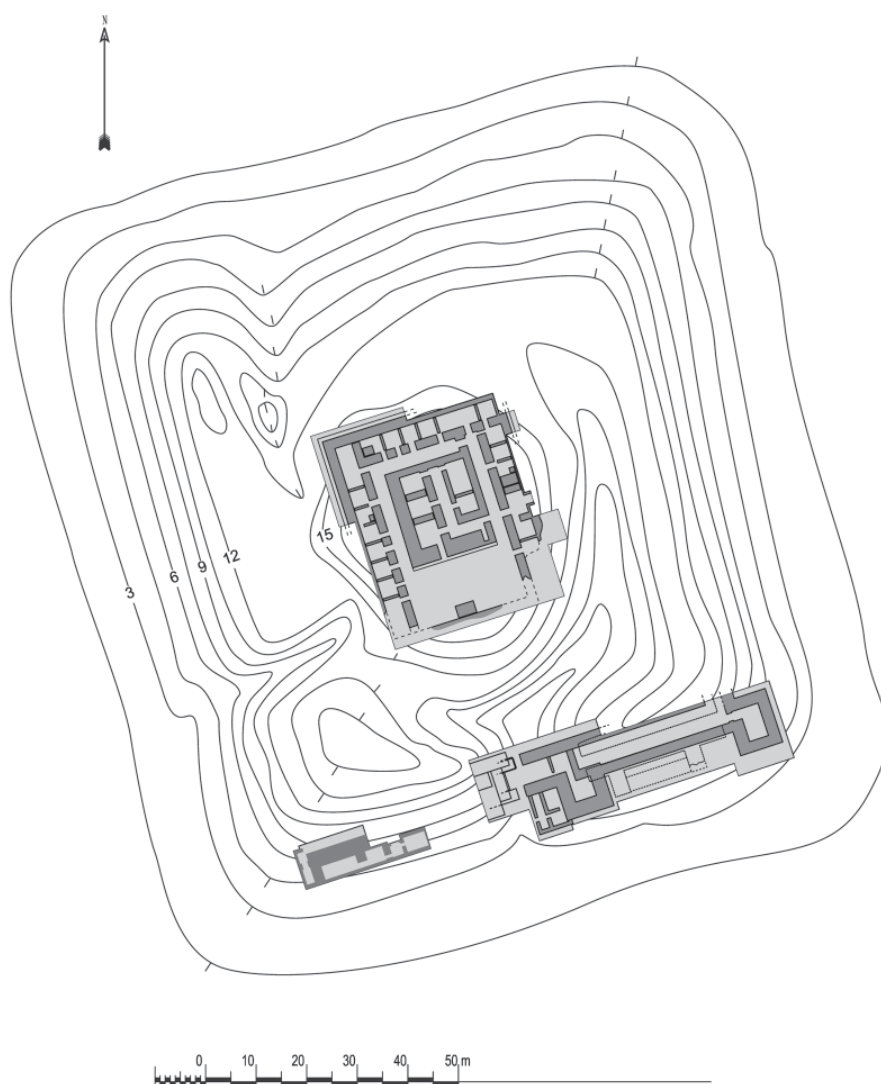

Рис. 1. Гебеклы-депе. Генеральный план

В это время он представлял собой небольшую (100 x 100 м) крепость, расположенную на границе оазиса и песков. Внутри периметра стен, на холме, было возведено прямоугольное в плане здание размерами 45 x 37,5 м (рис. 1), являвшееся, очевидно, резиденцией командира гарнизона данной крепости. При этом центральный комплекс, состоявший из пяти жилых комнат, был окружен системой двойных обводных коридоров, окружавших его с трех сторон. С четвертой, южной стороны, располагался единственный вход в здание с обширным двором (айваном) перед ним (рис.2). Обводные коридоры, разделенные позднее на от-

дельные помещения-отсеки, служили для проживания обслуживающего персонала³ и, главным образом, в качестве складских помещений для поступавших в крепость товаров и грузов. Именно в этих коридорах было обнаружено свыше 3000 экземпляров глиняных объектов с оттисками печатей – булл (цифра весьма приблизительная). Большинство из них дошли до нас во фрагментированном виде, поскольку буллы опечатывали различные контейнеры с грузами (кувшины, короба, тюки и т.п.) и при вскрытии их разламывали, зачастую непосредственно по изображению. Коллекция булл из Гебеклы-депе является на сегодняшний день крупнейшей среди аналогичных находок в центральноазиатском регионе, датируемых парфянским временем. Отдельным сюжетам и сюжетным группам, представленным на данных оттисках печатей, был посвящен ряд публикаций⁴.

Проведенный (далеко не полный) иконографический анализ части коллекции булл Гебеклы-депе выявил разнообразие сюжетов. Довольно большое количество булл было оттиснуто печатями с геометрическим орнаментом, восходящим к традициям сфрагистики эпохи бронзы Мервского оазиса⁵. В меньшей мере, но в рамках этой традиции, фигурируют и оттиски с изображением «сцен терзания» и борьбы человека с животным, относящиеся к обширной группе антропоморфных и зооморфных сюжетов гебеклинских булл. При этом оттиски печатей с изображениями животных отличаются значительным разнообразием. Наряду с реальными (конь, олень, лев, антилопа, заяц, орел и проч.), в ней представлены и фантастические существа (Пегас, грифон, гиппокамп).

Наибольший исследовательский интерес вызывает в настоящее время довольно представительная группа булл с сюжетами «идеологической» направленности, суть которой заключается в прославлении (и обожествлении) царя и царской власти. Речь идет о буллах, которые, думается, отражают идею обожествления представителей династии Аршакидов, и, таким образом, являются важным элементом в идеологической доктрине Парфянской династии, стремившейся с определенного момента своей истории подчеркнуть, что власть царей находится под божественной защитой (Amm. Marcell. XXIII, 6, 4sq.). Печати этой группы, отличающиеся зачастую от остальных как качеством изображения, так и формой и размерами, принадлежали, очевидно, царским чиновникам-магистратам и несли изображения, отражающие официальную идеологию. При этом «сценография», призванная донести эту идею, была самая разнообразная. Идея обожествления царской власти находит свое выражение и в сценах увенчания царя богиней (Тюхе), и в сценах царской охоты (в присутствии богини Ники), и в сцене инаугурации царя все той же богиней Тюхе.

Наиболее ярко эта идея отражена, на наш взгляд, в булле⁶ (рис. 3) – оттиске большой печати, на которой изображен царь-всадник перед алтарем огня с паря-

³ Солдаты гарнизона размещались, по всей видимости, во внутривенных коридорах крепостных стен, также разделенных на определенном этапе на небольшие помещения.

⁴ Кошеленко, Бадер, Гаилов 1991, 5–18; Bader, Gaibov, Koshelenko 1991, 61–78; Кошеленко, Гаилов 1995, 194–203; Koshelenko 1997, 377–383; Gaibov 1997, 385–394; Bader, Gaibov, Koshelenko 1998, 24–37; Гаилов, Кошеленко 2001, 71–78; Гаилов 2004, 69–74; Кошеленко 2004, 144–146; Гаилов 2005, 37–45; Кошеленко 2005, 45–56; Gaibov 2007, 285–294; Гаилов 2008, 118–121; Gaibov, Koshelenko 2008, 99–107; Gaibov 2011, 303–308.

⁵ Gaibov 1997, 385–394.

⁶ Гаилов 2004, 69–74.

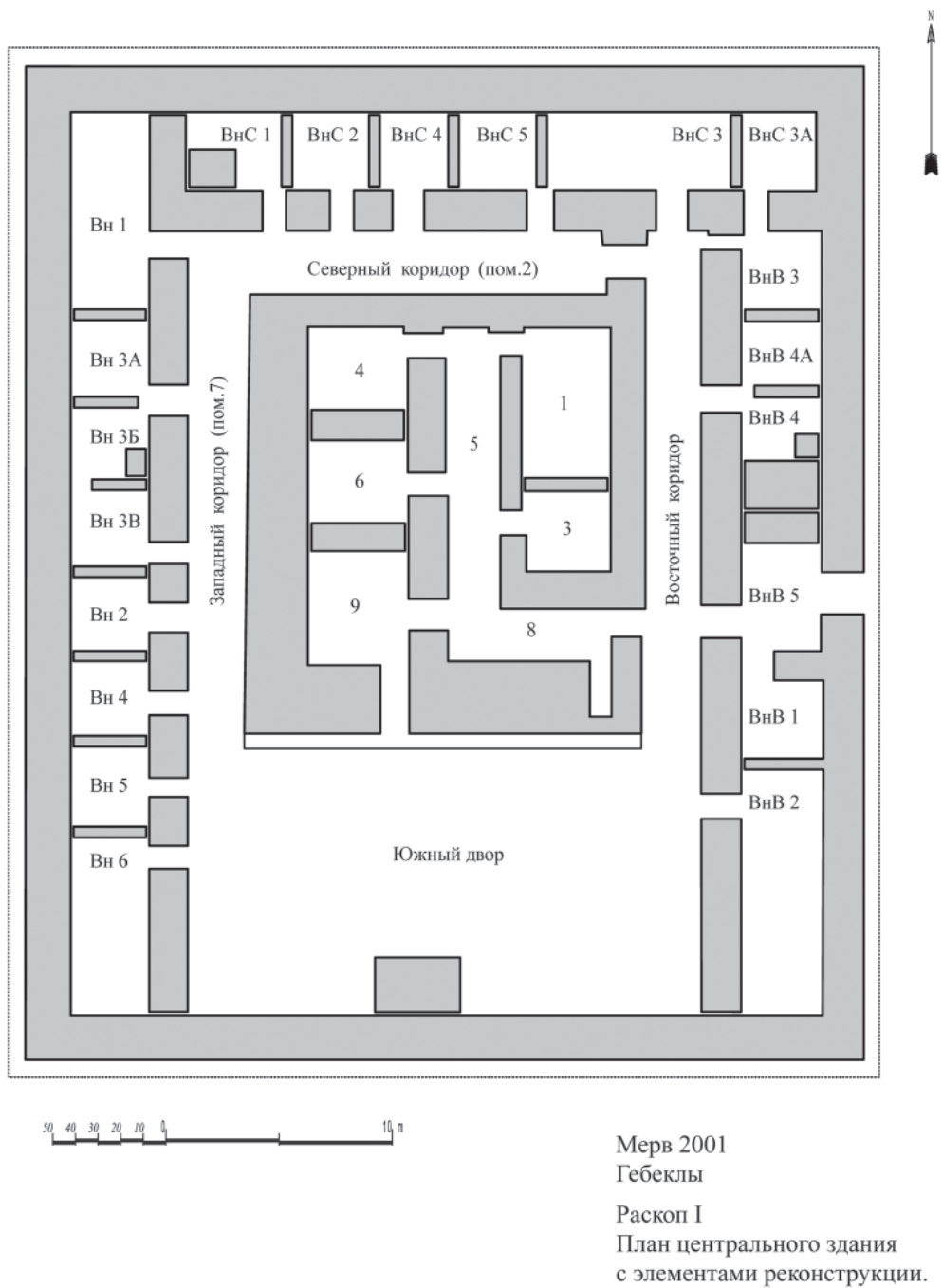

Рис. 2. Гебеклы-депе. План центрального здания (с элементами реконструкции А. Наумова)

Рис. 3. Булла с изображением царя-всадника перед алтарем огня

щей за его спиной птицей (орел?) с развевающимися в клюве лентами. Уникальность его, помимо размеров ($\approx 5 \times 5$ см), заключается в том, что в данной композиции собраны, едва ли не в единственном экземпляре, три отдельных элемента: царь-всадник, птица за спиной царя, царь у алтаря. Все эти элементы в отдельности представлены в парфянском официальном искусстве, но, насколько мне известно, нет ни одного примера, когда они собраны в единой композиции. В поднятой руке всадник держит предмет, очень похожий на сложенную вдвое плетъ. Все эти элементы, вкуче с хорошо заметной гривной на шее персонажа, не оставляют сомнений в царском достоинстве всадника. Во-первых, алтарь, над которым возносится пламя, вызывает прямую ассоциацию с негасимым династийным огнем Аршаки-

дов в Асааке в Астауэне, возжженном в честь Арсака, провозглашенного здесь царем (Isid. Mans. Parth. 11). Во-вторых, «царственная птица» несет в клюве ленту-диадему – атрибут царской власти. В-третьих, плетъ в руке всадника также является символом царской власти у скифских народов, наряду со скипетром либо копьем (см. Herod. IV.1.3-4). Таким образом, сюжет, представленный на оттиске, является ярким проявлением официальной идеологии прославления царской власти, в данном случае, видимо, местной династии – одной из ветвей рода Аршакидов. Наличие сразу нескольких атрибутов царского достоинства персонажа не оставляет сомнений в такой трактовке.

Несколько упрощенным вариантом изображения царя-всадника является группа булл, не столь репрезентативная, но не менее важная, где за спиной царя парит орел с развевающейся лентой. Так, на одной из них (№ 89–32) (рис. 4) мы видим всадника с парящей за его спиной птицей. Плохое качество глины, на которой оттиснута печать, не позволяет разглядеть все детали, однако наличие диадемы в клюве птицы представляется почти несомненным. Кроме того, в силу фрагментарности оттиска нет возможности говорить о завершенной композиции. В случае, если на несохранившейся части оттиска присутствовал алтарь, данная булла может быть отнесена к описанному выше оттиску печати. К этой категории можно отнести и две буллы, найденные в 1993 и 1995 гг.

С определенной степенью вероятности к рассматриваемой категории можно отнести и группу из трех булл с оттиском, сделанным, возможно, одной печатью, со сценой боя, в котором всадник стремится длинным копьем поразить противостоящего ему пехотинца, вооруженного, по всей видимости, мечом⁷ (рис. 5). К сожалению, очень плохое качество глины, на которой были оттиснуты изображения,

⁷ Gaibov, Košelenko 2008, 99–107.

Рис. 4. Булла с изображением царя-всадника с орлом за спиной

Рис. 5. Сцена с изображением битвы всадника с пехотинцем

а также фрагментарность булл затрудняют восприятие сцены, однако составленная на основе всех трех экземпляров реконструкция дает возможность восстановить всю сцену (рис. 6). В связи с интерпретацией конного персонажа именно как царя, а не абстрактного всадника, уместно вспомнить, что в Парфии, как и во всем эллинистическом и постэллинистическом мире, царь доказывал свое право на власть военными победами. Из источников нам известно, что многие парфянские цари лично возглавляли свое войско в бою, а некоторые из них (например, Фраат II и Артабан I) погибли на поле боя (Iust., 42.1.5, 42.2.2). Косвенным свидетельством такого участия в бою является наличие термина *nikatōr* в титулатуре парфянских царей, представленного на многочисленных выпусках их монет⁸. Кроме того, интерпретация всадника как царствующей особы на изучаемом оттиске подтверждается наличием тиары с повязанной поверх нее диадемой, что являлось одним из важнейших признаков царской власти Аршакидов.

Еще один сюжет, обнаруженный на гебеклинских буллах, который следует отнести к данной категории, представлен на оттиске печати с изображением царской охоты (рис. 7). Однако первое такое изображение, абсолютно идентичное представленному на данной булле, было обнаружено на Гебеклы-депе в 1982 году, еще за несколько лет до находки первых булл (рис. 8). Это был фрагмент кувшина с нанесенным на него оттиском, на котором изображена фигура всадника с натянутым луком в руках, преследующего рогатое животное, по всей видимости, антилопу. Позади всадника парит крылатая богиня Ника с венком в руках. При этом руки богини с венком опущены вниз, к крупу коня, а не подняты над головой центрально-

⁸ Sellwood 1980, 87, type 33; Vardanyan 2001, 63, no. 5.7.9.11; 69, no. 8; 70, no. 5; 71, no. 5; 74, no. 5–7.9)

Рис. 6. Сцена с изображением битвы всадника с пехотинцем (реконструкция А. Наумова)

Рис. 7. Булла с изображением царской охоты (прорисовка А. Наумова)

го персонажа, что, очевидно, связано с ограниченностью пространства в поле печати, не позволившем резчику правильно построить композицию. О том, что в представленном персонаже мы имеем дело именно с царем (или местным правителем) говорит целый ряд признаков. Во-первых, присутствие в сцене богини Ники. Во-вторых, о том же, очевидно, должны свидетельствовать и кисти-тассели, свисающие по бокам коня, прикрепленные к седлу или чепраку. Подобные элементы конского убора, получившие довольно широкое распространение в сасанидский период, хотя и крайне редко, но присутствуют на произведениях искусства парфянского времени. Достаточно привести в пример изображение царя-всадника на рельефе из Хунг-и Аждар (Хунг-и Наврузи)⁹, или рельеф в Фирузабаде с изображением сцены победы Ардашира I над последним парфянским царем Артабаном IV (V)¹⁰. И хотя последний пример по формальным обстоятельствам относится к раннесасанидскому времени, указанными тасселями украшены кони не только сасанидских принцев и царя, но и конь Артабана. Наконец, общеизвестно, что охота, также, как и война, являлись одним из важнейших проявлений царственной деятельности у иранских народов с глубокой древности. Об огромной роли охоты в жизни персов свидетельствуют как нарративные источники, так и многочисленные произведения искусства, представленные в каменных рельефах, торевтике, терракоте и др.

На булле, обнаруженной на Гебеклы-депе спустя несколько лет после находки штампа на стенке сосуда, изображена аналогичная сцена, но ма-

⁹ Vanden Berghe 1963, 155–168 pl. 53–55; Colledge 1977, 92 pl. 17; Литвинский 2002, 197.

¹⁰ Herrmann 1969, 71 pl. I/B; Gall, von, 1990, 20–30. Abb. 3. Taf. VIII; Литвинский 2002, 197.

Рис. 8. Штамп на керамике с изображением царской охоты (прорисовка А. Наумова)

стерство резчика оставляет желать много и много лучшего. Попытка вписать в поле печати всех участников сцены далась мастеру труднее, чем резчику печати, оттиснутой на кувшине. Особенно заметно это проявляется в фигуре Ники, которая буквально повисла на крупе коня, а венок, который и в первом случае находился не над головой царя, а где-то в районе крупа, вообще опирается на хвост коня. Антилопа уже никуда не убегает, а просто стоит столбиком, да и конь находится далеко не в «летающем галопе». Однако все перечисленные художественные недостатки ни в коей мере не умаляют важности самого сюжета со сценой царской охоты как важного элемента в прославлении царя и царской династии.

На одной из фрагментированных булл гебеклинской коллекции (№ 89-348) представлена мужская фигура, восседающая на троне с вытянутой правой рукой, на которой стоит женская фигурка, очевидно, изображающая богиню Нику, в свою очередь, протягивающую сидящему гирлянду или кольцо (рис. 9). К сожалению,

Рис. 9. Булла с изображением царя с Никой

Рис. 10. Тетрадрахма Орода II

Рис. 11. Тетрадрахма Фраата IV

и в данном случае оттиск получился некачественным, однако, поскольку сходный сюжет присутствует на нескольких сериях тетрадрахм двух правивших один за другим парфянских царей – Орода II (рис. 10) и Фраата IV (рис. 11)¹¹, можно достаточно уверенно говорить о том, что здесь мы имеем дело с изображением царя, держащего на вытянутой руке богиню Нику. Наличие в композиции гирлянды, перевитой лентами, явно ассоциируется с «кольцом власти», широко представленным на памятниках искусства позднепарфянского и раннесасанидского времени в сценах инвеституры, когда божество передает его царю или правитель вручает вассалу¹². Можно предположить, что прототипом этого «кольца власти» была диадема, являвшаяся типичным символом власти в эллинистическом мире.

Особого внимания в рамках рассматриваемой категории булл заслуживает, несомненно, группа из четырех фрагментированных оттисков печатей (или, вероятно, одной печати) квадратной формы, на которых представлены мужские и женские фигуры, расположенные по обе стороны алтаря (огня?).

Данная группа булл была обнаружена на полу южного двора (или айвана), также, как и первая из рассмотренных в статье булл, вне места нахождения основной массы булл, вскрытых в промазках между полами обводных коридоров центрального комплекса (рис. 12). Мужской персонаж, расположенный справа (по

¹¹ Sellwood 1980, 152, type 48, 1–5; 174, type 54, 1–6.

¹² Kawami 1987, 45–51.

отношению к зрителю) от алтаря, облачен в типичный парфянский костюм, состоящий из куртки и шаровар. О высоком (царском?) статусе его свидетельствует (хотя и с трудом различимая) диадема, охватывающая характерную прическу в виде буклей. В левой, согнутой в локте руке он держит некий предмет, а правая опущена к верхней площадке алтаря, в центре которого поднимается столб огня (или возвышается пальмовая ветвь?). По другую сторону от жертвенника расположена женская фигура в длинном облегающем фигуру платье. Правая рука ее также согнута в локте, левая рука, ввиду плохой сохранности всех четырех оттисков, не прослеживается.

Особое значение данной группе булл придает, помимо неординарного и весьма красноречивого сюжета, наличие надписей, расположенных вертикально за спинами персонажей. Учитывая то обстоятельство, что даже среди частично изученной коллекции, буллы с надписями исчисляются единицами, наличие экземпляров, содержащих текст, привлекает особое внимание. Долгое время эти надписи оставались непрочитанными, и лишь буквально недавно А.Б. Никитин предложил свое прочтение¹³, поэтому здесь можно ограничиться кратким описанием их содержания. При этом следует сразу оговориться, что, как и большинство гебеклинских булл, данная группа с надписями также в той или иной степени повреждена при вскрытии контейнеров, которые они печатавали. Поэтому прочтение надписей, сделанных парфянским письмом, носит предположительный характер и восстанавливается путем сопоставления и сравнения отдельных элементов на всех четырех буллах¹⁴.

Надпись за спиной мужского персонажа читается как hw[twy]¹⁵ – xwadau – «господин», «владелец», а надпись слева, за спиной женского персонажа, – как имя собственное: 'trwn – Ādurān, Адуран, образованного от слова adur – «огонь»¹⁶. Как известно, на иранских печатях, парфянских и сасанидских, обычно содержится имя или имя и титул. Реже приводится только титул, но с указанием места (к примеру, «марзбан Мерва»). В нашем случае имеются две строчки, что может трактоваться, как имя и титул. Таким образом, можно предположить, что надпись не связана со сценой, представленной на оттиске. Она представляет собой имя и титул владельца печати, очевидно, чиновника весьма высокого ранга. Сам же сюжет может быть интерпретирован как сцена инвеституры богиней Тюхе (?) правителя, вероятно, представителя местной ветви династии Аршакидов (или сатрапа?). В этой сцене наиболее ярко и недвусмысленно отражена идея прославления царя и царской власти.

Анализ этой группы булл и имеющихся аналогий, представленных на печатях, в каменных рельефах, в глиптике и в живописи из различных частей иранского мира, начиная с ахеменидского и вплоть до сасанидского времени, позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что данная иконографическая схема,

¹³ Автором совместно с А.Б. Никитиным подготовлена к публикации статья, посвященная нескольким оттискам печатей, содержащих надписи.

¹⁴ Как уже отмечалось выше, оттиск на всех четырех экземплярах был сделан, очевидно, одной печатью.

¹⁵ См., например, Gignoux 1972, 24. Не исключено и прочтение этого слова как патронима hw[slwy] – Хусрав.

¹⁶ Gignoux 1972, 17.

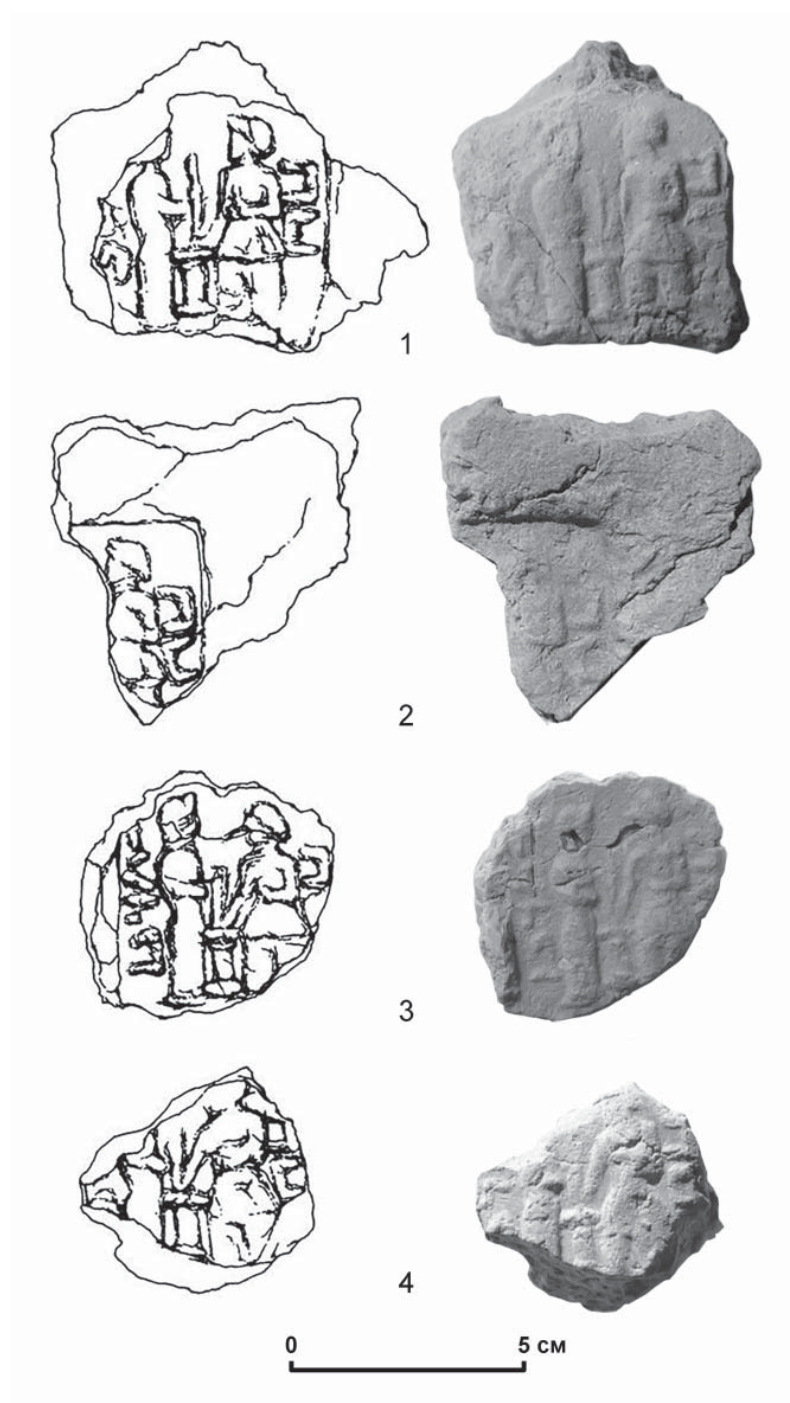

Рис. 12. Группа булл со сценой инвеституры (прорисовки А. Наумова)

отражающая идею получения инсигний власти правителем непосредственно от божества, сложилась в мире ираноязычных народов с самого начала самостоятельного существования иранского искусства и прошла большой путь развития и трансформации. Понятно, что в различные периоды и в различных художественных школах в нее вкладывалось не всегда одинаковое содержание и методы передачи ее могли различаться, но сама схема продолжала жить.

В ахеменидский период данная иконографическая схема была распространена как в монументальном искусстве, так и особенно широко в глиптике¹⁷. Она использовалась в течение всего ахеменидского периода, при этом печати производились как в «столичных» мастерских, так и в местных. В последнем случае они были невысокого художественного уровня.

Использование этой иконографической схемы в парфянское время стало еще более широким. В монументальном искусстве она зафиксирована в настенной живописи и в рельефах.

Примеры использования данного сюжета в живописи дают нам Дура-Европос¹⁸ и Пальмира¹⁹. В условиях полисной среды сюжет приобретает более демократический характер, что выражается в замене прежней пары персонажей (божество – царь) на новых, как правило, более многочисленных (жрецы, военачальники, знатные граждане города).

Сцена жертвоприношения перед алтарем огня была чрезвычайно популярна в Иране парфянского времени (Элимаида, иранский Курдистан, Персида и др.)²⁰.

Видимо, влиянием парфянского наследия объясняется и характер изображения сцены инвеституры Ардашира I, основателя Сасанидского государства, представленного на огромном скальном рельефе близ Фирузабада. Здесь по обе стороны от алтаря огня изображены Ахура-Мазда и царь, которому верховный бог вручает символ власти – диадему. Позади Ардашира стоят четыре персонажа, изображенные в меньшем масштабе, чем божество и царь (очевидно, это свита и сыновья царя)²¹.

Рельеф в Фирузабаде – практический единственный известный образец этого вида искусства сасанидского времени, на котором изображен алтарь огня. Постепенно в сасанидском официальном искусстве эта схема если не исчезает окончательно, то подвергается весьма сильной трансформации: наряду с исчезновением алтаря меняется и облик основных персонажей – теперь и божество, и царь изображены в виде всадников. На одном из рельефов в Накш-и Рустаме тот же Ардашир I в той же сцене инвеституры изображен уже конным²². Однако и эта «модернизированная» иконографическая схема остается недолговечной. По наблюдению Р. Гиршмана, начиная с конца III в. н.э. «сцена конной инвеституры уже покинута в рельефных изображениях»²³. Сцена инвеституры царя Нарсе в Накш-и Рустаме

¹⁷ См. Moorey 1979, 218–226 figs. 2 b-d; 3 a,c,d. Автор считает этот сюжет типично иранским, не имеющим прототипов в искусстве Переднего Востока предшествующего периода.

¹⁸ См. Cumont 1926, 58–64. Tabs. XXXI–XLI; Кошеленко 1966, 184–186 рис. на с. 185; Colledge 1977, 119 pl. 48 sq.

¹⁹ См., например, Colledge 1976, 51 pl. 41.

²⁰ См. Colledge 1976, 92 pl. 18; Ghirshman 1976, 21–23, 26, 271. Colledge 1976, 99 pl. 31b.

²¹ Ghirshman 1962, 131 fig. 167.

²² Ghirshman 1962, 133, fig. 168.

²³ Ghirshman 1962, 176 fig. 218.

уже соответствует новой формуле: Нарсе получает инсигнии власти из рук Анахиты пешком и в отсутствии алтаря огня.

В то же время сцена со стоящим перед алтарем огня царем является самой распространенной на монетах Персиды селевкидского, парфянского и сасанидского времени²⁴, имеющих при этом поразительное сходство с упоминавшимися уже изображениями на печатях ахеменидского периода.

Возможно, последним «отблеском» этой иконографической схемы является присутствие на оборотной стороне сасанидских монет (самые основные типы) двух фигур по обе стороны от алтаря. Р. Гебль, первоначально с большой осторожностью определявший их как «attendants»²⁵, затем уточнял, что это могли быть жрецы²⁶, а далее указывал, что, начиная с монет Варахрана I, левая фигура является изображением царя, не исключая при этом, что обе фигуры иногда могут быть «удвоенным» изображением царя.

Подводя итоги проведенному анализу данной иконографической схемы, можно отметить несколько моментов.

Во-первых, следует признать очевидным, что сюжет: царь получает инсигнии власти от божества, находясь перед алтарем огня, – сформировался в иранском мире.

Во-вторых, в Маргиане эта идея еще в парфянное время продолжала существовать, так сказать, «в чистом виде», не претерпев особых иконографических и идеологических изменений по сравнению с ранними этапами ее существования. В этом можно видеть отличие от более западных регионов государства (Дура-Европос, Пальмира и др.), где (в условиях города) происходит некоторая «демократизация» сюжета, когда сцена трансформируется в обыкновенное жертвоприношение.

Данный сюжет вполне может быть отнесен к уже отмечавшейся нами ранее группе булл, отражающих официальную идеологию Аршакидской династии. Сама же печать с таким изображением принадлежала, как уже было сказано, кому-то из царских чиновников.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаилов, В.А. 2004: Маргианская булла с изображением царя-всадника. *ВДИ* 2, 69–74.
- Гаилов, В.А. 2005: Буллы сасанидского и парфянского времени на востоке Ирана: Ак-депе и Гебеклы-депе (попытка сравнения). *ПИФК* XV, 37–45.
- Гаилов, В.А. 2008: Образ царя в искусстве Маргианы парфянского времени. В сб.: *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. II. М., 118–121.
- Гаилов, В.А., Кошеленко, Г.А. 2001: Буллы из раскопок Гебеклы-депе (Туркменистан). *ВДИ* 2, 71–78.
- Гаилов, В.А., Кошеленко, Г.А. 2007: Крепость на границе Мервского оазиса: Гебеклы-депе. *Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал* 2, 360–374.
- Кошеленко, Г., Бадер, А., Гаилов, В. 1991: Парфянские буллы из раскопок Гебеклы-депе (Маргиана). *Информационный бюллетень МАИКЦА* 18, 5–18.
- Кошеленко, Г.А. 1966: *Культура Парфии*. М.

²⁴ Ghirshman 1962, 131; Naster 1970, 125–129 pl. V, 1–14.

²⁵ Göbl 1971, 5.

²⁶ Göbl 1971, 18.

- Кошеленко, Г.А. 2004: Булла с изображением двугорбого верблюда с городища Гебеклы. *РА* 3, 144–146.
- Кошеленко, Г.А. 2005: Буллы Старой Нисы и Гебеклы-депе: сопоставление. *ПИФК* XV, 45–56.
- Кошеленко, Г.А., Гаиров, В.А., Бадер, А.Н. 1995: Две богини? *ВДИ* 2, 194–203.
- Кошеленко, Г.А., Никитин, А.Б. 1991: Монетные находки и проблемы стратиграфии Гебеклы-депе. *Информационный бюллетень МАИКЦА* 18, 108–121.
- Литвинский, Б.А. 2002: Бактрийцы на охоте. *Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. I (XXVI)*, 181–213.
- Новиков, С.В., Новикова, О.Г., Кошеленко, Г.А. 1994: Слои эпохи Яз-III на Гебеклы-депе. *Вестник Московского университета* 8, 6, 69–76.
- Пугаченкова, Г.А. 1958: *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*. (Труды ЮТАКЭ. Т. VI). М.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1991: New Evidence on Parthian Sphragistics. Bullae from the Excavations of Göbekly-depe in Margiana. *Mesopotamia* XXV, 61–78.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1998: Monarchic Ideas in Parthian Margiana as shown on Seals. In: V.S. Curtis, R. Hillenbrand, J.M. Rogers (eds.), *The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. London–New-York, 24–37.
- Colledge, M.A.R. 1977: *Parthian Art*. London.
- Cumont, F. 1926: *Fouilles de Doura-Europos*. Paris.
- Gaibov, V. 1997: Bullae from Gebekly-depe (Margiana). Bronze Age Traditions in Parthian Sphragistics. In: M.-F. Boussac, A. Invernizzi (ed.), *Archives et sceaux du monde hellénistique* (BCH Supplement 29), 385–394.
- Gaibov, V. 2007: The Bullae of Gobekly-depe. In: *After Alexander. Central Asia before Islam. Proceedings of the British Academy* 133, 285–294.
- Gaibov, V. 2011: Tsarskaya okhota – novyy syuzhet v parfyanskoy sfragistike Margiany. In: A. Invernizzi (ed.), *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo*. Firenze, 303–308.
- Gaibov, V.A., Koşelenko, G.A. 2008: A horseman chairing a foot-soldier: a new subject in Parthian glyptic art. *PARTHICA. Incontri di Culture nel Mondo Antico* 10, 99–107.
- Gall, H., von. 1990: *Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit*. Berlin.
- Ghirshman, R. 1962: *Iran. Parthes et Sassanides*. Paris.
- Ghirshman, R. 1976: *Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman*. I. Paris.
- Gignoux, Ph. 1972: *Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes* (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Supplementary Series. Vol. I). London.
- Göbl, R. 1971: *Sasanian Numismatics*. Braunschweig.
- Herrmann, G. 1969: The Dārābgird Relief – Ardashīr or Shāhpūr? A Discussion in the Context of Early Sasanian Sculpture. *Iran* VII, 71, 63–88.
- Kawami, T. 1987: Monumental Art of the Parthian Period in Iran. *Acta Iranica* 26, 45–51.
- Koshelenko, G. 1997: Bullae from Göbekly-depe. General Problems and Main Subjects. In: *Archives et sceaux du monde hellénistique* (BCH Supplement 29), 377–383.
- Moorey, P.R.S. 1979: Aspects of Worship and Ritual on Achaemenid Seals. In: *Akten des VII. Internationalen Kongresses für iranische Kunst und Archäologie. München, 7-10 September 1976*. Berlin, 218–226.
- Naster, P. 1970: Fire-altar or fire-tower on the coins of Persis? *Orientalia Lovaniensia periodica* I, 125–129.
- Sellwood, D. 1980: *An Introduction to the Coinage of Parthia*. London.
- Vanden Berghе, L. 1963: Le relief parthe de Hung-i Naurūzī. *Iranica Antiqua* III/2, 155–168.
- Vardanyan, R. 2001: Tendenze culturali e ideologiche nell'impero partico riflesse dalla monetazione. *PARTHICA. Incontri di Culture nel Mondo Antico* 3, 25–132.

REFERENCES

- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1991: New Evidence on Parthian Sphragistics. Bullae from the Excavations of Göbekly-depe in Margiana. *Mesopotamia* XXV, 61–78.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1998: Monarchic Ideas in Parthian Margiana as shown on Seals. In: V.S. Curtis, R. Hillenbrand, J.M. Rogers (eds.), *The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. London–New-York, 24–37.
- Colledge, M.A.R. 1977: *Parthian Art*. London.
- Cumont, F. 1926: *Fouilles de Doura-Europos*. Paris.
- Gaibov, V. 1997: Bullae from Gebekly-depe (Margiana). Bronze Age Traditions in Parthian Sphragistics. In: M.-F. Boussac, A. Invernizzi (ed.), *Archives et sceaux du monde hellénistique* (BCH Supplement 29), 385–394.
- Gaibov, V.A. 2004: Margianskaya bulla s izobrazheniem tsarya-vsadnika [Bulla from Margiana with the portrait of a mounted King]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 69–74.
- Gaibov, V.A. 2005: Bully sasanidskogo i parfyanskogo vremeni na vostokey Irana: Ak-depe i Gebekly-depe (popytka sravneniya) [Bullae of Sasanian and Parthian time in the East of Iran: Ak-depe and Göbekly-depe (attempted comparison)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XV, 37–45.
- Gaibov, V. 2007: The Bullae of Gobekly-depe. In: *After Alexander. Central Asia before Islam. Proceedings of the British Academy* 133, 285–294.
- Gaibov, V.A. 2008: Obraz tsarya v iskusstve Margiany parfyanskogo vremeni [The image of King in the art of Margiana of Parthian time]. In: *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkhéologicheskogo s'ezda v Suzdale* [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. II. Moscow, 118–121.
- Gaibov, V. 2011: Tsarskaya okhota – novyy syuzhet v parfyanskoy sfragistike Margiany [King's hunt – a new plot in the Parthian sphragistics of Margiana]. In: A. Invernizzi (ed.), *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo*. Firenze, 303–308.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2001: Bully iz raskopok Gebekly-depe (Turkmenistan) [Bullae from the excavations at Göbekly-depe (Turkmenistan)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 71–78.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2007: Krepost' na granitse Mervskogo oazisa: Gebekly-Depe [The fortress on the border of the Merv Oasis: Göbekly-depe]. *Antiquitas aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal* [Antiquitas aeterna. Povolzhsky journal of classical studies] 2, 360–374.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A. 2008: A horseman chairing a foot-soldier: a new subject in Parthian glyptic art. *PARTHICA. Incontri di Culture nel Mondo Antico* 10, 99–107.
- Gall, H., von. 1990: *Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit*. Berlin.
- Ghirshman, R. 1962: *Iran. Parthes et Sassanides*. Paris.
- Ghirshman, R. 1976: *Terrasses sacrées de Bard-é Néchandeh et Masjid-i Solaiman*. I. Paris.
- Gignoux, Ph. 1972: *Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes*. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Supplementary Series. Vol. I). London.
- Göbl, R. 1971: *Sasanian Numismatics*. Braunschweig.
- Herrmann, G. 1969: The Dārābgird Relief – Ardashīr or Shāhpūr? A Discussion in the Context of Early Sasanian Sculpture. *Iran* VII, 71, 63–88.
- Kawami, T. 1987: Monumental Art of the Parthian Period in Iran. *Acta Iranica* 26, 45–51.
- Koshelenko, G. 1997: Bullae from Göbekly-depe. General Problems and Main Subjects. In: *Archives et sceaux du monde hellénistique* (BCH Supplement 29), 377–383.

- Koshelenko, G., Bader, A., Gaibov, V. 1991: Parfyanskije bulli iz raskopok Gebekly-depe (Margiana) [Parthian bullae from the excavations of Göbekly-depe (Margiana)]. *Informatsionnyy byulleten' MAIKTSA* [Information Bulletin of the International Association for the Study of Cultures of Central Asia] 18, 5–18.
- Koshelenko, G.A. 1966: *Kul'tura Parfii* [Culture of Parthia]. Moscow.
- Koshelenko, G.A. 2004: Bulla s izobrazheniem dvugorbogo verblyuda s gorodishcha Gebekly [Bulla with the image of a two-humped camel from the ancient settlement of Göbekly]. *Rossiyskay arkheologiya* [Russian archaeology] 3, 144–146.
- Koshelenko, G.A. 2005: Bully Staroy Nisy i Gebekly-depe: sopostavlenie [Bullae from Old Nisa and Göbekly-depe: a comparison]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XV, 45–56.
- Koshelenko, G.A., Gaibov, V.A., Bader, A.N. 1995: Dve bogini? [Two goddesses?]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 194–203.
- Koshelenko, G.A., Nikitin, A.B. 1991: Monetnye nakhodki i problemy stratigrafii Gebekly-depe [Coin finds and the problems of stratigraphy of Göbekly-depe]. *Informatsionnyy byulleten' MAIKTSA* [Information Bulletin of the International Association for the Study of Cultures of Central Asia] 18, 108–121.
- Litvinskiy, B.A. 2002: Baktriysy na okhote [The Bactrians on the hunt]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya* [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. New series] T. I (XXVI), 181–213.
- Moorey, P.R.S. 1979: Aspects of Worship and Ritual on Achaemenid Seals. In: *Akten des VII. Internationalen Kongresses für iranische Kunst und Archäologie. München 7.-10. September 1976*. Berlin, 218–226.
- Naster, P. 1970: Fire-altar or fire-tower on the coins of Persis? *Orientalia Lovaniensia periodica* I, 125–129.
- Novikov, S.V., Novikova, O.G., Koshelenko, G.A. 1994: Sloi epokhi YAz- III na Gebekly-depe [Layers of the Yaz-III epoch on Göbekly-depe]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University] 8, 6, 69–76.
- Pugachenkova, G.A. 1958: Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma [Ways of development of architecture of the Southern Turkmenistan during slaveholding and feudalism]. In: *Trudy YUTAKE* [Works of the South Turkmenistan Archaeological Complex Mission] T. VI. Moscow.
- Sellwood, D. 1980: *An Introduction to the Coinage of Parthia*. London.
- Vanden Berghe, L. 1963: Le relief parthe de Hung-i Naurūzī. *Iranica Antiqua* III/2, 155–168.
- Vardanyan, R. 2001: Tendenze culturali e ideologiche nell'impero partico riflesse dalla monetazione. *PARTHICA. Incontri di Culture nel Mondo Antico* 3, 25–132.

KING'S CULT IN PARTHIA (BULLAE FROM EXCAVATIONS AT GÖBEKLY-DEPE)

Vasif A. Gaibov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
gaibov@mail.ru

Abstract. The article deals with a group of impressions from seals (bullae) found during the excavation of the central building in the border fortress of the Parthian epoch, Gebekly-depe, located on the northwestern outskirts of the Merv oasis (the ancient Margiana). Bullae were found between pro-dabs of floors of the bypass corridors serving as warehouses where the

goods and freights were opened, arriving to fortress from the capital of the satrapy, Alexandria/Antiochia of Margiana. The special attention is drawn by a representative group of bullae with subjects of “ideological” orientation which essence consisted in glorification (and deification) of the king and the royal power. The most indicative artifacts are the bullae with the image of the king-rider in front of the fire altar with the eagle behind the back holding a belt/diadem in his beak; the king sitting on a throne with Nike entrusting him with a diadem; the battle of the king-rider with an infantryman. However the most indicative example of glorification (and deification) of the king power is a small group (of four specimens) of bullae depicting the scene of investiture of the king in front of the (fire?) altar by the goddess Tyhe. The inscriptions behind the backs of characters confirm the high status of an official who was the owner of this seal.

Keywords: Parthia, Margiana, Göbekly-depe, bullae, king's cult

ГИПСОВАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ БАШЕННОГО СООРУЖЕНИЯ СТАРОЙ НИСЫ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

В.Н. Пилипко

Институт археологии РАН, Москва, Россия
pilipko2002@mail.ru

Аннотация. Городище Старая Ниса, расположенное в Южном Туркменистане в ближайших окрестностях города Ашхабада, относится к числу важнейших археологических памятников парфянской эпохи. На одном из этапов своего функционирования эта крепость, вероятно, была превращена в сакральный центр, связанный с почитанием представителей правящей династии Аршакидов. Для этих целей в центре городища был выстроен крупный архитектурный ансамбль, предназначенный для торжественного отправления связанных с этим церемоний. Среди сооружений данного ансамбля выделяется «Башенное сооружение», надо полагать, относящееся к числу наиболее важных храмов. Время и люди превратили его в руины, но археологические исследования все-таки позволили выявить некоторые артефакты, дающие представление о его былом убранстве. Они обнаружены в очень плачевном состоянии, но в настоящее время это практически единственные свидетельства, позволяющие составить суждение о местной культуре того времени.

Данная заметка представляет собой предварительное сообщение об очень редкой для Нисы находке – небольших антропоморфных изваяниях, изготовленных из гипса. В каком-то, точно нам неизвестном качестве (объекты почитания, votivные подношения), эти гипсовые изваяния находились в каком-то помещении (помещениях?) второго этажа Башенного сооружения. Но после одного из капитальных ремонтов (очень осторожно можно предполагать, что ремонт был связан с необходимостью ликвидации последствий сильного землетрясения, тектонические явления нередки в этих местах) хрупкие пустотелые гипсовые статуи пострадали. После этого их разрозненные остатки были складированы на одном из прилегающих к Башенному сооружению дворов. Предварительное изучение показало, что в здании находилось не менее четырех–пяти гипсовых изваяний, имевших высоту около 1 м. Ни одна из фигур полностью не восстанавливается. Но на данном этапе изучения важен сам факт существования подобной скульптуры в Нисе, в северо-восточной Парфии, и ее типологическая близость к подобным, но более поздним изделиям из Бактрии. По стратиграфическим данным находки из Башенного сооружения датируются не позднее I в. до н.э.

Ключевые слова: Культура коренных областей Парфии, Партава, Старая Ниса, Башенное сооружение, гипсовая скульптура

Пилипко Виктор Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 16-01-50097.

Багирская Ниса – один из наиболее выдающихся исторических памятников Южного Туркменистана. А среди архитектурных объектов самой Старой Нисы наиболее выделяется так называемое Башенное сооружение. Это наиболее крупное строение в пределах Центрального ансамбля данного городища¹. С первых лет раскопок (1934–1935 гг.) этот объект получил название «Башня», так как археологи первоначально предполагали, что данное сооружение разрасталось постепенно и сначала имело вид высокой башни с размерами по основанию примерно 20 x 20 м, а затем обросло более низкими дополнительными пристройками. Однако дальнейшие раскопки показали, что оно сразу задумывалось и строилось как большой двухэтажный объект, занимающий площадь свыше трех тысяч квадратных метров. Главными составными его элементами, кроме центрального параллелепипеда, изначально были два опоясывающих его просторных сводчатых коридора и три дополнительные угловые башни, имеющие одинаковое устройство. Каждая из них внизу имела по два служебных помещения и изолировано расположенную лестницу, ведущую на второй этаж.

Пространство между северной и восточной угловыми башнями было оформлено как главный парадный вход в данное сооружение. Он имел вид колонного портика, за которым находился еще один крупный архитектурный объем, условно названный Вестибюлем. К четвертому, западному углу основного прямоугольника, вместо малой башни, был пристроен блок круглого зала, возведенный одновременно с другими конструкциями Башенного сооружения, но имеющего особое назначение.

В целом, оказалось, что данный объект мало похож на башню. Это было массивное приземистое сооружение, которое при большой своей площади по высоте вряд ли превышало 13–15 метров.

Однако, чтобы сохранить преемственность в названии, обозначение «Башня» в несколько переиначенном виде было оставлено. Некоторые основания для этого дал тот факт, что на трех углах основного прямоугольника располагались дополнительные малые башни².

Башенное сооружение как минимум было двухэтажным. Нижний этаж имел служебное назначение. Здесь располагались многочисленные коридоры, переходы и лестницы, позволявшие подниматься на второй этаж, где, как выяснили археологи, находились многочисленные парадные помещения. Это предположение может показаться большой смелостью с их стороны, так как к началу раскопок остатки второго этажа были практически полностью стерты с лица земли процессами дефляции. Но это здание, как и весь комплекс, существовало около 1,5–2 столетий и за столь долгий срок эксплуатации. Оно, несомненно, подвергалось многочисленным ремонтам. При капитальных обновлениях интерьера старый декор полностью менялся. Также, вероятно, поступали со старой глиняной и, как теперь выясняется, гипсовой скульптурой. Часть этого ремонтного мусора через какой-то проем в юго-восточной внешней стене сбрасывался в прилегающий к зданию хозяйственный двор. То, что находилось наверху, в покоях второго этажа, со временем также почти бесследно исчезло, а ранний сброс строительного мусора, дополнительно прикрытый поздними обвалами сырцовых стен, сохранился

¹ Pilipko 2009.

² Более подробные сведения об устройстве Башенного сооружения см.: Пилипко 2001.

до наших дней и дает некоторое представление о былом декоративном убранстве помещений верхнего этажа на раннем этапе их существования.

* * *

Это сообщение посвящено предварительному рассмотрению очень редких находок – небольших гипсовых статуй, пострадавших еще во время древних ремонтов и разделивших судьбу остального строительного мусора.

Первые находки фрагментов гипсовой скульптуры были сделаны в 1984 г. и неверно связаны со Зданием с квадратным залом³. Объясняется это тем, что Башенное сооружение и Здание с квадратным залом располагались рядом друг с другом по сторонам одного двора (№ 10) и при крупных ремонтах строительный мусор из обоих этих сооружений складировался на одном дворе: из Здания с квадратным залом – в северо-восточной части двора, а из Башенного сооружения – в северо-западной. На ранних стадиях раскопок мы еще четко не разобрались, какой мусор с каким сооружением связан, но к концу исследований удалось четко решить этот вопрос. Мусор со второго этажа Башенного сооружения сбрасывался через один и тот же проем юго-восточного фасада, и внизу напротив него образовался большой холм строительных отходов. Находки фрагментов гипсовой скульптуры связаны с северо-восточным сегментом данного холма. Это дополнительно было подтверждено исследованиями 2002 г.

В жаркую пору «археологической жатвы» реставратор В.И. Черемхин, разбирая завал из разнообразных обломков, сумел выделить несколько скоплений гипсовых пластин, относительно которых можно было предположить, что до падения с высоты второго этажа они принадлежали какому-то более крупному фрагменту, и зафиксировал это их предполагаемое единство с помощью марли и клея. Однако большинство других подобных находок складывали в картонные коробки «навалом», пересыпая лишь опилками или песком. Главная задача состояла в том, чтобы по возможности собрать все обломки и не допустить их дальнейшего дробления. В авральные условия расчисток 1984 г. не была составлена даже опись находок. Московские реставраторы приехали на один месяц, и за этот срок необходимо было обработать (законсервировать) огромное количество хрупкого материала – фрагментов настенных росписей, скульптуры из необожженной глины и рассматриваемых здесь гипсовых пустотелых изваяний. В этой компании гипсовая скульптура выглядела наиболее скромной и наиболее прочной, поэтому ее камеральная обработка откладывалась на неопределенное будущее.

В 1997 г. Институт истории АН Туркменистана переехал в новое здание. Переселение совершалось в спешном порядке, а по туркменской поговорке – «две перекочевки равны одному разорению». Прежняя система хранения коллекций была нарушена, и первоначально даже сложилось впечатление, что коробки с гипсовым боем вообще пропали. Но после нескольких лет поисков один ящик удалось найти. Однако радость повторной находки была омрачена плачевным состоянием самих предметов. Подвальное помещение, где они хранились, подвергалось подтоплению. Многие защитные марлевые заклейки сопрели, клейстер заплесневел. Появились и другие проблемы, существенно осложнявшие работу россий-

³ Пилипко 1996, 78; табл. 49, 50.

ских археологов и реставраторов, неожиданно оказавшихся в Туркменистане в ранге иностранцев. Финансирование их работы прекратилось как с одной, так и с другой стороны. Сроки пребывания в Ашхабаде были ограничены. Вывоз находок в Москву даже временно для проведения реставрационных работ был категорически запрещен. В этих условиях мне удалось найти время лишь на то, чтобы высушить подмоченные экспонаты и составить их краткое описание. В обнаруженном ящике находились остатки нескольких однотипных антропоморфных фигур. Судя по величине относительно хорошо сохранившихся рук, в полный рост эти фигуры имели бы высоту около 1 м. Но сразу следует отметить, что фрагменты, соответствующие изображению ног, пока зафиксировать не удалось. Для более детального изучения данного материала требовалось активное участие опытного реставратора. Но возможности привезти его в Ашхабад у меня уже не было. По этой причине полная обработка коллекции до сих пор не проведена, и ниже предлагается краткое предварительное сообщение об этих редких для Нисы находках.

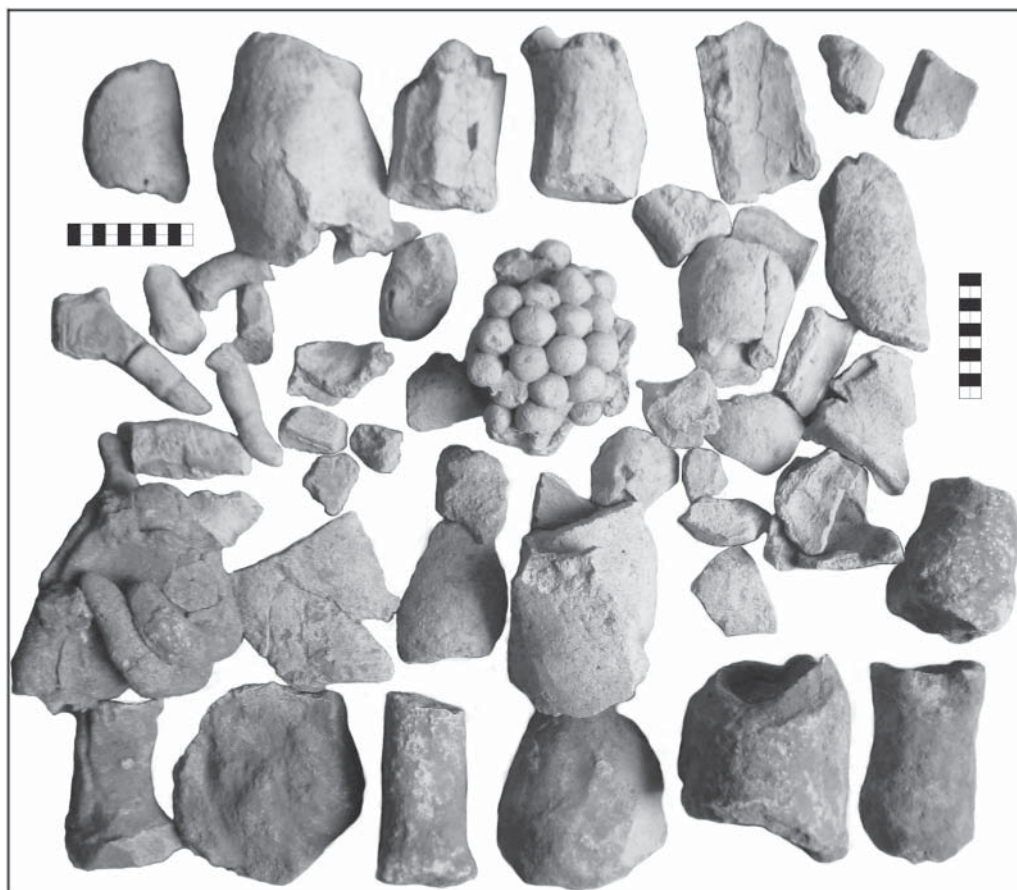

Рис. 1. Старая Ниса. Башенное сооружение. Часть фрагментов гипсовой скульптуры из юго-восточного мусорного сброса

То, что коллекция состояла из обломков однотипных и одноразмерных антропоморфных фигур, в некоторой степени облегчило нашу задачу (рис. 1). Фрагменты были размещены в анатомическом порядке – головы, торсы, изображения рук. Фрагментов, явно принадлежавших изображению ног, как уже отмечалось, обнаружить не удалось.

1. *Голова*. Это, естественно, самая важная часть тела, но пока доступны для изучения всего два соответствующих фрагмента и это не части лица, а детали причесок в виде округлых комков, примыкающих друг к другу примерно одинаковых по величине шариков (рис. 2). В качестве примера подобного изображения

Рис. 2.1

Рис. 2.2

Рис. 2.3

Рис. 2.4

Рис. 2. Фрагменты, представляющие прическу

Рис. 3.1

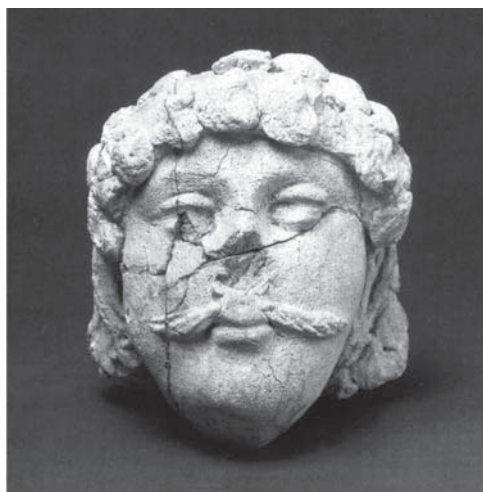

Рис. 3.2

Рис. 3. Головы адорантов из буддийского святилища на Дальверзинтепа

куафюр можно привлечь находки из буддийского святилища на Дальверзинтепа в древней Бактрии (Сурхандарьинская область Узбекистана)⁴. У них на «шариках» специальными штампиками обозначены завитки курчавых волос. Соответствие рассматриваемых деталей условным изображениям причесок не вызывает сомнения (рис. 3 и 4)⁵. Но при признании этого элемента частью прически, вопрос все же остается проясненным не до конца. Знакомство с древними куафюрами допускает их принадлежность как к теменному шиньону, так и к прядям волос, расположенным по сторонам лица – «буклям» (рис. 4, 3)⁶. Оба этих элемента встречаются в парфянских мужских прическах (рис. 4, 1, 2).

2. *Торс*. В рассматриваемой коллекции в значительном количестве присутствуют плоские и криволинейные пластины, которые, скорее всего, принадлежали торсу (торсам), но с ними еще предстоит большая работа. При предварительном ознакомлении с доступными для изучения фрагментами, к этой части тела можно уверенно отнести три фрагмента. Это изображение плеча – верхней части руки (рис. 5, 1). Второй явный элемент торса – фрагмент, представляющий крупные плавные складки. Это, несомненно, деталь одеяния (рис. 5, 2). Наконец, практически полностью сохранилось массивное нагрудное украшение, больше всего похожее на пектораль. Диаметр его около 10 см. Внизу по оси обозначен рельефный валик (рис. 5, 3). В те времена различные шейные украшения активно носили не только женщины, но и мужчины. Для примера здесь приводится ожерелье одного

⁴ Ильясов 1995; Тургунов 1989; Древности 1991.

⁵ Хотя при первом знакомстве с ними я принял их за изображение фруктов (винограда, вишен или абрикосов), лежащих на блюде. Но от такого определения следует отказаться – шарики лежат не на вогнутой, а на выпуклой поверхности.

⁶ На эту, вторую, возможность их трактовки мое внимание обратил Т.К. Мкртычев. См. соответствующую главу в его работе: Мкртычев 2002.

Рис. 4.1

Рис. 4.2

Рис. 4.3

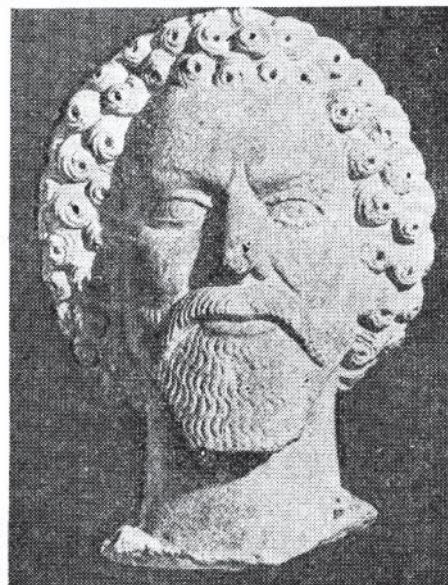

Рис. 4.4

Рис. 4. Образцы причесок парфянского времени.

1. Драхма Дареуса (Sellwood, Type 35).
2. Драхма Вологеза V (Sellwood, Type 86).
3. Голова бодхисатвы в гандхарском искусстве (Tissot, 2005, fig. 7).
4. Скульптура из Хатры (Левек 1989)

Рис. 5.1

Рис. 5.2

Рис. 5.3

Рис. 5.4

Рис. 5. Старая Ниса. Фрагменты торса.

1 – плечо; 2 – складки одежды; 3 – нагрудное украшение; 4 – ожерелье одного из персонажей дальверзинского святилища

из адорантов, из уже упоминавшегося выше дальверзинского буддийского святилища (рис. 5, 4).

3. *Изображения рук.* Их фрагменты наиболее многочисленны. Среди них имеются цилиндрические элементы (их внешний диаметр – 4–7 см). Это изображения предплечий и плечевых частей рук (рис. 6). Внутри они имеют округлые в сечении полости, указывающие на использование в качестве каркаса деревянных палок, уже истлевших. Между собой «в суставах» они соединялись гипсовыми «пробками».

Рис. 6.1

Рис. 6.2

Рис. 6.3

Рис. 6.4

Рис. 6. Старая Ниса. Фрагменты, представляющие средние части рук

Рис. 7. Кисть правой руки, сжатая в кулак

Но наиболее многочисленными были остатки кистей рук (рис. 7–10). Объясняется это тем, что относительно тонкие оболочки полых торсов и даже основной части рук, в конечном счете, были раздроблены на большое количество трудно определяемых пластин, а кисти рук не имели внутренних полостей и достаточно хорошо сохранили свое основное ядро. Более того, даже при полной утрате пальцев, по общей конфигурации фрагмента довольно легко можно определить, имеем мы дело с остатками правой или левой руки. В нашей коллекции две кисти могут быть определены, как принадлежащие левым рукам, а четыре – правым. Одна кисть из-за больших повреждений точно не определена. Часть кистей рук сохранила пальцы. Практически все пальцы представлены на одной правой руке, так как она крепко сжата в кулак (рис. 7). Стандартная ситуация – когда присутствуют мизинец и безымянный палец, плотно прижатые к ладони (рис. 8). Одна кисть руки изображена с раскрытой или полураскрытой ладонью и у нее все пальцы утрачены (рис. 9). У одной левой руки помимо мизинца и безымянного, полностью сохранился распрямленный указательный палец (рис. 10), положение среднего пальца пока точно не установлено, хотя в будущем это, возможно, удастся сделать, так как в коллекции имеется значительное количество отбитых изображений пальцев (рис. 11). Обращает на себя внимание тот факт, что при общей условной трактовке изваяний пальцы вылеплены тщательно, обозначены даже ногтевые пластины. В целом, материала хватает для того, чтобы условно реконструировать одну руку от плеча до кончиков пальцев. Но в данном предварительном сообщении от этого следует отказаться, так как остается неясным пространственное положение рук – были ли они вытянуты вдоль тела или согнуты в локтевом суставе и т.п.

Рис. 8.1

Рис. 8.2

Рис. 8.3

Рис. 8.4

Рис. 8. Кисть правой руки с двумя прижатыми к ладони пальцами (мизинцем и указательным) в разных ракурсах

Рис. 9.1

Рис. 9.2

Рис. 9. Кисть правой руки с полностью утраченными пальцами

Рис. 10. Кисть левой руки с вытянутым вперед указательным пальцем

Рис. 11. Старая Ниса. Башенное сооружение. Юго-восточный мусорный сброс.
Пальцы рук

Но и на стадии предварительного изучения фрагментов, изображения рук дали ответы на два важных вопроса. Благодаря им установлено, что в коллекции присутствуют остатки нескольких однотипных изваяний, которые дают возможность примерно определить их метрические параметры. Если представить, что это были изображения в полный рост, то рассматриваемые статуи должны иметь высоту около 1 м. Однако их позы и формат исполнения пока нельзя точно определить.

Вопрос о формате этих скульптурных изображений пока остается открытым. Можно лишь отметить, что это не бюсты, которые трудно совместить с полным изображением рук⁷. Наиболее правдоподобно выглядит предположение, что изваяния были поясными⁸. Они могли быть также облачены в длинные, свободно свисающие одежды. Наконец, пока без всяких комментариев можно обратить внимание на статуарный оссуарий из могильника Ясы-гыр 4 в Хорезме⁹.

На основании изложенных выше данных можно заключить, что статуй было не менее 4–5. С меньшей уверенностью можно предполагать, что они находились

⁷ Хотя для более позднего времени нечто подобное присутствует на сасанидо-кушанских монетах.

⁸ В таком формате в среднеазиатском искусстве иногда исполнялись культовые терракотовые статуэтки.

⁹ Яблонский 1988; Яблонский, Болелов 1991, 10–12. В тексте дается отсылка на рис. 5. Но в действительности изображение оссуария вынесено на обложку сборника.

в одном помещении – в других мусорных сбросах обломки гипсовой скульптуры отсутствовали. На основании относительно хорошо сохранившихся фрагментов рук и отчасти головы можно предполагать, что это были изолированные (?) объемные человеческие фигуры. Гендерная принадлежность персонажей надежно не определяется. Фрагменты с изображений деталей причесок дают основание предполагать, что, по крайней мере, часть из них мужчины.

Следует отметить, что в современном своем виде они производят впечатление изделий, выполненных мастерами разной квалификации, хотя не исключено, что в некоторых случаях примитивный вид отдельных фрагментов обусловлен утратой моделирующего слоя. Работа в целом ремесленная, но в то же время чувствуется определенный профессиональный опыт, присущий, по крайней мере, одному из мастеров. В частности, нисийские находки демонстрируют знакомство их изготовителей с «присадками», позволяющими регулировать процесс отверждения гипсового раствора. При изготовлении этих изделий применялась ручная лепка. Следов краски на фрагментах, долгие годы поливаемых дождями, визуально обнаружить не удалось, но подобного рода изделия обычно раскрашивались.

Назначение этих поделок с учетом обстоятельств их обнаружения определить трудно. Это могли быть специально изготовленные votivные подношения, которые затем были удалены из святилища в результате поломки или по завершении соответствующих ритуальных действий.

Почти несомненно, что данные изделия были изготовлены непосредственно на Нисе или в ее ближайших окрестностях, но нет твердой уверенности в том, что их изготовлением занимались именно местные мастера. Обращает на себя внимание сходство изделий с подобными поделками из далекой Бактрии. При раскопках буддийского святилища на Дальверзинтепа в Северной Бактрии найдены стилистически и технологически близкие изваяния. Но они имеют иную датировку. Нисийские находки не могут быть датированы позднее I в. до н.э., а бактрийские относятся к I–III в н.э.¹⁰ Но это хронологическое расхождение можно объяснить тем, что любое явление имеет протяженность во времени и пространстве.

Парфянские цари в пору своего могущества имели возможность привлекать к украшению политических и идеологических центров мастеров из разных концов постэллинистического мира – от Евфрата до Инда. Эти мастера в основном ориентировались на греческие технологии и каноны. Эта ориентация на греческие образцы сохранялась долгое время. По этой причине не вызывает особого удивления заметное сходство между находками из Нисы и из бактрийского буддийского святилища, разделенными не только большим расстоянием, но и значительным хронологическим промежутком. При скудости исходного материала пока затруднительно определить, из какого художественного центра (бактрийского, гандхарского, иранского или месопотамского) были привлечены к созданию нисийской гипсовой скульптуры мастера.

На данной стадии изучения, вероятно, следует удовлетвориться констатацией самого факта обнаружения скульптуры подобного рода в пределах аршакидского культового центра.

¹⁰ Древности Южного Узбекистана. Совместное издание Министерства культуры Узбекской ССР и Университета Сока (Япония) 1991.

ЛИТЕРАТУРА

- Древности Южного Узбекистана* 1991. Токио–Ташкент.
- Ильясов, Дж.Я. 1995: К вопросу о датировке буддийских храмов Дальвергинтепа. В сб.: *Архитектура и художественная культура Центральной Азии*. Ташкент.
- Левек, П. 1989: *Эллинистический мир*. М.
- Луконин, В.Г. 1977: *Искусство Древнего Ирана*. М.
- Мкртычев, Т.К. 2002: *Буддийское искусство Средней Азии I–X вв.* М.
- Пилипко, В.Н. 1996: *Старая Ниса. Здание с квадратным залом*. М.
- Пилипко, В.Н. 2001: *Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период*. М.
- Тургунов, Б.А. 1989: Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительное сообщение). В сб.: *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана*. Ташкент, 81–95.
- Яблонский, Л.Т. 1988: Скульптурный оссуарий из Присарыкамышья. *Памятники Туркменистана* 2/46, 9–10.
- Яблонский, Л.Т., Болелов, С.Б. 1991: Могильник Ясы-гыр 4 в Присарыкамышье. Погребальный обряд и антропология. В сб.: *Новые открытия в Приаралье (Материалы к археологической карте)*. Вып. 2. М., 3–70.
- Pilipko, V.N. 2009: The Central Ensemble of the fortress Mhrdatkirt. Layout and chronology. In: *Parthica* 10, 14–23.
- Tissot, F. 2005: La tête Ortiz: Gandharienne ou pass? In: *Art et archéologie des monastères gréco-bouddhiques du Nord-Ouest de l'Inde et de l'Asie centrale*. Paris, 163–185.

REFERENCES

- Drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana [Antiquities of Southern Uzbekistan]* 1991. Tokyo–Tashkent.
- Ilyasov, Dzh.Ya. 1995: K voprosu o datirovke buddiyskikh khramov Dal'vergintepa [On the issue of dating of Buddhist temples at Dalverzintepa]. In: *Arkitektura i khudozhestvenaya kul'tura Tsentral'noy Azii [Architecture and art culture of Central Asia]*. Tashkent.
- Levek, P. 1989: *Ellinisticheskiy mir [The Hellenistic World]*. Moscow.
- Lukonin, V.G. 1977: *Iskusstvo Drevnego Irana [Art of Ancient Iran]*. Moscow.
- Mkrtychev, T.K. 2002: *Buddiyskoe iskusstvo Sredney Asii I–X vv. [Buddhist art of Central Asia in the 1st–10th centuries]*. Moscow.
- Pilipko, V.N. 1996: *Staraya Nisa. Zdanie s kvadratnym zalom [Old Nisa. The Building with Square Hall]*. Moscow.
- Pilipko, V.N. 2001: *Staraya Nisa. Osnovnye itogi arkheologicheskogo izucheniya v sovetskiy period [Old Nisa. The main results of archaeological research during the Soviet period]*. Moscow.
- Pilipko, V.N. 2009: The Central Ensemble of the fortress Mhrdatkirt. Layout and chronology. In: *Parthica* 10, 14–23.
- Tissot, F. 2005: La tête Ortiz: Gandharienne ou pass? In: *Art et archéologie des monastères gréco-bouddhiques du Nord-Ouest de l'Inde et de l'Asie centrale*. Paris, 163–185.
- Turgunov, B.A. 1989: Raskopki vtorogo buddiyskogo khrama na Dal'verzintepa (predvaritel'noe soobshchenie) [Excavation of the second Buddhist temple on Dalverzintepa (the preliminary report)]. In: *Antichnye i rannesrednevekovye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana [Antique and early medieval antiquities of Southern Uzbekistan]*. Tashkent, 81–95.
- Yablonskiy, L.T. 1988: Skul'pturnyy ossuariy iz Prisarykamyshe'ya [A sculptural ossuary from Sarykamish district]. *Pamyatniki Turkmenistana [Monuments of Turkmenistan]* 2/46, 9–10.

Yablonskiy, L.T., Bolelov, S.B. 1991: Mogil'nik Yasy-gyr 4 v Prisarykamysh'e. Pogrebalnyy obryad i antropologia [Necropolis of Yasy-gyr 4 in Sarykamish district. Burial custom and anthropology]. In: *Novye otkrytiya v Priaral'e (Materialy k arkheologichskoy karte)*. Vyp. 2 [Recent discoveries in Aral area (Materials for the archaeological map)]. Iss. 2. Moscow, 3–70.

PLASTER SCULPTURES FROM THE TOWER BUILDING AT OLD NISA (PRELIMINARY REPORT)

Viktor N. Pilipko

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
pilipko2002@mail.ru

Abstract. The ancient city Old Nisa located in the Southern Turkmenistan in the closest neighborhood of Ashgabat is one of the most important archaeological sites of the Parthian epoch. During one of stages of its functioning, this fortress probably became the sacral center connected with honoring of representatives of the ruling Arsakids dynasty. A large architectural complex was built in the center of the settlement, intending for solemn departure of sacral ceremonies. The “Tower Building” is distinguished from other constructions of this ensemble, probably, to be one of the most important temples. Time and people ruined it, but archaeological researches allowed revealing some artifacts giving an idea of its former furniture. They are of the very deplorable state, but now it is almost the only evidence allowing making judgment on the local culture of that time.

This article is a preliminary report on the small anthropomorphous sculptures made of gypsum, which are very seldom found in Nisa. These precious plaster sculptures were found in some rooms of the Tower's second floor. However, during one of capital repairs (it is very carefully possible to assume that repair was connected with need of elimination of consequences of a strong earthquake, the tectonic phenomena are frequent in these parts), fragile hollow plaster statues strongly suffered. Their separate remains were stored in one of yards, adjacent to the Tower Building. The preliminary study showed that inside the Building there were not less than four or five plaster sculptures which had height about one meter. No one figure is to be completely restored. However, the fact of existence of a similar sculpture in the Northeast Parthia and its typological proximity to similar but later products from Bactria is important. According to stratigraphic data, finds from the Tower Building are dated no later than the 1st century BC.

Keywords: Culture of Parthia, Partava, Old Nisa, Tower Building, plaster sculpture

ЧАСТНЫЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

В.С. Ленская

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
vlenskaya@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор рассмотрел частные жертвоприношения в древней Греции: где и по какому поводу они происходили, каким богам приносились жертвы дома, как происходили частные жертвоприношения в общественных святилищах. Также был затронут вопрос о финансировании частных жертвоприношений и частных пожертвованиях на культ. Частные жертвоприношения являлись самым легким и доступным способом общения между индивидуумом и богом, не требовали особых приготовлений, чаще всего не нуждались в посредничестве культового персонала и могли совершаться ежедневно любым человеком независимо от его статуса, пола и возраста. Автор выделяет разные «уровни» частных жертвоприношений: домашние жертвоприношения были самым простым видом, жертвоприношения в святилищах требовали соблюдения определенных правил, установленных святилищем и его культовым персоналом. Домашние жертвоприношения на семейных праздниках, будучи внутрисемейным делом, в некоторых случаях (например, в судебных делах) приобретали общественное значение, являясь «маркерами» важных событий в жизни человека. Случаи сотрудничества полиса и отдельного лица также встречаются в сфере финансирования частных жертвоприношений. Таким образом, хотя частные жертвоприношения являлись сферой, наименее затронутой вмешательством полисных структур, они не были полностью избавлены от этого вмешательства и не являлись сугубо частным делом, будучи вписаны в общее пространство полисной религиозной жизни.

Ключевые слова: древняя Греция, религия, культ, жертвоприношение, частное и общественное

В соответствии с условиями финансирования, составом участников, местом, временем и поводом проведения жертвоприношения можно разделить на полисные, родовые, групповые и частные¹. Полисные жертвоприношения финансировались за общественный счет (иногда с привлечением средств отдельных родов или индивидуумов), проводились обычно в строго установленное время, зафиксированное в календарях жертвоприношений (такие календари были как в самом полисе, так и в его подразделениях – напр., в афинских демах), при участии большого количества граждан, в определенных местах, привязанных к тому или иному святилищу, связанному с конкретным праздником, при участии жрецов и лиц, осуществлявших предварительную подготовку (иеропеев, эпимелетов и т.д.). Родовые

Ленская Валерия Сергевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН.

¹ О типологии культов в Греции см. Ленская 2012.

жертвоприношения финансировались родом (в каждом роде был свой казначей) и проводились в местах, где были расположены святилища рода во время, зафиксированное родовыми традициями. В жертвоприношениях участвовали только члены определенного рода, а жрецами могли быть как избранные члены, так и архонт рода. Групповыми жертвоприношениями мы условно назовем жертвоприношения, проводившиеся членами определенного культового сообщества – оргеонами или фиасотами (хотя в литературе их обычно называют частными сообществами, в данной статье мы их рассматривать не будем); финансирование шло из средств сообщества, участниками были только члены сообщества, в состав их могли входить женщины и рабы. Проводились они в местах собраний сообщества, как правило, в каком-либо принадлежавшем им святилище или помещении, где можно было установить алтарь, во время, назначавшееся членами сообщества. Наконец, частные жертвоприношения – это жертвоприношения, проводившиеся либо дома, либо в общественном святилище частным лицом на свои средства. Участниками могли быть либо хозяин семьи, либо все домочадцы (включая рабов), либо отдельные члены семьи. В качестве жреца выступал сам хозяин (если жертва приносилась дома) или привлекались общественные жрецы (в случае жертвоприношения в общественном святилище). Жертвы приносились богам дома и семьи или любым богам, в соответствии с конкретной необходимостью.

В данной статье мы подробно остановимся на изучении именно частных жертвоприношений и рассмотрим следующие вопросы: где они совершались, по какому поводу, кто мог в них участвовать, каким богам приносились частные жертвы; кроме того, мы затронем вопрос о финансировании. Мы также коснемся вопросов взаимодействия личности и полиса в сфере, касавшейся частных жертвоприношений. Сразу оговоримся, что речь пойдет только о «традиционной» религии; случаи, связанные с какими-то нетрадиционными и нехарактерными для полиса культами, останутся вне сферы нашего рассмотрения. Мы используем, прежде всего, афинский материал, а также привлекаем источники из других, центральных и периферийных, областей Греции.

Теме домашней религии посвящено немало исследований, однако мы представляем свое видение проблемы, рассматривая частные жертвоприношения в контексте взаимоотношения частной и полисной религии и пытаемся выявить взаимосвязь и взаимовлияние этих разных сфер культового пространства полиса, что придает нашей работе новизну и оригинальность.

Одним из первых литературных примеров частного жертвоприношения является эпизод из «Одиссеи» Гомера, где благочестивый свинопас Евмей, угощая Одиссея, фактически выполняет упрощенный обряд жертвоприношения: он отрывает от свиньи кусок шерсти и бросает в огонь, читает молитву, забивает свинью, затем первый кусок от каждой части кладет в жир и бросает в огонь, посыпанный ячной мукой (Hom. Od. XIV. 420–429). Гесиод советует каждому благочестиво приносить жертвы богам: «Жертвы бессмертным богам приноси сообразно достатку, / Свято и чисто, Сжигай перед ними блестящие бедра, / Кроме того, возлиянья богам совершай и куренья, / Спать ли идешь, появление ль священного света встречаешь». (Hesiod. Oper. 336–339). Далее источники сохранили немало свидетельств о жертвоприношениях частных лиц, которые могли происходить «как дома, так и на общественных алтарях» (Xen. Mem. I. 1. 2): например, согласно свидетельству

автора V в. до н.э. Пасифонта, сохраненному у Плутарха, Никий приносил жертвы ежедневно (Plut. Nic. IV); возможно, он делал это с помощью жреца где-либо в общественном святилище, хотя, судя по дальнейшему сообщению о том, что он держал у себя дома гадателя, вполне могло быть, что жертвоприношения происходили и у него дома. Жертву могли принести даже перед готовившимся пиром, поскольку жертвенное мясо обычно шло на угощение: так, Плутарх сообщает, что однажды Клеон отказался от участия в собрании, поскольку собирался угощать друзей и уже принес жертву (Plut. Nic. 7). У Менандра мать героя приносила жертвы разным богам ежедневно, обходя все святилища в деме (Men. Dyscol. 260–264). Жертвовали о здоровье своем и своих близких: например, на афинском рельефе конца IV в. до н.э. изображены четверо взрослых, двое детей и раб, ведущий жертвенное животное (поросенка или овцу); надпись на рельефе гласит: «Лисистрата воздвигла Гераклу за детей» (IG II² 4613). Часто жертвовали с просьбой о благополучии и изобилии (IG I³ 832, 480–470 гг. до н.э.: ...ὁδὸρος μ' ἀνέθεκ' Ἀφροδίτῃ δῶρον ἁπαρχὴν... πόντια τῶν ἀγαθῶν τῷ σὺ δὲς Ἀφροδίαν). Нередко частные лица отправлялись для жертвоприношений к почитаемым святилищам в другие полисы: так, до нас дошло довольно много надписей эллинистического времени с Делоса, гласящих, что тот или иной паломник принес жертву от себя, детей и своих домашних тому или иному божеству (ID 2387, 2088, 2267, 2268, 2271 etc.).

Домашние жертвоприношения. Самым распространенным видом частных жертвоприношений были домашние жертвоприношения. Судя по всему, в Аттике до IV в. до н.э. в святилищах в основном приносили в жертву животных, дома же совершали бескровные жертвоприношения: богам жертвовали мед, лепешки, масло, молоко, вино, фимиам (Aeschyl. Pers. 610–622; Aristoph. Ach. 240sq; Plut. Aristid. 21; Theophr. Char. 16. 5 etc.). День в семье обычно начинался с возлияний и воскурений богам (Hesiod. Oper. 338–339). В IV в. в Аттике широко распространились домашние жертвоприношения разного типа: так, Платон пишет, что многие люди «сооружают... алтари и святилища в качестве средства для своего спасения; они наполняют этими святилищами все дома и поселки, сооружая их и на чистых местах, и где придется» (Plato. Leg. 910a), и тут же добавляет: «Пусть никто не сооружает святилищ в частных домах. Если же у кого явится намерение принести жертву, пусть он идет в общественные храмы и там приносит ее, вручив свое приношение жрецам или жрицам, которые заботятся о чистоте жертв... Так должно быть по следующим причинам: учреждать святилища и богослужения нелегко; правильно это можно делать только по зрелом размышлении» (Plato. Leg. 909d-e). У Аристофана Тригей приносит в жертву овцу (Aristoph. Pax. 941–942), Менандр упоминает поросенка, которого принесли в жертву для угощения гостей (Menander. Fr. 518 K), Посидипп – быка, зарезанного для свадебного пира (Posidipp. Fr. 26 K). Примером домашнего приношения в жертву животных является свидетельство клиента Исея о том, что его дед самолично приносил жертву Зевсу Ктесию, «к каковому жертвоприношению он относился особенно ревностно и ни рабов не привлекал поэтому, ни чужих свободных, но сам лично все делал; мы принимали участие в этом жертвоприношении, вместе с ним подготовляли жертвы, вместе возлагали их на алтарь и все прочее делали вместе» (Isaeus. VIII. 16, пер. Г.А. Тароняна). Согласно рассказу Антифонта, Филоней, живший в Пирее, дома принес жертву Зевсу Ктесию и затем устроил обед для своего уезжавшего

друга (Antiph. I. 16–17). У Платона есть упоминание о том, что некий Кефал совершал жертвоприношение во внутреннем дворе своего дома в Пирее (Resp. 328c) – правда, не вполне понятно, было ли это жертвоприношение животного или бескровное.

Исследователи отмечают, что, несмотря на свидетельство Платона о массовом сооружении домашних алтарей, археологические подтверждения в Аттике встречаются довольно редко и что число раскопанных домов, в которых имелись зафиксированные алтари для кровавых жертвоприношений, очень невелико². Чаще всего вместо алтарей использовали домашний очаг³, однако, согласно свидетельствам археологии, и очаги обнаружены лишь в очень немногих греческих домах классического периода⁴. Это могло объясняться тем, что роль алтарей и очагов для принесения в жертву животных выполняли переносные жаровни (ἑσχάραι)⁵.

Домашние боги, культы и праздники. В связи с этим несколько слов необходимо сказать о домашних богах, которые были повсеместным объектом домашних жертвоприношений и имели свои алтари в каждом доме (βωμοὶ τῶν θουραίων – Aesch. Agam. 89, βωμοὶ καὶ ἱερὰ οἰκεῖα καὶ πατρῷα – Plato. Euthyd. 302c). По свидетельству Фукидида, афиняне, переселяясь из деревень в город во время Пелопоннесской войны, «с грустью покидали домашние очаги и святыни (οἰκίαι καὶ ἱερὰ), которые всегда привыкли почитать еще со времен древних порядков как наследие предков» (Thuc. II. 16, пер. Г.А. Стратановского). Оратор IV в. до н.э. Ликург, обвиняя Леократа в бегстве из Афин во время опасности, говорит, что тот увез с собой и «отечественные святыни τὰ ἱερὰ τὰ πατρῷα <...> которые передали ему предки» (Lys. In Leocr. 25). Термин θεοὶ πατρῷοι мог означать как домашних богов, так и богов больших сообществ – фратрий, родов и даже целых полисов⁶; в данном случае нас интересуют домашние боги. Ими являлись Аполлон Отчий, Зевс Оградный, Зевс Ктесий, Гермес, Геката и некоторые другие божества. В Афинах Аполлон Отчий (Ἀπόλλων Πατρῷος) относился к родовым афинским святыням и в качестве «личного» бога имелся, скорее всего, не у всех, а только у геннетов⁷. Сократ, не имевший аристократического происхождения, в «Эвтидеме» Платона говорит, что у него есть «семейные и родовые алтари и святыни» (βωμοὶ καὶ ἱερὰ οἰκεῖα καὶ πατρῷα (Plato. Euthyd. 302c), так что, вероятнее всего, родовые святыни (ἱερὰ πατρῷα) имели те граждане, которые не теряли родственных связей, хотя и не причисляли себя к геннетам. В своем «узком» («домашнем») смысле термин

² Parker 2015, 76; Jameson 1990, 192–193. Отдельные примеры приведены в книге К. Явиса «Греческие алтари», где упомянуты домашние алтари, найденные в Колофоне, на Делосе, в Олинфе, Великой Греции, на Фере (Yavis 1949, 175–176).

³ Jameson 1990, 192; Yavis 1949, 175.

⁴ Foxhall 2007, 234; Jameson 1990, 193; правда, в литературных источниках очаги упоминаются нередко – так, у Лисия неудачливый любовник пытался достичь очага с мольбой о защите, но был убит (Lys. I. 27); рабы вводились в дом и осыпались сухими фруктами и орехами у очага (Aristoph. Plutus. 768) и т.д.

⁵ Van Straten 1995, 166–167; Jameson 1990, 193.

⁶ Parker 2008.

⁷ Hedrick 1988, 203. Исследователи также отмечают, что Аполлон Отчий являлся и покровителем фратрий (Hedrick 1988, 203; Lambert 1993, 211–215) – в противном случае, архонтами (которые были обязаны иметь Аполлона Отчего и Зевса Оградного – Arist. Ath. Pol. 55. 3) могли становиться только геннеты, что соответствовало реальности в эпоху архаики и ранней классики, но перестало быть актуальным после 457 г. до н.э., когда к архонату были допущены зевгиты (Arist. Ath. Pol. 26. 2).

θεοὶ πατῶν не был строго детерминирован и мог означать богов как родовых, так и семейных. Например, в одном из пассажей Платона этот термин означает родовых богов (ἰδρύματα ἴδια πατρῶν θεῶν – Plato. Leg. 717b), во фрагменте Еврипида – семейных (Eurip. Fr. 318: ἐν δόμοις... γένος θεῶν πατρῶν)⁸. В схолиях к Эсхилу говорится, что этим богам поклонялись συγγενεῖς и имели их в своих домах (θεοὶ πατρῶν εἰσὶν οἱ ἐφ' ἐστίας ἐγγενεῖς οὓς ἐτίμων οἱ συγγενεῖς καὶ ἐν τοῖς οἴκοις αὐτῶν εἶχον Schol. Aeschyl. veter. 253c). Термин συγγενεῖς может иметь разный смысл, однако уточнение «близкие очагу» предполагает, скорее, членов одной семьи, ойкоса, а затем дальних родственников, членов рода; в другом варианте схолий читаем: θεοὶ πατρῶν εἰσὶν οἱ ἐφ' ἐστίας, οὓς ἐτίμων οἱ ἐγκάτοικοι τοῦ οἴκου καὶ οἱ συγγενεῖς αὐτῶν (Schol. Aeschyl. recent. 253c). В литературных свидетельствах термин θεοὶ πατρῶν зафиксирован в большинстве случаев у афинских авторов, эпиграфика показывает, что этот термин (сопутствующий, в нашем случае, частным культам) был широко распространен во всем греческом мире⁹.

Зевс Оградный (Ζεὺς Ἐρκεῖος) – бог-покровитель семейно-родственных уз. В Афинах этот бог, упоминающийся вместе с Аполлоном Отчим, Зевсом-Фратрием и Афиной Фратрией (Plato. Euth. 302d; Dinarch. Fr. 32. 2 *Conomis*: εἰ φράτορες αὐτῷ καὶ βωμοὶ Διὸς Ἐρκείου καὶ Ἀπόλλωνος πατρῶν εἰσὶν), был связан с родовыми и фратриальными структурами¹⁰; в «Антигоне» Софокла он назван συναίμων – «родной, единокровный» (Soph. Antig. 486–487). Возможно, подобные функции этот бог выполнял и в других полисах: согласно рассказу Геродота, спартанский царь Демарат, уличенный в том, что в реальности он не является сыном царя и незаконно занимает царскую должность, дома принес жертву Зевсу Геркейскому и после этого стал умолять свою мать открыть ему, кто его реальный отец (Hdt. VI. 65–68). Исходя из свидетельств о том, что кандидату в афинские архонты задавали вопрос, где находятся его алтари Аполлона Отчего и Зевса Оградного (Arist. Ath. Pol. 55. 3; Dem. LVII. 67; Harp. s.v. Ἐρκεῖος Ζεὺς) – в классическое время это должно было подтверждать его принадлежность к гражданскому коллективу, т.е. членство во фратриях, – можно предположить, что члены афинских фратрий (а, возможно, и родов) также имели общие алтари этого бога. По мере распада родовых структур этот бог становится покровителем не только рода и фратрии, но и отдельного домовладения. По мнению многих исследователей, Зевс Оградный был покровителем дома как кровнородственной общности, в отличие, скажем, от Зевса Ктесия – покровителя домашнего хозяйства¹¹. Довольно часто Зевс Оградный в качестве домашнего бога упоминается в произведениях афинских трагиков, во фрагменте одной из комедий Кратина читаем, что некий пьяница, «прописавшийся в киликейоне», считает киликейон своим Зевсом Оградным (Athen. XI. 460f). Поздние лексиконы сообщают, что алтари этому богу сооружались внутри ограды во дворе (Harpocr.; Suda s.v. Ἐρκεῖος Ζεὺς). По легенде, у алтаря Зевса Оградного был убит Приам, царь Трои (Eurip. Troiad. 16, 483; Paus. IV. 17. 3). Согласно Павсанию, алтарь Зевса Оградного стоял в Олимпии у так называемого «дома Эномая», мифического царя Писы (Paus. V. 14. 4). Культ Зевса Оградного,

⁸ Petersen 1851, 57.

⁹ Parker 2008, 209–210.

¹⁰ Lambert 1993, 213–215.

¹¹ Parker 2005, 17; Faraone 2008, 212; Boedeker 2008, 232–233.

по всей видимости, корнями уходит глубоко в древность, о чем свидетельствуют как его существование в гомеровское время, так и связь культа с родовыми и фратриальными структурами.

Зевс Ктесий считался стражем домашнего имущества (Menander. Fr. 519 K – хранитель кладовки; Dio Chrys. I. 41: δοτήρ πλούτου καὶ κτήσεως); его символы иногда держали в кладовке (Harpocr. s.v. Κτησίῳ Διός), иногда в кувшине, перевитом белой шерстью и шафрановыми лентами (Athen. XI. 46); слова Аристофана в заключении комедии «Плутос» о победоносном шествии с горшками, посвященными богу богатства Плутосу (Aristoph. Plut. 1197–1198), исследователи считают пародией на подобные атрибуты, посвященные Зевсу Ктесию¹². У Эсхила читаем: «Когда разграблен дом твой, можно милостью / Хранящего достаток Зевса новыми / Богатствами наполнить разоренный дом» (Κτησίῳ Διὸς χάριν – Aeschyl. Suppl. 443–445, пер. С.К. Апта). Ктесию молились о здоровье и благосостоянии домочадцев; согласно свидетельству Исея, домохозяева относились к жертвоприношению этому богу особенно ревностно (Isaeus. VIII. 16). Зевсу Ктесию могли совершать жертвоприношения даже рабы (Aeschyl. Agamemn. 1036–1038), в отличие от Зевса Оградного, бога свободных граждан. Культ был широко распространен во всем греческом мире¹³.

Богиней очага была Гестия, в культ которой вводился каждый новый член ойкоса – женщины и рабы. Автор гомеровского гимна писал о ней: «жертвенный тук принимая, средь дома она восседает... смертными чтится она как первейшая между богами» (Hymn. Hom. In Venerem. 30–32). У Диодора Сицилийского читаем о ней: «почти у всех людей во всех домах она имеет место пребывания, а также удостоилась почестей и жертвоприношений» (Diod. 5. 68. 1, пер. О.П. Цыбенко). По Цицерону, «этой богине, которая является хранительницей всего домашнего, и всякая молитва, и всякое жертвоприношение лучшее» (Cic. De nat. deor. II. 67, пер. М.И. Рижского). Существовал обычай начинать молитвы с обращения к Гестии (Eurip. Fragm. Phaeth. 248–250). У греков бытовала поговорка «Начинай с Гестии»¹⁴, и первая часть любого жертвоприношения была посвящена Гестии (Schol. Aristoph. Vesp. 846a; Schol. Plat. Euthyphr. s.v. ἀφ' ἐστίας). Во время обедов и пиров Гестии совершалось возлияние в начале и в конце трапезы (Hymn. Hom. In Vestam. 5–6). У Еврипида Алкеста в преддверии смерти молится Гестии у очага и просит богиню беречь ее детей (Eurip. Alc. 162–169). Существовал обычай молить о защите у очага, хотя на практике он не всегда почитался (Lys. I. 27; Thuc. I. 136).

Гермес Πυλαῖος, Θυραῖος, Στροφαῖος (охраняющий дверные запоры) был хранителем дома от воров; его изображение или алтарь располагался около входной двери (Pollux. VIII. 72; Suda. s.v. Στροφαῖος; Thuc. VI. 27. 1). Предполагается, что в роли Гермеса, охранявшего двери, выступал столб, расположенный с внешней стороны ворот и украшенный головой и гениталиями¹⁵. Согласно речи Лисия, оратор Андокид обвинил некоего гражданина в том, что он повредил свой фамильный Гермес τὸν Ἑρμῆν τὸν αὐτοῦ πατρῷον; тот же в оправдание заявил, что его Гермес цел, в отличие от других Гермесов (Lys. VI. 11–12), что, скорее всего,

¹² Brulé 2005, 35–36.

¹³ Brulé 2005, 38–40, 43–44.

¹⁴ Нильсон 1998, 103.

¹⁵ Jameson 1990, 194; Vernant 1965, 99.

свидетельствует о наличии «отеческого Гермеса» в доме каждого афинского гражданина. Домашнему Гермесу поклонялись во всем греческом мире (напр., о домашнем Гермесе в Аркадии см. Theopomp. Fr. 2b115F. 344. 23 Jacoby).

В зависимости от полиса и домашних традиций в домах также поклонялись некоторым другим божествам; так, историк IV в. до н.э. Теопомп рассказывает о некоем Клеархе из Метидрия в Аркадии, который удостоился похвалы от Аполлона Дельфийского: этот благочестивый Клеарх приносил жертвы в положенные сроки, каждый месяц в новолуние увенчивал и чистил своих Гермеса и Гекату и другие святыни, которые ему оставили предки, и почитал возлияниями, жертвенными пирогами и кексами; также ежегодно участвовал в общественных жертвоприношениях, не пропуская ни одного (Theopomp. FGrH. 2b115F. 344. 12–27). Перед домом мог стоять столб конической формы, называвшийся Аполлон Агюей (Ἀγυεύς, уличный)¹⁶, хранитель путей (Aristoph. Vesp. 875; Thesmophor. 489; Aeschyl. Agam. 1081; Eurip. Phoen. 631; Suda. s.v. Ἀγυαί: Ἀγυεύς, ὁ πρὸ τῶν αὐλείων θυρῶν κωνοειδὴς κίων, ἱερὸς Ἀπόλλωνος καὶ αὐτὸς θεός). Иногда перед домом ставили изображение Гекаты (возможно, в виде фигуры о трех туловищах вокруг колонны, маленькие копии таких фигур найдены в Аттике¹⁷) или ее символ (Ἑκατεῖον; Aristoph. Vesp. 804: Ἑκατεῖον πανταχοῦ πρὸ τῶν θυρῶν)¹⁸; по Аристофану, выходя из дома, женщина вопрошала Гекату (Aristoph. Lys. 64). Скорее всего, большинство изображений изготовлялось из дерева, поскольку следы домашних богов in situ не засвидетельствованы археологией¹⁹.

Кроме того, каждый полис имел своих собственных почитаемых богов, которым приносились общественные жертвы на праздниках и частные на домашних алтарях. Так, например, в надписи из Магнесии на Меандре, регламентирующей культ Артемиды Левкофриены, которая была ἀρχηγέτις τῆς πόλεως (LSAM. 33A, 18, первая пол. II в. до н.э.), сказано, что в день праздника, помимо участия в общих церемониях, жители полиса и хоры должны приносить жертву богине и κατὰ δύναμιν οἴκου за свой счет на домашнем алтаре (ibid. 43–45), а также в течение года приносить жертвы богине κατὰ δύναμιν τῇ ἰδίᾳ – за свой счет (ibid. 54–56). М. Нильсон перечисляет подписанные домашние алтари некоторых греческих полисов эллинистического и римского времени: так, на Фере домашними богами были Гестия, Зевс Ктесий, Зевс Катабайтес, защищавший дом от молний, Строфей, защитник дверей, Зевс Сотер, Тяхэ, Гигея, Агатос Даймон. В Милете – Зевс Сотер и Зевс Катабайтес, карийский бог Зевс Ламбрандей, Харпократ, Гелиос Сарапис, Аполлон Дидим Сотер²⁰.

Исследователи отмечают, что домашние боги часто имели параллели в полисном пантеоне: так, очаг (Гестия) был в афинском пританее и во многих административных центрах (SEG 21. 813, Галимунт), у Аполлона Отчего имелся в Афинах полисный культ²¹, алтарь Зевса Ктесия, согласно Павсанию, находился в храме в Мирринах (Paus. I. 31. 2), Зевс Геркей упомянут в календаре

¹⁶ Нильсон 1998, 109–110.

¹⁷ Parker 2005, 19.

¹⁸ Parker 2005, 19.

¹⁹ Jameson 1990, 194.

²⁰ Nilsson 1960, 276.

²¹ Hedrick 1988, 200–204.

жертвоприношений дема Торик (SEG 33. 147) и имел алтарь на акрополе (Philoch. Fr. 67 Jacoby)²². Мы уже упоминали о том, что термин θεοὶ πατρίοι в разных районах греческого мира мог использоваться для обозначения богов фратрии, а иногда и полисных богов²³.

Наконец, немаловажную роль в домашней религии играл культ предков или недавно умерших членов семьи. Жертвы на могиле усопших приносили в 3, 9 и 30 день после смерти, затем жертвоприношения на могилах совершались по крайней мере раз в год, в день рождения или смерти усопшего, а также на празднике Γενέσια или Νεκύσια 5 числа месяца Боздромион (Suda, Hesych. s.v. γενέσια; Bekk. Anecd. I. 86. 20; Thuc. 3. 58. 4.; Isaeus. II. 36, 46; VI. 64–65; IX. 7; Plato. Leg. 717e; Diog. Laert. 10. 18) и в третий день Антестерий, посвященный усопшим²⁴. Умершие родственники должны были помогать и покровительствовать живым сородичам, поэтому к ним нередко обращались с молитвой, как к богам: так, Электра молится отцу на его могиле, совершая возлияние (Aeschyl. Choeph. 129–130), Орест тоже молится отцу на могиле и приносит в жертву прядь волос, а затем просит о помощи, говоря, что в случае исполнения молитвы отцу будут принесены достойные дары, в противном же случае он останется без тучных жертв, которыми почтены другие мертвые (Aeschyl. Choeph. 1–7; 483–485). Домашний культ предков также имел параллели в полисной религии в виде культа героев, который появился как заупокойный культ избранных душ и трансформировался в культ лиц, оказавших ту или иную услугу своей общине; культ героя был связан с определенным местом, и чаще всего героями становились основатели (реальные или мифические) полиса или более мелкого объединения²⁵.

Вкратце скажем о некоторых домашних праздниках, на которых всегда совершались жертвоприношения. Во-первых, это Ἀμφιρόμια – праздник в честь рождения ребенка, отмечавшийся на пятый или седьмой день после рождения²⁶. В этот день совершался обряд введения новорожденного в семью, во время которого младенца обносили вокруг очага, а родители приглашали гостей, приносивших специальные подарки, на праздничное угощение (Harpocr., Suda, Etym. Magn., Lex. Serg. s.v. Ἀμφιρόμια; Athen IX. 370c-d). Этот праздник растягивался на несколько дней и включал серию ритуалов, заключительным из которых был десятый день после рождения ребенка, когда ему давали имя (Eur. Electr. 561–566; Dem. XXXIX. 20; Hesych. s.v. δεκάτην θύομεν). Другим большим семейным праздником, на котором приносились жертвы, была свадьба: перед свадьбой приносились θυσία προτέλεια καὶ προῦμια, и девушки жертвовали Артемиде и Мойрам волосы (Poll. Onomast. III. 38); приготовления к свадебным жертвоприношениям описаны у Менандра в «Самиянке» (Men. Sam. 211, 399–404, 673–674, 713). Похороны также являлись семейным ритуалом, на котором приносились бескровные жертвы – на могилу умершего возливали вино, масло, мед²⁷. Кроме домашних жертвоприношений, в случае рождений и похорон нередко приносились жертвы

²² Boedeker 2008, 233–234.

²³ Parker 2008, 210–212.

²⁴ Lambert 2002, 367–368; Jacoby 1944, 65–75; Georgoudi 1988, 73–89.

²⁵ Зелинский 2014, 287–288; Burkert 2011, 314–315.

²⁶ Hamilton 1984, 243–251.

²⁷ Кулаковский 1899, 52–53.

и на общественных алтарях. Так, автор трактата «Экономика», приписываемого Аристотелю, пишет, что Гиппий «велел приносить жрице Афины на Акрополе за каждого умершего хойник ячменя, столько же пшеницы и обол, и каждому, у кого родится ребенок – то же самое» ([Arist.] Оес. II. 2. 4, пер. Г.А. Тароняна). Одним из семейных ритуалов было пострижение волос у юношей и приношение их богам; данный обряд отличался от традиционного обряда пострижения волос у эфебов – юношей, отправлявшихся на военную службу: жертва совершалась в присутствии и под руководством родителей в одном из святилищ (напр., IG XII, 5. 173. III, V, Парос; III в. до н.э.)²⁸.

Домашние праздники, хотя и имели значение только для конкретной семьи, тем не менее невидимым образом были вплетены в ткань общественной жизни. Как известно, в Греции отсутствовал институт записи актов рождения, брака и смерти: главными ритуалами, подтверждающими гражданский статус человека в Афинах, являлись введение во фратрию и запись в книгу демонов, оба события имели общественный характер и совершались в присутствии фратриархов и демонов. Однако известны случаи злоупотреблений при проверке списков, о чем свидетельствуют, например, речи Демосфена и Исея. В таких случаях роль частных свидетелей становилась неоценимой: для подтверждения фактов законного рождения и введения в дем и фратрию на суде решающую роль играли свидетели, которые были приглашены для участия в соответствующих семейных праздниках²⁹. Поэтому семейные ритуалы по случаю важнейших событий в жизни семьи приобретали и общественное звучание.

Жертвоприношения в святилищах. До сих пор мы подробно говорили о жертвоприношениях, которые совершались дома. Однако более традиционным и одобряемым способом совершения жертвоприношений частными лица были жертвоприношения в святилищах при помощи жреца (Aristoph. Plut. 1179sq., Men. Dyscol. 260–264; Plato. Leg. 909d–910c). Например, у Аристофана читаем селования жреца, оставшегося не у дел после всеобщего обогащения: «Хоть бедны были, жертву приносили в храм / Спасенный путешественник иль следствия / Удачно избежавший. Если кто хотел / Счастливое услышать прорицание, / То и меня, жреца, он звал» (Aristoph. Plutus. 1179–1183, пер. В. Холмского). В надписи из Галикарнаса II в. до н.э. сказано, что жрица Артемиды Пергаи «приносит жертвы общественные и частные» (τὰ ἱερὰ τὰ δημόσια καὶ τὰ ἰδιωτικά – LSAM. 73, 9). Тем не менее источники зафиксировали такие случаи, когда частные лица могли приносить жертвы на общественных алтарях самостоятельно, без присутствия жреца: согласно надписи с Хиоса, в исключительных случаях, когда жрец отсутствовал, жертвователь мог сам принести жертву в святилище, совершив ритуал троекратного призывания жреца – «если жрец отсутствует, пусть желающий принести жертву трижды его позовет и сам совершит жертвоприношение, больше же никому не разрешается» (Chios 3, 7–12). Однако очевидно, что такие случаи были редки и нехарактерны, поскольку больше самостоятельные жертвы не разрешаются никому. В надписи из Амфиарайона в Оропе также говорится, что жрец читает молитву и возлагает жертвы на алтарь, но в случае его отсутствия частную

²⁸ Leitaο 2003, 112–115.

²⁹ Например, клиент Демосфена призывает свидетелей, присутствовавших на десятом дне его рождения, для подтверждения легитимности своего имени (Dem. XXXIX. 20).

жертву можно принести и самостоятельно, публичную же приносит только жрец: «жрец молится о жертвах и возлагает на алтарь, когда он присутствует, когда же не присутствует, каждый приносит жертву и при жертве молится о себе, об общественных же жертвах жрец» (Epigr. tou Oporou. 277, 25–29; 387–377 гг. до н.э.). Далее сообщается, что каждый может приносить в жертву все, что он хочет, но мясо выносить за пределы святилища не разрешается; затем оговаривается, какая часть от жертвы поступает жрецу (Epigr. tou Oporou. 277, 30–34).

Если домашние жертвоприношения являлись частной закрытой сферой, в которую полис не вмешивался, то, принося жертву в святилище, жертвователю вступал в область общественную: ему приходилось взаимодействовать с культовым персоналом, а также с самими святилищами, многие из которых имели свои правила и нормы. Частные жертвоприношения в святилищах нередко регулировались посредством специального законодательства: например, помимо случаев, оговоренных в упомянутых надписях, в ряде надписей фиксируется плата от частных лиц жрецам (IG II² 1361, 4–6, IV в. до н.э., оргоны Бендиды из Пирея; SEG 35, 923. 1–12, IV в. до н.э., святилище Элифии на Хиосе; LSCG 163, 16–21, II в. до н.э., святилище Ники на Косе). Предписания относительно обуви и того, что нельзя вносить в святилище, содержатся в надписи III в. до н.э. из святилища Электроны с Родоса (IG XII, 1. 677, 19–35). Ряд предписаний частным лицам содержится в надписи конца IV в. до н.э. из святилища Аполлона и Артемиды из Кирены (SEG 9. 27)³⁰. Частные жертвоприношения иногда совершались во время полисных праздников, и сохранились некоторые надписи, регламентирующие их проведение³¹; однако существовали такие праздники, где частные жертвоприношения были запрещены: например, надпись из Эрифры (LSAM 24A. 1–30, 380–360 до н.э.) содержит предписания для приносящих жертвы в святилище Асклепия, но оговаривает, что во время проведения праздника в честь Асклепия частные лица не имеют права приносить жертвы³².

Надпись конца V в. до н.э. из Фалерона гласит, что некая Ксенократия с родственниками возвела алтарь богу Кефису, где каждый желавший мог приносить жертвы после исполнения своих пожеланий (IG I³ 987). Речь, скорее всего, идет о бескровных жертвах; такие жертвы, которые не требовали специальных приготовлений, могли приноситься любым паломником в любое время: напр., в «Царе Эдипе» Исмена отправляется в святилище с венками и фимиамом (Soph. Oed. Tug. 911–913); перед Эрехтейоном в Афинах стоял жертвенник Зевса Всевышнего, на котором, по Павсанию, «не приносят в жертву ничего живого и, даже возложив печенья, считают недозволенным употреблять вино» (Paus. I. 26. 6, пер. С.С. Кондратьева); у Афиняеа читаем, что афиняне приносили в пританей и клали на стол перед Диоскурами ячменные лепешки, сыр, спелые маслины и лук-порей (Athen. IV. 137e). Продукты, приносившиеся в святилище, складывались в определенном месте, чаще всего на специальном жертвенном столе — *τράπεζα*, отчего обычно назывались *τραπεζώματα*. Еще в эпоху архаики появился обычай предлагать богу жертву в двух частях: первая состояла в сожжении отдельных частей закалываемого жертвенного животного, другая часть клалась на стол; *τράπεζαι* служили для

³⁰ Gagarin 2016, 241–244.

³¹ Georgoudi 1998, 325–334.

³² Georgoudi 1998, 328.

складывания продуктов, не подлежавших сожжению, тогда как βωμοί (алтари) использовались преимущественно для сожжения³³. Многочисленные приношения (ἀναθήματα) оставлялись в святилищах богов-целителей Асклепия и Амфиарая, Артемиды Бравронской, помогавшей роженицам, Геры, покровительницы женщин и семьи и т.д.³⁴

Участники частных жертвоприношений. Участниками домашних жертвоприношений могли быть все члены ойкоса, включая рабов, которые в большинстве случаев были отстранены от общественных жертвоприношений и праздников, но в частных ритуалах принимали активное участие. Иногда жертвоприношение совершали только свободные члены семьи, без участия рабов и посторонних: согласно свидетельству клиента Исея, его дед, принося жертву Зевсу Ктесию, «ни рабов не привлекал <...> ни чужих свободных, но сам лично все делал» при помощи домочадцев (Isaeus. VIII. 16). Однако и рабы, и посторонние могли принимать участие в жертвоприношении домашним богам, о чем, например, свидетельствует фрагмент из Антифонта, где в жертвоприношении Зевсу Ктесию участвует приятель хозяина дома и его наложница (Antiph. I. 15–19). У Эсхила новая рабыня названа соучастницей священных омовений (κοινωνός χερνίβων), поставленной рядом с другими рабами возле алтаря Зевсу Ктесию (Aeschyl. Agamemn. 1036–1038). Рабы участвуют в домашнем жертвоприношении Дикеополя из «Ахарнян» Аристофана (Aristoph. Acharn. 247–250). У Менандра в «Брюзге» Сострат приглашает для участия в жертвенном пиру Горгия и его раба, чем вызывает неудовольствие своего раба, который ворчит, что из-за этого лишится своей доли (Men. Dysc. 560–567). Автор трактата «Экономика», приписываемого Аристотелю, даже пишет, что «жертвоприношения и угощения нужно устраивать скорее ради рабов, чем ради свободных, потому что они больше причастны тому, ради чего установлены подобные обычаи» ([Arist.] Oec. 1344b 18–20, пер. Г.А. Тароняна).

Частные жертвоприношения, даже если сами по себе и не предполагали участие посторонних, обычно сопровождалось пиром, на который приглашали родственников, соседей и друзей. У Исея Клеоним после жертвоприношения Дионису приглашает на трапезу «всех домашних <...> и многих сограждан» (Isaeus. I. 31). В «Брюзге» Менандра мать героя, часто приносившая жертвы в разных святилищах своего деда (Men. Dyscol. 260–264), приглашает многих знакомых разделить с ней трапезу (Men. Dyscol. 393–418). Теофраст называет бессовестным человека, который «после жертвоприношения богам обедает у другого, а жертвенное мясо солит впрок» (Theophr. Char. IX). Иногда части жертвенных животных отсылались друзьям (Xen. Hell. IV. 3. 14; Plut. Agesil. 17).

Финансирование частных жертвоприношений. Частные жертвоприношения совершались за счет самих частных лиц, что, естественно, и не требует доказательств. Неизвестный автор «Афинской политики», говоря о том, что «невозможно каждому бедному человеку самому приносить жертвы» ([Xen.] II. 9), имеет в виду только кровавые жертвоприношения. Даже если человек был беден и не мог позволить себе принесение в жертву животного, он всегда мог пожертвовать богам что-либо другое, будь то природный плод или какая-то вещь. Однако были случаи, когда деньги на частные жертвоприношения выделяло государство или его под-

³³ Подробнее см. Ленская 2013, 321–323.

³⁴ См., напр., Aleshire 1989, 37–51; Baumbach 2004, 1–3.

разделение (напр., дем в Аттике) либо какое-нибудь религиозное объединение. Как свидетельствуют источники (в большинстве случаев эпиграфические), иногда после чествования отдельных лиц за заслуги, оказанные ими полису, дему или религиозной ассоциации, им выделялась определенная сумма *εἰς θυσίαν καὶ ἀνάθημα* или просто *εἰς θυσίαν*; обычная сумма составляла 5–30 драхм на человека. Самый ранний из известных нам случаев – это надпись, упомянутая у оратора Эсхина, согласно которой демократам, укрепившимся в Филе и способствовавшим свержению олигархии тридцати в 403 г. до н.э., было выдано *εἰς θυσίαν καὶ ἀνάθηματα* 1000 драхм, т.е., по уточнению Эсхина, 10 драхм на человека (Aeschin. III. 187). Далее в надписях из Аттики: чествуются 10 избранных для проведения праздника в честь Амфиарая и выдается *εἰς θυσίαν καὶ ἀνάθημα* 100 драхм (IG II³ 355, 329/8 г. до н.э., 36–37); чествуется жрец Асклепия за хорошее исполнение своих обязанностей и выдается 30 драхм *εἰς θυσίαν* (IG II² 354, 328/7 г. до н.э., 23–24); чествуются хореги дема Эксона и выдается 10 драхм *εἰς θυσίαν* (IG II² 1198, 326/5 г. до н.э., 13–17); чествуется демот за исполнение хорегии и других литургий и выдается 5 драхм *εἰς θυσίαν* (SEG 34. 103, 350–300 гг. до н.э., 13–14); чествуются 11 эвтинов и выдается 100 драхм *εἰς θυσίαν καὶ ἀνάθημα* (IG II² 488, 304/3 г. до н.э., 18–19); чествуются два эпимелета фиаса за организацию общих празднеств и выдается *εἰς ἀνάθημα* 20 драхм (IG II² 1262, 301/0 г. до н.э., 9–10); чествуется секретарь фиасотов за попечение о средствах фиаса и благотворительность, в надписи использовано уникальное выражение *στεφανῶσαι ἀνάθηματι ἀπὸ 15 δραχμῶν* (IG II² 1263, 300/299 гг. до н.э., 24–25). Иногда благотворители награждались и более крупными суммами. Например, некоему фиванцу Дамасию, оказавшему ряд благодеяний дему Элевсин и организовавшему за свой счет 2 хора для устройства Дионисий, было выделено *εἰς θυσίαν* 100 драхм (IG II² 1186, 34–35, сер. IV в. до н.э.). Подобные надписи встречаются и в других регионах греческого мира (SEG 52. 724, Истрия, ок. 200 г. до н.э.; FD III 3. 238, Дельфы, 160/159 г. до н.э. etc.). Несомненно, что речь идет о частном жертвоприношении, хотя этот вид частного жертвоприношения был самым тесным образом связан с общественными делами и служением определенному общественному объединению³⁵.

В то же время были и обратные случаи, когда деньги на общественные жертвоприношения выделяли частные лица. Частные пожертвования (*ἐτιδόσεις*) на религиозные нужды были довольно распространены в Греции вообще и в Аттике в частности; до нас дошли своего рода «подписные листы», в которых перечислены имена жертвователей и суммы, пожертвованные ими для того или иного культа, а также благодарственные надписи жителей того ли иного дема благодетелям, выделившим деньги для той или иной культовой постройки, жертвоприношения или другого культового действия³⁶ (Афины: жертвоприношения и агоны – II² 657, 38–47, 287/6 г. до н.э.; жертвоприношения на Элевсинских мистериях – IG II² 661, 19–24, 283/2 г. до н.э.; строительство святилища и ремонт статуи – IG II² 2330, конец IV в. до н.э.; Галы Аксонские: статуя Афродиты – IG II² 2820, 360–350 гг. до н.э.; Элевсин: жертвоприношения Деметре и Коре на праздниках Алои и Хлои –

³⁵ Подробнее о такого рода жертвоприношениях см. Franklin 1901, 72–82.

³⁶ Lambert 1999, 120; Dow 1968, 181–182; Whitehead 1986, 171–175; частным пожертвованиям посвящена книга Migeotte 1992, в которой автор разбирает 87 случаев *ἐτιδόσεις* (по различным поводам) в разных греческих полисах, преимущественно на основе эпиграфических источников.

Π² 949, 33–34, 165/4 г. до н.э.; 100 драхм на организацию Гераклея – SEG 28. 103, 8–9, 332/1 г. до н.э.; 2 хора во время Дионисий – Π² 1186, 11–14, сер. IV в. до н.э.; Ахарны: алтарь – SEG 21. 519, 17–18, сер. IV в. до н.э.; неизв. дем: святилища и приношения – IG Π² 1215, 9–13, сер. III в. до н.э. etc.). Известно, что Фемистокл построил святилище Артемиды Аристобулы (Plut. Them. 22. 2–3), Ксенофонт – святилище Артемиды в Скиллунте (Xen. Anab. 5. 3. 7–13), Никий посвящал богам статуи и святилища в Афинах и посвятил богу священный участок на Делосе, доходы с которого делосцы должны были тратить на жертвы и угощения (Plut. Nic. III). Один из клиентов Исея рассказывает, что его предки посвятили треножники в святилища Диониса и Аполлона Пифийского, а также украсили Акрополь медными и мраморными изваяниями (Isaeus. V. 41–42). В Фессалониках в эллинистическое время частными лицами был построен Серапеум³⁷. Подобную благотворительность можно назвать пожертвованиями на общественные нужды и условно отнести к разряду частных жертвоприношений, хотя сами древние и не обозначали их этим словом. Жертва фактически приносилась в виде денег, выделявшихся на культ, жертвователи ожидали благосклонности богов, что позволяет нам называть их пожертвования жертвоприношением, и благодарности сограждан, что делало их частное жертвоприношение общественно значимым.

Итак, мы рассмотрели частные жертвоприношения в Греции, сосредоточившись на вопросах, где и по какому поводу они происходили, каким богам приносились жертвы дома, как происходили частные жертвоприношения в общественных святилищах, а также затронули вопрос о финансировании частных жертвоприношений и частных пожертвованиях на культ. Предметом нашего исследования были только жертвоприношения частных лиц; частные сообщества и объединения остались вне сферы нашего рассмотрения, поскольку заслуживают отдельного изучения. Сосредоточившись главным образом на афинском материале, мы широко привлекали источники и из других регионов; в результате выяснили, что общая картина была практически одинаковой во всем ареале греческого мира: как в центре, так и на периферии. Частные жертвоприношения являлись самым легким и доступным способом общения между индивидуумом и богом, не требовали особых приготовлений, зачастую не нуждались в посредничестве культового персонала и могли совершаться ежедневно любым человеком независимо от его статуса, пола и возраста. В то же время можно выделить разные «уровни» частных жертвоприношений: домашние жертвоприношения были их самым простым видом, жертвоприношения в святилищах требовали соблюдения определенных правил, установленных святилищем и его культовым персоналом. Хотя частные жертвоприношения были личным делом каждого человека, полис пытался регулировать и эту, самую интимную сферу человеческой деятельности. Крайним выражением таких стремлений явились теоретические построения позднего Платона, согласно которым все жертвоприношения должны были происходить в храмах, под наблюдением жрецов. Домашние жертвоприношения на семейных праздниках, будучи внутрисемейным делом, тем не менее являлись «маркерами» важных событий в жизни человека, приобретавшими значение в некоторых случаях взаимодействия полиса и индивидуума. Случаи сотрудничества полиса и отдельного

³⁷ Voutiras 2005, 273–288.

лица мы также встречаем в сфере финансирования частных жертвоприношений. Таким образом, хотя частные жертвоприношения являлись сферой, наименее затронутой вмешательством полисных структур, они не были полностью избавлены от этого вмешательства и не являлись сугубо частным делом, будучи вписаны в общее пространство полисной религиозной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Зелинский, Ф.Ф. 2014: *История античных религий*. Т. 2. СПб.
- Кулаковский, Ю. 1899: *Смерть и бессмертие в представлениях древних греков*. Киев.
- Ленская, В.С. 2012: Типы культов в Афинах. В сб.: *Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVII Сергеевских чтений*. М., 80–90.
- Ленская, В.С. 2013: Жрец и жертвоприношение в древней Греции. *ПИФК* 2, 315–331.
- Нильсон, М. 1998: *Греческая народная религия*. СПб.
- Aleshire, S.B. 1989: *The Athenian Asklepieion. The People, their Dedications and the Inventories*. Amsterdam.
- Baumbach, J.D. 2004: *The Significance of Votive Offerings in Selected Hera Sanctuaries in the Peloponnese, Ionia and Western Greece*. Oxford.
- Boedeker, D. 2008: Family Matters. Domestic Religion in Classical Greece. In: J. Bodel, S.M. Olyan (eds.), *Household and Family Religion in Antiquity*. Oxford, 229–247.
- Brulé, P. 2005: «La cité est la somme des maisons». Un commentaire religieux. In: V. Dasen, M. Piérart (éds.), *Ἱδία καὶ δημοσία. Les cadres “privés” et “publics” de la religion grecque antique*. Liège, 27–53.
- Burkert, W. 2011: *Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche*. Stuttgart.
- Dow, S. 1968: Six Athenian Sacrificial Calendars. *BCH* 92, 170–186.
- Faraone, Ch. 2008: Household Religion in Ancient Greece. In: J. Bodel, S.M. Olyan (eds.), *Household and Family Religion in Antiquity*. Oxford, 210–228.
- Foxhall, L. 2007: House Clearance: Unpacking “The Kitchen” in Classical Greece. In: R. Westgate, N. Fisher, J. Whitley (eds.), *Building Communities: House, Settlement, and Society in the Aegean and Beyond*. London, 233–242.
- Franklin, S. 1901: Public Appropriations for Individual Offerings and Sacrifices in Greece. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 32, 72–82.
- Gagarin, M. 2016: Ancient Greek Laws on Sacrifice. In: K.A. Murrey (ed.), *Diversity of Sacrifice. Form and Practice of Sacrificial Practices in the Ancient World and Beyond*. New York.
- Georgoudi, S. 1988: Commémoration et célébration des morts dans les cités grecques: les rites annuels. In: Ph. Gignoux (ed.), *La commémoration*. Louvain–Paris, 73–89.
- Georgoudi, S. 1998: Sacrifices dans le monde grec: de la cité aux particuliers. Quelques remarques. *Ktema* 23, 325–334.
- Hamilton, R. 1984: Sources for the Athenian Amphiromia. *GRBS* 25, 243–251.
- Hedrick, Ch. 1988: The Temple and Cult of Apollo Patroos in Athens. *AJA* 92, 185–210.
- Jacoby, F. 1944: Γενέσια. A Forgotten Festival of the Dead. *CQ* 38, 65–75.
- Jameson, M. 1990: Private Space and the Greek City. In: O. Murray, S. Price (eds.), *The Greek City from Homer to Alexander*. Oxford, 171–198.
- Lambert, S. 1993: *The Phratries of Attica*. Ann Arbor.
- Lambert, S. 1999: Thiasoi of Heracles and the Salaminioi Again. *ZPE* 125, 93–130.
- Lambert, S. 2002: The Sacrificial Calendar of Athens. *ABSA* 97, 353–399.
- Leitao, D. 2003: Adolescent Hair-Growing and Hair-Cutting Rituals in Ancient Greece. In: D. Dodd, Ch. Faraone (eds.), *Initiations in Ancient Greek Rituals and Narratives: New Critical Perspectives*. London–New York, 109–129.

- Migeotte, L. 1992: *Les souscriptions publiques dans les cités grecques*. Genève.
- Nilsson, M. 1960: Roman and Greek Domestic Cult. In: *Opuscula Selecta*. III. Lund, 271–285.
- Parker, R. 2005: *Polytheism and Society at Athens*. Oxford.
- Parker, R. 2008: Πατρῶοι θεοί. The Cults of Sub-Groups and Identity in the Greek World. In: A.H. Rasmussen (ed.), *Religion and Society. Rituals, Resources and Identity in the Ancient Graeco-Roman World. The BOMOS-Conferences 2002–2005*. Rome.
- Parker, R. 2015: Public and Private. In: R. Raja, J. Rüpke (eds.), *A Companion to the Archaeology of Religion in the Ancient World*. Oxford, 71–80.
- Petersen, Ch. 1851: *Der Hausgottesdienst der alten Griechen*. Cassel.
- Van Straten, F.T. 1995: *Hiera Kala. Images of Animal Sacrifice in Archaic and Classical Greece*. Leiden–New York–Koeln.
- Vernant, J.-P. 1965: *Mythe et pensée chez les grecs*. Paris.
- Voutiras, E. 2005: Sanctuaire privé – culte public? Le cas du Sarapeion de Thessalonique. In: V. Dasen, M. Piérart (éds.), *Ἰδίᾳ καὶ δημοσίᾳ. Les cadres “privés” et “publics” de la religion grecque antique*. Liège, 273–288.
- Whitehead, D. 1986: *The Demes of Attica 508/7–250 B.C. A Political and Social Study*. Princeton.
- Yavis, C. 1949: *Greek Altars. Origins and Typology*. Saint Louis.

REFERENCES

- Aleshire, S.B. 1989: *The Athenian Asklepiaion. The People, their Dedications and the Inventories*. Amsterdam.
- Baumbach, J.D. 2004: *The Significance of Votive Offerings in Selected Hera Sanctuaries in the Peloponnese, Ionia and Western Greece*. Oxford.
- Boedeker, D. 2008: Family Matters. Domestic Religion in Classical Greece. In: J. Bodel, S.M. Olyan (eds.), *Household and Family Religion in Antiquity*. Oxford, 229–247.
- Brulé, P. 2005: «La cité est la somme des maisons». Un commentaire religieux. In: V. Dasen, M. Piérart (éds.), *Ἰδίᾳ καὶ δημοσίᾳ. Les cadres “privés” et “publics” de la religion grecque antique*. Liège, 27–53.
- Burkert, W. 2011: *Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche*. Stuttgart.
- Dow, S. 1968: Six Athenian Sacrificial Calendars. *BCH* 92, 170–186.
- Faraone, Ch. 2008: Household Religion in Ancient Greece. In: J. Bodel, S.M. Olyan (eds.), *Household and Family Religion in Antiquity*. Oxford, 210–228.
- Foxhall, L. 2007: House Clearance: Unpacking “The Kitchen” in Classical Greece. In: R. Westgate, N. Fisher, J. Whitley (eds.), *Building Communities: House, Settlement, and Society in the Aegean and Beyond*. London, 233–242.
- Franklin, S. 1901: Public Appropriations for Individual Offerings and Sacrifices in Greece. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 32, 72–82.
- Gagarin, M. 2016: Ancient Greek Laws on Sacrifice. In: K.A. Murrey (ed.), *Diversity of Sacrifice. Form and Practice of Sacrificial Practices in the Ancient World and Beyond*. New York.
- Georgoudi, S. 1988: Commémoration et célébration des morts dans les cités grecques: les rites annuels. In: Ph. Gignoux (ed.), *La commémoration*. Louvain–Paris, 73–89.
- Georgoudi, S. 1998: Sacrifices dans le monde grec: de la cité aux particuliers. Quelques remarques. *Ktema* 23, 325–334.
- Hamilton, R. 1984: Sources for the Athenian Amphiromia. *GRBS* 25, 243–251.
- Hedrick, Ch. 1988: The Temple and Cult of Apollo Patroos in Athens. *AJA* 92, 185–210.
- Jacoby, F. 1944: Γενέσια. A Forgotten Festival of the Dead. *CQ* 38, 65–75.
- Jameson, M. 1990: Private Space and the Greek City. In: O. Murray, S. Price (eds.), *The Greek City from Homer to Alexander*. Oxford, 171–198.

- Kulakovskiy, Ju. 1899: *Smert' i bessmertie v predstavleniyakh drevnikh grekov* [Death and immortality in the ideas of ancient Greeks]. Kiev.
- Lambert, S. 1993: *The Phratries of Attica*. Ann Arbor.
- Lambert, S. 1999: Thiasoi of Heracles and the Salaminioi Again. *ZPE* 125, 93–130.
- Lambert, S. 2002: The Sacrificial Calendar of Athens. *ABSA* 97, 353–399.
- Leitao, D. 2003: Adolescent Hair-Growing and Hair-Cutting Rituals in Ancient Greece. In: D. Dodd, Ch. Faraone (eds.), *Initiations in Ancient Greek Rituals and Narratives: New Critical Perspectives*. London–New York, 109–129.
- Lenskaya, V.S. 2012: Tipy kul'tov v Afinakh [Types of cults in Athens]. In: *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti* [East, Europe, America in antiquity. Issue 2. Proceedings of XVII Sergeevskie chteniya]. Moscow, 80–90.
- Lenskaya, V.S. 2013: Zhrets i zhertvoprinoshenie v drevney Grecii. [The priest and the sacrifice in ancient Greece]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 2, 315–331.
- Migeotte, L. 1992: *Les souscriptions publiques dans les cités grecques*. Genève.
- Nilson, M. 1998: *Grecheskaya narodnaya religiya* [Greek popular religion]. Saint-Petersburg.
- Nilsson, M. 1960: Roman and Greek Domestic Cult. In: *Opuscula Selecta*. III. Lund, 271–285.
- Parker, R. 2005: *Polytheism and Society at Athens*. Oxford.
- Parker, R. 2008: Πατρῶοι θεοί. The Cults of Sub-Groups and Identity in the Greek World. In: A.H. Rasmussen (ed.), *Religion and Society. Rituals, Resources and Identity in the Ancient Graeco-Roman World. The BOMOS-Conferences 2002–2005*. Rome.
- Parker, R. 2015: Public and Private. In: R. Raja, J. Rüpke (eds.), *A Companion to the Archaeology of Religion in the Ancient World*. Oxford, 71–80.
- Petersen, Ch. 1851: *Der Hausgottesdienst der alten Griechen*. Cassel.
- Van Straten, F.T. 1995: *Hiera Kala. Images of Animal Sacrifice in Archaic and Classical Greece*. Leiden–New York–Koeln.
- Vernant, J.-P. 1965: *Mythe et pensée chez les grecs*. Paris.
- Voutriras, E. 2005: Sanctuaire privé – culte public? Le cas du Sarapeion de Thessalonique. In: V. Dasen, M. Piérart (éds.), *Ἱδία καὶ δημοσία. Les cadres “privés” et “publics” de la religion grecque antique*. Liège, 273–288.
- Whitehead, D. 1986: *The Demes of Attica 508/7–250 B.C. A Political and Social Study*. Princeton.
- Yavis, C. 1949: *Greek Altars. Origins and Typology*. Saint Louis.
- Zelinskiy, F.F. 2014: *Istoriya antichnykh religiy* [A history of ancient religions]. T. 2. Saint Petersburg.

INDIVIDUAL SACRIFICES IN ANCIENT GREECE

Valeriya S. Lenskaya

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 vlenskaya@yandex.ru

Abstract. In this paper, the author reviews individual sacrifices in Ancient Greece: where and for what reason they occurred, to what deities sacrifices of the house were made, the way individual sacrifices took place in public sanctuaries. The article also deals with the issue of individual sacrifices financing and private donations for cults. Individual sacrifices were the easiest and most accessible way of communication between a person and deity; they did not require special preparation, often did not need the intermediation of any cult personnel and could be performed daily by any person regardless of his status, gender and age. The different “levels”

of individual sacrifices were discerned: household sacrifices were their simplest kind; sacrifices in sanctuaries required the observance of certain rules set by the sanctuary and its religious personnel. Household sacrifices at family gatherings, being an infra-familiar matter, in some cases (for example, in court cases) gained a social significance, “marking” important events in a person’s life. We also see cases of cooperation between a polis and an individual person in the field of financing of individual sacrifices. Thus, although individual sacrifices were the area least affected by the interference of polis structures, they were not completely free from this interference and were not a purely private matter, being integrated in the common space of the polis religious life.

Keywords: Ancient Greece, religion, cult, sacrifice

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2017), 64–74
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2017), 64–74
© Автор(ы) 2017

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОГОВОРЫ КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ: НАРРАТИВНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЭПИГРАФИКА

Э.В. Рунг, Е.А. Венидиктова

Казанский федеральный университет, Казань, Россия
Eduard_Rung@mail.ru, E_Venidiktova@mail.ru

Аннотация. Данная работа предлагает сравнительный обзор сведений нарративных греческих источников и эпиграфики в отношении межгосударственных договоров классической Греции. Поднимаются вопросы типологии соглашений в зависимости от периода их заключения, а также конкретного греческого полиса, рассматриваются наиболее часто встречающиеся положения в их условиях, которые позволяют уяснить некоторые структурообразующие компоненты межгосударственных договоров. Сохранившиеся межгосударственные соглашения древних греков могут быть разделены в зависимости от количества участников на билатеральные и мультилатеральные, от предмета же договора – на союзные, чаще всего обозначаемые термином *συνμαχία*, и мирные, которые могут определяться как *σπονδαί*, *συνθήκαι* и, наконец, *εἰρήνη*. Союзные договоры включали в себя условия военного сотрудничества против врага, а также текст клятвы. Слово *εἰρήνη* «мир» приходит на смену *σπονδαί* для обозначения мирного договора и может объясняться популярностью концепции всеобщего мира – *κοινὴ εἰρήνη* в IV в. до н.э. Термин *συνθήκαι* – более общий и мог применяться не только к мирным, но также и к союзным договорам. В ряде межгосударственных соглашений *συνθήκαι* обозначал договор, который устанавливал мир, дружбу и союз. В заключении статьи подчеркивается, что, несмотря на богатую нарративную традицию греческих договорных отношений, представленную в произведениях античных авторов, именно эпиграфические свидетельства позволяют с большой точностью получить представления о терминологических аспектах развития дипломатии и международного права в классическом греческом мире.

Ключевые слова: Греция, дипломатия, международное право, договоры

Цель данной работы состоит в том, чтобы продемонстрировать значимость нарративных источников и надписей для изучения некоторых аспектов греческой дипломатии: заключения договоров и обмена посольствами между греческими полисами, а также между греками и варварами. Именно надписи предоставляют

Рунг Эдуард Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

Венидиктова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

особенно важную информацию по развитию договорной терминологии, что зачастую невозможно определить на основании данных нарративных источников.

Довольно парадоксально, что в нашем распоряжении достаточно много копий союзных договоров, которые сохранились в надписях, но исключительно мало копий мирных соглашений. Действительно, полные версии наиболее важных греческих мирных договоров сохранились только лишь в нарративной традиции. Так, тексты Каллиева мира 449 г. до н.э.¹, тридцатилетнего мира 446 г. до н.э. между Афинами и Спартой², Никиева мира 421 г. до н.э.³, мирного договора между Афинами и Спартой 404 г. до н.э., который закончил Пелопоннесскую войну⁴, Анталкидова мира 386 г. до н.э.⁵, договоров κοινὴ εἰρήνη⁶ отсутствуют в надписях. Остается только предполагать, в чем причина этой диспропорции: в том, что союзные договоры заключались гораздо чаще, чем мирные, и потому сохранились в большом количестве, или же большинство копий мирных соглашений на стелах могли быть уничтожены уже самими современниками в связи с разрывом между сторонами договорных отношений⁷, как это засвидетельствовано, например, в отношении Филократова мира 346 г. до н.э. (Philoch. *FGrHist.* 328 F. 162) (следует обратить внимание на то, что безусловно мирные договоры нарушались гораздо чаще, чем, например, союзные, поскольку первые обычно завершали состояние войны между традиционными противниками; союзные же соглашения заключались в большинстве случаев между традиционными партнерами и союзниками и могли быть более долговечными).

В нашем распоряжении имеются сохранившиеся в надписях более двух десятков договоров афинян с другими государствами, которые относятся к V столетию до н.э.: некоторые из этих соглашений представляют собой билатеральные симмахии⁸, один договор – мультилатеральный⁹, ряд договоров посвящены урегулированию отношений с участниками Делосского союза¹⁰. Что касается же IV столе-

¹ Isocr. IV. 118, 120; VII. 80; XII. 59; Dem. XV. 29; XIX. 273–274; Lyc. I. 72–73; Plut. Cim. 13. 5 = Craterus *FGrHist.* 342. F. 13; Diod. XII. 4. 4–5; Aristodem. *FGrHist.* 104. F. 13; Suda. s. v. Κίμων Μιλτιάδου; Καλλίας; Badian 1993, 1–39; Bloedow 1992, 41–68; Cawkwell 1997, 115–125; Samons 1998, 129–140; Строецкий 1991, 158–167; Рунг 2008, 132–178.

² Thuc. I. 115. 1; Diod. XII. 7; Lewis 1992, 121–146; Baltrusch 1994, 158–169.

³ Thuc. V. 6–12; Diod. XII. 74; Legon 1969, 323–334; Baltrusch 1994, 169–185; Rahe 2009, 31–69.

⁴ Xen. Hell. II. 2. 20; Andoc. I. 80; III. 11–12, 31, 39; Arist. Ath. pol. 34. 3; Diod. XIII. 107. 4; XIV. 3. 2–6; Plut. Lys. 14. 8.

⁵ Xen. Hell. V. 1. 31; Diod. XIV. 110. 2–4; Cawkwell 1981, 69–83; Badian 1991, 25–48; Urban 1991; Quass 1991, 33–56; Schmidt 1999, 81–96.

⁶ Мир 375/4 г. до н.э.: Diod. XV. 38. 1–3; Philoch. *FGrHist.* F. 151; мир 372/1 г. до н.э.: Xen. Hell. VI. 3. 2–20; Diod. XV. 50. 4; мир 371/0 г. до н.э.: Xen. Hell. VI. 5. 1–3; мир 366/5 г. до н.э.: Xen. Hell. VII. 4. 10–11; Diod. XV. 76. 3; мир 362/1 г. до н.э.: Diod. XV. 89. 1–2; Roos 1949, 265–285; Ryder 1957, 199–205; 1965; Cawkwell 1961, 80–86; 1963, 84–95; Jehne 1992, 99–116; 1994.

⁷ О практиках сохранения и разрушения стел с текстами договоров см.: Bolmarcich 2007, 477–489.

⁸ Договор с Фокидой ок. 458 г. до н.э.: IG. I³. 9; Эгестой ок. 433/2 г. до н.э.: IG. I³. 11–12; Регием ок. 433/2 г. до н.э.: IG. I³. 53; Леонтинами ок. 433/2 г. до н.э.: IG. I³. 54; Галиями 424/3 г. до н.э.: IG. I³. 75; боттизйцами 422 г. до н.э.: IG. I³. 76; аргивянами 417/6 г. до н.э.: IG. I³. 86; Пердиккой II Македонским ок. 417–413 г. до н.э.: IG. I³. 89.

⁹ Союз афинян с аргивянами, элейцами и мантинейцами, 420 г. до н.э.: IG. I³. 83.

¹⁰ Афинский договор с Фаселидой ок. 469–450 г. до н.э.: IG. I³. 10; Эрифрами ок. 453/2 г. до н.э.: IG. I³. 14–15; Милетом ок. 450/49 г. до н.э.: IG. I³. 21; Колофоном, 447/6 г. до н.э.: IG. I³. 37; ок. 435–427 гг. до н.э.: IG. I³. 43; 427/6 г. до н.э.: IG. I³. 65; Халкидой, 446/5 г. до н.э.: IG. I³. 40; Мити-

тия до н.э., то в надписях сохранилось в два раза больше экземпляров договоров, которые были заключены афинянами с другими греками¹¹. К этому перечню необходимо также добавить еще некоторое количество не упомянутых в нарративных источниках, а известных исключительно по данным надписей второй половины VI–IV вв. до н.э. договоров неафинского происхождения, которые представляют особенный интерес в плане изучения их терминологии и внутренней структуры по сравнению с соглашениями афинян с другими греческими полисами¹². Даже с их учетом получается не очень большое количество документов, если сравнить, например, с общим количеством соглашений, собранных Г. Бенгтсоном во втором томе «Die Staatsverträge des Altertums»¹³. Причем в разные годы (с выхода книги А. Филиппсона «Международное право и обычаи древней Греции и Рима» (1911) и вплоть до публикации книги Дж. Бедермана «Международное право в древности» (2001)) различные исследователи насчитывали в классической Греции от 200 до 400 межгосударственных соглашений¹⁴.

Однако необходимо принять во внимание, что подавляющее большинство таких договоров засвидетельствованы только в греческой нарративной традиции и только в труде Фукидида могут быть найдены относительно полные тексты документов¹⁵. Таким образом, значение эпиграфических свидетельств вполне очевидно и не нуждается в подробном объяснении. В отношении IV в. до н.э. только надписи предоставляют полные тексты договоров, дошедших до нашего времени в той или иной степени сохранности. Напротив, Ксенофонт, Диодор Сицилийский, аттические ораторы периодически ссылались на межгосударственные соглашения, но практически никогда не излагали полное их содержание, ограничиваясь передачей наиболее значимых условий.

Рассмотрение греческих дипломатических процедур, отраженных в надписях, начнем с изучения терминологии межгосударственных договоров, и, прежде всего, обратимся к типичным греческим симмахиям. Симмахия – военный союз, главным образом оборонительный, обычно заключаемый на определенный пери-

ленной, 427/6 г. до н.э.: IG. I³. 66-67; Самосом, 412/11 г. до н.э.: IG. I³. 96; 405/4 г. до н.э.: IG. I³. 127; Фасосом, 410/09 г. до н.э.: IG. I³. 101.

¹¹ Билатеральные симмахии согласованы с беотийцами (395 г. до н.э.: IG. I². 14), локрами (395 г. до н.э.: IG. I². 15), эретрейцами (394 г. до н.э.: IG. I². 16), хиосцами (384/3 г. до н.э.: IG. I². 34-35), фиванцами (378 г. до н.э.: IG. I². 40), византийцами (378 г. до н.э.: IG. I². 41), мегимнянами (378 г. до н.э.: IG. I². 42), коркирянами (375 г. до н.э.: IG. I². 97), кефалленцами (375/4 г. до н.э.: IG. I². 98), Дионисием I Сиракузским (368/7 г. до н.э.: IG. I². 105), фессалийцами (361/0 г. до н.э.: IG. I². 116), локрами (356/5 г. до н.э.: IG. I². 148), эретрийцами (341/0 г. до н.э.: IG. I². 230); мультilaterальных договоров только три: договор с полисами Второго Афинского морского союза («псефизма Аристотеля» 378/7 г. до н.э.: IG. I². 43); афинский договор с коркирянами, акарнанцами и кефалленцами (375/4 г. до н.э.: IG. I². 96); афинский договор с аркадянами, ахейцами, элейцами и флиунтцами (362/1 г. до н.э.: IG. I². 112). Перевод на русский см.: Маринович 2002, 82–113.

¹² Например, наиболее ранние договоры – VI в. до н.э.: симмахия между элейцами и герейцами (Tod. I. 5);

¹³ Bengtson 1962.

¹⁴ Bederman 2001, 154.

¹⁵ Спартано-афинское соглашение о перемирии 423 г. до н.э. (Thuc. IV. 118), Никиев мир (Thuc. V. 18), спартано-афинский союзный договор 421 г. до н.э. (Thuc. V. 23), союзный договор между афинянами, аргивянами, мантинейцами и элейцами (Thuc. V. 47), два спартано-аргосских договора 418 г. до н.э. (Thuc. V. 77; 79), три спартано-персидских договора 412–411 гг. до н.э. (Thuc. VIII. 18; 37; 58).

од времени (тридцать, пятьдесят, сто лет) или же на вечные времена¹⁶. Один из наиболее ранних греческих документов, который провозглашал билатеральную симмахию, был договор между элейцами и герейцами сроком на сто лет, обычно датируется VI в. до н.э. (Tod². I. 5). Этот документ написан архаичным языком, и его основные формулы не являются типичными для симмахий, которые были заключены в более поздний период. Между тем афинские надписи позволяют определить терминологию договоров, которая была в обращении в течении двух столетий классического периода. Договоры обычно имели официальное обозначение: в V столетии до н.э. это могло быть просто $\chi\sigma\upsilon\nu(\mu)\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ (афинские соглашения с Фокидой: IG. I³. 9, 5; Регием: IG. I³. 53, 1; Леонтинами: IG. I³. 54, 2–3); [$\chi\sigma\upsilon\mu\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ καὶ ὁρκ]ος (с Эгестой: IG. I³. 11); [$\phi\acute{\iota}\lambda\acute{\iota}\alpha$ καὶ $\chi\sigma\upsilon\nu\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$] (с Эгестой: IG. I³. 12); $\chi\sigma\upsilon\nu\theta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$ [ι καὶ $\chi\sigma\upsilon\mu\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ καὶ ὁρκο]ς (с Галиями: IG. I³. 75); $\sigma\pi\omega\nu\delta\alpha\acute{\iota}$ (предположительно восстанавливается в договоре афинян с аргивянами, элейцами и мантинейцами: IG. I³. 83); $\chi\sigma\upsilon[\mu\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ καὶ $\chi\sigma\upsilon\nu\theta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$] (с аргивянами: IG. I³. 86); однако большинство этих обозначений восстановлены исследователями, так что наиболее надежными прочтениями является слово $\chi\sigma\upsilon\nu(\mu)\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ в договорах афинян с Фокидой, Регием, Леонтинами и аргивянами и слово $\chi\sigma\upsilon\nu\theta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$ в договоре с Галиями. В IV столетии до н.э. греческие союзные договоры всегда назывались только $\sigma\upsilon\mu\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ (IG. I². 14; 15; 16; 34; 35; 41; 42; 43; 97; 112; 116). Что касается перемирий и мирных договоров, как правило завершавших военные конфликты в греческом мире, то слово $\sigma\pi\omega\nu\delta\alpha\acute{\iota}$, которое, например, было обычным в употреблении Фукидида¹⁷, встречается достаточно редко в надписях¹⁸. Поэтому весьма примечательно появление слова $\epsilon\acute{\iota}\rho\eta\nu\eta$ «мир» в ряде дипломатических документов IV в. до н.э., которое очевидно приходит на смену $\sigma\pi\omega\nu\delta\alpha\acute{\iota}$ для обозначения мирного договора¹⁹. Это может объясняться популярностью концепции всеобщего мира – $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ $\epsilon\acute{\iota}\rho\eta\nu\eta$ в IV в. до н.э.

Таким образом, эпиграфика находится в полном соответствии с греческой нарративной традицией. Так, например, уже Андокид в своей речи «О мире с лаккедемонянами» откровенно противопоставляет мирный договор ($\sigma\pi\omega\nu\delta\alpha\acute{\iota}$) и подлинный мир ($\epsilon\acute{\iota}\rho\eta\nu\eta$): «Ведь мир и мирный договор отнюдь не одно и то же: мир заключают друг с другом на равных условиях те, кто пришел к согласию отно-

¹⁶ Однако в надписях не упоминаются другие определения для союзных договоров, которые встречаются иногда в текстах нарративных источников – $\epsilon\pi\iota\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ (Thuc. I, 44. 1; V. 48. 2; Dem. XIV. 7) и $\delta\iota\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ (Hdt. VII. 145; VIII. 140; Thuc. I. 18. 3).

¹⁷ У Фукидида слово $\sigma\pi\omega\nu\delta\alpha\acute{\iota}$ встречается в различных контекстах 141 раз и сопоставимо с употреблением им слова $\xi\upsilon\mu\mu\alpha\chi\acute{\iota}\alpha$ (154 раз). Некоторые исследователи акцентировали внимание на специфику $\sigma\pi\omega\nu\delta\alpha\acute{\iota}$ по сравнению с другими терминами, обозначающими договоры в классической Греции.

¹⁸ Наиболее очевидный пример такого употребления – выражение $\sigma\pi\omega\nu\delta\alpha\acute{\iota}$ πρὸς βασιλέα в тексте афинского декрета в честь Гераклида Клазоменского (IG. I³. 227, 14–18) – ссылка на Эпиликлов мирный договор афинян с персидским царем Дарием II

¹⁹ Об этом изменении $\sigma\pi\omega\nu\delta\alpha\acute{\iota}$ на $\epsilon\acute{\iota}\rho\eta\nu\eta$ в IV в. до н.э.: Alonso 2007, 209, 220–221. Однако П. Лоу указывает на ряд афинских документов, в основном последней четверти V в. до н.э., в которых делается ссылка на «мир» ($\epsilon\acute{\rho}\epsilon\nu\epsilon$) (Low 2012, 120, not. 10): псефизма в отношении Элевсина (IG. I³. 58, fr. c, 2); договор между афинянами и Галиями, 424/3 г. до н.э. (IG. I³. 75, 18), афино-аргосский договор 417/6 г. до н.э. (IG. I³. 86, 12). Контекст употребления этого слова в более ранних соглашениях показывает, что вопреки мнению ряда исследователей, слово «мир» ($\epsilon\acute{\rho}\epsilon\nu\epsilon$) в данных случаях не было *terminus technicus* для договора, но употреблялось для обозначения состояния между сторонами.

сительно предмета спора; мирный же договор диктуют после своей победы на войне победители побежденным» (Andoc. III. 11; пер. Э.Д. Фролова). Встречается несколько ссылок на εἰρήνη в надписях IV в. до н.э.

1. Афинский союзный договор с хиосцами 384/383 г. до н.э. ссылался на Царский мир, как «общие решения, записанные у эллинов», «сохранять, как и афиняне, мир, дружбу, клятвы и существующие договоры, чему присягнули царь, лакедемоняне и другие эллины» (IG. I². 34, 5–20; пер. И.А. Шишовой).

2. Афинский декрет в честь Дионисия I Сиракузского 369/8 г. до н.э. сообщает, что сицилийский тиран оказывал некую помощь грекам в переговорах по поводу Царского мира (καὶ βοήθ[οῦσιν τῇ βασι]λέως εἰ[ρήν]η) – ссылка либо на договор 386 г. до н.э., либо на его позднейшие возобновления (IG.I².103, 23–24).

3. Аргосская надпись, известная также как «ответ греков послу от восставших сатрапов» (оригинальная стела теперь утеряна), ссылался несколько раз на всеобщий мир (κοινὴ εἰρήνη), который был заключен самими греками в период Великого восстания сатрапов 362/1 г. до н.э. (Tod². II. 145).

4. Слово εἰρήνη встречается во фрагментах договора греков с Филиппом II Македонским, заключенного в Коринфе в 338/7 г. до н.э. (Tod². II. 177).

5. Представляется интересным появление слова «мир» в спартанском договоре с этолийцами и эрксадийцами, который был опубликован несколько десятилетий назад (SEG. XXVI. 461). Этот документ провозглашал договор с этолийцами на условиях дружбы, мира и союза (сткк. 1-3): [συνθῆ]καὶ Αἰτολοῖς κ[αττάδε φίλια]ν καὶ ἡιράναν ἔ[μεν ποτ Αἰτο]λὸς καὶ συμμα[χίαν]. В литературе встречаются различные датировки этого соглашения. Между тем едва ли возможно поддержать тех исследователей, которые считают этот документ самым ранним свидетельством в пользу появления слова εἰρήνη уже в V в. до н.э.²⁰ С. Больмарсич очевидно права, когда относит договор к периоду утверждения спартанской гегемонии в Греции сразу же после окончания Пелопоннесской войны в 404 г. до н.э.²¹ В пользу этого предположения свидетельствует лексика договора. Поэтому можно быть уверенным, что слово «мир» не встречается в греческих официальных документах ранее рубежа V–IV вв. до н.э.

Что касается прочих договоров, то они могли определяться как σύμβουλα, ὄρκος, συγκείμενα или просто συνθήκαι. Причем следует заметить, что συνθήκαι – более общий термин, нежели συμμαχία, и мог применяться также и к союзным договорам. В ряде межгосударственных соглашений συνθήκαι обозначал договор, который устанавливал мир, дружбу и союз. Это заключение подтверждается как спартанским договором с этолийцами и эрксадийцами, так и другими документами, которые обозначались в надписях как συνθήκαι. Договор между Аминтой II и халкидянами во Фракии не был только симмахией (хотя и упоминал союз на пятьдесят лет и включал условия военного сотрудничества, как было принято в симмахиях): оборотная сторона стелы содержала условия соглашения о торговом сотрудничестве между сторонами (Tod². II, 111). Договор, не являясь «чистой» симмахией, обозначался как συνθήκαι.

В V столетии до н.э. большинство договоров заключалось на определенный период. Аристофан в «Ахарнях», например, считал тридцатилетний мир луч-

²⁰ Кноерфлер 1980, 466, not. 15.

²¹ О различных датировках см.: Bolmarcich 2005, 22–28.

шим выбором для греков в период Пелопоннесской войны (Ar. Acharn. 188–200: хотя комедиограф упоминал также пятилетнее перемирие и десятилетний мирный договор). В этот период договоры обычно заключались на тридцать, пятьдесят или же сто лет²². Однако существовали и некоторые соглашения, которые были заключены на вечные времена и в этих случаях источники V в. до н.э. употребляли выражение ἐς αἰδίων – «навечно»²³. Между тем большая часть договоров в IV в. до н.э. заключалась на вечные времена²⁴. Это важное изменение в определении периода действия соглашений, засвидетельствованное также и в надписях, отражало стремление греческих полисов, находившихся в постоянных конфликтах друг с другом, к построению более стабильных и предсказуемых взаимоотношений (хотя на практике это, разумеется, не было препятствием для частого нарушения договоров). В IV в. до н.э. в договорах, которые заключались на вечные времена, обычно используется фраза εἰς αἰ / ἅπαντα χρόνον взамен ἐς αἰδίων²⁵, характерного для соглашений предыдущего столетия.

Теперь необходимо по возможности кратко рассмотреть основные составляющие договоров на примере симмахии. Союзные договоры обычно включали в себя условия военного сотрудничества против врага, а также текст клятвы. Впрочем, стандартная формула в симмахии не оставалась неизменной на протяжении V–IV вв. до н.э. и зависела во многом от местных традиций составления договоров в различных греческих государствах. В V столетии до н.э. союзные договоры греков, например, включали условие быть верными, искренними, справедливыми и сильными союзниками, иметь одних и тех же друзей и врагов²⁶. Но в большинстве афинских договоров IV в. до н.э. подобных условий не отмечается, хотя все же возможно обнаружить их в неафинских соглашениях того периода (Tod². II. 158; SEG. XXII.339, fr.bc). Подобные условия находили отражение также и в нарративных источниках, в частности, у Геродота и Фукидида²⁷.

По обыкновению, греки присягали заявленным условиям при заключении своих союзных договоров. Так, например, в афинском договоре с боттиэцами заявлено, что афиняне присягнули соблюдать союз неукоснительно и без обмана, защищать боттиэцев; последние присягнули быть друзьями и союзниками афинян неукоснительно и без обмана, иметь одних и тех же друзей, и врагов и не оказывать помощи противникам афинян (IG. I³. 76, 12–20).

²² Тридцатилетними были соглашения (σπονδαί) между спартанцами и аргосцами в 451 г. до н.э. (Thuc. V. 14, 4; 28, 2; 40); между спартанцами и афинянами в 446 г. до н.э. (Thuc. I. 115. 1), пятидесятилетними – Никиев мир (Thuc. V. 18. 3), афино-спартанский союз 421 г. до н.э. (Thuc. I. 5. 32. 1), спартано-аргосский договор 418 г. до н.э. (Thuc. V. 79. 1), афино-аргосский договор 417/6 г. до н.э. (IG. I³. 86, 4), заключенным на 100 лет был договор между афинянами, аргивянами, элейцами и мантинейцами 418 г. до н.э. (Thuc. V. 47. 1; IG. I³. 83).

²³ Афинские договоры с Регием и Леонтинами: IG. I³. 53, 12; IG. I³. 54, 23.

²⁴ Knoepfler 1980, 465–466.

²⁵ Афино-беотийский союз 395 г. до н.э. (IG. I². 14), афино-локрийский союз 395 г. до н.э. (IG. I². 15), афино-хиосский союз 383 г. до н.э. (IG. I². 34), афино-коркирейский союз 375/4 г. до н.э. (IG. I². 97), договор афинян с Дионисием I Сиракузским (IG. I². 105), афинский договор с аркадянами, ахейцами, элейцами и флиунтами (IG. I². 112), афинско-фессалийский союзный договор (IG. I². 116).

²⁶ В союзном договоре с Регием ок. 433/2 г. до н.э. (IG. I³. 53); в союзном договоре с Пердиккой II Македонским ок. 417–413 гг. до н.э. (IG. I³. 89).

²⁷ Hdt. I. 69; 8. 140; 9. 7; Никиев мир (Thuc. V. 18); афино-спартанский союз 421 г. до н.э. (Thuc. V. 23. 2, 3); договор между афинянами, аргивянами, элейцами и мантинейцами 418 г. до н.э. (Thuc. V. 47).

Некоторые изменения в традиционных формулах симмахий происходят на рубеже V–IV вв. до н.э. Именно в IV столетии до н.э., как справедливо замечает Дж. Моузли²⁸, большинство греческих союзных договоров уже содержали условие оказывать помощь в случае нападения врага и не заключать договора с врагом без согласия всех участников соглашения. Условие о военной взаимопомощи зафиксировано в союзных греческих договорах конца V в. до н.э. (IG. I³. 75, 83; 86; 89), но оно становится неотъемлемым свойством всех союзных соглашений в IV столетии до н.э. В греческих надписях это условие встречается в различных вариациях, которые зависели в том числе и от традиций составления договоров в конкретном полисе. Распространенное выражение «если кто-то пойдет войной...» (ἐάν τις ἦν ἐπὶ πόλεμῳ) присутствует в ряде афинских договоров IV в. до н.э. с официальным обозначением *συμμαχία*²⁹. В договоре между писатами, мессенцами и сикионцами 365 г. до н.э. (SEG. XXII, 339) вполне традиционное условие о взаимопомощи упоминает также и о возможности свержения государственного строя неприятелем, а это предполагает, что договор был направлен против спартанцев, которые стремились к уничтожению Мессении в 360-е гг. до н.э.

Вполне очевидно, что многие греческие документы включали информацию по обмену послами между государствами (направление и прием послов, размер посольств, принятие присяги на верность договорам, размер содержания – *ἐφόδια*, и т.д.). Так, например, афинские договоры с Регием и Леонтинами, которые были, вероятно, утверждены на одной и той же экклесии, упоминают послов, которые заключили союз. Выражение *πρέσβεις... τεύχου συμμαχίαν ἐποίησαντο καὶ τὸν ἡόρκον* (IG. I³. 53, 1–2; 54, a-d, 1–4) предполагает, что эти послы могли быть *πρέσβεις αὐτοκράτορες* – таковые были уполномочены заключать договор без предоставления на то инструкций народным собранием³⁰. Предельно информативными для исследования процедуры обмена послами между греческими полисами могут быть декреты проксении. Надписи дают в изобилии информацию о даровании почестей тем или иным лицам по всему греческому миру, и здесь следует упомянуть наиболее значимые фрагменты. Сткк. 11–12 афинского декрета в честь Гераклида Клазоменского сообщают, что этот Гераклид помогал афинским послам в их дипломатических миссиях. К нему обратились с просьбой оказать помощь в согласовании мирного договора (*σπονδαί*) также и послы Великого царя Персии, которые прибыли в Афины (IG. I³. 227, 14–18). Эти сведения позволяют заключить, что Гераклид Клазоменский выполнял в Афинах функции посредника и переводчика в ходе дипломатических отношений с Персией. Большинство исследователей обычно связывают деятельность Гераклида с заключением Эпиликова мирного договора³¹, о чем сообщает только оратор Андокид (III. 29). Афинский декрет в честь некоторых карфагенян ссылается на афинское решение послать вестников в

²⁸ Adcock, Mosley 1975, 192.

²⁹ В афино-локрийском договоре (IG. I². 15, 5–9), афино-эретрийском договоре (IG. I². 16, frg. b1; IG. I². 230, 8–11), афино-хиосском союзе (IG. I². 34, 23–26), «псефизме Аристотеля» (IG. I². 43, 46–51); афино-коркирейском союзе (IG. I². 97, 2–14), афинском договоре с Дионисием I Сиракузским (IG. I². 105, 12–23), афинском договоре с аркадянами, ахейцами, элейцами и флиунтцами (IG. I². 112, 24–34), афино-фессалийском союзе (IG. I². 116, 17–29).

³⁰ О полномочных послах подробнее см.: Mosley 1973, 30–38; Missiou-Lady 1987, 336–345; Pownall 1995, 140–149.

³¹ Рунг 2000а, 85–96.

Сицилию для переговоров с двумя карфагенскими военачальниками в отношении договора о союзе и дружбе (IG. I². 123). Афинский декрет в честь Стратона Сидонского хвалит его за помощь афинским послам в их поездке к персидскому царю в 360-е гг. до н.э. (IG. I². 141, 1–4). Этот документ предполагает, что афинское посольство проследовало через Финикию³². Все названные сведения не засвидетельствованы в нарративной традиции и дополняют данные других источников.

Итак, в заключение следует подчеркнуть, что надписи позволяют нам с достоверностью исследовать «греческую дипломатическую лексику», понять некоторые дипломатические процедуры и их развитие, и, наконец, дополнить другие источники в отношении событий дипломатической истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Маринович, Л.П. 2002: Второй Афинский морской союз. В кн.: *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности* 2. Казань, 82–113.
- Рунг, Э.В. 2000а: Эпиликов мирный договор. *ВДИ* 3, 85–96.
- Рунг, Э.В. 2000б: Некоторые аспекты предоставления проксении Стратону Сидонскому (К интерпретации IG. II² 141=Tod. II, 139). В кн.: *Античность: эпоха и люди. Сборник статей*. Казань, 28–38.
- Рунг, Э.В. 2001: Филиск – правитель на Геллеспонте. В сб.: *Античность: общество и идеи. Сборник статей*. Казань, 46–62.
- Рунг, Э.В. 2002: Дипломатические отношения греков и Персии в 370–343 гг. до н.э. В кн.: *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. 2. Казань, 114–140.
- Рунг, Э.В. 2008: *Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э.* СПб.
- Строгецкий, В.М. 1991: Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза. *ВДИ* 2, 158–167.
- Adcock, F., Mosley, D.J. 1975: *Diplomacy in Ancient Greece*. New York.
- Alonso, V. 2007: War, Peace and International Law in Ancient Greece. In: K. Rauflaub (ed.), *War and Peace in the Ancient World*. Oxford, 206–225.
- Badian, E. 1991: The King's Peace. *Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell. Bulletin of the Institute of Classical Studies* 58, 25–48.
- Badian, E. 1993: *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia*. Baltimore–London.
- Baltrusch, E. 1994: *Symmachie und Spondai. Untersuchungen zum griechischen Völkerrecht der archaischen und klassischen Zeit (8.–5. Jahrhundert v. Chr.)*. Berlin–New York.
- Bederman, D.J. 2001: *International Law in Antiquity*. Cambridge.
- Bengtson, H. 1962: *Die Verträge der griechisch-römischen Welt vom 700 bis 338 v. Chr.* Berlin–München.
- Bloedow, E.F. 1992: The Peaces of Callias. *Symbolae Osloenses* 67, 41–68.
- Bolmarcich, S.A. 2003: *Thucydidean Explanations: Diplomacy and Historiography in Archaic and Classical Greece*. Universitet of Virginia.
- Bolmarcich, S.A. 2005: Thucydides 1, 19, 1 and the Peloponnesian League. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 45.1, 5–34.
- Bolmarcich, S.A. 2007: The Afterlife of a Treaty. *CQ* 57.2, 477–489.

³² Рунг 2000б, 28–38; 2002, 124–126.

- Cawkwell, G.L. 1961: The Common Peace of 366/5 B.C. *CQ* 11.1, 80–86.
- Cawkwell, G.L. 1963: Notes on the Peace of 375/4 B.C. *Historia* 12.1, 84–95.
- Cawkwell, G.L. 1981: The King's Peace. *CQ* 31.1, 69–83.
- Cawkwell, G.L. 1997: The Peace between Athens and Persia. *Phoenix* 51.2, 115–125.
- Jehne, M. 1992: Die allgemeinen Friedensschlüsse in Griechenland in 4 Jahrhundert v. Chr. *Historische Zeitschrift* 255.1, 99–116.
- Jehne, M. 1994: *Koine Eirene. Untersuchungen zu den Befriedungs- und Stabilisierungsbemühungen in den griechischen Poliswelt des 4 Jahrhunderts v. Ch.* Stuttgart, 1994.
- Knoepfler, D. 1980: Sur une clause du traité de 394 avant J.C. entre Athènes et Érétrie. *AJPh* 101.1, 462–469.
- Ligon, R.P. 1969: The Peace of Nicias. *Journal of Peace Research* 6.4, 323–334.
- Lewis, D.M. 1992: The Thirty Years' Peace. *Cambridge Ancient History*. 5, 121–146.
- Low, P. 2012: Peace, Common Peace and War in Mid-Fourth-Century Greece. In: J. Wilker (ed.), *Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece*. Mainz, 118–131.
- Missiou-Lady, A. 1987: Coercive Diplomacy in Greek Interstate Relations (with Special reference to *presbeis autokratores*). *CQ* 37.2, 336–345.
- Mosley, D.J. 1973: *Envoys and Diplomacy in Ancient Greece*. Wiesbaden.
- Pownall, F.S. 1995: *Presbeis Autokratores*: Andocides' *De Pace*. *Phoenix* 49.2, 140–149.
- Quass, F. 1991: Der Königsfriede vom Jahr 387/6 v. Chr. Zur Problematik einer allgemeinen griechischen Friedensordnung. *Historische Zeitschrift* 252, 33–56.
- Rahe, P.A. 2009: The Peace of Nicias. In: W. Murray, J. Lacey (eds.), *The Making of Peace: Rules, States and the Aftermath of War*. Cambridge, 31–69.
- Roos, A.G. 1949: The Peace of Sparta of 374 B.C. *Mnemosyne* 4, 265–285.
- Ryder, T.T.B. 1957: The Supposed Common Peace of 366/5 B.C. *CQ* 7, 199–205.
- Ryder, T.T.B. 1965: *Koine Eirene. General Peace and the Local Independence in Ancient Greece*. Oxford.
- Samons II, L.J. 1998: Kimon, Kallias and Peace with Persia. *Historia* 47.2, 129–140.
- Schmidt, K. 1999: The Peace of Antalcidas and the Idea of Koine Eirene. A Panhellenic Peace Movement. *Revue Internationale des Droits de l'Antiquité* 46, 81–96.
- Urban, R. 1991: *Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr. Vorgeschichte, Zustandkommen, Ergebnis und politische Umsetzung*. Stuttgart.

REFERENCES

- Adcock, F., Mosley, D.J. 1975: *Diplomacy in Ancient Greece*. New York.
- Alonso, V. 2007: War, Peace and International Law in Ancient Greece. In: K. Rauflaub (ed.), *War and Peace in the Ancient World*. Oxford, 206–225.
- Badian, E. 1991: The King's Peace. *Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell. Bulletin of the Institute of Classical Studies* 58, 25–48.
- Badian, E. 1993: *From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia*. Baltimore–London.
- Baltrusch, E. 1994: *Symmachie und Spondai. Untersuchungen zum griechischen Völkerrecht der archaischen und klassischen Zeit (8.–5. Jahrhundert v. Chr.)*. Berlin–New York.
- Bederman, D.J. 2001: *International Law in Antiquity*. Cambridge.
- Bengtson, H. 1962: *Die Verträge der griechisch-römischen Welt vom 700 bis 338 v. Ch.* Berlin–München.
- Bloedow, E.F. 1992: The Peaces of Callias. *Symbolae Osloenses* 67, 41–68.
- Bolmarcich, S.A. 2003: *Thucydidean Explanations: Diplomacy and Historiography in Archaic and Classical Greece*. Universität of Virginia.

- Bolmarcich, S.A. 2005: Thucydides 1, 19, 1 and the Peloponnesian League. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 45.1, 5–34.
- Bolmarcich, S.A. 2007: The Afterlife of a Treaty. *CQ* 57.2, 477–489.
- Cawkwell, G.L. 1961: The Common Peace of 366/5 B.C. *CQ* 11.1, 80–86.
- Cawkwell, G.L. 1963: Notes on the Peace of 375/4 B.C. *Historia* 12.1, 84–95.
- Cawkwell, G.L. 1981: The King's Peace. *CQ* 31.1, 69–83.
- Cawkwell, G.L. 1997: The Peace between Athens and Persia. *Phoenix* 51.2, 115–125.
- Jehne, M. 1992: Die allgemeinen Friedensschlüsse in Griechenland in 4. Jahrhundert v. Chr. *Historische Zeitschrift* 255.1, 99–116.
- Jehne, M. 1994: *Koine Eirene. Untersuchungen zu den Befriedungs- und Stabilisierungsbemühungen in den griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr.* Stuttgart, 1994.
- Knoepfler, D. 1980: Sur une clause du traité de 394 avant J.C. entre Athènes et Érétrie. *American Journal of Philology* 101. 1, 462–469.
- Legon, R.P. 1969: The Peace of Nicias. *Journal of Peace Research* 6.4, 323–334.
- Lewis, D.M. 1992: The Thirty Years' Peace. *Cambridge Ancient History* 5, 121–146.
- Low, P. 2012: Peace, Common Peace and War in Mid-Fourth-Century Greece. In: J. Wilker (ed.), *Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece*. Mainz, 118–131.
- Marinovich, L.P. 2002: Vtoroy Afinskiy morskoy soyuz [The Second Athenian League]. In: *Mezhhgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti [Interstate Relations and Diplomacy in Antiquity]*. 2. Kazan, 82–113.
- Missiou-Lady, A. 1987: Coercive Diplomacy in Greek Interstate Relations (with Special reference to *presbeis autokratores*). *CQ* 37. 2, 336–345.
- Mosley, D.J. 1973: *Envoys and Diplomacy in Ancient Greece*. Wiesbaden.
- Pownall, F.S. 1995: *Presbeis Autokratores: Andocides' De Pace*. *Phoenix* 49.2, 140–149.
- Quass, F. 1991: Der Königsfriede vom Jahr 387/6 v. Chr. Zur Problematik einer allgemeinen griechischen Friedensordnung. *Historische Zeitschrift* 252, 33–56.
- Rahe, P.A. 2009: The Peace of Nicias. In: W. Murray, J. Lacey (eds.), *The Making of Peace: Rules, States and the Aftermath of War*. Cambridge, 31–69.
- Roos, A.G. 1949: The Peace of Sparta of 374 B.C. *Mnemosyne* 4, 265–285.
- Rung, E.V. 2000a: Epilikov mirnyy dogovor [Epilycus' Peace Treaty]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 85–96.
- Rung, E.V. 2000b: Nekotorye aspekty predostavleniya proksenii Stratonu Sidonskomu (K interpretatsii IG. II² 141=Tod. II, 139) [Some Aspects of the Grant of *Proxenia* to Strato King of Sidon (On interpretation of IG. II² 141=Tod. II, 139)]. In: *Antichnost': epokha i lyudi. Sbornik statey [Antiquity: Epoch and People: The collection of articles]*. Kazan, 28–38.
- Rung, E.V. 2001: Filisk – pravitel' na Gellesponte [Philiscus – Ruler on the Hellespont]. In: *Antichnost': obshchestvo i idei. Sbornik statey [Antiquity: Society and Ideas: The collection of articles]*. Kazan, 46–62.
- Rung, E.V. 2002: Diplomaticheskie otnosheniya grekov i Persii v 370–343 gg. do n.e. [Diplomatic Relations between Greeks and Persia in 370–343 BC]. In: *Mezhhgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti [Interstate Relations and Diplomacy in Antiquity]*. 2. Kazan, 114–140.
- Rung, E.V. 2008: *Gretsiya i Akhemenidskaya derzhava: Istoriya diplomaticheskikh otnosheniy v VI–IV vv. do n. e. [Greece and the Achaemenid Empire: A History of Diplomatic Relations in 6th – 4th BC]* Saint-Petersburg.
- Ryder, T.T.B. 1957: The Supposed Common Peace of 366/5 B.C. *CQ* 7, 199–205.
- Ryder, T.T.B. 1965: *Koine Eirene. General Peace and the Local Independence in Ancient Greece*. Oxford.

- Samons II, L.J. 1998: Kimon, Kallias and Peace with Persia. *Historia* 47.2, 129–140.
- Schmidt, K. 1999: The Peace of Antalcidas and the Idea of Koine Eirene. A Panhellenic Peace Movement. *Revue Internationale des Droits de l'Antiquité* 46, 81–96.
- Urban, R. 1991: *Der Königsfrieden von 387/86 v. Chr. Vorgeschichte, Zustandkommen, Ergebnis und politische Umsetzung*. Stuttgart.

INTERSTATE TREATIES IN CLASSICAL GREECE: NARRATIVE TRADITION AND EPIGRAPHY

Eduard V. Rung, Elena A. Venidiktova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Eduard_Rung@mail.ru, E_Venidiktova@mail.ru

Abstract. This paper offers the review in a comparative perspective of the data obtained from narrative Greek sources and epigraphy concerning interstate treaties of classical Greece. The various types of agreements depending on the period of their conclusion are examined, that allows understanding some structural elements of interstate treaties. The extant interstate agreements of the ancient Greeks can be divided according to the number of participants into bilateral and multilateral as well as according to the subject of the treaty into allied, *συνμαχία*, and peace ones, defined as *σπονδαί*, *συνθήκαι* and, finally, *ειρήνη*. Allied treaties usually included the terms of military cooperation against the enemy, as well as the text of the oath. The word *ειρήνη*, “peace” replaces *σπονδαί* to designate a peace treaty and can be explained by the popularity of the concept of the general peace – *κοινή ειρήνη* in the fourth century BC. The term *συνθήκαι* is more general and could be applied not only to peace, but also to allied treaties. In a number of interstate agreements, *συνθήκαι* denoted a treaty that established peace, friendship and alliance. It is concluded that, in spite of the rich narrative tradition of the Greek treaty relations reflected in the works of classical authors, the epigraphic evidence allows us to get precise information on terminology of diplomacy and international law in the classical Greek world.

Keywords: Ancient Greece, diplomacy, international law, treaties

АРКАДСКАЯ НАДПИСЬ И СЫНОВЬЯ ТАИС

А.Л. Зелинский

Киев, Украина
z-al@ukr.net

Аннотация. Хорошо известная аркадская надпись (SIG. 314B = IG. V. 2. 550) упоминает среди победителей местных Ликейских игр 308 года до н.э. некоего македонянина чье имя звучит как Лаг, сына Птолемея. Согласно справедливо утвердившемуся в научных кругах мнению, этим Лагом является сын будущего царя Египта Птолемея I Сотера и бывшей афинской гетеры Таис. Указанная выше надпись представляет собой немаловажный и к тому же весьма многогранный источник по династической истории первых Птолемеев. Прежде всего, благодаря данному документу, современные исследователи получили возможность окончательно установить наличие у Птолемея и Таис именно двух сыновей: Леонтиסקа и Лага. Помимо этого, упомянутая надпись свидетельствует в пользу отнесения времени рождения Лага, достигшего на момент участия в Ликейских играх совершеннолетия, а, возможно, и его брата Леонтиסקа, на последние годы жизни Александра Великого. Также она является аргументом, доказывающим наличие у Таис еще до 308 года до н.э. статуса законной жены Птолемея; поскольку иначе бы ее сын вряд ли сумел бы получить возможность участвовать в священных Ликейских агонах. И, наконец, источник свидетельствует об отсутствии элементов враждебности в отношениях между Лагом и его сводным братом, новым царем Египта, Птолемеем II Филадельфом. В частности, молодой Птолемей II благосклонно воспринял «Гимн к Зевсу» Каллимаха, в котором упоминалась мифологическая традиция, непосредственно связанная со счастливыми для Лага Ликейскими играми.

Ключевые слова: Птолемей, Династическая история, Ликейские игры, Лаг, Леонтиск, Таис, Птолемей Сотер, Птолемей Филадельф

Хорошо известная аркадская надпись, представляющая собой список победителей на местных Ликейских играх (SIG. 314B = IG. V. 2. 550, сткк. 8-10)¹, является одним из двух имеющихся у нас неоспоримых свидетельств о сыне будущего царя Египта Птолемея I Сотера от афинской гетеры Таис. Речь идет о ликеонике

Зелинский Андрей Леонидович – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Эта статья посвящается светлой памяти Криса Беннетта, талантливого исследователя и приятно-го в общении коллеги, покинувшего этот мир в 2014 году. Работа выполнена в рамках гранта РФФИ/РГНФ «Неофициальные имена и прозвища политических деятелей древнего мира как культурно-исторический и политический феномен», код проекта 16-01-00297.

¹ По поводу информации о Ликее, Ликейских играх и интересующей нас надписи см.: Müller 1851; Meyer 1927, 2235–2244; а также электронный ресурс Mt. Lykaion Excavation and Survey Project, <http://lykaionexcavation.org>.

Лаге, сыне Птолемея, македонянина, одержавшем победу в состязании колесниц на играх 308/307 г. (здесь и далее – до н.э.):

(V) [ἐπὶ] ἱερεῖ Ἀγησιστράτῳ Πανός 308 α?.

[θ]εός. Λυκαιονῆκαι· συνωρίδι Λᾶγος Πτολεμαίου Μακεδόν...

Существуют два веских обстоятельства, позволяющих считать вышеупомянутого Лага именно сыном Птолемея Сотера². Прежде всего это содержание нижеприведенного рассказа, помещенного Афинеем из Навкратиса в его «Пирующих софистах» – втором источнике, имеющем отношение к нашему фигуранту: «А великий Александр разве не держал при себе Таис, афинскую гетеру? Клитарх говорит, что это из-за нее был сожжен царский дворец в Персеполе. Эта самая Таис после смерти Александра вышла замуж за Птолемея, первого царя Египта, и родила ему сыновей Леонтиска и Лага и дочь Эйрену, которую выдали за Эвнота, царя кипрских Сол»³ (Athen. XIII. 276 d-e)⁴.

Помимо того, именно на 308 г. приходится единственный в своем роде всплеск военно-политической активности Птолемея на Пелопоннесе (Diod. XX. 37; Suda. Delta 431)⁵, в рамках которого участие упомянутого Афинея Лага в местных агонах представляется как нельзя кстати.

Уже более столетия имя Лага, сына Птолемея, упомянутое в перечне победителей Ликейских игр, периодически оказывается в центре внимания исследователей. Прежде всего благодаря обнаружению интересующей нас надписи был развенчан один некогда популярный историографический миф, созданный М. Штраком еще в конце позапрошлого столетия и в той или иной степени поддержанный такими учеными, как О. Буше-Леклерк, К. Белох и Э. Бивен. По мнению этих исследователей, недостаточно ясное прочтение соответствующего фрагмента позволяло допустить, что Афинея мог говорить лишь об одном сыне Птолемея и Таис: Леонтиске, именуемом Лагом⁶. С появлением же списка ликейских победителей стало доподлинно ясно, что Лаг (Заяц⁷) – это не домашнее прозвище Леонтиска, а официальное имя, действительно принадлежащее одному из сыновей Птолемея⁸. Ничуть не более вероятной выглядит и обратная возможность наличия у Лага прозвища Леонтиск (Львенок). Об этом говорит не только упоминание последнего

² Ср. например: Huss 2001, 178 Anm. 646; Ogden 2008, 354; Carney 2013, 18.

³ Ἀλέξανδρος οὐ Θαιίδα εἶχε μεθ' αὐτοῦ τὴν Ἀττικὴν ἐταῖραν; περὶ ἧς φησι Κλείταρχος (scr. Al. M. p. 77) ὡς αἰτίας γενομένης τοῦ ἐμπρησθῆναι τὰ ἐν Περσεπόλει βασίλεια. αὕτη δὲ ἡ Θαις [καὶ] μετὰ τὸν Ἀλέξανδρου θάνατον καὶ Πτολεμαίῳ ἐγαμήθη τῷ πρώτῳ βασιλεύσαντι Αἰγύπτου καὶ ἐγέννησεν αὐτῷ τέκνον Λεοντίσκον καὶ Λάγον, θυγατέρα δὲ Εἰρήνην, ἣν ἔγημεν Εὐνοστός ὁ Σόλων τῶν ἐν Κύπρῳ βασιλεὺς. За основу взят перевод Н.Т. Голинкевича.

⁴ Всю имеющуюся у нас информацию о сыновьях Птолемея и Таис см. соответственно: Stähelin 1925, 2051; Bennett 2001–2013, leontiscus; Stähelin 1924, 464; Bennett 2001–2013, lagus_ii.

⁵ См. также: Will 1979, 68–69; Huss 2001, 175–178; Grabowski 2008, 42–44; Hauben 2014, 235–261; Meeus 2014, 291–293.

⁶ Strack 1897, 190 Anm. 5; Bouché-Leclercq 1903, 26s not. 4; Bevan 1927, 53; ср.: Stähelin 1925, 2051; Bennett 2001–2013, leontiscus not. 2. Особенно странно это предположение выглядит в работе Э. Бивена, которому, по идее, аркадская надпись должна была быть известна – ср., например: Stähelin 1924, 464.

⁷ Лагом звали отца самого Птолемея, вероятно принадлежавшего к числу служилой македонской знати (см. ниже).

⁸ См.: Bennett 2001–2013, leontiscus not. 2.

перед именем Лага у Афиней (см. выше), но и его употребление в качестве самодостаточного антропонима еще до рождения детей будущего правителя Египта. В частности, данное имя принадлежало некоему выходцу из Эфеса, жившему в V или IV в. (IG XII.6 39), а также известному панкратиасту (Plin. XXXIV. XIX (59) = Paus. VI. II. 10, IV. 2 = Suda. Sigma 866; Athen. XIII. 578).

В свою очередь, определенность в вопросе количества сыновей Птолемея и Таис выдвинула на первый план проблему, связанную с установлением их старшинства. Порядок перечисления братьев, приведенный Афинеем, подразумевает, что старшим из них был Леонтиск (см. выше). Вместе с тем в греко-македонской традиции существовала практика, согласно которой старшему из сыновей давалось имя его деда по отцовской линии⁹. Официальный же отец Птолемея (см. ниже), как утверждает большинство античных авторов, носил имя Лаг (Theocr. Idyl. XVII; Theoph. Ad Aut. II. 7; Ps.-Arist. 14; Flav. Contra Ap. II. 4; Paus. I. 9. 6; 16. 1; Plut. De cohibenda ira. 9; Arr. Anab. VI. 28; Lucian. Pro lapsu. 10; Euseb. Chron. ed. A. Schoene, I. 161; Porphyg. Com. Dan. 42; Hier. Chron. 1693 (114.1); Chron. Paschal. 113.3)¹⁰. Не встречается имя Леонтиск и среди предков матери Птолемея: представительницы младшей ветви македонского царского дома, Арсинои (Theoph. Ad Aut. II. 7; Euseb. Chron. I. 161; Chron. Paschal. 113.3)¹¹.

Исходя из этого, в современной историографии существует несколько гипотез, призванных объяснить данное положение вещей. Наиболее популярной из них является точка зрения, согласно которой Афиней попросту упомянул имена братьев в произвольном порядке, поставив старшего из них, Лага, на второе место¹². Как мы увидим, данное предположение является наименее спекулятивным и, если так можно выразиться, наименее затратным.

Согласно другой теории, недавно походя высказанной Н. Коллинз, Арсиноя могла выйти замуж за Лага, будучи беременной от некоего Леонтиска, что и нашло свое отражение в имени первого из сыновей Птолемея и Таис¹³. Однако даже в случае правоты английской исследовательницы относительно возможной беременности Арсинои до брака, Птолемей вряд ли бы стал афишировать столь неприглядный факт из собственной биографии, давая своему первенцу имя гипотетического незаконного отца¹⁴.

Хотя я больше склоняюсь к первому предположению, но вместе с тем готов допустить существование еще одной возможности. Учитывая, что Таис, прежде чем стать подругой Птолемея, была любовницей Александра (см. выше), будущий

⁹ Ср. Collins 1997, 441.

¹⁰ См. также: Bevan 1927, 21; Бенгтсон 1982, 30–31; Hölbl 2001, 14; Huss 2001, 90; Heckel 2006, 235; Bennett 2001–2013, *lagus_i*; Carney 2013, 11–12.

¹¹ О матери Птолемея см.: Bevan 1927, 21; Бенгтсон 1982, 30–31; Collins 1997, 436; Hölbl 2001, 14; Huss 2001, 90; Heckel 2006, 235; Bennett 2001–2013, *Arsinoe*; van Oppen de Ruyter 2013b, 81; Carney 2013, 12. Следует также отметить, что, по мнению ряда исследователей, история о принадлежности Арсинои к династии Аргеадов являлась птолемеивской идеологической фикцией – Tarn 1933, 57–61; Weber 1993, 74, Anm. 1 ср.: Collins 1997, 436–476.

¹² См.: Свенцицкая 1987, 94; Whiteley 2000, 101; Bennett 2001–2013, *leontiscus* not. 3; Bennett 2001–2013, *lagus_ii* not. 3.

¹³ Collins 1997, 445.

¹⁴ Теория Н. Коллинз о неопределенном происхождении Птолемея. Теория Н. Коллинз... – см.: Collins 1997, 436–476 ввиду своей явной сомнительности, не получило никакой поддержки в научных кругах, см.: .

египетский властитель мог сомневаться в отцовстве первого из сыновей, рожденных ему знаменитой гетерой. Подобные сомнения вполне могли отразиться в отказе Птолемея назвать этого ребенка именем Лага¹⁵. В таком случае имя «Леонтиск» могло даже нести в себе завуалированный и ни к чему не обязывающий намек на вероятность отцовства Александра¹⁶.

К слову сказать, именно рассматриваемая здесь надпись из аркадского Ликео-на указывает на рождение Лага (а если он, действительно, был вторым сыном, то и Леонти-ска) еще при жизни Александра. В частности, Д. Огден и К. Беннетт вполне резонно отметили, что участие Лага в Ликейских играх предполагает его совершеннолетие, то есть в 308 г. ему должно было исполниться как минимум 14–15 лет. Таким образом, он вполне мог родиться в 323 г. или даже несколько ранее¹⁷.

Добавим, что, вероятнее всего, будущий ликеоник получил свое имя исходя из тогдашней атмосферы, царившей в придворном лагере Александра. В этой связи следует вспомнить один из анекдотов, изложенных Элианом в его «Пестрых рассказах»: «Александр, как говорят, по разным причинам завидовал своим сподвижникам. Ему не давали покоя опытность Пердикки в военном деле, полководческая слава Лисимаха, отвага Селевка, печалило честолюбие Антигона, досадовал военачальнический талант Антипатра, вселял подозрения гибкий ум Птолемея, страшили беспутность Таррия и склонность Питона к новшествам» (Пер. С.В. Поляковой) (Ael. Var. Hist. XII. 16)¹⁸. Весьма вероятно, что Птолемей мог опасаться подозрительности со стороны Александра прежде всего из-за слухов, согласно которым подлинным его родителем в действительности был не Лаг, а отец самого великого завоевателя царь Македонии Филипп II (Curt. IX. 8. 22; Paus. I. 6. 2; ср.: Ael. De Nat. Anim. XII. 21; Suda. Lambda. 25)¹⁹. Соответственно, называя одного из тогда еще незаконных сыновей от гетеры²⁰ именем своего официального отца, Птолемей дезавуировал вышеупомянутые слухи и подчеркивал свою к ним непричастность.

Кроме того, интересующую нас надпись можно привлечь и к рассмотрению дискуссионного вопроса об официальной женитьбе Птолемея на Таис. Как правило, ключевым доказательством в пользу такой возможности, помимо непосредственных слов Афиней, считается факт весьма престижного замужества рожденной от этой связи девушки Эйрены (см. выше)²¹. Полагаю, что участие юного

¹⁵ Стоит отметить, что похожее предположение по поводу еще одного сына Птолемея, Аргея, недавно сделал Б. ван Оппен де Руйтер. По мнению упомянутого исследователя, бесспорно, требующему дополнительной аргументации, Аргей мог быть рожден от связи Александра и Таис, после чего он был усыновлен будущим основателем александрийской династии – van Oppen de Ruyter 2013a, 206–210.

¹⁶ О львиных царских коннотациях, связанных с Александром, см.: Plut. Alex. 40. 3–4; Tertul. De Anim. XLVI. 5.

¹⁷ Ogden 2008, 353–354; Bennett 2001–2013, leontiscus not. 3; Bennett 2001–2013, lagus_ii not. 3.

¹⁸ О чрезвычайной подозрительности Александра к своему окружению в последние годы жизни также см.: Plut. Alex. 74. 1.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Huss 2001, 90; Heckel 2006, 235; Müller 2009, 65, 72–74; Barbantani 2010, 231; Зелинский 2010, 47–49, 50–51, прим. 10–18.

²⁰ См. сообщение Афиней (прим. 3).

²¹ Pomeroy 1984, 13; Ogden 1999, 68–69, 231–233, 240–243; Ogden 2008, 354, 356; Ogden 2010, 223, 231, 235; Huss 2001, 305 Anm. 4; Müller 2009, 22; van Oppen de Ruyter 2011, 84f not. 7; Carney 2013, 18–22.

Лага в Ликейских играх также может косвенно свидетельствовать в пользу узаконенных отношений между его родителями²². В противном случае внебрачного Птолемея отпрыска могли бы не допустить к состязаниям, имевшим недвусмысленный религиозный подтекст (см. прим. 1)²³, а, значит, требовавшим соблюдения определенных ритуальных и социальных норм²⁴.

И, наконец, по моему мнению, Ликеонская надпись способна пролить свет на характер взаимоотношений между Лагом и его единокровным братом, сыном и преемником их общего отца, Птолемеем II Филадельфом.

Как доподлинно известно, отношения между вторым александрийским властителем и его сводными братьями были весьма далеки от дружеских²⁵. В первую очередь это объясняется тем обстоятельством, что основатель династии передал трон самому младшему из своих сыновей (Theocr. Idyl. XVII; Trog. Prol. XVI; Just. XVI. 2; Nepos. XXI. 3; Plut. De Fort. Alex. 21. 9; Diog. Laert. V. 78–79; Lucian. Macr. 12; Euseb. Chron. I. 127, 161, 169), тем самым представив повод для недовольства старшим братьям последнего²⁶. Похоже, что на фоне войн, казней и политических противостояний, которыми пестрит династическая история времен правления Филадельфа (см. прим. 25), его взаимоотношения как минимум с одним из сыновей Таис представляли собой приятное исключение. Возможно, они не были дружескими, но и враждебными их тоже назвать нельзя.

В пользу данного предположения свидетельствует «Гимн к Зевсу» (Cal. Hymn. I), по всей видимости посвященный его автором, поэтом Каллимахом, молодому Птолемею II по случаю обретения последним царского статуса²⁷. Так, делая выбор между критской и менее известной ликейской (аркадской) версиями рождения Зевса, Каллимах, желая блеснуть эрудицией²⁸, в итоге остановился на последней (Cal. Hymn. I. 7–11):

«Молвят, о Зевс, будто свет увидал ты на Иде высокой,
Молвят, о Зевс, что аркадянин ты: так кто же солгал нам?
“Критяне все-то солгут”; еще бы, и гроб сотворили
Критяне, боже, тебе, – а ты пребываешь живущим!

²² Я разделяю точку зрения Д. Огдена, согласно которой, узаконивая свои отношения с бывшей любовницей Александра после смерти последнего, Птолемей стремился обеспечить своеобразную опосредованную связь между собой и покойным царем: Ogden 2010, 223. О существовании многочисленных акцентов на упомянутой связи в пропаганде основателя Александрийской династии и его преемников см., например: Ладынин 2004, 156–157, 161–163; 2014, 3–20.

²³ Об известном ухищрении афинян, призванном угодить Деметрию Полиоркету, но при этом все же соблюсти приличествующие случаю религиозные формальности см.: Plut. Demetr. 26.

²⁴ Об отношении греков к внебрачным детям ср.: Collins 1997, 453–457; см. также: Ogden 1996 (non vidi).

²⁵ Краткий обзор истории взаимоотношений Птолемея II с его сводными братьями: Птолемеем Керавном, Мелеагром (он же – неназванный сын Эвридики – Paus. I. VII. 1), Аргеом и Магасом см.: Зелінський 2014, 19–21, 22–23, прим. 2–18.

²⁶ Ср. Hölbl 2001, 24–25; Huss 2001, 249; Müller 2009, 30–31; Carney 2013, 24, 26–27, 42, 53, 66–67.

²⁷ Clauss 1986, 158–160, 169; Świderkówna 1991, 183, 185–186; Koenen 1993, 46, 79–80; Weber 1993, 222 Anm. 3; Huss 2001, 323–324; Stephens 2003, 77–79; Завьялова 2009, 87–88, 259, 262; Barbantani 2011, 238; Barbantani 2011, 182–184. По поводу альтернативных предположений касательно адресата и датировки гимна, см.: Clauss 1986, 156 not. 3, 5.

²⁸ Ср.: Świderkówna 1991, 184.

Так, решено: на Паррасии был ты рожден!..»²⁹.

Таким образом, желавший снискать благосклонность Филадельфа александрийский поэт избрал версию рождения Зевса, непосредственно связанную с теми самыми Ликейскими играми (ср.: Paus. VIII. 2. 1, 38. 2–5)³⁰, в которых несколькими десятилетиями ранее одержал победу юный Лаг. По моему мнению, если бы Каллимах имел основания полагать, что коннотации, связанные с колесничной победой сына Таис, вызовут недовольство молодого царя, он бы с легкостью мог избрать для своего гимна критскую либо какую-нибудь другую версию Зевсова рождения (Ср.: Paus. IV. XXXIII. 1; Ant. Pal. IX. 645)³¹.

Помимо этого, имеет место еще одно обстоятельство, косвенно указывающее на возможность безоблачного завершения жизни Лага в Александрии. Речь идет о существовании в птолемеевской столице ипподрома, носившего наименование Лагейон (Р.Оху. XXXI. 2553)³². Я разделяю мнение исследователей, связывающих название этого ипподрома не с именем отца Птолемея I (см. выше), а с личностью равнодушного к колесничным состязаниям сына афинской гетеры³³, скорее всего, имеющего непосредственное отношение к его появлению. Соответственно, причастность Лага к строительству упомянутого спортивного объекта предполагает его длительное и беспрепятственное пребывание в Александрии, а также и достаточно высокий общественный статус, сопровождавшийся соответствующим финансовым благосостоянием. При этом, даже если строительные работы были завершены еще до вступления Филадельфа на престол, сохранение за ипподромом первоначального названия вплоть до римских времен (Р.Оху. XXXI. 2553)³⁴ свидетельствует об отсутствии чьего-либо желания стереть имя создателя ипподрома из людской памяти³⁵.

Вероятнее всего, Птолемей II попросту не имел причин опасаться как Лага, так и, возможно, Леонтидика (см. прим. 35). Данное положение вещей могло быть обусловлено невозможностью для сыновей бывшей гетеры завладеть александрийским престолом в совокупности с отсутствием у них соответствующих личных амбиций³⁶.

²⁹ Пер. С.С. Аверинцева.

³⁰ См. Также: Грейвс 1992, 26; Завьялова 2009, 270–277.

³¹ См. также: Завьялова 2009, 272, 276.

³² Ср.: Maricq 1951, 26–46; Fraser 1972, I 31; II 99ff not. 231; Foertmeyer 1988, 109 not. 33; McKenzie, Gibson, Reyes 2004, 101–104; Carney 2013, 87.

³³ См. Нп: Bennett 2001–2013, *lagus* ii not. 3.

³⁴ Ср.: Maricq 1951, 26–46; McKenzie, Gibson, Reyes 2004, 101–104.

³⁵ В этой связи трудно что-либо сказать о взаимоотношениях Филадельфа с Леонтидиком, однако, я склонен полагать, что они также были вполне бесконфликтными. Прежде всего, следует отметить, что данный сын Таис, равно как и Лаг, не был упомянут Павсанием в числе сводных братьев, истребленных Филадельфом (Paus. I. VII. 1). Помимо того, в пользу вышеуказанного положения вещей в определенной степени свидетельствует распространенность имени Леонтидик в птолемеевском Египте: *Prosopographia Ptolemaica* - <http://www.trismegistos.org/ref/ref_list.php?nam_id=3846>. К слову сказать, один из носителей этого имени в 274/273 году исполнял почетную эпонимную должность жреца государственного культа Александра Македонского (P.C.Z. 59.001 = PSI. 321), а значит – занимал довольно высокое положение в окружении самого Филадельфа.

³⁶ На последнее обстоятельство мне совершенно уместно указал К. Беннетт в частном письме от 09.06.2013. В ответ на высказанные мною мысли по поводу характера взаимоотношений между Филадельфом и Лагом он отметил следующее: “It’s a nice idea, and strikes me as being quite plausible. Unlike the sons of Eurydice, the sons of Thais never seem to have had dynastic ambitions”.

В завершении этого небольшого исследования хочу выразить надежду на появление новых источников, способных в совокупности со скудными, но на поверку столь значимыми данными аркадской надписи из Ликейона дополнить наши немногочисленные знания о судьбе сыновей Птолемея Сотера и афинской гетеры Таис³⁷.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенгтсон, Г. 1982: *Правители эпохи эллинизма*. М.
- Грейвс, Р. 1992: *Мифы Древней Греции*. Пер. с англ. М.
- Завьялова, В.П. 2009: *Каллимах и его гимны*. М.
- Зелінський, А.Л. 2010: Грецькі міфи в Єгипті при перших Птолемеях (три замальовки). *Східний світ* 2, 46–54.
- Зелінський, А.Л. 2014: Птолемей Філадельф і Лаг, син Таїс, – реконструкція стосунків між братами. *Східний світ* 4, 19–27.
- Ладынин, И.А. 2004: Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма. *Мнемон* 3, 145–184.
- Ладынин, И.А. 2014: «Алтарь» из храма Амона в оазисе Бахария с египетской царской титулатурой Александра Великого. II. Интерпретация и датировка. *ВДИ* 3, 3–20.
- Свенцицкая, И.С. 1987: Таис Афинская. *Вопросы истории* 3, 90–95.
- Barbantani, S. 2010: Ideologie royale et litterature de cour dans l’Egypte lagide, in: I. Savalli-Lestrade, E. Cogitore (eds.), *Des Rois au Prince. pratiques du pouvoir monarchique dans l’orient hellénistique et romain (ive siècle avant j.-c. iie siècle après j.-c.)*. Grenoble, 227–251.
- Barbantani, S. 2011: Callimachus on Kings and Kingship. In: B. Acosta-Hughes, L. Lehnus, S. Stephens (eds.), *Brill’s Companion to Callimachus*. Leiden, 178–200.
- Bennett, Ch. 2001-2013: *Egyptian Royal Genealogy*, <http://www.tyndalehouse.com/Egypt>.
- Bevan, E. 1927: *The House of Ptolemy*. London.
- Bouché-Leclercq, A. 1903: *Histoire des Lagides*. Vol. 1. Paris.
- Carney, E.D. 2013: *Arsinoe of Egypt and Macedon: A Royal Life (Women in Antiquity)*. Oxford.
- Clauss, J. 1986: Lies and Allusions: The Addressee and Date of Callimachus’ “Hymn to Zeus”. *Classical Antiquity* 2, 155–170.
- Collins, N. 1997: The Various Fathers of Ptolemy I. *Mnemosyne* 50.4, 436–476.
- Foertmeyer, V. 1988: The Dating of the Pompe of Ptolemy. *Historia* 37.1, 90–104.
- Fraser, P.M. 1972: *Ptolemaic Alexandria*. Vol. 1. Oxford.
- Grabowski, T. 2008: Ptolemy’s Military and Political Operations in Greece in 314–308 BC. *Electrum*. 14, 33–46.
- Hauben, H. 2014: Ptolemy’s Grand Tour. In: H. Hauben and A. Meeus (eds.), *The Age of the Successors and the creation of the hellenistic kingdoms (323-276 B.C.)*. Leuven, 235–262.
- Heckel, W. 2006: *Who’s Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander’s Empire*. Malden (Ma).
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Huss, W. 2001: *Ägypten in hellenistischer Zeit: 332-30 v. Chr.* München.
- Koenen, L. 1993: The Ptolemaic King as a Religious Figure. In: A. Bulloch, E. Gruen, A. Long, A. Stewart (eds.), *Images and Ideologies. Self-definition in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Maricq, A. 1951: Une influence alexandrine sur l’art Augustéen? Le Lageion et le Circus Maximus. *Revue archéologique* 37, 26–46.

³⁷ Выражаю искреннюю признательность д.и.н. О.Л. Габелко (Москва) за помощь, оказанную мне во время работы над данной статьей. При этом, всю ответственность за изложенные в ней предположения несу исключительно я.

- McKenzie, J., Gibson, S., Reyes, A. 2004: Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence. *JRS* 94, 73–121.
- Meeus, A. 2014: The Territorial Ambitions of Ptolemy I. In: H. Hauben and A. Meeus (eds.), *The Age of the Successors and the creation of the hellenistic kingdoms (323–276 B.C.)*. Leuven, 263–306.
- Meyer, E. 1927: Likaion. *RE* XIII. 1, 2235–2244.
- Müller, H.D. 1851: *Über den Zeus Lykaïos*. Göttingen.
- Müller, S. 2009: *Das hellenistische Königspaar in der medialen Repräsentation: Ptolemaios II und Arsinoë II*. Berlin–New York.
- Ogden, D. 1996: *Greek Bastardy in the Classical and Hellenistic Period*. Oxford.
- Ogden, D. 1999: *Polygamy, Prostitutes, and Death: The Hellenistic Dynasties*. Swansea.
- Ogden, D. 2008: Bilistiche and the Prominence of Courtesans in the Ptolemaic Tradition. In: P. McKechnie, P. Guillaume (eds.), *Ptolemy II Philadelphus and his World*. Leiden–Boston, 353–386.
- Ogden, D. 2010: How to Marry a Courtesan in the Macedonian Courts. In: A. Erskine, L. Llevellyn-Jones (eds.), *Creating a Hellenistic World*. Swansea.
- van Oppen de Ruiter, B. 2011: The Marriage of Ptolemy I and Berenice I. *Ancient Society* 41, 83–92.
- van Oppen de Ruiter, B. 2013a: Argaeus, an Illegitimate Son of Alexander the Great? *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 187, 206–210.
- van Oppen de Ruiter, B. 2013b: Lagos and Arsinoë: An Exploration of Legendary Royal Bastardy. *Historia* 62.1, 80–107.
- Pomeroy, S. 1984: *Women in Hellenistic Egypt: From Alexander to Cleopatra*. New York.
- Stähelin, F. 1924: Lagos (2). *RE* XII/1, 464.
- Stähelin, F. 1925: Leontiskos (1). *RE*. XII/2, 2051.
- Strack, M. 1897: *Die Dynastie der Ptolemäer*. Berlin.
- Stephens, S. 2003: *Seeing Double. Intercultural Poetics in Ptolemaic Alexandria*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Świderkówna, A. 1991: *Bogowie zesłali z Olimpu. Bóstwo i Mit w greckiej Literaturze Świata hellenistycznego*. Warszawa.
- Tarn, W.W. 1933: Two Notes on Ptolemaic History. *Journal of Hellenic Studies* 1, 57–68.
- Weber, G. 1993: *Dichtung und höfische Gesellschaft. Die Rezeption von Zeitgeschichte am Hof der ersten drei Ptolemäer*. Stuttgart.
- Whiteley, R. 2000: *Courtesans and Kings: Ancient Greek Perspectives on the Hetairai*. Diss. Calgary.
- Will, Éd. 1979: *Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)*. T. I. Nancy.

REFERENCES

- Barbantani, S. 2010: Ideologie royale et littérature de cour dans l'Égypte lagide, in: I. Savalli-Lestrade, E. Cogitore (eds.), *Des Rois au Prince. pratiques du pouvoir monarchique dans l'orient hellénistique et romain (ive siècle avant j.-c. iie siècle après j.-c.)*. Grenoble, 227–251.
- Barbantani, S. 2011: Callimachus on Kings and Kingship. In: B. Acosta-Hughes, L. Lehnus, S. Stephens (eds.), *Brill's Companion to Callimachus*. Leiden, 178–200.
- Bengtson, G. 1982: *Praviteli epokhi ellinizma [Herrscher gestalten des Hellenismus]*. Moscow.
- Bennett, Ch. 2001–2013: *Egyptian Royal Genealogy*, <http://www.tyndalehouse.com/Egypt>.
- Bevan, E. 1927: *The House of Ptolemy*. London.
- Bouché-Leclercq, A. 1903: *Histoire des Lagides*. Vol. 1. Paris.
- Carney, E.D. 2013: *Arsinoë of Egypt and Macedon: A Royal Life (Women in Antiquity)*. Oxford.

- Clauss, J. 1986: Lies and Allusions: The Addressee and Date of Callimachus' "Hymn to Zeus". *Classical Antiquity* 2, 155–170.
- Collins, N. 1997: The Various Fathers of Ptolemy I. *Mnemosyne* 50. 4, 436–476.
- Foertmeyer, V. 1988: The Dating of the Pompe of Ptolemy. *Historia* 37.1, 90–104.
- Fraser, P.M. 1972: *Ptolemaic Alexandria*. Vol. 1. Oxford.
- Grabowski, T. 2008: Ptolemy's Military and Political Operations in Greece in 314–308 BC. *Electrum*. 14, 33–46.
- Greivz, R. 1992: *Mify Drevney Gretsii [Myths of Ancient Greece]*. Moscow.
- Hauben, H. 2014: Ptolemy's Grand Tour. In: H. Hauben and A. Meeus (eds.). *The Age of the Successors and the creation of the Hellenistic kingdoms (323–276 B.C.)*. Leuven, 235–262.
- Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Malden (Ma).
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Huss, W. 2001: *Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v.Chr.* München.
- Koenen, L. 1993: The Ptolemaic King as a Religious Figure. In: A. Bulloch, E. Gruen, A. Long, A. Stewart (eds.), *Images and Ideologies. Self-definition in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Ladynin, I.A. 2004: Osnovnye etapy tsarskogo kul'ta Ptolemeev v kontekste obshchey evol'utsii egipetskogo ellinizma [The basic stages of the Ptolemaic royal cult in a context of the general evolution of Egyptian Hellenism]. *Mnemon [Mnemon]* 3, 145–184.
- Ladynin, I.A. 2014: "Altar" iz khrama Amona v oazise Bakhariya s egipetskoy tsarskoy tituluroy Aleksandra Velikogo. II. Interpretatsiya i datirovka [The Altar from the Temple of Amon at the Baharia Oasis with the Egyptian Royal Names of Alexander the Great. II: Interpretation and Date]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 3–20.
- Maricq, A. 1951: Une influence alexandrine sur l'art Augustéen? Le Lageion et le Circus Maximus. *Revue archéologique* 37, 26–46.
- McKenzie, J., Gibson, S., Reyes, A. 2004: Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence. *JRS* 94, 73–121.
- Meeus, A. 2014: The Territorial Ambitions of Ptolemy I. In: H. Hauben and A. Meeus (eds.), *The Age of the Successors and the creation of the Hellenistic kingdoms (323–276 B.C.)*. Leuven, 263–306.
- Meyer, E. 1927: Likaion. *RE* XIII. 1, 2235–2244.
- Müller, H.D. 1851: *Über den Zeus Lykaïos*. Göttingen.
- Müller, S. 2009: *Das hellenistische Königspaar in der medialen Repräsentation: Ptolemaios II und Arsinoë II*. Berlin–New York.
- Ogden, D. 1996: *Greek Bastardy in the Classical and Hellenistic Period*. Oxford.
- Ogden, D. 1999: *Polygamy, Prostitutes, and Death: The Hellenistic Dynasties*. Swansea.
- Ogden, D. 2008: Bilistiche and the Prominence of Courtesans in the Ptolemaic Tradition. In: P. McKechnie, P. Guillaume (eds.), *Ptolemy II Philadelphus and his World*. Leiden–Boston, 353–386.
- Ogden, D. 2010: How to Marry a Courtesan in the Macedonian Courts. In: A. Erskine, L. Llevellyn-Jones (eds.), *Creating a Hellenistic World*. Swansea.
- van Oppen de Ruiter, B. 2011: The Marriage of Ptolemy I and Berenice I. *Ancient Society* 41, 83–92.
- van Oppen de Ruiter, B. 2013a: Argaeus, an Illegitimate Son of Alexander the Great? *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 187, 206–210.
- van Oppen de Ruiter, B. 2013b: Lagus and Arsinoë: An Exploration of Legendary Royal Bastardy. *Historia* 62.1, 80–107.
- Pomeroy, S. 1984: *Women in Hellenistic Egypt: From Alexander to Cleopatra*. New York.
- Stähelin, F. 1924: Lagos (2). *RE* XII/1, 464.

- Stähelin, F. 1925: Leontiskos (1). *RE*. XII/ 2, 2051.
- Stephens, S. 2003: *Seeing Double. Intercultural Poetics in Ptolemaic Alexandria*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Strack, M. 1897: *Die Dynastie der Ptolemäer*. Berlin.
- Svetsitskaya, I.S. 1987: Tais Afinskaya [Tais of Athens]. *Voprosy istorii* [The Issues of History] 3, 90–95.
- Świderkówna, A. 1991: *Bogowie zeszli z Olimpu. Bóstwo i Mit w greckiej Literaturze Świata hellenistycznego*. Warszawa.
- Tarn, W.W. 1933: Two Notes on Ptolemaic History. *Journal of Hellenic Studies* 1, 57–68.
- Weber, G. 1993: *Dichtung und höfische Gesellschaft. Die Rezeption von Zeitgeschichte am Hof der ersten drei Ptolemäer*. Stuttgart.
- Whiteley, R. 2000: *Courtesans and Kings: Ancient Greek Perspectives on the Hetairai*. Diss. Calgary.
- Will, Éd. 1979: *Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)*. T. I. Nancy.
- Zavyalova, V.P. 2009: *Kallimakh I ego gimny* [Callimachus and his Hymns]. Moscow.
- Zelinskiy, A.L. 2010: Grets'ki mify d Égypti pry pershikh Ptolemeyakh (try zamal'ovky) [Greek Myths in the Egypt at the Time of the First Ptolemies (Three Sketches)]. *Shidnyy svit* [The World of the Orient] 2, 46–54.
- Zelinskiy, A.L. 2014: Ptolemey Filadel'f I Lag, syn Tais, – rekonstruktsiya stosunkiv mizh bratami [Ptolemy Philadelphus and Lagus son of Thais, – reconstruction of relationsjips between brothers]. *Shidnyy svit* [The World of the Orient] 4, 19–27.

THE ARCADIAN INSCRIPTION AND SONS OF THAIS

Andrey L. Zelinskiy

Kiev, Ukraine
z-al@ukr.net

Abstract. The well-known Arcadian inscription (SIG. 314B = IG. V. 2. 550) mentions among the winners of Lycian Games in 308 BC a certain Macedonian: Lagus, Ptolemy's son. According to fairly well established opinion in scientific community, this Lagus was the son of the future king of Egypt, Ptolemy I Soter and the former Athenian hetaera Thais. The above-stated inscription represents an important source of the dynastic history of the first Ptolemies. First, thanks to this document, modern researchers were able to definitively find out that Ptolemy and Thais really had two sons, whose names were Lagus and Leontiscus. In addition, the mentioned inscription testifies, that Lagus, having reached the age of majority at the time of his participation in games of 308 BC, and possibly his brother, Leontiscus, were born in the last years of life of Alexander the Great. In addition, it is the argument, proving, that Thais had the legal status of the wife of Ptolemy before 308 BC. Otherwise, Lagus could not participate in the sacred Lycian Games. Finally, the given source indicates the absence of hostility between Lagus and his stepbrother: the next king of Egypt, Ptolemy II Philadelphus. In particular, the young Ptolemy II benevolently accepted the "Hymn to Zeus" by Callimachus, where the mythological tradition connected with happy for the Lagus the Lycian Games was mentioned.

Keywords: Ptolemies, dynastic history, Lycian Games, Lagus, Leontiscus, Thais, Ptolemy I Soter, Ptolemy II Philadelphus

ОБ ОДНОМ ПАРАДОКСЕ РИМСКИХ ЗАКОНОВ О РОСКОШИ

В.А. Квашнин

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
kvashninv195@mail.ru

Аннотация. В литературе неоднократно обращалось внимание на разработанную в античности теорию «упадка нравов», которая связывала кризис римского государства с процессом разложения традиционных норм и ценностей под воздействием чужеземных нравов, роскоши и богатства. В то же время от внимания исследователей зачастую ускользает то обстоятельство, что первые законы о роскоши были приняты в Риме раньше, чем там появились признаки массового распространения подобного явления. Законы Клавдия, Метилия и Оппия 218–215 гг. до н.э. отделяет примерно тридцать лет от «азиатских» триумфов Луция Корнелия Сципиона и Гнея Манлия Вольсона 80-х гг. II до н.э., с которыми в античной традиции связывается проникновение в Рим с эллинистического Востока не только отдельных предметов роскоши, но и определенной модели поведения римского гражданина в быту. Создается впечатление, что в римском обществе, едва столкнувшемся с таким явлением, как роскошь, существовало уже как теоретическое осмысление проблемы в виде первых разработок учения об упадке нравов, так и практическое средство ее решения в виде законов о роскоши. В качестве объяснения данного парадокса указывается на условный характер употребляемого в русскоязычной литературе термина «законы о роскоши», недостаточно точно передающего смысл *leges sumptuariae*.

Ключевые слова: Рим, законы о роскоши, греческая философия, фамилия, *sumptus*, *luxus*

Ex Oriente luxus?

История римского сумптуарного законодательства демонстрирует парадокс, не получивший, как представляется, должного освещения в историографии. Принято считать, что первые законы о роскоши появились в древнем Риме не позднее начала II в. до н.э.¹ При этом источники позволяют сделать любопытное наблюдение, суть которого заключается в том, что уже для авторов эпохи Поздней Республики, живших в I в. до н.э., «роскошь» римского образа жизни II в. до н.э. была весьма условной. Примером является Тит Ливий, видевший в триумфах Гнея

Квашнин Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного права и политологии Вологодского государственного университета.

В основу статьи положен доклад, прочитанный на международной научной конференции XX Сергеевские Чтения (МГУ, 31 января – 2 февраля 2017 г.). Пользуясь возможностью, выражаю признательность всем коллегам, принявшим участие в его обсуждении.

¹ Kübler 1931, 901–908; Sauerwein 1970; Bottiglieri 2002.

Манлия Вольсона и Луция Корнелия Сципиона, воевавших на Востоке в 80-е гг. II в. до н.э., лишь «зародыш будущей роскоши»². Пришедшие с Востока перемены в жизни Рима он описывает следующим образом: «Именно это азиатское воинство познакомило Город с чужеземной роскошью. Тогда впервые были привезены в Рим отделанные бронзой пиршественные ложа, дорогие накидки и покрывала, ковры и салфетки, столовое серебро чеканной работы, столики из драгоценных пород дерева, великолепные по тем временам. Именно тогда повелось приглашать на обеды арфисток и кифаристок, устраивать для пирующих и другие увеселения, да и сами обеды стали готовить с большими затратами и стараниями. Именно тогда стали платить большие деньги за поваров, которые до этого считались самыми бесполезными и дешевыми рабами, и поварский труд из обычной услуги возвели в настоящее искусство. Но это было только начало, лишь зародыш будущей порчи нравов» (пер. Э.Г. Юнца)³. Красноречивое свидетельство о той эпохе оставил и Цицерон, писавший: «Меня не волнуют богатства, которыми всех Сципионов и Лелиев превосходили купцы и работоторговцы, ни одеяния, ни чеканное серебро и золото, которыми наших древних Марцеллов и Максимов побеждали евнухи из Сирии и Египта, ни убранство вилл, в котором Луция Павла или Луция Муммия, заполонивших этими украшениями Рим и всю Италию, без труда превзойдет какой-нибудь делосец или сириец» (пер. В.О. Горенштейна)⁴. Упомянутый Цицероном Луций Муммий Ахейский, консул 146 г. до н.э., как пишет Веллей Патеркул, был «настолько неотесан, что при взятии Коринфа, намечая для отправки в Италию множество картин и статуй, созданных величайшими мастерами, наставлял сопровождающих: “Если с ними что случится, то вы должны будете изготовить новые”»⁵. Возможно, «новый человек» Муммий действительно был мало образован, как это заставляет заподозрить анекдотичный рассказ Патеркула, – но ведь так же дико было и его войско⁶. «Сколько статуй, сколько одеяний, сколько картин

² По мнению Николая Дамасского, жившего во второй половине I в. до н.э., первым наставником римлян в роскоши был Лукулл, изменивший прежней воздержанности после победоносной войны с Митридатом и Тиграном. Несмотря на то, что возникновение такого явления как роскошь переносится греческим историком более чем на столетие, обращает на себя внимание определенное сходство двух версий – это, прежде всего, акцент на восточное происхождение роскоши и упоминание о триумфе римского полководца, ставшем точкой отсчета ее распространения (Athen. VI.274 e = XII.543 a).

³ Liv. XXIX. 6. 7–9: Asiatico invecta in urbem est. Ii primum lectos aeratos, vestem stragulam pretiosam, plagulas et alia textilia, et quae tum magnificae suppellectilis habebantur, monopodia et abacos Romam aduexerunt. Tunc psalteriae sambucistri. Tum coquus, vilissimum antiquis mancipium et aestimatione et usu, in pretio esse, et quod ministerium fuerat, ars haberi caeque et convivalia alia ludorum oblectamenta addita epulis; epulae quoque ipsae et cura et sumptu maiore apparari coepitaecepta. Vix tamen illa quae tum conspiciebantur, semina erant futurae luxuriae.

⁴ Cic. De orat. 70: Neque me divitiae movent, quibus omnes Africanos et Laelios multi venalici mercatoresque superarunt, neque vestis aut caelatum aurum et argentum, quo nostros veteres Marcellos Maximosque multi eunuchi e Syria Aegyptoque vicerunt, neque vero ornamenta sunt villarum, quibus L. Paullum et L. Mummium, qui rebus his urbem Italiamque omnem referserunt, ab aliquo video perfacile Deliaci aut Syro potuisse superari.

⁵ Vel. Pat. I. 13. 4: Mummius tam rudis fuit, ut capta Corintho cum maximorum artificum perfectas manibus tabulas ac statuas in Italiam portandas locaret, iuberet praedici conducentibus, si eas perdidissent, novas eos reddituros.

⁶ В греческой литературе сохранилась целая серия описаний некоторых черт поведения римлян, призванных шокировать читателя. Так, Эвфорион Халкидский сообщал о том, что у римлян было принято предлагать определенную сумму денег тому, кто соглашался подвергнуться обезглавлива-

было похищено, сожжено и выброшено! Какие богатства взяли с собой римляне! А сколько сожгли, можно судить по следующему: то, что теперь славится по всему миру, это, насколько нам известно, все, что осталось после пожара. Цену бронзы подняло само насилие над богатейшим городом, ибо в результате пожара от смешения многочисленных статуй и изображений сплавилась потоки меди, золота и серебра», – пишет Флор⁷.

Как известно, в Риме того времени не было постоянного театра и библиотеки. Когда в 154 г. до н. э. цензор Гай Кассий Лонгин решил построить театр на Луперкале, он встретил такое сопротивление, что вынужден был отказаться от своего намерения (Vel. Pat. I. 15. 3). Первый мраморный храм в Риме был воздвигнут Квинтом Метеллом Македонским лишь в 40-е гг. II в. до н. э. (Vel. Pat. I. 11. 5). В традиции сохранились сведения о том, что первый врач, грек по происхождению, появился в Риме в конце III в. до н.э., причем методы его лечения встретили такое непонимание со стороны римлян, что Катон Старший запретил сыну обращаться к греческим врачевателям⁸. Расточительный и приверженный роскоши в глазах того же Катона Сципион Африканский для Сенеки был примером добродетельной бедности: он вместе с рабами работал в поле и мылся в тесной и невзрачной бане (Ер. 86. 4–5). Судя по всему, образ жизни Сципиона в его загородном имении не был чем-то из ряда вон выходящим – скорее мы сталкиваемся с нормой быта, выглядевший экзотично лишь в глазах римских авторов Поздней республики⁹.

Упадок нравов в римской общине традиционно связывается с массовым распространением такого явления как роскошь (*luxus*). Как принято считать, ответной реакцией стало принятие, начиная со 181 г. до н.э., целой серии законов против роскоши – *lex Orchia*, *lex Fannia*, *lex Didia*, *lex Licinia* и др.¹⁰. В разряд предметов роскоши во II в. до н.э. включались самые разные вещи: предметы женского обихода (косметика, одежда, украшения), интерьера (импортная мебель, посуда, ковры), деликатесные продукты питания и дорогие вина, молодые рабы, пользовавшиеся в сексуальных целях¹¹. Частично перечень того, что в Риме того времени воспринималось как роскошь присутствует в сообщении Плутарха о жизни

нию при условии, что эти деньги будут переданы его наследникам, причем не только находились желающие, но и вспыхивали жаркие споры о том, за кем преимущество в очереди на казнь. Николай Дамасский передает сведения о том, что римляне во время пиров устраивали гладиаторские бои, получая удовольствие не только от еды и вина, но и от вида пролитой крови; более того, некоторые из них вынуждали сражаться красивых рабынь и не достигших зрелости мальчиков (Athen. IV. 153 f, 154 c). По всей видимости, подобные рассказы отразили реакцию греческого мира на встречу с менее развитым и культурно изощренным обществом, хотя не следует исключать и присутствие иных, в первую очередь политических, мотивов.

⁷ Flor. XXXII. 6: *Quid signorum, quid vestium quidve tabularum raptum incensum atque proiectus est! Quantas opes et abstulerit et cremaverit hinc scias, quod quidquid Corinthii aeris toto orbe laudatur incendio superfuisse comperimus. Nam et aeris notam pretiosiore ipsa opulentissimae urbis fecit iniuria, quia incendio permixtis plurimis statu is atque simulacris aeris auri argentique venae in commune fluxerunt.*

⁸ Plut. Cat. Mai. 23. 1–3; Plin. NH. VII. 113; XXIX. 13–14.

⁹ Ср. с фрагментом речи Катона Старшего (ORF.Fragm.128) «*De suis virtutibus contra Thermum*»: «*Ego iam a principio in parsimonia atque in duritia atque industria omnem adolescentiam meam abstrinui agro colendo, saxis Sabinis silicibus repastinandis atque conserendis*» («Всю свою раннюю юность провел я в воздержании и суровых трудах, возделывая поле на сабинских камнях, разбивая и засеивая булыжники», пер. Н.Н. Трухиной). Ср.: Plut.Cat.Mai.3.

¹⁰ Подробнее: Квашнин 2006, 111–115.

¹¹ Astin 1978, 173.

Катона Старшего: «Катон сам говорил, что никогда не носил одежды дороже ста денариев, пил и во время своей претуры, и во время консульства такое же вино, как и его работники, припасов к обеду покупалось рынке всего на тридцать ассов, да и то лишь ради государства, чтобы сохранить силы для военной службы. Получив однажды по наследству вавилонский узорчатый ковер, он тут же его продал, ни один из его деревенских домов не был оштукатурен, ни разу не приобрел он раба дороже, чем за тысячу пятьсот денариев, потому что, как он говорит, ему нужны были не изнеженные красавчики, а люди работающие и крепкие – конюхи и волопасы» (пер. С.П. Маркиша)¹². При этом, однако, ограничения, вводимые римскими законами того времени, затронули лишь предметы женской роскоши и пиршества¹³. Как справедливо отмечает Г.С. Кнабе, с того момента, как богатство в Риме стало заметным явлением общественной жизни, начинается периодическое издание законов, ограничивавших личные расходы¹⁴.

Сообщения Ливия позволяет хронологически увязать «азиатские» триумфы Луция Сципиона и Манлия Вольсона 188–186 гг. до н.э., с которыми в античной традиции связывалось проникновение в Рим с эллинистического Востока не только отдельных предметов роскоши, но и определенной модели поведения римского гражданина в быту, с принятием, начиная со 181 г., целой серии законов о роскоши. Казалось бы, связь между появлением «роскоши» как социального явления и законами, направленными на борьбу с его проявлениями в жизни римской общины, является очевидной. Однако при кажущейся логичности подобной конструкции непонятной и даже загадочной выглядит группа законов, принятых в годы Ганнибаловой войны. Идентифицируемые в современной литературе как первые законы о роскоши *lex Claudia de nave senatorum* (218 г. до н.э.), *lex Metilia fullonibus dicta* (217 г. до н.э.) и *lex Oppia de sumptu* (215 г. до н.э.) отделяет примерно три

¹² Plut. Cat. Mai. 4.4-5: ἐσθῆτα μὲν γὰρ οὐδέποτε φησι φορέσαι πολυτελεστέραν ἑκατὸν δραχμῶν, πιεῖν δὲ καὶ στρατηγῶν καὶ ὑπατεύων τὸν αὐτὸν οἶνον τοῖς ἐργάταις, ὅψων δὲ παρασκευάζεσθαι πρὸς τὸ δεῖπνον ἐξ ἀγορᾶς ἄσφαριον τριάκοντα, καὶ τοῦτο διὰ τὴν πόλιν, ὅπως ἰσχύοι τὸ σῶμα πρὸς τὰς στρατείας, ἐπιβλήμα δὲ τῶν ποικίλων Βαβυλώνιον ἐκ κληρονομίας κτησάμενος εὐθὺς ἀποδόσθαι, τῶν δ' ἐπαύλεων αὐτοῦ μηδεμίαν εἶναι κεκονιαμένην, οὐδένα δὲ πώποτε πρίασθαι δοῦλον ὑπὲρ τὰς χιλιάς δραχμῶν καὶ πεντακοσίας, ὥς ἂν οὐ τρυφερῶν οὐδ' ὠραίων, ἐργατικῶν δὲ καὶ στερεῶν οἶον ἱπποκόμων καὶ βοηλατῶν δεόμενος

¹³ Чтобы оценить роскошь римских пиров, подвергавшихся запретам со стороны закона и вызывавших осуждение в обществе, приведем только один пример. Закон Лициния Красса разрешал в дни календ, нон и нундин тратить на еду 30 ассов, а в остальные дни потреблять не более 3 фунтов (около 980 гр.) сухого и копченого и 1 фунта (327,4 гр.) соленого мяса. Количество плодов земли и деревьев при этом не регламентировалось (Macr. Sat. III. 17. 7–9). Подробнее: Квашнин 2010, 51–59.

¹⁴ Кнабе 1994, 648. Запрет на пиры с большим числом гостей в среде знати или лиц, разбогатевших на торговле или откупах, возможно, помимо чисто конъюнктурных моментов, был связан с тем, что подобное поведение вступало в противоречие с нормами полисного общежития. Было бы неверным говорить о том, что массовые пиршества были принципиально чужды римской общественной культуре. В источниках сохранились сведения о коллективных жертвенных пирах, проводившихся ежегодно 14 мая для всей римской общины за счет особого налога (Геркулесовой десятины), собиравшегося со знати и торговцев (Dionys. I. 40. 3; Verg. Aen. VIII. 172–190; Plut. R.Q. 18). Судя по сообщению Плутарха, они существовали, по крайней мере, до конца I в. до н.э. (Sull. 35; Cras. 12). Однако, в отличие от частных пиров, подчеркивавших влияние и богатство (и видимо, прямо связанный с ними новый стиль жизни, усвоенный на эллинистическом Востоке) отдельных знатных домов, они не только воспринимались в контексте римской религиозной традиции, но, что важнее, носили общинно-коллективный характер.

десятилетия от триумфов 80-х гг. II в. до н.э.¹⁵. Возникает впечатление, что борьба с роскошью в Риме не только началась одновременно с появлением ее первых признаков в жизни римской общины, но и, более того, опередила его на несколько десятилетий¹⁶. Упрощая, суть парадокса заключается в том, что законы о роскоши появились в Риме раньше самой роскоши.

«Alien wisdom»

С другой стороны, обращает на себя внимание, что примерно в это же время в Риме появляются первые разработки теории «упадка нравов», в которой особый акцент делается на разложении традиционных норм поведения и ценностей под воздействием чужеземных нравов, роскоши и богатства. Любопытно, что среди античных авторов не было единства по поводу временной границы, после которой началось разложение традиционных устоев и образа жизни римлян¹⁷. Квинт Фабий Пиктор таковой считал Третью Самнитскую войну (298–290 гг. до н. э.), Валерий Максим – поражение Филиппа Македонского в 197 г. до н.э., Тит Ливий – 187 г. до н.э., Полибий – 168 г. до н.э., Луций Кальпурний Пизон – 154 г. до н.э., Посидоний, Саллюстий, Веллей Патеркул – 146 г. до н.э. Как можно видеть, временной разброс, если отбросить хронологические крайности, составляет примерно 50 лет, с 290 по 146 гг. до н.э., занимая весь промежуток между двумя Пуническими войнами¹⁸.

Особый интерес в данном случае представляет датировка Квинта Фабия Пиктора, указавшего, что римляне впервые «вкусили богатство» в конце IV в. до н. э., подчинив себе сабинян (Strabo. V. 3. 1). Как отмечает Г. Форсайт, смысл этого пассажа не совсем ясен, поскольку непонятно, имелась ли в виду военная добыча и рабы, полученные в результате военной экспедиции Манья Курия Дентата, или же это общая оценка итогов войны с самнитами¹⁹. Оценка древнего историка во многом совпадает с мнением современных исследователей, указывающих на то, что период Самнитских войн был временем начала роста как частного, так и публичного богатства в Риме²⁰. Очевидно, что Фабий Пиктор исходил из конкрет-

¹⁵ Lange 1876, 161; Cássola 1962, 213 f; Sauerwein 1970, 36 f; Baltrusch 1988, 27 f; Dench 1998, 138–139; Ligt 2002, 3.

¹⁶ Возможно, именно отмеченный нами парадокс привел некоторых исследователей к отрицанию прямой связи между влиянием греческой культуры и изменениями в жизни римского общества, на которые указывает Ливий и другие древние авторы (Astin 1978, 174; Gruen 1993, 69–70; Gruen 1996, 173–174). При этом, однако, А. Астин предостерегает от подмены понятий в обсуждаемой проблеме: даже если роскошь в Риме, по его мнению, не ассоциировалась с греческим образом жизни, это не означает, что подобные явления отсутствовали в жизни *civitas*.

¹⁷ Из современных авторов на это обстоятельство обращает внимание Э. Грюэн на примере датировок Полибия и Ливия (Gruen 1996, 173).

¹⁸ Подробнее: Утченко 1952, 109–110; Sauerwein 1970, 177–178.

¹⁹ Forsythe 2006, 335.

²⁰ Cornell 1989, 403. Наиболее зримым выражением этого процесса стал рост земельной собственности. В свое время еще К. Белох обратил внимание на территориальный рост римской общины, ставший особенно заметным к началу III в. до н.э. По его расчетам менее чем за 50 лет Рим расширил свою территорию в два с половиной раза: если на момент окончания Латинской войны она составляла 5289 км², то после завершения Третьей Самнитской войны ее размер достигает 14 тыс. км² (Beloch 1926, 602). К 264 г. до н.э. *ager Romanus* достигает более 26800 км² с проживающим на нем населением ок. 900 тыс. человек (Afzelius 1942, 192; Oakley 1993, 12; Cornell 1989, 403; Rawling

ных фактов и явлений, имевших место в жизни римского общества. Сомнения исследователей в большей степени связаны с его интерпретацией той ситуации, которая возникла в Риме по итогам войн с самнитами. Иначе говоря, вопрос, требующий своего разрешения, заключается в том, насколько самостоятельной была его оценка состояния римского общества.

Как принято считать, учение об упадке нравов как причине разложения государства было создано жившими в Риме представителями эллинистической философской мысли – Полибием, Панетием и Посидонием²¹. В завершённом виде это учение, видимо, было представлено в историко-философском труде Посидония, основное содержание которого передает Диодор Сицилийский в сохранившихся фрагментах XXXII–XXXVII книг «Исторической библиотеки». Как отмечает С.Л. Утченко, Посидоний, развивая и теоретизируя взгляды Полибия и, вероятно, Панетия на исторические судьбы Рима, создал теорию упадка нравов, которая усматривала причины разложения римского общества в нравственной деградации римлян²². Обращает на себя внимание, что описание «золотого века» в Риме у Посидония доводится до момента выхода римского государства за пределы Италии²³. Это позволяет предположить, что оценка рубежа IV–III вв. до н.э. как некой временной границы, обозначившей определенный период в развитии римской общины, впервые появляется в работах живших в Риме представителей греческой социально-философской мысли²⁴. Не стоит сбрасывать со счетов и влияние южноиталийской пифагорейской традиции. Дошедшие до нас источники связывают появление первых норм, ограничивавших роскошь частной жизни римского гражданина с фигурой Гая Фабриция Лусцина, который мог ознакомиться с соответствующим законодательством или направлением социально-философской мысли во время пребывания в Великой Греции²⁵. В традиции присутствуют сведения об интересе Фабриция к различным направлениям греческой философии (Plut. Rugg. 20, Val. Max. IV. 3. 6). Хотя Валерий Максим и Плутарх упоминают только об эпикуреизме, нельзя исключить знакомства Фабриция с другими популярными в Южной Италии философскими школами. В биографии Катона Старшего Плутарх упоминает о его обучении в Таренте пифагореизму (Plut. Cat. Max. 2). Учитывая близость для Плутарха фигур Фабриция и Катона как носителей идеологии спец-

2007, 49). В целом римляне владели более чем 20 % всей земли в Италии. При этом следует учитывать обширную программу колонизации Римом италийских земель, в ходе которой с 334 по 263 гг. до н.э. на новые земли общей площадью ок. 7 тыс. км² было переселено до 70 тыс. человек, включая не только взрослых мужчин, но и их домочадцев (Cornell 1989, 403–405 + Tabl. 9).

²¹ Утченко 1952, 109; Кнабе 1985, 161.

²² Утченко 1952, 111. Как отмечает Посидоний в передаче Афиней, современные ему римляне унаследовали от предков выносливость, неприхотливость в пище, невзыскательность и простоту в быту (VI. 273а, 274а). «Когда-то жители Италии были столь нетребовательны, что даже у людей, подобных нам, и весьма состоятельных, по словам Посидония, сыновья пили воду и ели, что попало. Часто, говорит он, отец или мать спрашивали сына, дать ему груш или орехов, и после такого ужина сын, довольный, ложился спать», – сообщает древний автор (VI. 275 а, пер. Н.Т. Голинкевич).

²³ Sauerwein 1970, 181.

²⁴ С.Л. Утченко в этой связи пишет: «Посидоний в своем анализе причин и картины упадка нравов исходит уже не столько из исторических фактов, сколько из интерпретации этих фактов при помощи философской теории. Эта эллинистическая теория ведет к классическим греческим образцам, к греческим мыслителям, вплоть до Платона и Аристотеля, систематизирующего различные причины гражданских смут и неурядиц» (Утченко 1952, 112). Ср.: Sauerwein 1970, 185; Кнабе 1985, 161.

²⁵ Подробнее: Квашнин 2009, 52–69.

ифического римского консерватизма, отсутствие большого временного разрыва и присутствие в обоих случаях Тарента, вряд ли это сюжетное совпадение является случайным. Можно предположить, что, собирая материалы для жизнеописаний Катона и Пирра, Плутарх использовал какой-то источник, содержащий сведения о знакомстве представителей римской элиты с греческой философией. Впрочем, привязка Катона к пифагореизму и Таренту могла носить и характер «искусственной традиции», сконструированной позднее для обоснования идеи о давности связей Рима с греческим миром²⁶. В любом случае, Плутарх указывает на Тарент как канал трансляции греческой социально-философской мысли в римское общество²⁷.

Таким образом, создается впечатление, что в римском обществе, едва столкнувшись с таким явлением, как роскошь, существовало уже как теоретическое осмысление проблемы в виде первых разработок учения об упадке нравов, так и практическое средство ее решения в виде законов о роскоши. Ситуация, когда правовые акты, призванные остановить или, по крайней мере, минимизировать определенное общественное явление, принимаются раньше, чем в обществе появляются признаки массового распространения данного явления, не только вызывает удивление, но и требует какого-то объяснения.

«Sumptus» или «luxus»?

Как представляется, искомое объяснение связано с необходимостью уяснения истинного значения термина *leges sumptuariae*. Традиционно на русский язык он переводится как «законы о роскоши» или «законы против роскоши». Однако понятие «роскоши» как таковой в латинском языке передается термином «*luxus*»²⁸. Производное от него понятие «*luxuria*» было связано с категориями чрезмерности,

²⁶ Huffman 2005, 328f. Следует отметить, что с IV в. до н.э. не только Рим попадает под влияние эллинистической цивилизации, но и греческий мир со все возрастающим вниманием начинает присматриваться к крупнейшему политическому центру Западного Средиземноморья. Переломным моментом в восприятии римлян стала неожиданная для греков победа молодого гегемона Италии над Пирром, закрепленная двумя успешными войнами с другим крупным политическим центром региона – Карфагеном. Упоминания о Риме можно встретить в сочинениях Аристотеля, Феофраста, Гераклида Понтийского, Дурия, Иеронима, Каллия, Тимея, Каллимаха, Ликофрона, Эратосфена (Momigliano 1975, 12–21; Cornell 1989, 419).

²⁷ Подробнее: Квашнин 2009, 70–86. Принятие законов о роскоши в Риме заставляет обратить внимание на такую сторону проблемы контактов Рима и эллинистического мира, как влияние греческого права на римскую правовую систему. Контакты между Римом и греческими полисами Южной Италии и Сицилии становятся более интенсивными с конца IV в. до н.э., когда район Великой Греции оказывается в сфере интересов римской внешней политики (Cornell 1989, 418–419). Одним из их последствий должно было стать знакомство римлян с правовой традицией, сложившейся в греческом мире, и, в частности, в таком его регионе, как Великая Греция. В данной связи показательным сходством мер, использовавшихся тиранами Сиракуз в IV–III вв. до н.э. для финансирования военных мероприятий полиса, с римским законодательством периода Пунических войн. Более того, подобная практика, вызванная трудностями военного времени, существовала и в других полисных центрах как восточного, так и западного Средиземноморья (Chaniotis 2005, 115–120). Как представляется, это позволяет поставить вопрос о существовании определенных образцов ограничительного законодательства, на которые ориентировались авторы первых законов о роскоши в Риме. Возможным объяснением является рецепция норм греческого права, которому меры, ограничивавшие роскошь, были известны, по крайней мере, с архаического периода (Берве 1997, 33–34).

²⁸ Glare 1968, *luxus*3, 1055; Дворецкий 1976, *luxus* I, 606.

изобилия, избыточности²⁹. В сочинениях древних авторов лексемы, связанные с «luxus», корреспондируют с понятиями высокомерия, своеволия, непокорности³⁰. Собственно, именно в этом контексте следует понимать слова Ливия о том, что армии Сципиона и Манлия занесли в Рим «зародыш будущей роскоши» (*semina... futurae luxuriae*). В то же время слово *sumptus* означает не роскошь как таковую, а расходы, траты на что-либо³¹. Поэтому *leges sumptuariae* – буквально это не законы о роскоши, а законы о расходах, которые являются чрезмерными³². В словаре И.Х. Дворецкого термин *lex sumptuaria*, собственно, и переведен как «закон о расходах» с прибавлением «на роскошь», причем, очевидно, что дополнение дается по контексту³³.

Самое раннее упоминание термина *sumptus* в значении «расход, трата» встречается в сочинениях Плавта и Катона Старшего³⁴. При этом следует отметить, что Плавт довольно редко использует слово *sumptus* в своих сочинениях. Не использует он и термин *luxus* в значении «роскошь», хотя в его пьесах один раз встречается слово *luxuriarii* (Pseud. 1107) и дважды *luxuria* (Trin. 8; Asin. 819)³⁵. В связи с этим основное внимание должно быть обращено на творчество Катона Старшего, в текстах которого можно встретить многочисленные инварианты термина *sumptus*, используемые им применительно к однотипным ситуациям: *sumptuarius* – «касающийся расходов»; *rationes sumptuariae* – «счет расходов»; *sumpto publico* – «на общественный счет»; *sumptu(i) parcere* – «быть экономным в расходах»; *sumptum facere* – «быть экономным в расходах»³⁶. Особо следует отметить, что в текстах Катона Старшего встречается оба термина (и *luxus*, и *sumptus*), но в интересующем нас контексте в подавляющем большинстве случаев используется именно *sumptus*³⁷.

Таким образом, характеризуя римские «законы о роскоши», следует учитывать наличие двух семантически близких линий, которые, во многом совпадая, тем не менее не являются тождественными: если *luxus* скорее ассоциировалась с явлениями, привнесенными в жизнь *civitas* эллинистической цивилизацией и ставшие следствием военной активности Рима на юге Италии и за ее пределами, то *sumptus* была связана с исконно римскими представлениями об умеренности и бережливости, которые необходимо рассматривать, прежде всего, в контексте

²⁹ Glare 1968, *luxuria*, 1054; Дворецкий 1976, *luxuria*, 606.

³⁰ Дворецкий 1976, *luxuria*. 3–5, 606.

³¹ Glare 1968, *sumptus* (*sumus*), 1871–1872; A Latin Dictionary 1958, *sumptus*, 1803; Lübkers Reallexikon des Klassischen Altertums 1914, *sumptus*, 1002; Der Kleine Pauly Lexikon der Antike 1964, *sumptus*, 431–432; Дворецкий 1976, *sumptus* II, 979; Бартошек 1989, *sumptus*, 305.

³² На данное обстоятельство обращает внимание Б.С. Ляпустин в своей статье 1991 г., посвященной закону Оппия. Как он отмечает, первые законы о роскоши были направлены на экономическое укрепление римской фамилии и недопущение непроизводительных трат их членами. Таким образом, целью *leges sumptuariae* была экономическая защита и хозяйственное укрепление римской семейной организации за счет контроля над непроизводительными расходами (Ляпустин 1991, 52).

³³ Дворецкий 1976, *sumptuarius*, 979.

³⁴ Например: Plaut. Trin. 250; Mer. 693; Mil. 673; Cat. Agr. I.5, XXII.3

³⁵ Nauri 1976, 429–430.

³⁶ Дворецкий 1976, *sumptuarius*, *sumptus* II, 979.

³⁷ Так, в фрагментах речей Катона Старшего встречается как *luxuriöse*, так и *sumptu*; в то же время, если в первом случае речь идет об избыточном состоянии радости, то во втором – именно о расходах (ORF.Fragm. 163, 173). Точно так же в «Земледелии» для характеристики неподобающей вилы жены используется прилагательное *luxuriosus* в значении «своевольная, испорченная» (Agr. 143).

жизни *familia* и ее хозяйственной деятельности. Поэтому если термин *luxus* отражал понятие роскоши как таковой, то употребление слова *sumptus* было связано (и куда глубже уходило в историю Рима) с ведением хозяйства в целом и с понятием расходов в частности.

В то же время, не будучи тождественными, две этих линии пересекались. Попытавшись определить точки такого пересечения, мы приблизимся к пониманию того, как и чем была очерчена сфера действия римских «законов о роскоши». Первой точкой пересечения, без сомнения, является *familia* как исходный (для рассматриваемой эпохи) и одновременно базовый социоэкономический организм. Очевидно, что расходы, наносящие вред семейной организации или ставящие под угрозу ее существование, не могли не восприниматься в римском обществе как явление крайне отрицательное. Поэтому, как представляется, появление в Риме эпохи Республики законов, которые должны были исправить, а в идеале предотвратить подобную опасность, было неизбежным. Второй точкой пересечения семантических полей *luxus* и *sumptus* была *civitas*, сама гражданская община. Собственно говоря, две указанные точки и определили ареал распространения явления, которое мы обозначаем как «законы о роскоши». Помимо прочего, это позволяет отделить от *leges sumptuariae* внешне похожие законы (в силу чего они порой смешиваются в литературе), которые имели, однако, совершенно иные цели (законы, посвященные электоральной коррупции, вопросам наследования и т.д.)³⁸.

Таким образом, при учете истинного смысла термина *leges sumptuariae* отмеченный выше парадокс представляется мнимым. И плебесциты периода Ганнибаловой войны, и законы II–I вв. до н.э. в равной степени могут быть отнесены к *leges sumptuariae*, поскольку и те, и другие были направлены против расходов, чреватых негативными последствиями, но принимались (и должны восприниматься нами) в различном социоэкономическом и политическом контексте. Рассматривая термины *luxus* и *sumptus* как близкие по смыслу, но не совпадающие полностью понятия, следует обратить внимание на то, что понятие *sumptus* не только явно появилось раньше хронологически, но и было шире по своему содержанию. Тенденция к их слиянию (если их рассматривать в контексте истории *leges sumptuariae*) возникает не раньше II в. до н.э., когда «роскошь» (и расходы на нее) начинают проникать во все сферы общественного бытия Рима.

³⁸ Можно говорить о том, что в научной литературе существует два подхода к пониманию термина *leges sumptuariae*. Более распространено «широкое» толкование, когда под ними понимается особая группа законов, направленных на ограничение расходов частных лиц в различных областях жизни. В нее включаются правовые акты различного рода, направленные против организации дорогостоящих пиршеств, погребений, игр, приобретения одежды и украшений, предметов домашнего обихода, практики вымогательства дорогих подарков. Свое крайнее выражение такой подход нашел у Ф. Виекера, причислявшего к законам о роскоши все мероприятия римских властей, так или иначе направленные на оздоровление общественной морали (Wieacker 1961, 63). Как справедливо заметил в данной связи Э. Балтруш, издержки такой методикой связаны с вольной или невольной ориентацией исследователя на современные представления о праве, заставляющие искать в римском праве признаки четкой организации и систематизации даже там, где они отсутствовали (Baltrusch 1989, 41). Подробнее: Квашнин 2010, 52–53.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартошек, М. 1989: *Римское право: понятия, термины, определения*. М.
- Берве, Г. 1997: *Тираны Греции*. Пер. с нем. Ростов-на-Дону.
- Дворецкий, И.Х. 1976: *Латинско-русский словарь*. Изд. 2-е. М.
- Квашнин, В.А. 2006: *Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн*. Вологда.
- Квашнин, В.А. 2009: *Генезис сумптуарного законодательства в древнем Риме*. Вологда.
- Квашнин, В.А. 2010: «Столовые законы» в древнем Риме: К вопросу о соотношении терминов *leges* и *sumptuariae leges cibariae*. *Древнее право* 1 (25), 51–59.
- Кнабе, Г.С. 1985: Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Культура древнего Рима*. Т. II. М., 108–166.
- Кнабе, Г.С. 1994: Рим Тита Ливия – образ, миф и история. В кн.: *Ливий Т. История Рима от основания города*. Т. III. М., 590–655.
- Ляпустин, Б.С. 1991: Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши. В кн.: С.К. Сизов (ред.), *Из истории античного общества*. Нижний Новгород, 50–62.
- Утченко, С.Л. 1952: *Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики (Из истории политических идей I в. до н. э.)*. М.
- Afzelius, A. 1942: *Die römische Eroberung Italiens (340–264 v. Chr.)*. København.
- Astin, A.E. 1978: *Cato the Censor*. Oxford.
- Baltrusch, E. 1988: *Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserreich*. München.
- Beloch, K. J. 1926: *Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege*. Berlin–Leipzig.
- Bottiglieri, A. 2002: *La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana*. Napoli.
- Cássola, F. 1962: *I gruppi politici romani nel III secolo a. C.* Trieste.
- Chaniotis, A. 2005: *War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History*. Oxford.
- Cornell, T.J. 1989: The Conquest of Italy. In: F.W. Walbank, A.E. Astin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie, A. Drummond (eds.), *The Cambridge Ancient History*². VII/2. *The Rise of Rome to 220 B.C.* Cambridge, 351–419.
- Dench, E. 1998: Austerity, Excess, Success and Failure in Hellenistic and Early Imperial Italy. In: M. Wyke (ed.), *Parchments of Gender: Deciphering the Bodies of Antiquity*. Oxford, 121–146.
- Forsythe, G. 2006: *A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Geffcken, J., Ziebart, E. (eds.) 1914: *Lübkers Reallexikon des Klassischen Altertums*. Leipzig–Berlin.
- Glare, P.G.W. 1968: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford.
- Gruen, E.S. 1993: *Culture and National Identity in Republican Rome*. London.
- Gruen, E.S. 1996: *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Hauri, A. 1976: Une «année de la femme» à Rome, 195 avant J.-C.? In: *L'Italie préromaine et la Rome républicaine*. Melanges offerts à J. Heurgon. I. Roma, 427–436.
- Huffman, C.A. 2005: *Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King*. Cambridge.
- Kübler, B. 1931: Sumptus. *RE* 16, 901–908.
- Lange, L. 1876: *Römische Altertümer*. 3 Aufl. Berlin.
- Lewis, Ch., Short, Ch. (eds.) 1958: *A Latin Dictionary*. Oxford.
- Ligt de, L. 2002: Restraining the Rich, Protecting the Poor: Symbolic Aspects of Roman Legislation. In: W. Jongman, M. Kleijwegt (eds.), *After the Past. Essays in Ancient History in Honour of H.W. Pleket*. Leiden–Boston–Köln, 2–12.
- Momigliano, A. 1975: *Alien Wisdom: The Limits of Hellenisation*. Cambridge.

- Oakley, S. 1993: The Roman Conquest of Italy. In: J. Rich, G. Shipley (eds.), *War and Society in the Roman World*. London–New York, 9–37.
- Rawling, L. 2007: Army and Battle during the Conquest of Italy (350–264 B.C.). In: P. Erdcamp (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Malden–Oxford–Carlton, 45–62.
- Sauerwein, I. 1970: *Die leges sumptuariae als romische Maßnahme gegen den Sittenverfall*. Hamburg.
- Wieacker, F. 1961: *Vom römisches Recht*. 2 Aufl. Stuttgart.
- Ziegler, K., Sontheimer, W. (eds.) 1964: *Der Kleine Pauly Lexikon der Antike*. Stuttgart.

REFERENCES

- Afzelius, A. 1942: *Die römische Eroberung Italiens (340–264 v. Chr.)*. København.
- Astin, A.E. 1978: *Cato the Censor*. Oxford.
- Baltrusch, E. 1988: *Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserreich*. München.
- Bartošek, M. 1989: *Rimskoe pravo: ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman Law: Definitions, Terms, Conceptions]. Moscow.
- Beloch, K.J. 1926: *Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege*. Berlin–Leipzig.
- Berve, H. 1997: *Tirani Gretsyi* [The Tyrants of Greece]. Rostov-on-Don.
- Bottiglieri, A. 2002: *La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana*. Napoli.
- Cássola, F. 1962: *I gruppi politici romani nel III secolo a. C.* Trieste.
- Chanotis, A. 2005: *War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History*. Oxford.
- Cornell, T.J. 1989: The Conquest of Italy. In: F.W. Walbank, A.E. Astin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie, A. Drummond (eds.), *The Cambridge Ancient History*². VII/2. *The Rise of Rome to 220 B.C.* Cambridge, 351–419.
- Dench, E. 1998: Austerity, Excess, Success and Failure in Hellenistic and Early Imperial Italy. In: M. Wyke (ed.), *Parchments of Gender: Deciphering the Bodies of Antiquity*. Oxford, 121–146.
- Dvoretzkiy, I. Ch. 1976: *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow.
- Forsythe, G. 2006: *A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Geffcken, J., Ziebart, E. (eds.) 1914: *Lübkers Reallexikon des Klassischen Altertums*. Leipzig–Berlin.
- Glare, P.G.W. 1968: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford.
- Gruen, E.S. 1993: *Culture and National Identity in Republican Rome*. London.
- Gruen, E.S. 1996: *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Hauri, A. 1976: Une «année de la femme» à Rome, 195 avant J.-C.? In: *L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Melanges offerts à J. Heurgon*. I. Roma, 427–436.
- Huffman, C.A. 2005: *Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King*. Cambridge.
- Knabe, G.S. 1985: Istoricheskoye prostranstvo i istoricheskoye vremya v kulture drevnego Rima [Historical Space and histoical time in the culture of Ancient Rome]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Kul'tura drevnego Rima* [Culture of Ancient Rome]. Moscow, 108–166.
- Knabe, G.S. 1994: Rim Tita Liviya – obraz, mif i istoriya [Rome by Titus Livius – an image, myth and history]. In: *Liviy T. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [Titus Livius. History of Rome]. Vol. III, 590–655.
- Kübler, B. 1931: Sumptus. *RE* 16, 901–908.
- Kvashnin, V.A. 2006: *Zakony o roskoshi v drevnem Rime epokhi Punicheskikh voyn* [Sumptuary Laws in Ancient Rome in the period of Punic Wars]. Vologda.

- Kvashnin, V.A. 2009: *Genezis sumptuarnogo zakonodatel'stva v drevnem Rime* [*Genesis of Roman Sumptuary Legislation in Ancient Rome*]. Vologda.
- Kvashnin, V.A. 2010: «Stolovye zakony» v drevnem Rime: K voprosu o sootnoshenii terminov cibariae leges и sumptuariae leges [«Food Laws» in Ancient Rome: on the problem of correlation terms «cibariae leges» and «sumptuariae leges». *Drevnee pravo* [Ancient Law] 1 (25), 51–59.
- Lange, L. 1876: *Römische Altertümer*. 3 Aufl. Berlin.
- Lewis, Ch., Short, Ch. (eds.) 1958: *A Latin Dictionary*. Oxford.
- Ligt de, L. 2002: Restraining the Rich, Protecting the Poor: Symbolic Aspects of Roman Legislation. In: W. Jongman, M. Kleijwegt (eds.), *After the Past. Essays in Ancient History in Honour of H.W. Pleket*. Leiden–Boston–Köln, 2–12.
- Lyapustin, B.S. 1991: Economicheskoe razvitie drevnego Rima v svete zakona Oppiya o roskoshi [Economic development of Ancient Rome in a view lex Oppia de sumptu]. In: S.K. Sizov (ed.), *Iz istorii antichnogo obshchestva* [From the history of Ancient Rome]. Nizhny Novgorod, 50–62.
- Momigliano, A. 1975: *Alien Wisdom: The Limits of Hellenisation*. Cambridge.
- Oakley, S. 1993: The Roman Conquest of Italy. In: J. Rich, G. Shipley (eds.), *War and Society in the Roman World*. London–New York, 9–37.
- Rawling, L. 2007: Army and Battle during the Conquest of Italy (350–264 B.C.). In: P. Erdcamp (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Malden–Oxford–Carlton, 45–62.
- Sauerwein, I. 1970: *Die leges sumptuariae als romische Maßnahme gegen den Sittenverfall*. Hamburg.
- Utchenko, S.L. 1952: *Ideyno-politicheskaya bor'ba v Rime nakanune padeniya respubliki* (Iz istorii politicheskikh idey I v. do n.e.). [Ideological-political struggle in Rome on the eve fall of Republic (From the history of political ideas of the 1st century BC)]. Moscow.
- Wieacker, F. 1961: *Vom römischen Recht*. 2 Aufl. Stuttgart.
- Ziegler, K., Sontheimer, W. (eds.) 1964: *Der Kleine Pauly Lexikon der Antike*. Stuttgart.

ON A PARADOX OF ROMAN SUMPTUARY LAWS

Vladimir A. Kvashnin

Vologda State University, Vologda, Russia
kvashnin195@mail.ru

Abstract. Ancient authors developed a theory of moral decline, which linked the crisis of the Roman state with the process of decay of traditional norms and values (*mos maiorum*) under the influence of alien customs, of luxury and wealth. However, the first Roman sumptuary laws had been taken earlier than gradual extension of luxury began. Lex Claudia, lex Metilia and lex Oppia of 218–215 BC were taken about 30 years before the triumphs of Scipio and Manlius. This gives the impression that in Roman society, barely faced the impact of luxury, had already existed both a theoretical understanding of the problem (philosophical doctrine of the decline of morals) and the practical mechanism in the form of sumptuary laws. The explanation of this paradox is related with the incorrect translation of the term «sumptuary laws» into Russian and other languages.

Keywords: Rome, sumptuary laws, Greek philosophy, familia, sumptus, luxus

ХАРАКТЕР ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В ПОЗДНЕРИМСКОЙ ИМПЕРИИ

С.А. Лазарев

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск, Россия
lazarev-1956@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о степени привязанности римской армии к земельным участкам в III–IV вв. н.э., что имеет непосредственное отношение к оценке ее мобильности и боеспособности. Анализ исторических и юридических источников позволяет отказаться от тезиса о милиционном характере военной службы в результате реформ императоров Северов. Указанные в биографии Александра Севера *duces limitanei* изобличают анахронизм труда «Истории Августов», а вместе с этим подвергают сомнению содержащиеся там сведения о наделении солдат земель.

Те земли, которые приписывались к легионам (*prata legionis*), использовались главным образом в качестве пастбищ и для строительства фортификационных сооружений. Источником же существования семьи служившего легионера являлись военные поселения ветеранов, возникавшие рядом с территорией легиона.

О наличии земли у легионеров и воинов вспомогательных отрядов можно говорить только с начала IV в. н.э., но и тогда солдаты не могли обрабатывать ее в ходе действительной службы. Причем это касается как полевой (*comitatenses*), так и пограничной (*limitanei* или *riparienses*) армии.

Первые свидетельства об обработке земли солдатами относятся лишь к началу V в. Тогда же исчезает практика наделения ветеранов землей, что можно объяснить окончательным прикреплением солдат к земле, хотя мизерное жалование продолжалось им выплачиваться и дальше.

Таким образом, следует пересмотреть взгляд на римскую армию III–IV вв. н.э. как своего рода организацию военных поселенцев, полукрестьян-полусолдат. Процесс «окрестьянивания» римского войска начинается лишь с V в., находя свое наиболее полное проявление в частях *limitanei*, расположенных вдоль границ Империи.

Ключевые слова: армия, поздняя Римская империя, боеспособность, оседлость, *prata legionis*, *comitatenses*, *limitanei*

В исторической литературе существует довольно устоявшаяся точка зрения на то, что, начиная с III в. н.э., римский легионер претерпевает значительные качественные изменения. Из профессионального воина, живущего за счет государственных *stipendium* и *donativum*, он превращается в воина-земледельца, обрабатывающего выделенные ему участки вдоль границ Империи и защищающего их

Лазарев Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ЮУрГГПУ.

от нападений внешних врагов. Начало этого процесса приписывается деятельности императоров Северов, разрешивших легионерам вступать в брак, приобретать дом и землю в ходе действительной службы, жить вместе с семьями в канабах, являясь в лагерь на учения и для работы¹. В условиях усиливающегося хозяйственного кризиса, роста цен на продукты, упадка торговли и постепенного перехода к натуральному хозяйству перевод армии на самообеспечение явился фактором, с экономической точки зрения, целесообразным, но связанное с этим падение дисциплины, утрата высоких боевых качеств из-за прекращения систематических военных упражнений, составлявших ранее главное преимущество римской армии, оседание на земле свели военную реформу Северов на нет. Усилившаяся с этого времени варваризация римского войска явилась лишь временным выходом из трудного положения и, в конечном счете, только облегчила падение Римской империи.

Данная характеристика, однако, вступает в противоречие с имеющимися у нас фактами, которые убедительно показывают, что, несмотря на бурный III в. н.э., кровавые междоусобицы, римская армия продолжала оставаться грозной боевой силой и до адрианопольской катастрофы одержала ряд крупных и эффектных побед, предпринимая походы даже за пределы Империи, что никак не вяжется с утверждением об оседлости римского воина. Более того, почти сто лет спустя после правления Александра Севера – время вполне достаточное для надежного врастания в землю – в ходе диоклетиано-константиновской военной реформы из первых когорт, легионов, рассредоточенных по границам Империи, была сформирована новая полевая армия, так называемая *comitatenses*, главной особенностью которой была высокая мобильность. Создание такой армии вряд ли было возможным, если бы легионеры действительно являлись прикрепленными к земле военными поселенцами.

После создания *comitatenses* римская армия оказалась разделена на две части: собственно, полевое войско и пограничную армию (*riparienses* или *limitanei*). В отличие от первых, размещенных по городам внутри Империи, *limitanei* продолжали оставаться на границах, и это дало историкам основание считать по крайней мере их военными поселенцами, приписанными к земле и обязанными наследственной военной службой. Но, как показывает *Notitia Dignitatum*, пограничные легионы на протяжении всего IV в. продолжали выделять все новые и новые отряды, вливавшиеся в ряды полевой армии, а в ряде случаев сами целиком получали статус частей *comitatenses*². Таким образом, вопрос о *limitanei* оказывается тесно связанным с общим вопросом о характере военной службы в позднеримской армии. Какие же доказательства приводят в свою пользу сторонники милиционного характера службы *limitanei*?

Это, прежде всего, отрывок из жизни Александра Севера в *Saraptores Historiae Augustae*, в котором говорится о том, что Александр давал командирам (*duces*) и воинам пограничных войск в наследственное владение земли, захваченные у врагов, при условии, что дети этих воинов будут поступать на военную службу, а земля не будет переходить к частным лицам (*SHA. Al. Sev. LVIII. 4*). Однако это свидетельство совершенно определенно не является историческим. Использоуе-

¹ Колосовская 1969, 122; Игнатенко 1980, 27–28; Колобов 1999, 25; Seyfarth 1974, 251.

² Jones 1964, 651.

мые в источнике термины «limitanei» и «duces» появляются лишь в эпоху Домината³ и ни в коей мере не могут характеризовать события начала III в. Само понятие «пограничное войско» предполагает существование армии другого рода, армии, выполнявшей свои специфические задачи и обладавшей достаточной численностью для выделения в особый вид войска. Такой армией стали полки *comitatenses*, получившие окончательное организационное и юридическое оформление лишь в начале IV в. Причем, все пограничное войско сначала обозначалось термином «*grarienses*» вероятно из-за того, что в то время большая часть пограничной охраны располагалась вдоль рек Дуная, Рейна и Евфрата⁴. Термин «limitanei» впервые встречается в Кодексе Феодосия лишь в 363 г. (CTh. XII. 1. 56)

Так же обстоит дело и с упоминаемым в тексте «Истории Августов» словом «dux». Введение в армию этой должности как командира пограничных частей принадлежит Диоклетиану. В литературных источниках *duces* впервые упоминаются в 289 г. (Eumen. Paneg. 2,3), а в надписях – с начала IV в. (Ephem. epigr. 2,884: Januarius T(ransrhenanus) Bat(avi) v(ir) p(erfectissimus) dux P(annoniae) s(ecundae) S(aviae) (a.303); Dessau 664: Aur(elius) Senecio vir perfectissimus dux templum numini eius ex voto a novo fieri iussit (a.310)).

Таким образом, указанные в биографии Александра Севера *duces limitanei* изобличают анахронизм труда «Истории Августов», а вместе с этим подвергают сомнению содержащиеся там сведения о наделении солдат землей. Более вероятно, как предполагает А. Джоунз, такое описание военной политики было не более, чем завуалированной рекомендацией политического курса для императоров IV в., имевшей своей целью сокращение военных расходов⁵. Правда, сторонники мнения о превращении легионеров в земледельцев не оставляют без внимания данное противоречие, но считают заимствованной из эпохи Домината только саму терминологию «*duces limitanei*», но не суть политики Севера⁶.

Свою точку зрения они подкрепляют ссылками на многочисленные эпиграфические источники начала III в. (CIL III 143563a; III, 8112; III Suppl. 10488=Dessau 2456), в которых есть ясное указание на принадлежащие легионам земли (*territorium legionis*), распределяемые, по мнению ряда историков, мелкими участками среди воинов, обрабатывавших их на правах арендаторов, близким к правам колонов⁷.

Однако факт наличия легионной земли еще не может служить основанием для такого категоричного вывода. Из «Анналов» Тацита мы знаем, что земли выделялись легионам и в более раннее время. (Tac. Ann. XIII. 54. 1: ...*agros vacuos et militum usui sepositos*... «и осели на отведенных для нужд наших воинов и тогда никем не занятых землях»; 55,3: ...*quotam partem campi (iacere) in quam pecora et armenta militum aliquando transmitterentur*... «...пространства, куда наши воины лишь кое-когда перегоняют своих овец и быков»).. Длительное пребывание легиона в одном месте делало необходимым выделять территорию для его нужд, причем, по мнению А. Шультена, это в первую очередь обуславливалось стратегическими интересами – строительством фортификационных сооружений, а

³ Alföldi 1940, 234–235.

⁴ Klindert 1949, 28, 38.

⁵ Jones 1964, 650.

⁶ Колосовская 1973, 123.

⁷ Gage 1964, 375; Игнатенко 1980, 28.

луга для выпаса скота имели лишь вторичное значение⁸. Между тем большинство историков основное внимание сосредотачивают именно на втором моменте. Видимо, здесь сказывается магия размеров *prata legionis*, составлявшей большую, возможно, даже основную часть территории легиона⁹.

Большой интерес вызвала у историков надпись из Корнунта, датированная 205 г. н.э., нанесенная на алтаре, посвященном Юпитеру Гаем Юлием Катуллином, солдатом легиона XIV Genina, conductor prati Furiani. (CIL III 143563a: I(ovi) O(ptimo) M(aximo) sacr(um) pro sal(ute) Aug(ustorum) C.Iul(ius) Catullinum mil(es) leg(ionis) XIII g(emine) M(aptiae) v(icticis) cond(uctor) prat(i) Fur(iani) lustr(o) Nert(oni) Celerini p(rimi) p(ili) v(otum) s(olvit) l(aetus) l(ibens) m(erito) Kal(endis) Oct(obribus) imp(eratore) Anton(ino) Aug(usto) II et Geta Caes(are)). Впервые надпись опубликовал австрийский ученый Е. Борман, и он же первый стал рассматривать ее, как несомненное доказательство превращения легионеров в крестьян уже к началу III в.¹⁰ В *conductor* он видел арендатора земли; его точка зрения была принята О. Гиршфельдом, Е. Нишером, М. Ростовцевым, Е.М. Штаерман¹¹. А. Примерштейн начало военной аренды относил к I в. н.э., возникшей сначала в Египте, а во время правления Септимия Севера, как свидетельствует появление *conductor* в Корнунтской надписи, проникшей из Азии в Европу¹². В то же время ряд ученых подвергли сомнению такую интерпретацию надписи. Так, А. Альфёльди утверждал, что в III в. нельзя говорить о прикреплении легионеров к земле, так как легионы в это время были очень подвижны и императорам не было никакой выгоды сажать легионеров на землю в той провинции, где они стояли гарнизоном.¹³ Это подтверждается и юридическими источниками. В Дигестах есть прямой запрет на приобретение легионерами земли в той провинции, в которой они служат, чтобы стремление к земледелию не отвлекало их от военной службы¹⁴. Упоминаемая в надписи аренда, по мнению А. Альфёльди, касалась не пахотной земли, а пастбища. Гай Юлий Катуллин получил в аренду только сбор сена для легиона на Фурианском лугу *territorium legionis*¹⁵. Эту мысль развил дальше Р. Эггер¹⁶, подчеркнув разницу между корнунтской надписью начала III в. и египетскими свидетельствами I–II вв. По его мнению, надпись сообщает не об аренде земли, но об аренде сбора сена для потребностей самого же легиона. Легионер обязывался поставлять определенное количество сена, оставляя за собой все произведенное сверх нормы. После последнего сенокоса он имел также право пасти на лугу свой скот.¹⁷ Однако такая трактовка прямо подразумевает наличие у легионера собственного хозяйства и фактически сводит на нет первую посылку автора. Положение не спасает даже сделанная Р. Эггером оговорка о наличии у солдата семьи, наблюдавшей за хозяйством во время его отсутствия

⁸ Schulten 1894, 514.

⁹ Schulten 1894, 485; Колобов 1980, 52–53.

¹⁰ Bormann 1901, 141–150.

¹¹ Hirschfeld 1905, 143; Rischer 1923, 69; Rostovtzeff 1926, 642; Штаерман 1946, 263.

¹² Premerstein 1902, 377.

¹³ Alföldi 1940, 231–233.

¹⁴ Digest.49.16.19: ...ne studio culturae militiae sua avocentur.

¹⁵ Alföldi 1940, 233; Oliva 1962, 314.

¹⁶ Egger 1963, 135–153.

¹⁷ Egger 1963, 145–154.

по служебным обязанностям. В этом отношении более четкой представляется позиция А. Мочи, утверждавшего на основании тщательного анализа законов, что *conductor* является не арендатором земли и не сборщиком сена, а легионером, ответственным за доставку продовольствия для легиона или фуража для его скота, временно освобожденным от лагерной службы для выполнения этого задания.¹⁸ Именно в таком качестве предстает перед нами Г.Ю. Катуллин¹⁹.

В то же время мы не можем игнорировать поднятый Р. Эггером вопрос о семье легионера, так как в системе доказательств сторонников воина-земледельца он занимает немаловажное место. В самом деле, разрешение легионерам иметь семью предполагает наличие земельного участка, способного прокормить родителей, жену и детей. Но, как уже выше отмечалось, легионеру запрещалось приобретать землю в той провинции, где он служит. На практике, правда, этот закон ловко обходился, находя лазейку в следующей формулировке: в случае, если покупка останется неизвестной и о купившем землю не возникнет никакого расследования, легионер может спокойно владеть этим полем²⁰. Однако покупка земли может остаться неизвестной только в том случае, если легионер воздерживается от ее обработки и хранит в тайне до своего выхода в отставку. Вряд ли это положение устраивало членов его семьи. Материальную базу их существования, видимо, следует искать в складывающемся в это время институте наследственной военной службы и связанным с этим наследственным землевладением. Для этого был изменен правовой статус ветеранского землевладения: из собственности ветерана она превратилась в *possessio* на условии обязательного наследования профессии отца, владельца участка, его сыном. Если сын ветерана не поступал на военную службу, участок отбирался и поступал в распоряжение части²¹. Таким образом, на территории легиона или рядом с ней возникали специальные военные поселения ветеранов, ставшие источником существования семей служившего легионера. Этим объясняется большое количество алтарей, посвященных Домашнему Сильвану, найденных на местах стоянок легионов и вспомогательных отрядов (CIL III. 3392. 3494. 3957. 4438. 4440. 4440a. 10456. 10568. 10940. 11003. 11008. 11309. 14044-14047. 14355. 15192. 151923), а также содержание в сохранившихся папирусах писем солдат, проникнутых заботами об имуществе, о покупках, о рабах и арендной плате²². В этом нет ничего удивительного, и это не может служить доказательством обработки земли солдатами действительной службы.

В то же время следует заметить, что данная система не была введена каким-либо одним единовременным актом, а прокладывала себе дорогу долгим, часто ошибочным поиском наиболее оптимального пути. Внутренним стержнем этого процесса, по-видимому, был испытываемый в это время недостаток в боевой силе. Обуславливаемое этим введение наследственной военной службы изначально предполагало в себе наличие семьи и связанные с этим издержки. Разрешение совместного жительства солдат с их семьями, фактически было вынужденной

¹⁸ Mocsy 1966, 312–326.

¹⁹ Более подробная характеристика точек зрения А. Альфельди, Р. Эггера и А. Мочи дана в работах Колосовской 1973, 122–123, Олива 1962, 312–314.

²⁰ Ю. Кулаковский видел в этом награду ветеранам. См.: Кулаковский 1881, 3.

²¹ Grosse 1920, 63.

²² Grant 1968, 37–38.

мерой. Сами современники резко критиковали это положение (Herod. III. 8. 5) и правительство с помощью юридических норм сдерживало официальное оформление солдатского брака²³. Право вступать в брак уже во время службы солдаты, вероятно, получили лишь в начале IV в. (Amm. XX. 4. 10; XX. 8. 8; XXVII. 6. 8)²⁴. Во всяком случае, только с этого периода исчезают указания на то, что какому-либо солдатскому браку чинили препятствия²⁵. И в то же время именно на этот период приходится первые распоряжения, регулирующие условия жизни, и быта солдатских семей. Так, в 349 г. император Константин инструктировал своего префекта претория, чтобы тем солдатам, которые получили императорское разрешение встретиться с семьями, выдавался транспорт для перевозки их жен, детей и личных рабов (CTh VII. 1. 3). Не менее важными для нас являются законы о выдаче рационов для солдат и их семей. В 372 г. Валентиниан I издал указ о том, что сыновья служащих солдат, пока они не были в состоянии носить оружие, должны питаться за счет своих отцов, тогда как раньше они входили в списки полков и получали свою долю рационов (CTh VII. 1. 11). В восточной части Империи солдатские семьи получали рационы еще при Валенте в 377 г. (CTh VII. 4. 17), но уже через четыре года, при Феодосии I, Либаний жалуется, что, хотя солдатам было разрешено жениться, они не получали помощь для своих семей и кормили жен и детей из своего собственного рациона (Lib. Or. II. 39). Позднее, по крайней мере в Восточной Империи, правительство вернулось к этой практике. В 406 г. Аркадий приказал, чтобы рационы давались не только legionaribus, но и их семьям, если таковые действительно существовали (CTh VII. 4. 28). А в 409 г. Феодосий II утвердил подробный график цен для замены рационов солдатских семей в диоцезах Ориента и Египта (CTh VII. 4. 31). Трудно объяснить такую политику императоров, если допустить, что у солдат были свои земельные участки, с помощью которых они добывали средства к собственному существованию, ведь именно эту цель преследовал, по мнению биографа «Истории Августов», император Александр Север. Правда, может быть оговорено, что вышеприведенные указы могли касаться лишь частей полевой армии, удаленных от приграничных земельных участков. Но есть и такие законы, которые прямо указывают на то, что правительство снабжало рационами пограничные войска, расположенные вдоль рек и лимеса, на протяжении года до 364 г., а с этого времени, по крайней мере до начала V в., девять месяцев в году (CTh VII.4.14; VII.4.15; VII.4.30; Th. II. Nov. XXIV). Поэтому совершенно справедливо замечание А. Джоунза о том, что если *limitanei* выращивали свою собственную пищу, то выделяемые им рационы должны казаться дорогим удовольствием с точки зрения больших трудностей и затрат транспорта. И если все *limitanei* обеспечивались плодородной землей, то, по-видимому, давать им плату даже деньгами было бы излишеством²⁶.

Все это подвергает сомнению тезис «воина-земледельца», но у сторонников этой точки зрения есть еще один, пожалуй, самый сильный аргумент – императорский рескрипт 311 г., происходящий из Бригациона, о привилегиях в обложении земельным налогом легионеров иллирийских войск действительной службы, ка-

²³ Meyer 1895, 169.

²⁴ Marquardt 1884, 562; Meyer 1895, 171.

²⁵ Grosse 1920, 248.

²⁶ Jones 1964, 650–651.

валеристов вспомогательных войск и ветеранов²⁷. В рескрипте предписывается освобождение от ежегодных повинностей и поставок анноны (налог натурой), взимаемых в единицах обложения (*caput*), устанавливаемых на основании ценза. Легионерам действительной службы, кавалеристам и ветеранам, которые ушли в законную почетную отставку по истечении полного 24-летнего срока службы, дается скидка на пять *caput* и освобождение от повинностей. Ветераны, которым было разрешено уйти в почетную отставку после 20 лет службы, имеют скидку при поставках анноны на две единицы – для себя и своей жены. Это касается также тех, кто ушел в отставку вследствие тяжелого ранения; для ветерана и его жены налог в этом случае снимается. Совершенно не распространяется действие этого рескрипта на ушедших в позорную отставку²⁸.

Содержание этого документа совершенно очевидно исходит из того, что в начале IV в. ветераны, легионеры и воины вспомогательных войск имели землю. Однако отсюда вовсе не следует, что легионеры действительной службы обрабатывали ее. Здесь необходимо обратить внимание на следующий момент. Начатая Диоклетианом реорганизация римской армии потребовала значительного увеличения численности личного состава. Но, как уже отмечалось, Империя еще раньше испытывала дефицит в добровольцах, поэтому перешли к прямому регулярному набору новобранцев, к рекрутской системе. Рекруты набирались по тому же принципу, что и земельный налог, и поэтому тяжесть падала исключительно на сельское население. Крупные землевладельцы, облагавшиеся достаточно высокой суммой налога, были обязаны поставлять одного или более рекрутов. Более мелкие землевладельцы группировались в *temones* или *capitula*, составляя вместе такую сумму обложения налога, чтобы выставить одного рекрута (CTh VII. 13. 7 §1; XI. 23. 1; XI. 26. 14). Среди таких рекрутов были как бродяги и бедные колонны, так и крестьяне-собственники или их сыновья. Таким образом, среди легионеров появились земельные собственники, и возникла естественная необходимость определить правовой статус этой земли, место, которое занимали эти земли в системе военного землевладения. В этой связи интересно сравнить рескрипт из Бригациона с законом 325 г. в Кодексе Феодосия. Если первый касался лишь иллирийской армии – весьма привилегированной группы войск – и поэтому может рассматриваться как исключение, то закон из Кодекса охватывает всю римскую армию и, что для нас особенно важно, здесь впервые возникает деление армии на пограничную и полевую. Причем в правовом отношении обе части фактически равны: если среди ветеранов, ушедших в почетную отставку (*honesta missio*), условия получения привилегий еще незначительно различались, в зависимости от того в каких войсках служил ветеран, *comitatenses* или *ripenses*, то для действующих солдат скидка в обложении налогом была одинаковой. И тем, и другим разрешалось вычитать из налога на их имущество счет, равный четырем *caput*: для себя, отца, матери и жены (CTh VII. 20. 4: *Comitatenses et ripenses milites... suum caput patris ac matris et uxoris, si tamen eos supestites*). Позднее, к концу IV в., эта пропорция изменилась в пользу войск *comitatenses* (CTh VII. 13. 7 §3), но тогда на-

²⁷ Впервые текст рескрипта был опубликован и переведен И. Павловичем: Paulovics 1936, 43–62. Исследованием этого рескрипта занимался Р.Эггер, давший перевод и комментарий (Egger 1963, 51–68). См. также Колосовская 1973, 124–126.

²⁸ Колосовская 1973, 125.

чинали действовать совершенно другие закономерности. Когда же полевая армия только начинала официально оформляться, принципиальное единство между ней и пограничными частями было налицо. Да и сыновья ветеранов служили во всех отраслях армии и отбирались как в *comitatenses*, так и в *limitanei* согласно своим физическим данным (CTh VII. 22. 8; VII. 13. 7 §3).

У нас есть еще одно важное свидетельство, доказывающее, что даже владеющие землей солдаты не могли ее обрабатывать в ходе действительной службы. Речь идет о произведении анонимного реформатора середины IV в. Автор «*De Rebus Bellicis*» был хорошо знаком с практикой наделения ветеранов землей на границах Империи. Одним из пунктов его реформы было предложение сократить сроки службы в армии с тем, чтобы было большее количество ветеранов, и чтобы они были еще вполне молодыми людьми для достаточно эффективной работы на земле. «Они заселяли бы границы, пахали землю, сами ее защищали и, получая обильные плоды своего труда, могли бы стать налогоплательщиками вместо солдат» (Anon. de rebus bell. V. 4). Все это осталось не более, чем благим пожеланием, мы же получили ясное свидетельство того, что солдатам разрешалось обрабатывать землю только после своего увольнения со службы.

Таким образом, у нас нет никаких оснований считать римских солдат IV и тем более III в. воинами-крестьянами, занимавшимися делом обороны лишь от случая к случаю. Не представляли исключения и солдаты пограничной службы. Пожалуй, их единственным формальным отличием от воинов полевой армии были менее жесткие требования при приеме на службу. Так, в 372 г. особой статьей закона было предписано при наборе новобранцев зачислять в ряды *comitatenses* рекрутов выдающейся силы и роста, несоответствующих же этим условиям направлять в пограничные части (CTh VII. 22. 8). Однако длительная служба в уединенных лагерях на отдаленных границах Империи, злоупотребления офицеров и местной администрации значительно подрывали престиж пограничной службы и снизили ее боевую ценность в глазах императоров. И хотя общая численность пограничных войск на протяжении всего IV в. н.э. оставалась выше численности полевой армии, значимость *limitanei* из года в год неуклонно падала. Если еще в 311 г. право на особые привилегии имели лишь те легионеры, которые несли лишения военной службы на границе²⁹, а вышеупомянутый закон 325 г. не делал различий между *giparienses* и *comitatenses* (CTh VII. 20. 4), то в начале V в. перевод из полевого войска в *limitanei* рассматривался как прямое наказание (Synesius. Epistulae, 78. CTh XVI. 5. 65 §3). Фемистий, посетивший вместе с императором Валентом пограничные районы Дуная, нарисовал картину полного разложения римской армии, когда офицеры занимались не делами обороны, а торговлей и скупкой рабов у соседних варваров; солдаты, не получая жалованья, грабили местных жителей; пограничные крепости, оказавшись без гарнизона и оружия, стояли разваливающимися (Themistii. Orationes. X). Подобные свидетельства мы находим и у Аммиана, описывавшего, как солдаты пограничных гарнизонов вместо того, чтобы отражать набеги варваров, грабили местных жителей, добывая себе средства к существованию (Amm. XV. 12. 4; XVI. 4. 9. 13. 3; XVII. 8. 3). Пожалуй,

²⁹ Paulovics 1936, 42.

нелишним будет еще раз подчеркнуть этим свидетельством отсутствие у воинов собственного хозяйства.

Но было бы неверным считать пограничную армию абсолютно небоеспособной единицей, являющейся, по меткому выражению Р. Томлина, чем-то вроде «деревенской милиции»³⁰. Античные авторы могли сознательно сгущать краски, чтобы лишний раз подчеркнуть заслугу того или иного императора в восстановлении пограничной охраны³¹. Да и археологические данные опровергают эту версию³². Выполняя исключительно оборонительную функцию, пограничные армии часто присоединялись к центральным частям при наступательных операциях³³, отражали натиск варваров и восстанавливали разрушенные крепости³⁴, а при необходимости, как уже выше говорилось, могли даже превращаться в полки полевой армии. Все это говорит о том, что, хотя пограничные легионы и утратили свои ведущие позиции, в системе обороны Римской империи они продолжали играть определенную роль, сдерживая небольшие набеги варваров.

Limitanei в том значении, которое обычно приписывают этому виду войска, то есть как род наследственных военных поселенцев, появляются лишь к началу V в. Именно к этому времени относятся первые свидетельства, что limitanei владели и обрабатывали землю. Это, прежде всего, законы 423 и 443 г., запрещающие отчуждение пограничных земель (agri limitanei) и передачу их в частные руки (CTh VII. 15. 2; Th. II. Nov. XXIV § 4; CJ XI. 60. 3). Тогда же исчезает практика наделения ветеранов землей; последний раз она упоминается в законах Валентиниана I. Это можно объяснить окончательным прикреплением солдат к земле, хотя мизерное жалование продолжалось им выплачиваться и дальше (Th. II. Nov. IV §1; XXIV. 443).

Впервые такая форма защиты границы возникла в Африке еще в III в. н.э., но возлагалась она не на регулярные римские войска, а на варварские племена под руководством римских офицеров (praepositi).³⁵ Варвары за выполнение обязанностей обороны лимеса вознаграждались землей вдоль границы, обрабатывали ее и защищали от внешних вторжений. Постепенно вместе с прогрессирующей варваризацией римской армии, эта система перешла на другие провинции Римской империи и вовлекла в себя сначала ветеранов, а затем и регулярных солдат пограничной службы.

Таким образом, видимо следует пересмотреть взгляд на римскую армию III–IV вв. н.э. как своего рода организацию военных поселенцев, полукрестьян-полусолдат. Процесс «окрестьянивания» римского войска начинается лишь с V в., находя свое наиболее полное проявление в частях limitanei, расположенных вдоль границ Империи. Использование этого термина для обозначения пограничной армии IV в. представляется нецелесообразным.

³⁰ Томлин 2000, 254.

³¹ Сиротенко 1973, 25.

³² Велков 1955, 260.

³³ Grump 1973, 99.

³⁴ Grant 1974, 277.

³⁵ Varady 1961, 374.

ЛИТЕРАТУРА

- Велков, В. 1955: *Сведения на Темистий за Тракия*. Ч. 2. София.
- Игнатенко, А.В. 1980: Армия в Риме в период кризиса III в. (Политическая роль армии и изменение её организационно-правовых основ). В сб.: *Правовые идеи и государственные учреждения*. Свердловск, 20–32.
- Колобов, А.В. 1999: *Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи)*. Пермь.
- Колосовская, Ю.К. 1969: К вопросу о социальной структуре римского общества I–III вв.н.э. (collegia veteranorum). *ВДИ* 4, 122–129.
- Колосовская, Ю.К. 1973: *Паннония в I–III вв.* М.
- Кулаковский, Ю. 1881: *Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи*. Киев.
- Сиротенко, В.Т. 1973: *Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв.* Ч. 1. Пермь.
- Томлин, Р. 2000: Мобильная армия. В кн.: П. Конноли (ред.), *Греция и Рим. Энциклопедия военной истории*. М., 249–258.
- Штаерман, Е.М. 1946: Обзор открытий в латинской эпиграфике за XX век. *ВДИ* 4, 188–218.
- Alföldi, A. 1940: Epigraphica. III. *Archaeologiai Ertesito*. III. F. 1, 195–235.
- Bormann, E. 1901: Epigraphischer Anhang. *Der romische Limes in Oesterreich*. II. Wien, 141–150.
- Egger, R. 1963: Aus dem Leben der donauländischen Wehrbauern. *Römische Antike und Früdes Christentum* II, 51–68.
- Egger, R. 1963: Bemerkungen zum Territorium pannonischer Festungen. *Römische Antike und Frühes Christentum* II, 135–153.
- Gage, J. 1964: *Les classes sociales dans l'Empire Romain*. Paris.
- Grant, M. 1968: *The climax of the Roman Empire*. Boston–Toronto.
- Grant, M. 1974: *The army of the Caesars*. London.
- Grosse, R. 1920: *Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung Roman history*. Berlin.
- Grump, G.A. 1973: Ammianus and the late Roman army. *Historia* 22, 91–113.
- Hirschfeld, O. 1905: *Die Kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*. Berlin.
- Jones, A.H.M. 1964: *The later Roman Empire, 284–602*. Oxford.
- Klindert, W. 1949: *Die diokletianisch-konstantinische Heeresreform*. Wien.
- Marquardt, J. 1884: *Römische Staatsverwaltung*. II. Leipzig.
- Mocsy, A. 1966: Das lustrum primi pili Germania und die Annona militaris. *Germania* 64, 312–326.
- Meyer, P. 1895: *Der römische Konkubinat*. Leipzig.
- Oliva, P. 1962: *Pannonia and the onset of crisis in the Roman Empire*. Praha.
- Paulovics, I. 1936: La table de privileges de Brigetio. *Archeologia Hungarica* 20, 43–62.
- Premmerstein, A. 1902: Römische Soldaten als Landpächter. *Wiener Studien* 24, 373–377.
- Rischer, E. 1923: *Die Römer im Gebiete des ehemaligen Österreich-Ungarn*. Vienna.
- Rostovtzeff, M. 1926: *The Social and Economic History of Roman Empire*. V. II. Oxford.
- Schulten, A. 1894: Das territorium legionis. *Hermes* 29, 481–516.
- Seyfarth, W. 1974: *Römische Geschichte: Kaiserzeit*. Bd. I. Berlin.
- Varady, L. 1961: New evidences on some problems of the Late Roman militari organization. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* IX, 333–396.

REFERENCES

- Alföldi, A. 1940: Epigraphica. III. *Archaeologiai Ertesito*. III. F. 1, 195–235.
- Bormann, E. 1901: Epigraphischer Anhang. *Der romische Limes in Oesterreich*. II. Wien, 141–150.

- Egger, R. 1963: Aus dem Leben der donauländischen Wehrbauern. *Römische Antike und Frühes Christentum* II, 51–68.
- Egger, R. 1963: Bemerkungen zum Territorium pannonischer Festungen. *Römische Antike und Frühes Christentum* II, 135–153.
- Gage, J. 1964: *Les classes sociales dans l'Empire Romain*. Paris.
- Grant, M. 1968: *The climax of the Roman Empire*. Boston–Toronto.
- Grant, M. 1974: *The army of the Caesars*. London.
- Grosse, R. 1920: *Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung Roman history*. Berlin.
- Grump, G.A. 1973: Ammianus and the late Roman army. *Historia* 22, 91–113.
- Hirschfeld, O. 1905: *Die Kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian*. Berlin.
- Ignatenko, A.V. 1980: Armiya v Rime v period krizisa III v. (Politicheskaya rol' armii i izmeneniye ee organizatsionnykh osnov) [The Roman army during the 3rd century BC (The political role of the army and changing its organizational basis)]. In: *Pravovye idei i gosudarstvennye uchrezhdeniya* [Legal ideas and state institutions]. Sverdlovsk, 20–32.
- Jones, A.H.M. 1964: *The later Roman Empire, 284–602*. Oxford.
- Klindert, W. 1949: *Die diokletianisch-konstantinische Heeresreform*. Wien.
- Kolobov, A.V. 1999: *Rimskie legiony vne poley srazheniy (Epokha ranney Imperii)* [The Roman legions outside the battlefields (The era of the early Empire)]. Perm.
- Kolosovskaya, Yu.K. 1969: K voprosu o sotsial'noy strukture rimskogo obshchestva I–III vv. n. e. (collegia veteranorum) [On the issue of social structure of the Roman society during 3rd – 5th centuries BC]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 122–129.
- Kolosovskaya, Yu.K. 1973: *Pannoniya v I–III vv.* [Pannoniya in the 1st–3rd centuries BC] Moscow.
- Kulakovskiy, Yu. 1881: *Nadel vetetranov zemley i voennye poseleniya v Rimskoy imperii* [Empowering veterans with land and military settlements in the Roman Empire]. Kiev.
- Marquardt, J. 1884: *Römische Staatsverwaltung*. II. Leipzig.
- Mocsy, A. 1966: Das lustrum primi pili Germania und die Annona militaris. *Germania* 64, 312–326.
- Meyer, P. 1895: *Der römische Konkubinat*. Leipzig.
- Oliva, P. 1962: *Pannonia and the onset of crisis in the Roman Empire*. Praha.
- Paulovics, I. 1936: La table de privileges de Brigetio. *Archeologia Hungarica* 20, 43–62.
- Premmerstein, A. 1902: Römische Soldaten als Landpächter. *Wiener Studien* 24, 373–377.
- Rischer, E. 1923: *Die Römer im Gebiete des ehemaligen Österreich-Ungarn*. Vienna.
- Rostovtzeff, M. 1926: *The Social and Economic History of Roman Empire*. V. II. Oxford.
- Schulten, A. 1894: Das territorium legionis. *Hermes* 29, 481–516.
- Seyfarth, W. 1974: *Römische Geschichte: Kaiserzeit*. Bd. I. Berlin.
- Sirotenko, V.T. 1973: *Vvedenie v istoriyu mezhdunarodnykh otnosheniy v Evrope vo vtoroy polovine IV – nachale VI vv.* [Introduction to the history of international relations in Europe during the second half of the 4th to the early 6th century]. Pt 1. Perm.
- Tomlin, R. 2000: Mobil'naya armiya [The mobile army]. In: P. Konnoli (ed.), In: *Gretsiya i Rim. Entsiklopediya voennoy istorii* [Greece and Rome. Encyclopedia of the military history]. Moscow, 249–258.
- Varady, L. 1961: New evidences on some problems of the Late Roman military organization. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* IX, 333–396.
- Velkov, V. 1955: *Svedeniya na Temistij za Trakiya* [Themistius' information about Thrace]. Pt 2. Sofia.

THE NATURE OF MILITARY SERVICE IN THE LATE ROMAN EMPIRE

Sergey A. Lazarev

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
lazarev-1956@mail.ru

Abstract. The article deals with the issue of the attachment of the Roman army to the plots in the 3rd–4th centuries AD that is directly related to the assessment of its mobility and combat efficiency. The analysis of historical and legal sources makes it possible to reject the thesis of the militia nature of military service because of the Severus' reforms. The *Duces limitanei*, specified in Severus Alexander's biography expose the anachronism of the *Scriptores Historiae Augustae*, and therefore cast doubt on the information of giving land to the soldiers.

The lots attributed to the legions (*prata legionis*) were used mainly as pastures and for the construction of fortifications. The source of the existence of a legionnaire's family was veterans' military settlements that occurred near the territory of the legion.

The land ownership by legionnaires and warriors of auxiliary forces dated back only to the beginning of the 4th century AD, and even then the soldiers could not cultivate their plots during the active service. This referred to both the field (*comitatenses*) and the border (*limitanei* or *riparienses*) forces.

The first evidence of the cultivation of the land by the soldiers date back only to the beginning of the 5th century AD. In the meantime, the practice of the giving the plot to veterans disappeared, which can be attributed to the terminative attachment of the soldiers to the land, although they were still paid a poor emolument.

Thus, it is necessary to reconsider the viewpoint on the Roman army of the 2nd – 4th centuries AD as a kind of an organization of military settlers, half-peasants and half-soldiers. The peasantization process commenced only in the 5th century AD, and was fully manifested in the parts of *limitanei*, located along the borders of the Empire.

Keywords: the Late Roman Empire, army, combat capability, sedentariness, *prata legionis*, *comitatenses*, *limitanei*

ПОСЕЛЕНИЯ БОСПОРА I в. до н.э. – НАЧАЛА II в. н. э.

А.В. Бонин

Институт археологии РАН, Москва, Россия
bonin_a80@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор исследованных сельских поселений Боспора I в. до – начала II в. н. э. Предлагаются уточненные датировки для некоторых типов поселений хоры и их соотнесение с известными политическими событиями, имевшими место на территории Боспорского царства в указанный период.

Возникновение домов-башен на всей территории Боспора относится ко второй половине I в. до н.э. (правлению Асандра). Разрушение домов-башен Европейского Боспора произошло в конце I в. до н.э. и связывается с военными действиями Полемона. Окончание функционирования аналогичных поселений Азиатского Боспора увязывается с римско-боспорской войной середины I в. н. э. Строительство крепостей-батареек произошло в правление Аспурга (начало I в. н. э.), а их разрушение – в первые десятилетия II в. н. э. С периодами строительства и разрушения домов-башен и батареек синхронизируются этапы существования многослойных поселений хоры Боспора: Михайловки, Семеновки, Андреевки Северной, Ново-Отрадного, Раевского городища, Краснобатареино-го городища.

Ключевые слова: Боспор, римское время, укрепления, дома-башни, поселения, батареики, керамика

Вопросы хронологии сельских памятников античного Боспора имеют важное значение для соответствующих исторических реконструкций. Особенно это касается такого сложного и противоречивого периода местной истории, как рубеж эр. Противоречия в датировках тех или иных объектов хоры порой достигают чуть ли не полувека. Это обстоятельство во многом объясняется различиями, в силу разных причин, так называемых первоначальных датировок, сделанных руководителями раскопок и авторами первых публикаций, а также тем, что непрерывно развивается и совершенствуется наша источниковедческая база и сами методы хроно-типологических изысканий. Все более узкими, точными становятся соответствующие датировки. В данной статье подводятся основные современные итоги такого рода исследований в указанной области боспороведения.

Исследованные сельские поселения Боспорского царства I в. до – первых веков н. э., используя классификацию А.А. Масленникова¹, можно разделить на три большие группы. К первой группе относятся объекты, застройка которых явля-

Бонин Александр Викторович – младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН.

¹ Масленников 1989.

лась моноблочной, т. е. все поселение представляло собой фактически одно здание. В зависимости от площади, сложности планировки и характера застройки они делятся на два вида: дома-башни и дома-поселения.

Дома-башни обнаружены и исследованы на территории как Азиатской, так и Европейской частей Боспора. Большинство их найдено и раскопано вблизи Северокавказского побережья Черного моря, которое в античное время являлось восточной окраиной Боспорского царства. В основном они сконцентрированы в районе между Новороссийском и Анапой (Баты и Горгиппия соответственно). Это поселения у хутора Рассвет², станиц Натухаевской³, Анапской⁴, поселков Владимировский⁵, Цемдолина⁶ и Широкая Балка близ Новороссийска⁷. Приведенный здесь перечень не претендует на полноту – башен в этом регионе, скорее всего, было гораздо больше. Согласно разведкам, выявившим новые пункты сигнальной системы, их число составляло, как минимум, двадцать одну⁸.

Восточнее полуострова Абрау, как считалось до недавнего времени, сторожевых башен, да и вообще античных поселений не существовало. Однако в начале 2000-х гг. был открыт дом-башня в районе Архипо-Осиповки. Раскопанная башня (возможно, что в этом регионе не единственная) значительно расширяет географию распространения памятников этого типа⁹.

В Восточном Крыму количество выявленных объектов такого рода пока меньше. На сегодняшний день полностью раскопано три памятника: две башни вблизи Узунларского вала, который пересекает полуостров с севера на юг¹⁰, и третья, которая располагалась вблизи другого оборонительного вала, проходившего к югу от Чокракского озера¹¹. Есть все основания полагать, что их число, по крайней мере, в районе Узунларского вала, было значительным.

Заметим, что почти все памятники этого типа являются однослойными (кроме Анапского городища), наличие предшествующих или перекрывающих их строений, как правило, не фиксируется.

К этой же системе следует прибавить и некоторые другие объекты, которые обозначим, вслед за А.А. Масленниковым, как дома-поселения. Речь идет о центральной постройке на поселении «Чокракский мыс», о здании на Семибратнем городище, а также т. н. «Резиденции Хрисалиска». Кроме того, сюда же можно, вероятно, отнести и комплекс Раевского городища раннеримского времени¹².

В отличие от домов-башен, стратиграфия и планировка этих поселений гораздо сложнее. Практически все обследованные на сегодняшний день строения этого типа были возведены над объектами эпохи эллинизма либо являлись очередным строительным периодом таковых. Скорее всего, они представляли собой дальней-

² Крушкол 1968, 213–219.

³ Сизов 1889, 105.

⁴ Алексеева 1988, 66–68.

⁵ Онайко, Дмитриев 1981, 93–100.

⁶ Онайко, Дмитриев 1982, 106–121.

⁷ Малышев, Дмитриев, Медникова 2004, 276.

⁸ Вязкова, Гольева, Малышев 2009, 235–236.

⁹ Бонин, Мелешко 2008.

¹⁰ Масленников 1998, 105–111; 2003, 75–87, 97–99.

¹¹ Ермолин 2010, 135–138.

¹² Вязкова, Гольева, Малышев 2009, 222–224.

шее развитие домов-башен, произошедшее за счет увеличения числа помещений и появления внутреннего двора¹³.

Следующую большую группу поселений можно условно назвать «батареями», так как городища этого типа схожи по планировке и назначению с известными под таким термином памятниками Таманского полуострова. Число разведанных «батареек» уже превышает десяток¹⁴.

Таманские «батареи», как правило, принято считать крепостями на сельской территории, постройка которых проводилась по единому замыслу¹⁵. С их датировкой дело обстоит сложнее, в основном из-за специфики этих памятников. В отличие от домов-башен, «батареи» являлись многослойными объектами, существовавшими около 100 лет.

Типологически схожие с ними поселения присутствуют и в Восточном Крыму. Это достаточно хорошо исследованные и известные по ряду публикаций памятники: Артезиан, Ново-Отрадное (третий строительный период), Михайловка (третий строительный период)¹⁶. К ним можно, с известной долей осторожности, причислить такие малоисследованные городища как Багерово-Северное, Либкнехтовка, Придорожное, Темир-гора¹⁷.

Третьей группой поселений можно считать городища с так называемой линейной застройкой. Отличительным признаком их являлась жилая застройка, состоявшая из небольших, одно-двух «комнатных» помещений с двориками, сблокированных в кварталы, которые были разделены продольными и поперечными улицами и переулками. Исследованные объекты этого типа характерны пока только для Керченского полуострова, но, возможно, существовали и на сопредельных крымских территориях. Наиболее известное из них, раскопанное И.Т. Кругликовой, расположено у деревни Семеновки, недалеко от мыса Казантип¹⁸. Почти в центре восточной части Керченского п-ова находится поселение Андреевка Северная¹⁹. Городища этой же группы в той или иной степени исследовались и в Крымском Приазовье. Прежде всего, это поселение Полянка, характерное своей террасной застройкой и достаточно узкой хронологией²⁰. Есть все основания полагать, что этот перечень можно пополнить такими памятниками, как Сиреневая бухта, Туркмен, Салачик, Куль-тепе, Зеленый мыс, Генеральское-восточное, Казантип-восточный I и другие²¹.

Наиболее спорным, а вместе с тем и самым важным для исторических реконструкций является вопрос абсолютной хронологии вышеперечисленных объектов.

Малоизученным периодом остается первая половина I в. до н.э. Вероятно, в это время существовали такие поселения как Михайловка, Ново-Отрадное, Семеновка, Артезиан, Андреевка Северная, хотя не исключено, что какие-то из них

¹³ Масленников 1989, 72.

¹⁴ Сокольский 1964, 49; Толстиков 1989, 57; Паромов 2003, 99.

¹⁵ Сокольский 1964, 49; Толстиков 1989, 57; Сапрыкин 2002, 178.

¹⁶ Кругликова 1998, 151–155; Масленников 1998, 115–116; Петерс 1978, 124–126.

¹⁷ Масленников 1998, 115–120; Гайдукевич 1941, 44–59.

¹⁸ Кругликова 1970; 1975, 104–105.

¹⁹ Кругликова 1975, 108–113.

²⁰ Масленников 1998, 128–133.

²¹ Масленников 1998, с. 133–137.

пребывали в запустении²². Но их археологическая характеристика, а, следовательно, и типологическая принадлежность (за исключением упомянутой Полянки) нам пока не вполне ясны. Функционировали в это время и усадьбы Юбилейное 1 и 2, ранее причисляемые к домам-башням²³. Типы амфор, найденные при раскопках этих поселений, аналогичны находкам тарных сосудов в ранних слоях на городище Кара-Тобе, датируемых последней четвертью II – первой половиной I в. до н.э.²⁴ К моменту возведения домов-башен эти строения, скорее всего, были уже покинуты, так как амфоры, характерные для второй половины I в. до – рубежа н. э., здесь не зафиксированы.

В историографии вопрос о времени появления домов-башен не бесспорен. Так, например, возведение башен близ Узунларского вала и здания на поселении Чокракский мыс датируется временем Асандра²⁵, что логично – материала ранее середины I в. до н.э. на них не зафиксировано. Однако весьма схожие по планировке и комплексу находок поселения в восточной части Боспора, по мнению исследователей, основываются, как минимум, на полвека раньше²⁶. Некоторые основания для подобных заключений, в принципе, есть – на одном из рассмотренных памятников, Владимировском, зафиксированы фрагменты амфор типа Яблоновской, датируемые II в. до н.э. Кроме того, здесь же также найдены фрагменты амфор типа Елизаветинской²⁷. Но, как для этого поселения, так и для остальных, основным датирующим материалом служат все же именно светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками типа CI и узкогорлые типа A, а керамика позднеэллинистических типов²⁸, характерная для конца II – первой половины I в. до н.э., не обнаружена. Таким образом, можно утверждать, что все дома-башни были основаны не ранее второй половины I в. до н.э.

Те же поселения, которые существовали ранее (Ново-Отрадное, Михайловка, Семеновка, Андреевка Северная, Артезиан, Полянка, Чокракский мыс, резиденция Хрисалиска, Раевское и Семибратнее городища) были основательно перестроены не ранее середины I в. до н.э. Некоторые же возрождены после запустения²⁹.

Об этом говорит, прежде всего, одинаковый состав комплекса находок из соответствующих напластований этих поселений, а также схожесть строительных приемов и планировочных решений. Думается, что мы не сильно ошибемся, если отнесем постройку домов-башен (как Европейского, так и Азиатского Боспора) и перестройку указанных поселений эллинистического времени ко времени правления архонта, а потом царя Асандра.

Этот период закончился около рубежа н. э., когда были разрушены все известные дома-башни и дома-поселения Европейского Боспора (Чокракский мыс,

²² Петерс 1978, 123–124; Кругликова 1975, 104–105; 1998, 146–150; 2000, 79–80; Винокуров 2010, 38.

²³ Паромов 2003, 95.

²⁴ Внуков 2016.

²⁵ Масленников 1998, 106, 112; 2003, 87.

²⁶ Крушкол 1968, 219; Онайко, Дмитриев 1982, 117; Алексеева 1997, 53; Вязкова, Гольева, Малышев 2009, 212.

²⁷ Онайко 1977, 14.

²⁸ Внуков 2016.

²⁹ Кругликова 1975, 104–105, 107–112, 126–130; 1998, 143–144; Петерс 1978, 124; Винокуров 2010, 38; Масленников 1998, 46–50, 111–112, 128–333; 2010, 14–21; Сокольский 1975, 22–29; 1976, 7–55, 89–111; Малышев 2010, 177–178; Шаров, Самарина 2009, 430.

башни на Узунларском валу, башня у Чокракского озера)³⁰. Пострадали и более крупные объекты: Артезиан, Ново-Отрадное, Полянка³¹. По всей видимости, эти события следует связать с «мятежом» Скрибония либо, что более вероятно, с военными действиями Полемона I, предпринятыми им при вступлении на боспорский престол в 13/9 гг. до н. э. Отметим, что бесспорные следы разрушений, отнесенных к последствиям этой войны, прослежены, в основном, именно здесь.

На Азиатском Боспоре в это время (конец I в. до н. э.) разрушения зафиксированы лишь при раскопках «дома Хрисалиска» и, возможно, на Краснобатареинном городище³². Следы разрушений рубежа н. э. найдены еще на одном поселении, имевшем ярко выраженный варварский облик, – городище Фурожан, расположенном в 9 км к востоку от Краснобатареинного городища. Это памятник, хотя и находился, скорее всего, вне территории Боспора, вполне мог быть затронут военными действиями³³.

Следующий этап строительства или перестройки сельских поселений произошел через сравнительно небольшой промежуток времени после событий конца I в. до н. э. и может быть связан с правлением Аспурга. В начале – первой четверти I в. н. э. появляются крепости-батарейки, а также зафиксированы перестройки на поселениях Восточного Крыма (Ново-Отрадное, Михайловка и Андреевка Северная). Говоря о Таманских батареях, следует помнить об окружавшей их центральные укрепления плотной застройке, напоминавшей своей планировкой объекты с линейной застройкой, появившиеся со II в. до н.э. в Восточном Крыму. Весьма важным представляется вопрос о синхронности укреплений-батареек и их «посадов». На сегодняшний день известно лишь, что последние существуют еще, как минимум, век-полтора после разрушения укреплений. Но утверждать, что они появились вместе с крепостями (или, хотя бы до разрушения укреплений в начале – первой четверти II в. н. э.³⁴), пока не представляется возможным.

Проведенные перестройки и постройки новых поселений и укреплений произошли, в основном, во внутренних районах царства. Дома-башни и поселения восточной окраины Боспора, как уже говорилось выше, по всей видимости, не были затронуты негативными событиями конца I в. до н.э. Уничтоженные же дома-башни вблизи Узунларского и Чокракского валов так и не возродились. В то же время перестраивается и продолжает существование поселение Ново-Отрадное, расположенное у северной оконечности Узунларского вала. Подобное пренебрежение западными рубежами царства (притом, что аналогичные поселения восточного пограничья продолжают существовать) может свидетельствовать о том, что трасса Узунларского вала, как пограничный рубеж Боспора, к началу I в. н.э. утратила свое значение.

Следующим заметным событием в истории Боспора, оставившим след в письменных источниках, стала так называемая Римско-Боспорская война 45–49 гг. н.э. Разрушения, датируемые серединой I в. н. э. зафиксированы на сельских поселениях, главным образом, восточной окраине Боспора, т. е. там, где по свидетель-

³⁰ Масленников 1998, 105–111; 2003, 97–99, 75–87; Ермолин 2010, 143–147.

³¹ Винокуров 2010, 38; Кругликова 1975, 126–130; 1998, 143–144; Масленников 1998, 128–333.

³² Сокольский 1975, 22–29; 1976, 7–55, 89–111; Шевченко 2009, 435–436.

³³ Иванов 2014; Бонин, Иванов 2017.

³⁴ Бонин 2014, 85.

ству Тацита, и велись в основном военные действия. По всей видимости, в ходе их и были разрушены упомянутые выше дома-башни. Кроме того, вторично было разрушено и городище Фурожан. Отметим, что укрепления этого памятника, открытые в ходе раскопок³⁵, конструктивно очень похожи на описанные Тацитом оборонительные сооружения сиракского города Успа, взятого римско-боспорскими войсками в ходе этой войны (Тас. Ann. XII. 16).

Особняком (в том числе и в географическом плане) стоит башня близ поселка Архипо-Осиповка, чей комплекс амфор датирует памятник достаточно узко: второй третью I в. н. э. Интерпретация этого объекта затруднительна – он мог быть как частью боспорской оборонительной системы, так и входить в состав колхидского участка понтийского лимеса. Удаленность его от основных пунктов базирования римских частей в Колхиде³⁶ делает это предположение маловероятным, но не таким уж невозможным. Следует отметить и то, что период существования этой башни захватывает время Римско-Боспорской войны.

Других разрушений, которые можно было бы связать с этими событиями, на Азиатском Боспоре пока не зафиксировано. Что касается Европейского Боспора, то, по мнению Н.И. Винокурова, в ходе (на первом этапе, неизвестном нам вследствие утраты соответствующей части текста Тацита – А.Б.) междоусобной борьбы Котиса и Митридата была разрушена цитадель городища Артезиан, которая, впрочем, была отстроена заново через небольшой промежуток времени³⁷.

Значительные последствия для Боспора, а равно и для его сельской территории, имел период от конца I в. н. э. до первой четверти II в. н. э. Самая яркая примета этого времени – разрушение крепостей-батареек Тамани в ходе военных действий. Они были уничтожены едва ли не одновременно и больше не возрождались. Разрушения этого времени зафиксированы и на Краснобатареинном городище, а в Восточном Крыму – на поселение Михайловка. Однако разрушения, каковые случались и ранее, – это не единственное «веяние» этой эпохи. Именно в первой четверти II в. н. э. заметно меняются поселения как Европейского, так и Азиатского Боспора. Теперь обычным сельским населенным пунктом для обеих частей царства становятся охарактеризованные выше поселения с линейной застройкой, которые появились на западе царства еще в эллинистическое время. Вероятно, подобный облик имело большинство сельских поселения этого и азиатской части государства: Батарейки 1 и 2, Береговой 3 (Каменная батарея), Гаркуша 1 (Патрей), Кучугуры 2 и некоторые другие, синхронные им.

Чем были вызваны подобные перемены – определить сложно. Логично было бы связать их не столько с военными событиями, сколько с некими изменениями в системе поземельных отношений на Боспоре. Как известно, в конце I – начале II в. н. э. Боспор (или только его Азиатские владения?) подвергся внезапному, кратковременному, но сильному давлению сопредельных варварских племен (в связи с чем и были разрушены крепости-батарейки и другие населенные пункты, в том числе и некоторые города³⁸). Возможно, вслед за этим произошли изменения в этническом составе, культуре и правовом положении сельского населения, тем

³⁵ Иванов 2014.

³⁶ Колобов 2007, 201.

³⁷ Винокуров 2013, 33.

³⁸ Горончаровский 2005, 340-347.

более что комплексы находок с поселений хоры Европейского Боспора II–III вв. н. э. (например, Семеновки) практически аналогичны находкам с синхронных поселений Азиатской части царства (Ильичевское и Красноармейское I городища).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1988: Горгиппия в системе Боспорского царства I вв. н. э. *ВДИ* 2, 66–85.
- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгиппия*. М.
- Бонин, А.В., Мелешко, Б.В. 2008: Сигнально-сторожевая башня близ поселка Архипо-Осиповка. *ДБ* 12/1, 44–68.
- Бонин, А.В. 2014: «Неукрепленные батарейки». *ДБ* 18, 73–87.
- Бонин, А.В., Иванов, А.В. 2017: Восточная окраина Боспора во второй половине I в. до – первой половине I в. н. э. (по материалам раскопок городища Фурожан в 2010 г.). В сб.: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: Пути – Товары – Отношения* (XVIII Боспорские чтения). Керчь, 38–43.
- Винокуров, Н.И. 2010: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.). В сб.: *СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. Вып. 1, 38–44.
- Винокуров, Н. И. 2013: Городище Артезиан во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н. э. *Российский научный журнал* 1(32), 30–40.
- Внуков, С.Ю. 2016: Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму. *ДБ* 20, 90–121.
- Вязкова, О.Е., Гольева, А.А., Малышев, А.А. 2009: Боспорская сигнально-сторожевая система на полуострове Абрау. Результаты комплексных исследований. В сб.: *Abraui antiqia. Результаты комплексных исследований на полуострове Абрау*. М., 212–240.
- Гайдукевич, В.Ф. 1941: Укрепленная villa rustica на Темир-горе. *СА* VII, 45–59.
- Горончаровский, В.А. 2005: Военно-политическая история Боспорского царства во второй половине I – середине III в. н.э.: от прочного союза с Римом до Готских войн. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 4, 337–358.
- Ермолин, А.Л. 2010: О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора. *ДБ* 14, 130–161.
- Иванов, А.В. 2014: Фортификация цитадели городища «Фурожан». В сб.: *XXVIII Крупновские чтения*. М., 246–247.
- Колобов, А.В. 2007: Всегда ли лимес являлся границей Римской империи? *Anniqvitas aeterna* 2, 194–202.
- Кругликова, И.Т. 1970: Раскопки поселения у деревни Семеновка. В кн.: *Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э.* (МИА 155). М.–Л., 4–78.
- Кругликова, И.Т. 1975: *Сельское хозяйство Боспора*. М.
- Кругликова, И.Т. 1998: Поселение у деревни Ново-Отрадное. *ДБ* 1, 143–185.
- Крушкол, Ю.С. 1968: Античное здание в районе Горгиппии. В кн.: *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 213–219.
- Малышев, А.А., Дмитриев, А.В., Медникова, М.Б., Розанова, Л.С., Терехова, Н.Н., Равич, И.Г. 2004: Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования. *ДБ* 7, 272–301.
- Малышев, А.А. 2010: Новое в хроностратиграфии Раевского городища. В сб.: *СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. Вып. 1, 175–178.
- Масленников, А.А. 1989: О типологии сельских поселений Боспора. *СА* 2, 66–78.

- Масленников, А.А. 1998: *Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху*. М.
- Масленников, А.А. 2003: *Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма*. М..
- Масленников, А.А. 2010: Царская хора Боспора (по материалам раскопок в крымском Приазовье). *ДБ* III, 7–232.
- Онайко, Н.А. 1977: Отчет о работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции в 1977 г. Архив ИА РАН. Р–1. № 6753.
- Онайко, Н.А., Дмитриев, А.В. 1981: Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка. *КСИА* 168, 93–99.
- Онайко, Н.А., Дмитриев, А.В. 1982: Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э. *ВДИ* 2, 106–121.
- Паромов, Я.М. 2003: К вопросу о пространственном размещении крепостей Фонталовского полуострова (в связи со статьей Г. П. Гарбузова). *ДБ* 6, 95–103.
- Петерс, Б.Г. 1978: Михайловское городище античного времени. В кн.: *Проблемы советской археологии*. М., 117–127.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Сизов, В.И. 1889: *Восточное побережье Черного моря* (Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства). М.
- Сокольский, Н.И. 1964: Город Кепы и крепости Фонталовского полуострова. В сб.: *Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г.* М., 48–50.
- Сокольский, Н.И. 1975: Крепость аспургин на Боспоре. *КСИА* 143, 21–30.
- Сокольский, Н.И. 1976: *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. М.
- Толстиков, В.П. 1989: Фонталовский укрепленный район в истории Боспорского царства. *Археология* 1, 52–65.
- Шаров, О.В., Самарина, Т.А. 2009: Семибратнее городище на рубеже эр. В сб.: *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 426–430.
- Шевченко, Н.Ф. 2009: Краснобатареиное городище. Старые проблемы, новые исследования. В сб.: *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 434–438.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1988: Gorgippiya v sisteme Bosporskogo tsarstva I v. n. e. [Gorgippia in the system of the Bosporan Kingdom during 1st c. AD]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 66–85.
- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya* [The ancient city of Gorgippia]. Moscow.
- Bonin, A.V., Meleshko, B.V. 2008: Signal'no-storozhevaya bashnya bliz poselka Arhipo-Osipovka [Signal-watchtower near the village Arkhipo-Osipovka]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 12/1, 44–68.
- Bonin, A.V. 2014: "Neukreplennye batareyki" ["Unfortified fortresses"]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 18, 73–87.
- Bonin, A.V., Ivanov, A.V. 2017: Vostochnaya okraina Bospora vo vtoroy polovine I v. do – pervoy polovine I v. n. e. (po materialam raskopok gorodishcha Furozhan v 2010 g.) [The eastern outlying districts of the Bosporus during the second half of the 1st c. BC – the first half of the 1st c. AD (based on the excavations of the Furozhan Fortress in 2010)]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: Puti – Tovaty – Otnosheniya* [Bosporus Cimmerian and barbaric world in the period of antiquity

- and the Middle Ages. Trade: Routs – Goods – Relations*] (XVIII Bosporskie Chteniya) [XVIII Bosporan Readings]. Kerch, 38–43.
- Ermolin, A.L. 2010: O datirovke zemlyanykh oboronitel'nykh sooruzheniy Bospora [On the dating of defensive earthworks in the Bosporus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 14, 130–161.
- Gaydukevich, V.F. 1941: Ukreplennaya villa rustica na Temir-gore [The fortified villa rustica on the Temir-Mount]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology] VII, 45–59.
- Goroncharovskiy, V.A. 2005: Voennno–politicheskaya istoriya Bosporskogo tsarstva vo vtoroy polovine I – seredine III v. n.e.: ot prochnogo soyuza s Rimom do Gotskikh voyn [The military and political history of the Bosporan Kingdom in the second half of the 1st – mid-3rd century AD: from the strong alliance with Rome to the Gothic Wars]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Studies and publications on the history of the ancient world] 4, 337–358.
- Ivanov, A.V. 2014: Fortifikatsiya tsitadeli gorodishcha «Furozhan» [Fortification of the citadel of the ancient “Furozhan” Fortress]. In: *XXVIII Krupnovskie chteniya* [28th Krupnovsky Readings]. Moscow, 246–247.
- Kolobov, A.V. 2007: Vsegda li limes yavlyalsya granitsej Rimskoy imperii? [Did the limes always the border of the Roman Empire?] *Antiquitas aeterna* 2, 194–202.
- Kruglikova, I.T. 1970: Raskopki poseleniya u derevni Semenovka [Excavations of the settlement near the village Semenovka]. In: *Settlements and necropolises at the Kerch Peninsula in the beginning of the era AD. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR)* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR] 155, 5–78.
- Kruglikova, I.T. 1975: *Sel'skoe hozyaystvo Bospora* [Agriculture of the Bosporus]. Moscow.
- Kruglikova, I.T. 1998: Poselenie u derevni Novo-Otradnoe [A settlement near the village of Novo-Otradnoe]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 1, 143–185.
- Krushkol, Yu.S. 1968: Antichnoe zdanie v rayone Gorgipii [Ancient building in the Gorgippia district]. In: *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya* [Ancient history and culture of the Mediterranean and the Black Sea Region]. Leningrad, 213–219.
- Malyshev, A.A., Dmitriev, A.V., Mednikova, M.B., Rozanova, L.S., Terekhova, N.N., Ravich, I.G. 2004: Shirokaya Balka v antichnuyu epokhu: itogi i perspektivy issledovaniya [Shirokaya Balka in the ancient epoch: results and prospects of research]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 7, 272–301.
- Malyshev, A.A. 2010: Novoe v khronostratigrafii Raevskogo gorodishcha [New chronostratigraphy of the Raevskoye Fortress]. In: *Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [The ancient world of the Northern Black Sea Region. The latest findings and discoveries] 1, 175–178.
- Maslennikov, A.A. 1989: O tipologii selskikh poseleniy Bospora [On typology of rural settlements of Bosporus]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 66–78.
- Maslennikov, A.A. 1998: *Ellinskaya khora na krayu Oykumeny. Sel'skaya territoriya Evropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu* [Hellenic chora on the edge of the Oecumene. Rural territory of the European Bosporus in the ancient era]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2003: *Drevnie zemlyanye pogrannichno-oboronitelnye sooruzheniya Vostochnogo Kryma* [Ancient boundary and defensive earthworks of the Eastern Crimea]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2010: Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v krymskom Priazov'e) [The king's chora of the Bosporus (on materials of excavations in the Crimean Azov Sea region)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] III, 7–232.
- Onayko, N.A. 1977: *Otchet o rabote Novorossiysko-Gelendzhikskoy ekspeditsii v 1977 g.* [Report on the work of the Novorossiysk-Gelendzhik Mission in 1977]. Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. R–1. № 6753.

- Onayko, N.A., Dmitriev, A.V. 1981: Ukreplennoe zdanie v antichnom poselenii u s. Vladimirovka [A fortified building in an ancient settlement near the village of Vladimirovka]. *Kratkie Soobscheniya Instituta Arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 168, 93–99.
- Onayko, N.A., Dmitriev, A.V. 1982: Storozhevye posty v okrestnostyakh Bat i nekotorye voprosy social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii yugo-vostochnoy okrainy Bospora na rubezhe n.e. [Outposts in the outskirts of Bath and some issues of socio-economic and political history of the south-eastern outlying districts of the Bosphorus at the turn of our era]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 106–121.
- Paromov, Ya.M. 2003: K voprosu o prostranstvennom razmeshchenii krepostey Fontalovskogo poluostrova (v svyazi so stat'ey G. P. Garbuzova) [On the issue of the spatial location of the fortresses at the Fontal Peninsula (in connection with the article by G. Garbuzov)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 6, 95–103.
- Peters, B.G. 1978: Mikhaylovskoe gorodishche antichnogo vremeni [Mikhailovskoe Fortress of antique period]. *Problemy sovetskoy arkheologii* [Problems of Soviet archaeology]. Moscow, 117–127.
- Saprykin, S.Yu. 2002: *Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvuh epokh* [The Bosphoran kingdom at the turn of two epochs]. Moscow.
- Sharov, O.V., Samarina, T.A. 2009: Semibratnee gorodishche na rubezhe er. [Semibratnee fortress at the turn of the eras]. In: *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [The Fifth Kuban archaeological conference]. Krasnodar, 426–430.
- Shevchenko, N.F. 2009: Krasnobatareynoe gorodishche. Starye problemy, novye issledovaniya [Krasnobatareynoe fortress. Old problems, new research]. In: *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [The Fifth Kuban archaeological conference]. Krasnodar, 434–438.
- Sizov, V.I. 1889: *Vostochnoe poberezh'e Chernogo morya* [East coast of the Black Sea] (*Materialy po arkheologii Kavkaza* [Materials on Archaeology of the Caucasus]). Moscow.
- Sokolskiy, N.I. 1964: Gorod Kepy i kreposti Fontalovskogo poluostrova [The city of Kepoi and the fortresses of the Fontal Peninsula]. In: *Tezisy dokladov na zasedaniyakh, posvyashchennykh itogam polevykh issledovaniy 1963 g.* [Abstracts of reports at the meetings devoted to the results of field research in 1963]. Moscow, 48–50.
- Sokolskiy, N.I. 1975: Krepost' aspurgian na Bospore [Fortress of Aspurgians in the Bosphorus]. *Kratkie Soobscheniya Instituta Arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 143, 21–30.
- Sokolskiy, N.I. 1976: *Tamanskiy tolos i rezidenciya Khraliska* [Taman Tholos Tomb and the residence of Chrysaliskos]. Moscow.
- Tolstikov, V.P. 1989: Fontalovskiy ukreplennyy rayon v istorii Bosporskogo tsarstva [Fontal fortified region in the history of the Bosphoran Kingdom]. *Arkheologiya* [Archeology] 1. Kiev, 52–65.
- Vinokurov, N.I. 2010: Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i gibel ranney tsitadeli gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 2004–2008 gg.) [Bosphoran-Roman War of the AD 44/45–49 and the death of the early citadel of Artezian settlement (on materials of 2004–2008 excavations)]. In: *Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya* [The Ancient world of the Northern Black Sea Region. Recent findings and discoveries] 1, 38–44.
- Vinokurov, N.I. 2013: Gorodishche Artezian vo vtoroy polovine I v. do n. e. – pervoy polovine I v. n. e. [Artezian Fortress in the second half of the 1st century BC to the first half of the 1st century AD]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [Russian scientific journal] 1(32), 30–40.

- Vnukov, S.Yu. 2016: Pozdneelinnisticheskie amfory gorodishcha Kara-Tobe v Krymu [Late-Hellenistic amphorae from the fortified settlement of Kara-Tobe in the Crimea]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 20, 90–121.
- Vyazkova, O.E., Gol'eva, A.A., Malyshev, A.A. 2009: Bosporskaya signal'no-storozhevaya sistema na poluostrove Abrau. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy [Bosporus signal guard system at the Abrau peninsula. The results of complex studies]. In: *Abrau antiqua. Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy na poluostrove Abrau* [Abrau antiqua. Results of comprehensive studies on the Abrau Peninsula]. Moscow, 212–240.

BOSPORAN RURAL SETTLEMENTS DURING THE 1st CENTURY BC – THE BEGINNING OF THE 2nd CENTURY AD

Alexander V. Bonin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
bonin_a80@mail.ru

Abstract. The article presents an overview of the Bosporan rural settlements from the 1st century BC to the beginning of the 2nd century AD. A revised dating is offered for some types of settlements at the *chora* and their correlation with political events that took place on the territory of the Bosporan Kingdom during this period.

The appearance of houses-towers throughout the territory of the Bosporus dates back to the second half of the 1st century BC (the reign of Asander). The destruction of the houses-towers of the European Bosporus occurred at the end of the 1st century BC and it is associated with Polemo's military operations. The end of similar settlements of the Asian Bosporus was linked with the Roman-Bosporan War in the middle of the 1st century BC. The construction of fortresses-“battereika” happened during the reign of Aspurgus (the early 1st century AD), and their destruction took place in the first decades of the 2nd century AD. The stages of the existence of multi-layered settlements of the *chora* of the Bosporan Kingdom are synchronous to the periods of construction and destruction of houses-towers and fortresses: the settlements of Mikhailovka, Semyonovka, Andreevka Severnaya, Novo-Otradnoye, Rayevskoe Fortress, Krasnobatareinoe Settlement.

Keywords: Bosporus, Roman period, fortifications, house-towers, settlements, ceramics

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ БОСПОРА В VI–III вв. до н.э.

С.Н. Остапенко

Институт археологии РАН, Москва, Россия
sao_nasledie@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы денежного обращения на Боспоре в общем контексте социально-политических и экономических процессов древнегреческой истории. Зарождение собственной боспорской чеканки рассматривается через взаимосвязь экономических, политических и культурных аспектов, при этом учитывается развитие государственных структур и личностных отношений внутри общества. Особое внимание уделено сложившейся на Боспоре полиметаллической модели денежной системы, относящейся к смешанному типу денежного обращения. Смешанный тип объединяет в себе «локальную» (закрытую) и «открытую» модели. В денежном обращении использовалась иноземная валюта – кизикины на внутреннем и внешнем рынке, и две категории собственных монет: золотые статеры для международной торговли; серебряные и медные монеты только для внутреннего рынка.

Предпринята попытка анализа начала медной чеканки как феномена фиатных (кредитных) денег, позволившего эмитенту назначать завышенную стоимость монет. Номинал медной монеты при этом воспринимался не как количество металла в монете, как это было для серебряных и золотых монет, а как платежное средство, у которых законченная платежная стоимость была выше, чем внутренняя стоимость металла. Монетизация боспорской экономики и товарно-денежных операций неразрывно была связана с медной чеканкой, которая по своей сути облегчала проведение мелкотоварной торговли, заменяя бартерную торговлю (натуральный обмен) денежными операциями. Аргументируется точка зрения, что обменный курс кизикина не зависел от оценочной стоимости золота и серебра в монете, а корректировался рыночными отношениями, так как кизикин оставался стабильной валютой хорошего качества до последней четверти IV в. до н.э.

Ключевые слова: Боспор, Пантикапей, монетное дело, денежное обращение, кизикин, медные монеты

Денежное обращение на Боспоре возникло только с началом собственной чеканки¹. Вместе с тем зарождение монетного дела необходимо рассматривать через взаимосвязь экономических, политических и культурных аспектов, и одновременно учитывать развитие государственных структур и личностных отношений

Остапенко Сергей Николаевич – заместитель директора ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник “Фанагория”», аспирант Отдела классической археологии Института археологии РАН.

¹ Абрамзон, Фролова 2010, 294; Шелов 1956, 14.

внутри общества². Возможно, начало чеканки серебряной монеты Пантикапеем следует относить к середине последней четверти VI в. до н.э.³

Говоря о причинах зарождения чеканки в Пантикапее, необходимо отметить широкий спектр появившихся в последней четверти VI в. до н.э. задач, на решение которых и ориентировалось монетное дело. Во-первых, чеканка была призвана решить вопрос собственных расходов, связанных с финансированием строительных работ и проведением военной политики⁴. В последнее десятилетие VI – начале V в. до н.э. в Пантикапее ведутся крупномасштабные строительные работы: строятся общественные здания и культовые сооружения⁵. И в это же время по причине военной опасности, а именно внешнего врага в лице скифских племен, необходимо было проведение целого комплекса мероприятий по защите территории от вторжения: содержание и оснащение армии; строительство фортификационных сооружений и т.д.⁶

Во-вторых, монетизация общества служила для достижения политической консолидации собственного населения и близлежащих городов⁷, являясь выражением политической автономии. Это, в свою очередь, вело к упрощению форм управления полисом или каким-либо другим государственным объединением, например, требований фиска⁸.

В-третьих, при чеканке монеты эмитент определял ее стоимость с учетом производственных издержек и закладывал определенную номинальную ценность, которая позволяла получить прибыль от монетного дела⁹.

Таким образом, для начала собственной чеканки на Боспоре государство в лице эмитента должно было иметь политическую стратегию заинтересованности в распространении монеты, т.к. на первых этапах оно могло понести значительные затраты при производстве мелких номиналов¹⁰. Но в долгосрочной же перспективе при широком использовании монеты в разных сферах общественной жизни государство получало выгоду. Например, это вело к упрощению сборов налогов и пошлин, облегчало проведение товарно-денежных операций¹¹.

² П. фон Алфен считает, что культура каждого политического режима, будь то демократия или тирания, через культы или воззрения может оказать влияние на процессы принятия решения о начале чеканки монеты. См.: Alfén van 2012a, 13–36; 2012b.

³ Вопрос начала чеканки Пантикапеем собственной монеты в литературе остается дискуссионным, см.: Зограф 1951, 164; Шелов 1956, 14–15; Фролова 1996, 34–69; Завойкин 2002, 19–22; Абрамзон, Фролова 2010, 294; Голенко 2004, 183–198; Терещенко 2004, 6; 2012, 168–181; Коваленко, Толстиков 2010a, 31–59; Коваленко, Толстиков 2010b, 23–50.

⁴ Bresson 2016, 274–275; Reden 2010, 10. Чеканка Пантикапея характеризуется выпуском мелких номиналов серебра, что позволяет говорить о широком использовании монеты в общественной жизни. И в то же время чеканка мелких номиналов серебряной монеты является отражением общегреческой тенденции, когда на рубеже VI–V вв. до н.э. в Греции происходят изменения в денежном обращении в пользу мелких номиналов. См.: Kim 2002, 44–51.

⁵ Коваленко, Толстиков 2010b, 23–44; Толстиков, Муратова 2013, 192; Шелов-Коведяев, Толстиков 2014, 488–489.

⁶ Виноградов, Горончаровский 2008; Кузнецов 2016, 258; Толстиков, Нефедкин 2010, 606–612.

⁷ Reden 2007.

⁸ Schaps 2004, 108.

⁹ Reden 2010, 5–7.

¹⁰ Bresson 2006, 149–165.

¹¹ Melitz 2016, 1–21.

В то же время, если смотреть на чеканку монеты полисом с макрорегиональной точки зрения, то внутреннее решение полиса чеканить собственную монету не приводило к формированию централизованной денежной системы в макрорегионе. Весовые системы и дизайн монет утверждались в соответствии с интересами гражданской общины, государства или царей, что, в свою очередь, приводило к громоздкости и разобщенности денежно-кредитных отношений в макрорегионе, в основе которых на первом месте была конкурентоспособность¹².

Первые эмиссии пантикапейской монеты были анэпиграфными и чеканились из серебра по облегченной эгинской весовой системе¹³, в основе которой находился серебряный статер, делившийся на две драхмы, а драхма – на шесть оболов¹⁴. В ранних выпусках пантикапейской монеты преобладают триоболы и диоболы, крупные номиналы встречаются редко¹⁵. При этом наблюдаются отклонения веса¹⁶ как у драхм (от 6,70 г. до 4,30 г.), так и у более мелких номиналов, что, в свою очередь, объясняется технологией производства монетных заготовок¹⁷. Это позволяет предположить, что монеты рассматривались не как счетно-весовые номиналы, а как условные денежные знаки¹⁸.

Помимо анэпиграфных монет, ранняя чеканка Пантикапея представлена типами, на оборотной стороне которых имеется легенда: ПА, ПАН, ПΑΝΤΙ, ΑΠΟΛ¹⁹. Также к ранним выпускам Пантикапея ряд исследователей относит монеты с легендой ΣΙΝΔΟΝ²⁰. На протяжении последних десятилетий продолжается острая дискуссия в этой области²¹. Следует отметить недавно опубликованное комплексное исследование В.Д. Кузнецова²² о «синдской» монете, где исследователь на широком комплексе источников подтверждает традиционную датировку выпуска «синдских» монет в пределах последней четверти V в. до н.э. и относит ее к союзной чеканке греческих полисов азиатского Боспора, центром которого, возможно, было святилище Афродиты Урании в Фанагории²³. В.Д. Кузнецов справедливо

¹² Reden 2010, 10.

¹³ В.А. Анохин считает, что «облегчение» или «утяжеление» монет связано с переходом от эгинской весовой системы к персидской (с наименьшим весом драхмы) начиная с конца VI в. до н.э., см.: Анохин 1986, 22–23.

¹⁴ Фролова 1996, 34.

¹⁵ Фролова 1996, 34; Frolova 2004, 17–20; Коваленко, Толстиков 2010б, 44; Каллатай 2005, 10–11.

¹⁶ Hourmouziadis 2011, 203–212; Терещенко 2009, 48–57.

¹⁷ О методах и технологиях производства монетных заготовок см.: Sellwood 1963, 217–231; Hill 1922, 1–42; Faucher, Brousseau, Olivier 2013, 71–99. Важным методологическим аспектом при рассмотрении монетно-весовых систем является то, что необходимо учитывать и такие метрологические аспекты как коэффициент износа, образование абразивных слоев (коррозия) или механические повреждения на поверхности монетного кружка, а также редукцию веса монеты эмитентом, которые оказывают непосредственное влияние на вес монеты. См.: Naster 1975, 65–74.

¹⁸ Шелов 1956, 84; Терещенко 2009, 55–56; Бертъе-Делагард 1909, 35.

¹⁹ Монеты с легендой ΑΠΟΛ приписывают чекану храма Аполлона в Пантикапее и рассматривают как союзную чеканку религиозного характера для нужд храма и города, чекан был интенсивным, но кратковременным. См.: Фролова 1996, 48–53.

²⁰ Н.А. Фролова в статье 2002 г. отнесла эту чеканку к первой половине – концу V в. до н.э., а в статье 2004 г. – ко второй половине V в. до н.э., см. Фролова 2002, 71–83; Frolova 2004, 63–69.

²¹ Завойкин, Болдырев 1994, 43–47; Завойкин 2011, 118–124. Горончаровский, Терещенко 2014, 99–114; Hourmouziadis, Weisser 2007, 1–8.

²² Кузнецов 2016, 250–278.

²³ В.Д. Кузнецов считает, что легенда ΣΙΝΔΟΝ относится к региональному этнониму, производного от слова «Синдика», см.: Кузнецов 2016, 270–272.

полагает, что причиной кратковременной чеканки «синдской» монеты, дата которой совпадает с периодом активной фазы войн за Синдику, была связана с военными действиями и могла служить для оплаты наемников²⁴.

Что касается автономной чеканки монеты городами европейского и азиатского Боспора в V в. до н.э., то, вероятно, в этом регионе была распространена такая форма торговых отношений как натуральный обмен – бартер²⁵, которая использовалась, по-видимому, синкретично с пантикапейской монетой²⁶. Монета предназначалась для товарно-денежных операций и обращалась в рамках военно-политического образования (или союза) во главе с Пантикапеем (т.н. симмахии)²⁷, что и позволяло остальным боспорским полисам на раннем этапе обходиться без собственного монетного дела²⁸.

В то же время ранняя международная торговля на Боспоре носила «мелочный» характер в денежном аспекте и это подтверждается находками мелких фракций привозного серебра, участвовавшего в денежном обращении VI–V вв. до н.э. Немногочисленные находки мелких и крупных номиналов этого периода²⁹ подтверждают гипотезу о преобладающей роли бартерной торговли. Даже в эллинистическое время так называемые немонетарные транзакции имели крупный масштаб: собирались налоги в натуральной форме, где государство могло определить сельскохозяйственную культуру для сбора; производилась обменная торговля между людьми³⁰. Немонетарные обмены сохранялись в древнегреческом обществе до полной монетизации экономики, пока медная монета не проникла во все сферы жизни человека и не облегчила проведение мелкотоварной торговли³¹. Полная монетизация средиземноморских центров и Боспора начинается только с IV в. до н.э., когда целый ряд полисов и государств начали выпуск медной монеты для решения проблем, связанных с собственными расходами³². И эта практика стала повсеместно использоваться во всем греческом мире.

Автономная чеканка Фанагорией собственной монеты, вероятно, начинается после прекращения выпусков «синдских» монет в конце V – начале IV в. до н.э.³³ и продолжается до завоевания города Сатиром I 393/389 гг. до н.э.³⁴ В это время город чеканит две серии³⁵ серебряных монет по эгинской весовой системе³⁶.

Чеканка Нимфея относится к концу последней четверти V в. до н.э.³⁷, который, в отличие от всех остальных городов Боспора в этот период, чеканит драхму.

²⁴ Braund 2007, 17–21.

²⁵ Cangutia 2011, 33–42.

²⁶ В античном мире насчитывалось около 1035 полисов и других политических образований, а монету чеканили всего только 444 города. См. Hansen, Nielsen 2004, 6–9, 1253–1263, 1382–1389.

²⁷ Saprykin 2014, 297–316.

²⁸ Монеты Пантикапея находят на территории азиатского Боспора как единичными находками, так и в составе кладов. См.: Кузнецов 2007, 9; Abramzon, Frolova 2004, 27–48.

²⁹ Абрамзон 2015, 162–171; Абрамзон 2010, 477–508.

³⁰ Reger 2007, 470.

³¹ Reger 2003, 347–349.

³² О причинах введения медной монеты см. ниже.

³³ Завойкин 1995, 89–94; Терещенко 2015, 296–308; Abramzon, Frolova 2004, 39; Анохин 1986, 139; Шелов 1956, 49–51; Зограф 1951, 170.

³⁴ Завойкин 2004, 96, 102.

³⁵ Терещенко 2015, 296–300; Завойкин 1995, 93; Фролова 2001, 61–67.

³⁶ Бертъе-Делагард 1913, 49–134.

³⁷ Анохин 1986, 29.

Монетное дело Нимфея было не продолжительным, и его прекращение следует связывать с подчинением города власти Спартокидов (т.н. «изменой Гилона»), которое относится к 410–405 гг. до н.э.³⁸

К концу первой четверти IV в. до н.э. Пантикапей становится единственным монетным двором на Боспоре. При Левконе I Пантикапей чеканит эмиссии серебра; около 375–360 гг. до н.э. появляются первые золотые статеры, которые главным образом предназначались для внешнего рынка³⁹.

Параллельно с эмиссиями золота и серебра в денежное обращение вводятся медные монеты. Традиционно медные монеты Пантикапея первой серии относят к первой четверти IV в. до н.э.⁴⁰ В.А. Анохин вслед за А.Н. Зографом и Д.Б. Шеловым отмечает, что, возможно, именно с чеканкой крупной медной монеты Пантикапей прекращает выпуск серебра мелких номиналов⁴¹. При этом соотношение ценности (т.н. рации) серебра к меди выводят для первой серии медной монеты как 1:20, для второй серии – 1:30⁴². В.А. Анохин полагает, что надчеканка в случае с клеймом «звезда/горит» вчетверо уменьшала номинал медной монеты и, таким образом, рацию серебра к меди приблизилось к 1:120⁴³. Предложенная схема вызывает определенные вопросы, например, в этой ситуации монетный двор только обременил бы себя дополнительными выпусками монеты, нарушая баланс внутреннего рынка.

Поскольку монетное дело Боспора развивалось в русле общих тенденций греческого монетного дела и экономики, рассмотрим причины введения медных денег в греческом мире.

Медная монета была введена в обращение в последние два десятилетия V – начале IV в. до н.э.⁴⁴ в Греции⁴⁵. Причины, по которым вводились медные монеты, рассматриваются исследователями как в контексте военных конфликтов (Пелопонесской или какой-либо другой войны), когда необходимо было наполнять денежный рынок для выплаты жалования военным, так и для проведения государственной политики⁴⁶. Примечательным является пример с Клазоменами (ок.

³⁸ Шелов-Коведяев 1985, 113; Кошеленко, Усачева 1992, 51.

³⁹ Фролова 2010, 232–234.

⁴⁰ Шелов 1956, 97. А.Е. Терещенко датирует начало обращения на денежном рынке медных монет 393/2–384 гг. до н.э., см. Терещенко 2013б, 102–126.

⁴¹ Анохин 1986, 40.

⁴² Согласно В.А. Анохину, вес медного оболы второй серии равняется ок. 19 г. Ко второй серии относят типы монеты «сатир/лев, осетр», «сатир/лев», средний вес которых 6–8 г. определен Н.А. Фроловой как дихалк; Д.Б. Шеловым – тетрагалк; В.А. Анохиным – тетрагалк. Именно эти типы монет подвергались планомерной надчеканке клеймом «горит/звезда» в течение длительного времени, и Н.А. Фролова считала, что надчеканка удваивала номинал монеты, и монета становилась тетрагалком. См.: Фролова 1970, 33–40.

⁴³ В.А. Анохин полагает, что именно таким образом был создан соответствующий номинал – халк для этой серии монет и надчеканка резко повысила стоимость серебра, приблизив монетное рацию этих металлов к рыночной стоимости серебра и меди. См.: Анохин 1986, 41.

⁴⁴ Gatzolis 2013, 117–128; Ashton 2006, 1–14.

⁴⁵ Интересен также случай начала чеканки медной монеты г. Сибарисом ок. 446–444 гг. до н.э., которую связывают с политической деятельностью Дионисия Медного (родился ок. 490–480 гг. до н.э. и был одним из основателей Сибариса IV), получившего свое прозвище (от греч. *Χαλκοῦς* – медный), т.к. пытался убедить афинян чеканить медную монету. См.: Ath. XV, 669d; Brousseau 2010, 23–34.

⁴⁶ Gatzolis 2013, 127; Konuk 2011, 151–161; Thompson 1964, 103–123.

360 г. до н.э.), о котором пишет Аристотель⁴⁷: находясь в бедственном положении и задолжав воинам жалование, не имея возможности выплатить, они отчеканили железную монету, приравненную к серебру.

Другой пример перехода с серебряной монеты на бронзовую был в небольшом городе Гортина на Крите, где в декрете (ок. 250–220 гг. до н.э.) предписывалось людям использовать только бронзовую монету в товарно-денежных операциях, а если кто-то отказывался принимать бронзовую монету, то был оштрафован на 5 серебряных статеров⁴⁸.

Еще один важный источник, освещающий денежное обращение серебряных и бронзовых монет, происходит из города Фивы в Беотии (ок. 170–150 гг. до н.э.), где командир небольшого отряда кавалерии Помпидас в надписи *IG VII 2426* перечисляет доходы и расходы в течение года и в качестве номиналов использует *χαλκοῦ*⁴⁹ *δραχμῶν*⁵⁰.

Кроме того, уже начиная с эллинистического времени, бронзовыми монетами систематически осуществлялись выплаты военного жалования⁵¹ и производились ежедневные товарно-денежные операции. В качестве разновидностей номиналов использовались следующие бронзовые монеты: халки, оболы, драхмы и статеры⁵².

К середине IV в. до н.э. бронзовые монеты начали широко использоваться для небольших операций во всем греческом мире. Это также было обусловлено повышением стоимости серебра к середине IV в. до н.э. (см. Приложение А), что, в свою очередь, было связано с истощением Лаврионского рудника⁵³, ростом арендной платы использования рудников во времена Ликурга (338–326 гг. до н.э.). Все это и привело к снижению объемов горнодобывающей деятельности⁵⁴, а параллельно с этим увеличивало приток золота с востока.

⁴⁷ Aristot. Econ. 2.1348b

⁴⁸ Syll.3525; А. Джэксон пришла к выводу, что в качестве оболы использовали медную монету весом ок. 8–10 гр., а в качестве фракций мелкие номиналы такие как ½ оболы (4–6 гр), см.: Jackson 1971, 37–51. В этой связи для сравнения номиналов медных монет и их весовых характеристик следует отметить медную чеканку Метапонта (последняя четверть V в. до н.э.), когда город чеканил монету с легендой Ο

⁴⁹ О вариациях использования Σ

⁵⁰ IG VII 2426. Из документа видно, что при конвертировании медной монеты в серебряную была взята пошлина в размере 25%. Вопрос веса медной драхмы остается открытым. См.: Grandjean 1995, 1–26.

⁵¹ Psoma 2009, 1–38.

⁵² Psoma 2012, 11–19.

⁵³ О. Пикард и Г. Пападимитроу отмечают, что, несмотря на свою историческую репутацию, лаврионский рудник относится к типу с низким содержанием серебра. Содержание серебра в руде составляет 0,04%, свинца – около 20 %, т.е. 400 гр. серебра на 1 тонну руды. См.: Picard 2001, 1–10; Papadimitriou 2000, 33–44. Р. Хоппер полагает, что для производства одной серебряной драхмы (около 4 г.) необходимо было переработать 16 кг руды, т.е. для выработки 400 гр. серебра необходимо около 1,5 тонны руд. См.: Hopper 1968, 293–326; Rihll 2001, 115–142. К. Конофагос оценивает выработку рудника с 7 в. до н.э. по 1 в. н.э. объемом около 3500 тонн серебра, см.: Conophagos 1980. Согласно расчетам К. Паттерсона, при производстве одной тонны серебра требовалось от 500 до 2000 тонн древесного угля, полученного из 10 000 тонн дерева, а производными от руды были 1500 тонны шлака и около 400 тонн свинца, см.: Patterson 1972, 205–235. Страбон (IX, I, 23) пишет, что после того, как серебряные рудники в Аттике были значительно исчерпаны, а добыча руды стала невыгодной, стали переплавлять старые отбросы и шлак, извлекая чистое серебро. Подтверждение этого факта видно из анализа шлака с памятника Ари (52 км. от Афин), расположенного в северо-западной части Лавреотики. См.: Tsaimou, Tsakiridis, Oustadakis 2015, 113–127.

⁵⁴ Hopper 1953, 252.

В экономическом и социальном плане исчезновение фракций серебра и увеличивающееся использование медных монет в денежном обращении в конце классического и в эллинистический периоды является важным моментом в денежно-кредитной истории, поскольку на место мелких серебряных монет, номинал которых зависел от веса серебра, пришла бронзовая монета, имевшая законченную платежную ценность выше, чем ее внутренняя стоимость. Ее обращение внутри государства зависело от доверия общества к эмитенту⁵⁵. Эмитент, в свою очередь, предпринимал комплекс мер по защите доверия населения к нему и к медной монете. В сложившихся условиях медные монеты необходимо воспринимать как фиатные деньги⁵⁶: с одной стороны, в них заключается фундаментальная характеристика самой медной монеты как явления; с другой стороны, они являются показателем эластичности денежной системы, способной расширяться в соответствии с потребностями экономики⁵⁷. Циркулирование фиатных денег позволило увеличить денежную массу, и тем самым монетизировать все больше денежных операций в системе экономических отношений.

Основываясь на вышеприведенном материале, можно предположить, что медная монета «сатир/лев, осетр» является тетрахалком, а надчеканка «звезда/горит» не уменьшала номинал до халка⁵⁸, как полагает В.А. Анохин⁵⁹, а, наоборот, удваивала до обола⁶⁰. Возможно, именно по данной причине эта монета и является основным типом в кладах названного периода⁶¹, т.к. за этим последовала чеканка медной монеты деградированного типа.

⁵⁵ Thonemann 2016, 138.

⁵⁶ Термины фиатные (от лат. fiat – декрет, указ) деньги или кредитные деньги, а также используется понятие фидуциарные (от лат. fiducia – доверие) деньги употребляются для характеристики денег, номинал которых устанавливается и гарантируется эмитентом вне зависимости от стоимости материала (металла), из которого они произведены.

⁵⁷ Cohen 2008, 67–69.

⁵⁸ Следует отметить, что вес монеты типа «сатир/лев, осетр», который надчеканивался знаком «звезда/горит» составляет от 5 до 8 гр. См.: Анфимов 1991, 70–76; Анохин 1986, 141, №125, 130, 131.

⁵⁹ Если даже теоретически предположить, что монета типа «сатир/лев, осетр» после надчеканки становилась халком (ок. 5–8 гр.), а монеты меньшего номинала являлись номиналом лепта, то подобная ситуация только бы ухудшила внутренний денежный рынок, обрекая эмитента чеканить огромное количество монет и при этом нести производственные издержки (выплаты работникам монетного двора; резчикам штемпеля (следует отметить, что износ штемпеля при производстве бронзовых монет в несколько раз выше, чем при производстве серебряных (чем больше олова в бронзе, тем износ штемпеля дополнительно увеличивается). См.: Faucher, Brousseau, Olivier 2013, 71–99) и т.д.), получая на выходе ограниченную сумму.

⁶⁰ Также следует отметить, что в следующей серии медных монет ок. 275–245 гг. до н.э. «сатир/лук, стрела PAN» по Анохину №133 обол представлен весом ок. 6,6 гр.

⁶¹ Согласно сводке А.Е. Терещенко, для этого периода выделяется 23 монетных клада, где основной монетой является надчеканенный тип «сатир/голова льва, осетр». См.: Терещенко 2013а, 325–344.

С методологической точки зрения необходимо классифицировать денежное обращение на Боспоре как систему смешанного типа, объединяющую в себе «локальную» (закрытую) и «открытую»⁶² модели денежного обращения⁶³.

«Локальная» денежная система имела много преимуществ для эмитента, так как давала возможность назначать завышенную стоимость собственной монеты⁶⁴ по отношению к реальному содержанию металла в ней и позволяла взимать процент за обмен иностранной валюты⁶⁵. Яркий этому пример – реформа Левкона I⁶⁶, когда правитель собрал монету с населения и назначил двойную цену (надчеканил знак), получив при этом прибыль.

Опираясь на материалы средиземноморских центров и используя нумизматические и исторические данные Боспора, начало чекана бронзовой монеты Пантикапеем необходимо объяснять несколькими аспектами. Во-первых, это возможность наполнить внутренний рынок мелкой разменной монетой, стоимость которой можно было назначить из соображений получения прибыли. Во-вторых, при чеканке медной монеты для внутреннего рынка сокращались издержки, например, такие, как стоимость серебра. К началу последней четверти IV в. до н.э. ratio золота к серебру стало 1:9,5. А в связи с увеличивающейся стоимостью серебра эмитент мог пойти на сокращение чеканки мелкой серебряной монеты для внутреннего рынка.

В конце IV в. до н.э. (правление Евмела 309–304/303 гг. до н.э.) продолжается выпуск золотой монеты (5-я финальная группа статеров). И уже в правление Спартока III (304/3–284/3 гг. до н.э.) происходят важные изменения в политической и экономической жизни Боспора: прекращается чеканка золотой и серебряной монеты; активно надчеканиваются бронзовые монеты; на землях Боспора зарываются

⁶² На Боспоре зарегистрированы иноземные монеты VI–IV вв. до н.э. Лесбоса, Фив, Самоса, Фокеи, Фасоса, Афин и т.д. В IV в. до н.э. в регион хлынуло македонское золото и одновременно продолжали поступать немногочисленные серебряные и медные монеты из различных греческих полисов. При этом только кизикины и македонские статыры играли важную роль в денежном обращении. На территории Боспора кизикины встречаются как единичными находками, так и в составе кладов вместе с пантикапейскими золотыми статерами. В IV–I вв. до н.э. иноземные монеты представлены, в основном, серебром и медью из малоазийских областей. Мелкая медь демонстрировала только определенные экономические связи между этими центрами и не выполняла денежную функцию в торговых операциях, т.к., вероятно, могла быть занесена случайным путем. См.: Абрамзон 2010, 477–520; Абрамзон, Кузнецов 2015, 15–17, 60–82, 122–148; Абрамзон 2015, 162.

⁶³ Об «открытой» и «локальной» модели денежного обращения подробно см.: Thonemann 2016, 115–121; Bresson 2016, 275–276, 421–422.

⁶⁴ В связи с этим интересен пример Милета, который в III в. до н.э. чеканил серебряную драхму весом ок. 2,8 г. (65% от аттической драхмы), вероятно, по персидской весовой системе, основанной на серебряном статере (сигле) ок. 5,6 г., которая циркулировала в пределах города и близлежащей округи, т.е. для местного рынка. В то же время Милет чеканил и драхму, соответствующую аттической весовой системе для международной торговли, подробнее см.: Reger 2011, 368–389; Ashton 2012, 191–210.

⁶⁵ Thonemann 2016, 119. Особый интерес представляет Ольвийский декрет Каноба о деньгах, где иностранным торговцам предписывалось производить денежные операции в Ольвии только с помощью ольвийских монет. Обмен иноземных монет возможен был только на установленном месте, а операции по обмену освобождались от пошлин. См.: Виноградов, Карышковский 1976, 21–42. Декрет подобного рода создает благоприятные условия для тех, кто проявляет интерес к ольвийскому рынку в средне- и в долгосрочной перспективе и защищает интересы ольвиополитов. См.: Osborn 2008, 333–344.

⁶⁶ Polyaeen. Strat. 6.9.1; Завойкин, Болдырев 2000, 7–9; Kroll 2011, 229–230.

ся денежные клады⁶⁷; начинается деградация монетного веса и стилистических особенностей штемпеля. Происходят изменения и в монетно-весовой системе. Золотые монеты чеканятся по аттической системе, серебряные – по облегченной хиосско-родосской системе⁶⁸. Вышеописанные процессы, произошедшие в первой четверти III в. до н.э., получили название денежного кризиса III в. до н.э.⁶⁹

Как было упомянуто выше, денежное обращение Боспора объединяет в себе и «открытую» модель, характеризующуюся тем, что с конца VI в. до н.э. для ведения крупной морской торговли и совершения крупных денежных операций в Черноморском регионе, Малой Азии и босфорских проливах использовались электроновые монеты Кизика, Лампсака, Метилены и Фокеи в качестве средств платежа⁷⁰.

С начала V и вплоть до конца IV в. до н.э. (до наполнения денежного обращения александровскими статерами) электроновые монеты Кизика играли роль не только международной валюты в морской торговле в этих регионах, но и выполняли важную функцию в афинской экономике: использовались в коммерческих сделках между Грецией и городами Черноморского региона; были альтернативой афинской драхмы при сборе фороса или налогов; выполняли роль частных активов⁷¹. Кизикины обменивались как на аттическую драхму, так и на монеты других центров. Курс можно получить из разных эпиграфических памятников⁷², например, из платежных документов Парфенона⁷³, судебной речи Демосфена против Формиона⁷⁴, списков выплат фороса Геллеспонтом⁷⁵ или Ольвийского декрета Каноба⁷⁶.

Вместе с тем при полиметаллической денежной системе⁷⁷ античному миру пришлось столкнуться с соотношением обменного курса при конвертировании золотых, серебряных, электроновых и медных монет. Причем полисы, которые чеканили свою монету⁷⁸, использовали разные весовые системы и разного качества сплав⁷⁹. Если алгоритм конвертирования золотой монеты в серебряную понятен, то для электроновых монет, в частности Кизика, эта схема вызывает некоторую сложность, так как ряд исследователей полагают, что доля содержания золота в кизикине и ее небольшие колебания в сторону снижения влияли на обменный курс⁸⁰. Соответственно, для понимания феномена электроновых монет Кизика и влияния состава сплава на обменный курс следует начинать изучение с зарождения монетного дела электроновых монет.

⁶⁷ Начиная с последней четверти IV в. до н.э. и включая первую четверть III в. до н.э. на территории Боспора зарегистрировано более 30 монетных кладов. См.: Абрамзон 2011, 181–183.

⁶⁸ Анохин 1986, 44–45; Фролова 2010, 234.

⁶⁹ Абрамзон, Фролова 2010, 302–305.

⁷⁰ Bresson 2009, 77–80.

⁷¹ Prêteux 2008, 353–368; Шелов 1956, 138; Захаров 2011, 152–159.

⁷² Figueira 1998, 524–527; Thompson 1971, 574–588; Eddy 1970, 13–22.

⁷³ Eddy 1977, 109–110.

⁷⁴ Dem. XXXIV. 23

⁷⁵ Eddy 1973, 48–54.

⁷⁶ IOSPE I2,24; Виноградов, Карышковский 1976, 21–42; Карышковский 1988, 10–17.

⁷⁷ Термин полиметаллическая денежная система понимается как денежная система, характеризующаяся использованием золота, серебра, электра и меди в производстве монет.

⁷⁸ См. сноску №25.

⁷⁹ Psoma 2016, 90–115; Bresson 2009, 78–80.

⁸⁰ Смекалова 2000, 269–272; Виноградов, Карышковский 1976, 32–41.

Как известно, впервые монета была изобретена в конце VII – начале VI в. до н.э. в Лидии⁸¹ и чеканилась из электра (сплав золота и серебра, с небольшим количеством меди, свинца, железа)⁸², который на этой территории встречается в речных наносах⁸³.

Одними из первых, в начале VI в. до н.э., начинают чеканить собственную электровую монету Кизик, Самос, Эфес, Милет и Фокея. Если в это время Лидия чеканит первые монеты из искусственного электра, выдерживая состав металлов, то, например, Самос и другие центры постоянно увеличивают содержание серебра и меди (от около 85–70% до 46% золота)⁸⁴. Возможно, именно из-за манипуляций со сплавом электровые монеты потеряли доверие и интерес населения в конце архаического – начале классического времени⁸⁵. Однако дополнительные примеси, такие как медь, с одной стороны, позволяли увеличить прочность монеты и получить более насыщенные тона золота, а с другой стороны, происходила порча монеты⁸⁶. Для определения качества золота в это время использовали пробирный камень, о котором пишут Геродот, Плиний, Феофраст⁸⁷. Таким образом, по мнению ряда исследователей, эмитент, чеканивший электровую монету из искусственного сплава, получал прибыль от 15% до 20% (из-за манипуляций со сплавом)⁸⁸. И на фоне спекуляций отдельных эмитентов с электровым сплавом роль электровых монет Кизика, наоборот, только усилилась.

В то же время, согласно мнению ряда исследователей, отклонения содержания золота в кизикине фиксируются с ок. 60% в начале VI в. до н.э. до ок. 48,5 % к середине IV в. до н.э. при увеличивающемся содержании серебра с ок. 32% до ок. 41%⁸⁹. Однако в работах других исследователей показана большая стабильность в составе монетного сплава: С.А. Булатович отмечает содержание золота

⁸¹ Kroll 2008, 17–19. Но рассматриваются и другие датировки. О начале чеканки 590–580 гг. до н.э. см.: Le Rider 2001, 67. О датировке ок. 650 г. до н.э. см.: Konuk 2012, 48–49.

⁸² Konuk 2012, 44. Исследования лидийских монет последних лет показывают, что первые лидийские монеты чеканятся не из природного электра, а из сплава природного электра с добавлением серебра, где количество золота колеблется от 50 до 60%, серебра от 38 до 48%, меди от 2 до 4%, и, таким образом, возможно, из-за различной внутренней стоимости электра была изобретена чеканка монеты, где эмитент гарантировал ее качество. См.: Cowell, Hune 2000, 169–174; Kroll 2008, 18. В природном электре содержание золота фиксируется на уровне ок. 65 до 85% см.: Konuk, Catherine 2012, 13–26.

⁸³ Hdt. I, 93; V, 101.

⁸⁴ Konuk 2005, 43–54; Konuk, Lorber 2012, 13–15. Р. Уоллес полагает, что изобретение монеты связано было с различиями внутренней стоимости электра и сам по себе электр или электровые слитки не могли циркулировать без подтверждения гарантии их ценности, см.: Wallace 1987, 385–397.

⁸⁵ Bresson 2009, 75–79.

⁸⁶ Konuk 2005, 51.

⁸⁷ Hdt. VII, 10; Pliny HN 33, 126; Thphr. Ston. 45–47.

⁸⁸ Le Rider 2001, 94–95.

⁸⁹ Ряд авторов полагают, что в первый период Кизик чеканит монету из натурального электра (в них наблюдается высокое содержание золота), а в следующие периоды чеканит из искусственного сплава, уменьшая содержание золота в сплаве, см.: Smekalova, Djukov 1999, 21–35. Другие авторы также отмечают постепенное снижение содержание золота, только у всех исследователей отличаются количественные показатели см.: Meyers 1972, 183–193.

ок. 53,4%⁹⁰; последние исследования Е.В. Захарова⁹¹ одиннадцати кизикинов (конец VI – третья четверть IV вв. до н.э.) показывают, что содержание золота в монете составляет от 59% до 64%, серебра – от 29% до 36%.

Мы видим, что проблема диагностирования состава электрового сплава стоит во главе угла. И для решения этой проблемы важным пунктом является анализ сплава разными методами и на разных слоях монеты с целью точного определения количественного состава драгоценных металлов в сплаве⁹². Например, П. Кейсер и Д. Кларк⁹³ исследовали 5 электровых монет тремя методами, которые позволили им проникнуть на разную глубину монеты и выявить, что у одной и той же электровой монеты показатель содержания золота на разных слоях колеблется в интервале около 10%.

Что касается других примеров чеканки электроых монет в Средиземноморье, то примечательно денежное соглашение между Митиленой и Фокеей (вторая половина V в. до н.э.), согласно которому регулировалась монетно-весовая система, дизайн, номинал и очередность чеканки между городами, а главное, была введена смертная казнь за преднамеренное разбавление монетного сплава⁹⁴. Анализ сплава шести гект Митиленты и Фокеи (из собрания ГИМ), датированных ок. 480–334 гг. до н.э.⁹⁵, показал содержание золота на уровне от 38% до 53%, серебра от 42% до 52%.⁹⁶ В то же время П. Кейсер и Д. Кларк диагностировали долю золота в электровом сплаве для Мителены (V–IV вв. до н.э.) на уровне ок. 40,2–2,6%, а для Фокеи этого же периода – ок. 40,6–4,3% и меди – ок. 10%⁹⁷. А в составе фокейских монет VI в. до н.э. золота ок. 55,5–4,3%.⁹⁸

Приведенный пример союзной чеканки Мителены и Фокеи показывает допустимый диапазон процентного содержания металлов в электровом сплаве на протяжении V–IV вв. до н.э., установленный двумя полисами, где золото было на уровне около 40% (для более раннего времени фиксируется более высокое содержание золота). Это позволяет предположить, что и Кизик до последней четверти IV в. до н.э. придерживался установленных норм содержания металлов для электрового сплава, что и позволило ему оставаться стабильной валютой, сохраняя качество монеты⁹⁹.

⁹⁰ Булатович 1970, 72–86. В работе П. Кейсера и Д. Кларка показано содержанием золота в кизикинах VI в. до н.э. на уровне 51,4±

⁹¹ Захаров 2016б, 3–5.

⁹² Keyser, Clark 2001, 110–113. Среди находок кизикинов встречаются и плакированные экземпляры, у которых на поверхности тонкий слой электра соответствует общей тенденции сплава для кизикинов, а ядро монеты состоит из серебра. См.: Захаров 2012, 10–16. Об исследованиях поздних боспорских монет, где исследователям удалось установить и выявить способы рафинирования низкопробных монетных заготовок, на поверхности которых было выявлено более высокое содержание серебра (рафинирование поверхностного слоя – повышение пробы сплава в поверхностных слоях относительно глубоких слоев монеты) см.: Абрамзон, Гунчина 2016, 273–275.

⁹³ Keyser, Clark 2001, 112–115.

⁹⁴ IG XII 2, 1; Malkil, Alfen 2006, 201–246; Figueira 1998, 487–489. Митилена и Фокея чеканят монету номиналом гекта, которая равнялась 1/6 статера (ок. 2,5 гр.) по фокейской монетно-весовой системе (статер – ок. 16 гр.).

⁹⁵ Фролова 2010, 25–26.

⁹⁶ Захаров 2016б, 4–5.

⁹⁷ Keyser, Clark 2001, 110–113.

⁹⁸ Keyser, Clark 2001, 110–113.

⁹⁹ Prêteux 2008, 356–362.

На основании вышеприведенных работ следует заключить, что обменный курс кизикина не зависел от оценочной стоимости золота и серебра в монете, а коррелировался на тот или иной исторический период от радио золота к серебру в целом, а также от международного политического контекста и рыночных сил¹⁰⁰. Произвести такой обмен в соответствии с денежным курсом, мог только специалист – трапедзит¹⁰¹, который устанавливал обменный курс, исходя из целого ряда факторов¹⁰². Трапедзиты осуществляли свою деятельность в портах, на рынках и на площадях. Производили займы, выдавали кредиты, обменивали монеты. При обменных операциях они должны были учитывать монетно-весовые системы, коэффициент изношенности монет, определять фальшивые монеты¹⁰³ и за проведение денежного обмена взимали комиссию около 5–6%¹⁰⁴, к которой часто добавляли дополнительные проценты, если необходимо было произвести обмен монет из разных металлов. Процент комиссионного сбора являлся предметом переговоров между трапедзитом и клиентом, на который оказывало влияние рыночная конкуренция между трапедзитами, а в ряде случаев регламентировалась со стороны государства¹⁰⁵, например, Ольвийский декрет Каноба¹⁰⁶.

Первые кизикины проникают на Боспор в конце VI в. до н.э.¹⁰⁷ Наибольшее распространение монеты Кизика в регионе получают в V–IV вв. до н.э. Об этом свидетельствуют находки электроных статеров из Пантикапея (1835 г., клад) – около 250 эк.; Мирмекия (2003 г., клад) – 99 эк.; Тамани – более 93 эк.; Фанагории – 1 эк.; Пантикапея – 1 эк.; п. Волна Революции – 1 эк.; Кеп – 1 эк.; Патрея – 1 эк.; Нимфея – 1 эк.¹⁰⁸ Эпиграфические памятники Боспора свидетельствуют об использовании кизикинов, возможно, в банковской операции или для оплаты подряда во второй половине VI – начале V в. до н.э. в Пантикапее¹⁰⁹; в товарно-денежных отношениях в частной сфере во второй половине V в. до н.э. на Боспоре¹¹⁰; в коммерческих операциях материковой Греции на Боспоре (судебная речь Демосфен против Формиона 327/326 г. до н.э.)¹¹¹.

На Боспоре, как и в других регионах Черноморского бассейна и Средиземноморья, исчезновение кизикина из денежного обращения постепенно происходит в последней четверти IV в. до н.э.¹¹² Основным источником информации о заключительном этапе обращения кизикинов на денежном рынке Боспора и Причерно-

¹⁰⁰ Bogaert 1977, 17–41.

¹⁰¹ От греч. τ.

¹⁰² Figueira 1998, 78–80.

¹⁰³ Стрелков 2005, 10–43.

¹⁰⁴ Bogaert 1968, 325–329.

¹⁰⁵ Cohen 1992, 18–22.

¹⁰⁶ Виноградов, Карышковский 1976, 21–42.

¹⁰⁷ Абрамзон, Фролова 2010, 299; Захаров 2016а, 42–45.

¹⁰⁸ Абрамзон 2010, 477–521; Butygin, Chistov 2006, 77–131; Frolova, Smekalova, Djukov 2007, 5–22.

¹⁰⁹ Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2004, 347–349.

¹¹⁰ В письме, найденном в Патрее, представлен список должников с перечислением взыскиваемых сумм, см.: Завойкина, Павличенко 2016, 230–248.

¹¹¹ Dem. XXXIV. 23; Dem. XXXV.36

¹¹² Шелов 1956, 138; Захаров 2011, 154–155.

морья в целом являются клады как самих кизикинов, так и в составе с монетами других центров, сокрытие которых приходится на 30–20 гг. IV в. до н.э.¹¹³

Подводя итог рассмотренным аспектам денежного обращения, можно предположить, что начало чеканки серебряной монеты Пантикапеем следует относить к середине последней четверти VI в. до н.э., а в качестве причин зарождения собственного монетного дела следует выделить комплекс военно-политических и экономических аспектов.

Сложившаяся в начале чеканки модель денежного обращения на Боспоре относится к смешанному типу. Она объединяет в себе черты «открытой» и «закрытой» моделей денежного обращения, при которой использовалась иноземная валюта на внутреннем рынке и две категории собственных монет: 1) золотые статеры, используемые в международной торговле и составлявшие конкуренцию электровым статерам Кизика; 2) монеты, используемые только на внутреннем рынке. К этому типу относятся серебряные и медные монеты. Медные монеты использовались в товарно-денежных операциях наравне с серебром и выполняли функцию фиатных денег (законченная платежная ценность выше, чем их внутренняя стоимость металла). Циркулирование фиатных денег позволило увеличить денежную массу и тем самым монетизировать все больше денежных операций. Это является показателем эластичности боспорской денежной системы, способной расширяться в соответствии с потребностями экономики.

В то же время изменения в монетно-весовой системе отражали основные экономические контакты и тенденции в тот или иной исторический этап. В периоды экономического спада или разного рода кризисы эмитент синхронно использовал две монетно-весовые системы, одна из которых была ориентирована на внешний рынок, вторая, облегченная, на внутренний рынок. Это, в свою очередь, позволяло экономить драгоценный металл, завышать номинальную стоимость монеты по отношению к реальному содержанию металла в ней и не допускать ее выхода на внешний рынок.

Немаловажным аспектом денежного обращения в рассматриваемом регионе является то, что кизикин оставался стабильной валютой хорошего качества до последней четверти IV в. до н.э. Его обменный курс не зависел от оценочной стоимости золота и серебра в монетном сплаве, а коррелировался на тот или иной исторический период от радио золота к серебру в целом, а также от международного политического контекста и рыночных сил.

¹¹³ Абрамзон 2011, 181. Ю.Г. Виноградов, П.О. Карышковский датируют Ольвийский декрет ок. 30 гг. IV в. до н.э., цель постановления которого состояла обязать всех торгующих производить все расчеты при помощи ольвийских монет, курс которых относительно кизикина был установлен на уровне 8,5 ольвийских статеров к 1 статеру Кизика, см.: Виноградов, Карышковский 1976, 26–27. Можно предположить, что монеты Кизика специально выводились из денежного обращения Причерноморья с целью усиления собственной монеты.

Соотношение стоимости золота к серебру

Дата	Рацио	Источник/примечания
Лидия, середины VI в. до н.э.	1:14½	Nimchuk 2002, 74
Конец VI– начало V вв. до н.э.	1:13; 1:13,1/3	Hdt. III, 95; Более подробно о методологических проблемах вычисления рацио для Ахеменидский империи см.: Nimchuk 2002, 61–63.
440/439 г. до н.э.	1:14	Eddy 1977, 107–108.
434/433 г. до н.э.	1:14	Из расчетных счетов строительства Парфенона
432/433 г. до н.э.	1:15	Figueira 1998, 513.
427/6 – 423/2 гг. до н.э.	от 1:14 до 1:15,2	Figueira 1998, 513.
418/7–414/3 гг. до н.э.	1:14,4; 1:13,8	Figueira 1998, 513.
409/408 г. до н.э.	1:11 или 1:12	Thompson 1964, 103–123.
399/8–398/7 гг. до н.э.	от 1:11 до 1:12,2	Figueira 1998, 513.
Около 380 гг. до н.э. (?)	1:12	Plat.Hipparchus 321 D
320 гг. до н.э.	1:9,5	Lambert 1996, 84–86.
305/4 г. до н.э.	1:10	Lambert 1996, 84–86.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2011: *Корпус боспорских кладов античных монет*. Т. II. *Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.)* (БИ. Suppl. 7).
- Абрамзон, М.Г. 2013: Экономические связи Боспора в VI–III вв. до н.э.: греческие монеты в денежном обращении. *ПИФК* 1, 477–521.
- Абрамзон, М.Г. 2015: Гемидрахма Акраганта из Керченского музея. *ВДИ* 1, 160–173.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2015: *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории* (Фанагория. Результаты археологических исследований Т. 3). М.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008: *Корпус боспорских кладов античных монет*. Т. I. (1834–2005 гг.) (БИ. Suppl. 2).
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2010: Денежное обращение. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. II. М., 291–350.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Анфимов, И.Н. 1991: Клад пантикапейских медных монет начала III в. до н. э. из Восточного Приазовья (станица Старонижестеблиевская). *ВДИ* 1, 70–76.
- Бертье-Делагард, А.Л. 1911: Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э. В сб.: А.В. Орешников (ред.), *НС* 1, 1–100.

- Бертье-Делагард, А.Л. 1913: Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. *НС* 2, 49–134.
- Виноградов, Ю.А., Горончаровский, В.А. 2008: *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)*. СПб.
- Виноградов, Ю.Г., Карышковский, П.О. 1976: Ольвийский декрет Каноба о деньгах. *ВДИ* 4, 21–42.
- Голенко, В.К. 2004: Еще раз о типологии раннего серебра Боспора. В сб.: С.Г. Колтухов, С.Б. Ланцов, А.Е. Пуздровский (отв. ред.), *У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца)*. Симферополь, 183–198.
- Горончаровский, В.А., Терещенко, А.Е. 2014: Типология и хронология синдской чеканки. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: актуальные проблемы хронологии* (XV Боспорские чтения), 99–114.
- Завойкин, А.А. 1995: О времени автономной чеканки Фанагории. *БС* 6, 89–94.
- Завойкин, А.А. 2002: Проблемы абсолютной и относительной хронологии монетного дела Боспора второй половины VI– первой половины IV вв. до н.э. В сб.: А.С. Мельникова (ред.), *Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений*. Псков, 19–22.
- Завойкин, А.А. 2004: *Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э.* (ДБ. Suppl. I). М.
- Завойкин, А.А. 2010: Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.). В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. II. М., 13–78.
- Завойкин, А.А. 2011: Монета синдов как источник по истории взаимоотношений греков и варваров. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур* (XII Боспорские чтения), 118–124.
- Завойкин, А.А., Болдырев, С.И. 1994: Третья точка зрения на монеты с легендой «ΣΙΝΔΟΝ». *БС* 4. М., 43–47.
- Завойкин, А.А., Болдырев, С.И. 2000: Реформа Левкона I. В сб.: А.С. Беляков (отв. ред.), *Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 17–21 апреля 2000 г. Тезисы докладов и сообщений*. М., 7–9.
- Завойкина, Н.В., Павличенко, Н.А. 2016: Письмо на свинцовой пластине. В сб.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. 2 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4). М., 230–248.
- Захаров, Е.В. 2011: К вопросу о заключительном этапе обращения электровых монет Кизика. В сб.: И.В. Немченко (глав. ред.), *Древнее Причерноморье*. IX. Одесса, 152–159.
- Захаров, Е.В. 2012: Плакированный кизикий из коллекции отдела нумизматики ГИМ. В сб.: *Нумизматический сборник*. XIX (Тр. ГИМ. 192). М., 10–16.
- Захаров, Е.В. 2016а: Новый взгляд на периодизацию обращения электровых монет Кизика. В сб.: *ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка (Материалы IV Международного нумизматического симпозиума)*. Севастополь, 42–45.
- Захаров, Е.В. 2016б: Результаты рентгено-флуоресцентного анализа электровых монет из коллекции отдела нумизматики ГИМ. К вопросу о природе золотого сплава монет Кизика, Фокеи и Митилены в VI–IV вв. до н.э. В сб.: Е.В. Захаров (отв. ред.), *Нумизматические чтения Государственного исторического музея. Москва, 22 и 23 ноября 2016 г. Материалы докладов и сообщений*. М., 3–5.
- Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА 16). М.–Л.
- Каллатай, Ф. де 2005: Архаические и классические чеканки Причерноморья: возможные различия модели между Севером и Югом. В сб.: А.А. Молчанов (отв. ред.), *Тринад-*

- чатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11-15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений.* М., 10–11.
- Карышковский, П.О. 1988: *Монеты Ольвии*. Киев.
- Коваленко, С.А., Толстиков, В.П. 2010а: I. О начале монетной чеканки на Боспоре. *ВДИ* 3, 31–59.
- Коваленко, С.А., Толстиков, В.П. 2010б: II. О начале монетной чеканки на Боспоре. *ВДИ* 4, 23–50.
- Кошеленко, Г.А., Усачева, О.М. 1992: Гілон і Кепи. *Археологія* 2, 51–56.
- Кузнецов, В.Д. 2007: Фанагория: история исследований и новые находки. *РА* 2, 5–15.
- Кузнецов, В.Д. 2016: Фанагория и Синдика: некоторые заметки. В сб.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. 2 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4). М., 250–278.
- Терещенко, А.Е. 2004: *Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V вв. до н.э.*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.
- Терещенко, А.Е. 2009: Весовая монетная система Пантикапея. В сб.: *Материалы и исследования Отдела нумизматики. Памяти А.А. Марковой* (ТГЭ. XLVIII). СПб, 48–57.
- Терещенко, А.Е. 2012: Еще раз к вопросу о возникновении пантикапейской чеканки. *БИ* XXVI. Симферополь–Керчь, 168–181.
- Терещенко, А.Е. 2013а: Классификация и периодизация кладов боспорской меди последней трети IV – конца III вв. до н.э. *ДБ* 17, 325–344.
- Терещенко, А.Е. 2013б: Монетное дело Пантикапея в IV в. до н.э. *ВДИ* 2, 102–126.
- Терещенко, А.Е. 2015: Ранняя чеканка Фанагории. *БИ* XXXI. Керчь, 296–308.
- Толстиков, В.П., Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2004: Новые материалы к хронологии раннего Пантикапея. *ДБ* 7, 344–365.
- Толстиков, В.П., Муратова, М.Б. 2013: К проблеме пространственного развития Пантикапейской аполонии в первой половине VI – первой половине V вв. до н.э. *ВДИ* 1, 176–193.
- Толстиков, В.П., Нефедкин, А.К. 2010. Армия. Вооружение. Фортификация. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. II. М., 603–655.
- Фролова, Н.А. 2001: Ранние монеты Фанагории (конец V – первая половина IV в. до н.э.). В сб.: *Нумизматический сборник XV* (Тр. ГИМ. 125). М., 58–70.
- Фролова, Н.А. 1970: О денежном обращении Боспора в III в. до н.э. *ВДИ* 4, 33–40.
- Фролова, Н.А. 1996: Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. *РА* 2, 34–69.
- Фролова, Н.А. 2002: Корпус монет синдов (первая половина – конец V в. до н.э.). *ВДИ* 3, 71–83.
- Фролова, Н.А. 2010: *Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея (от античности до Византии)*. М.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. 1985: *История Боспора в VI–IV вв. до н.э.* М.
- Шелов-Коведяев, Ф.В., Толстиков, В.П. 2014: Боспор в первой четверти V в. до Р.Х. Из истории Пантикапея начала эпохи классики. *ДБ* 18, 452–504.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2004: The hoard of silver coins of the 6th–4th centuries BC from the Taman Peninsula. *RN* 160, 27–48.
- Alfen, P.G. van 2012b: Public benefactor or profiteer? The role of ‘the state’ and early electrum coinage. In: *White Gold: Studies in Electrum Coinage*. In press.
- Alfen, P.G. van 2012a: Problems in the Political Economy of Archaic Greek Coinage. *Notae Numismaticae* VII, 13–36.
- Bogaert, R. 1968: *Banques et Banquiers dans les cités grecques*. Leyde.
- Bogaert, R. 1977: Le cours du statère de Cyzique à Athènes aux Ve et IVe siècles avant J.C. Etat de la question. *RBN* 123, 17–41.

- Braund, D. 2007: The Sindians of the Taman Peninsula ca. 400 BC: Polyaenus' Tirgatao, Numismatics and Demosthenes' Grandfather. In: *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC*. Oxford, 17–21.
- Bresson, A. 2006: The Origin of Lydian and Greek Coinage: Cost and Quantity. *Historical Research* 5, 149–165.
- Bresson, A. 2009: Electrum coins, currency exchange and transaction costs in Archaic and Classical Greece. *RBN* 140, 71–80.
- Bresson, A. 2016: *The Making of the Ancient Greek Economy: Institutions, Markets, and Growth in the City-State*. Princeton–Oxford.
- Brousseau, L. 2010: Sybaris et les origine de la monnaie de bronze. *RBN* 156, 23–34.
- Brousseau, L. 2013: La naissance de la monnaie de bronze en Grande Grèce et en Sicile. In: *Aux origines de la monnaie fiduciaire. Scripta Antiqua* 55. Bordeaux, 81–96.
- Butygin, A.M., Chistov, D.E. 2006: The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion. In: *ACSS* 12, 77–131.
- Cangutia, E.C. 2011: Barter, money and payment in Archaic Greek lexicon. In: M.P. García-Bellido, L. Callegarin, A.J. Díaz (eds.), *Barter, money and coinage in the ancient Mediterranean (10th – 1st centuries BC)*. Madrid, 33–42.
- Cohen, Ed. 1992: *Athenian Economy and Society: A Banking Perspective*. Princeton.
- Cohen, Ed. 2008: Elasticity of the Money Supply at Athens. In: W.V. Harris (ed.), *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 66–83.
- Eddy, S. 1970: The Value of Cyzicene Stater at Athens in the Fifth Century. *ANSMN* 16, 13–22.
- Eddy, S. 1973: Some Irregular amount of Atheniam Tribute. *AJPh* 94(1), 48–54.
- Eddy, S. 1977: The Gold in the Athena Parthenos. *AJA* 81(1), 109–110.
- Faucher, T., Brousseau, L., Olivier, J. 2013: Expérimentations sur la technique de fabrication des monnaies grecques: approches, réalisation, perspectives. In: *Comprendre les savoir-faire métallurgiques antiques et médiévaux*, 71–99.
- Figueira, T. 1998: *The power of money: coinage and politics in the Athenian Empire*. Philadelphia.
- Frolova, N. A., Smekalova, T.N., Djukov, J.L. 2007: Cyzicenes from the State Historical Museum, Moscow and the State Hermitage Collections, St. Petersburg. *SNR* 86, 5–16.
- Frolova, N.A. 2004: *Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.): die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder*. Berlin.
- Gatzolis, C. 2013: New evidence on the beginning of bronze coinage in northern Greece. In: *Aux origines de la monnaie fiduciaire. Scripta Antiqua* 55. Bordeaux, 117–128.
- Grandjean, K. 1995: Les comptes de Pompidas (IG VII 2426). Drachmes d'argent symmachique et drachmes de bronze. *BCH* 119-1, 1–26.
- Hill, G.F. 1922: Ancient Methods of Coining. *NC* 2, 1–42.
- Hourmouziadis, J., Weisser, B. A. 2007: Metrological Study of Bosporan Silver Coins, 437–375 BC. *NC* 167, 1–8.
- Hourmouziadis, Y. 2011: Silver Denominations and Standards of the Bosporan Cities. In: N. Holmes (ed.), *14th International Numismatic Congress*. Glasgow 2009, 203–212.
- Jackson, A.E. 1971: The Bronze Coinage of Gortyn. *NC* 11, 37–51.
- Keyser, P.T., Clark, D.D. 2001: Analyzing and Interpreting the Metallurgy of Early Electrum Coins. In: M. S. Balmuth (ed.), *Hacksilber to Coinage, New Insights into the Monetary History of the Near East and Greece*. New York, 105–126.
- Kim, H.S. 2002: Small Change and the Moneyed Economy. In: P. Cartledge, Ed. E. Cohen, L. Foxhall (eds.), *Money, labour and land: approaches to the economies of ancient Greece*. Routledge, 44–51.
- Konuk, K. 2005: The Electrum Coinage of Samos in the Light of a Recent Hoard. In: E. Schwertheim, E. Winter (eds.), *Neue Forschungen zu Ionien, Asia Minor Studien* 54. Bonn, 43–54.

- Konuk, K. 2011: War Tokens for Silver? Quantifying the Early Bronze Issues of Ionia. In: François de Callatay (ed.), *Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times*. Bari, 151–161.
- Konuk, K., Lorber, C. 2012: White gold: An introduction to electrum coinage. In: H. Gitler (ed.), *White Gold: Revealing the World's Earliest Coins*. Jerusalem, 13–26.
- Kroll, J.H. 2008: The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece. In: W.V. Harris (ed.), *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 12–37.
- Kroll, J.H. 2011: The Reminting of Athenian Silver Coinage, 353 B.C. *Hesperia* 80, 229–259.
- Lambert, S.D. 1996: IG II2 1471a and the Value of Gold at Athens in the 320s B.C. *ZPE* 110, 84–86.
- Le Rider, G. 2001: *La naissance de la monnaie. Pratiques monétaires de l'Orient ancien*. Paris.
- Melitz, J. A. 2016: Model of the Beginning of Coinage in Antiquity. *European Review of Economic History*, 1–21.
- Naster, P. 1975: La méthode en métrologie numismatique. In: J.-M. Dentzer, Ph. Gauthier, T. Hackens (éds.), *Numismatique antique: problèmes et méthodes: actes du colloque organisé à Nancy du 27 septembre au 2 octobre 1971*. Nancy–Louvain, 65–74.
- Nimchuk, C.L. 2002: The «Archers» of Darius: Coinage or Tokens of Royal Esteem? In: *Medes and Persians: Reflections on Elusive Empires* (Ars Orientalis 32), 55–79.
- Osborn, R. 2008: Reciprocal Strategies: Imperialism, Barbarism and Trade in Archaic and Classical Olbia. In: P.G. Bilde, J.H. Petersen (eds.), *Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence* (Black Sea Studies. 8). Aarhus, 333–344.
- Patterson, C.C. 1972: Silver Stocks and Losses in Ancient and Medieval Times. *The Economic History Review* 25.2, 205–235.
- Prêteux, F. 2008: Le commerce de Cyzique au IVe siècle. In: J. Napoli (éd.), *Ressources et activités maritimes des peuples de l'Antiquité, Actes du colloque international de Boulogne-sur-Mer, mai 2005*. Les Cahiers du Littoral 2, n°6, 353–368.
- Psoma, S.E. 2009: Tas sitarchias kai tous misthous ([Arist.], Oec. 1351b). Bronze Currencies and Cash-Allowances in Mainland Greece, Thrace and the Kingdom of Macedonia. *RBN* 155, 1–38.
- Psoma, S.E. 2012: Obols, Drachms, and Staters of Bronze during the Hellenistic Period. *AJA* 24, 11–19.
- Psoma, S.E. 2016: Choosing and changing monetary standards in the Greek world during the archaic and the classical periods. In: Ed. M. Harris, D.M. Lewis, M. Woolmer (eds.), *The Ancient Greek Economy: Markets, Households and City-States*. Cambridge, 90–115.
- Reden, S. von. 2007: *Money in Ptolemaic Egypt: From the Macedonian Conquest to the End of the Third Century BC*. Cambridge.
- Reden, S. von. 2010: *Money in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Reger, G. 2003: The economy. In: A. Erskine (ed.), *A Companion to the Hellenistic World*. Oxford, 331–353.
- Reger, G. 2007: Hellenistic Greece and Western Asia Minor. In: W. Scheidel, I. Morris, R. Saller (eds.), *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World*. Cambridge, 460–486.
- Reger, G. 2011: Inter-Regional Economies in the Aegean Basin. In: Z. Archibald, J.K. Davies, V. Gabrielsen (eds.), *The Economies of Hellenistic Societies, Third to First Centuries BC*. Oxford, 368–389.
- Saprykin, S. 2014: The Archaeanactids of Bosphorus and urban development. In: *Phanagoreia und darüber hinaus...Festschrift für Vladimir Kuznetsov* (Altertümer Phanagoreias. Bd. 3). Göttingen, 297–316.
- Schaps, D. 2004: *The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece*. Michigan.
- Sellwood, D.G. 1963: Some Experiments in Greek Minting Technique. *NC* III (Series 7th), 217–231.

- Thompson, W.E. 1964: Gold and Silver Ratios at Athens during the Fifth Century. *NC* 4, 103–123.
- Thompson, W.E. 1971: The Official Tariff of the Kyzikene Stater at Athens. *L'Antiquité Classique* 40.2, 574–588.
- Thonemann, P. 2016: *The Hellenistic World: Using Coins as Sources*. Cambridge.
- Tod, M.N. 1946: Epigraphical Notes on Greek Coinage II. *ΧΑΛΚΟΥΣ*. *NC* 6, 47–62.
- Wallace, R. W. 1987: The Origin of Electrum Coinage. *AJA* 91.3, 385–397.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2011: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet*. T. II. (2009–2010 gg.) [*A Corpus of the Ancient Coin Hoards (The Bosphorus)*. Vol. II] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos studies]. Supplementum 7). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G. 2013: Ekonomicheskie svyazi Bospora v VI–III vv. do n.e: grecheskie monety v denezhnom obrashchenii [Economic contacts of the Bosphorus in the 6th century BC – 3rd century AD: Greek coins in the monetary circulation]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 477–521.
- Abramzon, M.G. 2015: Gemidrahma Akraganta iz Kerchenskogo muzeya [A hemidrachm from Akragas in the Museum of Kerch]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 160–173.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2004: The hoard of silver coins of the 6th–4th centuries BC from the Taman Peninsula. *Revue Numismatique* 160, 27–48.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet*. T. I. (1834–2005 gg.) [*A Corpus of the Ancient Coin Hoards (The Bosphorus)*. Vol. I. (1834–2005)] (Bosporskie issledovaniya [Bosporos studies]. Supplementum 2). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2010: Glava 4. Denezhnoe obrashchenie [Chapter 4. The Currency]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani*. [*Ancient Heritage of Kuban*]. Vol. II. Moscow, 291–350.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2015: *Monetnye klady vremeni Mitridata VI Evpatora s chory Fanagorii* [*Coin hoards of the Mithridates VI Eupator's time from the chora of Phanagoria*] (Fanagoria. Rezul'taty arkhеologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. The results of archaeological researches]. Vol. 3). Moscow.
- Alfen, P.G. van 2012a: Problems in the Political Economy of Archaic Greek Coinage. *Notae Numismaticae* VII, 13–36.
- Alfen, P.G. van 2012b: Public benefactor or profiteer? The role of 'the state' and early electrum coinage. In: *White Gold: Studies in Electrum Coinage*. In press.
- Anfimov, I.N. 1991: Klad pantikapeyskikh mednykh monet III v. do n.e. iz Vostochnogo Priazov'ya (stanitsa Staronizhnesteblievckaya) [A Hoard of Pantikapaion copper coins of the early 3rd century BC from the Eastern littoral of the Sea of Azov (Stanitsa of Staronizhnesteblievckaya)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 70–76.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [*The Coinage of the Bosphorus*]. Kiev.
- Bertier de la Garde, A.L. 1911: Otnositel'naya stoimost' monetnykh metallov na Bospore i Borisfene v polovine IV v. do n.e. [The relative value of monetary metals on the Bosphorus and Borysthenes in the half of the 4th century BC] In: A.V. Oreshnikov (ed.), *Numizmaticheskii sbornik* [*Numismatic collection*] 1. Moscow, 1–100.
- Bertier de la Garde, A.L. 1913: Materialy dlya vesovykh issledovaniy monetnykh sistem drevnegrecheskikh gorodov i tsarei Sarmatii i Tavridy [Materials for weight studies of monetary systems of the ancient Greek cities and the kings of Tauris and Sarmatia]. In: *Numizmaticheskii sbornik* [*Numismatic collection*] 2. Moscow, 49–134.
- Bogaert, R. 1968: *Banques et Banquiers dans les cités grecques*. Leyde.

- Bogaert, R. 1977: Le cours du statère de Cyzique à Athènes aux Ve et IVe siècles avant J.C. Etat de la question. *Revue Belge de Numismatique* 123, 17–41.
- Braund, D. 2007: The Sindians of the Taman Peninsula ca. 400 BC: Polyaeus' Tirgatao, Numismatics and Demosthenes' Grandfather. In: *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th–1st Centuries BC*. Oxford, 17–21.
- Bresson, A. 2006: The Origin of Lydian and Greek Coinage: Cost and Quantity. *Historical Research* 5, 149–165.
- Bresson, A. 2009: Electrum coins, currency exchange and transaction costs in Archaic and Classical Greece. *Revue Belge de Numismatique* 140, 71–80.
- Bresson, A. 2016: *The Making of the Ancient Greek Economy: Institutions, Markets, and Growth in the City-State*. Princeton–Oxford.
- Brousseau, L. 2010: Sybaris et les origines de la monnaie de bronze. *Revue Belge de Numismatique* 156, 23–34.
- Brousseau, L. 2013: La naissance de la monnaie de bronze en Grande Grèce et en Sicile. In: *Aux origines de la monnaie fiduciaire. Scripta Antiqua* 55. Bordeaux, 81–96.
- Butygin, A.M., Chistov, D.E. 2006: The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion. In: *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 12, 77–131.
- Cangutia, E.C. 2011: Barter, money and payment in Archaic Greek lexicon. In: M.P. García-Bellido, L. Callegarin, A.J. Díaz (eds.), *Barter, money and coinage in the ancient Mediterranean (10th – 1st centuries BC)*. Madrid, 33–42.
- Cohen, Ed. 1992: *Athenian Economy and Society: A Banking Perspective*. Princeton.
- Cohen, Ed. 2008: Elasticity of the Money Supply at Athens. In: W.V. Harris (ed.), *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 66–83.
- Eddy, S. 1970: The Value of Cyzicene Stater at Athens in the Fifth Century. *American Numismatic Society Museum Notes* 16, 13–22.
- Eddy, S. 1973: Some Irregular amount of Athenian Tribute. *American Journal of Philology* 94(1), 48–54.
- Eddy, S. 1977: The Gold in the Athena Parthenos. *American Journal of Archaeology* 81(1), 109–110.
- Faucher, T., Brousseau, L., Olivier, J. 2013: Expérimentations sur la technique de fabrication des monnaies grecques: approches, réalisation, perspectives. In: *Comprendre les savoir-faire métallurgiques antiques et médiévaux*, 71–99.
- Figureira, T. 1998: *The power of money: coinage and politics in the Athenian Empire*. Philadelphia.
- Frolova, N.A. 1970: O denezhnom obrashchenii Bospora v III v. do n.e. [On the monetary circulation of the Bosphorus in the 3rd century BC]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 33–40.
- Frolova, N.A. 1996: Monetnoe delo Bospora serediny VI – V v. do n.e. [The Coinage of the Bosphorus in the 6th–5th centuries B.C.] *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]* 2, 34–69.
- Frolova, N.A. 2001: Rannie monety Fanagorii (konets V – pervaya polovina IV v. do n.e.) [The early coins of Phanagoria (the late 5th to the first half of the 4th century BC)]. In: *Numizmaticheskiy sbornik [Numismatic collection]*. XV (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Transaction of the State Historical Museum]. 125). Moscow, 58–70.
- Frolova, N.A. 2002: Korpus monet Sindov (pervaya polovina – konets V v. do n.e.) [The Corpus of Sindian Coins (first half to the end of the 5th century BC)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 71–83.
- Frolova, N.A. 2004: *Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.): die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder*. Berlin.

- Frolova, N.A. 2010: *Antichnye zolotye monety v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (ot antichnosti do Vizantii)* [Ancient gold coins in the collection of the State Historical Museum. From Antiquity to the Byzantine Empire]. Moscow.
- Frolova, N.A., Smekalova, T.N., Djukov, J.L. 2007: Cyzicenes from the State Historical Museum, Moscow and the State Hermitage Collections, St. Petersburg. *Survey of Numismatic Research* 86, 5–16.
- Gatzolis, C. 2013: New evidence on the beginning of bronze coinage in northern Greece. In: *Aux origines de la monnaie fiduciaire. Scripta Antiqua* 55. Bordeaux, 117–128.
- Golenko, V.K. 2004: Eshchye raz o tipologii rannego serebra Bospora [Once again on the typology of the early silver coins of the Bosphorus]. In: S.G. Koltukhov, S.B. Lantsov, A.E. Puzdrovskiy (eds.), *U Ponta Evksinskogo (pamyati Pavla Nikolaevicha Shchultsa)* [By the Pontos Euxeinos (in memory of Pavel Nikolaevich Shchults)]. Simferopol, 183–198.
- Goroncharovskiy, V.A., Tereshchenko, A.E. 2014: Tipologiya i khronologiya sindskoy chekanki [Typology and chronology of the Sindian coinage]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya: aktual'nye problemy khronologii* [The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages: Actual problems of the chronology] (XV Bosporskie chteniya [Bosporan Reading]). Kerch, 99–114.
- Grandjean, K. 1995: Les comptes de Pompidas (IG VII 2426). Drachmes d'argent symmachique et drachmes de bronze. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 119.1, 1–26.
- Hill, G.F. 1922: Ancient Methods of Coining. *The Numismatic Chronicle* 2, 1–42.
- Hourmouziadis, J., Weisser, B. A. 2007: Metrological Study of Bosporan Silver Coins, 437–375 B.C. *The Numismatic Chronicle* 167, 1–8.
- Hourmouziadis, Y. 2011: Silver Denominations and Standards of the Bosporan Cities. In: N. Holmes (ed.), *14th International Numismatic Congress. Glasgow 2009*, 203–212.
- Jackson, A.E. 1971: The Bronze Coinage of Gortyn. *The Numismatic Chronicle* 11, 37–51.
- Kallatay, F. de 2005: Arkhaicheskie i klassicheskie chekanki Prichernomor'ya: vozmozhnye razlichiya modeli mezhdru Severom i Yugom. In: A.A. Molchanov (ed.), *Trinadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya* [Thirteenth All-Russian Numismatic Conference]. Moscow, 10–11.
- Karyshkovskiy, P.O. 1988: *Monety Ol'vii* [The Coins of Olbia]. Kiev.
- Keyser, P.T., Clark, D.D. 2001: Analyzing and Interpreting the Metallurgy of Early Electrum Coins. In: M.S. Balmuth (ed.), *Hacksilber to Coinage, New Insights into the Monetary History of the Near East and Greece*. New York, 105–126.
- Kim, H.S. 2002: Small Change and the Moneyed Economy. In: P. Cartledge, Ed.E. Cohen, L. Foxhall (eds.), *Money, labour and land: approaches to the economies of ancient Greece*. Routledge, 44–51.
- Konuk, K. 2005: The Electrum Coinage of Samos in the Light of a Recent Hoard. In: E. Schwertheim, E. Winter (eds.), *Neue Forschungen zu Ionien, Asia Minor Studien* 54. Bonn, 43–54.
- Konuk, K. 2011: War Tokens for Silver? Quantifying the Early Bronze Issues of Ionia. In: Fr. de Callataÿ (ed.), *Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times*. Bari, 151–161.
- Konuk, K., Lorber, C. 2012: White gold: An introduction to electrum coinage. In: H. Gitler (ed.), *White Gold: Revealing the World's Earliest Coins*. Jerusalem, 13–26.
- Koshelenko, G.A., Usachyeva, O.M. 1992: Gilon i Kepi. *Arkheologiya* 2, 51–56.
- Kovalenko, C.A., Tolstikov, V.P. 2010a: I. O nachale monetnoy chekanki na Bospore [On the beginning of coinage on the Bosphorus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 31–59.

- Kovalenko, C.A., Tolstikov, V.P. 2010b: II. O nachale monetnoy chekanki na Bospore [On the beginning of coinage on the Bosporus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 23–50.
- Kroll, J.H. 2008: The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece. In: W.V. Harris (ed.), *The Monetary Systems of the Greeks and Romans*. Oxford, 12–37.
- Kroll, J.H. 2011: The Reminting of Athenian Silver Coinage, 353 B.C. *Hesperia* 80, 229–259.
- Kuznetsov, V.D. 2007: Fanagoriya: istoriya issledovaniy i novye nakhodki [A History of the investigation and new finds at Fanagoria]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 5–15.
- Kuznetsov, V.D. 2016: Fanagoriya i Sindika: nekotorye zametki [Phanagoria and Sindike: some notes]. In: A.A. Zavoykin (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*. 2 (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. The results of the archaeological researches]. 4)]. Moscow, 250–278.
- Lambert, S.D. 1996: IG II2 1471a and the Value of Gold at Athens in the 320s B.C. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 110, 84–86.
- Le Rider, G. 2001: *La naissance de la monnaie. Pratiques monétaires de l'Orient ancien*. Paris.
- Melitz, J. A. 2016: Model of the Beginning of Coinage in Antiquity. *European Review of Economic History*, 1–21.
- Naster, P. 1975: La méthode en métrologie numismatique. In: J.-M. Dentzer, Ph. Gauthier, T. Hackens (éds.), *Numismatique antique: problèmes et méthodes: actes du colloque organisé à Nancy du 27 septembre au 2 octobre 1971*. Nancy–Louvain, 65–74.
- Nimchuk, C.L. 2002: The «Archers» of Darius: Coinage or Tokens of Royal Esteem? In: *Medes and Persians: Reflections on Elusive Empires* (Ars Orientalis 32), 55–79.
- Osborn, R. 2008: Reciprocal Strategies: Imperialism, Barbarism and Trade in Archaic and Classical Olbia. In: P.G. Bilde, J.H. Petersen (eds.), *Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence* (Black Sea Studies. 8). Aarhus, 333–344.
- Patterson, C.C. 1972: Silver Stocks and Losses in Ancient and Medieval Times. *The Economic History Review* 25.2, 205–235.
- Prêteux, F. 2008: Le commerce de Cyzique au IVe siècle. In: J. Napoli (éd.), *Ressources et activités maritimes des peuples de l'Antiquité, Actes du colloque international de Boulogne-sur-Mer, mai 2005*. Les Cahiers du Littoral 2, n°6, 353–368.
- Psoma, S.E. 2009: Tas sitarchias kai tous misthous ([Arist.], Oec. 1351b). Bronze Currencies and Cash-Allowances in Mainland Greece, Thrace and the Kingdom of Macedonia. *Revue Belge de Numismatique* 155, 1–38.
- Psoma, S.E. 2012: Obols, Drachms, and Staters of Bronze during the Hellenistic Period. *American Journal of Archaeology* 24, 11–19.
- Psoma, S.E. 2016: Choosing and changing monetary standards in the Greek world during the archaic and the classical periods. In: Ed. M. Harris, D.M. Lewis, M. Woolmer (eds.), *The Ancient Greek Economy: Markets, Households and City-States*. Cambridge, 90–115.
- Reden, S. von. 2007: *Money in Ptolemaic Egypt: From the Macedonian Conquest to the End of the Third Century BC*. Cambridge.
- Reden, S. von. 2010: *Money in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Reger, G. 2003: The economy. In: A. Erskine (ed.), *A Companion to the Hellenistic World*. Oxford, 331–353.
- Reger, G. 2007: Hellenistic Greece and Western Asia Minor. In: W. Scheidel, I. Morris, R. Saller (eds.), *The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World*. Cambridge, 460–486.
- Reger, G. 2011: Inter-Regional Economies in the Aegean Basin. In: Z. Archibald, J.K. Davies, V. Gabrielsen (eds.), *The Economies of Hellenistic Societies, Third to First Centuries BC*. Oxford, 368–389.

- Saprykin, S. 2014: The Archaeanactids of Bosphorus and urban development. In: *Phanagoreia und darüber hinaus...Festschrift für Vladimir Kuznetsov* (Altertümer Phanagoreias. Bd 3). Göttingen, 297–316.
- Schaps, D. 2004: *The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece*. Michigan.
- Sellwood, D.G. 1963: Some Experiments in Greek Minting Technique. *The Numismatic Chronicle* III (Series 7th), 217–231.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora (VI–II vv. do n.e.)* [*The Coinage of the Bosphorus (the 6th – 2nd centuries BC)*]. Moscow.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 1985: *Istoriya Bospora v VI–IV vv. do n.e.* [*The history of the Bosphorus in the 6th–4th centuries BC*]. Moscow.
- Shelov-Kovedyaev, F.V., Tolstikov, V.P. 2014: Bospor v pervoy chetverti V v. do P.X. Iz istorii Pantikapeya nachala epokhi klassiki [The Cimmerian Bosphorus in the first quarter of the 5th century BC. From the history of Pantikapaion in the early classical period]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 18, 452–504.
- Tereshchenko, A.E. 2004: *Avtomomnaya chekanka polisov Bospora Kimmeriyskogo VI–V vv. do n.e.* [*Autonomous coinage of the Cimmerian Bosphorus in 6th–5th centuries BC*]: avtoref. diss. ... kand. ist. Nauk [PhD Thesis]. Saint Petersburg.
- Tereshchenko, A.E. 2009: Vesovaya monetnaya sistema Pantikapeya [The monetary standard of Pantikapaion]. In: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki. Pamyati A.A. Markovoy* (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Transaction of the State Hermitage]. XLVIII). Saint Petersburg, 48–57.
- Tereshchenko, A.E. 2012: Eshchye raz k voprosy o vozniknovenii pantikapeyskoy chekanki [Once again on the issue of the appearance of the Pantikapaion coinage]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*]. XXVI. Simferopol–Kerch, 168–181.
- Tereshchenko, A.E. 2013a: Klassifikatsiya i periodizatsiya kladov bosporskoy medi posledney treti IV–kontsa III vv. do n.e. [Classification and periodization of Bosporan copper hoards of the last third of the 4th to the late 3rd centuries BC]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 17, 325–344.
- Tereshchenko, A.E. 2013b: Monetnoe delo Pantikapeya v IV v. do n.e. [Coinage of Pantikapaion in the 4th century BC] *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 102–126.
- Tereshchenko, A.E. 2015: Rannyaya chekanka Fanagorii [The early coinage of Phanagoria]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*]. XXXI. Kerch, 296–308.
- Thompson, W.E. 1964: Gold and Silver Ratios at Athens during the Fifth Century. *The Numismatic Chronicle* 4, 103–123.
- Thompson, W.E. 1971: The Official Tariff of the Kyzikene Stater at Athens. *L'Antiquité Classique* 40.2, 574–588.
- Thonemann, P. 2016: *The Hellenistic World: Using Coins as Sources*. Cambridge.
- Tod, M.N. 1946: Epigraphical Notes on Greek Coinage II. ΧΑΛΚΟΥΣ. *The Numismatic Chronicle* 6, 47–62.
- Tolstikov, V.P., Muratova, M.B. 2013: K probleme prostranstvennogo razvitiya Pantikapeyskoy apoykii v 1-i polovine VI–1-i polovine V vv. do n.e. [Regarding the spatial development of the apoikia of Pantikapaion in the first half of the 6th to the first half of the 5th Centuries BC]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 176–193.
- Tolstikov, V.P., Nefedkin, A.K. 2010: Armiya. Vooruzhenie. Fortifikatsiya [Army. Arms and Armour. Fortification]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [*Ancient Heritage of Kuban*]. Vol. II. Moscow, 603–655.
- Tolstikov, V.P., Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2004: Novye materialy k khronologii rannego Pantikapeya [New data on chronology and history of early Pantikapaion]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosphorus*] 7, 344–365.

- Vinogradov, Ya.G., Karyshkovskiy, P.O. 1976: Ol'iyskiy dekret Kanoba o den'gakh [The Olbian Decree on money (IOSPE I² 24)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 21–42.
- Vinogradov, Yu.A., Goroncharovskiy, V.A. 2008: *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – seredina III v. n.e.)* [War History and Warfare of the Cimmerian Bosphorus (the 6th century BC to the mid-3rd century AD)]. Saint Petersburg.
- Wallace, R.W. 1987: The Origin of Electrum Coinage. *American Journal of Archaeology* 91.3, 385–397.
- Zakharov, E.V. 2011: K voprosu o zaklyuchitel'nom etape obrashcheniya elektroykh monet Kizika [On the question on the final stage of Kyzikos circulation electrum coins]. In: I.V. Nemchenko (ed.), *Drevnee Prichernomor'e* [Ancient Black Sea]. IX. Odessa, 152–159.
- Zakharov, E.V. 2012: Plakirovannyi kizikin iz kollektsii otdela numizmatiki GIM [Plated stater of Kyzikos in the Numismatic Department, the State Historical Museum]. In: *Numizmaticheskiy sbornik* [Numismatic collection]. XIX (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Transaction of the State Historical Museum]. 192). Moscow, 10–16.
- Zakharov, E.V. 2016a: Novyy vzglyad na periodizatsiyu obrashcheniya elektroykh monet Kizika [A new perspective on the periodization of the circulation of Kyzikos coins]. In: *PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka (Materialy IV Mezhdunarodnogo numizmaticheskogo simpoziuma)* [The Fourth International Numismatic Symposium "Pontic Money-Changer: Money of the Local Market"]. Sevastopol, 42–45.
- Zakharov, E.V. 2016b: Rezul'taty rentgeno-flyuorestsentnogo analiza elektroykh monet iz kollektsii otdela numizmatiki GIM. K voprosu o prirode zolotogo splava monet Kizika, Fokei i Mitileny v VI–IV vv. do n.e. [The results of X-ray fluorescence analysis of electrum coins in the Numismatics Department, the State Historical Museum. On the question on the nature of gold alloy coins of Kyzikos, Phocaea and Mytilene in the 6th–4th centuries BC]. In: E.V. Zakharov (ed.), *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Numismatic readings in the State Historical Museum]. Moscow, 3–5.
- Zavoykin, A.A. 1995: O vremeni avtonomnoy chekanki Fanagorii [On the time of autonomous coinage of the Phanagoria]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporan Collection] 6. Moscow, 89–94.
- Zavoykin, A.A. 2002: Problemy absolyutnoy i otnositel'noi khronologii monetnogo dela Bospora vtoroy poloviny VI–pervoy poloviny IV vv. do n.e. [Problems of the absolute and relative chronology of the Bosporian coinage of the second half of the VI – first half of the 4th century BC.]. In: A.S. Melnikova (ed.), *Desyataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Pskov, 15–20 aprelya 2002 g. Tezisy dokladov i soobscheniy* [Tenth All-Russian numismatic conference. Pskov, 15–20 April 2002. Abstracts and papers.]. Pskov, 19–22.
- Zavoykin, A.A. 2004: *Fanagoriya vo vtoroy polovine VI–nachale IV vv. do n.e.* [Phanagoria in the second half of the 6th to the beginning of the 4th century BC] (Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]. Supplementum I). Moscow.
- Zavoykin, A.A. 2010: Arkhaicheskiy, klassicheskiy i ellinisticheskiy periody (VI–II vv. do n.e.) [Archaic, Classical and Hellenistic Period (6th–2nd centuries B.C.]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban]. Vol. II. Moscow, 17–78.
- Zavoykin, A.A. 2011: Moneta sindov kak istochnik po istorii vzaimootnosheniy grekov i varvarov [Coins of the Sindi as the source on the relationship of the Greeks and Barbarians]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyaniye kul'tur* [The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the period Antiquity and the Middle Ages. Interference of cultures] (XII Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 118–124.

- Zavoykin, A.A., Boldyrev, S.I. 2000: Reforma Levkona I [The reform of Leukon I]. In: A.S. Belyakov (ed.), *Vos'maya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya* [Eighth All-Russian numismatic conference]. Moscow, 7–9.
- Zavoykin, A.A., Boldyrev, S.I. 1994: Tret'ya tochka zreniya na monety s legendoy «ΣΙΝΔΩΝ» [The third point of view on coins with a legend «ΣΙΝΔΩΝ»]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporan Collection] 4. Moscow, 43–47.
- Zavoykina, N.V., Pavlichenko, N.A. 2016: Pis'mo na svintsovoy plastine [A letter on the lead plate]. In: A.A. Zavoykin (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*. 2 (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. The results of archaeological researches]. 4). Moscow, 230–248.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [Ancient coins] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and studies on the archaeology of USSR]. 16). Moscow–Leningrad.

SOME ASPECTS OF THE CURRENCY ON THE BOSPORUS DURING THE 6th – 3rd CENTURIES BC

Sergey N. Ostapenko

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
sao_nasledie@mail.ru

Abstract. The article examines the processes of monetary circulation in the Bosporan Kingdom in the general context of socio-political and economic processes of ancient Greek history. The origin of Bosporan coinage is considered through the interconnection of economic, political and cultural aspects, as well as taking into account the development of state structures and personal relations within the society. Particular attention is paid to the mixed type of the polymetallic model of currency system that was developed on the Bosporus. A mixed type of monetary circulation combines a “local” (closed) and “open” models. Both foreign currency (cyzicenes) and two categories of own coins were used in the domestic and foreign markets: gold staters are for international trade; silver and copper coins are for the domestic market only. The attempt was made to analyze the beginning of copper coinage as a phenomenon of fiat (credit) money, which allowed the issuer to assign an overrated coin value. The denomination of a copper coin was not perceived as a quantity of metal in a coin, as it was for silver and gold coins, but as a payment instrument for which the final payment value was higher than the intrinsic value of the metal. Monetization of the Bosporan economy and commodity-money transactions was inextricably linked with copper coinage, which in its essence facilitated small-scale trade, replacing the barter trade (natural exchange) with cash transactions. The point of view that electrum stater of Kyzikos exchange rate did not depend on the estimated value of gold and silver in the coin, but was adjusted by market hence as the cyzicenes remained a stable currency of good quality until the last quarter of the 4th century BC is explained.

Keywords: Cimmerian Bosporus, ancient coinage, bronze coins, cyzicenes, currency system, economy

ДВА *ABECEDARIA* ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ФАНАГОРИИ

Н.В. Завойкина

Институт Археологии РАН, Москва, Россия
zavoykina@mail.ru

Аннотация. В статье публикуются два новых *абecedария* позднеархаического времени из раскопок Фанагории последних лет. Первый *абecedарий* процарапан на внешней стороне поддона чернолакового килика из Аттики (конец VI – начало V в. до н.э.). Надпись: ΑΒΓΔΕΖΗΘ | Α Ν Π (рис. 1). О том, что новый *абecedарий* не является магической формулой, свидетельствуют два факта. Прежде всего, ошибочное написание *йот*, вписанной косо и крупно между *этой* и *тхетой*, а также написание с разбивкой и без соблюдения алфавитного строя *альфы*, *ню*, *пи*. Ошибки в написании греческого алфавита встречаются в буквенных надписях Северного Причерноморья. Ошибка в алфавитном ряду дает основание предполагать, что граффито № 1 является ученической записью. По всей видимости, оно представляет запись цифр от 1 до 10, далее вырезаны Α = 1, Ν = 50, Π = 80.

Граффито № 2 вырезано на сохранившемся наполовину поддоне чернолакового скифоса 490–480 гг. до н.э., тип «а *cup-scythos*», из Аттики. Граффито: ΑΒΓΔ. Слева от рисунка процарапана вертикальная линия, которая делила, по всей видимости, поддон скифоса на две неравные части. Такое деление поля для записи встречается в античных граффити и указывает, что в разных частях могли располагаться разные по смыслу надписи и/или рисунки. Новая фанагорийская запись начальных букв древнегреческого алфавита не имеет однозначной интерпретации из-за ее фрагментарной сохранности. Предполагать магический характер рассматриваемого граффито, учитывая рисунок после букв и деление поля на две части, наверно, было бы возможно, но при соблюдении двух условий: находки граффито в пределах сакральной территории Верхнего города и полной сохранности поддона скифоса. Поэтому ограничимся пока версией, что граффито № 2 представляет ученическую запись – буквенную или цифровую (от 1 до 4 в ионийской системе счета) с рисунком, а в несохранившейся части располагалось новое поле для письменных упражнений.

Итак, боспорский архив надписей позднеархаического времени обогатился двумя новыми алфавитными упражнениями, которые пополняют наши представления не только о ранней палеографии ионийских надписей античного Северного Причерноморья, но и о начальном школьном обучении в полисах этого региона.

Ключевые слова: Древняя Греция, позднеархаическая эпоха, Боспор, Фанагория, граффити, ученические записи

Завойкина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН.

Абecedарии (*abecedaria*) представляют ряд букв древнегреческого алфавита, вырезанных на керамических остраконах или какой-либо другой твердой поверхности. Надписи такого рода нередки для античных городов Средиземноморья и Северного Причерноморья. Обширный список, насчитывающий более 40 экземпляров, найденных в разных регионах античного мира, был учтен В. Уэстом¹. Его можно дополнить находками алфавитных записей из античных городов Северного Причерноморья². Среди них к VI–V вв. до н.э. относятся три *абecedария* из Ольвии и один из Пантикапея³. Диапазон использования алфавитных надписей разнообразный и существует несколько объяснений причин их создания. Во-первых, основная версия сводится к определению *абecedариев* как образцов упражнений в изучении алфавита: они могли быть написаны как учащимися, так и взрослыми, которые практиковались в написании алфавита или цифрового ряда⁴. Большинство надписей в виде буквенного ряда греческого алфавита из античных центров Северного Причерноморья рассматривается как ученические упражнения при обучении грамоте и греческому языку⁵. Во-вторых, *абecedарии* использовались как сакральные надписи, которые приносились в качестве votivных даров в храм⁶. Так, среди находок в святилище Зевса на горе Геметт, Аттика, встречается *абecedарий* VII в. до н.э., который предположительно рассматривается как часть какого-то посвящения богу⁷. Также они могли использоваться в ритуальных действиях в домашнем святилище⁸. Алфавитные надписи могли выступать элементом магических действий⁹. В частности, к подобному мнению склонялся И.И. Толстой в отношении пантикапейского граффито V в. до н.э., вырезанном на фрагменте поддона чернолакового сосуда: [ΑΒ]ΓΔΕΖ | Διομήδης¹⁰.

Среди граффити из раскопок Верхнего города Фанагории последних лет встречается два *абecedария*.

1. Ножка чернолакового килика, Аттика, конец VI – начало V в. до н.э.¹¹, найдена при раскопках в 2014 г. Диаметр поддона – 7,1 см, высота ножки – 3,8 см. На внешней стороне поддона процарапано граффито (рис. 1)¹². Высота букв: 0,6 – 1,1 см. После *эпсилон* в нижнем поле видны две точки, которые можно принять за знак интерпункции. Однако они случайного происхождения.

Надпись: ΑΒΓΔΕΖΗΘ | Α Ν Π.

¹ West 2015, 61–63 (абecedарии VIII–VI вв. до н.э.), 67–72 (таблица абecedариев V в. до н.э. – V/VI в. н.э.).

² Русяева 2010, 128–129, № 98; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 142–143; Толстой 1953, 136–137, № 240; Яйленко 1980, 94–95, №№102–105; Яйленко 1988, № 8.

³ Яйленко 1980, 94–95, №№102–105; Русяева 2010, 128–129, № 98; Толстой 1953, 136–137, № 240. Об абecedариях эллинистического и римского периодов из поселений Боспора: Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 142–143.

⁴ Скржинская 2014, 11–21; Яйленко 1988, 54–60; Lang 1976, 6; Wachter 2004, 61–74; Immerwahr 2007, 153–198; Johnston 2011, 445–463; West 2015, 52–68.

⁵ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 143.

⁶ Guarducci 1974, 77; Lang 1976, 6–7.

⁷ Langdon 1976, 7, № 20, fig. 7, pl. 4.

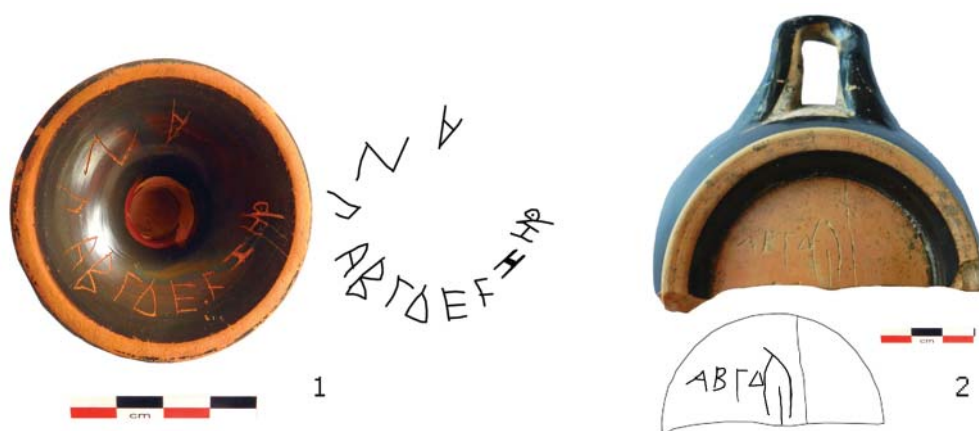
⁸ Русяева 2010, 129.

⁹ Яйленко 2005, 469–470, № 6.

¹⁰ Толстой 1953, 136–137.

¹¹ Sparkes, Tallcott 1970, 92, fig. 5, pl. 20, nos 411, 412.

¹² Фотография граффито с кратким описанием публиковалась: Завойкина 2015, 136–137.

О том, что новый *абecedарий* не является магической формулой, свидетельствуют два факта. Прежде всего, ошибочное написание *йот* между *этой* и *тхетой*, вписанной косо и крупно между ними, а также написание с разбивкой и без соблюдения алфавитного строя *альфы*, *ню*, *пи*. Ошибки в написании греческого алфавита встречаются в буквенных надписях Северного Причерноморья. В частности, в *абecedарии* на стенке чернолощенной миски V–IV вв. до н.э. с Березанского поселения сохранилось четыре буквы Α Γ Δ Ε, в алфавитном ряду пропущена *бетта*.¹³ Обращает внимание наличие *дигаммы* после *эпсилон* в алфавитной надписи из Фанагории. В позднеархаическое и классическое время *дигамма* использовалась в эпихорических алфавитах различных регионов: Пелопоннес, северная и центральная Греция, Крит, Эвбея и ее колонии¹⁴. В VI–V вв. до н.э. в этих регионах были в обращении дорийский (Пелопоннес, Крит) и эолийский (Фессалия, Беотия) субдиалекты архаического греческого языка. В то же время *дигамма* встречается в архаическом аттическом алфавите. Об этом свидетельствуют *абecedарии* из Афин VI – начала V в. до н.э.¹⁵, а также алфавитная надпись 550 г. до н.э., вырезанная на скале в долине Вари в Аттике¹⁶. О наличии *дигаммы* в ионийском алфавите в архаическое время свидетельствует *абecedарий* 660–650 гг. до н.э. из самосского герайона¹⁷. Единичные случаи употребления *дигаммы* встречаются в надписях таких ионийских городов, как Наксос и Аморгос¹⁸. В регионе Боспора Киммерийского *дигамма* встречена в позднеархаическом граффито из Патрея¹⁹. Наличие *дигаммы* в архаических *абecedариях* Аттики, Ионии и ионийских островов объясняется тем, что они сохранили использование «милетской» алфавитной

¹³ Яйленко 1982, 306, № 181.

¹⁴ Jeffery 1990, 24–25.

¹⁵ Lang 1976, 7, A1, A2.

¹⁶ Langdon 2005, 175–182, fig. 1.

¹⁷ Jeffery 1990, 471, pl. 79.7

¹⁸ Jeffery 1990, 66, № 7, 23; 289, № 10; 293, № 23.

¹⁹ Завойкина 2014, 204–205, № 8, рис. 9. В подписи под рисунком имеется техническая ошибка – вместо граффито № 8, ошибочно поставлено № 9.

цифровой системы, в которой *дигамма* обозначала цифру шесть²⁰. Исходя из сказанного, можно предположить, что фанагорийский *абecedарий* представляет цифровую, а не буквенную, запись. Автор граффито сначала вырезал цифровой ряд от *альфы* (= 1) до *йоты* (= 10), но в конце перепутал местами *йоту* (= 10) и *тхету* (= 9). Затем с отступом и разбивкой процарапал А N Π = 1, 50, 80. Ионийская система счета была основной цифровой системой, которую использовало для различных торгово-хозяйственных записей население в боспорских городах в позднеархаическое время. Эта система фиксируется не ранее 550 г. до н.э. в Милее, и оттуда она распространилась и в соседние с ним города в восточном Средиземноморье²¹. Ионийские колонисты привезли ее с собой в боспорские колонии. Л. Джеффри предостерегала от стремления сделать поспешный вывод о происхождении авторов *абecedариев* в случае наличия *дигаммы* в надписях ионийских городов и их колоний²². Поддерживаем это замечание исследовательницы. В фанагорийском граффито представлены формы букв, характерные для восточноионийского алфавита, и это позволяет предполагать, что автор *абecedария* изучал ионийской диалект древнегреческого языка или же был его носителем. Итак, предполагаем, что новый *абecedарий* позднеархаического времени из Фанагории является ученической записью чисел в ионийской системе счета.

2. Половина чернолакового скифоса, Атика, 490–480 гг. до н.э., тип «а сир-сцuthos»²³, найден при раскопках в 2004 г. На внешней стороне поддона процарапано буквенное граффито и рисунок, напоминающий лезвие меча или лист растения (рис. 2). *Дельта* процарапана в верхнем поле строки и меньше по размеру, чем остальные буквы.

Граффито: АВΓΔ

Слева от рисунка процарапана вертикальная линия, которая делила, по всей видимости, поддон скифоса на две неравные части. Такое деление поля для записи встречается в античных граффити и указывает, что в разных частях могли располагаться разные по смыслу надписи и/или рисунки. Новая фанагорийская запись начальных букв древнегреческого алфавита не имеет однозначной интерпретации из-за ее фрагментарной сохранности. Предполагать магический характер рассматриваемого граффито, учитывая рисунок после букв и деление поля на две части, наверно, было бы возможно, но при соблюдении двух условий: находки граффито в пределах сакральной территории Верхнего города и полной сохранности поддона скифоса. Поэтому ограничимся пока версией, что граффито № 2 представляет ученическую запись – буквенную или цифровую (от 1 до 4 в ионийской системе счета) с рисунком, а в несохранившейся части располагалось новое поле для письменных упражнений.

М. Лэнг выделила на материалах алфавитных записей с афинской агоры закономерность, что в V в. до н.э. записывали алфавит полностью, а в IV в. до н.э. ограничивались только фиксацией начальных букв алфавита²⁴. Это наблюдение не следует переносить на алфавитные записи из других регионов, оно сугубо ло-

²⁰ Jeffery 1990, 25, 326–327.

²¹ Jeffery 1990, 327.

²² Jeffery 1990, 327.

²³ Sparkes, Tallcott 1970, 109–110, 277, no. 573.

²⁴ Lang 1976, 6–7.

кальное. В частности, *абecedарий* начала VII в. до н.э. из Кум (Италия), вырезанный на черепке, содержит записи коринфского и этрусского алфавитов только до *дзеты*²⁵. Если предположения о новых фанагорийских *абecedариях* как о записях учеников верны, то неполные буквенные упражнения греческого алфавита или запись его начальных литер фиксируется уже в позднеархаическое время в восточной части Северного Причерноморья, в Фанагории. Подводя итог, отметим, что боспорский архив надписей позднеархаического времени обогатился двумя новыми алфавитными упражнениями, которые пополняют наши представления не только о ранней палеографии ионийских надписей античного Северного Причерноморья, но и о начальном школьном обучении в полисах этого региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Завойкина, Н.В. 2014: Граффити раннего Патрея. *ДБ* 18, 196–208.
- Завойкина, Н.В. 2015: Малая эпиграфика, в кн.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Фанагория. Альбом*. М., 132–139.
- Русяева, А.И. 2010: *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014. Городище Артазиан в восточном Крыму (его жители и культы). *ВДИ* 3, 134–162.
- Скржинская, М.В. 2014: *Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья*. Киев.
- Толстой, И.И., 1953: *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. Москва – Ленинград.
- Яйленко, В.П. 1980: Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея). *КСИА* 159, 53–60.
- Яйленко, В.П. 1982: *Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М.*
- Яйленко, В.П. 1988: Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья. В кн.: *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология*. 1987. М., 54–60.
- Яйленко, В.П. 2005: Магические надписи Боспора. *ДБ* 8, 465–514.
- Guarducci, M. 1974: *Epigrafia Greca*. III. Rome.
- Immerwahr, H.R. 2007. Aspects of Literacy in the Athenian Ceramicus. *Kadmos* 46, 153–198.
- Jeffery, L.H. 1990: *The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eight to the Fifth centuries B.C.* Oxford.
- Johnston, W.A. 2011: Teaching Children How to read: The Syllabary. *The Classical Journal* 106.4, 445–463.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and dipinti* (The Athenian Agora. XXI). Princeton.
- Langdon, M.A. 1976: *Sanctuary of Zeus on Mount Hymettus*. Princeton.
- Langdon, M.A. 2005: A New Abecedarium. *Kadmos* 44, 175–182.
- Sparkes, B.A., Tallcott, L. 1970: *Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th centuries BC* (The Athenian Agora. XII). Princeton.
- Wachter, R. 2004: BA-BE-BH-BI-BY-BΩ... Zur Geschichte des elementaren Schreibunterricht bei den Griechen. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphic* 146, 61–74.
- West, W.C. 2015: Learning the Alphabet: Abecedaria and the Early Schools in Greece. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 55, 52–71.

²⁵ Jeffery 1990, 125, pl. 18.2.

REFERENCE

- Guarducci, M. 1974: *Epigrafia Greca*. III. Rome.
- Immerwahr, H.R. 2007. Aspects of Literacy in the Athenian Ceramicus. *Kadmos* 46, 153–198.
- Jeffery, L.H. 1990: *The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eight to the Fifth centuries B.C.* Oxford.
- Johnston, W.A. 2011: Teaching Children How to read: The Syllabary. *The Classical Journal* 106.4, 445–463.
- Lang, M. 1976: *Graffiti and dipinti* (The Athenian Agora. XXI). Princeton.
- Langdon, M.A. 1976: *Sanctuary of Zeus on Mount Hymettus*. Princeton.
- Langdon, M.A. 2005: A New Abecedarium, *Kadmos* 44, 175–182.
- Rusyaeva, A.S. 2010: *Graffiti Ol'vii Pontiyskoy* [*Graffiti of Olbia Pontic*]. Simferopol.
- Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I., Belousov, A.V. 2014: Gorodische Artazian v vostochnom Krymu (zhiteli i kul'ty) [The Settlement Artazian in the Eastern Crimea (its population and cults)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of ancient history*] 3, 134–162.
- Skrzhinskaya, M.V. 2014: *Obrazovanie i dosug v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya* [*Education and leisure in ancient states on the North Black Sea Littoral*]. Kiev.
- Sparkes, B.A., Tallcott, L. 1970: *Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th centuries BC* (The Athenian Agora. XII). Princeton.
- Tolstoy, I.I. 1953: *Grecheskie graffiti drevnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya* [*Greek graffiti of ancient cities of the North Black Sea Littoral*]. Moscow–Leningrad.
- Wachter, R. 2004: BA-BE-BH-BI-BY-BΩ... Zur Geschichte des elementaren Schreibunterricht bei den Griechen. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 146, 61–74.
- West, W.C. 2015: Learning the Alphabet: Abecedaria and the Early Schools in Greece. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 55, 52–71.
- Yaylenko, V.P. 1980: Neskol'ko ol'viyskikh i berezanskikh graffiti (po materialam Odesskogo arkhelogicheskogo muzeya) [Several Olbian and Berezan graffiti (on materials in the Archaeological Museum in Odessa)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Akademii Nauk SSSR* [*Essays of the Institute of archaeology Academia of Science SSSR*] 159, 53–60.
- Yaylenko, V.P. 1982: *Grecheskaya kolonizatsiya v VII–III vv do n.e.* [*The Greek Colonization in 7th – 3rd centuries BC*]. Moscow.
- Yaylenko, V.P. 1988: Nachal'noe obrazovanie v antichnykh grecheskikh gorodakh Severnogo Prichernomor'ya [Primary education in ancient Greek cities of the North Black Sea Littoral]. In: *Pamyatniki kul'tury. Nove otkrytiya. Pismennost'. Iskustvo. Arkheologia. 1987*. [*Cultural monuments. Recent discoveries. Writing. Art. Archaeology. 1987*] Moscow, 54–60.
- Yaylenko, V.P. 2005: Magicheskie nadpisi Bospora [Magic inscriptions of Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of Bosphorus*] 8, 465–514.
- Zavoykina, N.V. 201: Malaya epigrafika [Casual Inscriptions], in: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds), *Fanagoria. Al'bom* [*Phanagoria. Album*]. Moscow, 132–139.
- Zavoykina, N.V. 2014: Graffiti rannego Patreya [Graffiti from the Early Patraeus]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of Bosphorus*] 18, 196–208.

TWO ABECEDARIA OF LATE ARCHAIC PERIOD FROM RHANAGORIA

Natalia V. Zavoykina

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
zavoykina@mail.ru

Abstract. Two *abecedaria* are examined in the article. They have been found out during the recent archaeological excavations at Phanagoria. The *abecedaria* are dated back to the late 6th – early 5th century BC. The first *abecedarium* is incised on the bottom of black ware attic kylix and it has survived well. It has an inscription: ABΓΔΕΖΗΘ | Α Ν Π. The letters are a part of the ancient Greek alphabet and their shapes have strong parallels in the Ionic script of the Late Archaic period. The error in the alphabetical series, where an author incised specially *iot* between *dzeta* and *theta*, suggests that the graffiti 1 is a pupil exercise. Apparently, it represents a record of numbers from 1 to 10, then the author cut Α = 1, Ν = 50, Π = 80. The second graffiti is carved on a half of black ware attic cup-scythos from Attica. It represents the beginning of ancient Greek alphabet (ΑΒΓΔ) and an uncertain image after it. It might be an image of a tree leaf or a blade of sword. A chip destroys the right part of the cup-scyphos bottom separated by an incised line. The graffiti 2 is also considered as a pupil alphabetical exercise with a drawing.

Keywords: Late Archaic, Bosphorus, Phanagoria, Ancient Greek graffiti, pupils' records

СОДЕРЖАНИЕ СЕРЕБРА В СТАТЕРАХ ТЕЙРАНА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНИКИ СЕРЕБРЕНИЯ

М.Г. Абрамзон*, О.Л. Гунчина**, И.А. Сапрыкина***

**Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

abramzon-m@mail.ru

***Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория»,
пос. Сенной, Темрюкский р-н, Краснодарский край, Россия*

gunchino@mail.ru

****Институт археологии РАН, Москва, Россия*

dolmen200@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты РФА-спектроскопии 161 статера Тейрана из Фанагорского клада 2011 г., образующих крупнейший гомогенный комплекс монет этого царя. Одна цель исследования состояла в определении содержания серебра в монетном сплаве, другая заключалась в реконструкции технологии серебрения боспорских статеров после 275/276 г. н.э. Исследование показало стабильно низкое содержание серебра в статерах Тейрана, в среднем от 5 до 6–9%. Эти монеты сопоставимы с антонинианами Аврелиана, Тацита, Флориана и других императоров, как по проценту серебра в сплаве, так и наличию серебряного покрытия. И статеры Тейрана, и синхронные им римские антонинианы были отчеканены из сплава на медной основе, включающего от 3–4% (иногда и немного больше) серебра, и покрыты тонким слоем серебра, который быстро стирался, отчего монеты выглядели как чисто медные. Новые данные демонстрируют, что боспорский монетный двор следовал римской тенденции в решении проблемы деградации серебряных монет и использовал различные приемы их серебрения, что особенно очевидно для чеканки Савромата IV и Тейрана.

Исследование показало, что если статеры Рескупорида V, чеканившиеся из низкопробного серебра по 267/268 г. н.э., не имеют следов нанесения серебряного покрытия, то статеры Тейрана, содержавшие еще меньше серебра в сплаве, подвергались серебрению поверхности. Возможно, серебрение монет достигалось в результате обертывания кружков-заготовок в серебряную фольгу, нагреваемую как минимум до 950°, а затем те подвергались холодной проковке.

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Гунчина Ольга Леонидовна – начальник отдела реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория», художник-реставратор высшей категории.

Сапрыкина Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии Российской академии наук.

Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 16-06-00217.

Ключевые слова: Боспор, Тейран, монетное дело, монетная техника, статеры, процесс серебрения, РФА-спектроскопия

ПОСТАНОВКА ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ

Такие аспекты позднебоспорского монетного дела, как процентное содержание серебра в статерах Тейрана и техника их серебрения после 275/276 г. н.э. оставались практически не изученными до сих пор, поскольку РФА-спектроскопии подвергались лишь единичные экземпляры его статеров из собраний ГИМ (всего 6 экз.)¹ и ГЭ (2 экз.)². Это количество исследованных монет представляет явно недостаточную репрезентативную выборку для универсальных заключений. Утверждалось, например, что в 275/276 г. н.э. состоялся последний выпуск статеров Савромата IV и Тейрана с содержанием серебра 50%, далее серебро постепенно исчезает из состава металла, и его место занимают сначала медь, а затем все увеличивающиеся пропорции олова и свинца³. Анализ химического состава металла экземпляров из ГЭ так же привел исследователей к выводу о том, что со времени Савромата IV и Тейрана статеры окончательно потеряли в своем составе драгоценные металлы и стали чеканиться из свинцово-оловянной бронзы с большим содержанием свинца⁴. Данные выводы нуждаются в корректировке.

В 2016–2017 гг. в лаборатории Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» проводилось исследование химического состава монетного сплава 3695 статеров из крупнейшего позднебоспорского клада, найденного в 2011 г. во время работ Фанагорийской археологической экспедиции ИА РАН на некрополе Фанагории⁵. Полнота состава этого огромного комплекса открывает новые возможности для детального изучения техники изготовления статеров в III в. н.э. Все монеты клада исследовались методом РФА-спектроскопии; кроме того, репрезентативная выборка – 30 экз. (в том числе и три монеты царя Тейрана – № 2239, 2240, 2242) подверглась изучению методами нейтронной томографии, дифракции и металлографического анализа⁶.

Целью настоящей статьи является публикация результатов исследования методом РФА-спектроскопии 160 статеров Тейрана из Фанагорийского клада 2011 г., составляющих крупнейший однородный комплекс монет этого царя. Задачами исследования являлись как определение содержания серебра в монетном сплаве, так и реконструкция техники серебрения позднебоспорских статеров после 275/276 г. н.э.

¹ Монеты из ГИМ: № 5265 (572 г. б.э.) – 50% Ag; 5266 (572 г. б.э.) – 0,02% Ag; 5278 (573 г. б.э.) – 3–10% Ag; 5270 (573 г. б.э.) – 0,05% Ag; 5279 (574 г. б.э.) – 4,0% Ag; 5283 (575 г. б.э.) – 3,5% Ag. См. Фролова 1997, 72, 75.

² ГЭ 29604 (572 г. б.э.). См. Смекалова, Дюков 2001, 96.

³ Фролова 1997, 72–73, 148. Данные Фанагорийского клада 2011 г., в котором монеты Савромата IV и Тейрана содержится вдвое больше, чем было известно до сих пор, не подтверждают информацию о том, что содержание серебра в статерах этих царей составляло более 50%. Лишь в одном статере Савромата IV содержание серебра в разных точках поверхности варьируется от 8,35 до 35,28% (Сапрыкина, Гунчина 2017, 427, № 2222), что связано с особенностями техники изготовления статеров.

⁴ Смекалова, Дюков 2001, 91, 96, 103.

⁵ Абрамзон, Кузнецов 2014, 56–86; 2017.

⁶ Абрамзон, Гунчина 2016а, 279; 2016б, 280–329; Сапрыкина, Гунчина 2017, 272–483; Сапрыкина, Пельгунова, Гунчина и др. 2017, 484–493.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для всех 160 статеров Тейрана (прил., № 2237–2396) анализировался химический состав металла. Исследование выполнялось на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker), позволяющем проводить измерения поверхности на глубину до 10 микрон, а также выполнять анализ на наличие покрытий. Стандартное время измерения составило 30 сек., напряжение – 50кV. Кроме того, для трех экземпляров (№ 2239, 2240, 2242) выполнялось картирование элементов на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker) под вакуумом 600 mbar⁷. Дополнительно для статеров № 2240 и 2242 проводилось металлографическое исследование.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Наименьшее количество серебра содержится в монетном сплаве первого выпуска Тейрана, произведенного в 266/267 г. н.э. Статеры этого года, представляющие исключительную редкость⁸, до сих пор никогда не апробировались. В кладе имеется одна монета данного года (прил., № 2237), в металле которой содержится от 4.42 до 4.50% серебра. Это гораздо меньше, чем в синхронных статерах Рескупорида V, в которых содержание серебра составляет в среднем от 10 до 30%⁹, и немногим уступает статерам Тейрана регулярного чекана 275/276–278/279 гг. н.э. (рис. 1–3). Тем не менее, присутствие серебра в данном выпуске явно неслучайно; оно соответствует проценту серебра (3–4.9%) в пореформенных посеребренных антонинианах Галлиена 260–268 гг., часто выглядевших как обычные медные монеты¹⁰. Возможно, статеры Тейрана 266/267 г. н.э. так же имели серебряное покрытие.

Наивысшее содержание серебра – в среднем 6–7% наблюдается в статерах 276/277 гг. н.э. (выборка из 79 монет); на этот год приходится и самая обильная эмиссия Тейрана. Максимальная интенсивность чеканки в этом году объясняется потребностью царя в средствах для обеспечения его военных операций против герулов и готов, которые осенью того года после разгрома их Флорианом возвращались на север через Боспор¹¹.

Анализ ряда статеров Тейрана по нескольким точкам выявил небольшой разброс в концентрации серебра, содержание которого для разных участков некоторых экземпляров может варьироваться от 5 до 11% (прил., № 2268, 2282), от 4–5 до 14% (№ 2302, 2313), от 5 до 18% (№ 2285) и т.д. Такие скачки содержания серебра указывают на обогащение этим металлом поверхностного слоя статеров

⁷ Сапрыкина, Пельгунова 2013, 82–83.

⁸ К настоящему моменту зарегистрировано всего четыре экземпляра; все они отчеканены одной парой штемпелей. Клады Батарейский 1958 г. и Фанагорийский 2011 г. содержат по одной такой монете, два экземпляра зарегистрированы электронным каталогом «Монеты Боспора». См. Абрамзон, Кузнецов 2017, 41; <https://bosporan-kingdom.com/727-4878/1.html>; <https://bosporan-kingdom.com/727-4878/2.html>.

⁹ См. Сапрыкина, Гунчина 2017, 383–422, № 1449–2148.

¹⁰ К самому концу правления Галлиена содержание серебра в антонинианах 6-го выпуска в Риме упало до менее 3%. См. King 1989, 290–291.

¹¹ Фролова 1997, 73; Абрамзон, Кузнецов 2017, 52–53.

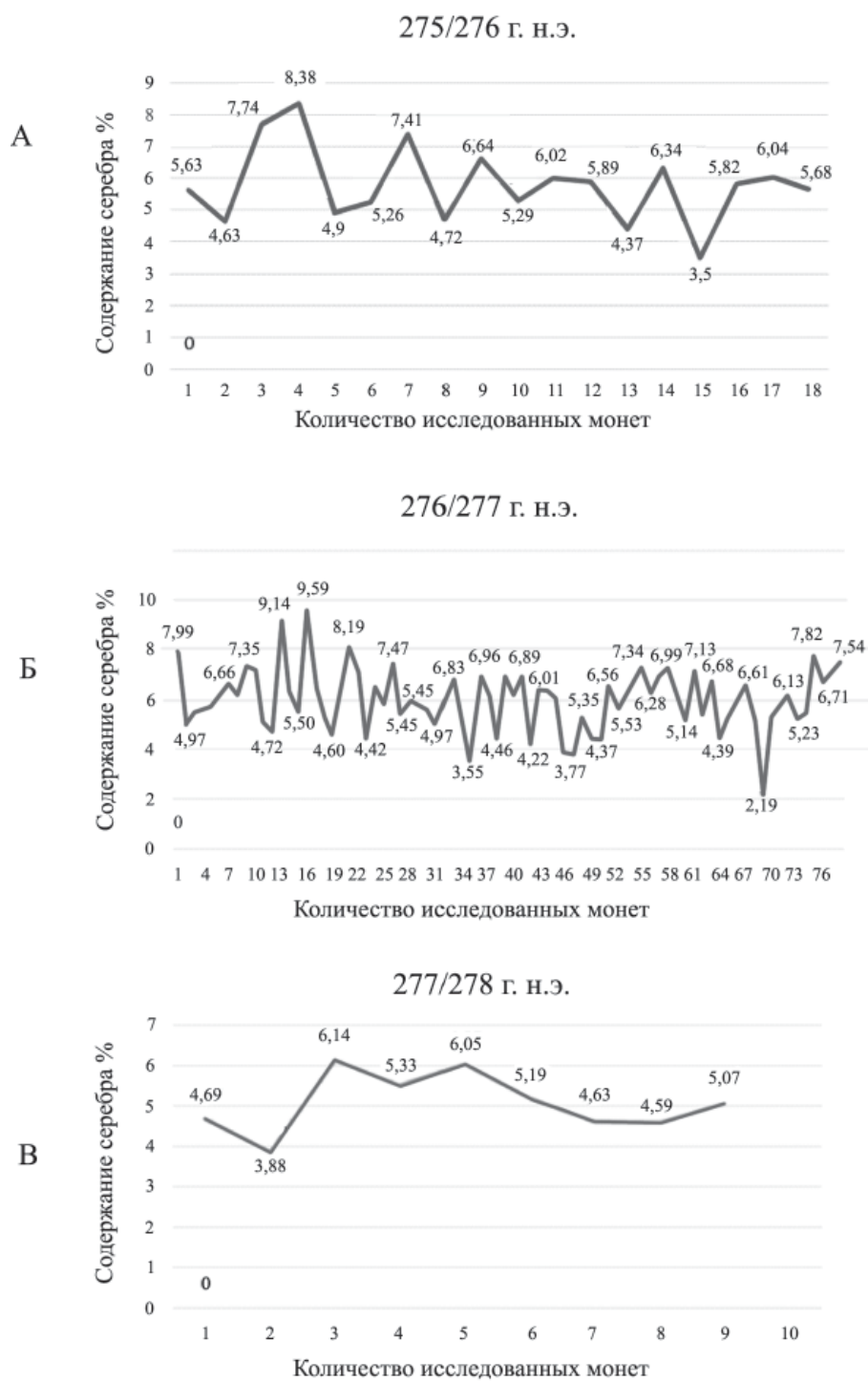

Рис. 1. Содержание серебра в статерах Тайрана 275/276 - 277/278 гг. н.э.

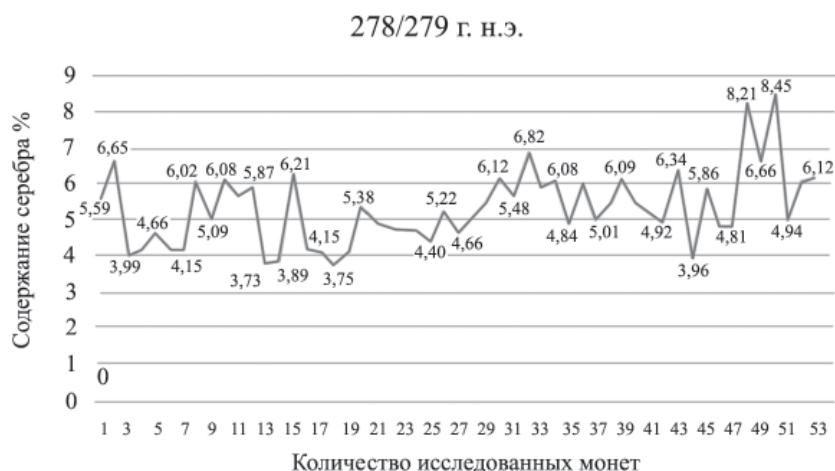

Рис. 2. Содержание серебра в статерах Тайрана 278/279 г. н.э.

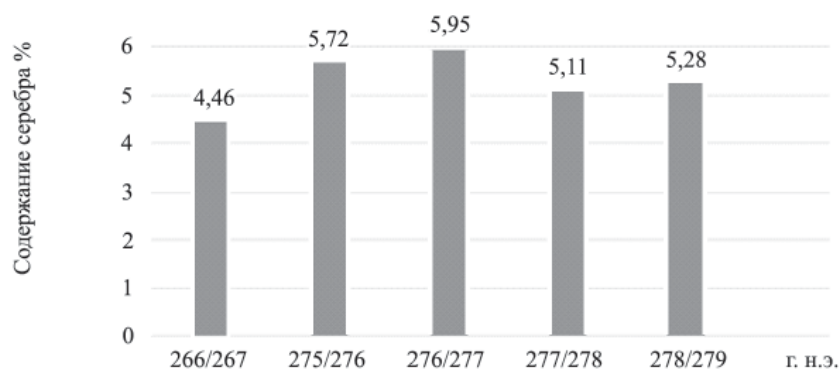

Рис. 3. Среднее содержание серебра в статерах Тайрана

по аналогии с римскими монетами 270–280-х гг. н.э. – антонинианами Аврелиана, Тацита, Флориана и др.¹²

Уже к концу правления Валериана I (253–260 гг.) большая часть антонинианов изготавливалась из сплава с ничтожным содержанием серебра (3–4%, иногда чуть больше) и выглядела как чисто бронзовые монеты; после чеканки на их поверхность наносился тонкий слой белого металла, который вскоре стирался в процессе обращения. Этот слой наносился с разной степенью успеха на разных дворах в

¹² Для римских монет снижение содержания серебра в металле фиксируется, начиная с 250-х гг.: оно колеблется от 5 до 20% (King, Northover 1997, 73–78; Vlachou, McDonnell, Janaway 2002; Deraisme, Beck, Pilon, Barrandon 2006). При Аврелиане содержание серебра в римских монетах снова упало и составляло уже от 1 до 5% (King, Northover 1997, 78–80). Содержание серебра в антонинианах, выпущенных после 270 г. н.э. составляло менее 5% (Caley, McBride 1956, 285).

различные времена. В лучшем случае это было серебро, но отмечены вариации состава слоя и различия в его толщине. Антонинианы Аврелиана (270–275 гг.) были столь плохо посеребренными, что экземпляры, сохранившие следы процесса серебрения представляют большую редкость¹³.

То же самое визуально отмечается и для статеров Тейрана, битых в период его совместного правления с Рескупоридом V в 266/267 г. н.э. и после 275/276 г., которые подобно римским денариям и антонинианам, отчеканенным после 250–260 гг. н.э.¹⁴, также имеют темный цвет поверхности и выглядят как обычные медные монеты¹⁵, чем отличаются от статеров Рескупорида V с характерным для тех серебристым цветом и блеском¹⁶. С другой стороны, во время очистки монет из Фанагорийского клада замечено, что многие статеры Тейрана 275/276 г. н.э. (как и Савромата IV) частично сохранили на поверхности серебристый цвет и блеск, что сближает эти монеты со статерами Рескупорида V. Визуальный анализ статеров Тейрана других лет показал практически полное отсутствие серебра на поверхности монет, за исключением отдельных локальных участков чеканного рельефа, имеющих характерный серебристый цвет.

Металлографическое исследование статера Тейрана № 2240¹⁷, показало, что, в отличие от статеров Рескупорида V, на его поверхности отсутствует обогащенный серебром слой, а в толще самой монеты серебро распространено крайне дисперсно (его реальное содержание в металле монеты гораздо меньше)¹⁸ (рис. 4).

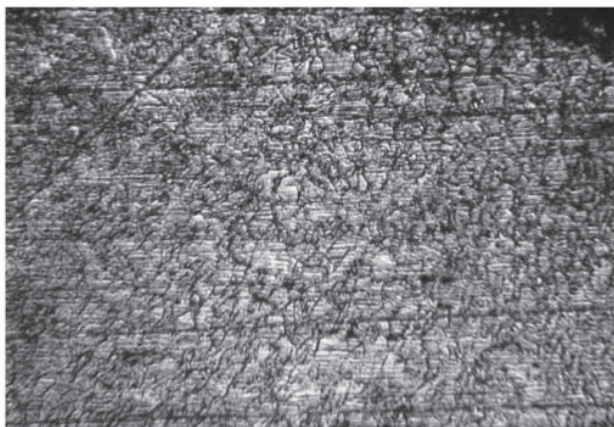

Рис. 4. Структура краевой зоны статера Тейрана (№ 2240). Увеличение 450.

¹³ В RIC приводятся результаты современного эксперимента, демонстрирующего, что применение состава, включающего две части серебра, одну – ртути, одну – соды, дает покрытие, идентичное тому, что было на антонинианах. Эти компоненты были доступны римским монетным дворам. RIC V/1, 8 (note). Однако в составе сплава боспорских статеров ртуть не выявлена, возможно, в связи с ее полным исчезновением при нагревании свыше 750°.

¹⁴ Verboven 2007, 246–249.

¹⁵ Смекалова, Дюков 2001, 91.

¹⁶ Сапрыкина, Гунчина 2017, 276.

¹⁷ Авторы выражают искреннюю признательность сотруднику ГОСНИИР И.Г. Равич за проведение металлографического анализа серии монет из состава Фанагорийского клада 2011 г.

¹⁸ Содержание серебра на поверхности этой монеты по данным РФА составляет 4.98–10.50%.

Вне сомнений, боспорский монетный двор так же находился в русле основных тенденций монетного производства Центральной Империи, Галльской Империи и т.д. по решению проблемы деградации серебряных монет и мог применять разные методы серебрения поверхности статеров.

Результаты анализа химического состава металла статеров последнего года чеканки Рескупорида V, а также Савромата IV и Тейрана, а также проведенные металлографическое и иные исследования позволяют сделать вывод об изменениях в технике изготовления боспорских статеров после 275/276 г. н.э. Стабильно низкое содержание серебра в пределах 5–7% фиксируется практически для всех монет Тейрана, чеканенных в 275/276–278/279 гг. н.э. (столько же, изредка чуть больше, серебра содержат и статеры Савромата IV)¹⁹. Однако имеются отдельные монеты Тейрана, для которых фиксируется заметная вариативность в содержании серебра, по аналогии с монетами Рескупорида V до 267/268 г. н.э. включительно: например, от 5.16 до 18.46% (прил., № 2285). Микроскопическое исследование подобных монет выявило, что на их поверхности сохраняются небольшие по площади участки, отличающиеся сероватым цветом. Картирование элементов для статеров Тейрана (№ 2239, 2240, 2242), выполненное на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker), показало, что место расположения серебра на поверхности соответствует участкам сероватого цвета, зафиксированным визуально. Кроме того, при картировании на поверхности монет были обнаружены относительно большие участки, обогащенные золотом, содержащие повышенное по отношению к общему фону количество серебра²⁰.

Если серебро на поверхности монет Рескупорида V могло быть результатом процесса ликвации серебра на поверхность с последующим рафинированием²¹, редко – плакировки²², то серебро, фиксируемое на поверхности статеров после 275/276 г. н.э., является, по-видимому, следами использования метода горячей плакировки монет серебряной фольгой²³. Косвенно в пользу этого предположения свидетельствуют результаты металлографии, сопоставленные с результатами РФА-анализа и картирования химических элементов на поверхности исследованных монет. Этот метод применялся в римском монетном деле более раннего периода²⁴, а также в чеканке Галльской Империи III в. н.э.²⁵ Предполагается, что отсутствие ртути в результатах анализов монет этого периода косвенно свиде-

¹⁹ Такое содержание серебра статерах Тейрана в целом коррелирует с данными, полученными при анализе поверхности римских монет III–IV вв. н.э., для которых было отмечено частичное истирание верхнего слоя, следствием чего было более низкое процентное содержание серебра на поверхности истертых монет, приобретавшей красноватый оттенок, и более высокое содержание серебра и яркий серебристый внешний вид монет лучшей сохранности. См. Klockenkamper, Bubert, Hasler 1999, 318.

²⁰ Сапрыкина, Пельгунова, Гунчина и др. 2017, 491.

²¹ King, Northover 1997, 72.

²² Предположительно, для монет выпуска 264/265 г. н.э. Сапрыкина, Гунчина и др. 2017, 282.

²³ Эксперимент показал, что прилипание серебряной фольги к медному монетному кружку происходило при температуре 950°. После диффузии серебра в медь образец подвергался холодной проковке, при которой микроструктура и толщина серебряного покрытия реплики точно соответствовали оригиналу. Deraisme, Beck, Pilon, Barrandon 2006, 476–479.

²⁴ Kraft, Flege, Reiff, Ortner, Ensinger 2006, 87–90.

²⁵ Deraisme, Beck, Pilon, Barrandon 2006, 476.

тельствует в пользу использования техники горячей плакировки²⁶. Вероятно, на пантикапейском монетном дворе в 275/276–278/279 гг. н.э. серебряное амальгамирование не применялось²⁷, в то время как в римской чеканке оно зафиксировано начиная с 250 г. н.э.²⁸ и до Диоклетиана²⁹. Таким образом, с 275/276 г. н.э. проблема поддержания номинала боспорского статера решалась, вероятно, покрытием поверхности монеты серебряной фольгой.

Наконец, необходимо отметить, что в чеканке Тейрана, судя по проанализированной выборке из состава Фанагорийского клада 2011 г., исключительно редко встречаются статеры с полным отсутствием серебра в сплаве. Упомянутые статеры из ГИМ № 5266 (275/276 г. н.э.) и № 5270 (276/277 г. н.э.) почти не содержат серебра – соответственно 0.02% и 0.05% – на уровне микропримесей³⁰. Исследование монет из ГЭ показало, что некоторые статеры Тейрана вообще не содержат следов благородных металлов³¹. В Фанагорийском кладе присутствует единственный статер 276/277 г. н.э. (прил., № 2273), содержащий от 85.29% до 88.95% меди и от 10.69 до 14.31% свинца, без серебра. Данный экземпляр связан общим штемпелем л.с. A573/1 с монетами № 2256–2287 со средним содержанием серебра 5–6% в металле; штемпель о.с. R573/4 больше не встречается³². Внешний вид этого статера производит впечатление литого фальсификата; возможно это продукция фальшивомонетчиков³³. В редких экземплярах содержание серебра в статерах Тейрана падает ниже 4% (№ 2356, 2361); в абсолютном же большинстве оно остается на уровне в среднем 5–7%.

ВЫВОДЫ

Проведенное РФА-исследование химического состава металла 160 статеров Тейрана демонстрирует стабильно низкое содержание серебра в сплаве (среднее значение 5–7%, вариации от 5 до 9% в среднем по выборке), что соответствует пропорциям серебра в металле антонинианов римских императоров Центральной Империи, начиная с выпусков Галлиена 260–268 гг., Клавдия II Готского (268–270 гг.)³⁴, а позднее Тацита (275–276 гг.) и Флориана (276 г. н.э.).

По-видимому, выпуски Тейраном статеров в 275/276–278/279 гг. н.э. с содержанием серебра от 5 до 6–9% и серебряным покрытием поверхности монет с помощью фольги, а не методом ликвации драгоценного металла, связаны с историческим фоном и техникой чеканки посеребренных антонинианов Аврелиана,

²⁶ Анализировались монеты Савромата IV № 1868, 2151 и Тейрана № 2239.

²⁷ Этот вопрос требует дальнейших исследований.

²⁸ Vlachou, McDonnell, Janaway 2002.

²⁹ Метод нейтронной активации выявил в пореформенных фоллисах Диоклетиана содержание серебра от 4.3 до 3.4% (в среднем 3.87%). Младшие номиналы меди содержали серебро в меньших пропорциях. Основу сплава составляла медь – 96.2%. См. Sutherland, Harold 1961, 56–61; RIC VI, 94.

³⁰ См. Фролова 1997, 75; табл. XXVI, 6.

³¹ Смекалова, Дюков 2001, 91, 96.

³² Абрамзон, Кузнецов 2017, 88, илл. 23.

³³ Фальшивые античные монеты в боспорских кладах хорошо известны. См. Абрамзон, Фролова 2007–2008, 49. Поддельные антонинианы Постума в кладах так же характеризуются низким содержанием серебра в сплаве – от 0.4 до 4.5%. Deraisme, Beck, Pilon, Barrandon 2006, 471.

³⁴ В антонинианах Галлиена около 6% серебра, Клавдия II – около 4–5%. См. Caley, McBride 1956, 286, table 5; Cope 1969, 144–161.

Тацита и Флориана. Назначение Рескупоридом V сопровителями Савромата IV и Тейрана происходит накануне или во время последнего морского похода, организованного сарматами, аланами и готами из Приазовья в римские провинции в 276 г. н.э.³⁵ Варвары вторглись во Фракию, где потерпели поражение от Тацита, и Малую Азию, вплоть до Киликии, где против них оперировал Флориан. Участники рейда были разбиты на обратном пути у берегов Боспора Киммерийского Тейраном³⁶. Возможно, техника изготовления монет Савромата IV и Тейрана аналогична той что применялась в чеканке Аврелиана, затем Тацита в 275–276 гг. и Флориана в 276 г. н.э., антонинианы которых были сделаны из сплава на медной основе с содержанием серебра в среднем от 2–5 до 9–11% и серебряным покрытием от свыше 19 до 63%.³⁷

Очевидно, что в монетном деле и монетной технике Боспора и Римской империи третьей – начале четвертой четверти III в. н.э. происходят сходные процессы, вызванные общими кризисными причинами, и прежде всего дефицитом серебра для чеканки денег, чтобы обеспечить военные операции против варварских племен, вторгающихся на территории Империи и вассального Боспора. Ко времени Тейрана боспорский статер, сохраняя прежнюю метрологию ауреуса, по серебряному содержанию и технике серебрения поверхности ориентировался на основной римский номинал – антониниан, переживая те же стадии деградации.

Приложение

Химический состав сплава статеров Тейрана

№ п/п	г. н.э.	Место взятия пробы	№ ана- лиза	Ag	Cu	Au	Sn	Pb	As	Sb	Ni
2237	266/267	аверс	2237a	4.50	92.68	0.10	2.28	0.26	0.06	0.09	0.03
		реверс	2237b	4.42	92.77	0.09	2.10	0.46	0.06	0.07	0.04
2238	275/276	аверс	2238a	5.98	92.53	0.04	0.48	0.81	0.00	0.11	0.04
		реверс	2238b	5.27	93.73	0.03	0.51	0.35	0.00	0.07	0.03
2239	275/276	аверс	2239a	4.87	93.86	0.10	0.21	0.82	0.00	0.10	0.04
		реверс	2239b	4.39	94.96	0.07	0.27	0.13	0.06	0.08	0.04
2240	275/276	аверс	2240a	4.98	94.47	0.13	0.12	0.14	0.00	0.12	0.03
		реверс	2240b	10.50	88.57	0.23	0.19	0.23	0.06	0.21	0.00
2241	275/276	аверс	2241a	5.84	92.78	0.04	0.26	0.94	0.00	0.11	0.03
		реверс	2241ac	9.00	89.36	0.06	0.32	1.07	0.00	0.16	0.00
		реверс	2241b	10.16	88.22	0.07	0.36	1.05	0.00	0.14	0.00
2242	275/276	аверс	2242a	5.01	93.71	0.04	0.60	0.52	0.00	0.08	0.04
		реверс	2242b	4.78	94.38	0.04	0.51	0.19	0.00	0.07	0.04
2243	275/276	аверс	2243a	5.24	94.02	0.03	0.31	0.28	0.00	0.09	0.03
		реверс	2243b	5.27	93.73	0.04	0.38	0.45	0.00	0.08	0.04
2244	275/276	аверс	2244a	9.23	89.59	0.21	0.28	0.48	0.08	0.13	0.00
		реверс	2244b	5.59	93.57	0.11	0.23	0.39	0.00	0.07	0.04
2245	275/276	аверс	2245a	6.48	92.83	0.13	0.12	0.19	0.08	0.17	0.00

³⁵ Хайрединова 1994, 522.

³⁶ Абрамзон, Кузнецов 2017, 45.

³⁷ Esty, Equall, Smith 1993, 201-204.

		реверс	2245b	2.95	96.53	0.07	0.18	0.15	0.00	0.08	0.04
2246	275/276	аверс	2246a	4.41	95.00	0.14	0.23	0.11	0.00	0.07	0.05
		реверс	2246b	8.86	90.19	0.16	0.28	0.23	0.07	0.17	0.03
2247	275/276	аверс	2247a	5.50	93.58	0.12	0.39	0.23	0.06	0.08	0.04
		реверс	2247b	5.08	93.89	0.09	0.37	0.41	0.00	0.10	0.05
2248	275/276	аверс	2248a	5.00	94.14	0.12	0.19	0.44	0.00	0.07	0.04
		реверс	2248b	7.04	92.00	0.15	0.17	0.40	0.10	0.12	0.04
2249	275/276	аверс	2249a	7.12	91.82	0.17	0.41	0.37	0.00	0.07	0.04
		реверс	2249b	4.66	94.55	0.10	0.32	0.28	0.00	0.05	0.05
2250	275/276	аверс	2250a	4.83	94.19	0.13	0.44	0.31	0.00	0.07	0.03
		реверс	2250b	4.91	93.99	0.12	0.61	0.26	0.00	0.08	0.04
2251	275/276	аверс	2251a	5.27	93.79	0.11	0.21	0.41	0.07	0.08	0.05
		реверс	2251b	7.41	91.41	0.18	0.39	0.42	0.10	0.08	0.02
2252	275/276	аверс	2252a	3.42	95.80	0.08	0.29	0.28	0.00	0.09	0.04
		реверс	2252b	3.57	95.61	0.08	0.48	0.16	0.00	0.06	0.04
2253	275/276	аверс	2253a	4.94	94.56	0.11	0.11	0.12	0.00	0.12	0.04
		реверс	2253b	9.03	90.04	0.16	0.20	0.25	0.08	0.22	0.02
2254	275/276	аверс	2254a	4.58	94.93	0.09	0.11	0.16	0.00	0.09	0.04
		реверс	2254b	7.49	91.58	0.18	0.18	0.32	0.08	0.16	0.02
2255	275/276	аверс	2255a	5.95	93.30	0.19	0.14	0.25	0.00	0.13	0.03
		реверс	2255b	5.41	93.94	0.14	0.14	0.22	0.00	0.11	0.03
2256	276/277	аверс	2256a	10.77	86.83	0.19	1.00	1.06	0.00	0.11	0.04
		реверс	2256b	5.21	93.54	0.12	0.66	0.37	0.00	0.05	0.05
2257	276/277	аверс	2257a	5.14	93.83	0.13	0.26	0.52	0.00	0.07	0.05
		реверс	2257b	4.79	94.03	0.11	0.31	0.64	0.00	0.08	0.05
2258	276/277	аверс	2258a	4.52	93.90	0.10	0.33	1.02	0.00	0.07	0.06
		реверс	2258b	6.52	92.30	0.13	0.37	0.46	0.08	0.09	0.05
2259	276/277	аверс	2259a	5.71	92.72	0.14	0.71	0.44	0.13	0.07	0.07
		реверс	2259b	5.48	92.93	0.13	0.70	0.53	0.11	0.03	0.08
2260	276/277	аверс	2260a	6.23	92.73	0.15	0.24	0.45	0.09	0.06	0.04
		реверс	2260b	5.28	93.77	0.12	0.20	0.43	0.07	0.07	0.05
2261	276/277	аверс	2261a	6.85	91.40	0.17	0.54	0.76	0.16	0.06	0.07
		реверс	2261b	5.57	93.01	0.11	0.63	0.46	0.12	0.04	0.08
2262	276/277	аверс	2262a	6.69	92.08	0.19	0.31	0.46	0.14	0.07	0.06
		реверс	2262b	6.63	91.78	0.15	0.21	0.99	0.08	0.08	0.08
2263	276/277	аверс	2263a	5.84	92.46	0.15	0.68	0.61	0.12	0.08	0.07
		реверс	2263b	6.44	91.81	0.20	0.81	0.42	0.18	0.10	0.04
2264	276/277	аверс	2264a	7.35	91.00	0.19	0.21	1.04	0.08	0.09	0.04
		реверс	2264bb	5.55	92.35	0.14	0.19	1.62	0.00	0.09	0.06
		реверс	2264bc	15.69	81.23	0.18	0.18	2.51	0.00	0.13	0.05
2265	276/277	аверс	2265a	6.23	92.37	0.12	0.51	0.51	0.13	0.05	0.08
		реверс	2265b	8.18	89.97	0.23	0.60	0.75	0.16	0.07	0.05
2266	276/277	аверс	2266a	4.40	94.29	0.10	0.33	0.76	0.00	0.07	0.05
		реверс	2266b	5.70	93.09	0.16	0.36	0.48	0.07	0.09	0.05
2267	276/277	аверс	2267a	4.86	93.97	0.12	0.65	0.24	0.07	0.05	0.04
		реверс	2267b	4.57	94.01	0.10	0.74	0.50	0.00	0.03	0.06
2268	276/277	аверс	2268ab	10.68	87.78	0.28	0.24	0.82	0.06	0.10	0.04
		реверс	2268ac	11.26	87.16	0.33	0.16	0.83	0.11	0.09	0.06
		реверс	2268b	5.48	93.81	0.11	0.18	0.22	0.08	0.04	0.07
2269	276/277	аверс	2269a	7.21	90.92	0.19	0.63	0.83	0.08	0.09	0.05
		реверс	2269b	5.52	92.93	0.16	0.59	0.63	0.07	0.07	0.04
2270	276/277	аверс	2270a	4.94	93.79	0.10	0.56	0.36	0.12	0.05	0.08

		реверс	2270b	6.05	92.44	0.12	0.69	0.41	0.15	0.07	0.07
2271	276/277	аверс	2271a	8.94	89.26	0.27	0.30	0.99	0.10	0.09	0.05
		реверс	2271bb	8.22	90.02	0.27	0.22	0.99	0.08	0.10	0.09
		реверс	2271bc	11.90	85.58	0.31	0.28	1.75	0.00	0.14	0.04
2272	276/277	аверс	2272a	7.28	91.06	0.17	0.33	0.91	0.11	0.06	0.08
		реверс	2272b	6.26	91.41	0.15	0.33	1.54	0.15	0.09	0.08
2273	276/277	аверс	2273a	0.00	85.29	0.00	0.13	14.31	0.00	0.05	0.14
		реверс	2273b	0.00	88.95	0.00	0.11	10.69	0.00	0.05	0.16
2274	276/277	аверс	2274a	5.55	92.21	0.14	1.49	0.33	0.13	0.08	0.06
		реверс	2274b	5.29	92.66	0.12	1.40	0.25	0.12	0.09	0.07
2275	276/277	аверс	2275a	4.57	92.01	0.09	2.84	0.28	0.06	0.03	0.09
		реверс	2275b	4.62	91.97	0.10	2.78	0.31	0.07	0.06	0.09
2276	276/277	аверс	2276ab	5.79	92.38	0.12	1.05	0.41	0.09	0.08	0.06
		реверс	2276ac	9.42	88.34	0.16	1.03	0.69	0.13	0.08	0.07
		реверс	2276b	6.13	91.78	0.14	1.23	0.43	0.14	0.07	0.05
2277	276/277	аверс	2277a	9.82	88.84	0.22	0.30	0.62	0.06	0.12	0.03
		реверс	2277b	6.55	91.73	0.15	0.21	1.15	0.06	0.12	0.04
2278	276/277	аверс	2278a	7.29	91.28	0.17	0.57	0.56	0.00	0.07	0.06
		реверс	2278b	6.91	91.71	0.16	0.62	0.41	0.07	0.07	0.05
2279	276/277	аверс	2279a	4.86	91.91	0.12	2.68	0.17	0.09	0.06	0.08
		реверс	2279b	3.98	92.55	0.07	2.75	0.40	0.07	0.04	0.10
2280	276/277	аверс	2280a	6.55	91.25	0.15	1.25	0.44	0.20	0.10	0.05
		реверс	2280b	6.52	91.19	0.14	1.29	0.56	0.15	0.07	0.05
2281	276/277	аверс	2281a	5.76	92.74	0.14	0.48	0.70	0.08	0.06	0.04
		реверс	2281b	5.86	92.37	0.14	0.57	0.93	0.00	0.08	0.05
2282	276/277	аверс	2282ab	6.04	91.52	0.20	1.18	0.93	0.00	0.08	0.05
			2282ac	11.29	84.09	0.29	1.29	2.67	0.14	0.13	0.04
		реверс	2282bb	5.69	92.04	0.22	1.03	0.85	0.06	0.07	0.04
		реверс	2282bc	9.24	86.56	0.39	1.39	2.15	0.12	0.10	0.04
2283	276/277	аверс	2283a	5.14	93.79	0.14	0.42	0.34	0.06	0.05	0.06
		реверс	2283b	5.72	92.94	0.16	0.46	0.53	0.09	0.07	0.05
2284	276/277	аверс	2284a	5.79	92.30	0.11	1.18	0.32	0.16	0.07	0.07
		реверс	2284b	6.16	91.83	0.14	1.07	0.52	0.14	0.06	0.08
2285	276/277	аверс	2285a	5.16	93.35	0.12	0.62	0.53	0.09	0.08	0.06
		реверс	2285bb	5.81	92.40	0.13	0.60	0.83	0.08	0.09	0.06
			2286bc	18.46	77.69	0.22	0.78	2.46	0.11	0.22	0.05
2286	276/277	аверс	2286a	5.52	93.01	0.11	0.65	0.53	0.06	0.06	0.05
		реверс	2286b	5.67	93.10	0.14	0.48	0.45	0.06	0.06	0.04
2287	276/277	аверс	2287a	5.34	90.94	0.14	0.62	2.60	0.22	0.08	0.05
		реверс	2287b	4.60	93.85	0.14	0.46	0.64	0.16	0.09	0.06
2288	276/277	аверс	2288a	6.41	92.31	0.13	0.53	0.38	0.11	0.07	0.04
		реверс	2288b	5.96	92.89	0.13	0.47	0.37	0.08	0.06	0.04
2289	276/277	аверс	2289a	6.13	92.78	0.13	0.45	0.28	0.09	0.06	0.05
		реверс	2289b	7.52	91.26	0.17	0.57	0.23	0.11	0.08	0.04
2290	276/277	аверс	2290a	5.93	92.22	0.14	0.87	0.52	0.16	0.08	0.07
		реверс	2290b	4.55	94.28	0.10	0.58	0.25	0.11	0.05	0.08
2291	276/277	аверс	2291a	3.13	95.52	0.07	0.81	0.37	0.00	0.07	0.03
		реверс	2291b	3.97	94.02	0.08	1.00	0.73	0.06	0.08	0.04
2292	276/277	аверс	2292a	6.21	92.61	0.16	0.38	0.46	0.06	0.08	0.04
		реверс	2292b	7.59	91.27	0.21	0.41	0.35	0.06	0.06	0.04
2293	276/277	аверс	2293a	6.85	92.07	0.19	0.45	0.29	0.07	0.08	0.00
		реверс	2293b	5.65	93.39	0.14	0.35	0.31	0.07	0.06	0.03

2294	276/277	аверс	2294a	4.42	94.27	0.10	0.63	0.40	0.06	0.05	0.05
		реверс	2294b	4.49	94.13	0.10	0.72	0.36	0.06	0.05	0.05
2295	276/277	аверс	2295a	6.97	91.58	0.17	0.54	0.44	0.06	0.06	0.00
		реверс	2295b	6.87	91.79	0.16	0.49	0.46	0.08	0.07	0.03
2296	276/277	аверс	2296a	6.46	92.43	0.14	0.49	0.26	0.12	0.07	0.03
		реверс	2296b	5.91	93.10	0.14	0.45	0.24	0.07	0.05	0.04
2297	276/277	аверс	2297a	6.00	93.00	0.12	0.44	0.24	0.09	0.06	0.04
		реверс	2297b	7.77	90.99	0.22	0.50	0.35	0.06	0.07	0.04
2298	276/277	аверс	2298a	4.33	94.65	0.11	0.44	0.29	0.07	0.05	0.05
		реверс	2298b	4.10	95.12	0.11	0.31	0.19	0.07	0.05	0.05
2299	276/277	аверс	2299a	6.80	92.25	0.18	0.21	0.37	0.09	0.06	0.04
		реверс	2299b	6.09	92.81	0.14	0.19	0.59	0.06	0.07	0.05
2300	276/277	аверс	2300a	6.82	92.12	0.20	0.32	0.35	0.10	0.05	0.04
		реверс	2300b	5.89	93.16	0.13	0.24	0.38	0.08	0.08	0.06
2301	276/277	аверс	2301a	6.07	92.33	0.14	0.56	0.67	0.09	0.06	0.08
		реверс	2301b	5.95	92.49	0.17	0.61	0.56	0.10	0.05	0.08
2302	276/277	аверс	2302a	3.86	94.89	0.08	0.59	0.36	0.08	0.07	0.06
		реверс	2302bb	3.78	94.99	0.08	0.58	0.35	0.10	0.07	0.05
			2302bc	13.99	81.96	0.19	0.80	2.72	0.12	0.12	0.04
2303	276/277	аверс	2303a	3.89	93.46	0.08	1.86	0.54	0.06	0.05	0.05
		реверс	2303b	3.65	93.82	0.06	1.66	0.60	0.09	0.06	0.06
2304	276/277	аверс	2304a	5.08	93.85	0.12	0.44	0.36	0.06	0.04	0.06
		реверс	2304b	5.61	92.64	0.14	0.51	0.98	0.00	0.06	0.06
2305	276/277	аверс	2305a	3.93	94.52	0.10	0.76	0.48	0.10	0.07	0.06
		реверс	2305b	4.17	94.64	0.08	0.66	0.23	0.09	0.07	0.06
2306	276/277	аверс	2306a	4.82	94.01	0.13	0.46	0.36	0.12	0.06	0.04
		реверс	2306b	3.91	94.68	0.08	0.43	0.71	0.07	0.05	0.07
2307	276/277	аверс	2307a	6.73	91.52	0.15	0.97	0.35	0.11	0.11	0.04
		реверс	2307b	6.36	92.15	0.14	0.90	0.21	0.10	0.09	0.03
2308	276/277	аверс	2308a	5.03	93.61	0.13	0.64	0.26	0.22	0.05	0.06
		реверс	2308b	6.03	92.15	0.18	0.80	0.50	0.23	0.07	0.06
2309	276/277	аверс	2309a	6.85	91.90	0.23	0.19	0.47	0.24	0.08	0.04
		реверс	2309b	4.95	94.27	0.12	0.21	0.18	0.15	0.05	0.06
2310	276/277	аверс	2310a	7.44	90.26	0.20	1.09	0.60	0.29	0.08	0.03
		реверс	2310b	5.73	92.15	0.12	1.05	0.57	0.23	0.07	0.06
2311	276/277	аверс	2311a	7.04	90.62	0.16	1.11	0.60	0.32	0.07	0.06
		реверс	2311b	7.63	89.81	0.15	1.27	0.65	0.33	0.08	0.05
2312	276/277	аверс	2312a	5.67	92.55	0.12	0.52	0.91	0.10	0.07	0.06
		реверс	2312b	6.88	91.31	0.17	0.47	0.85	0.17	0.08	0.05
2313	276/277	аверс	2313a	6.99	91.22	0.17	0.17	0.78	0.00	0.15	0.00
		реверс	2313bb	5.61	93.10	0.14	0.58	0.35	0.10	0.07	0.04
			2313bc	14.53	82.07	0.30	0.96	1.71	0.14	0.16	0.05
2314	276/277	аверс	2314a	7.08	91.58	0.16	0.61	0.39	0.07	0.07	0.05
		реверс	2314b	7.43	91.25	0.18	0.48	0.48	0.06	0.08	0.04
2315	276/277	аверс	2315a	5.92	92.65	0.15	0.85	0.20	0.11	0.08	0.04
		реверс	2315b	6.54	92.22	0.15	0.70	0.20	0.09	0.06	0.04
2316	276/277	аверс	2316a	5.17	93.06	0.12	0.68	0.71	0.09	0.10	0.05
		реверс	2316b	5.10	93.52	0.11	0.64	0.45	0.07	0.07	0.05
2317	276/277	аверс	2317a	7.53	90.67	0.16	0.99	0.54	0.00	0.06	0.04
		реверс	2317b	6.73	91.71	0.15	1.07	0.23	0.00	0.06	0.05
2318	276/277	аверс	2318a	5.58	92.17	0.11	1.62	0.22	0.07	0.09	0.08
		реверс	2318b	5.17	92.10	0.09	1.94	0.40	0.10	0.09	0.07

2319	276/277	аверс	2319a	6.14	92.20	0.12	0.80	0.55	0.06	0.07	0.05
		реверс	2319b	7.22	91.54	0.15	0.69	0.29	0.00	0.06	0.05
2320	276/277	аверс	2320a	4.32	92.77	0.08	1.74	0.83	0.11	0.05	0.06
		реверс	2320b	4.46	93.28	0.08	1.49	0.37	0.12	0.05	0.06
2321	276/277	аверс	2321a	3.72	95.30	0.07	0.23	0.53	0.00	0.09	0.06
		реверс	2321b	6.64	91.76	0.12	0.44	0.81	0.06	0.15	0.03
2322	276/277	аверс	2322a	5.64	93.02	0.13	0.57	0.34	0.17	0.07	0.06
		реверс	2322b	5.64	92.99	0.12	0.61	0.37	0.17	0.04	0.06
2323	276/277	аверс	2323a	6.52	92.06	0.17	0.57	0.37	0.19	0.06	0.05
		реверс	2323b	6.69	91.75	0.14	0.65	0.49	0.17	0.07	0.05
2324	276/277	аверс	2324a	5.36	93.15	0.11	0.73	0.45	0.10	0.04	0.06
		реверс	2324b	4.90	93.62	0.10	0.78	0.39	0.09	0.05	0.08
2325	276/277	аверс	2325a	2.22	97.13	0.04	0.33	0.16	0.00	0.07	0.04
		реверс	2325b	2.15	97.12	0.04	0.29	0.31	0.00	0.06	0.04
2326	276/277	аверс	2326a	4.84	94.18	0.10	0.57	0.09	0.10	0.08	0.05
		реверс	2326b	5.65	93.23	0.14	0.57	0.19	0.09	0.08	0.04
2327	276/277	аверс	2327a	6.41	92.33	0.16	0.53	0.38	0.11	0.08	0.00
		реверс	2327b	5.07	94.00	0.11	0.42	0.20	0.10	0.07	0.05
2328	276/277	аверс	2328a	5.95	92.82	0.16	0.55	0.30	0.10	0.08	0.05
		реверс	2328b	6.30	92.38	0.17	0.63	0.38	0.00	0.11	0.03
2329	276/277	аверс	2329a	5.02	93.93	0.11	0.34	0.42	0.07	0.08	0.04
		реверс	2329b	5.44	93.49	0.13	0.36	0.40	0.06	0.08	0.04
2330	276/277	аверс	2330a	5.44	93.03	0.13	0.91	0.22	0.13	0.08	0.06
		реверс	2330b	5.38	93.33	0.11	0.74	0.16	0.12	0.10	0.04
2331	276/277	аверс	2331a	5.71	93.71	0.13	0.13	0.21	0.00	0.07	0.04
		реверс	2331b	9.93	89.21	0.22	0.16	0.25	0.11	0.11	0.00
2332	276/277	аверс	2332a	6.15	92.53	0.11	0.76	0.26	0.08	0.08	0.04
		реверс	2332b	7.27	91.37	0.17	0.71	0.31	0.08	0.10	0.00
2333	276/277	аверс	2333a	6.30	93.10	0.19	0.10	0.17	0.00	0.09	0.05
		реверс	2333b	8.17	91.12	0.21	0.16	0.17	0.06	0.11	0.00
2334	276/277	аверс	2334a	6.49	92.61	0.15	0.12	0.47	0.00	0.13	0.03
		реверс	2334b	8.58	90.32	0.19	0.22	0.42	0.11	0.14	0.03
2335	277/278	аверс	2335a	5.17	93.75	0.11	0.58	0.27	0.00	0.06	0.04
		реверс	2335b	4.20	94.83	0.10	0.58	0.15	0.00	0.07	0.04
2336	277/278	аверс	2336a	4.03	94.69	0.09	0.74	0.23	0.00	0.07	0.05
		реверс	2336b	3.72	95.13	0.09	0.69	0.14	0.06	0.06	0.06
2337	277/278	аверс	2337a	6.07	92.13	0.13	1.01	0.32	0.12	0.09	0.05
		реверс	2337b	6.20	91.92	0.12	1.04	0.35	0.10	0.10	0.05
2338	277/278	аверс	2338a	5.17	93.25	0.11	0.77	0.14	0.10	0.09	0.04
		реверс	2338b	5.88	91.95	0.16	1.11	0.29	0.14	0.10	0.04
2339	277/278	аверс	2339a	5.83	92.12	0.13	1.03	0.26	0.11	0.08	0.04
		реверс	2339b	6.26	91.81	0.13	0.92	0.34	0.12	0.10	0.04
2340	277/278	аверс	2340a	5.21	93.36	0.11	0.76	0.35	0.07	0.06	0.06
		реверс	2340b	5.17	93.47	0.15	0.77	0.22	0.08	0.07	0.06
2341	277/278	аверс	2341a	4.32	94.58	0.12	0.20	0.65	0.00	0.08	0.05
		реверс	2341b	4.94	93.82	0.13	0.29	0.70	0.00	0.07	0.05
2342	277/278	аверс	2342a	4.92	93.90	0.12	0.59	0.27	0.08	0.08	0.04
		реверс	2342b	4.26	94.77	0.09	0.53	0.15	0.08	0.06	0.06
2343	277/278	аверс	2343a	5.11	92.97	0.16	1.14	0.39	0.14	0.05	0.05
		реверс	2343b	5.02	93.20	0.13	1.03	0.38	0.14	0.06	0.05
2344	278/279	аверс	2344a	5.20	92.09	0.10	1.66	0.73	0.08	0.06	0.05
		реверс	2344b	5.97	90.72	0.12	1.98	0.87	0.16	0.10	0.05

2345	278/279	аверс	2345a	6.97	91.96	0.16	0.29	0.39	0.12	0.07	0.05
		реверс	2345b	6.32	92.51	0.14	0.38	0.42	0.12	0.08	0.03
2346	278/279	аверс	2346a	3.88	93.70	0.06	1.48	0.50	0.11	0.06	0.07
		реверс	2346b	4.10	93.53	0.07	1.48	0.40	0.12	0.08	0.08
2347	278/279	аверс	2347a	3.67	95.04	0.09	0.79	0.22	0.10	0.06	0.04
		реверс	2347b	4.73	93.54	0.11	0.96	0.44	0.09	0.06	0.05
2348	278/279	аверс	2348a	5.40	93.57	0.12	0.12	0.29	0.37	0.09	0.04
		реверс	2348b	3.91	95.10	0.08	0.11	0.46	0.23	0.06	0.06
2349	278/279	аверс	2349a	4.12	94.80	0.09	0.44	0.18	0.24	0.06	0.05
		реверс	2349b	4.24	94.66	0.09	0.43	0.23	0.25	0.05	0.05
2350	278/279	аверс	2350a	4.29	94.20	0.11	0.89	0.23	0.13	0.09	0.04
		реверс	2350b	4.01	94.56	0.09	0.79	0.34	0.07	0.05	0.05
2351	278/279	аверс	2351a	5.47	92.26	0.11	1.55	0.35	0.11	0.09	0.04
		реверс	2351b	6.56	91.09	0.16	1.54	0.36	0.16	0.09	0.03
2352	278/279	аверс	2352a	4.95	93.61	0.12	0.90	0.21	0.09	0.07	0.05
		реверс	2352b	5.23	92.92	0.13	0.98	0.53	0.07	0.07	0.06
2353	278/279	аверс	2353a	6.81	91.96	0.17	0.39	0.53	0.06	0.07	0.00
		реверс	2353b	5.34	93.31	0.14	0.25	0.87	0.00	0.06	0.03
2354	278/279	аверс	2354a	6.63	92.32	0.18	0.11	0.38	0.26	0.07	0.04
		реверс	2354b	4.77	94.23	0.12	0.10	0.38	0.27	0.07	0.06
2355	278/279	аверс	2355a	5.65	93.66	0.13	0.31	0.21	0.00	0.03	0.02
		реверс	2355b	6.09	92.95	0.18	0.32	0.32	0.08	0.05	0.03
2356	278/279	аверс	2356a	3.69	94.92	0.10	0.74	0.25	0.17	0.06	0.08
		реверс	2356b	3.88	94.70	0.10	0.73	0.30	0.17	0.05	0.07
2357	278/279	аверс	2357a	3.75	94.14	0.09	0.87	0.85	0.17	0.06	0.08
		реверс	2357b	4.02	94.40	0.09	0.76	0.43	0.16	0.07	0.07
2358	278/279	аверс	2358a	7.03	91.39	0.17	0.51	0.73	0.09	0.05	0.03
		реверс	2358b	5.38	92.88	0.14	0.40	1.01	0.06	0.09	0.04
2359	278/279	аверс	2359a	5.33	93.59	0.15	0.22	0.32	0.26	0.09	0.04
		реверс	2359b	3.05	96.02	0.08	0.22	0.45	0.08	0.04	0.06
2360	278/279	аверс	2360a	4.07	94.68	0.08	0.60	0.30	0.12	0.07	0.06
		реверс	2360b	4.16	94.72	0.10	0.51	0.26	0.14	0.07	0.05
2361	278/279	аверс	2361a	3.82	94.83	0.08	0.55	0.43	0.17	0.06	0.08
		реверс	2361b	3.68	95.30	0.09	0.41	0.27	0.14	0.04	0.06
2362	278/279	аверс	2362a	4.64	93.28	0.12	0.44	1.36	0.00	0.08	0.08
		реверс	2362b	3.65	95.06	0.08	0.49	0.51	0.10	0.04	0.08
2363	278/279	аверс	2363a	5.35	93.52	0.17	0.32	0.39	0.14	0.07	0.03
		реверс	2363b	5.40	93.10	0.14	0.39	0.78	0.09	0.08	0.03
2364	278/279	аверс	2364a	5.80	92.52	0.16	0.82	0.49	0.13	0.06	0.00
		реверс	2364b	3.99	94.70	0.09	0.68	0.30	0.13	0.05	0.06
2365	278/279	аверс	2365a	4.75	93.90	0.11	0.73	0.31	0.09	0.06	0.05
		реверс	2365b	4.78	93.68	0.10	0.88	0.29	0.12	0.09	0.05
2366	278/279	аверс	2366a	4.39	94.30	0.12	0.27	0.63	0.16	0.06	0.07
		реверс	2366b	4.97	93.99	0.16	0.36	0.20	0.20	0.06	0.05
2367	278/279	аверс	2367a	5.34	93.72	0.15	0.26	0.31	0.18	0.06	0.00
		реверс	2367b	4.02	95.08	0.09	0.24	0.20	0.27	0.05	0.05
2368	278/279	аверс	2368a	4.29	94.65	0.09	0.41	0.21	0.24	0.05	0.05
		реверс	2368b	4.50	94.24	0.12	0.41	0.43	0.17	0.07	0.06
2369	278/279	аверс	2369a	6.09	92.63	0.13	0.49	0.15	0.42	0.07	0.03
		реверс	2369b	4.35	94.68	0.10	0.20	0.36	0.19	0.05	0.06
2370	278/279	аверс	2370a	4.37	94.52	0.11	0.15	0.51	0.21	0.08	0.05
		реверс	2370b	4.95	94.08	0.13	0.14	0.31	0.26	0.09	0.04

2371	278/279	аверс	2371a	5.45	92.94	0.13	0.90	0.28	0.19	0.07	0.05
		реверс	2371b	4.60	93.70	0.10	0.86	0.43	0.23	0.04	0.04
2372	278/279	аверс	2372a	5.76	92.73	0.13	0.77	0.35	0.15	0.07	0.04
		реверс	2372b	5.19	92.99	0.10	0.98	0.45	0.18	0.06	0.04
2373	278/279	аверс	2373a	7.96	90.69	0.19	0.16	0.75	0.15	0.08	0.03
		реверс	2373b	4.27	95.05	0.10	0.17	0.18	0.15	0.05	0.04
2374	278/279	аверс	2374a	5.61	92.18	0.10	1.56	0.32	0.12	0.07	0.04
		реверс	2374b	5.70	92.15	0.15	1.47	0.29	0.13	0.06	0.05
2375	278/279	аверс	2375a	6.65	90.74	0.17	1.63	0.50	0.17	0.10	0.04
		реверс	2375b	6.98	90.78	0.14	1.48	0.35	0.13	0.08	0.05
2376	278/279	аверс	2376a	5.62	92.42	0.13	1.05	0.45	0.20	0.10	0.04
		реверс	2376b	6.20	91.82	0.15	1.06	0.43	0.22	0.08	0.03
2377	278/279	аверс	2377a	7.03	92.00	0.19	0.30	0.11	0.27	0.06	0.04
		реверс	2377b	5.13	93.94	0.11	0.23	0.38	0.10	0.06	0.05
2378	278/279	аверс	2378a	5.15	93.77	0.12	0.07	0.21	0.56	0.05	0.07
		реверс	2378b	4.53	94.49	0.10	0.06	0.15	0.56	0.04	0.06
2379	278/279	аверс	2379a	7.72	91.06	0.16	0.08	0.16	0.70	0.08	0.04
		реверс	2379b	4.27	94.95	0.09	0.06	0.13	0.39	0.04	0.07
2380	278/279	аверс	2380a	5.27	94.01	0.15	0.10	0.07	0.33	0.03	0.04
		реверс	2380b	4.75	94.55	0.16	0.07	0.09	0.29	0.03	0.05
2381	278/279	аверс	2381a	6.12	92.75	0.16	0.14	0.16	0.55	0.06	0.05
		реверс	2381b	4.80	94.32	0.11	0.10	0.14	0.44	0.04	0.05
2382	278/279	аверс	2382a	6.16	91.87	0.18	0.80	0.64	0.24	0.07	0.03
		реверс	2382b	6.01	92.13	0.15	0.74	0.62	0.24	0.07	0.03
2383	278/279	аверс	2383a	5.00	94.18	0.12	0.08	0.25	0.25	0.07	0.05
		реверс	2383b	5.83	93.27	0.17	0.14	0.24	0.25	0.06	0.04
2384	278/279	аверс	2384a	5.35	93.37	0.11	0.57	0.40	0.08	0.07	0.05
		реверс	2384b	5.01	93.94	0.12	0.52	0.19	0.09	0.07	0.05
2385	278/279	аверс	2385a	3.88	95.20	0.08	0.15	0.47	0.13	0.04	0.05
		реверс	2385b	5.96	92.81	0.13	0.21	0.54	0.22	0.08	0.04
2386	278/279	аверс	2386a	6.55	91.87	0.17	0.94	0.24	0.11	0.07	0.05
		реверс	2386b	6.13	92.40	0.13	0.81	0.29	0.12	0.06	0.05
2387	278/279	аверс	2387a	4.30	93.96	0.12	0.71	0.66	0.11	0.08	0.06
		реверс	2387b	3.61	95.05	0.08	0.80	0.21	0.13	0.06	0.06
2388	278/279	аверс	2388a	5.14	93.11	0.14	0.59	0.63	0.28	0.06	0.04
		реверс	2388b	6.58	90.44	0.15	1.11	1.46	0.18	0.04	0.04
2389	278/279	аверс	2389a	5.73	92.29	0.16	1.13	0.34	0.22	0.11	0.03
		реверс	2389b	3.97	94.45	0.09	0.99	0.21	0.19	0.06	0.05
2390	278/279	аверс	2390a	4.66	94.47	0.09	0.10	0.13	0.41	0.05	0.06
		реверс	2390b	4.95	94.14	0.11	0.11	0.17	0.43	0.03	0.07
2391	278/279	аверс	2391a	7.41	91.58	0.20	0.08	0.29	0.33	0.07	0.04
		реверс	2391b	9.00	89.67	0.19	0.10	0.20	0.70	0.10	0.04
2392	278/279	аверс	2392a	7.26	91.50	0.20	0.16	0.20	0.59	0.06	0.04
		реверс	2392b	6.05	92.79	0.21	0.12	0.24	0.43	0.08	0.08
2393	278/279	аверс	2393a	9.24	89.29	0.17	0.14	0.24	0.82	0.08	0.03
		реверс	2393b	7.66	90.99	0.23	0.13	0.38	0.52	0.06	0.04
2394	278/279	аверс	2394a	4.60	94.83	0.13	0.09	0.07	0.22	0.02	0.05
		реверс	2394b	5.28	93.95	0.15	0.10	0.15	0.28	0.04	0.05
2395	278/279	аверс	2395a	6.19	92.95	0.16	0.10	0.20	0.29	0.06	0.05
		реверс	2395b	5.92	93.31	0.12	0.09	0.16	0.27	0.05	0.03
2396	278/279	аверс	2396a	7.39	91.34	0.14	0.11	0.19	0.73	0.06	0.05
		реверс	2396b	4.84	94.26	0.10	0.07	0.16	0.46	0.04	0.05

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Гунчина, О.Л. 2016а: Исследование монетного сплава боспорских статеров III–IV вв. н.э. методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF) (по материалам крупнейшего клада из раскопок Фанагории). В сб.: *Первый Российский кристаллографический конгресс. От конвергенции наук к природоподобным технологиям. Москва, ВДНХ, 21–26 ноября 2016 г. Сборник тезисов*. М., 279.
- Абрамзон, М.Г., Гунчина, О.Л. 2016б: Содержание серебра в статерах Рескупорида V 242/243–257/258 гг. н.э.: исследование методом рентгеновской флуоресцентной спектроскопии (XRF). *ПИФК* 4, 280–329.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2014: Клад боспорских статеров III–IV вв. из Фанагории (2011 год). *ВДИ* 4, 56–86.
- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2017: *Клад позднебоспорских статеров из Фанагории (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 5)*. М.
- Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008: *Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.)* (БИ. Suppl. 2), 580–596.
- Сапрыкина, И.А., Гунчина, О.Л. 2017: Химический состав металла боспорских статеров Фанагорийского клада 2011 г. В кн.: Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2017, 272–483.
- Сапрыкина, И.А., Пельгунова, Л.А., Гунчина, О.Л., Равич, И.Г., Кичанов, С.Е., Козленко, Д.П., Назаров, К.М. 2017: Некоторые замечания о технике изготовления боспорских статеров из Фанагорийского клада 2011 г. В кн.: Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2017, 484–493.
- Смекалова, Т.Н., Дюков, Ю.Л. 2001: *Монетные сплавы государств Северного Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира*. СПб.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. II. М.
- Хайрединова, Э.А. 1994: Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. *МАИЭТ* IV, 517–527.
- Caley, E.R.; McBride, H.D. 1956: Chemical Composition of Antoniniani of Trajan Decius, Trebonianus Gallus, and Valerian. *The Ohio Journal of Science* 56.5 (September), 285–289.
- Cope, L. A. 1969: The Nadir of the Imperial Antoninianus in the Reign of Claudius II Gothicus, A.D. 268–270. *NC* 7th Ser. 9, 144–161.
- Deraisme, A., Beck, L., Pilon, F., Barrandon, J.-N. 2006: A Study of the Silvering Process of the Gallo-Roman Coins Forged during the Third Century A.D., *Archaeometry* 48 (3), 464–480.
- Esty, W., Equall, N., Smith, R.J. 1993: The Alloy of the 'XI' Coins of Tacitus. *NC* 153, 201–204.
- King C.E. 1989: The Alloy Content of the Antoninianus, A.D. 253–268. In: Carradice I.A. et al. (eds.), *Proceedings of the 10th International Congress of Numismatics, London, 1986*. Wetteren, 289–292.
- King, C.E., Northover, J.P. 1997: Ashmolean, British Museum and Neftenbach Hoard Analyses. In: L.H. Cope, C.E. King, J.P. Northover, T. Clay (eds.), *Metal Analyses of Roman Coins Minted under Empire* (British Museum Occasional Paper 120), 67–154.
- Klockenkamper, R., Bubert, H., Hasler, K. 1991: Detection of Near-surface Silver Enrichment on Roman Imperial Silver Coins by X-ray Spectral Analysis. *Archaeometry* 41.2, 311–320.
- Kraft, G., Flege, S., Reiff, F., Ortner, H.M., Ensinger, W. 2006: EPMA Investigation of Roman Coin Silvering Techniques, *Microchim Acta* 155, 179–182.
- Sutherland, S.H.V., Harold, M.R. 1961: The Silver Content of Diocletian's Early Post-reform Copper Coins. *Archaeometry* 4, 56–61.
- Verboven, K. 2007: Demise and Fall of the Augustan monetary system, in: O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (eds.), *Crisis and the Roman Empire*. Leiden–Boston, 245–257.
- Vlachou, C., McDonnell, J.G., Janaway, R.C. 2002: Experimental Investigation of Silvering in Late Roman coinage. In: *Material Research Society Symposia Proceedings*. Vol. 712, 461–470.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet*. T. I. (1834–2005 gg.). [A corpus of the Bosporan hoards of ancient coins. Vol. I. (1834–2005)]. (*Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies]. Supplementum. 2). Simferopol–Kerch.
- Abramzon, M.G., Gunchina, O.L. 2016a: Issledovanie monetnogo splava bosporskikh staterov III–IV vv. n.eh. metodom rentgenovskoy fluorescentnoy spetskopii (XRF) (po materialam krupneyshego klada iz raskopok Fanagorii) [A study of the Bosporan stater alloy of the 3rd–beginning of the 4th century BC by X-ray spectral analysis (on materials of the largest hoard from the excavations at Phanagoria)]. In: *Pervyy Rossiyskiy kristallograficheskiy kongress. Ot konvergentsii nauk k prirodopodobnym tekhnologiyam*. Moskva, VDNH, 21–26 noyabrya 2016 g. Sbornik tezisev [The First Russian Crystallographic Congress. From the Sciences that resemble natural ones to the technology convergence. Moscow, VDNKH, 21–26 November 2016. Abstracts]. Moscow, 279.
- Abramzon, M.G., Gunchina, O.L. 2016b: Soderzhanie serebra v staterakh Reskuporida V 242/243–257/258 gg. n. e.: issledovanie metodom rentgenovskoy fluorescentnoy spetskopii (XRF) [The silver content of Phescuporis V's stater of AD 242/243–257/258 (a study by X-ray spectroscopy)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 280–329.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2014: Klad bosporskikh staterov III–IV vv. n. e. iz Fanagorii (2011 god) [A hoard of the 3rd–4th centuries AD Bosporan stater from Phanagoria (2011)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 56–86.
- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2017: *Klad pozdnebosporskikh staterov iz Fanagorii* [A Hoard of Late Bosporan Staters from Phanagoria] (*Fanagoriya. Rezul'taty arkhologicheskikh issledovaniy* [Phanagoria. Results of archaeological studies]. Vol. 5). Moscow.
- Caley, E.R.; McBride, H.D. 1956: Chemical Composition of Antoniniani of Trajan Decius, Trebonianus Gallus, and Valerian. *The Ohio Journal of Science* 56.5 (September), 285–289.
- Cope, L. A. 1969: The Nadir of the Imperial Antoninianus in the Reign of Claudius II Gothicus, A.D. 268–270. *NC* 7th Ser. 9, 144–161.
- Deraisme, A., Beck, L., Pilon, F., Barrandon, J.-N. 2006: A Study of the Silvering Process of the Gallo-Roman Coins Forged during the Third Century A.D., *Archaeometry* 48 (3), 464–480.
- Esty, W., Equall, N., Smith, R.J. 1993: The Alloy of the 'XI' Coins of Tacitus. *NC* 153, 201–204.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – seredina IV v. n.e.)*. [The Bosporan coinage (the mid-1st century BC – mid-4th century AD)]. Vol. II. Moscow.
- Khayredinova, E.A. 1994: Bospor i morskie pokhody varvarov vtoroy poloviny III v. n.e. [The Bosporus and raids of barbarian during the second half of the 3rd century AD]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials of the Archaeology, History and Ethnography of Taurii] IV, 517–527.
- King C.E. 1989: The Alloy Content of the Antoninianus, A.D. 253–268. In: Carradice I.A. et al. (eds.), *Proceedings of the 10th International Congress of Numismatics, London, 1986*. Wetteren, 289–292.
- King, C.E., Northover, J.P. 1997: Ashmolean, British Museum and Neftenbach Hoard Analyses, in: L.H. Cope, C.E. King, J.P. Northover, T. Clay (eds.), *Metal Analyses of Roman Coins Minted under Empire* (British Museum Occasional Paper 120), 67–154.
- Klockenkamper, R., Bubert, H., Hasler, K. 1991: Detection of Near-surface Silver Enrichment on Roman Imperial Silver Coins by X-ray Spectral Analysis. *Archaeometry* 41.2, 311–320.
- Kraft, G., Flege, S., Reiff, F., Ortner, H.M., Ensinger, W. 2006: EPMA Investigation of Roman Coin Silvering Techniques, *Microchim Acta* 155, 179–182.
- Saprykina, I.A., Gunchina, O.L. 2017: Khimicheskiy sostav metalla bosporskikh staterov Fanagoriyskogo klada 2011 g. [Chemical composition of the metal of Bosporan stater from the 2011 Phanagorian Hoard]. In: Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2017, 272–483.

- Saprykina, I.A., Pelgunova, L.A., Gunchina, O.L., Ravich, I.G., Kichanov, S.E., Kozlenko, D.P., Nazarov, K.M. 2017: *Nekotorye zamechaniya o tekhnike izgotovleniya bosporskikh staterov iz Fanagoriyskogo klada 2011 g.* [Some notes on the technology of production of the Bosporan staters from the 2011 Phanagorian Hoard] In: Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2017, 484–493.
- Smekalova, T.N., Dyukov, Yu.L. 2001: *Monetnye splavy gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya: Bospor, Ol'viya, Tira* [Coinage alloys of the North Black Sea states: Bosporus, Olbia, Tyra]. Saint Petersburg.
- Sutherland, S.H.V., Harold, M.R. 1961: The Silver Content of Diocletian's Early Post-reform Copper Coins. *Archaeometry* 4, 56–61.
- Verboven, K. 2007: Demise and Fall of the Augustan monetary system, in: O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (eds.), *Crisis and the Roman Empire*. Leiden–Boston, 245–257.
- Vlachou, C., McDonnell, J.G., Janaway, R.C. 2002: Experimental Investigation of Silvering in Late Roman coinage. In: *Material Research Society Symposia Proceedings*. Vol. 712, 461–470.

A STUDY OF SILVER CONTENT AND SURFACE-SILVERING OF TEIRANES' STATERS

Mikhail G. Abramzon*, Olga L. Gunchina**, Irina A. Saprykina***

* *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*
abramzon-m@mail.ru

** *State Historical and Archaeological Reserve "Phanagoria", Sennoy, Russia*
gunchino@mail.ru

*** *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
dolmen200@mail.ru

Abstract. This paper deals with the results of detection of 161 Teiranes' staters from the 2011 Phanagorian hoard by X-ray spectral analysis. This is the largest homogeneous assemblage of Teiranes' coins. One purpose of present investigation was to determine the original silver content of alloy. The other was to ascertain the silvering technology used by the Pantikapaion mint after AD 275/276. The investigation showed the poor silver content of the Teiranes' staters varying, with an average, between 5 and 6–9%. These staters are comparable with the antoniniani of Aurelian, Tacitus and Florian in respect of their percentages of silver and silver coating. The Teiranes' staters and the synchronous Roman antoniniani were struck in alloy, which contained bronze and small amount (3–4% and sometimes little more) of silver, and were covered with a thin wash of silver. This thin wash wore off soon, and coins looked that of mere bronze. The new data show clearly that the Pantikapaion mint followed the Roman trend in solving the problem of silver coin nadir; it could apply different techniques of silvering. It is especially obvious for the coinages of Sauromates IV and Teiranes.

The investigation showed that if the low-silver Rhescuporis' V staters do not bear any traces of surface-silvering, then the Teiranes' staters had more less silver percentage in alloy and suffered the process for silvering. Their plating was probably obtained by combination of wrapping of blanks in a silver foil heated to at least 950° and then cold striking.

Keywords: Bosporus, Teiranes, coin production, technical aspects, silver-plated staters, XRF, silvering process

РИМСКАЯ ПОЛИТИКА В СЕВЕРНОМ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СЕРЕДИНЕ I в. н.э.

Н.И. Винокуров*, С.М. Крыкин**

**Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*
vinokurovn@list.ru

***Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*
smkrykin@mail.ru

Аннотация. Середина 40-х гг. I в. н.э. в римской истории отмечена несколькими интересными событиями. Царство фракийцев стало римской провинцией. В Крыму высадились римские войска и участвовали в свержении законного царя Боспора. Правителями Фракии и Боспора оказались родственники и вели они себя похоже. Как представляется, между двумя акциями римлян в Причерноморье существовала тесная взаимосвязь.

Общество фракийцев развивалось на Балканах параллельно и одновременно с античной эллинской цивилизацией. В понимании полисных греков фракийцы были варварами. Спустя века ученые-историки объявляли Фракию частью первобытной периферии передового античного мира, отсталой областью с людьми грубых нравов, воинственными разбойниками. Новейшие исследования территорий скифов и гуннов доказывают, что некоторые народы древности (и потом средневековья) могли существовать по иным правилам и принципам. Их общества, поселения, экономика, система ценностей были иными, не похожими на греческие или римские типажи.

Экономика древней Фракии базировалась на сельском хозяйстве, в котором развитие скотоводства компенсировало относительную слабость экстенсивного земледелия. Такая экономика не могла стать рыночной и ограничивала демографические ресурсы фракийского общества. Побочными промыслами вынужденно являлись разбой, война, наемничество.

Ключевые слова: Рим, Боспор, Фракия, боспоро-римская война

В конце 30-х гг. I в. н.э. после временной стабилизации политической и военной ситуации на северо-западе Причерноморья произошли события, которые охватили не только земли, населенные европейскими фракийцами, но и другие территории, где уже давно находились выходцы из Фракии. Эти события связаны с военным подавлением Римским государством ряда восстаний европейских

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семенова МПГУ.

Крыкин Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Московского городского педагогического университета.

фракийцев, сопровождавшихся ожесточенной борьбой различных кланов и группировок знати, приближенных к трону фракийских государей. Синхронно с этими событиями обострилась ситуация и на северо-востоке, на Боспоре; она привела к многолетней боспоро-римской войне 45/46–49 гг. По всей видимости, среди боспорских должностных лиц и ближайших родственников боспорского царя Митридата III разгорелось противостояние двух партий: проримской и антиримской. По сути, речь шла о выборе дальнейшего пути развития боспорской государственности, а именно самостоятельного курса, вместе с союзниками из могущественных варварских племен, который неизбежно привел бы Боспор к очередному столкновению с римлянами. Иначе же – жить в фарватере римской политики, которая базировалась на принципе «разделяй и властвуй» и означала утверждение за Боспором союзнических функций Риму, когда Боспор становился проводником римской воли в Северном Причерноморье, форпостом римлян в бескрайнем варварском море. Открытое противостояние Риму, стремившемуся поставить под жесткий контроль лесостепные зоны в бассейне Черного моря¹, представлялось для боспорской проримской партии чрезвычайно опасным. Столкновение с непобедимыми римскими войсками грозило Боспору несомненным поражением. Но это, тем не менее, предполагалось. Возможно, что именно при Митридате Евпаторе на Боспоре резко увеличилось количество фракийских наемников. Видимо, они на Боспоре стали военными поселенцами, которые были не только опорой Митридата в различных военных предприятиях, но и являлись в боспорской греко-иранской среде стержнем антиримской политики, так как целиком зависели от милости центральной власти и были полностью ей обязаны своим материальным положением. Вряд ли при этом старая родовитая боспорская аристократия видела в новой фракийской военной элите, приближенной к царскому трону, своих союзников. Фракийские наемники, как показывают материалы раскопок городища Артезиан, могли быть расселены на царских землях в ключевых боспорских крепостях и прикрывали самые важные коммуникации и стратегически значимые высоты. Такие крепости контролировали обширные территориальные зоны, плотно населенные, с лучшими на европейском Боспоре землями, наиболее урожайными, достаточно обеспеченными и другими ресурсами, прежде всего, водой, лесом, строительными материалами, необходимыми пространствами для коневодства и придомного животноводства. Скорее всего, фракийские переселенцы на царских землях должны были в некоторой степени заместить прежнее боспорское податное население преимущественно эллинско-иранского происхождения. Вспоминается при этом, что еще в конце IV в. до н.э. царям Боспора служили 2 тыс. фракийских наемников-пельтастов (Diod. XX, 22–25) и часть из них осталась там жить, обретая как бы новую родину². Фракийская инфильтрация продолжалась несколько столетий и должна была оформить устойчивый фракийский этнокультурный субстрат.

Когда в 39 г. н.э. Митридат III, внук Митридата Великого, сын царя Аспурга, наследовал на Боспоре трон своей матери, фракийской царевны Гепепии, на Боспоре, в важнейшей части Северного Причерноморья, произошло укрепление антиримской партии³. Новый царь начал проводить определенно выраженную само-

¹ Блаватский 1973, 228–230; Буйских 1991, 130–132.

² Крыкин 2015, 57–66.

³ Щукин 1994, 204.

стоятельную линию. Недвусмысленная демонстрация намерений царя отразилась на боспорской государственной эмиссии. Легенда и внешний вид царских монет прославляет величие имени Митридата и показывает его стремление вести независимую политику,⁴ которую можно считать прямым вызовом Риму. Так, на золотых статерах Митридата III, где на аверсе был помещен портрет Калигулы, на реверсе чеканилась фигурка богини победы Ники с надписью по кругу ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ⁵, а на медных монетах – изображения палицы Геракла и трезубца Посейдона Митридата, которые должны были подчеркнуть связь боспорского царя Митридата III с великим понтийским царем Митридатом VI Евпатором и его фракийское происхождение по матери Гепепирис⁶. Но годом ранее император Гай Калигула даровал царскую власть на Боспоре и Понте Полемону II, поэтому царские права Митридата III вряд ли могли быть утвержденными Римом. Только в 41 г. Клавдий отменил постановления Калигулы и дал Полемону вместо Боспора родовую вотчину Полемонидов в Киликии (Cass. Dio. 60. 8. 2)⁷. На аверсе редких статов Митридата III, выпущенных в 41/42 г. н.э. (известно лишь два экземпляра), изображена голова Клавдия⁸. Но в медных эмиссиях Митридата на аверсах демонстрировались образы его или его матери Гепепирис (позднее ее образ отражен и на меди Котиса I) с царской символикой⁹ и ничего проримского. М.Б. Щукин предположил наличие некоего «боспоро-фракийского заговора» (речь шла о контроле значительной части побережья Понта в традиции Митридата Евпатора), подавленного римлянами двумя ударами: сначала в 45 г. экспедицией в Пантикапей, затем в 46 г. возвращением их базовых сил назад в Мезию с целью усмирения и аннексии Фракии.

Единственная найденная на территории Горгиппии надпись с именем Митридата¹⁰, датированная октябрем 41 г. н.э., содержит новую формулу титулатуры Митридата III: в ней вместо обычной формулы φιλορῶμαιος καὶ φιλόκαισαρ («друг римлян и друг Цезаря») боспорский царь назван φιλοσυμμαχὸν καὶ φιλοπάτριδος («друг союзников и друг отечества»)¹¹. Второй эпитет титулатуры Митридата φιλοπάτρις («друг отечества»)¹² свидетельствует о его стремлении к независимости и намерении вывести Боспор из-под протектората римлян, сохраняя при этом дружественные отношения с Империей. В проведении своей независимой политики Митридат был намерен опираться на варварские племена Нижнего Подонья и Северного Кавказа, а также, возможно, на союз с Ольвией¹³. Эпиграфический источник¹⁴ будто бы свидетельствует о том, что в боспоро-римской войне 45–49 гг. н.э. Ольвия поддерживала не Котиса, а Митридата III, но эта точка зре-

⁴ Фролова 1997, 83.

⁵ Фролова 1997, 206–207, табл. XVII, 20–22.

⁶ Фролова 1997, 82.

⁷ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 127–128.

⁸ Фролова 1997, 207, табл. XVII, 23–25.

⁹ Гайдукевич 1949, 326; Щукин 1994, 205.

¹⁰ КБН 1965, №1123.

¹¹ Фролова 1997, 83–84.

¹² IOSPE 1916, №38.

¹³ Фролова 1997, 84; Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 127–128.

¹⁴ IOSPE 1916, №38.

ния¹⁵ не получила полного признания¹⁶. По С.Б. Буйских¹⁷, римское влияние в Ольвии обозначилось новой эрой с 46 г., тогда как поход Дидия Галла на Боспор он предполагал еще в 44–45 гг. Вынуждены заметить, что в упомянутой надписи эпитет «друг отечества» символизировал почтение ольвиополитами все же именно Митридата, но это могло быть до вторжения римлян, то есть в диапазоне 41–44 гг., пока Котиса вообще не было на политической арене. Около Ольвии открыты два римских походных лагеря середины I в. н.э.¹⁸ – их склонны, правда, относить ко времени похода войск под началом Тиберия Плавтия Сильвана Элиана к Херсонесу из Мезии примерно в 62 г. В самой Ольвии появляется вексилляция Первого Италийского легиона (созданного Нероном 20 сентября 67 г. – Suet. Nero, 19; Cass. Dio. IX, 24, 2), а потому и сооружение укрепительных рубежей близ Ольвии справедливее датировать примерно этим временем¹⁹. И тем не менее С.Б. Буйских²⁰ предположил возможность пребывания близ Ольвии «небольших групп римских, вероятно, фракийских, наемников в первой половине I в. н.э.». Позднесоветские специалисты решились пересмотреть ряд датировок в корпусе В.В. Латышева в сторону их удревнения. Так, по С.Б. Буйских²¹, в Ольвии будто бы во второй половине I в. скончался боспорит Марк Ульпий Парфенокл²² – на Боспоре он воевал со скифами²³ и был наместником царской резиденции²⁴. Римские войска могли появиться в Ольвии после акции Тиберия Плавтия Сильвана Элиана и при Траяне, и при Адриане, и (уж точно!) при Антонине Пии²⁵. Вероятный фрагмент votivного посвящения кельтиберийскому [Deo Sanc]to Porobono²⁶ был нами датирован временем Адриана, и не решимся дать датировку ранее.

В 1983 г. в Тире (в присутствии одного из авторов этой статьи) в кладке последней трети I в. был открыт фрагмент мраморного надгробия с изображением кельтского воина²⁷. И.Б. Клейман²⁸ усомнился в принадлежности памятника римскому бойцу и предположил воина Митридата Евпатора, но без уверенности. Исследователи Тиры²⁹ предполагали использование на службе Риму фракийских племенных формирований во главе с римскими офицерами или местными вождями. Полисы Северо-Западного Причерноморья будто бы могли охраняться до прибытия римских войск даже гарнизонами независимой до времени Фракии, но тому нет доказательств.

¹⁵ Карышковский 1982, 24–26.

¹⁶ Буйских 1991, 130.

¹⁷ Буйских 1991, 120 и сл.

¹⁸ Козленко 2015, 29–33; Буйских 1991, 130.

¹⁹ Буйских 1991, 114, 132.

²⁰ Буйских 1991, 129.

²¹ Буйских 1991, 132.

²² IOSPE 1916, №203 – первой половины II в. – налицо nomina gentile Траяна.

²³ КБН 1965, №32 – рубеж I–II вв.

²⁴ КБН 1965, №628 – рубеж I–II вв.

²⁵ Буйских 1991, 133–135.

²⁶ Крыкин 1992, 140–147.

²⁷ Карышковский, Клейман 1985, рис. 27.

²⁸ Клейман 1987, 46–52.

²⁹ Карышковский, Клейман 1985, 94 и сл.

В.В. Латышев [IOSPE № 223: Διζάξελμις Σεύθου ἡγεμόν Διζύρων χαίρε] отнес надгробие фракийского вождя в Ольвии ко II–III вв. С.Б. Буйских³⁰ определил этот отряд фракийцев как дополнение к силам римских вексилляций из придунайских легионов и auxilia. Но Ю.Г. Виноградов³¹ предложил отнести этот памятник ко времени Митридата Евпатора. Мы вынуждены также признать наиболее вероятным утверждение Ю.Г. Виноградова³², что фракийские numegi не могли служить как римские auxilia. В 6–9 гг. местные формирования поддерживали антиримские восстания в Далмации и Паннонии. А в 20-е гг. I в. н.э. это дважды состоялось во Фракии, при этом вторым важным поводом для начала второго, более мощного, восстания послужило нарушение римскими властями принципа племенного набора воинов себе на службу (Тас. Ann. IV, 46).

По мнению же В.А. Анохина³³, в Херсонесе в 47 г. были выпущены золотые статеры с изображением божества Херсонас и Девы с луком и копьем как знак участия в кампании против Митридата, а позднее медные монеты с Никой с пальмовой ветвью на реверсе в знак победы в ней.

Рассказ о низложении Митридата III и воцарении Котиса I содержался в утраченной книге «Анналов» Тацита. Однако XII книга «Анналов» содержит подробное описание финального хода военных действий (Тас. Ann. XII. 15–21). События боспоро-римской войны по возможности реконструированы³⁴. После того как свободолюбивые намерения Митридата стали известны Клавдию (отправленный в Рим брат царя Котис выдал его вероятные планы), будто бы в 45 г. н.э. на Боспор были отправлены римские войска под командованием наместника Мезии Авла Дидия Галла. Считается, что легат этой провинции, возглавивший римское военное подкрепление младшему брату боспорского царя Котису, прибыл на Боспор морским путем. Римские военные корабли могли продвигаться по хорошо известному маршруту – от Нижнего Дуная до Южного Поднепровья (или Нижнего Побужья) и далее вдоль южного побережья Крыма до Боспора. Это была якобы первая римская военная операция в Северном Причерноморье (хотя высказывались предположения о попытках римлян оказать военную поддержку Полемону II для утверждения его на Боспоре³⁵) с участием военного флота и сухопутных соединений, дислоцировавшихся в римской Мезии. Тут же добавим, что В.А. Горончаровский³⁶ приводит сведения о возможной военно-морской операции Агриппы около 15 г. до н.э. при участии флота Ирода (Jos. Fl. Ant. XVI, 2, 2) в Европейской части Боспора для свержения неугодного Риму правителя Скрибония.

Тем не менее, пока царствовал Митридат III, продолжатель антиримского дела Митридата Евпатора Диониса и его прямой наследник, противникам правящего династа внутри Боспора пришлось сделать ставку на совсем юного брата царя – Котиса, сразу же поддержанного извне римлянами. Таким образом, с помощью римлян на престоле утвердился Котис I. Нумизматические источники подтверж-

³⁰ Буйских 1991, 135.

³¹ Vinogradov 1987, 67–68.

³² Крыкин 1993, 56–57, 257.

³³ Анохин 1977, 77, 149–150, №№ 215 и 219–222.

³⁴ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 127–128.

³⁵ Зубарь 1994, 18.

³⁶ Горончаровский 2005, 26–27.

дали, что конец правления Митридата III на Боспоре определяется, по-видимому, 45 г. н.э.: именно в этом году началась чеканка золотых монет его брата и противника Котиса I с датой ВМТ (342 г. б.э. = 45 г. н.э.) и с монограммой **ΒΑΚ**³⁷. Найденные в Пантикапее клады 1877 и 1879 гг., полностью состоявшие только из монет Митридата III, связаны, скорее всего, с самым началом боспоро-римской войны. Возможно, этому же времени принадлежит находка в 1894 г. в некрополе Пантикапея италийской геммы вместе с монетой Тиберия и индикацией с монеты Митридата III³⁸. Присутствие такой индикации явно свидетельствует о захоронении сторонника Митридата, а не Котиса (заключение М.Г. Абрамзона³⁹). Наиболее обстоятельно среди исследователей боспоро-римской войны к теме подошел В.М. Зубарь⁴⁰. Традиционно считалось, что в 45 г. римские войска привел Авл Дидий Галл, легат Мезии, но в событиях приняли участие и римские войска, прежде расквартированные в Малой Азии. После свержения Митридата, сторонники которого, похоже, помешали воцарению до него римского ставленника Полемона II, главные силы римлян ушли, и позднее вновь пожелавшему бороться за престол Митридату противодействовали, кроме сторонников Котиса, вспомогательные когорты под началом всадника Г. Юлия Аквилы. Судя по надписи А. Дидия Галла в Олимпии (CIL III, 7247, 12278), он воевал на Боспоре не как проконсул Азии и Сицилии, а будучи легатом Мезии в 44–45 гг. В сенатской Вифинии размещались малочисленные вспомогательные войска, едва ли способные обеспечить масштабную кампанию. В 44–46 гг. происходила аннексия Фракии и организация там римской провинции, для чего в помощь прежде размещенным в Мезии IV Скифскому и V Македонскому легионам в 45–46 гг. был добавлен VIII Августов легион. Именно этот легион из Мезии плюс вспомогательные когорты Г. Юлия Аквилы из Малой Азии на кораблях Византия (по В.М. Зубарю) будто бы повел на Боспор *dux Romanus* А. Дидий Галл. После бегства Митридата он уводит с Боспора основные силы, а римляне контролируют царство из Вифинии, в 48 г. ставшей императорской провинцией. При возвращении с Боспора после победы в 49 г. несколько кораблей и сотни римлян гибнут у южного берега Крыма – множество малоазийских монет и прочие трофеи местных пиратов были найдены при раскопках таврского святилища на Гурзуфском седле. Однако предоставить льготы и права золотых эмиссий (в Херсонесе в 47 и 49 гг.) мог разве только управитель провинции, легат, каковым являлся только А. Дидий Галл. Речь шла о взятии под контроль всего Северного Причерноморья – акции стратегического масштаба. Однако В.М. Зубарь почему-то усомнился, что *ornamenta triumphalia* А. Дидий Галл получил не за победу над Митридатом, а за усмирение Фракии, превращенной в 46 г. в провинцию. Между тем, в 49 г. Юний Цилон и Г. Юлий Аквила были почтены намного скромнее, учитывая изменение (повышение значимости и численности наличных войск) статуса провинции, в которой и из которой они действовали.

М.Б. Щукин⁴¹ предположил, что вынужденный союз Юлия Аквилы с сарматами-аорсами, традиционными союзниками парфян, способствовал их поздней-

³⁷ Фролова 1997, 210, табл. XXII, 13–15.

³⁸ Трейстер 1993, 53.

³⁹ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 127–128; 2014, 7–8.

⁴⁰ Зубарь 1994, 19–23.

⁴¹ Щукин 1994, 206.

шей активизации не в пользу стратегических интересов Рима. Если само северное побережье Понта римляне могли брать под временный контроль, то остановить лавинные вторжения сарматской конницы было крайне проблематично. Сарматы регулярно пересекали (по льду, например) Дунай и доходили до глубин Фракии. Ежели трофейные сарматские вещи I в. в центре провинции Фракия⁴² не вполне убеждают в этом, то найденные в сарматских степях Донбасса и Поволжья два бронзовых культовых котла с греческими надписями⁴³ явно были добыты во фракийских святилищах.

Полное подчинение Фракии и война на Боспоре происходили почти одновременно. Вот почему Клавдий на 5 лет освободил от налогов Византий, обедневший вследствие участия в войнах с фракийцами и на Боспоре (Тас. Ann. XII, 21).

Боспорское царство, ставшее ареной этого серьезного противостояния, растянувшегося на пять лет (44/45–49 гг.), сохранило свою государственность под управлением династии с фракийскими корнями. Боспор в конечном итоге стал на два столетия надежным антиварварским буфером Рима, последовательно и неуклонно действуя в фарватере римской политики.

Насколько были взаимосвязаны события на Боспоре и во Фракии – вопрос чрезвычайно сложный, его решение затруднено практически полным отсутствием прямых источниковых данных, прежде всего, нарративных. Но показательны для нас не только одновременность этих событий, но и степень вовлеченности в них римских военных и административных ресурсов, а также накал развернувшихся как на Боспоре, так и во Фракии гражданских войн, в которых римляне мастерски использовали противников действующей, неугодной им власти. Но были и заметные отличия. К примеру, на Боспоре в силу особенностей этногеографической ситуации в военном и гражданском противостоянии принимали участие мощные варварские племенные союзы. Во Фракии война не выходила за пределы фракийских территорий и поэтому в борьбу были втянуты в основном местные фракийские племена.

Раскопки последних десятилетий на городище Артезиан – царской крепости в Крымском Приазовье – принесли еще не до конца оцененные специалистами результаты, которые по-новому позволяют взглянуть на начало боспоро-римской войны и на роль в ней боспорских военных поселенцев, часть которых, как показали новейшие исследования, была родом из европейской Фракии⁴⁴.

Первый период существования крепости завершился трагически: она была взята штурмом в ходе боспоро-римской войны и полностью сгорела. При боспорском царе Котисе I (45–68/9 гг.) на руинах первой цитадели возникла новая постройка с мощными прямоугольными башнями и крепостными стенами, сооруженными из больших рустованных квадров. Городище «Артезиан» представляло собой одну из крупных крепостей Крымского Приазовья со сложной планировкой разновременных жилых кварталов и оборонительных сооружений, передовой форпост в сложнейшей системе боспорских укреплений – валов и рвов, усиленных крепостями и фортами, оберегавших жизненно важные центры Боспорского царства от кочевников, вторгавшихся в Крым со стороны Перекопа. Его гарнизон контролировал важнейший узел коммуникаций, который связывал централь-

⁴² см.: Буюклиев, 1986; Щукин 1994, 207.

⁴³ см.: Виноградов 1984.

⁴⁴ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 134–162.

ные районы страны с Азовским побережьем, прикрывая «царскую» дорогу вдоль северного склона Артезианского урочища – от Азовского моря к Пантикапею и собственно урочище – значительную по площади естественную локально-территориальную зону Боспора. Крепость защищала удобные подходы к дорогам на Пантикапей, Зенонов Херсонес, Порфмий и на переправы через пролив.

На артезианском некрополе мужчины, как правило, погребались с полным комплектом всаднического вооружения. Рядом с ними находились захоронения собак и лошадей, совершенные в овальных ямах неправильной формы. Лошади были с железными псалями и пряжками, входившими в состав уздечного набора и упряжи. Эти находки вполне красноречиво говорят об основном занятии воинского сословия царской крепости – службе в коннице. В этой связи необходимо упомянуть находки надгробных стел кавалеристов. Одна из них конца второй четверти – середины I в. н.э. сохранила имена Сос(т)ибия, сына Диониса, и двух его сыновей – Дисака и Падафа; она была открыта во вторичном использовании на некрополе городища Артезиан в перекрытии могилы I–II вв. н.э.⁴⁵ На лицевой тщательно обработанной стороне стелы высечен двухъярусный рельеф, а под ним четырехстрочная надпись на греческом языке:

ΩΣΤΙΒΙΔΙΩΝΥΣΙΟΥ Σωσ{τ}ίβι(ος) Διωνυσίου

ΚΑΙΥΟΙΔΙΣΑΚΟΣ καὶ υἱοὶ Δισακος

ΚΑΠΑΔΑΦΟΥ καὶ Παδαφου

ΧΑΙΡΕΤΕ χαίρετε

Перевод: «Сос<т>ибий, сын Дионисия, и сыновья Дисакос и Падаф, прощайте!».

Палеография надписи характерна для конца второй четверти – середины I в. н.э., особенно для надписей времени правления царя Аспурга. Резчик надписи был не очень квалифицированным и в неполной мере владел греческим языком: имя Сосибия написал с ошибкой – после второй Σ по недоразумению вписал букву Τ (очевидно, потому что она по алфавиту следует за Σ). Стела стояла на могиле конных воинов Сос<т>ибия, сына Дионисия, и двух его сыновей, вероятно, погибших одновременно в бою и вместе захороненных. Мужские личные имена Σωσ{τ}ίβι(ος) = Σωσίβιος и Дионисий греческого происхождения, они известны на Боспоре, в городах Северного Причерноморья и широко за его пределами. В то же время личное имя Δισακος на Боспоре и в других городах античного Причерноморья не встречалось. В Геракле Понтийской и Синопе известно близкое имя Δίσκος, а в Амастрии Δισούκων – греческий вариант фракийского по характеру имени Δεζούκων. С.Р. Тохтасьев⁴⁶ считает имя иранским (сарматским). По мнению С.Ю. Сапрыкина, во фракийской ономастике встречаются имена с корнем Δισ- (=Δεξ-): Δισάτραλις, Δισούπης, Δισκοῦς, Δίσυρος (греческим соответствием фракийских основ *Disa*, *Δεσα-*, *Διζα-*, – *δαισης* является *θέος*, *Θεω-*). Второй композит – *σακος*, очевидно, иранское *sak(a)*, *zak(es)*, *saci* – «сила, мощь, помощь» – также представлен во фракийской антропонимике (*Δαλό-σακος*, *Δαλό σηκος*)⁴⁷, что не исключает как сарматское, так и фрако-сарматское происхождение носителя этого имени. Имя второго сына – *Παδαφου* – также сарматское, близкое иранским

⁴⁵ Винокуров 2001, 18–22, рис. 2; Винокуров 2008, 77, прим. 1, рис. 7.

⁴⁶ Матковская, Тохтасьев 2006, 191.

⁴⁷ Георгиев 1977, 101; Detschew 1976, 115.

именам *Πάδαρος* и *Πάδακος*, засвидетельствованным в Ольвии в первых веках нашей эры. Таким образом, если первый сын Сосибия, как считает С.Ю. Сапрыкин, носил фрако-иранское или скорее фракийское имя, то второй сын был наречен иранским именем. Это свидетельствует о том, что семья Сосибия, сына Дионисия, была эллинизированной – глава семьи, отец Сосибия, был, скорее всего, эллинизированным боспорцем с фракийскими и сарматскими корнями⁴⁸. В любом случае понятно, что данная надпись является прямым доказательством сложных ассимиляционных процессов, которые происходили в зонах смешанного полиэтнического расселения и являлись следствием царской политики по поиску необходимого контингента военных поселенцев за пределами территории Боспора.

Представленные на рельефе артезианского надгробия сцены предстояния конного воина сидящей в кресле богине, а также двух всадников друг к другу – не редкость для боспорских надгробных стел и росписей погребальных склепов, они отражают сходные как иранские, так и фракийско-эллинические религиозные представления. В основе таких сцен лежит обычная религиозная составляющая, связанная с обожествлением и героизацией умерших. Они все были воинами-кавалеристами, о чем свидетельствует их воинская амуниция. Этому не противоречат и находки на некрополе захоронений лошадей со следами прижизненных боевых травм. Отец семейства – Сосибий и два его сына, очевидно, пали в бою, поэтому в сознании соплеменников они были героизированы в облике всадников. Это вполне соответствовало сакральным представлениям греков и варваров, связанным с хтоническими культами, и созданными на их основе мифологическими образами коней и всадников⁴⁹.

В состав гарнизона крепости могли входить отдельные воинские подразделения царской армии или наемники. В этой связи не кажутся случайными находки терракотовых фигурок вооруженных всадников и их фрагментов⁵⁰. Всадник-охотник зачастую в скифском (иранском) костюме с поднятой правой рукой, в которой он держит копье, поражая бегущего зайца. Охотника, как правило, сопровождает собака, преследующая зайца. Некоторые фигурки представляют всадника во фригийском колпаке, плаще и распахнутом на животе кафтане. В основе этого типа терракот образ Фракийского всадника – Хероса, который изображался на фракийских посвященных рельефах вместе с собакой, преследующей объект охоты – кабана, олененка или зайца. Данный образ синкретичный – в нем воплощены черты различных божеств греческого, фракийского и даже иранского пантеонов. Это обусловило популярность конного бога среди воинов, в особенности служивших в кавалерии. Религиозный смысл и семантика таких изображений были близки грекам, иранцам, фригийцам, фракийцам и т.д.

Нельзя также не упомянуть еще об одной удивительной находке – остраконе с многострочным двухсторонним граффито – школьным упражнением. Данная надпись, как показывает проведенный палеографический анализ, начертана в период правления царя Аспурга двумя учениками, обучавшимися в одном из северных помещений ранней цитадели городища Артезиан греческому языку. Это были некие Салас (*Σάλας*) и Долес (*Δόλης*), которые, помимо обычных ученических упраж-

⁴⁸ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 148–150.

⁴⁹ Крыкин 1993, 218 и сл.; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 153–157.

⁵⁰ Винокуров 2008, 81, 82, рис. 1–3; Винокуров 2001, 377–381, рис. 54, 1–2.

нений, отметились довольно непристойными шутками. С.Ю. Сапрыкин уделил в совместной работе особое внимание происхождению имен *Салас* и *Долес*, что оказалось очень важным не только для характеристики нравов и образа жизни военных поселенцев и их детей на поселении Артезиан, но и для определения этнического состава его обитателей⁵¹. Как указал исследователь, мужское личное имя *Σάλας* засвидетельствовано дважды на Боспоре в надписях 243 г. из Пантикапея и 228 г. из Танаиса⁵². Имя *Σάλας* фиксируется во Фракии с различными отчествами, например, *Σάλας Δολήνου* и *Σάλας Κε[λ]ου* и др.⁵³. Оно встречается в Македонии, но чаще всего во Фракии к югу от Гема, хотя носители его засвидетельствованы также в Малой Азии и даже в Египте (*Σάλας*, *Σαλλας*, *Σαλλος*). Согласно Д. Дечеву, данное имя встречается один раз в Македонии на хоре Филипп и восемнадцать раз в различных местах во Фракии, начиная с рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. Пик популярности этого имени приходится на II–III вв. н.э., при этом большинство носителей имени *Σάλας*, как и их отцы, являлись исключительно фракийцами. Данное имя в форме *Σάλλας* появляется во Фракии еще в IV в. до н.э. Показательно существование во Фракии сочетаний *Σάλας* и *Δόλης* как в виде личных имен, так и патронимиков. Родственное имя *Σάλος* отмечено в ономастиконе окрестностей фракийского прибрежного городка Анхиало и в Пауталии. Обладателями таких имен являлись фракийцы либо выходцы из малоазийских областей с преобладанием фракийского населения (Вифиния). Личные имена с композитом *-σαλ* часто встречаются в малоазийской ономастике, в основном, во фракоговорящих регионах полуострова. На основании проведенного анализа С.Ю. Сапрыкин⁵⁴ предположил, что носители такого имени на Боспоре, в том числе и среди обитателей крепости Артезиан, могли быть фракийцами или представителями фракоязычного населения Малой Азии, которые к III в. н.э. уже стали натурализованными боспорцами.

Что касается второго имени – *Δόλης*, то оно входит, как указывает С.Ю. Сапрыкин, в качестве корневого композита в двусоставное фракийское имя *Δολήζε[λ]μις*⁵⁵. На Боспоре оно упоминалось лишь однажды⁵⁶, а в Македонии и во Фракии имя *Δόλης* засвидетельствовано 46 раз⁵⁷. Скорее всего, имя *Долес* на артезианском граффити принадлежало фракийцу либо боспорцу, предки которого являлись выходцами из Фракии. Любопытно, что во фракийском местечке Базопара (Пизос) около 202 г. н.э. проживал *Σάλας Δολήνου*, а в списке жителей, отраженном в посвящении императору Септимию Северу, фигурируют девять лиц по имени *Долес* и девять лиц по имени *Салас*. Это личные имена с патронимиками типично фракийского облика. Совпадение имен на черепке из боспорского укрепления Артезиан с отдельными именами в списке адорантов римского императора из местечка Пизос во Фракии позволяет высказать предположение, что если не сами Салас и Долес, то их предки могли прибыть на Боспор именно из внутренних районов Фракии⁵⁸.

⁵¹ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 139–147.

⁵² КБН 1965, №№ 35 и 1283.

⁵³ Detschew 1976, 412.

⁵⁴ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 139–147.

⁵⁵ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 139–145.

⁵⁶ КБН 1965, №450.

⁵⁷ Detschew 1976, 146–147.

⁵⁸ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 143–146.

При этом, если принять во внимание распространенность в среде воинов гарнизона фракийских личных имен в сочетании с популярностью фрако-фригийских божеств, естественно предположить, что фракоязычные поселенцы составляли едва ли не самую большую общину на городище, население которого было явно полиэтничным.

Слой пожара и гибели городища Артезиан датируется вторым годом боевых действий боспоро-римской войны – 46/47 г. В момент катастрофы закрома крепости были полны хлеба. Северные помещения оказались завалены тоннами сгоревшего зерна. Археологический контекст убедительно свидетельствует о том, что драматические события, во время которых было сожжено городище, происходили после сбора урожая. Часть его хранилась в ямах, укупоренных крышками *in situ*, другая, скорее всего, посевной фонд, – на верхних этажах цитадели. Здесь же были сделаны запасы вяленого или копченого мяса на костях. Значительное количество найденных в горелом слое остатков длинных костей крупного рогатого скота может об этом косвенно свидетельствовать. Таким образом, пожар, видимо, случился в августе или в начале осени – сентябре-октябре.

Крепость Артезиан, судя по всему, была штурмована без длительной осады и полностью сгорела. Победители пощады к жителям не проявили. Защитники крепости сгорели вместе с детьми, женщинами, стариками, домашним скотом, имуществом и припасами. Весь слой пожара насыщен перегоревшими и фрагментированными костями людей и животных. Множество монет чеканки Митридата III, прекрасной сохранности и в большинстве не бывшие в обороте, найдены в сгоревших помещениях икладах. Они свидетельствуют либо о выплаченном жаловании воинам гарнизона, либо о казне, которая могла храниться у наместника крепости. Первое предположение, если вспомнить равное количество боспорских монет в артезианскихкладах, выглядит предпочтительней. Оружие (мечи, стрелы, топоры, дротики, пращевые ядра), орудия труда – от плугов, серпов и виноградарских ножей до тесел и мотыг остались в слое катастрофы. Они не были найдены при поисках ценного имущества победителями или пришедшими на место катастрофы местными жителями. Возможно, это не позволили сделать недостаток времени или ливни и непогода. Следы продолжительных дождей были обнаружены при исследовании траншей выборки стен ранней цитадели, борта и дно которых были покрыты глинистыми затеками и заметно заплыли.

Как известно, боевыми действиями во время боспоро-римской войны были охвачены значительные территории как на самом Боспоре, так и за его пределами. Тем более описание Тацита сохранило нам только впечатляющие картины ожесточенных финальных боевых действий на Азиатской стороне Боспора (Тас. Ann. XII. 15–21). Ход войны на Европейской части можно только в общих чертах гипотетически предполагать. Возможно, вторжение разворачивалось от основных портов Пантикапея и Феодосии, прибрежных городов. Очевидно, после захвата столицы и побережья боевые действия охватили отдаленную сельскую территорию, периферию Европейского Боспора, мелкие городки и крепости, сельские усадьбы и резиденции знати, башни, форты, линии обороны, в том числе по Асандрову валу. Войска сторонников Котиса и римлян с союзниками вышли на оперативный простор. Римляне и боспориты, сторонники Котиса, изолировали и последовательно уничтожили крепости и гарнизоны, которые оставались на стороне свер-

гнутого династа – Митридата III. Судьбу городища Артезиан разделили, думается, многие другие боспорские крепости, расположенные в этом районе. По крайней мере, слои синхронных пожаров и разрушений выявлены на городищах Багерово-Северное, Ново-Отрадное, Маяк, Тасуново, Михайловка. Эти крепости, включая Артезиан, размещавшиеся вдоль нескольких важнейших дорог, прикрывали подходы к Пантикапею, Илурату и другим городам. Похоже, что и ранний Илурат, от укреплений которого уцелел остаток крепостной стены с рустованной кладкой, аналогичной артезианской ранней цитадели, также был уничтожен в этом ожесточенном боспоро-римском противостоянии. Этот укрепрайон долгое время являлся западной границей Боспорского царства, отделяя его от скифских степей. Но в это время пограничным он не был: Крымская Скифия с 23/24 г. подчинялась Аспургу боспорскому⁵⁹, а в столице скифов Палакии (Неаполе-Скифском) была найдена серебряная тарелка с именем его жены Гепепирис⁶⁰. Но тарелка обнаружена в слое III в., и это не позволяет определенно интерпретировать значимость ее появления в столице крымских скифов.

Потерпев поражение и поняв бесперспективность борьбы на Европейском театре военных действий, Митридат, изгнанный римлянами из столицы и лишенный трона и «постоянного пристанища» (Тас. Ann. XII. 15), был вынужден отступить и обосноваться на Азиатской стороне Боспора (а, возможно, даже за его пределами).

Среди важнейших находок последних лет на городище Артезиан – десять золотых статеров Аспурга и Митридата III, открытые в слое пожара. Уникальный статер Митридата 343 г. боспорской эры (46/47 г. н.э.) и археологический контекст слоя пожара позволяют датировать гибель крепости либо осенью 46 г. н.э., либо концом лета – осенью 47 г. н.э. В новой публикации М.Г. Абрамзоном и Н.И. Винокуровым монет и ценностей с руин уничтоженной крепости⁶¹ авторы склоняются к выбору уточненной датой трагедии позднюю осень 47 г., но обоснований для этого не приведено. Между тем, представляется очень важная статистическая картина наблюдений нумизматов-антиковедов⁶². Котис выпустил золотые статоры при Клавдии в 45, 48, 49, 52 и 53 гг., причем под контролем римских чиновников. Даже медные эмиссии Котиса в 45–50 гг., похоже, содержат лакуны именно от 46–47 гг. Между тем рассуждения о возможности активных боевых действий римлян против Митридата и его сторонников в одном-двух пеших переходах от Пантикапея в течение целых года-двух лишены здравого смысла – если Дидием Галлом был будто бы даже использован целый VIII Августов легион (плюс *auxilia*) – имеются и такие утверждения, – ситуация у Пантикапея не могла разрешаться долго.

Дата же катастрофы в Артезиане-Паросте (?) якобы и свидетельствует о том, что Артезиан и другие форпосты Митридата III, где были найдены синхронные слои разрушений, оказывали сопротивление Котису I и римлянам в течение года или, скорее всего, двух лет после захвата теми столицы и центральных городов Боспора. Но тогда сторонники Митридата вполне бы имели время эвакуировать и спасти свои ценности, чего не случилось. Или вообще бежать перед лицом заве-

⁵⁹ КБН 1965, № 39.

⁶⁰ Щукин 1994, 205.

⁶¹ Абрамзон, Винокуров 2016, 712–743.

⁶² Фролова 1997, 86 и сл.

домо слишком превосходящих сил экспедиционной армии римлян, спасти своих жен и детей – в итоге вместе все сгорели в адском пламени в крепости Артезиана.

Однако продолжающиеся раскопки в Артезиане вносят свои коррективы, причем серьезные. Дело в том, что Пароста (?) пережила не один, а два штурма. Защитники крепости на юге и северо-западе на месте сгоревших посадок от первого штурма пытались возвести новые бастионы, что должно было потребовать трудовых усилий от нескольких месяцев до года или даже несколько более в сравнительно безопасной ситуации. Таким образом, можно предполагать осуществление атаки крепости римлянами Г. Юлия Аквилы и союзниками Котиса Первого примерно в 45 г. н.э., после неудачи которой сторонники Митридата занялись доукреплением фортификации и не помышляли о бегстве семей и вывозе ценностей при сложившемся близком к равновесию соотношении сил. И тогда из Подунавья прибыли явно превосходящие силы римлян и решительным ударом решили участь атакованного объекта.

Вышеупомянутый золотой статер царя Митридата III диаметром 20х21 мм имеет на лицевой стороне изображение головы императора Клавдия(?) (41–54 гг.) (?), вправо в кольцевом ободке, по кругу надпись – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, на оборотной – изображение головы Митридата(?) вправо, посоха(?) справа, внизу даты – «ГМТ»(?) – 46/47 г. н. э.

Данная монета совершенно уникальна и не находит аналогий ни на одном штампе среди уже открытых боспорских монет. Обращает на себя внимание двойной удар при изготовлении данной монеты, что привело к заметной смещенности контуров и нечеткости изображения. При большом увеличении хорошо видно, что поле обработки монеты не гладкое, как у большинства боспорских статеров, а имеет неровную поверхность. Это свидетельствует о небрежности работы, спешке или низкой квалификации мастеров.

На лицевой стороне изображение императора Клавдия в венке имело определенные черты сходства с его предшественником – Калигулой. Похоже, что резчик не имел возможности добиться портретного сходства или попросту мог использовать в качестве шаблона прежние штампы или изображения. Изображение бородатого пожилого мужчины показывает определенный отход от традиционной боспорской медальерной традиции, обычного для монет некоторого схематизма и утрирования в сторону большего портретного сходства. Резчик, похоже, гравировал монетный штамп непосредственно с натуры. При этом видно, что он допустил ошибку в композиции, и изображение в верхней части оказалось практически под рельефным ободком, едва с ним не смыкаясь. Автор изображения был хорошим художником и резчиком, сумел мастерски передать образ волевого и мужественного человека, что нетипично для нумизматики, но в качестве изготовителя монет ему явно не хватило опыта.

Как полагает М.Г. Абрамзон, который изучал артезианские нумизматические материалы в Керчи в хранилище КГИКЗ, эта монета чеканилась в передвижном монетном дворе, когда Митридат был выбит из столицы и находился в изгнании. По мнению С.А. Коваленко, налицо полный отход от принятой до сих пор на Боспоре схемы чеканки золотых монет. На оборотном изображении (Митридата?) отсутствуют какие-либо инсигнии царской власти (диадема, лавровый венок), но при этом впервые появляется дополнительный символ – посох как знак незыбле-

мости божественных сакральных полномочий свергнутого царя. Легенда же лицевой стороны как раз недвусмысленно указывает на то, что именно изображенный на ней персонаж и есть Митридат (что со времени Рескупорида I становится неизменной схемой для боспорской чеканки). Может, на обороте – его божественный предок? В любом случае, монета необычна, но если правильно прочитана дата, она была чеканена не в самом начале войны, когда в распоряжении царя уже могло не быть квалифицированных резчиков или людей, хорошо знакомых с монетным производством.

Н.А. Фролова при ознакомлении с монетой посчитала ее поддельной. Современная подделка статера совершенно исключена. Монета найдена в слое и с соответствующим контекстом, ее поверхность покрыта патиной с впаянными продуктами горения, аналогично другим золотым монетам. Подделка золотой монеты в древности была оправдана только в том случае, если подобные монеты были в обороте и ценились как мерило стоимости или выступали средством накопления. Возможная фальсификация монеты, да еще с таким изобразительным рядом, в условиях военного хаоса и гражданского противостояния совершенно непонятна и экономически вряд ли оправдана.

Фактически речь идет о том, что это реально последняя из известных золотых монет Митридата III, датируемая 46/47 г. До этого его чеканка прерывалась появлением золотого статера Котиса 44/45 г., которым и датировалось свержение Митридата с престола и начало боспоро-римской войны. В 46–47 гг. Котис по каким-то причинам золотые монеты не выпускал. Артезианская находка свидетельствует как раз о том, что у Котиса в этот период были довольно серьезные проблемы, связанные с покорением территорий и крепостей, оставшихся верными Митридату III. Причем Митридат, явно пытаясь продемонстрировать свою легитимность на престоле, выпустил этот необычный статер, который констатировал его положение изгнанника: у него не было знаков царской власти, которые были узурпированы Котисом, что намеренно и показательно противоречило легенде монеты на лицевой стороне: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. Ее помещение вокруг портрета римского императора – определенный вызов Риму и одновременно напоминание о сравнительно недавнем его утверждении на боспорский престол. Тем не менее изображение посоха призвано, очевидно, демонстрировать божественную легитимность и законность царской власти Митридата. Монета эта, конечно, – антиримская демонстрация, напоминание недругам и сторонникам Митридата о его законных правах на боспорских престол и грубом вмешательстве Рима в престолонаследие на Боспоре.

После падения последних очагов сопротивления на Европейском Боспоре противостояние завершалось на Азиатском Боспоре и за его пределами. К 48 г. н.э., когда основные силы римлян во главе с Дидием Галлом покинули Боспорское царство, с Котисом, «неопытным по молодости», по выражению Тацита (Тас. Анн. XII. 15), оставались лишь несколько когорт под начальством римского всадника Гая Юлия Аквилы. Узнав об этом, Митридат «...стал возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков и, собрав в конце концов войско, прогоняет царя дандаров и захватывает его престол» (Тас. Анн. XII. 15). Именно с этим этапом войны связан клад из Сукко 1963 г.⁶³.

⁶³ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 130.

Относительно местопребывания Митридата следует обратить внимание, что после захвата царства дандаров «...возникла опасность, что Митридат вот-вот вторгнется в Боспорское царство» (Тас. Ann. XII. 15). Следовательно, он находился вне его границ. Одновременно царь сираков Зорсин возобновил военные действия против Котиса и Аквилы, и те обратились за помощью к Эвнону, царю аорсов. Они уговорили его бросить на врага свою конницу, в то время как римляне займутся осадой городов (Тас. Ann. XII. 15). Когорты римлян и вооруженные римским оружием отряды боспорцев, прикрываемые с тыла и спереди аорсами, отбросили войска Митридата и заняли покинутый им дандарский город Созы, где оставили свой гарнизон. Отсюда они отправились в земли сираков и, форсировав реку Панду, осадили слабо укрепленный город Успе. Стены города были построены не из камня, а из плетеных прутьев; римляне применяли осадные башни, с которых забрасывали осажденных горящими головнями и копьями. Отвергнув предложения горожан примириться, римляне взяли Успе штурмом и устроили страшную резню населения в целях устрашения остальных сираков, укрывшихся в городах и крепостях, расположенных в труднодоступных и высокогорных местностях (Тас. Ann. XII. 16–17). После падения Успе Зорсин изменил Митридату и перешел на сторону римлян (Тас. Ann. XII. 17), которые поступили с ним милостиво – «они ничего не отняли у поверженного ими Зорсина» (Тас. Ann. XII. 18). Из описаний хода событий Тацитом следует, что войско римлян в этот момент остановилось в трех днях пути от реки Танаис (Тас. Ann. XII. 17). Следовательно, доставивший его римский флот в это время должен был вновь находиться в Меотиде. Выполнив задачу, римский флот возвращался назад тем же маршрутом, которым прибыл на Боспор, но из-за шторма часть кораблей была выброшена на побережья Тавриды и попала в распоряжение к таврам. Последние убили префекта когорты и перебили множество воинов из вспомогательного отряда (Тас. Ann. XII. 17)⁶⁴. Не случайно в святилище тавров на Гурзуфском седле были сделаны находки из захваченной добычи римского подразделения, некоторые из них были синхронны и даже аналогичны артезианским находкам из слоя гибели городища.

Тем временем, лишившись союзников в лице дандаров и сираков, Митридат, устав от борьбы и преследуемый врагами, обратился к Эвнону с просьбой о содействии в примирении с римлянами. После переговоров царя аорсов с императором Клавдием о судьбе сдавшегося Митридата тот был выдан римлянам и в 49 г. н.э. доставлен в Рим прокуратором провинции Вифиния-Понт Юнием Цилоном, где предстал перед Клавдием (Тас. Ann. XII. 18–21). Клавдий сохранил низложенному боспорскому царю жизнь, и тот проживал в Риме до тех пор, пока не был казнен по распоряжению Гальбы якобы за участие в заговоре Гая Нимфидия Сабина, бывшего начальника преторианцев при Нероне (Plut. Galba. 13, 15).

Из описания Тацитом хода боевых действий складывается впечатление, что конфликт происходил только на азиатской стороне Боспора, в землях дандаров и сираков. Однако раскопки укрепленного поселения Артезиан в совокупности с упомянутыми монетными находками из Пантикапея свидетельствуют о военных действиях и на Европейском Боспоре. По-видимому, крепость Артезиан, расположенная неподалеку от боспорской столицы, где благодаря римлянам утвердился

⁶⁴ Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 130–131.

Котис I, в самом начале войны представляла собой один из форпостов лишнего трона Митридата. Среди защитников крепости находились и достаточно обеспеченные лица, спрятавшие свои шкатулки с деньгами и сокровищами накануне ее штурма войсками Котиса I и его союзников. Остальные обитатели схоронили в ямки скромные клады, состоявшие только из медных монет. Археологический контекст находок свидетельствует о том, что крепость была сожжена, а ее обитатели – небольшой военный отряд Митридата и какое-то сопутствующее население – скорее всего, все перебиты.

С.Ю. Сапрыкин⁶⁵ сформировал собственную реконструкцию начала боспоро-римской войны, достаточно убедительную до открытия уникального золотого статера в Артезиане. После смерти Аспурга Гепепирис правит на Боспоре (статеры 37 и 38 гг.), после чего царство мнимо передается Полемону II. Найдено свидетельство полной лояльности царицы по отношению к Риму тогда и все последовавшие годы (из «Историй» Петра Патрикия, восходящих к Dio Cass.LX.28.7). Похоже, что ее сын Митридат в 39 г. достиг совершеннолетия и выпускает золотые статеры 39–40 гг. с портретом Калигулы – признание его власти вопреки прочим мнениям, будто в Риме его признал царем только пришедший к власти в 41 г. Клавдий. Но в конце 41 г. Митридат решил на возвращение к политической линии своего одноименного предка (с неременным союзом с сарматами) вопреки мнению матери-соправительницы и скоро отправил в Рим своего младшего брата Котиса. В 42–44 гг. статеры не выпускаются на Боспоре – С.Ю. Сапрыкин предполагает, что измена юного Котиса делу брата произошла не в 45/46 г., а в 41/42 и бегство Митридата из Пантикапея произошло в 42 или 43 г. – что и следовало бы считать началом боспоро-римской войны. А. Дидий Галл являлся легатом Мезии с 44 по 47 гг. – отсюда в 45–46 гг. он отправился на Боспор для усиления давно определившихся в Пантикапее когорт Г. Юлия Аквилы и после успешного похода их там же и оставил. Дидия Галла будто бы сопровождал Котис – появляются его первые статеры 45 г. В 45/46 г. Дидий Галл покинул Боспор заниматься реорганизацией Фракии.

В.А. Горончаровский⁶⁶ усомнился в правомочности удревнения боспоро-римской войны с 42-го или 43-го года: именно в 43 г. римские легионы высадились в Британии и там требовалась концентрация сил. Но при этом исследователь не заметил главного: вторжение вифинских когорт Г. Юлия Аквилы в Пантикапей не решило вопрос о передаче власти от Митридата к Котису, и позднее потребовалась экспедиция корпуса А. Дидия Галла. Правда, смущает деталь, что если в 48 г. Котис все еще был «неопытен по молодости», воюя с сираками и Митридатом, то в 41 г. мог оказаться уж совсем юн для участия в политической интриге в Риме. К тому же первые статеры Котиса 44/45 г. прямо указывают на воцарение Котиса и его участие в акции Аквилы именно в это время. При таком подходе монета из Артезиана передатировала вторжение армии Дидия Галла на 46 г. или 47 г. Но тогда собственно боспоро-римскую войну (без акции вифинских когорт в 42/3 или 44/45 г. в Пантикапее) можно было бы датировать 46/47–49 гг. (если не знать о состоявшихся двух разновременных, но последовательных штурмах Артезиана).

⁶⁵ Сапрыкин 2002, 234–259.

⁶⁶ Горончаровский 2002, 202–203.

Итак, Корнелий Тацит описал в своих «Анналах» события римской истории с 14 по 65 гг. н.э. В книгах I–IV раскрыты реалии 14–28 гг., а в книгах XII–XV содержатся факты 48–65 гг. Странно, но книги V, VI и XI дошли до нас во фрагментах, при этом в книге XI все-таки повествуется о некоторых сюжетах 47–48 гг.

Между тем в 45 г. у границ Римской империи произошло два похожих события: началась война на Боспоре, и была превращена в провинцию Фракия. Оба события потребовали участия римских войск, дислоцированных в Нижнем Подунавье (провинция Мезия). Была смещена от правления одрисско-сапейская династия во Фракии, и почти одновременно на Боспоре был заменен один царь на другого – оба родные братья, при этом по матери из этой же фракийской династии. До недавней поры считалось⁶⁷, что в 44/45 г. н.э. *dux* Дидий Галл примерно с 7–8 тыс. воинов вспомогательных войск прибыл на Боспор из Подунавья в помощь сменявшему на престоле Митридата VIII его брату Котису и затем ушел. В итоге же всадник Юлий Аквила с римскими когортами при помощи ряда местных племен добился победы, после чего римляне покинули Боспор (Тас. *Ann.* XII, 17). Причем отряды эти прибывали сугубо из Вифинии, и потому по окончании войны прокуратор провинции Юний Цилон удостоился консульства, а Юлий Аквила стал претором.

Еще следует отметить: римская новая провинция Фракия сразу же была объявлена сенатской – то есть должна была контролироваться минимальным количеством вспомогательных войск (как правило, таковым считалась пара миллиарных когорт). Заметим, что Иосиф Флавий (*Bell. Jud.* II, 16.4) по поводу ситуации примерно в 66 г. н.э. пишет о базировании тогда во Фракии именно 2-х тысяч бойцов.

Любопытным образом история подчинения Фракии Риму связана с чередой царей одрисско-сапейской династии по имени Реметалк⁶⁸. Все трое сотрудничали с римлянами, и гибель третьего из них обозначила финал независимого существования Фракии. Так почему же правителям Рима так опротивели фракийские цари, царьки, царевичи и прочие династы? Собственно Фракия несколько раз попадала под плотный контроль – полцарства под опекой в качестве примера. Выяснилось, что без участия римских войск одрисско-сапейские династы не в состоянии навести порядок: четыре восстания за полвека – и императорам это надоело. К тому же, еще с середины I века н.э. сама фракийская племенная верхушка выглядит заметно романизированной – взять за пример хорошо исследованную виллу Кадин мост в с. Невестино близ нын. Кюстендила (ант. Пауталия) в Болгарии⁶⁹. Римлянам давно было привычно пользоваться услугами фракийских наемных или союзных отрядов. Заметим, что легендарный Спартак возглавлял в свое время один такой конный отряд на службе у римлян⁷⁰. При этом фракийским династам Одрисам давно самим было важно и выгодно сотрудничество с могущественным Римом (опускаем при этом замеченное участие отдельных фракийских племен в армиях ярого врага римлян Митридата VI Евпатора⁷¹). Так, первый из так называемой одрисско-астейской династии Котис (100–87 гг. н.э.) уже упоминается Диодором

⁶⁷ Блаватский 1973, 215–216; Крыкин 1993, 237–238.

⁶⁸ Кратка энциклопедия 1993, 230–231.

⁶⁹ Крыкин 2010, 16.

⁷⁰ см.: Крыкин 2007.

⁷¹ Сапрыкин 1996, 151–160.

(XXXVII, 5a) как союзник Рима. Потом власть наследовали Садала I и его сын Котис, известный по словам Цицерона (Cic. In Pis., 34) в его речи против Пизона. Котис отправил сына, будущего Садалу II, в 48 г. до н.э. в лагерь Гн. Помпея (Caes. Bell.civ. III, 4). Затем астейскую династию сменили сапей, чьи контакты с Римом были еще древнее. Так, во времена македонского царя Персея и его одрисского союзника Котиса проявил себя римский союзник римлян из фракийцев-сапеев Абруполис — именно его территориальный конфликт с Персеем был использован как повод для развязывания Третьей Македонской войны. Спустя почти столетие сапей Котис поддерживает римлян против Митридата Евпатора. Он скончался до 16 г. до н.э., по Диону Кассию (LIV, 20, 1–3), когда с горцами-бессами сражался Реметалк Первый, дядя и опекун детей Котиса. Уже в 11 г. до н.э. вождь-жрец бессов Вологес лично поражает Раскупориса (восстание бессов началось то ли в 15, то ли в 13 г. до н.э.), повзрослевшего сына этого Котиса. Тогда прибывший из Памфилии Луций Пизон со второй попытки сумел восставших усмирить (Cass. Dio. LIV, 34, 5–7). С той поры сапейские цари воспринимаются как в Риме — как «клиенты» или «союзные». Вообще довольна рыхлая структура древней фракийской государственности открылась еще Ксенофону на рубеже V–IV вв. до н.э., описавшему в финальной седьмой книге «Анабасиса» детали похода 6-титысячной армии греков вглубь Фракии — потом после 359 г. до н.э. о некоем государственном единстве на землях Фракии вообще говорить сложно. При этом фракийские цари пытались приспособиться к внешнеполитической ситуации, лавируя между разными политическими силами и лидерами. Особенно трудно оказалось для них сориентироваться в ходе римских гражданских войн в середине I в. до н.э. Перед битвой при Фарсале в 48 г. до н.э. между силами Цезаря и Помпея сапейский царь Раскупорис отправил войска в лагерь Помпея, прославившего себя в войнах с Митридатом Евпатором. Ошибся с выбором, но был помилован победителем. В 42 г. до н.э. перед битвой при Филиппах сын Раскупориса — Котис отправил 3 тыс. всадников во главе с сыном Раскосом в помощь Октавиану и Антонию — усыновленному наследнику Цезаря и начальнику цезаревой конницы. А другого сына, Раскупориса, направил с такими же силами в помощь сенатской армии Брута и Кассия, фактических хозяев тогда территорий Греции и Македонии. Раскос потом содействовал помилованию Раскупориса и исчез из политической жизни, а Раскупорис стал родоначальником последней сапейской династии. Позднее Реметалк с братом Раскупорисом участвуют в подавлении при Августе Паннонского и Далматинского восстаний (Cass. Dio. LV, 29, 3; 30, 3–6). Он и его наследники секут монеты с портретом Августа — римляне же гарантировали силой оружия его власть над практически всей Фракией. Сапеям это (*Pax Romana*) помогало контролировать и греческие приморские города. Август предполагал династические связи между союзными правителями. И еще Реметалк Первый обратил взор к Черному морю, женив сына Котиса на Антонии Трифене, дочери правителя Понта Полемона I. Позднее его вероятная внучка Гепепирис стала супругой Аспурга боспорского, возродив тем самым на Боспоре полуфракийскую династию с характерными царскими именами (Котис, Раскупорис, Реметалк). После смерти Реметалка I в 12/13 г. Август разделил земли Фракии между его братом Раскупорисом (не слишком лояльным к Риму варваром, по Тациту) и сыном Котисом (неполнолетним к тому времени). Довольно скоро Раскупорис захватил обманом Котиса и устранил

физически, завладев при этом всей территорией Фракии. Но коварный правитель был хитростью доставлен в Рим, обвинен в сенате лично вдовой Котиса Антонией Трифеной и сослан в Александрию, где погиб будто бы при попытке к бегству (гибель Котиса Раскупорис представил как самоубийство). По отрывкам у Тацита (Ann. II, 64; 65,5; III, 38, 5; 39, 1) он представлял опасность не только для племянника, но и для римской власти во Фракии. Еще до похищения Котиса Раскупорис затеял сбор войск как бы для отражения бастарнов и «скифов», а уже позднее македонец Антистий Ветер был осужден как бунтовщик и соучастник Раскупориса в то время, когда по устранении Котиса тот «замышлял войну против Рима». И Фракию снова разделили надвое – между сыном Раскупориса Реметалком, лояльным к Риму, и детьми Котиса (Тас. Ann. II, 67), но при этом не произошло ее умиротворения. Опекуном детей Котиса являлся Требеллен Руф – многие фракийцы их ненавидели наряду с Реметалком – койлалеты, одрисы и дии инспирировали восстание и осадили царя в Филиппополисе (нын. Пловдив). Это восстание в 21 г. было подавлено вспомогательной конницей и пехотой римлян под началом Публия Веллея – Реметалк же пробился из осады и соединился с римским легионом, после чего не отличавшиеся единством восставшие были рассеяны (Тас. Ann. III, 39). В 26 г. сенат присудил право на триумф Поппею Сабину за подавление «горных фракийцев». Те не желали служить в римских войсках по традиционной для римлян системе, выступили против увеличения повинностей и после несогласия с их послами затеяли противостояние, используя горные крепости. По Тациту (Ann. IV, 46–47; 51), ранняя суровая зима прервала военные действия и осажденные в горах фракийцы сдались добровольно. Требеллен Руф до конца жизни представлял интересы Рима во Фракии. А царские дети прошли обучение в Риме в обществе будущих правителей: Калигулы, Ирода и др. Калигула после смерти Тиберия пришел к власти и в 36/37 г. провозгласил царем Фракии Реметалка (Третьего при живом Втором). Последний из сапеев воспринимался как *Φιλοκαίσαρ*. Реметалк Третий правил недолго. В поздней Хронике Георгия Синкелла в 46 г. Фракия была превращена в римскую провинцию после того, как Реметалк был убит при участии собственной жены. У Кассиодора, Проспера Тирона и Иеронима это событие относится к 45 г. после начавшегося в 44 г. восстания (против римлян и сапеев?). При этом Антония Трифена и сыновья ее, братья погибшего Реметалка, сохраняли царский статус в Кизике и дальше, при Клавдии. Историю последних независимых правителей Фракии основательно рассматривала известная болгарская исследовательница М. Тачева⁷². И таким образом Авл Дидий Галл никак не мог в 44–45 гг. (и даже, похоже, в 46 г.) отправиться с войсками из Мезии на Боспор, оставив нерешенными проблемы во Фракии – римлянам из Вифинии это было гораздо удобнее, но там крупных сил у них давно уже не было. Г. Юлий Аквила мог оказаться в Пантикапее с помощью не очень мощного византийского флота и поначалу курировать переход власти там к Котису, озаменованный царской эмиссией. Далее с эмиссиями наблюдаем заминку минимум на год – вероятное двоевластие на Боспоре в целом. Наладив ситуацию в Мезии и Фракии, получив необходимые подкрепления, легат Авл Дидий Галл совершил бросок на Боспор и разгромил отряды и объекты Митридата в его Европейской части (как

⁷² Тачева 1987, 66–93; 1997, 68–95.

некогда Митридат подготовил для действий в Таврике элитный экспедиционный корпус Диофанта). После этого он вернулся и был почтен триумфом за несомненные успехи как во Фракии, так и на Боспоре. Римские военные акции, которые сопровождались разгромом крепостей и показательным уничтожением противником из антиримской партии, способствовали немедленной реакции со стороны Ольвии и Херсонеса – в 46–47 гг. (еще до окончания войны на Боспоре!) эти полисы и без обязательного присутствия римских оккупационных отрядов признали свое непререкаемое вхождение в орбиту внешнеполитических интересов Рима. Все Северное Причерноморье вскоре оказалось, по образному замечанию Иосифа Флавия (Bell.Jud. II. 16,4), под контролем римских 40 кораблей и 3-х тысяч бойцов, оказавшись удаленным берегом внутреннего моря Римской империи.

А смысл аннексии Фракии и превращения в римскую провинцию наиболее кратко и четко определил болгарский археолог К. Жуглев: «Наступили особенно благоприятные времена для восстановления и дальнейшего развития Мезии и Фракии. Теперь различные племена были подчинены префектам и стратегам, которые, обладая военной и административной властью в префектурах и стратегиях, зорко следили за каждым движением среди местного населения. Эта организация делала почти невозможным перемещение племен и создавала принудительные порядок и спокойствие в Мезии и Фракии. Вся страна была прочно охвачена римским провинциальным устройством, которое системно подавляло свободолюбивый характер фракийского населения и постепенно его направляло к *производительному* [курсив – К. Ж.] труду [пер. мой – С.К.]. Фракийские племена с их натуральной экономикой («домашний способ производства», по М. Саллинзу) вошли в состав передовой античной империи с ее рыночной экономикой и товарными производствами. Быстро проявившийся демографический рост дополнился намеренно организованной римлянами колонизацией из грекоязычных областей Балкан, Малой Азии и Ближнего Востока («эллинистизм»)⁷³.

Фракия стала римской провинцией после наместничества в Мезии Авла Дидия Галла в 46 г. Исходя из вышеизложенного, это удалось римлянам не ПОСЛЕ (post quem) экспедиции дукса во главе ударного корпуса вторжения на Боспор, а ПЕРЕД (ante quem) ней. Митридат сдался царю аорсов Эвнону, и тот передал пленника римлянам на условиях не убивать его и не унижать участием в триумфе (Тас. Ann. XII, 18). И триумфа в 49 г. не было. Судя по всему, триумф в честь блистательных побед над фракийцами и Митридатом уже был, причем несколько раньше. И чествовали А. Дидия Галла вполне заслуженно.

В 45 г. римляне реально оказались в Пантикапее и участвовали в свержении Митридата в пользу его брата Котиса – но сил вифинских когорт Г. Юлия Аквилы хватило только на помощь в контроле столицы Боспора. Конкретно оформилось двоевластие двух братьев, причем позиции Митридата находились не далее суточного перехода от Пантикапея. Но в помощь Котису прибыл из Мезии корпус А. Дидия Галла, разгромил остававшиеся в Европейском Боспоре позиции Митридата, причем сделал это даже, вероятнее, осенью 47 г., нежели 46 г. После этого Дидий Галл вернул свою армию в Мезию и вскоре был почтен наивысшими римскими почестями – праздновать позднее столь же пышно пленение упрямого

⁷³ Крыкин 2010, 16.

потомка великого недруга римлян Митридата Евпатора Клавдий уже счел неприличным. Ожидавшие успеха римлян греки в Ольвии и Херсонесе отметили это свершившееся событие в те же 46 и 47 гг. Победа именно А. Дидия Галла знаменовала взятие римлянами под контроль практически всего северопонтийского региона⁷⁴. Для подчинения Фракии и Боспора в низовья Дуная были стянуты три легиона плюс *auxilia*, которые сформировали передовую линию для ведения агрессивной внешней политики. В Мезии оформился *limes*, из лагерей которого уходили в походы или в качестве гарнизонов целые римские формирования или их *вексилляции*. Дунайский лимес стал важнейшим для Римской империи, сменив по значимости Рейнский, – на нем далее решалась судьба великого античного государства.

Римляне из фракоязычной Мезии оккупировали Фракию. Войска оттуда и из фракоязычной же Вифинии вторглись в Северное Причерноморье и на Боспоре повлияли на судьбы местных правителей населения фракийского происхождения. Да и позднее многие римские солдаты, служившие в гарнизонах в Северном Причерноморье, оказались фракийского происхождения. По иронии судьбы уже много лет фракийцы воевали за противоборствовавшие стороны, послужив то Митридату Евпатору и его потомкам, то Риму, пока не определился сильнейший.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И. 2016: Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 712–743.
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени боспоро-римской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146.
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2014: Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан. В сб.: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии* (XV Боспорские чтения). Керчь, 5–16.
- Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)*. Киев.
- Блаватский, В.Д. 1973: О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н.э. *Archaeologia Polona* 14, 215–222.
- Буйских, С.Б. 1991: *Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры)*. Киев.
- Буюклиев, Хр. 1986: Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг. *Разкопки и проучвания XVI*. София.
- Виноградов, Ю.Г. 1984: Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья. В сб.: *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 37–43.
- Винокуров, Н.И. 2007: Изучение некрополя городища Артезиан в 2001 г. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор*. Москва–Киев–Запорожье, 351–401.
- Винокуров, Н.И. 2001: Надгробные памятники некрополя и городища Артезиан. В сб.: *Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья (II Боспорские чтения)*. Керчь, 16–24.

⁷⁴ Зубарь 1994, 22; Буйских 1991, 130 и сл.

- Винокуров, Н.И. 2002: Новые изображения всадников на Боспоре. *ДБ* 5, 70–86.
- Гайдукевич, В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.–Л.
- Георгиев, Вл. 1977: *Траките и техният език*. София.
- Горончаровский, В.А. 2002: Боспор и Рим в правление Митридата VIII. В сб.: Э.Д. Фролов (ред.), *Античное государство. Политические формы и в античном мире*. СПб, 197–206.
- Горончаровский, В.А. 2005: Военное дело и военно-политическая история Боспора в I в. до н.э. – III в.н.э.: автореф. дисс...док. ист. наук. СПб.
- Зубарь, В.М. 1994: *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. Киев.
- Карышковский, П.О. 1982: Ольвия и Рим в I в. н.э. В сб.: *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев, 6–28.
- Карышковский, П.О., Клейман, И.Б. 1985: *Древний город Тира*. Киев.
- Клейман, И.Б. 1987: Изображение воина на фрагменте рельефа из Тиры. В сб.: *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев, 46–52.
- Козленко, Р.А. 2015: Римский форт на границе Ольвийского государства. В сб.: *Laurea I. Античный мир и Средние века. Чтения памяти проф. В.И.Кадеева*. Харьков, 29–33.
- Кратка енциклопедия на тракийските древности*. 1993. София.
- Крыкин, С.М. 1992: Deus Sanctus Porobonus. *ВДИ* 3, 140–147.
- Крыкин, С.М. 2010: Античное «Градиште» у с. Долна Граштица близ Кюстендила (Болгария). *Лукомор'я. Археология, етнология, история Північно-Західного Причорномор'я* 4. Одесса, 14–27.
- Крыкин, С.М. 2007: Спартак: версии о его происхождении (научный подход вразрез с литературно-легендарным). *ПИФК XVII*, 66–80.
- Крыкин, С.М. 2015: Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре. *Вестник МГПУ* 2 (18). 57–66.
- Крыкин, С.М. 1993: *Фракийцы в античном Северном Причерноморье*. М.
- Матковская, Т.А., Тохтасьев, С.Р. 2006: Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария. В сб.: *Научный сборник Керченского заповедника*. I. Керчь, 179–210.
- Сапрыкин, С.Ю. 2002: *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму (его жители и культы). *ВДИ* 3, 134–162.
- Тачева, М. 1987: *История на българските земи в древността*. Ч. 2. София.
- Тачева, М. 1997: *История на българските земи в древността*. Ч. 2 (Изд. доп.). София.
- Трейстер, М.Ю. 1993: Римляне в Пантикапее. *ВДИ* 2. 50–74.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (сер. I в. до н.э. – IV в.н.э.)*. Ч. 1. М.
- Щукин, М.Б. 1994: *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе*. СПб.
- Detschew, D. 1976: *Die thrakische Sprachreste*. Ed. 2. Wien.
- Latyshev, B. 1916: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Petropoli.
- Vinogradov, J.G. 1987: Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik. In: *Terra antiqua balcanica. II. Acta centri historiae*. Trinovi, 9–77.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I. 2016: Zolotyie statery Aspurga i Mithridata VIII i novye komplexy s monetami i yuvelirnymi izdeliyami s gorodishcha Artezian [Aspurg and Mith-

- ridat III's golden coins and new complexes with coins and jewelers from town Artezian]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 712–743.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni bosporo-rimskoy voyny 45–49 gg. s. gorodishcha Artezian [Two treasures of coins and jewelers of the times of Bosporus and Roman war in 45–49 a. D. from the town Artezian]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 93–146.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2014: Khronologicheskie indikatory i problemy interpretatsii sloya bosporo-rimskoy voyny gorodishcha Artezian [Chronological indicators and problems of stratum interpretation of Bosporus and Roman war of the town Artezian]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'nye problemy khronologii* [Bosporus Kimmeriyskiy and barbarian peace during antiquity and Middle Ages. Actual problems of chronology] (XV Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch', 5–16.
- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e.–XII v.n.e.)* [Coinage of Chersonesus (the 4th century BC to the 12th century AD)]. Kiev.
- Blavatskiy, V.D. 1973: O rimskikh voyskakh na Tavricheskom poluostrove v I v. n.e. [Roman troops on the Tauric Peninsula in the 1st century AD]. *Archaeologia Polona* XIV, 215–222.
- Buyskikh, S.B. 1991: *Fortifikatsiya Ol'viyskogo gosudarstva (peryye veka nashey ery)* [Olbian fortification (1st – 3rd centuries AD)]. Kiev.
- Buyukliev, Chr. 1986: Trakiyski mogilen nekropol pri Chatalka, Starozagorski okryg [Thracian mound near Chatalka. Starozagorsk district]. *Razkopki i prouchvaniya* [Excavations and investigations] XVI. Sofia.
- Detschew, D. 1976: *Die thrakische Sprachreste*. Wien.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Bosporian coinage (the mid – 1st century BC to the 4th century AD)]. Pt.1. Moscow.
- Gaydukevich, V.F. 1949: *Bosporskoye tsarstvo* [Bosporan Kingdom]. Moscow–Leningrad.
- Georgiev, Vl. 1977: *Trakite i tehniyat ezik* [Thracians and their language]. Sofia.
- Goroncharovskiy, V.A. 2002: Bospor i Rim v pravlenie Mithridata VIII [Bosporus and Rome under Mithridates VIII]. In: E.D. Frolov (ed.), *Antichnoe gosudarstvo. Politicheskie formy v antichnom mire* [Antique state. Political forms in the antique world]. Saint Petersburg, 197–206.
- Goroncharovskiy, V.A. 2005: *Voennoe delo i voenno-politecheskaya istoria Bospora I v. do n.e. – III v. n.e.* [Military science, political and war history of the Bosporus during 1st – 3rd centuries AD]: avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk [PhD Thesis]. Saint Petersburg.
- Karyshkovskiy, P.O. 1982: Ol'viya i Rim v I v. n.e. [Olbia and Rome in the 1st century AD] In: *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e* [Memorials of Roman and Medieval times in the North-Western Black Sea region]. Kiev, 6–28.
- Karyshkovskiy, P.O., Kleyman, I.B. 1985: *Drevniy gorod Tira* [The Ancient Tyras]. Kiev.
- Kleyman, I.B. 1987: Izobrazheniye voyna na fragmente rel'efa iz Tiry [The warrior's image on the relief fragment from Tyras]. In: *Novye issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Recent archeological studies in the North Black Sea]. Kiev, 46–52.
- Kozlenko, R.A. 2015: Rimskiy fort na granitse Olviyskogo gosudarstva [The Roman fortress in the borders of the Olbian state]. In: *Laurea I. Antichnyy mir i Srednie veka. Chteniya pamyati prof. V.I. Kadeeva* [Antique world and Middle Ages. Seminars in memory of professor Kadeev]. Kharkov, 29–33.
- Krykin, S.M. 2010: Antichnoye «Gradishte» u sela Dolna Grashtitsa bliz Kyustendila (Bolgariya) [Antique «Gradishte» near the village Dolna Grashtiza near Kyustendil (Bulgaria)] *Lukomor'ya. Arkheologiya, etnologiya, istoriya Pivnichno-Zakhidnogo Prichornomoy'ya*

- [*Curved Seashore. Archeology, ethnology, history of the North-Western Black Sea*]. 4. Odessa, 14–27.
- Krykin, S.M. 1992: *Deus Sanctus Porobonus*. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 140–147.
- Krykin, S.M. 1993: *Frakiytsy v antichnom Severnom Prichernomorie* [The Thracians in the antique Northern coast of the Black Sea]. Moscow.
- Krykin, S.M. 2007: Spartak: versii o ego proiskhozhdenii (nauchnyy podkhod vrazrez s literaturno-nauchnym) [Spartacus: variants of his origin (the scientific approach vs. literary and legendary approach)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XVII, 66–80.
- Krykin, S.M. 2015: Terrakotovye «frakiyskie vsadniki» na Bospore [Terracotta «Thracian horsemen» in the Bosporus]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow pedagogical university]. *Seriya «Istoricheskie nauki»* [Historical Sciences Series] 2 (18), 57–66.
- Latyshev, B. 1916: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* I. Petropoli.
- Matkovskaya, T.A., Tokhtasev, S.R. 2006: Maloizvestnye i neizdannye stely Kerchenskogo lapidariya [Little known and unpublished steles of Kertch Lapidary]. In: *Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika* [Scientific miscellany of the Kertch reserve] I, 179–210.
- Saprykin, S.Yu. 2002: *Bosporskoye tsarstvo na rubezhe dvukh epokh* [Bosporian Kingdom at the turn of two epochs]. Moscow.
- Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I., Belousov, A.R. 2014: Gorodishche Artezian v Vostochnom Krymu (ego zhiteli i kul'ty) [The Artezian Settlement in the Eastern Crimea (her citizens and cults)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 134–162.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [Pontic Kingdom. Greek and barbarian State on the Black Sea]. Moscow.
- Shchukin, M.P. 1994: *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytiy III v. do n.e.–I v. n.e. v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope* [At the turn of the century. An attempt of historical and archeological reconstruction of political events in the Central and Eastern Europe in the 3rd century BC to the 1st century AD]. Saint Petersburg.
- Tacheva, M. 1987: *Istoriya na bylgarskite zemi v drevnostta* [The history of Bulgarian territories in antiquity]. Pt. 2. Sofia.
- Tacheva, M. 1997: *Istoriya na bylgarskite zemi* [The history of Bulgarian territories in antiquity]. Pt. 2. Sofia.
- Treister, M.Yu. 1993: Rimlyane v Pantikapee [The Romans in Panticapeum]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 50–74.
- Vinogradov, Y.G. 1987: Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik. *Terra antiqua balcanica II. Acta centri historiae*. Trinovi, 9–77.
- Vinogradov, Yu.G. 1984: Dva bronzovykh kotla s grecheskimi nadpisyami iz sarmatskikh stepey Donbassa i Povolzh'ya [Two caldrons with Greek inscriptions from the Sarmatian steppes of Donbass and the Volga River Region]. In: *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia during the Scythian and Sarmatian epoch]. Moscow, 37–43.
- Vinokurov, N.I. 2007: Izuchenie nekropolya gorodishcha Artezian v 2001 g. [Research of the Settlement Artezian necropolis in 2001] In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavrilyuk (ed.), *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy. Olviya. Skifiya. Bosporus* [The antique world and barbarians in the South of Russia and Ukraine. Olbia. Scythia. Bosporus]. Moscow–Kiev–Zaporozhe, 351–401.
- Vinokurov, N.I. 2001: Nadgrobnnye pamyatniki nekropolya i gorodishcha Artezian [The tombs in necropolis and Artezian Settlement]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period*

- antichnosti i srednevekov'ya: aktual'nye problemy khronologii* [The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages: Actual problems of the chronology] (II Bosporskie chteniya [Bosporan Reading]). Kerch, 16–24.
- Vinokurov, N.I. 2008: Novye izobrazheniya vsadnikov na Bospore [New horsemen figures in Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 5, 70–86.
- Zubar, V.A. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voenno-politicheskoy istorii* [Chersoneses Tauric and the Roman Empire. Essays on the military and political history]. Kiev.

ROMAN POLICY IN THE NORTH AND NORTH-WEST BLACK SEA REGION IN THE MID-1st CENTURY AD

Nikolay I. Vinokurov*, Sergey M. Krykin**

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

vinokurovn@list.ru

** Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

smkrykin@mail.ru

Abstract. The mid-40's of the 1st century BC in Roman history is marked by several interesting events. The Thracian Kingdom became a Roman province. In the Crimea, Roman troops landed and participated in the overthrow of the legitimate king of the Bosphorus. The rulers of Thrace and the Bosphorus turned were relatives and acted in similar ways. There was a close connection between the actions of two Roman-landing forces.

The Thracian society developed along and simultaneously with the Greek civilization. The Greeks considered the Thracians to be barbarians. Century's later, historians declared Thrace as a part of the barbaric province of the progressive ancient world, a backward region with savage people and warlike robbers. The recent exploration of Scythian and Hunnish territories proved that some ancient peoples (and then of Middle Ages) could live according to different rules and principles. Their societies, settlements, economy, moral values were different, from the Greeks or Roman types.

The economy of ancient Thrace was based on agriculture in which the development of cattle compensated for the relative weakness of extensive farming. Such economy could not turn into the market and limited vital rates of the Thracian society that is why they were involuntary involved in robbing, fighting and mercenary.

Keywords: Rome, Bosphorus, Thrace, Bosporan–Roman War

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ СЛОЕВ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ФАНАГОРИИ

Л.А. Голофаст

Институт археологии РАН, Москва, Россия
larisa_golofast@mail.ru

Аннотация. В статье представлена небольшая, но очень важная коллекция поливной посуды, выявленной в ходе раскопок на участке «Нижний город» (площадь 2000 кв.м.) в Фанагории. Подавляющее большинство фрагментов принадлежит сосудам группы «Поливной белоглиняной I» (Glazed White Ware I), датирующейся VII – первой половиной IX вв., что служит дополнительным аргументом в пользу ранее предложенной датировки резкой депопуляции т.н. хазарских кварталов в рамках второй половины IX – начала X вв. Значительную часть коллекции составляют т.н. сосуды для подогрева (chafing dishes), считающиеся, по мнению П. Артура, показателем чисто византийской по характеру кулинарной традиции и распространенные, главным образом, в районах прямой византийской политической власти или в районах с сильными политическими и экономическими связями с Константинополем. Однако присутствие таких сосудов в Фанагории, которая не принадлежала к византийскому миру, объясняется ее ролью приморского торгового центра, поддерживавшего прямые или, скорее, опосредованные торговые контакты с Константинополем или с какими-то византийскими центрами, имевшими связи со столицей империи.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Фанагория, византийская поливная белоглиняная керамика I и II (Glazed White Ware I and II)

Поливная керамика относится в Фанагории к числу чрезвычайно редких находок. Можно привести лишь небольшой список фрагментов поливной посуды, упоминавшихся в отчетах за прошлые годы: в 1948 в ходе раскопок в восточной части верхнего плато (Холм Г) найдены 2 фрагмента «византийской поливной посуды», в том числе край тарелки с поливой зеленого цвета¹, в 1949 и 1954 гг. при раскопках домов хазарского времени на Северном раскопе также были найдены фрагменты белоглиняной посуды «со светло-зеленой поливой»²; в 1954 году на

Голофаст Лариса Алексеевна – научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН.

¹ Кобылина 1948, 26, 37.

² Кобылина 1951, 236; 1954, 3.

Западном раскопе в верхнем слое найдены фрагменты «белоглиняной керамики со светло-желтой поливой IX–XI вв.»³; в 1960 г. фрагмент сосуда, покрытого зеленой поливой, найден на Центральном раскопе в колодце с засыпью IX–X вв.⁴; в СЗ части центрального раскопа в 1968 году либо в забутовке объекта 23, либо, скорее, в вымостке под кладкой фундамента выявлен «сосуд с зеленой поливой»⁵; около 20 фрагментов поливы («зеленая и желто-зеленая в крапинку на красном черепке»), датируемой IX в., может быть, самым началом X в., были найдены в верхнем слое на Центральном раскопе (участок С.А. Плетневой)⁶. По приведенным описаниям трудно понять, о какой конкретно группе поливной посуды идет речь и, соответственно, невозможно определить дату найденных фрагментов. Тем большее значение имеет небольшая, но чрезвычайно интересная коллекция поливных сосудов, найденных на раскопе «Нижний город» (2000 кв. м), заложенном в 2014 году у подножия холма, на котором в период античности располагался акрополь Фанагории. Подавляющее большинство выявленных фрагментов относится к группе «Поливной белоглиняной I» (Glazed White Ware I (GWW I) византийского, константинопольского производства.

Появление посуды группы GWW I, самой ранней поливной керамики византийского производства, относят к началу VII в. (са. 600)⁷. Подтверждением тому служит находка поливных сосудов указанной группы среди керамики с корабля, потерпевшего крушение у Ясси Ада (Yassi Ada) летом 626 года⁸. В Константинополе в комплексах второй половины VII в. она присутствует уже в значительных количествах. Так, в комплексе 30 650–670 гг. из района Сарачан (Saraçhane) найдено около 580 фрагментов таких сосудов, что в совокупности с хорошим качеством поливы и разнообразием форм свидетельствует о довольно продвинутом уровне ее производства в столице⁹. Бытует она до первой половины IX в. включительно¹⁰.

Для рассматриваемой группы (GWW I) характерна неплотная, светлая, никогда чисто белая, но преимущественно светло-коричневого или оранжевого оттенка, иногда пережженная до серого глина и оливково-зеленая, оранжевато-коричневая или желтая полива¹¹, часто с зелеными и оранжевыми пятнышками, всегда с довольно многочисленными точечными углублениями и, как правило, наложенная на слой ангоба более темного оттенка, чем сама глина¹². На начальном этапе поливой покрывали только внутреннюю поверхность или верхнюю часть кухонных сосудов для повышения водонепроницаемости стенок. Только с VIII в. поливу начинают использовать в декоративных целях, и поливная посуда полностью заменяет краснаяковая. Основным декоративным приемом, использовавшимся для украшения посуды группы GWW I, является простой врезной орнамент: неболь-

³ Кобылина 1954, 35.

⁴ Кобылина 1960, 120.

⁵ Кобылина, Кузищин, Плетнева, Зайцев, Соколов 1968, 36.

⁶ Кобылина, Кузищин, Плетнева, Зайцев, Соколов 1968, 42.

⁷ Hayes 1992, 12, 13; Arthur 2007, 177.

⁸ Bass 1982, 165–167; Doorninck 2015, 205.

⁹ Hayes 1968, 203, 216.

¹⁰ Hayes 1992, 17.

¹¹ Hayes 1992, 15.

¹² Stevenson 1947, 36.

шие спирали, изогнутые линии, схематические изображения пальмовых ветвей, рыб, крестов и т.д.¹³

По мнению Дж. Хейса, керамика группы GWW I производилась в районе Константинополя, где найдено огромное ее количество и откуда происходят неполивные сосуды аналогичной формы¹⁴. Предположение о производстве посуды группы GWW I в Константинополе подтверждено химическим анализом глины, показавшим на местечко Арнавуткёй (Arnavutköy) на европейской стороне Босфора как на возможный источник белой глины, из которой ее делали¹⁵.

Керамика группы GWW I широко распространена по всему византийскому миру: ее находки зафиксированы на Кипре, в Карфагене, в бассейне Эгейского моря (Афины, Эгина, Крит), Малой Азии (Илион, Магнезия-на-Меандре, Милет, Камман-Калехёюк (Kaman-Kalehöyük) и др.¹⁶ Немногочисленные фрагменты такой посуды известны и по раскопкам в Северном Причерноморье (полный список находок см. в статье Смокотиной¹⁷), в том числе в Херсонесе¹⁸, откуда происходят фрагменты самой ранней посуды группы GWW I, датирующиеся VII в.¹⁹

Все фанагорийские экземпляры найдены в верхних слоях городища.

1. Фрагмент кухонного горшка с шаровидным туловом, отогнутым наружу коротким горлом с закраиной для крышки в виде довольно высокого ребра (штук 16 квадрат Е1; рис. 1, 1). К внешней стороне горла прикреплена круглая в сечении ручка. Внутренняя поверхность венчика и внутренняя сторона верхней части тулова покрыты коричневой (скорее всего, желтой) блестящей поливой, наложенной непосредственно на глину; ниже на тулове и на верхней поверхности венчика подтеки поливы. На внешней поверхности тулова – коричневато-желтый ангоб. Глина красновато-желтая в сердцевине и бежевая у краев, довольно рыхлая, с крупными светлыми включениями.

Известно несколько точных аналогий рассматриваемому сосуду. Две выявлены среди кухонной утвари уже упоминавшегося корабля, потерпевшего крушение у Yassi Ada²⁰. Многочисленными фрагментами этот тип сосудов представлен в слоях 650–700 в Сарачанах²¹ и слоях стадии I Большого дворца в Константинополе, в которых найдены две монеты VII в., хотя Стивенсон на базе морфологических наблюдений склонен относить их к началу правления Исаурийской династии (717–802)²². В пользу датировки сосуда VII в. говорит и тот факт, что в этот период бытовали, главным образом, закрытые или полузакрытые сосуды (см. комплекс 30²³), в отличие от более позднего времени, когда доминируют открытые формы посуды группы GWW I, а закрытые встречаются крайне редко²⁴.

¹³ Stevenson 1947, 38; Hayes 1992, 17, fig. 5.

¹⁴ Hayes 1992, 12.

¹⁵ Megaw, Jones 1983, 258.

¹⁶ Vroom 2006, 164.

¹⁷ Смокотина 2003, 173.

¹⁸ Голофаст и др. 1991: 129, № 134; Голофаст 2013; Седикова 1998.

¹⁹ Голофаст 2013.

²⁰ Bass, van Doorninck 1982, 165–166, fig. 8–9, P2-P3.

²¹ Hayes 1968, 203–205.

²² Stevenson 1947, 34–35, pl. 15, 5.

²³ Hayes 1968.

²⁴ Hayes 1992, 15.

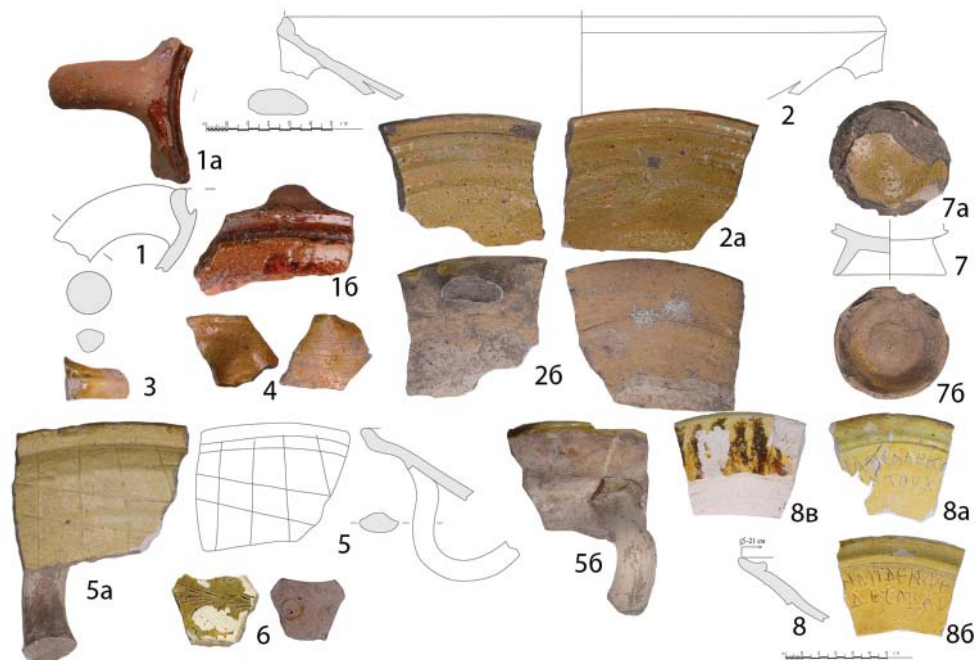

Рис. 1. Керамика группы GWW I из слоев хазарского времени в Фанагории

Судя по полностью сохранившемуся экземпляру из Ясси Ада, подобные сосуды имели две ручки и округлое выпуклое дно, производились, по-видимому, в Константинополе. Они считаются самыми ранними экземплярами византийской посуды со свинцовой поливой²⁵.

2. Фрагмент открытого (?) сосуда на коническом в сечении довольно высоком кольцевом поддоне (квадрат Д5, штык 13; рис. 1, 7). Глина светло-светло-бежевая с единичными мельчайшими сероватыми включениями. Светло-желтая с оранжевыми пятнышками полива покрывает внутреннюю поверхность сосуда; капли поливы имеются и на нижней поверхности дна. Поверхность поливы без следов выветривания, но с точечными углублениями. Аналогичные встречались при раскопках слоев Стадии II в Константинополе, которую Стивенсон относил к концу правления Исаурийской династии (717–802)²⁶.

3. Небольшой фрагмент горла открытого сосуда, скорее всего, ойнохои или квадрифолия (квадрат ГЗ, штык 13; рис. 1, 4). Желтая блестящая полива с зеленоватыми и как будто розоватыми пятнами покрывает внутреннюю поверхность сосуда; капли и подтеки такой же поливы имеются и на внутренней его стороне. Полива без следов выветривания, но с точечными углублениями наложена на ро-

²⁵ Bass, van Doorninck 1982, 166.

²⁶ Stevenson 1947, 36, 38, pl. 15, 34–35.

зоватый ангоб. Глина светло-светло-желтая, плотная, с единичными мельчайшими темными включениями.

4. Ромбовидная в сечении ручка, покрытая красновато-бежевым ангобом, с каплями и подтеками блестящей желтой поливы (квадрат Д2, штык 14; рис. 1, 3). Глина белая с легким бежевым оттенком, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими сероватыми включениями.

5. Фрагмент центральной части дна поливного сосуда с врезным орнаментом в виде схематичного изображения пальмовой ветви на внутренней стороне (квадрат В6, штык 17; рис. 1, 6). На нижней поверхности – врезной кружок диаметром 1,5 см с желтой поливой в углублении. Полива ближе всего к 5У 6/6 (желтая с оливковым оттенком), с гладкой блестящей поверхностью, местами отслоилась, наложена на слой розоватого ангоба. На поверхности – точечные углубления, куда затекла полива, имеющая в таких местах более темный цвет. Глина светло-светло-розовая, плотная, с редкими мельчайшими сероватыми включениями.

Особый интерес представляет группа сосудов для подогрева (*chafing dishes*), которые составляют большую часть коллекции. Они представляют собой блюда с двумя ручками, на высоком полом поддоне с прорезями, через которые закладывали горящие угли, сохранявшие содержимое верхнего блюда в горячем состоянии, когда его переносили из кухни в столовую и оно стояло на столе во время обеда. Тяга и вентиляция обеспечивались с помощью тех же отверстий. Появились такие сосуды в VIII в. (самые ранние датируются, по мнению Хейса, приблизительно 700 или несколько раньше²⁷).

6. Три фрагмента одного сосуда для подогрева найдены в штыке 13 квадрата Б7, штыке 15 квадрата А7 и штыке 17 квадрата В6 (рис. 1, 2). Сохранилась часть верхнего конического в сечении блюда с частью плосковыпуклой в сечении ручки, отвесно «падающей» от подтреугольного в сечении венчика, отделенного на внутренней стороне от стенок тулова тонким желобком. Это простейшая форма венчика, характерная для сосудов рассматриваемой группы. По мнению Стивенсона, при изготовлении сосудов подобного рода мастер формовал венчик высотой больше необходимого, затем заворачивал край вовнутрь сосуда и уплощал²⁸. На внешней стороне виден скол от нижней части сосуда. Блестящая, без признаков иризации полива, испещренная точечными углублениями, покрывает только внутреннюю поверхность сосуда. Верхняя часть внешней стороны покрыта бежевым ангобом с незначительными подтеками и пятнышками поливы. Полива желтая с пятнами светло-оранжевого оттенка. Глина плотная, хорошо отмученная, серовато-бежевая, с редкими мельчайшими сероватыми включениями. Аналогии происходят из раскопок слоев стадии II Большого дворца в Константинополе²⁹.

7. Два фрагмента от одного сосуда для подогрева происходят из штыка 14 квадрата К7 и 36/15 (рис. 1, 5). Сохранилась часть верхней чаши с округлым выпукло-вогнутым венчиком. Сосуд декорирован врезным сетчатым орнаментом. Ручка подромбовидная в сечении с несколькими пятнышками желтой и зеленой поливы. На внешней стороне виден скол от нижней части сосуда. Блестящая, без признаков иризации желтая полива покрывает только внутреннюю поверхность

²⁷ Hayes 1992, 17.

²⁸ Stevenson 1947, 36, pl. 15, 8–13.

²⁹ Stevenson 1947, 36, pl. 15, 8–13.

сосуда и часть внешней поверхности венчика. Верхняя часть внешней стороны покрыта бежевым ангобом с незначительными подтеками. Глина плотная, хорошо отмученная, серовато-бежевая, с редкими мельчайшими бежевыми включениями.

8. Два фрагмента верхней чаши сосуда для подогрева (*chafing-dish*) с т.н. рельсовидным венчиком происходят из штыка 13 объекта 10 и квадрата Д5 (Рис. 1, 8). Сохранилась незначительная часть плосковыпуклой в сечении ручки, однако, она не дает четкого представления об общей ее форме. На внешней стороне сохранился скол от нижней части сосуда. Желтая полива, наложенная на слой розоватого ангоба, покрывает как внутреннюю, так и внешнюю поверхность верхней чаши сосуда; ниже, там, где располагался поддон, поливы нет. На внешней стороне имеются вертикальные, регулярно расположенные полосы темно-коричневого цвета. Глина светлая, серовато-бежевая, плотная, хорошо отмученная, с редкими мелкими сероватыми включениями. Сосуд примечателен двухстрочной надписью, прочерченной по сырой глине до нанесения поливы. Надпись прочитана Андреем Юрьевичем Виноградовым, который дал следующий комментарий: «Читаются два не стыкующихся между собой фрагмента, вероятно, додекасиллабической надписи:

...]ν μιδὲν φει[... ...]ηλε καλέ κα[...
...]δεσα βου[... ...]ν τοῦ κυ[...

Текст надписи целиком не восстанавливается, однако вокатив *καλέ* “красивый, прекрасный” (которому предшествует другой вокатив), возможно, указывает на то, что перед нами либо любовное стихотворение, либо обращение к святому».

Подобные надписи, главным образом религиозного содержания, более характерны для посуды группы GWWI, на сосудах группы GWW II врезной орнамент, в частности надписи, встречаются крайне редко³⁰. В Северном Причерноморье единственный известный нам сосуд группы GWWI с надписью (дно, покрытое желтой поливой, на расходящемся книзу кольцевом поддоне) с двумя сохранившимися буквами происходит из Херсонеса, где был найден в комплексе VIII – первой половины IX вв.³¹ К какой группе поливной белоглиняной посуды – I или II – принадлежал рассматриваемый сосуд определить трудно. С одной стороны, такие его характеристики, как наложение поливы на слой ангоба, многочисленные точечные углубления на поверхности поливы, врезная надпись – более типичны для посуды группы GWWI; с другой, качество глины и коричневые полосы на внешней стороне, скорее, можно отнести к признакам посуды группы GWW II. Возможно, сосуд относится к начальному периоду бытования группы GWW II, т.е. к началу IX в. Именно этим временем датируются самые ранние комплексы Сарачан, в которых выявлены сосуды этой группы (*deposits* 36 и 37)³².

9. На квадрате К/3 в штыках 7 и 8 найдены 2 фрагмента верхней части сосуда для подогрева округлой формы с широким рельсовидным бортиком (рис. 2, 1). На одном фрагменте сохранился скол от ручки, на втором – часть уплощенно-овальной в сечении ручки с ребром на внешней поверхности. Зеленая блестящая пятнистая полива, наложенная довольно толстым слоем на обе стороны сосуда, частично отслоилась вместе с верхним слоем глины. Глина пережжена до светло-

³⁰ Hayes 1992, 18, 22, 107, 111, fig. 52: 32, 7; 56: 35, 6.

³¹ Седикова 1997, 648, рис. 1, 13.

³² Hayes 1992, 113, 114.

серого, плотная, хорошо отмученная, с редкими мелкими темными включениями. Судя по качеству поливы и глины, сосуд принадлежит к группе GWWII, бытовавшей в 9–12 вв.³³ Для нее характерна плотная, хорошо отмученная глина и желтая или зеленая пятнистая полива, наложенная непосредственно на глину.

10. Фрагмент трехсоставного сосуда для подогрева, который состоял из расширяющегося книзу полого округлого в сечении кольцевого поддона, средней округлой чаши с прорезями (сохранилась часть большой округлой прорези) (квадрат АЗ, штык 12; рис. 2, 2) и сохранившимся основанием уплощенной ручки подпрямоугольного сечения в ее нижней части. Венчало сосуда, скорее всего, мелкое блюдо (не сохранилось), на которое, собственно, и клали еду. На средней чаше, внешней и внутренней поверхности поддона – подтеки блестящей прозрачной поливы, наложенной непосредственно на глину и оттого кажущейся коричневой (скорее всего, желтая или бесцветная). Глина желтовато-красная, плотная, очень хорошо отмученная, с единичными мелкими темными включениями.

Рассматриваемый экземпляр принадлежит группе «Brown Glazed Ware», включающей большое количество сосудов для подогрева. Группа была выделена Морганом на материале Коринфа³⁴, где производство сосудов этой группы началось в IX в.³⁵ Однако, кроме Коринфа, аналогичные сосуды для подогрева примерно в это же время начали производить на обширной территории центрального и восточного Средиземноморья (в Пафосе на Кипре, в Румынии³⁶). В одном из этих центров было изготовлено и рассматриваемое блюдо.

Справедливости ради следует отметить мнение П. Артура, который считает, что сосуды для подогрева являются показателем распространения специфической, чисто византийской по характеру кулинарной традиции, а их ареал ограничивается, главным образом, районами прямой византийской политической власти или районами, входящими в состав более широкого византийского культурного содружества с сильными политическими и экономическими связями с Константинополем, являясь признаком принадлежности к обширному византийскому культурному *koinë* даже на кулинарном уровне³⁷. Однако присутствие сосудов для подогрева в Фанагории, которая не принадлежала к византийскому миру³⁸, объясняется, возможно, ее ролью торгового порта, который, как и другие приморские центры³⁹, поддерживал прямые или, скорее, опосредованные торговые контакты с Константинополем⁴⁰ или с какими-то византийскими центрами, имевшими связи со столицей империи.

³³ Hayes 1992, 18.

³⁴ Morgan 1942, 36–42.

³⁵ Sanders 2003, 390.

³⁶ Hayes 1992, 17.

³⁷ Arthur 2007, 15.

³⁸ Мнение В. Чхаидзе, который считает, что материальная культура раннесредневековой Фанагории осталась «по сути провинциальной византийской» и что «в Фанагории продолжает проявляться сохранение и сильное влияние Византии», представляется недостаточно обоснованным; признаки принадлежности Фанагории к византийскому миру исследователем не оговорены, и в чем именно заключалось «сильное влияние Византии» остается неясным (см. Чхаидзе 2012), хотя, естественно предположить, что какая-то часть населения города считала себя частью византийского цивилизованного мира, что, однако, не определяло общий облик города.

³⁹ Майко 2004, 206.

⁴⁰ Hayes 1992, 18.

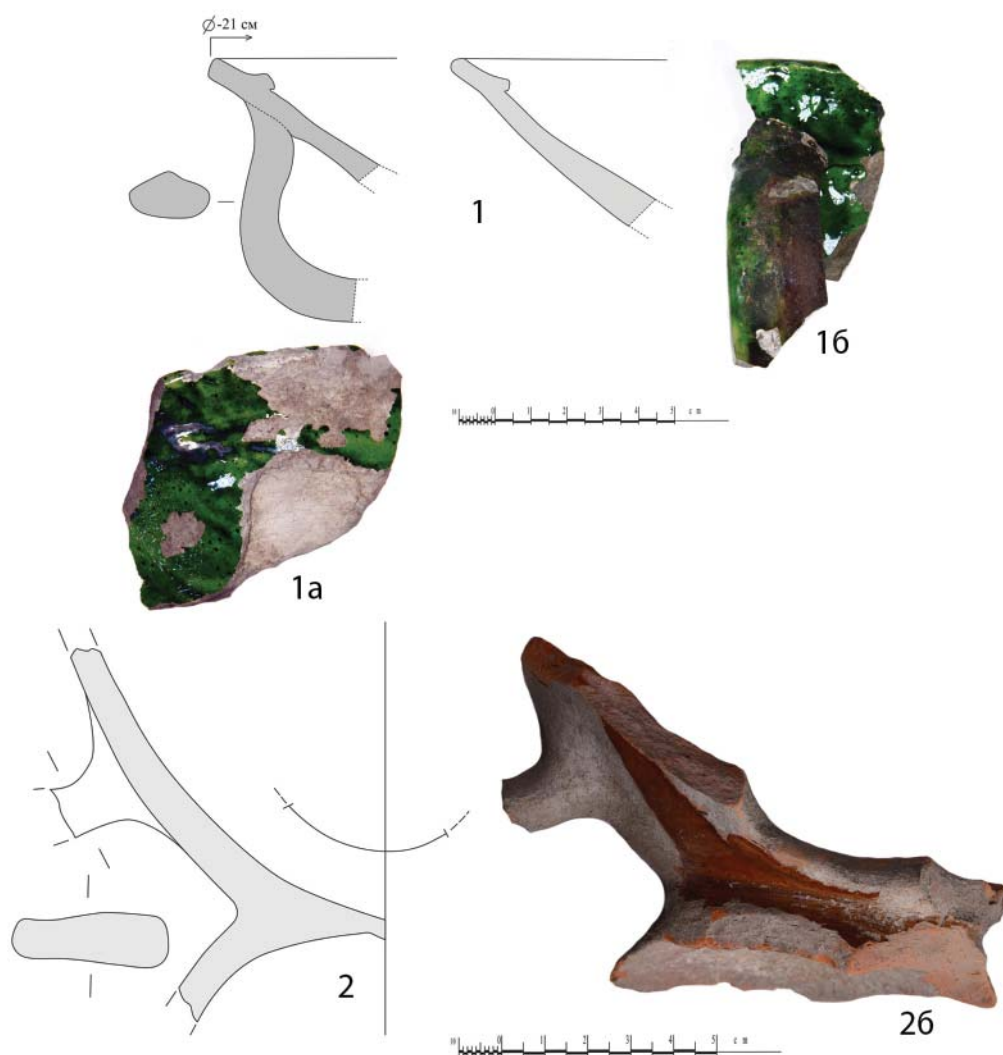

Рис. 2. 1 – Керамика группы GWW II; 2 – «Brown Glazed Ware» из слоев хазарского времени в Фанагории

Следует отметить и тот факт, что участок Нижнего города расположен в припортовой части фанагорийского городища, что не исключает существование здесь, в районе порта, каких-то гостиниц и таверн для приезжавших в город по каким-то торговым или дипломатическим делам. Поэтому блюда для подогрева вполне могли быть предназначены для людей, привыкших к несколько другому сервису и другой кухне.

Все фрагменты найдены в слоях, связанных с последней сплошной застройкой города и характеризующихся, как и на других участках фанагорийского городища⁴¹, отсутствием фрагментов амфор с мелким зональным рифлением, безраздельным доминированием амфор с бороздчатым туловом и единичными находками кувшинов с плоскими ручками, т.е. датирующимися второй половиной IX – началом X вв. Тот факт, что подавляющее большинство фрагментов поливной посуды, найденных при раскопках верхних слоев Нижнего города, принадлежит группе GWW I, датирующейся VII – первой половиной IX вв., служит дополнительным аргументом⁴² в пользу датировки конца функционирования хазарских кварталов в рамках второй половины IX – начала X вв.⁴³

Исключение составляет блюдо для подогрева, принадлежащее группе GWW II, начало бытования которой относят к началу IX в., что не противоречит предложенной датировке слоев. Кроме того, не исключено, что оно связано с домом, возведенном на остатках покинутых жителями кварталов IX в., и попало в нижние слои в результате перекопов, которым подвергалось фанагорийское городище как в древности, так и в новое время в ходе добычи дефицитного на Таманском полуострове камня.

Таким образом, небольшая коллекция поливной посуды, найденной в ходе раскопок на участке «Нижний город», весьма информативна. На сегодняшний день это единственная группа археологического материала, которая указывает на наличие связей Фанагории с византийским миром в VII–IX вв. Кроме того, она позволяет уточнить время конца функционирования хазарских кварталов, а также расширяет наши представления о быте жителей города.

ЛИТЕРАТУРА

- Атавин, А.Г. 1988: Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья. В кн.: *Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития*. М., 20–22.
- Голофаст, Л.А., Романчук, А.И., Рыжов, С.Г., Антонова, И.А. 1991: *Византийский Херсон*. Каталог выставки. М.
- Голофаст, Л.А. 2013: Новые находки посуды группы Glazed White Ware I в Херсонесе. *Stratum plus* 4, 269–274.
- Кобылина, М.М. 1948: *Отчет о раскопках в Фанагории в 1948 году*. Архив ИА РАН. Д. Р-1 253.
- Кобылина, М.М. 1951: Раскопки Фанагории. *КСИИМК XXXVII*, 232–237.
- Кобылина, М.М. 1954: *Отчет о раскопках в Фанагории в 1954 году*. Архив ИА РАН. Д. 1010.
- Кобылина, М.М. 1960: *Отчет об археологических раскопках Фанагории в 1960 году*. Архив ИА РАН. Д. 2333.
- Кобылина, М.М., Кузищин, В.И., Плетнева, С.А., Зайцев, А.К., Соколов, Г.И. 1968: *Отчет о раскопках Фанагории в 1968 году*. Архив ИА РАН. Д. 3761.
- Кузнецов, В.Д., Голофаст, Л.А. 2010: Дома хазарского времени в Фанагории. *ПШФК* 1, 393–429.

⁴¹ Атавин 1988, 22–23; Плетнева 1999, 147; 2003, 183.

⁴² Вынуждена не согласиться с предложенной В.В. Майко датой прекращения существования основной массы построек Фанагории в середине X в. (см. Майко 2014, 195).

⁴³ Кузнецов, Голофаст 2010, 421.

- Майко, В.В. 2004: *Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму*. Киев.
- Майко, В.В. 2014: *Восточный Крым во второй половине X–XII вв.* Киев.
- Плетнева, С.А. 1999: *Очерки хазарской археологии*. М. Иерусалим.
- Плетнева, С.А. 2003: Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. Фанагория. В кн.: *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв.* М., 179–183.
- Седикова, Л.В. 1997: К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе. *МАИЭТ VI*. Симферополь, 646–650.
- Смокотина, А.В. 2003: Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа. *МАИЭТ X*. Симферополь, 172–181.
- Талис, Д.Л. 1960: К характеристике византийской керамики IX–X вв. из Херсонеса. *Археологический сборник* (Труды ГИМ 37). М., 125–140.
- Чхаидзе, В.Н. 2012: *Фанагория в VI – X вв.* М.
- Arthur, P. 2007: Pots and Boundaries. On Cultural and Economic Areas between Late Antiquity and the Early Middle Ages. In: M. Bonifay, J-Ch. Trégliа (eds), *Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry*. Vol. I (BAR IS 1662/I. Oxford, 15-28.
- Bass, G.F. 1982: The Pottery. In: G.F. Bass, F.H. van Doorninck (eds). *Yassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck*. Vol. I. Texas, 155–188.
- Doorninck van, F.H. 2015: The Seventh-Century Byzantine Ship at Yassiada and Her Final Voyage: Present Thoughts. In: D.N. Carlson, J. Leidwanger, S.M. Kampbell (eds.), *Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada, Turkey*. Texas, 205–216.
- Hayes, J.W. 1968: A Seventh-Century Pottery Group. *DOP* 22, 203–216.
- Hayes, J.W. 1992: *Excavations at Sarachane in Istanbul*. Vol.2: *The Pottery*. Princeton.
- Megaw, A.H.S., Jones, R.E. 1983: Byzantine and Allied Pottery: A Contribution to Chemical Analysis to Problems of Origin and Distribution. *ABSA* 78, 235–263.
- Morgan, Ch. 1942: *The Byzantine Pottery* (Corinth. Vol. 11).
- Sanders, G.D.R. 2003: Recent Developments in the Chronology of Byzantine Corinth. In: *Corinth, the Centenary: 1896-1996* (Corinth. Vol. 20), 385–399.
- Stevenson, R. 1947: *The Pottery. The Great Palace of the Byzantine Emperors*. Oxford–London.
- Vroom, J. 2006: Some Byzantine Pottery Finds from Kaman-Kalehöyük: a First Observation. *Anatolian Archaeological Studies* XV, 163–169.

REFERENCES

- Arthur, P. 2007: Pots and Boundaries. On Cultural and Economic Areas between Late Antiquity and the Early Middle Ages. In: M. Bonifay, J-Ch. Trégliа (eds.), *Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry*. Vol. I (BAR IS 1662/I. Oxford, 15-28.
- Atavin, A.G. 1988: Srednevekovaya Fanagoriya i ee mesto sredi odnovekennykh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Medieval Phanagoria and its place among simultaneous sites of the Northern Black Sea Coast]. In: *Slavyane i ikh sosedi. Mesto vzaimnykh vliyaniy v protsesse obshchestvennogo i kul'turnogo razvitiya* [Slavs and their Neighbors. The Place of Interaction in the Process of Public and Cultural Development]. Moscow, 20–22.
- Bass, G.F. 1982: The Pottery. In: G.F. Bass, F.H. van Doorninck (eds.), *Yassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck*. Vol. I. Texas, 155–188.
- Chkhaidze, V.N. 2012: *Fanagoriya v VI – X vv.* [Phanagoria in the 6th – 10th centuries]. Moscow.
- Doorninck van, F.H. 2015: The Seventh-Century Byzantine Ship at Yassiada and Her Final Voyage: Present Thoughts. In: D.N. Carlson, J. Leidwanger, S.M. Kampbell (eds.), *Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada, Turkey*. Texas, 205–216.

- Hayes, J.W. 1968: A Seventh-century Pottery Group. *Dumbarton Oaks Papers* 22, 203–216.
- Hayes, J.W. 1992: *Excavations at Sarachane in Istanbul. The Pottery*. Vol. 2. Princeton.
- Golofast, L.A., Romanchuk, A.I., Ryzhov, S.G., Antonova, I.A. 1991: Vizantiyskiy Kherson [Byzantine Cherson]. *Katalog vystavki [Catalogue of the Exhibition]*. Moscow.
- Golofast, L.A. 2013: Novye nakhodki posudy gruppy Glazed White Ware I v Khersonese [New Finds of Glazed White Ware I in Chersoneses]. *Stratum plus* 4, 269–274.
- Kobyлина, M.M. 1948: *Otchyet o raskopkakh v Phanagorii v 1948 godu [Report on the Excavations in Phanagoria in 1948]*. Arkhiv IA RAN [Archives of the Institute of Archaeology RAS]. D. P-1 253.
- Kobyлина, M.M. 1951: Raskopki Fanagorii [Excavations at Phanagoria]. *Kratkie soobsheniya Instituta material'noy kul'tury [Brief Communications of the Institute of History of the Material Culture]* XXXVII, 232–237.
- Kobyлина, M.M. 1954: *Otchyet o raskopkakh v Fanagorii v 1954 godu [Report on the Excavations at Phanagoria in 1954]*. Arkhiv IA RAN [Archives of the Institute of Archaeology RAS]. D. 1010.
- Kobyлина, M.M. 1960: *Otchyet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Fanagorii v 1960 godu [Report on the Archaeological Excavations at Phanagoria in 1960]*. Arkhiv IA RAN [Archives of the Institute of Archaeology RAS]. D. 2333.
- Kobyлина, M.M., Kuzishchin, V.I., Pletnyeva, S.A., Zaitsev, A.K., Sokolov, G.I. 1968: *Otchyet o raskopkakh v Fanagorii v 1968 godu [Report on the Excavations at Phanagoria in 1968]*. Arkhiv IA RAN [Archives of the Institute of Archaeology RAS]. D. 3761.
- Kuznetsov, V.D., Golofast, L.A. 2010: Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii [Khazar Period Houses in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 393–429.
- Mayko, V.V. 2004: *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu [Medieval Site on Tepsen Plateau in the Eastern Crimea]*. Kiev.
- Mayko, V.V. 2014: *Vostochnyy Krym vo vtoroy polovine X–XII vv. [Eastern Crimea in the second half of the 10th – 12th Centuries]*. Kiev.
- Megaw, A.H.S., Jones, R.E. 1983: Byzantine and Allied Pottery: A Contribution to Chemical Analysis to Problems of Origin and Distribution. *Annual of the British School at Athens* 78, 235–263.
- Morgan, Ch. 1942: *The Byzantine Pottery* (Corinth Vol. XI).
- Pletneva, S.A. 1999: *Ocherki khazarskoy arkheologii [Essays on the Khazar Archaeology]*. Moscow–Jerusalem.
- Pletneva, S.A. 2003: Goroda Tamanskogo poluostrova v kontse VIII–XII vv. Fanagoriya. [Cities of the Taman Peninsula at the late 8th – 12th centuries. Phanagoria]. In: *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII vv. [The Crimea, Northern-Eastern Black Sea Coast and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th – 13th Centuries]*. Moscow, 179–183.
- Sanders, G.D.R. 2003: Recent Developments in the Chronology of Byzantine Corinth. In: *Corinth, the Centenary: 1896–1996* (Corinth. Vol. 20), 385–399.
- Sedikova, L.V. 1997: K voprosu o vremeni poyavleniya vizantiyskoy polivnoy posudy v Khersonese [On the time of appearance of the Byzantine Glazed Ware in Chersoneses]. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* VI. Simferopol, 646–650.
- Smokotina, A.V. 2003: Vizantiyskaya polivnaya keramika VII – pervoy poloviny IX vv. iz raskopok Mangupa [Byzantine Glazed Ware of the 7th – First Half of the 9th Century from the Excavations in Mangup]. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* X. Simferopol, 172–181.
- Stevenson, R. 1947: *The Pottery. The Great Palace of the Byzantine Emperors*. Oxford–London.

- Talis, D.L. 1960: K kharakteristike vizantiyskoy keramiki IX–X vv. iz Khersonesa [On the Characteristics of the Byzantine Pottery of the 9th – 10th Centuries from Chersoneses]. *Arkheologicheskii sbornik* [Archaeological Papers] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 37). Moscow, 125–140.
- Vroom, J. 2006: Some Byzantine Pottery Finds from Kaman-Kalehöyük: a First Observation. *Anatolian Archaeological Studies* XV, 163–169.

GLAZED POTTERY FROM THE KHAZAR LAYERS AT PHANAGORIA

Larisa A. Golofast

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
larisa_golofast@mail.ru

Abstract. The article presents the small but very important collection of the Byzantine glazed ware revealed in the course of excavations on the plot “Lower City” (2000 square metres) in Phanagoria. The overwhelming majority of the fragments belong to the “Glazed White Ware I” dated to the 7th – first half of the 9th century that serves as an additional argument in favor of the earlier suggested date of the depopulation of the so called khazar quarters within the second half of the 9th – early 10th centuries. Considerable part of the collection is comprised by the so called chafing dishes that P. Arthur considers to have been “highly Byzantine in character” and “distributed in the areas of direct Byzantine political domination or in the areas with close political and economic ties to Constantinople”. Yet the presence of such vessels in Phanagoria that was beyond the Byzantine world can be explained by its role of the seaside trade centre that maintained direct or, more likely, mediated links with Constantinople or some other byzantine centres directly connected with the Byzantine capital.

Keywords: Northern Black Sea Coast, Phanagoria, Byzantine Glazed White Ware I and II (GWW I and II)

НАДГРОБИЕ ИЗ КЕП

В.Д. Кузнецов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
phanagor@mail.ru

Аннотация. В заметке публикуется надгробие Никея, сына Никанора, найденное на некрополе Кеп и поступившее в фонды Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория». Надгробие изготовлено из ракушечника, по всей видимости, привезенного из Крыма. Оно представляет собой узкую и высокую стелу-плиту. Особенности написания букв эпитафии позволяют датировать её IV в. до н.э. Этому времени не противоречит и тип стелы. Имя погребенного, Никей, встречается в Северном Причерноморье только в Херсонесе (на вазе и на амфорных клеймах), преимущественно в IV и III вв. до н.э. Имя его отца, Никанора, на Боспоре известно для римского времени (КБН 1030, II в. н.э.). Оно было очень популярным и встречается практически по всему средиземноморскому бассейну.

Ключевые слова: классическая археология, Боспор, Кепы, некрополь, надгробие, IV в. до н.э.

В 2015 г. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория» приобрел у одного из жителей пос. Сенной надгробие, найденное, по его словам, «на Цымбалах», т.е. на водоразделе, идущем от восточного берега Таманского залива в восточном направлении (рис. 1–2). Известно, что здесь находится некрополь Кеп¹.

Надгробие изготовлено из довольно плотного ракушечника, по всей видимости, привезенного из Крыма. Оно представляет собой узкую и высокую стелу-плиту, которая сверху заканчивается карнизом. Над ним вырезан анфемий в виде пальметты и листьев аканфа. Нижняя часть плиты обломана. Размеры камня 1,1 x 0,46 м, толщина 0,23 м. Лицевая поверхность немного повреждена. В частности, на ней видны длинные вертикальные полосы, которые могли быть оставлены, например, плугом. В таком случае надгробие могло быть найдено на вспаханном поле.

На стеле под карнизом читается двустрочная надпись-эпитафия:

Νικέας Νικανόρος χαῖρε

“Никей, сын Никанора, прощай!”

Кузнецов Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом классической археологии ИА РАН.

¹ Сокольский 1963, 100.

Рис. 1

Фигуры — 2016
Рисун «Верный город»

Рис. 2

Для датировки надписи следует обратить внимание на написание наиболее характерных букв. Так, правая вертикальная гаста буквы *ню* чуть короче левой, а косые гасты буквы *каппа* – короткие. Горизонтальная линия у *альфы* прямая и высоко поднята; у *сигмы* косые гасты не параллельны горизонтали. Характерен *омикрон*, который меньше по сравнению с другими буквами². Все эти особенности написания букв эпитафии позволяют датировать её IV в. до н.э. Этому времени не противоречит и тип стелы³.

Имя погребенного, Никей, встречается в Северном Причерноморье только в Херсонесе (на вазе и на амфорных клеймах), преимущественно в IV и III вв. до н.э. (LGPN IV, 251). Кроме того, оно распространено и в других регионах античного мира (LGPN I, 332; II, 331; IV, 250–251; IIIA, 319; IIIB, 302).

Имя его отца, Никанора, на Боспоре известно для римского времени (КБН 1030, II в. н.э.). Оно было очень популярным и встречается практически по всему средиземноморскому бассейну (LGPN I, 329–330; II, 330–331; IIIA, 317–318; IIIB, 299–300; VA, 332).

ЛИТЕРАТУРА

- Болтунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962: Очерк истории лапидарного письма на Боспоре, *Нумизматика и эпиграфика* III, 3–31.
 Максимова, М.И., Наливкина, М.А. 1955: Скульптура. В кн.: *Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры*. М.–Л., 297–324.
 Сокольский, Н.И. 1963: Кепы. В кн.: *Античный город*. М., 97–114.

REFERENCES

- Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962: Ocherk istorii lapidarnogo pis'ma na Bospore [Essay on the history of lapidary writing in the Bosporus]. *Numismatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] III, 3–31.
 Maksimova, M.I., Nalivkina, M.A. 1955: Skul'ptura [The Sculpture]. In: *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya. Ocherki istorii i kul'tury* [Ancient cities of the Northern Black Sea Region. Essays on History and Culture]. Moscow–Leningrad, 297–324.
 Sokolskiy, N.I. 1963: Kepy [Kepoi]. In: *Antichny gorod* [Ancient city]. Moscow, 97–114.

A TOMBSTONE FROM KEPOI

Vladimir D. Kuznetsov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 phanagor@mail.ru

Abstract. The article is a publication of the tombstone of Nikeas, the son of Nikanor, found at the necropolis of Kepoy and arrived to the State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Phanagoria”. The tombstone is made of shell rock, apparently brought from the Crimea. It is a narrow and high stele-slab. The character of writing the letters of the epitaph allow us to date it

² Болтунова, Книпович 1962, 9, табл. II.

³ Максимова, Наливкина 1955, 309.

to the 4th century BC. This date does not contradict the type of stele. The name of the buried one, Nikeas, occurs in the Northern Black Sea Coast only in Chersoneses (on a vase and amphorae stamps), mainly in the 4th and 3rd centuries BC. The name of his father, Nikanor, is known in the Bosphorus during Roman times (CBI 1030, the 2nd century AD). It was very popular almost throughout the Mediterranean.

Keywords: classical archaeology, Bosphorus, Kepoi, necropolis, tombstone, the 4th c. BC

АНГЛОСАКСОНСКОЕ ЖЕНСКОЕ МОНАШЕСТВО VIII ВЕКА В СВЕТЕ ПЕРЕПИСКИ МИССИИ СВЯТОГО УИНФРЕДА БОНИФАЦИЯ

И.И. Болдырева

*Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко,
Воронеж, Россия
boldyrevairi@mail.ru*

Аннотация. В центре внимания автора статьи – переписка англосаксонских монахинь со св. Уинфредом Бонифацием и его учеником св. Лулом, проповедовавшими в Германии в первой половине VIII в. На основании анализа более чем десятка эпистолярных текстов, автор выявляет, что эпистолярная практика занимала значимое место в жизни английских инокинь благородного происхождения. Монахини-аристократки вступали в переписку с миссионерами прежде всего в поисках дружеского общения и эмоциональной поддержки. Многие из этих писем воссоздают атмосферу доверия и эмоционального единения верующих вне зависимости от пола и расстояний. Корреспонденты оказывают друг другу взаимопомощь, делятся советами и духовным опытом, своими проблемами и переживаниями. Участницы переписки сетуют на загруженность административно-хозяйственными делами, материальные сложности, внутренние конфликты, а также отсутствие близких людей, способных дать хороший совет и защитить интересы обители.

По мнению автора, материалы переписки иллюстрируют неоднозначное положение англосаксонских аббатис VIII века. С одной стороны, настоятельницы двойных монастырей обладали влиянием и авторитетом. С другой, происки могущественных недоброжелателей создавали немалые трудности для руководства обителью, что незамедлительно сказывалось на статусе аббатисы и жизни ее общины.

Ключевые слова: англосаксонская Англия, средневековое монашество, святой Уинфред Бонифаций, англосаксонские аббатисы, раннесредневековая церковь, эпистолярный жанр

Раннесредневековые эпистолярные памятники, адресованные английским женщинам или составленные от их имени, представляют собой очень узкий круг исторических свидетельств. Их подавляющее большинство связано с перепиской, которую вели англосаксонские монахини VIII в. с крупным христианским миссионером Уинфредом Бонифацием (ок. 675–754) и его духовными сподвижниками. Св. Бонифаций был английским монахом-бенедиктинцем и происходил из знат-

Болдырева Ирина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко.

ного рода. По достижении 40 лет он отправился на континент, где проповедовал христианство среди язычников-германцев, и впоследствии, получив сан архиепископа, возглавил майнцкую кафедру¹. От миссии св. Бонифация сохранилось обширное эпистолярное наследие, которое проливает свет на любопытные подробности повседневной жизни раннесредневекового монашества и особенности человеческих взаимоотношений в церковных кругах.

Переписка Бонифация сохранилась в целом ряде манускриптов. Наиболее полный из них *Vienna codex MS National bibliothek Lat. 751* был составлен в IX веке. В начале прошлого столетия британский историк Майкл Тэнгл осуществил издание переписки на языке оригинала – латыни. Оно включает 150 посланий, хронологический диапазон которых охватывает несколько десятилетий². Крупные фрагменты переписки Бонифация на английском языке сегодня доступны благодаря переводам Эдварда Кайли и Ефрема Эмертона³.

Непосредственное отношение к английским монахиням имеют 26 посланий. Здесь хотя бы одним из корреспондентов выступает представительница женского пола. В силу специфики эпистолярного материала и скудости других источников не всегда удастся установить, к каким обителям принадлежали корреспондентки Бонифация. Лишь о некоторых из них сохранились достоверные сведения⁴.

Для изучения англосаксонского женского монашества переписка миссионеров информативна с точки зрения ряда значимых аспектов. Она приоткрывает важные детали быта женских обителей VIII в., особенности статуса настоятельниц, проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться. Как источник личного происхождения эпистолярные материалы можно привлекать с целью изучения интеллектуальной культуры, мировоззрения, психологии коммуникатов, а также особенностей межличностного общения, в которое были вовлечены представители церковного сословия.

Отечественные и зарубежные медиевисты неоднократно обращались к эпистолярному жанру на примере переписки франкских монахинь и аристократок. Значительная часть этих исследований посвящена королеве Радегунде – франкской святой, жившей в меровингскую эпоху⁵. У англосаксов первые монастыри появляются в VII в. с началом распространения христианства, но уже столетие спустя женское монашество достигает здесь своего расцвета. На рубеже VII–VIII вв. крупными интеллектуальными и культурными центрами становятся англосаксонские двойные монастыри, настоятельницы которых состояли в родстве с королевскими домами. Высокородные монахини и послушницы владели латинской грамотой и имели возможность использовать переписку для общения со своими родственниками и духовными наставниками⁶.

¹ См. житие св. Бонифация, составленное его соотечественником и современником святым Виллибальдом: Levison 1905; Talbot 1954, 25–62.

² Tangle 1916.

³ Kylie 1911; Emerton 1940.

⁴ Британский историк Барбара Йорк предприняла попытку идентифицировать участниц переписки с историческими лицами, сведения о которых сохранил англосаксонский нарратив VIII века: York 1998.

⁵ См.: Бикеева 2016а; 2016; Cherewatuk 1993 и др.

⁶ Например, письма монахинь Баркина (Эссекс) упоминает Альдхельм Мальмсберийский (639 – 709) – англосаксонский писатель и церковный деятель, современник Уинфреда Бонифация и

Одной из первых работ, обративших внимание на женские послания из собрания Тэнгла, стала опубликованная в 1984 г. монография Питера Дронке “Women Writers of the Middle Ages”⁷, в которой автор анализирует тексты, составленные женщинами в период поздней Античности и Средневековья, от мученицы Перпетуи Карфагенской (ум. 203 г.) до французской писательницы-мистика Маргариты Поретанской (ум. 1310 г.). Здесь же Дронке публикует английский перевод писем монахини Бертгиты, связанной с миссией Бонифация⁸. В 80-е годы прошлого века отрывки из переписки Бонифация и его сподвижника Лула использовала Кристин Фелл в своей монографии “Women in Anglo-Saxon England”⁹.

Сам св. Бонифаций в рамках сохранившегося эпистолярного комплекса является автором девяти посланий монахиням и реципиентом пяти женских писем. Главным образом, речь идет о письмах личного или эмоционального характера. Некоторые из них можно отнести к дружеско-деловым. Многие из этих посланий содержат сведения о несохранившихся письмах, тем самым подтверждая, что дошедшие до нас тексты – лишь малая частица существовавшей эпистолярной практики, в которую могли быть вовлечены насельницы раннесредневековых английских монастырей.

Среди тех, с кем Бонифаций обменивался корреспонденцией, были аббатисы Эадбурга, Бугга, Лиоба, Экбурга. Письмо Экбурги Бонифацию – одно из самых ранних и датируется 716 – 718 гг., когда он еще не был посвящен в епископский сан. О личности Экбурги из других источников ничего неизвестно. Письмо не содержит каких-либо сведений о ее монастыре, зато приоткрывает отдельные черты биографии этой женщины и хорошо передает ее душевное состояние. Оно написано человеком, замкнувшимся в себе, страдающим от одиночества и глубоко переживающим потерю близких. В поисках утешения, облегчения своих душевных страданий Экбурга пишет Бонифацию. Ее доверительное отношение к нему отражено еще в преамбуле, где рядом с формальным «святой отец» присутствует личное обращение «истинный друг»¹⁰. В основном тексте послания Экбурга обращается к Бонифацию как к своему брату и духовному наставнику, чьи советы она никогда не забывает. Подчеркивая свою духовную близость с Бонифацием, Экбурга использует образ сестринских объятий¹¹.

В переписке Бонифация письмо Экбурги одно из самых эмоциональных, это исповедь ее душевной боли. Сильным ударом для Экбурги становится кончина любимого брата: *«Несмотря на то, что со временем темная туча скорби стала светлее, она никогда не покидала меня, – пишет она, – но, чем больше времени*

Беды Почтенного (Lapige, Herren 1979, 59). Об англосаксонском женском монашестве VII–VIII вв. в историческом нарративе и агиографии времен Беды Почтенного см.: Болдырева 2014, Гвоздецкая 2008.

⁷ Dronke 1984.

⁸ Dronke 1984б 30–35. Сохранившиеся три письма Бертгиты адресованы ее брату. Бертгита прибыла из Англии на континент вместе со своей матерью Кюнхильдой, которая доводилась теткой св. Лулу, приемнику Бонифация на майнцкой кафедре.

⁹ Fell 1986.

¹⁰ Abbate sancto veroque amico iure (Tangle 1916, 13, 18).

¹¹ Et licet interim, ut nanta sum, aspectu corporali visualiter defraudata sim, sororis tamen semper amplexibus collum tuum constrinxero. Quam ob rem, mi amande, iam olim frater, nunc autem ambo pariter in Domino dominorum abba atque frater appellaris... non volvitur neque nox elabatur ulla sine memoria magisterii tui. (Tangle 1916, 13, 19).

*проходит, тем сильнее моя печаль»*¹². Разлуку с сестрой, которая уехала в Рим и живет там затворницей, Экбурга воспринимает как еще одно испытание. Лексика, которую она использует, повествуя об этом, передает чувства опустошенности, страха, тоски: *«Тогда же моя дражайшая сестра Ветбурга оставила меня. Для меня это стало новой раной и новой печалью. Она, с которой я выросла, которой восхищалась и с которой была вскормлена у груди одной матери. Христос мой свидетель, всюду была скорбь и страх и боязнь смерти. И будь на то воля Господа, от которого ничто не сокрыто, я бы с радостью приняла смерть»*¹³.

Все светлые мысли в мрачном потоке сознания Экбурги связаны со св. Бонифацием, на чью молитвенную помощь она рассчитывала. Его поддержка очень много значила для нее: *«А потому верь мне, – пишет она, – более чем моряк, застигнутый штормом, стремится к гавани, более чем иссохшие поля жаждут дождя или беспокойная мать ждет на берегу своего сына, так я желала бы повидаться с тобой»*¹⁴. Экбурга знала Бонифация лично, он был дружен с ее покойным братом. Об этой дружбе она спешит упомянуть в начале письма. В сознании Экбурги образ брата становится связующей нитью между нею и ее адресатом¹⁵.

Мотив одиночества и апеллирование к узам дружбы и родства неоднократно встречается в переписке монахинь с миссионером. Ученица Бонифация св. Лиоба в одном из писем к нему ссылается на свое родство с ним по линии матери и его дружбу с ее отцом¹⁶. Аббатиса Эангита и ее дочь Бугга (Хэбурга), чье послание Бонифацию было отправлено около 720 г., сетуют на то, что близких у них не осталось, многие умерли на родине, другие покинули родные берега, устремившись к римским святыням. Ежедневные заботы о монастыре ложатся непосильной ношей на мать и дочь, и им очень нужен человек, которому можно было бы открыть свое сердце: *«Мы так долго искали, а теперь верим, что обрели в тебе друга, которого желали, [о котором] молились и [которого] надеялись [обрести]»*¹⁷.

Письмо Эангиты Бонифацию – это еще одна исповедь. Правда, по содержанию оно сильно отличается от послания Экбурги. Экбурга переживает личную драму, в которой не было места ее монастырю. Для Эангиты и Бугги монастырь, напротив, часть их личного пространства, а состояние дел в обители – предмет забот и глубоких переживаний. *«Возлюбленный брат, более по духу, чем по плоти <...> – обращаются они к Бонифацию, – тебе одному мы желаем поведать в*

¹² Et quamvis temporum series ocius currendo decrescerit, meroris tamen numquam me nebula atra deseruit; sed maiorum spatia temporum maiorum mihi addiderunt lucra iniuriarum (Ibid.)

¹³ Et postquam mihi simul carissima soror Uuethburg quasi inflicto vulnere iteratoque dolore subito ab oculis evanuit, cum qua adolevi, cum qua adoravi idem nutricum sinus, una mater ambobus in Domino et dereliquit; Iesum testor: ubique dolor, ubique pavor, ubique mortis imago. Mallui mori, si sic Deo auspice, cui arcana non latent, placuisset vel tarda mors non tricaverit. (Ibid.)

¹⁴ Quapropter, crede mihi, non sic tempestate iactatus portum nauta desiderat, non sic sitientia imbres arva desiderant, non sic curvo litore anxia filium mater expectat, quam ut ego visibus vestries frui cupio. (Tangle 1916, 13, 20)

¹⁵ Tangle 1916, 13, 19.

¹⁶ Tangle 1916, 29, 52–53. Святая Лиоба, соотечественница Бонифация, воспитывалась в западно-саксонском монастыре Уимборн. Впоследствии она перебралась на континент и была назначена аббатисой Бишофсхаймского монастыря в епархии Майнца. См. ее житие, составленное Рудольфом Фульдским ок. 836 г.: Waitz 1887. О св. Лиобе см.: Прогунова 2015.

¹⁷ Diu quesivimus et confidimus, quia invenimus in te illum amicum, quem cupimus et optavimus et speravimus (Tangle 1916, 14, 24).

этом письме, орошенном слезами, Господь – наш единственный свидетель, какой груз невзгод и тяжкая ноша мирской суеты угнетают нас»¹⁸. Административно-хозяйственные проблемы обители, необходимость постоянно поддерживать контакты с внешним миром отвлекали настоятельниц от душеполезных размышлений. Сетуя на загруженность мирскими делами, они признаются, что далеко не всегда уверены в правильности собственных решений.

Монастырь Эангиты и ее дочери находился на территории Кента¹⁹. Судя по тому, что они сообщают, речь идет о двойной обители с очень разнородным контингентом, что само по себе создавало сложности в управлении. По словам настоятельницы, здесь жили мужи и жены разного возраста и нравов. Внутренняя дисциплина в монастыре была далека от идеала. В тексте письма на этот счет даны деликатные, но недвусмысленные намеки. Эангита упоминает раздоры, которые «сеет враг всего доброго, поражая сердца всех людей горькой злобой, но более всего [сердца] монахов»²⁰. Она пишет, что переживает, ведь ей предстоит дать ответ перед Богом за души вверенных ей людей²¹.

В Англии VIII в. руководство двойной обителью без материальной и политической поддержки влиятельных родственников было сопряжено со многими сложностями. Аббатиса Эангита с дочерью сетовали на крайнюю бедность своего монастыря, скудость земельных владений и непомерные поборы в пользу короля, королевы, епископа и представителей королевской администрации. Бедственное положение обители Эангита объясняла происками завистников и клеветников²². Как правило, нарративные источники и грамоты того времени изображают королей и представителей королевских династий щедрыми донаторами монастырей, а самих аббатис – авторитетными членами англосаксонского социума²³. Письмо Эангиты Бонифацию свидетельствует, что историческая действительность не всегда была столь радужной. В силу политических причин, нам не до конца известных, род, к которому принадлежала Эангита, находился в королевской немилости, и это незамедлительно сказывалось на статусе настоятельницы и жизни монашеской общины.

Под бременем хозяйственно-административных проблем родной обители и неблагоприятной политической обстановки Эангита с дочерью вынашивали планы длительного паломничества к римским святыням. Не будучи уверены, как поступить, они рассчитывали на совет и молитвы св. Бонифация²⁴.

¹⁸ Amantissime frater, spiritalis magis quam carnalis... tibi soli indicare volumus et Deus solis testis est nobis, quas cernes interlitas lacrimis, quod multis miseriarum molibus velud gravissima sarcina aut pressura premente depressi sumus et secularium rerum tumultibus (Tangle 1916, 14, 22).

¹⁹ Это следует из письма короля Кента Этельберта II (725–762) святому Бонифацию (Tangle 1916, 105, 229–231).

²⁰ quas seminat omnium bonorum invisor, qui rancida corda virorum inficit malitia et inter omnes homines spargit, maxime per monasticos (Tangle 1916, 14, 23).

²¹ Tangle 1916, 14, 23.

²² Tangle 1916, 14, 23.

²³ Sawyer 10, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 51, 53, etc. См. повествование Беды Почтенного о Хильде Уитбийской (Colgrave, Mynors 1969, 404–415), изображение Эльффеды Уитбийской в житии св. Кутберта (Colgrave 1985b, 102–105) и житии св. Уилфреда Йоркского (Colgrave 1985a, 128–133). Также см.: Болдырева 2015.

²⁴ Tangle 1916, 14, 23–26.

По всей видимости, аббатиса Эангита умирает, так и не успев осуществить свои планы. После ее смерти переписку с Бонифацием продолжает Бугга. Сохранилось ее письмо миссионеру, датируемое началом 20-х годов, и два более поздних письма Бонифация к ней²⁵. Из посланий Бонифация мы узнаем, что Бугга стала настоятельницей и не изменила своего намерения посетить Рим. Давая совет Бугге по поводу паломничества, Бонифаций не настаивает на каком-либо решении и оставляет за ней право выбора. *«Желаю, чтобы ты знала, дражайшая сестра, что в деле, о котором ты писала, испрашивая совета у меня недостойного, не дерзаю взять на себя ответственность с тем, чтобы воспрепятствовать твоему паломничеству или опрометчиво склонить тебя к нему. Лишь скажу, что я об этом думаю»*²⁶.

Бонифаций воспринимает Буггу как равную, искренне пытается ей помочь и дает вполне разумные советы. Признавая за Буггой право на поиски уединения и душевного мира, он не скрывает сложностей, с которыми она могла столкнуться на пути в Вечный город. Бонифаций пишет, что о намерениях Бугги он сообщил монахине Витбурге, их соотечественнице, которая вот уже много лет жила в Риме. Витбурга в письме к Бонифацию советовала Бугге временно отложить паломничество до тех пор, когда будут прекращены набеги сарацин, и непременно дожидаться весточки от нее²⁷. Детали переписки Бонифация с Витбургой, появляющиеся в его послании к Бугге, подтверждают, что, даже, находясь за пределами родины, англосаксонские монахини были втянуты в густую сеть эпистолярных контактов с представителями церковного сообщества. Благодаря переписке они поддерживали связь со своими соотечественниками и оказывали друг другу всяческую взаимопомощь.

Из позднейших источников мы узнаем, что Бугга не просто совершила паломничество к римским святыням, но благополучно возвратилась в Англию. Король Кента Этельберт II в своем послании миссионеру, датируемом 748–754 гг., пишет, что говорил с почтенной аббатисой Буггой, (*venerabilis abbatissa*), которая несколько лет назад вернулась из Рима. В Риме Бугга виделась со своим другом и духовным наставником Бонифацием. По всей видимости, эта встреча была спланирована в ходе длительной переписки. Судя по тому, что сообщает Этельберт, Бугга в последний период своей жизни была очень авторитетна в среде высшей знати, и сам король относился к ней с большим уважением²⁸.

В очередном послании к аббатисе Бугге Бонифаций пишет об испытаниях, выпавших на ее долю, но не уточняет, о чем конкретно идет речь. Это послание не имеет точной датировки. Единственным, правда, весьма условным хронологическим ориентиром является упоминание Бонифацием почтенного возраста аббатисы. Однако не исключено, что оно было написано еще до ее паломничества в Рим. Письмо проникнуто пониманием, состраданием, теплотой: *«И теперь, досточтимая сестра, сочувствуя твоим злключениям и памятуя о твоей доброте*

²⁵ Tangle 1916, 15, 26–28; 27, 47–49; 94, 229–231.

²⁶ Notum sit tibi, soror carissima, de illo consilio, quo me indignum per litteras interrogasti, quod ego tibi inter peregrinum nec interdicere per me nec audenter suadere presumo. Sed, quod visum est, dicam (Tangle 1916, 27, 48).

²⁷ Tangle 1916, 27, 48–49.

²⁸ Этельберт в этом письме изображает Буггу своей собеседницей и советчицей. Он также упоминает свое кровное родство с ней. Tangle 1916, 105, 229–231.

ко мне и нашей давней дружбе, посылаю к тебе свое братское письмо, чтобы утешить и ободрить»²⁹. Свой призыв радоваться и презирать мирские невзгоды Бонифаций подкрепляет многочисленными цитатами из Святого Писания.

Сам миссионер неоднократно писал духовным сестрам о своих лишениях, прося молитвенной поддержки. Одно из писем аббатисе Бутге он завершает следующими словами: «Дорогая сестра, и даже более, дражайшая мать и госпожа, во имя Господа прошу твоих молитв обо мне, ибо по грехам моим терплю многие искушения, скорблю и душою, и телом. Не сомневайся, наша многолетняя дружба нерушима»³⁰. Тема земных страданий и просьба о молитве за себя и свою паству составляют основное содержание одного из писем Бонифация, адресованных аббатисе Эадбурге. «Путь наших странствий сопряжен со многими потрясениями. Всюду – борьба и огорчение, отвне – нападения, внутри – страх», – сетует он, используя скрытую цитату из трудов апостола Павла³¹.

Переписка Бонифация с Эадбургой длилась на протяжении многих лет. Достоверно неизвестно, какой монастырь она возглавляла. Большинство исследователей полагают, что это был минстер на острове Танет (Кент)³². Согласно другой версии, она жила в западно-саксонском монастыре Уимборн, где начинала свой иноческий путь другая ученица Бонифация – св. Лиоба³³. Первое письмо Уинфреда Бонифация было отправлено Эадбурге около 717 г. Бонифаций составил его в ответ на просьбу настоятельницы, желавшей подробнее узнать о чудесном видении одному из насельников монастыря Уэнлокк. Рассказ об этом чуде Бонифаций впервые услышал от аббатисы Хильделиты, однако позднее имел возможность поговорить с самим монахом и рассказал о явлении со слов очевидца³⁴. Мы не знаем, виделся ли Бонифаций с Хильделитой или поддерживал связь посредством переписки. Однако упоминание Бонифацием знаменитой аббатисы Баркинга, которой Альдхельм посвятил «De virginitate»³⁵, свидетельствует, что география контактов миссионера с англосаксонскими двойными обителями была весьма обширна. Последующие письма Бонифация Эадбурге датируются 30–40-ми гг. VIII в.

Наряду с взаимными молитвенными просьбами в переписке монахинь и св. Бонифация регулярно встречаются просьбы прислать богослужебные и церковные книги, в которых миссионеры испытывали особенную нужду. В одном из посланий Эадбурге Бонифаций благодарит свою «возлюбленную сестру» за присланные ею священные книги³⁶. В другом – просит выполнить в золоте копию

²⁹ Nunc autem, soror veneranda, tribulationibus tuis conpatiens fraternas et hortatorias et consolatorias beneficiorum tuorum et antiquarum amicitiarum memor litteras ad te transmitto rogans (Tangle 1916, 94, 214).

³⁰ Obsecro igitur per Deum sororem carissimam, immo matrem ac dominam dulcissimam, ut adsidue pro me orare dignetur, quia pro peccatis meis multis tribulationibus fatigor et multo maiore mentis tribulatione et sollicitudine quam corporis labore conturbor. Fidem antiquam inter nos numquam deficere scias (Tangle 1916, 27, 49).

³¹ conversatio peregrinationis nostrae variis tempestatibus inluditur. Undique labor, undique meror. 'Foris pugnae, intus timores' (Tangle 1916, 65, 137).

³² См.: Fell 1986, 112; Schulenburg 1998, 334; Tangle 2016, 7, 137.

³³ См.: York 1998, 170–172.

³⁴ Tangle 1916, 10, 7–15.

³⁵ Lapige, Herren 1979, 59–132.

³⁶ Tangle 1916, 30, 54.

послания апостола Петра. Материалы, необходимые для написания рукописи, он передавал Эадбурге через своего посыльного священника Эобана³⁷.

Не исключено, что в скрипториях, функционировавших при англосаксонских двойных монастырях, трудились не только братия, но и инокини. Поскольку процесс создания манускрипта был очень длительным и кропотливым, рукописи, присылавшиеся миссионерам, не всегда создавались на заказ. Иногда нужную книгу приходилось искать в монастырских библиотеках, и такие поиски не обязательно завершались успешно. Например, в одном из посланий Бонифацию Бугга с сожалением сообщает, что не смогла достать обещанный мартиролаг, но обязательно вышлет книгу, как только представится возможность³⁸.

Среди прочих предметов, которые англосаксонские монахини отправляли на континент, чтобы поддержать проповедников материально, была одежда, церковная утварь и даже деньги³⁹. Сами миссионеры, будучи стеснены в средствах, высылали подарки реже. Как правило, эти подарки отражают особый статус их получательниц, являясь знаком почтения и глубокого уважения. Ярким примером тому служит письмо одной из английских настоятельниц по имени Кюнитрида, составленное ок. 740 г. Денехардом, Бурхардом и Лулом, проповедовавшими в Германии вместе с Бонифацием⁴⁰.

Где был расположен монастырь Кюнитриды, нам не известно. Однако, судя по письму, ее возможности распространялись далеко за пределы ее монастыря. От своего лица и от лица братии Лул просил влиятельную аббатису за двух своих бывших рабов вольноотпущенников, которые хотели присоединиться к миссионерам. Опасаясь, что на родине им будут чинить препятствия, он рассчитывал на ее покровительство.

Уже в преамбуле монахи вместо обычного «сестра» используют обращение «возлюбленная госпожа» (*Domine dilectissime*) и называют себя ее сыновьями (*fili tui*)⁴¹. Эта деталь отражает восприятие корреспондентами субординации и статуса. Подчеркивая высокий статус Кюнибурги, они пишут, что выделяют ее из всех женщин в своем сердце и молят позволить им поддерживать контакты с ее общиной. Эти просьбы трое монахов подкрепляют воображаемой картиной своего коленопреклонения перед Кюнибургой и заверяют ее в своей преданности: «*Мы также желаем, чтобы твоя забота и мудрость знала, что, если кто-либо из нас когда-нибудь окажется в Британии, мы не предпочтем твоему благорасположению послушание и подчинение кому-либо другому*»⁴².

Официальный тон этого послания обусловлен разницей корреспондентов в возрасте, их положением в обществе и внутри церковной иерархии. Тот же тон сохраняется в письме Лула к аббатисе Эадбурге, которой молодой диакон высылает серебряный стилус, корицу и благовония, прося ее молить⁴³.

³⁷ Tangle 1916, 35, 60.

³⁸ Tangle 1916, 15, 27.

³⁹ Tangle 1916, 15, 28; 27, 48; 35, 60.

⁴⁰ Tangle 1916, 49, 78 – 80.

⁴¹ Tangle 1916, 49, 78.

⁴² Illud etiam scire desideramus tuae sagacitatis industriam, quod si qui nostrum contingit huius Britannicae telluris scepra visitare, quod nullius hominis oboedientiam et institutionem antea querimus, quam tuae benevolentiae subiectionem (Tangle 1916, 49, 79).

⁴³ Tangle 1916, 70, 143.

Таким образом, вопреки устоявшемуся мнению о подозрительном отношении к представительницам слабого пола в период Средневековья, есть все основания утверждать, что вопрос о статусе женщины в раннесредневековой церкви является более сложным. В первой половине VIII в. насельницы англосаксонских монастырей вступали в переписку, чтобы компенсировать недостаток доверительного общения, отсутствие близких людей, способных дать хороший совет и оказать моральную поддержку. При помощи писем монахини-аристократки, обученные латинской грамоте, выстраивали дружеское общение и поддерживали контакты со своими соотечественниками и братьями по духу. Многие из этих посланий воссоздают атмосферу доверия и эмоционального единения верующих вне зависимости от пола, возраста и расстояний. Участники переписки обращаются друг к другу с просьбами, обмениваются подарками, делятся советами и духовным опытом, откровенно рассказывая о своих нуждах и чаяниях.

Важной особенностью переписки Бонифация является преобладание среди его корреспонденток аббатис. Карьера и статус этих женщин не были одинаковы. Настоятельницы англосаксонских двойных монастырей пользовались авторитетом и влиянием. Вместе с тем, королевская немилость, отсутствие материальной и политической поддержки со стороны родственников могли создать серьезные трудности для аббатисы и ее общины. Из отдельных посланий мы узнаем о материальных сложностях обителей, загруженности настоятельниц мирскими делами, происках недоброжелателей и внутренних раздорах.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикеева, Н.Ю. 2013: Письма св. Радегунды: социальные функции и риторика. В кн.: Л.П. Репина, А.Ю. Серегина (ред.), *Адам и Ева. Альманах гендерной истории* Москва, 7–28.
- Бикеева, Н.Ю. 2016: Поэтические послания св. Радегунды в Константинополь: женские письма как фактор внешней и внутренней политики франков в 60-е гг. VI в. В кн.: А.В. Стогова, А.Ю. Серёгина (ред.), *Ляпсусы и казусы в европейской эпистолярной культуре*. Москва, 10–34.
- Болдырева, И.И. 2014: Двойные монастыри в Англии в эпоху Беды Почтенного. *Клио* 2(86), 40–43.
- Болдырева, И.И. 2015: Житие святого Уилфреда Йоркского о статусе англосаксонских аббатис VII века. В сб.: *Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов VIII международной научной конференции*. Липецк, 13–16.
- Гвоздецкая, Н.Ю. 2008: Женщины в «Церковной истории народа англос» Беды Достопочтенного. *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения* 1, 24–44.
- Прогунова, Ю.М. 2015: Леоба: ученая монахиня, аббатиса. *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика* 1, 62–67.
- Cherewatuk, K. 1993: Cherewatuk K. Radegund and Epistolary Tradition. In: K. Cherewatuk, U. Wiethaus (eds.), *Dear Sister: Medieval Women and the Epistolary Genre*. Philadelphia, 20–45.
- Colgrave, B. (ed.) 1985a: *The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus*. Cambridge.
- Colgrave, B. (ed.) 1985b: Vita Sancti Cuthberti Auctore Anonymo. In: B. Colgrave (ed.), *Lives of Saint Cuthbert*. Cambridge, 59–139.
- Colgrave, B., Mynors R.A.B. (eds.) 1969: *Bede's Ecclesiastical History of the English People*. Oxford.

- Dronke, P. 1984: *Women Writers of the Middle Ages: a Critical Study of Texts from Perpetua to Marguerite Porete*. Cambridge.
- Emerton, E. (ed.) 1940: *The Letters of Saint Boniface*. New York.
- Fell, C. 1986: *Women in Anglo-Saxon England and the impact of 1066*. Oxford.
- Kylie, E. (ed.) 1911: *The English Correspondence of Saint Boniface*. London.
- Lapidge, M., Herren, M. (eds.) 1979: *Aldhelm. The Prose Works*. Cambridge.
- Levison, W. (ed.) 1905: Vita Bonifatii auctore Willibaldo. In: *MGH. Scriptores rerum Germanicarum*. T. 57. Hannoverae et Lipsiae, 1–58.
- Sawyer, P. H. (ed.) 1968: *Anglo-Saxon Charters: an Annotated List and Bibliography*. London.
- Schulenburg, J.T. 1998: *Forgetful of their sex: female sanctity and society, ca. 500–1100*. Chicago.
- Talbot, C.H. (ed.) 1954a: Life of Saint Boniface. In: *The Anglo-Saxon Missionaries in Germany*. London–New York, 25–62.
- Talbot, C.H. (ed.) 1954b: Life of Saint Leoba. In: *The Anglo-Saxon Missionaries in Germany*. London–New York, 204–226.
- Tangl, M. (ed.) 1916: Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus. In: *MGH. Epistolae Selectae*. T. I. Berlin, 1–289.
- Waitz, G. (ed.) 1887: Vita Leobae Abbatissae Biscofesheimensis auctore Rudolfo Fuldensi. In: *MGH. Scriptorum*. T. 15/1. Hannoverae, 118–131.
- York, B. 1998: The Bonifacian Mission and Female Monastic in Wessex. *Early Medieval Europe* 7, 145–72.

REFERENCES

- Bikeeva, N.Yu. 2013: Pis'ma sv. Radegundy: sotsial'nye funktsii i ritorika [Letters from St. Radegunds: social functions and rhetoric]. In: L.P. Repina, A.Yu. Seregina (eds.), *Adam i Eva. Al'manakh gendernoy istorii [Adam and Eve. Gender History Yearbook]*. Moscow, 7–28.
- Bikeeva, N.Yu. 2016: Poeticheskie poslaniya sv. Radegundy v Konstantinopol': zhenskie pis'ma kak faktor vneshney i vnutrenney politiki frankov v 60-e gg. VI v. [Poetic epistles of St. Radegunds in Constantinople: women's letters as a factor in the foreign and domestic policy of the Franks in the 760-s] In: A.V. Stogova, A.Yu. Seregina (eds.), *Lyapsusy i kazusy v evropeyskoy epistolyarnoy kul'ture [Incidents and Failures in European Epistolary Culture]*. Moscow, 10–34.
- Boldyreva, I.I. 2014: Dvoynye monastyri v Anglii v epokhu Bedy Pochtennogo [Double Monasteries in England in the Age of Bede the Venerable]. *Klio* 2 (86), 40–43.
- Boldyreva, I.I. 2015: Zhitie svyatogo Uilfreda Yorkskogo o statuse anglosaksonskikh abbatiss VII veka [The Life of St. Wilfred of York on the Status of Anglo-Saxon Abbesses of the 7th Century]. In: *Obshchestvo. Gender. Istoriya: sbornik statey i tezisov dokladov VIII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Society. Gender. History. Proceedings of the 8th international conference]*. Lipetsk, 13–16.
- Cherewatuk, K. 1993: Cherewatuk K. Radegund and Epistolary Tradition. In: K. Cherewatuk, U. Wiethaus (eds.), *Dear Sister: Medieval Women and the Epistolary Genre*. Philadelphia, 20–45.
- Colgrave, B. (ed.) 1985a: *The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus*. Cambridge.
- Colgrave, B. (ed.) 1985b: Vita Sancti Cuthberti Auctore Anonymo. In: B. Colgrave (ed.), *Lives of Saint Cuthbert*. Cambridge, 59–139.
- Colgrave, B., Mynors R.A.B. (eds.) 1969: *Bede's Ecclesiastical History of the English People*. Oxford.
- Dronke, P. 1984: *Women Writers of the Middle Ages: a Critical Study of Texts from Perpetua to Marguerite Porete*. Cambridge.

- Emerton, E. (ed.) 1940: *The Letters of Saint Boniface*. New York.
- Fell, C. 1986: *Women in Anglo-Saxon England and the impact of 1066*. Oxford.
- Gvozdet'skaya, N.Yu. 2008: Zhenshchiny v «Tserkovnoy istorii naroda anglov» Bedy Dostopochtennogo [Women in Bede's the Venerable *Ecclesiastical History of the English People*]. *Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* [*Cursor Mundi: Human of Antiquity, the Middle Ages and Renaissance*] 1, 24–44.
- Kylie, E. (ed.) 1911: *The English Correspondence of Saint Boniface*. London.
- Lapidge, M., Herren, M. (eds.) 1979: *Aldhelm. The Prose Works*. Cambridge.
- Levison, W. (ed.) 1905: Vita Bonifatii auctore Willibaldo. In: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum*. T. 57. Hannoverae et Lipsiae, 1–58.
- Progunova, Yu.M. 2015: Leoba: uchenaya monacinya, abbatisa [Leoba: a learned nun and abbess]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series History. Politics. Economics. Informatics] 1, 62–67.
- Sawyer, P. H. (ed.) 1968: *Anglo-Saxon Charters: an Annotated List and Bibliography*. London.
- Schulenburg, J.T. 1998: *Forgetful of their sex: female sanctity and society, ca. 500 – 1100*. Chicago.
- Talbot, C.H. (ed.) 1954a: Life of Saint Boniface. In: *The Anglo-Saxon Missionaries in Germany*. London–New York, 25–62.
- Talbot, C.H. (ed.) 1954b: Life of Saint Leoba. In: *The Anglo-Saxon Missionaries in Germany*. London–New York, 204–226.
- Tangl, M. (ed.) 1916: Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus. In: *Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Selectae*. T. I. Berlin, 1–289.
- Waitz, G. (ed.) 1887: Vita Leobae Abbatissae Biscofesheimensis auctore Rudolfo Fuldensi. In: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. T. 15/1. Hannoverae, 118–131.
- York, B. 1998: The Bonifacian Mission and Female Monastic in Wessex. *Early Medieval Europe* 7, 145–72.

ANGLO-SAXON FEMALE MONASTICISM OF THE 8th CENTURY IN THE LIGHT OF THE CORESPONDENCE OF THE ST. WINFRED BONIFACE MISSION

Irina I. Boldyreva

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Voronezh, Russia
boldyrevairi@mail.ru

Abstract. The paper focuses on the correspondence of Anglo-Saxon nuns with St. Winfred Boniface and his disciple St. Lul, preaching in Germany in the first part of the 8th century. Based on the analysis of more than a dozen of epistolary texts, the author reveals the importance of epistolary practice in the daily affairs of Anglo-Saxon noble nuns. Nuns-aristocrats entered into a correspondence with the missionaries, primarily in search of companionship and emotional support. The greater part of the letters recreates the atmosphere of trust and emotional unity of Christians regardless of gender and distance. The correspondents help each other, give advice and share spiritual experience, discussing their problems and feelings. The abbesses complain about the workload of everyday administrative affairs, financial difficulties, quarrels among the nuns and brethren, as well as the absence of those who could give valuable advice and maintain the monastery's interests. According to the author, the epistolary texts illustrate an ambiguous

position of Anglo-Saxon abbesses of the 8th century. On the one hand, the abbesses of the double monasteries possessed influence and authority. On the other hand, the powerful ill-wishers' intrigues caused many difficulties which immediately affected the status of the abbess and the life of her community.

Keywords: Anglo-Saxon England, medieval monasticism, saint Winfred Boniface, Anglo-Saxon abbesses, early medieval Church, epistolary genre

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2017), 223–232
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2017), 223–232
©Автор(ы) 2017

ШЕРСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ МОЩЕВАЯ И ПОДОРВАННАЯ БАЛКИ (VIII–X вв.): КАЧЕСТВО СЫРЬЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

И.И. Елкина, А.С. Пахунов, У.Ю. Кочкаров, А.Е. Гринько, Е.Г. Дэвлет

Институт археологии РАН, Москва, Россия

ira-elkina@yandex.ru; science@pakhunov.com; umar_k@mail.ru; tikal@yandex.ru;
eketek@yandex.ru

Аннотация. Значительную часть текстильных шерстяных находок из аланских погребений VIII–IX вв., обнаруженных в скальных могильниках Северо-Западного Кавказа, составляют шерстяные ковры. В момент захоронения ковер помещали на дно могилы, затем на него укладывали погребенного в положении «лежа на спине» с вытянутыми вдоль тела руками. Для ритуала использовались разнообразные ковры как местного производства, так и привозные. В работе представлен результат анализа техники изготовления восьми образцов ковров из могильников Мощевая и Подорванная Балка. Цель работы – описание природы, структуры и качества текстильных волокон; выделение типов ковров, анализ способов их изготовления, которые были различны. Основными являются ковры с ворсом и без него, а также ковры в полоску. Среди безворсовых использовались как привозные, так и местного производства. Различие между ними состоит в богатой полихромии текстиля, изготовленного и окрашенного за пределами региона, возможно, в Средней Азии. Ковры местного производства более грубые, основной прием декорирования состоял в использовании нитей светлых и темных тонов, но также применялись наиболее доступные красители красного и желтого цветов. Несовершенство техники крашения привело к их выцветанию. Все фрагменты ковров с полосами ворса неравномерно окрашены в красный цвет. Нити основы и нити утка не различаются по качеству. Присутствие шерстяного текстиля с широким разнообразием в технике изготовления и декорирования связано с расположением памятников на торговых путях, по которым в разных направлениях происходило активное движение товаров.

Ключевые слова: археология, Кавказ, аланы, скальные могильники Мощевая и Подорванная Балки, шерстяной текстиль, ковры

Елкина Ирина Игоревна – научный сотрудник отдела археологии Московской Руси ИА РАН.

Пахунов Александр Сергеевич – младший научный сотрудник ИА РАН.

Кочкаров Умар Юсуфович – кандидат исторических наук, заведующий архивом ИА РАН.

Гринько Александра – младший научный сотрудник ИА РАН.

Дэвлет Екатерина Георгиевна – доктор исторических наук, ученый секретарь, руководитель центра палеоискусства ИА РАН.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-01-00406 (а).

© IA RAS, NMSTU, JHPHCS, 2017 | DOI 10.18503/1992-0431-2017-4-58-223–232

Скальные могильники Карачаево-Черкессии, яркие памятники периода раннего средневековья, уже в течение многих лет привлекают внимание исследователей. В погребальном обряде отразились богатая культура и традиции аланского населения. Среди этих памятников известный всему миру могильник Мошечая Балка, расположенный в Урупском р-не Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) в ущелье верховьев р. Большая Лаба, в 3 км южнее пос. Курджиново. Он интересен погребальным инвентарем, но не только изделиями из металла, кости, стекла. Благодаря расположению могильника во внутреннем пространстве захоронений на несколько веков создались уникальные микроклиматические условия с относительно ровной температурой и низкой влажностью, которые способствовали сохранению предметов из органических материалов и красителей до наших дней. Вторым аналогичным, но менее известным памятником, рассматриваемым в данной работе, является скальный могильник Подорванная Балка, находящийся на территории Нижне-Архызского археологического комплекса. Во многих захоронениях обнаружены редчайшие текстильные находки – предметы одежды и погребальных ковров. Они уникальны и разнообразны по природе волокон, качеству изготовления и орнаментации. Среди находок представлены шелковые, льняные и шерстяные фрагменты как импорта из разных стран, так и местного производства. Большое разнообразие текстильных находок связано с тем, что в конце VII в. по данной территории проходила кавказская трасса Великого шелкового пути, по которому из Китая, стран Средней Азии, Египта, Сирии, Византии везли различные товары, в том числе и ценные ткани, а рассматриваемые в данной работе памятники оказались одним из важнейших пунктов этого пути. Часть тканей оседала здесь, из них шили предметы одежды и аксессуары. Кроме того, было развито и местное производство грубых шерстяных ковров¹.

Интерес исследователей скальные могильники начали привлекать еще с XIX в. Побывавший на могильниках Подорванной балки в 90-х годах XIX в. В.М. Сысоев описывает их так: «Внизу, вне пещеры, валялись кости и полотняные тряпки, которые, как мне сказали, были выброшены именно из этой пещеры»². Им же описаны вещи, которые лежали в «небольших пещерках», среди них интересна находка деревянного стремени. Хорошо сохранившиеся в захоронениях предметы из дерева, кости, кожи и различные ткани казались поздними материалами, до тех пор, пока археологи не предложили датировку X–XII вв.³

В начале прошлого века погребения Мошечой Балки осматривал Н.И. Веселовский, затем в 1950 г. А.А. Иессен⁴. По материалам отчета 1950 г. А.А. Иерусалимская описывает, что погребальные сооружения представляли собой пещерные склепы природного происхождения; специально высеченные, имеющие в плане прямоугольную, с закругленными углами форму, сводчатый потолок и замурованный вход (типа скальных катакомб без дромоса). Автор указывает, что встречены керамика, металлические вещи и шелковые ткани, а также отмечает характерную особенность могильника – хорошую сохранность тканей, деревянных и костяных

¹ Савченко 1999; Иерусалимская 2012.

² Сысоев 1898, 121.

³ Нарышкины 1877, 362–366; Прозрителев 1910, 2; Кузнецов 1962, 45, 46, 50, 51; Минаева 1971, 93, 94, 154.

⁴ Иессен 1950, 14–16.

изделий. Исследователь датирует памятник VIII–IX вв., но с оговоркой, что есть и предметы X–XI вв.⁵ Только во второй половине прошлого века подробное описание могильника было сделано Е.И. Савченко, который расчистил и зафиксировал несколько десятков захоронений⁶.

Аналогичных скальных могильников на территории современной КЧР насчитывается несколько десятков, но, к сожалению, не все они отражены в научной литературе. Всего лишь несколько вкратце описано Е.П. Алексеевой. Скальные «катакомбы», как их называет автор, Хасаутского могильника, Бескеса, в балке Каменистой, в урочище Сышла она датирует VIII–IX вв.⁷ Подчеркивается хорошая сохранность тканей, особенно на Хасаутском могильнике.

Любая текстильная находка, внешне непривлекательная, потерявшая первоначальные цвет и форму, является важным и емким источником информации, которую необходимо раскрыть в процессе исследования. Фрагменты содержат в себе сведения обо всех этапах производства изделия – получения волокна, прядения, крашения, ткачества, кроя, орнаментации. В течение многих лет наибольшее внимание в работах исследователей уделялось изделиям из шелка и льна. В настоящей работе авторы обратились к шерстяным фрагментам скальных могильников Карачаево-Черкессии (Мощева и Подорванная Балка). Цель статьи – описание шерстяных находок из этих памятников и проведение сравнительного анализа с исследованными ранее шерстяными предметами⁸.

Представлен результат анализа техники изготовления восьми шерстяных образцов (рис. 1). Работа с образцами осуществлялась преимущественно с использованием высокодетальных фотографий, полученных в разных спектральных диапазонах⁹, а также привлекались данные электронной микроскопии (рис. 2).

Материалы из могильника Мощева Балка. Образец 1. Ткань шерстяная полихромная полотняного переплетения. Узор получен благодаря использованию в ткачестве цветных (как минимум 7 цветов) нитей утка, согласно рисунку. Ткань характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы. Нити утка полностью перекрывают нити основы. Для создания богатого полихромного орнамента мастер использовал нити утка, которые были окрашены в разные оттенки красного, зеленого, синего и коричневого цветов. Нити основы и утка высокого качества, с отдельными остевыми волокнами: средний диаметр волокон в нитях утка составляет порядка 22 мкм, тогда как для нити основы получено значение 25 мкм. Окрашивание нитей равномерное, крашение проводилось с использованием протрав.

Образец 2. Ткань шерстяная полихромная полотняного переплетения (уточный репс с шагом 3/1). Нити утка полностью перекрывают нити основы. Узор получен благодаря использованию в ткачестве цветных нитей утка, согласно рисунку. Темные вставки были выполнены с использованием природных коричневых нитей, а не окрашены. Ткань характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы. Качество волокон в нитях утка значительно варьирует,

⁵ Иерусалимская 1967.

⁶ Савченко 1982.

⁷ Алексеева 1971, 84–86.

⁸ Орфинская 1994, 2001; Иерусалимская 2012.

⁹ Пахунов и др., 2017.

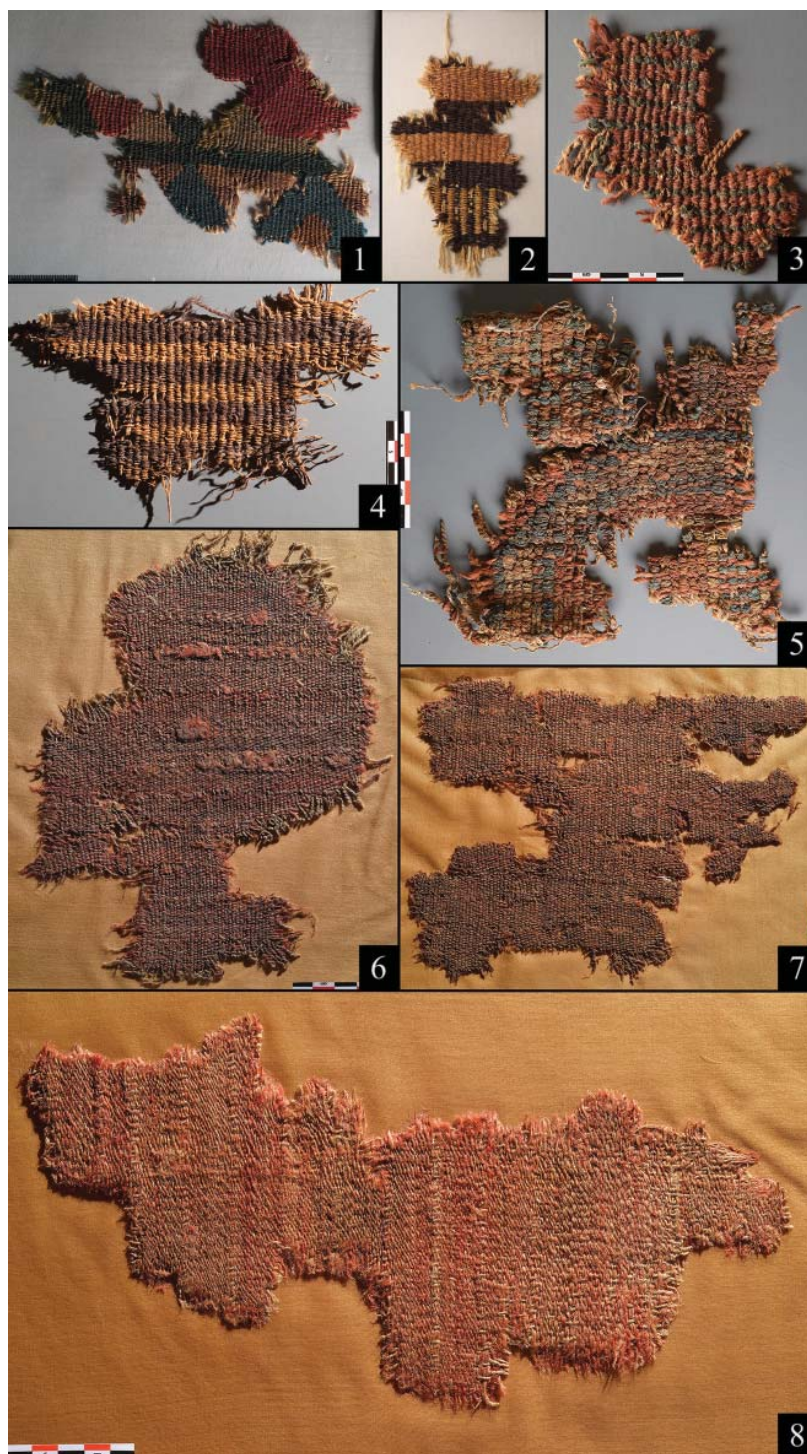

Рис. 1. Фотографии образцов. Нумерация согласно таблице 1

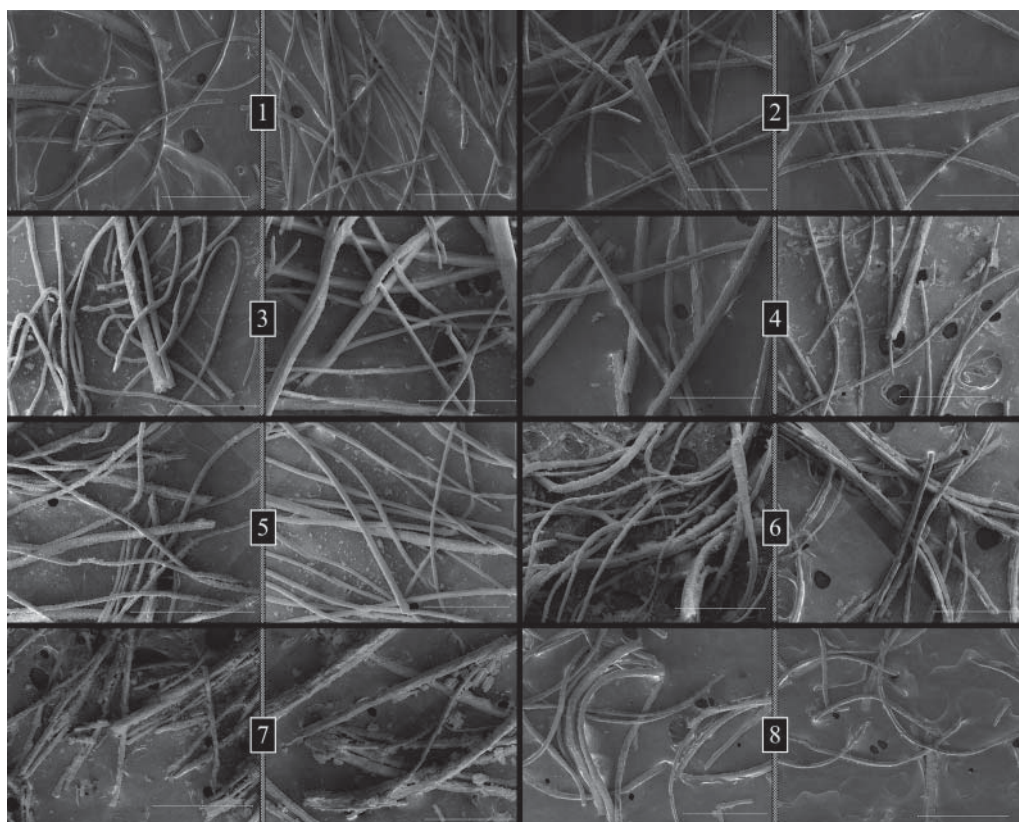

Рис. 2. Изображения волокон основы (слева) и утка (справа) во вторичных электронах. Нумерация образцов согласно таблице 1

причем средний диаметр волокон желтых и красных нитей превышает аналогичные значения для нитей основы, что, вероятно, демонстрирует неспецифичность выбора материала для крашения и ткачества. Красители плохо сохранились, окрашивание нитей утка в желтый цвет установлено только с использованием фотосъемки видимой люминесценции.

Материалы из могильника Подорванная Балка. Образец 3. Ковер ворсовый соткан из шерстяных нитей. Ряды ворса чередуются с рядами уточных нитей. Переплетение полотняное (уточный репс с шагом 2/1). В качестве основы использованы неокрашенные нити, спряденные из светлых и темных волокон. Горизонтальные полосы ворса чередуются с уточными нитями. Два ряда ворса в технике «двойной турецкий узел» выполнены через каждые 10 рядов утка (5 мм). Двойной турецкий узел – это симметричный узел, полученный путем обертывания концами ворсовой нити двух нитей основы и выведения их между нитями основы вперед. Качество нитей утка и основы схоже, их основная масса состоит из пуховых волокон, однако, в изученных образцах различается количество грубых остевых волокон.

Образец 4. Ковер безворсовый шерстяной полихромный, в полоску. Переплетение полотняное (уточный репс с шагом 2/1). Нити утка полностью перекрывают нити основы. Ткань характеризуется высокой плотностью утка и низкой плотностью нитей основы. Узор получен благодаря чередованию рядов темных и светлых нитей утка. Ширина светлой полосы составляет 10 мм (14–16 рядов утка), темной – 12 мм (16–18 рядов утка). Материал и техника изготовления аналогичны образцу 436 из могильника Мошечная Балка. Выбор материала для изготовления нитей утка и основы традиционен – для нитей основы была использована грубая шерсть со средним диаметром волокон 56 мкм, а для утка более тонкая – 22 мкм.

Образец 5. Ковер шерстяной, ворсовый, полихромный с крупным орнаментом, переплетение полотняное. К сожалению, по доступному для исследования фрагменту восстановить орнамент в настоящее время не представляется возможным. Для ворса использованы нити, как минимум, трех цветов. Они окрашены в насыщенные синий и красный цвета, светлые нити не окрашены. Ворс изделия выполнен в технике «турецкий узел». Нити узла сдвоены. Каждый ряд узлов разделяют 4 ряда утка. На фрагменте в нескольких местах зафиксированы ткацкие ошибки, в результате которых вместо одного узла в ряду выполнено два узла один над другим. Качество нитей утка и основы различается незначительно, для среднего диаметра волокон получены значения 23 и 25 мкм соответственно.

Образцы 6 и 7. Оба фрагмента являются частями одного ковра с горизонтальными полосами ворса, сотканного из шерстяных нитей. Переплетение саржевое (уточная саржа 1 х 2). Окрашивание в красный цвет уточных нитей выполнено, предположительно, корнями марены красильной (*Rubia tinctorum*). Окрашивание низкого качества, неравномерность прокрашивания отмечена уже при визуальном анализе. Различия между качеством волокон в нитях утка и основы не обнаружены, их средний диаметр составляет 32 мкм.

Горизонтальные полосы ворса чередуются с уточными нитями. Один ряд ворса в технике «двойной турецкий узел» выполнен через каждые 19–20 мм (36–40 рядов) утка. Материал и техника изготовления аналогичны образцу 6.

Образец 8. Фрагмент текстиля жестко закреплен на экспозиционном планшете, поэтому для изучения доступна одна сторона изделия, определенная в процессе работы как изнаночная. При визуальном осмотре на поверхности через каждые 18–20 мм определены слабо заметные горизонтальные полосы, образованные невысокими столбиками протяжек основы. Дальнейшее изучение и сравнительный анализ образца с другими показал, что это фрагмент ковра с горизонтальными полосами, образованными одним рядом ворса. Сравнительные характеристики толщины и крутки нитей, а также плотности нитей по основе и утку показали, что образец 8 аналогичен образцам 6 и 7, однако, для изготовления данного ковра использовались более качественные нити утка со средним диаметром волокон 24 мкм.

В данной работе, напомним, представлены результаты изучения фрагментов шерстяных тканей из могильников Мошечная (2 образца) и Подорванная Балка (6 образцов). Для сравнения были использованы предметы из коллекции Эрмитажа, опубликованные А.А. Иерусалимской¹⁰.

¹⁰ Иерусалимская, 2012.

Все указанные шерстяные предметы представляют собой остатки погребальных ковров. В момент захоронения ковер помещали на дно могилы, затем на него укладывали погребенного в положении «лежа на спине» с вытянутыми вдоль тела руками. Для ритуала использовались разнообразные ковры как местного производства, так и привозные, существенно отличающиеся по качеству и способам изготовления.

Среди рассмотренных материалов выявлено следующие три типа ковров: безворсовые; ворсовые; ковры в полоску, образованную одним рядом ворса (ворсовая ковровая петельчатая ткань).

Безворсовые ковры представлены двумя видами: к первому относятся ковры местного изготовления (образец 4 из Подорванной Балки, образец 2 из Мошечой Балки, а также два аналогичных шерстяных ковра, происходящих из Мошечой Балки из собрания Эрмитажа¹¹). Они выполнены из грубых шерстяных нитей неравномерной крутки и имеют низкую плотность основы и относительно высокую плотность утка. Их особенностью является репсовая структура – использование сдвоенных и строенных нитей основы, сотканых в основном из шерстяных нитей светлого и темного природных тонов, с минимальным введением в изделие окрашенных нитей 1-2 цветов. Орнамент таких ковров довольно прост, он состоит из горизонтальных и вертикальных полос, образованных чередованием цветных нитей утка по длине основы.

Ко второму виду безворсовых ковров относятся привозные полихромные ковры (гобелены) из Мошечой Балки – образец 1 и фрагмент многоцветного гобелена с изображением розеток, хранящегося в Эрмитаже¹². Эти ковры отличается высокое качество волокон, ровное прядение нитей, высокая плотность нитей по утку и наличие сложной растительно-геометрической орнаментации. Для создания рисунка таких ковров использовались тонкие шерстяные нити утка, окрашенные в разные оттенки красного, зеленого, синего и коричневого цветов. Каждый цветной уток «работает» в пределах только одного орнаментального элемента. По характеру изготовления и красителям такого рода ковров А.А. Иерусалимской высказано предположение о их ближневосточном происхождении.

Ко второму типу (ворсовые) относятся ковры, имеющие на лицевой поверхности сплошной ворс (образцы 3 и 5). Цветные нити ворса, состоящего из узлов, образуют узор, ряды ворса чередуются с уточными рядами. Для получения ворса использован двойной турецкий узел.

Третий тип – ковры в полоску, образованную одним рядом ворса (образцы 6–8). Ряды ворса проходят по поверхности ковра горизонтальными полосами через каждые 18–20 мм, образуя довольно своеобразную фактуру ковра. Аналогия исследуемым образцам – седельная сумка-мешок (хурджин) из ворсовой ковровой петельчатой ткани¹³.

Различия между образцами состоят не только в технике изготовления. Материалом для всех ковров была овечья шерсть, однако, качество ее существенно различается в зависимости от происхождения сырья (рис. 2). Наиболее качественная шерсть использовалась в привозных полихромных изделиях. Техника изготовле-

¹¹ Иерусалимская, 2012, 40, рис. 13 а, б.

¹² Иерусалимская 2012, 141, рис. 75.

¹³ Иерусалимская 2012, 291, рис. 177 а, б.

ния и декорирования ковров местного производства более лаконична – использовалась упрощенная технология крашения, что привело к выцветанию с течением времени, а для декорирования зачастую использовались нити разного оттенка вместо более затратной процедуры крашения. Сопоставление находок показало наличие всех трех типов шерстяных ковров на могильниках Мощевая и Подорванная Балка, что демонстрирует равномерность распространения текстильного импорта по региону.

Выражаем благодарность сотрудникам Государственного Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника им. М.О. Байчоровой и Зеленчукского районного краеведческого музея им. С.Ф. Варченко за возможность работы с коллекцией образцов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.П. 1971: *Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии*. М.
- Иерусалимская, А.А. 1967: К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом (об одной уникальной ткани из северокавказского могильника Мощевая Балка). *Народы Азии и Африки* 3, 55–78.
- Иерусалимская, А.А. 2012: *Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути*. СПб.
- Иессен, А.А. 1951: *Отчет Кубанской экспедиции Государственного Эрмитажа 1950 года*. Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 549.
- Кузнецов, В.А. 1962: *Аланские племена Северного Кавказа, (МИА 106)*. М.
- Минаева, Т.М. 1971: *К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным*. Ставрополь.
- Нарышкины, 1877: Отчет господ Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. В сб.: *Известия Русского археологического общества*. Т. 8, 325–368.
- Орфинская, О.В. 1994: Текстиль VII–IX веков в Карачаево-Черкесском музее. В сб.: *XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тезисы докладов* Кисловодск, 51–52.
- Орфинская, О.В. 2001: *Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея*: автореф. дисс. канд. истор. наук.
- Пахунов, А.С., Елкина, И.И., Дэвлет, Е.Г., Вагнер, М., Тарасов, П.Е. 2017: Шерстяные ткани Мощевой балки и могильника Янхай. *РА* 3, 46–56.
- Прозрителев, Г.Н. 1910: Археологические находки. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь. В кн.: *Труды Ставропольской ученой архивной комиссии*. Т. 2, 1–3.
- Савченко, Е.И. 1982: *Отчет Лабинского отряда (Северо-Кавказская экспедиция). Могильник Мощевая Балка*. Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 9106. 9107.
- Савченко, Е.И. 1999: Мощевая Балка – узловой пункт Великого Шелкового пути на Северном Кавказе. *РА* 1, 125–141.
- Сысоев, В.М. 1898: Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1898 г. *Материалы по археологии Кавказа* 7, 115–142.

REFERENCES

- Alekseeva, E.P. 1971: *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaevo-Cherkessii* [Ancient and Medieval History of Karachay-Cherkessia]. Moscow.

- Ierusalimskaya, A.A. 1967: K voprosu o svyazyakh Sogda s Vizantiei i Egiptom (ob odnoy unikal'noy tkani iz severokavkazskogo mogil'nika Moshchevaya Balka) [On the Issue of Links between Sogdia, Byzantine Empire and Egypt (a Unique Fabric from the necropolis of Moshchevaya Balka in the North Caucasus)]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa] 3, 55–78.
- Ierusalimskaya, A.A. 2012: *Moshchevaya Balka: neobychnyy arkheologicheskii pamyatnik na Severokavkazskom shelkovom puti* [Moshchevaya Balka: uncommon archaeological site in the North Caucasian Silk Way]. Saint Petersburg.
- Iessen, A.A. 1951: *Otchet Kubanskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha 1950 goda* [The 1950 Report of the Kuban Mission, the State Hermitage]. Archive IA RAS. R-1. F-1. No. 549.
- Kuznetsov, V.A. 1962: *Alanskii plemena Severnogo Kavkaza* [The Alan tribes of the North Caucasus] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archeology of the USSR] 106). Moscow–Leningrad.
- Minaeva, T.M. 1971: *K istorii alan Verkhnego PriKuban'ya po arkheologicheskim dannym* [On the History of the Upper Kuban Alans: Archaeological Data]. Stavropol.
- Naryshkiny. 1877: *Otchet gospod Naryshkinykh, sovershivshikh puteshestvie na Kavkaz (Svanetiya) s arkheologicheskoy tsel'yu v 1867 g* [The Report of the Naryshkins on their journey in the Caucasus (Svaneti) with the Purpose of Archaeological Research in 1867]. In: *Izvestiya Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva* [Proceedings of the Russian Archaeological Society]. Vol. 8, 325–368.
- Orfinskaya, O.V. 1994: *Tekstil' VII–IX vekov v Karachaevo-Cherkesskom muzee*. [Textile of the 7th–9th centuries in the Karachay-Cherkessia Museum]. In: *XVIII Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov* [The 18th Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasia. Abstracts]. Kislovodsk, 51–52.
- Orfinskaya, O.V. 2001: *Tekstil' VIII–IX vv. iz kollektsii Karachaevo-Cherkesskogo muzeya: avtoreferat kandidatskoy dissertatsii* [Textile of the 8th–9th centuries in the Karachay-Cherkessia Museum. PhD Thesis]
- Pakhunov, A.S., Elkina, I.I., Devlet, E.G., Vagner, M., Tarasov, P.E. 2017: *Sherstyanye tkani Moshchevoy balki i mogil'nika Jankhay* [Woollens from Moshchevaya Balka and the Yang-hay necropolis]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology] 3, 46–56.
- Prozritelev, G.N. 1910: *Arkheologicheskie nakhodki. Aleksandro-Afonskiy Zelenchukskiy monastyr'* [Archaeological discoveries. Alexander-Athos Men's Monastery at Zelenchuk]. In: *Proceedings of the Stavropol Scientific Archive Commission*. Vol. 2, 1–3.
- Savchenko, E.I. 1982: *Otchet Labinskogo otryada (Severo-Kavkazskaya ekspeditsiya). Mogil'nik Moshchevaya Balka* [The Report of Labinsk team (the North Caucasian Mission). Moshchevaya Balka Necropolis]. Archive IA RAS. R-1. F-1. Nos. 9106, 9107.
- Savchenko, E.I. 1999: *Moshchevaya Balka – uzlovoy punkt Velikogo Shelkovogo puti na Severnom Kavkaze* [Moshchevaya Balka as a Key Center of the Great Silk Way in the North Caucasus]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archeology] 1, 125–141.
- Sysoev, V.M. 1898: *Poezdka na reki Zelenchuk, Kuban' i Teberdu letom 1898 g.* [The Summer Trip to the Rivers Zelenchuk, Kuban and Teberda in 1898]. *Materialy po arkheologii Kavkaza* [Materials on the archeology of the Caucasus] 7, 115–142.

THE 8th–10th CENTURIES WOOLLENS FROM THE NECROPOLISES OF
MOSCHEVAYA BALKA AND PODORVANNAYA BALKA: RAW MATERIAL
QUALITY AND PRODUCTION TECHNOLOGY

Irina I. Elkina, Alexander S. Pakhunov, Umar Ju. Kochkarov,
Alexandra E. Grinko, Ekaterina G. Devlet

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ira-elkina@yandex.ru; science@pakhunov.com; umar_k@mail.ru; tikal@yandex.ru;
eketek@yandex.ru

Abstract. Wool carpets form a significant part of the woollens finds from the Alan burials of the 8th–9th centuries, found in the rock necropolises of the North-Western Caucasus. Under the burial, the carpet was placed on the bottom of the grave, and then the deceased was laid upon it lying on the back with arms stretched along the body. Various carpets were used for the ceremony, both locally produced and imported. The paper presents the result from the analysis of the production technique of eight carpet samples from the necropolises of Moshchevaya Balka and Podorvannaya Balka. The purpose of the research was to describe the nature, structure and quality of textile fibers, to identify the types of carpets, and to analyze the methods of their manufacturing, which were different. The main types are pile carpets and pileless ones, as well as rug carpets. They used both imported and locally produced pileless carpets. The difference between them is in the rich polychromy of textiles produced and painted outside the region, perhaps, in Central Asia. Carpets of local production are coarser, the main decoration technique consisted in using fibers of light and dark tones, besides, the most accessible dyes of red and yellow colors were used. The imperfection of the dyeing technique resulted in their fading. All fragments of carpets with pile stripes are unevenly coloured in red. The warp threads and weft threads do not differ in quality. The presence of woolen textiles with a wide variety of techniques of their manufacturing and decorating is related to the location of sites on trade routes, along which active flow of goods took place in different directions.

Keywords: archaeology, the Caucasus, the Alans, rock burial grounds Moshchevaya Balka and Podornvannaya Balka, wool textiles, carpets

АРХЕОЛОГИЯ ВЕНЕЦИАНСКОЙ ГАЗАРИИ XIII–XV вв. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА И НАУЧНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

С.Г. Бочаров

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, Россия
sgbotcharov@mail.ru

Аннотация. В рамках археологического изучения Византийской Империи и Золотой Орды в статье особо выделяется место древностей, связанных с венецианским присутствием в Северном Причерноморье. Приведен общий исторический обзор свидетельств активности Венеции в Приазовье и на Крымском полуострове в XIII–XV вв. В контексте археологических исследований городов и селений Северного Причерноморья автор выделяет пласт материалов XIII–XV вв., относящийся к венецианскому присутствию в регионе. Главным опорным пунктом, основанным Республикой св. Марка, стал участок земли у реки Дон, отведенный под поселение венецианским купцам в крупном золотоордынском городе Азаке не далеко от Азовского моря и получивший название Тана. Трижды Венецианская республика делала попытки добавить к Тане новые поселения в городах Солдайя и Воспоро, гаванях Провато и Калиера на востоке Крымского побережья. Но эти старания так и не увенчались успехом.

В статье вводится в научный оборот новое определение Венецианская Газария. Под термином Венецианская Газария для периода XIII–XV вв. следует понимать всю совокупность письменных и материальных свидетельств венецианского присутствия на территории Золотоордынского государства и особенно в ее торговых поселениях в Северном Причерноморье.

В историческом понимании Венецианская Газария является малой составной частью общей системы венецианских владений в Византийской империи – Венецианской Романии. основополагающее отличие политического и экономического состояния этих владений в Причерноморье для XIII–XIV вв. заключается в том, что Республика Св. Марка пыталась основать свои торговые поселения не на территории, принадлежащей Византии, а на землях другого государства – Золотой Орды – и на новых условиях, которые выдвигали ханы этой восточной империи.

Ключевые слова: Венецианская республика, Византийская империя, Золотая Орда, Венецианская Газария, Северное Причерноморье, Тана, Провато, Солдайя, историческая география, археология

Бочаров Сергей Геннадиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00213).

ВВЕДЕНИЕ

Эта статья вторая в цикле из трех работ, посвященных терминологическому определению материальных свидетельств латинского присутствия в Северном Причерноморье¹, и специально рассматривает венецианскую составляющую в этом историческом процессе.

Регион Северного Причерноморья занимает ведущее место в истории Венецианской республики XIII–XV вв. В отличие от своего основного торгового конкурента Генуи, которой удалось получить значительные территориальные владения на Крымском полуострове, позиции Венеции были сильны в регионе побережья Азовского моря. Здесь их основным торговым форпостом был пункт Тана – часть территории крупного золотоордынского города Азака, отведенная венецианским купцам в первой четверти XIV в.² Если основной торговый конкурент венецианцев – Генуэзская республика – к концу XIV в. создаст целую сеть городов, замков, селений в Крыму и Северном Причерноморье³, то венецианское присутствие в регионе весь этот период будет ограничено единственным городом – Таной. Однако Республика св. Марка делала неоднократные попытки расширить зону своего влияния и получить в дополнение к Тане новые пункты во владение на Крымском побережье. Цель данной работы состоит в том, чтобы обобщить весь комплекс сведений разных типов источников по истории Венецианского присутствия в Северном Причерноморье в золотоордынский период и дать ему четкое определение.

Для достижения данной цели к исследованию привлечены сведения трех больших категорий исторических источников. Первая категория – источники письменные, которые дают информацию об исторических событиях⁴. Кроме того, используются факты, извлеченные из средневековых источников, на которые ссылаются западноевропейские⁵ и российские палеографы⁶. Вторая категория – картографические источники. Она включает данные компасных карт-портоланов XIII–XV вв. и карты местности, а также генеральные планы причерноморских городов второй половины XVIII в., на которых отразились средневековые реалии⁷. Третья – археологические материалы, полученные в результате археологических раскопок, которые предоставляют конкретные сведения о локализации, размерах и материальном комплексе городских объектов. Использованы результаты археологических исследований руководимой автором этой статьи экспедиции «Каффа»⁸. Сопоставление сведений всего комплекса этих источников позволит достичь основной цели статьи.

¹ Бочаров 2017а, 62–63.

² Карпов 2001, 24.

³ Бочаров 2016, 264.

⁴ *Diplomatarium* 1880; 1899.

⁵ Balard 1978; Basso 1991; Martin 1993; Nystazopoulou Pélékidis 1970; Thiriet 1959; 1981.

⁶ Карпов 1994; 2000; 2001.

⁷ Фоменко 2007; Волков 1992, 83–94.

⁸ Бочаров 2015а; 2015б; 2017а.

ВЕНЕЦИАНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Среди итальянских морских республик Венеция получила широкий доступ в бассейн Черного моря в числе первых – еще в 1204 г. по результатам Четвертого Крестового похода⁹. После реставрации Византийской империи во второй половине 60-х гг. XIII в. Республике Св. Марка удалось подтвердить свое право свободной торговли в Черном море¹⁰. Первая попытка организовать стационарное торговое поселение в Северном Причерноморье датирована последней третью XIII в. и связана со старым византийским центром в Восточном Крыму городом Сугдея (итальянское название Солдайя, тюркское – Судак)¹¹. По письменным источникам известно, что после 1288 г. в городе была резиденция венецианского консула¹². Территория венецианского квартала в городе на настоящий момент археологически не определена. Таким образом, первую факторию на Крымском полуострове венецианцам удалось основать именно в этом городе, который в то время находился под властью монгольских ханов. Однако в первом десятилетии XIV в. во время конфликта с Золотой Ордой Солдайю пришлось покинуть¹³.

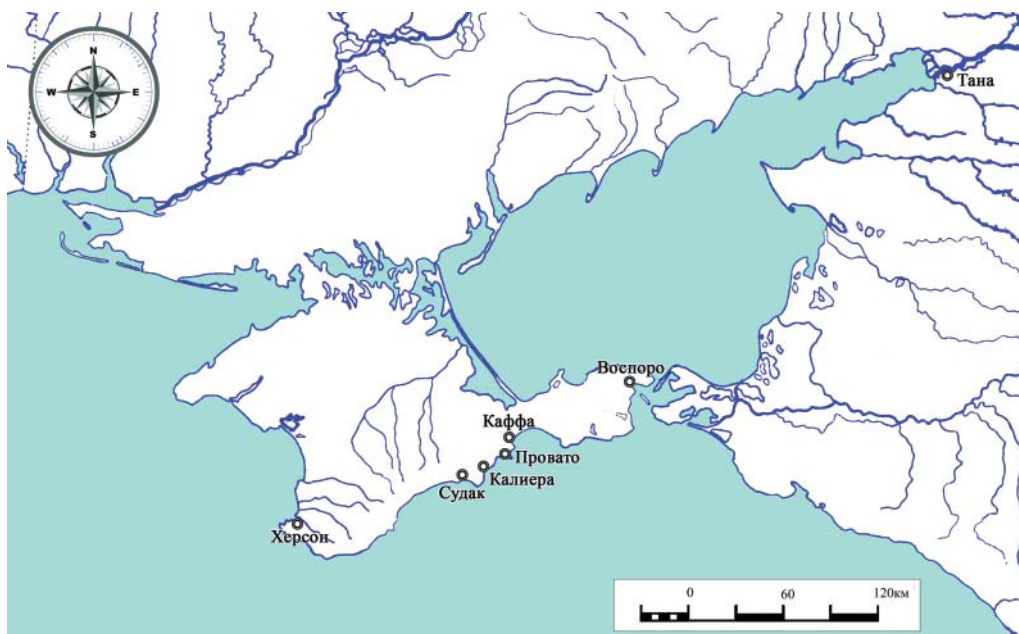

Рис. 1. Карта части Северного Причерноморья с городами, селениями и гаванями Венецианской Газарии в XIII–XV вв., упоминаемыми в тексте статьи

⁹ Nystazopoulou Pélékidis 1970, 26–27.

¹⁰ Nystazopoulou Pélékidis 1970, 24–25.

¹¹ Thiriet 1981, 80.

¹² Карпов 1997, 14.

¹³ Nystazopoulou Pélékidis 1970, 18–20.

Опорным пунктом венецианского присутствия в регионе и наиболее известным центром стала Тана – часть крупного золотоордынского города Азак в Приазовье (рис. 1)¹⁴.

Первое венецианское торговое поселение появляется в этом месте во второй половине 60-х гг. XIII в.: название Тана впервые упомянуто в латинских документах в 1269 и 1271 гг.¹⁵ В те времена поселение венецианцев не имело делегированного Республикой и подтвержденного местными ордынскими властями управления – консульства¹⁶. Первая попытка учреждения консульства относится к 1292 г. и связана с именем золотоордынского темника Ногая – правителя самых западных улусов Золотой Орды. Этим годом датировано решение Большого Совета Венеции об отправке к темнику и фактическому правителю ордынского государства посольства. И если бы миссия была успешна, то посол должен был остаться во владениях Ногая консулом сроком на три года.¹⁷ Место, предполагаемое под основание консульства, точно в этом документе не указано. Наиболее вероятны два варианта его расположения: это или Тана¹⁸, или столица Ногая на Дунае Исакча – Вичина. Судя по отсутствию каких-либо дальнейших свидетельств, эта попытка венецианцев основать консульство на золотоордынской земле не увенчалась успехом.

Дальнейшие события появления и признания венецианской фактории под управлением консула в Тане реконструированы в специальном исследовании С.П. Карпова, где прежде принятая дата получения консульства 1332–1333 гг.¹⁹ была сдвинута на более ранний период – между 1317 и 1325 гг.²⁰ Исследователем установлено, что первая линия галей – каравана торговых судов из Венеции в Тану – датирована 1322 г.²¹, а уже в январе 1326 г. в документах впервые упомянут венецианский консул Таны²². Для прежней исторической традиции отправной датой появления консульского управления в Тане был договор 1332 г. между Республикой Св. Марка и ханом Золотой Орды Узбеком, который предоставил этому пункту право экстерриториальности и ряд привилегий²³. В феврале 1333 г. Сенатом Венеции были установлены нормы управления в Тане²⁴ и принято решение об укреплении этого поселения деревянной изгородью и валом²⁵. Первоначальное строительство земляных фортификационных сооружений с деревянным частоколом, за которым следовало возведение каменных крепостей, было стандартной практикой латинян в Северном Причерноморье. Так же поступали генуэзцы в Каффе, Солдае и Чембало²⁶.

¹⁴ Масловский 2015, 394.

¹⁵ Карпов 1997, 14.

¹⁶ Карпов 1997, 18.

¹⁷ Карпов 1997, 15–16.

¹⁸ Карпов 1997, 16.

¹⁹ Скржинская 1971, 32; Martin 1987, 375.

²⁰ Карпов 1997, 15.

²¹ Ковалевский 1905, 115.

²² Карпов 1997, 15.

²³ *Diplomatarium* 1880, 249; Карпов 1997, 17.

²⁴ Карпов 1997, 18.

²⁵ Карпов 1991, 191.

²⁶ Бочаров, 1998, 85; Бочаров, Масловский 2015, 38; Бочаров 2017б, 110.

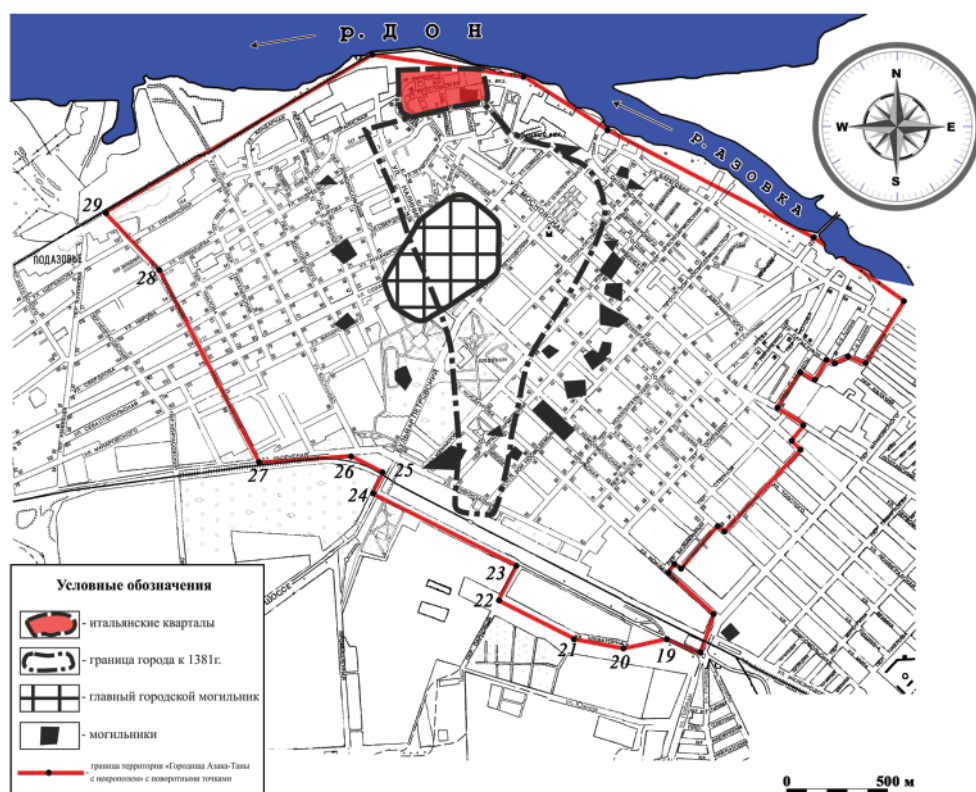

Рис. 2. План расположения венецианской и генуэзской Таны относительно территории золотоордынского города Азак. (по Масловский 2016, рис. 2)

В середине XIV в. венецианцы дважды теряют Тану, но каждый раз возвращают себе факторию. Первый инцидент произошел в сентябре 1343 г. Венецианцы оставили город после вооруженной стычки нескольких человек, перешедшей в грабежи и резню латинян татарами. Вернуться и восстановить свое поселение в городе они смогли только после получения ярлыка от хана Джанибека 26 декабря 1347 г.²⁷ Второй трехлетний запрет на присутствие венецианцев в Тане был наложен по итогам третьей венециано-генуэзской войны (1350–1355 гг.) в соответствии с условиями Миланского мирного договора от 1 июня 1355 г., завершившего эту войну.²⁸ В 1358 г. Республика св. Марка в очередной раз начинает восстанавливать свою торговую станцию в Тане и получает на это ярлык от нового хана Бердибека.²⁹ В последней трети XIV в. дела фактории складываются благополучно. Так, венецианцы пытаются увеличить размеры своей территории в Тане за счет скупки участков со сгоревшими домами со стороны генуэзского квартала. Это предпри-

²⁷ Карпов, 2015, 10, 37.

²⁸ Скржинская 1971, 34, 35.

²⁹ Скржинская 1971, 36.

ятие не удалось осуществить в связи с резко негативной реакцией генуэзских официалов³⁰. Конец XIV и большая часть XV столетий в Тане связаны с рядом разрушений и нового восстановления фактории. Значительно пострадал венецианский город от нашествия Тимура в 1395 г.³¹ Следующий конфликт с ордынцами, в ходе которого началась осада Таны, закончился выплатой дани в 1428 г.³² Значительных разрушений не удалось избежать в результате нападения татар 1456 г., когда погибли венецианские консул и вице-консул города³³. Тем не менее венецианская Тана продолжала существовать и даже перед самым османским нашествием в 1475 г. ее жители сообщали в Венецию о своей верности республике и просили прислать оружие и финансы для обороны города³⁴.

Площадь предоставленного венецианцам в 1347 г. участка в Азаке, в соответствии с ярлыком хана Джанибека, составила 70 на 100 пашсов. По подсчетам С.П. Карпова, это составило 3,84 га³⁵. На основании многолетних археологических исследований и наблюдений над стратиграфией города Азак удалось четко выделить территорию 220 x 300 м, занятую венецианской и генуэзской Таной (рис. 2), из основного массива золотоордынского города³⁶. Латинское поселение занимало территорию около 6,6 га. Привлекая в дополнение к археологическим картографические материалы конца XVII–XVIII в., И.В. Волков локализовал каменные крепостные сооружения османского Азака, восточная часть которых Френк-Исар, по его мнению, была возведена венецианцами уже в XV в. (рис. 3)³⁷. Крепостной полигон венецианской Таны имеет четырехугольный план, близкий по форме к прямоугольнику, асимметрично скошенному с двух, обращенных к востоку и западу, сторон, которые простираются от низменной до высокой части склона берега реки Дон. С северо-востока и юго-востока на выступающих наружу углах он усилен крупными башнями. Длина восточного наклонного участка крепостных стен 145 м, северного, расположенного на возвышенности, – 171 м, южного, обращенного к реке, – 115 м и западного наклонного участка – 201 м. Таким образом, площадь защищенной городской территории составляла 2,6 га³⁸. Либо площадь фактории с 1347 г. по 1420-е гг. стала меньше с 3,84 до 2,6 га, либо крепостные сооружения охватывали не весь участок, отведенный венецианцам, тогда площадь неукрепленного предместья составляла 1,24 га. Цифра 2,6 га близка к площади укрепленной территории малых городов, принадлежавших генуэзцам в Крыму. Похожие показатели фиксируются в Воспоро – 3,52 га и в Чембало – 3,36 га³⁹. По всей видимости, именно эта укрепленная территория венецианской крепости Таны проиллюстрирована в книге 1699 г. Иоганна Георга Корба (секре-

³⁰ Ковалевский 1905, 134.

³¹ Ковалевский 1905, 143.

³² Ковалевский 1905, 163.

³³ Ковалевский 1905, 172.

³⁴ Ковалевский 1905, 164.

³⁵ Карпов, 2015, 37.

³⁶ Масловский 2016, 238.

³⁷ Волков 1990; 1991; 1992.

³⁸ Волков 1992, 89.

³⁹ Bocharov 2015, 453; Бочаров 2017б, 110.

Рис. 3. Привязка к местности каменных стен крепости османского Азака. 1 – укрепления венецианской Таны (по Волков 1992, рис. 3)

таря посольства австрийского императора Леопольда I к Петру Великому), как часть каменных строений турецкой крепости Азов (рис. 4)⁴⁰.

Появление в Приазовье венецианской Таны не означало, что Республика св. Марка прекратила свои попытки создать торговые пункты на побережье Крымского полуострова. После потери квартала в Солдае, в 1347 г. Венецианское правительство обращается к тогдашнему правителю Золотой Орды хану Джанибеку с просьбой о предоставлении места под устройство торгового поселения в городе Воспоро (византийское название – Боспор, тюрское – Керчь)⁴¹. Судя по отсутствию каких-либо дальнейших как материальных, так и письменных свидетельств, хан Джанибек не дал венецианцам разрешения на устройство консульства на берегу Керченского пролива, как ранее поступил темник Ногай в случае с Таной.

Следующая, третья попытка закрепления в Крыму была предпринята Венецией в середине 50-х – начале 80-х гг. XIV в. Она стала самой значительной по территориальному охвату и наиболее длительной по хронологии.

⁴⁰ Корб 1906, 289.

⁴¹ Martin 1993, 230.

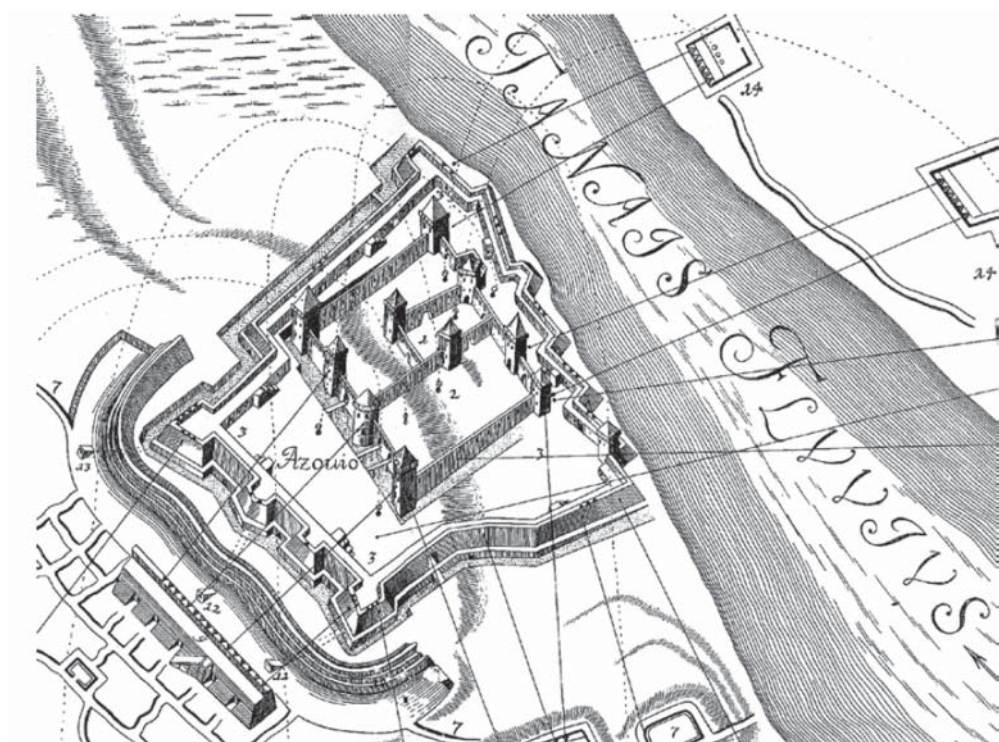

Рис. 4. План осады Азова в 1696 г. из дневника И.Г. Корба (1698 г.) на котором показаны каменные стены османской крепости Азак, включающие укрепления венецианской Таны (по Аваков, Гусач, Дедюлькин 2016, рис. 2)

После временной потери венецианцами Таны (с 1355 по 1358 гг.) Республика св. Марка решила на перенос центра торговой активности из дельты Дона в Восточный Крым. Хронологическая последовательность событий, которая выстраивается по письменным источникам, следующая. Весной 1356 г. от хана Джанибека получено разрешение на устройство в бухте Провато нового торгового поселения. Бухта расположена в Восточном Крыму, в 10 км западнее генуэзской Каффы (рис. 5, 6). В отсутствии порта в Приазовье Провато становится конечной точкой венецианской торговой навигации. Караваны венецианских кораблей (галей) в 1356, 1357 гг. становятся в бухту на продолжительные 9–10 дневные стоянки⁴². Новый хан Золотой Орды Бердибек в 1358 г. не только подтвердил право Венецианской республики на владение портом Провато, но, в дополнение к этому, разрешил использование гаваней Солдайи и Калиеры⁴³. Таким образом, венецианцы существенно расширили свое присутствие в Крыму в середине XIV в.

Картографические источники не давали возможности для точной локализации этого порта на побережье Восточного Крыма, и с этой целью в начале 2000-х гг. сотрудниками Восточно-Крымской археологической экспедиции (се-

⁴² Карпов 1994, 55, 64.

⁴³ Diplomatarium 1899, 25–26, 51–52.

годня археологическая экспедиция «Каффа») под руководством автора данной статьи было проведено сплошное археологическое исследование побережья небольшими зондажами. Из 39 траншей культурные напластования XIV в. удалось зафиксировать лишь в одном случае – на раскопе 3, в восточной части Двухякорной бухты⁴⁴. Это местонахождение расположено в 10 км западнее генуэзской Каффы, соответствует локализации по данным письменных и картографических источников (рис. 5, 6). По результатам этого исследования становится понятно, что Венецианская республика не успела создать в Провато стационарного поселения и использовала бухту как сезонную якорную стоянку. В условленный срок стоянка служила местом встречи сухопутных караванов, пришедших с товарами из Солхата, и подошедших сюда венецианских галей. Торговля велась в течение 10 дней, после чего ордынские купцы возвращались в континентальные районы, венецианские суда брали обратный курс на Венецию. Даже если в планах Республики Св. Марка и было создание в Провато постоянного торгового поселения, то им не суждено было сбыться: уже в 1365 г. Генуэзская республика захватывает эти земли, опираясь на свой основной форпост Каффу, и после длительного противостояния с правителями крымского улуса Золотой Орды окончательно закрепляет их за собой к 1387 г.⁴⁵ После этого казуса с Провато Венецианская республика уже не пыталась основать свою факторию на Крымском побережье⁴⁶.

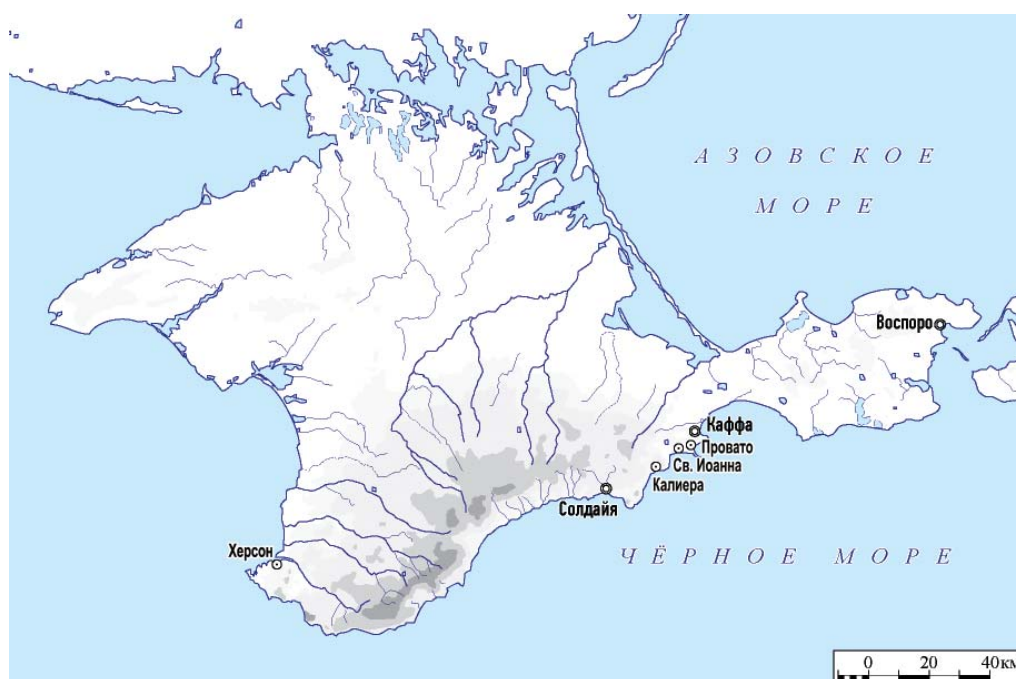

Рис. 5. Карта Крымского полуострова с городами, селениями и гаванями Венецианской Газарии в XIII–XV вв., упоминаемыми в тексте статьи

⁴⁴ Бочаров 2015a, 306–312.

⁴⁵ Basso 1991, 23.

⁴⁶ Бочаров 2015a, 315.

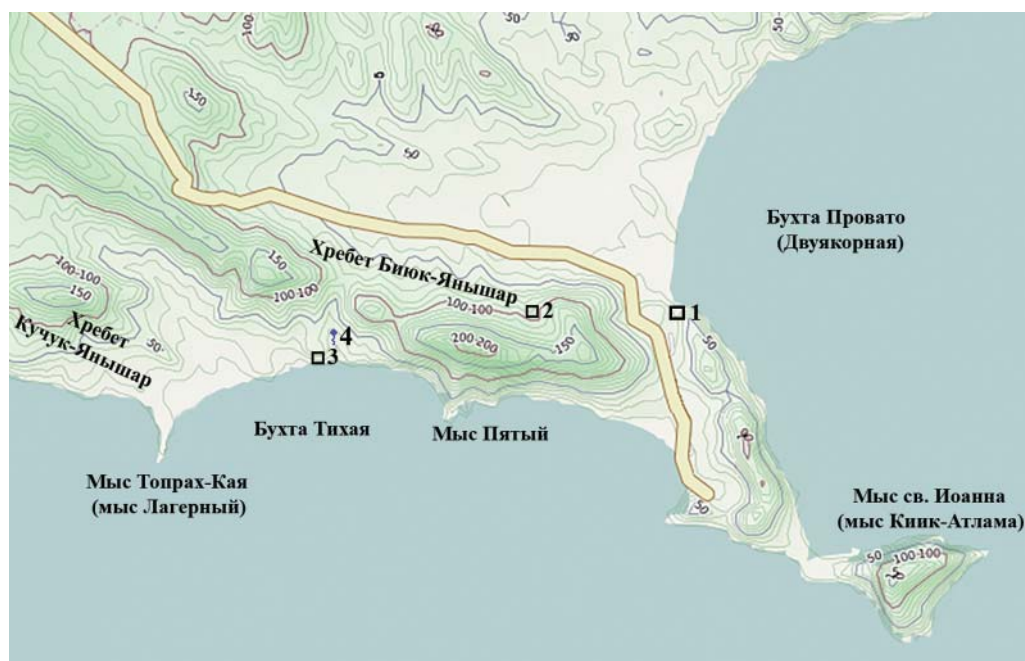

Рис. 6. Карта побережья Юго-Восточного Крыма. 1 – венецианская якорная стоянка Провато; 2 – армянский монастырь св. Иоанна Предтечи; 3 – венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна (поселение в Тихой бухте); 4 – родник

Тем не менее морские караваны венецианских кораблей, конечной целью которых была Тана, продолжали совершать краткие 1–3 дневные остановки с целью пополнения запасов воды и провизии в пунктах крымского побережья – в Каффе, Херсоне (Херсонесе) и в пункте, именуемом мыс св. Иоанна⁴⁷. И если нахождение Каффы (рис. 5) в Восточном Крыму и старого византийского центра Херсона (Херсонеса) (рис. 5) в Юго-Западном Крыму понятно, то место расположения стоянки у мыса св. Иоанна было неизвестно.

Благодаря археологическим изысканиям экспедиции «Каффа» на рубеже XX и XXI вв. следы этой стоянки были обнаружены в Тихой бухте на побережье Кучук-Янышарской долины. Небольшое поселение площадью около 40 x 100 м располагалось вблизи береговой линии Тихой бухты, глубина культурных напластований – от 0,32 до 0,56 м.⁴⁸ Идущие в Тану и из Таны торговые суда могли пополнять здесь запасы воды и продовольствия. По письменным свидетельствам известно, что краткие стоянки у мыса Св. Иоанна суда делали в 1396, 1397, 1399 и 1433 гг.⁴⁹

Резюмируя, следует отметить, что, имея в качестве основного опорного пункта Тану в дельте Дона, Республика св. Марка в конце XIII–XIV в. трижды пыта-

⁴⁷ Карпов 1994, 55, 72.

⁴⁸ Бочаров 2015б, 705–709.

⁴⁹ Карпов 1994, 55.

лась организовать торговые фактории еще и на Крымском полуострове, используя не только старые византийские центры, как Сугдея и Боспор, но и прежде незаселенные бухты, как Провато. Эти попытки не имели успеха. К концу XIV–XV в. присутствие венецианцев в Крыму было ограничено лишь краткими стоянками караванов коммерческих судов, идущих из Венеции в Тану и обратно. Они могли не более чем на 1–3 дня заходить в пункты Херсон, Каффа и пункт у мыса св. Иоанна (рис. 5).

В 1475 г. заканчивается целая эпоха независимого венецианского, а в широком смысле – западноевропейского присутствия в Северном Причерноморье⁵⁰. Армия и флот Османского султана Мехмета II под руководством великого визиря Гедик Ахмед Паши и при поддержке татар Крыма захватывают Тану и Каффу, а также все генуэзские и венецианские населенные пункты на этих территориях⁵¹, которые вошли в качестве отдельной провинции в состав Османской империи⁵².

Кратко изложив историческую ситуацию, связанную с присутствием Венецианцев в Северном Причерноморье, перейдем к основному вопросу данной работы. Как в целом можно назвать раздел археологической науки, который исследует венецианские поселения в этом регионе? Попробуем ответить на этот вопрос, привлекая научную терминологию из широкого круга современной исторической литературы по средневековью. Если обратиться к западному вектору исследований, то изучение венецианского присутствия в Северном Причерноморье является малой составной частью византистики. Взгляд «с востока» поставит эту проблематику в рамки исследований Золотой Орды⁵³. Однако сегодня нет единого термина, который бы обозначил весь спектр исследований, связанный с материальными остатками венецианского присутствия в Северном Причерноморье в рамках исторической науки. В нашем распоряжении есть общее определение значительного исторического явления Латинской Романии как совокупности владений западноевропейских феодалов, а также итальянских морских республик – Генуи и Венеции, на территории Византийской Империи в целом.⁵⁴ Сегодня, в первую очередь в западноевропейских исследованиях, в отдельную область исторической науки выделяют вопросы, связанные с изучением Венецианской Романии⁵⁵. Предметом исследования является весь комплекс исторических вопросов, связанных с нахождением граждан и поселений Республики св. Марка на землях, принадлежавших Византийской Империи. В рамках изучения владений на территории Византии основного торгового конкурента Венеции – Генуэзской республики, именуемой Генуэзской Романией, Мишель Балар выделяет их поселения в Северном Причерноморье в отдельную группу – Генуэзскую Газарию⁵⁶. Следуя этой логике, будет корректным ввести в археолого-исторические исследования использование такого термина, как Венецианская Газария, в котором под средневековым топонимом «Газария» понимается государство Золотая Орда.

⁵⁰ Olgiati 1991, 389.

⁵¹ Мыц 2009, 419–498.

⁵² Veinstein 1986, 223.

⁵³ Бочаров 2017а, 61.

⁵⁴ Карпов 2000, 9.

⁵⁵ Thiriet 1959.

⁵⁶ Balard 1978, 150.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под понятием Венецианская Газария следует понимать всю совокупность письменных и материальных свидетельств венецианского присутствия на территории Золотоордынского государства и особенно ее торговые поселения в Северном Причерноморье. Так, в соответствии с решением Сената Республики св. Марка 1333 г. консул Таны был главным представителем этого государства на всей золотоордынской территории, а не только городским главой⁵⁷. Здесь важно подчеркнуть, что Венецианская Газария является малой составной частью общей системы венецианских владений в Византийской империи – Венецианской Романи – и имеет одно существенное отличие. Отличие заключается в том, что венецианские селения основываются не на землях, принадлежащих Византийской империи, а на землях Золотой Орды и на тех условиях, которые выдвигают ханы-правители золотоордынского государства. В связи с тем, что в Средние века именно вопросы землевладения были базисными в общественных отношениях, венецианское присутствие в Северном Причерноморье не может полностью соответствовать термину Венецианской Романии. Появление Венецианской Газарии может расцениваться как составная часть процесса продвижения венецианских купцов в Восточное Средиземноморье. В этом мы видим основные отличия общего понятия Венецианская Романия от более узкого и локального понятия Венецианская Газария.

В географическом выражении это территория северного побережья Черного моря от устья Дуная до Геленджикской бухты, включая берега Крыма, а также все побережье Азовского моря с близлежащими территориями, то есть вся береговая линия, принадлежавшая Золотоордынскому государству. Четких государственных границ в прямом смысле у этой территории не было (рис. 1) – это прибрежные зоны, находившиеся под властью ханов Золотой Орды, а после середины XV в. – под властью их преемников, куда были инкорпорированы венецианские торговые поселения. Предметом археологического изучения Венецианской Газарии может быть вся совокупность материальных свидетельств венецианского присутствия на очерченной территории – культурные напластования городов, селений, некрополей, якорных стоянок и других памятников в хронологических рамках XIII–XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Аваков, П.А., Гусач, И.Р., Дедюлькин, А.В. 2016: На границе империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии. В сб.: Л.А. Беляев, А.В. Юрасов (ред.), *От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы научной конференции*. Москва–Волоград, 379–397.
- Бочаров, С.Г. 1998: Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII – вторая половина XV вв.). В сб.: С.П. Карпов (ред.), *Причерноморье в средние века*. 5. СПб, 82–116.
- Бочаров, С.Г. 2015а: Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато в 1356–1382 гг. *Stratum Plus* 6, 305–318.

⁵⁷ Ковалевский 1905, 123.

- Бочаров, С.Г. 2015б. Венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна в Восточном Крыму (конец XIV – первая половина XV вв. *Исторический журнал: научные исследования* 6 (30), 700–709.
- Бочаров, С.Г. 2016: Историческая география Генуэзской Газарии. Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. В сб.: С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков (ред.), *Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова*. Кишинев, 263–269.
- Бочаров, С.Г. 2017а: Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание. В сб.: Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков (ред.), *Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй»*. Владивосток, 57–63.
- Бочаров, С.Г. 2017б: Фортификация генуэзских городов Крыма. В сб.: К.С. Носов (ред.), *Вопросы истории фортификации*. 6. М.–СПб, 106–111.
- Бочаров, С.Г., Масловский, А.Н., 2015: В сб.: Г.Г. Матишов (ред.), *Крым в войнах России. Материалы Всероссийской научной конференции*. Ростов-на-Дону, 38–46.
- Волков, И.В. 1990: Гостевая церковь – мечеть Баязида Вели в Азове. В сб.: *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.* Азов, 136–150.
- Волков, И.В. 1991: Оборонительные сооружения венецианской Таны (XV в.). В сб.: *Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византинистов*. Ч. II. М., 1236–1237.
- Волков, И.В. 1992: Азовская крепость глазами Эвлии Челеби и русских военных топографов XVII–XVIII вв. В сб.: В.Е. Максименко, В.Н. Королев (ред.), *Историческая география Дона и Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону, 83–94.
- Карпов, С.П. 1991: Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. В сб.: С.П. Карпов (ред.), *Причерноморье в средние века*. I. М., 191–216.
- Карпов, С.П. 1994: *Пути средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв.* М.
- Карпов, С.П. 1997: Когда и как возникла Тана (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине). *Византийский Временник* 57(82), 5–18.
- Карпов, С.П. 2000: *Латинская Романия*. СПб.
- Карпов, С.П. 2001: Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359–1360 гг.). В сб.: С.П. Карпов (ред.), *Причерноморье в средние века*. 5. СПб, 9–28.
- Карпов, С.П. 2015: Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. В сб.: С.П. Карпов (ред.), *Причерноморье в средние века* 9. СПб, 8–43.
- Ковалевский, М.М. 1905: К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV в. В сб.: *Труды XII Археологического съезда*. Т. 2. М., 109–174.
- Корб, И.Г. 1906: *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.)*. СПб.
- Масловский, А.Н. 2015: Заметки по топографии золотоордынского города Азака. В сб.: С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков (ред.), *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань–Симферополь–Кишинев, 383–411.
- Масловский, А.Н. 2016: Структура золотоордынского Азака. Городские районы и их изменения во времени. В сб.: П.М. Кольцов (ред.), *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции*. Элиста, 237–242.
- Мыц, В. Л. 2009: *Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты*. Симферополь.
- Скржинская, Е.Ч. 1971: История Таны (XIV–XV вв.) В сб.: *Барбаро и Контарини о России*. Л., 64–87.
- Фоменко, И.К. 2007: *Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М.*
- Balard, M. 1978: *La Romanie Génoise (XIIIe – début du XVe siècle)*. T. I. Roma–Genova.

- Basso, E. 1991: Il “bellum de Sorchati” ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l’Ordo d’Oro. *Studi genuensi. Nova Seria* 1–VIII, 11–26.
- Bocharov, S.G. 1998: Fortifikacionnye sooruzheniya Kaffy (konets XIII – vtoraya polovina XV vv.) [Fortifications of Caffa (end of 13th – second half of 15th centuries)]. In: S. P. Karpov (ed.), *Prichernomor’e v srednieveka [Black Sea Region in the Middle Ages]* 3. Saint-Petersburg, 82–116.
- Bocharov, S.G. 2015: Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th – 15th centuries. In: N. Zugravu (ed.), *Classica et Christiana* 10. Yassi, 443–459.
- Diplomatarium, 1880: *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia* 1. A. 1300–1350. Venetiis.
- Diplomatarium, 1889: *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia* 2. A. 1351–1454. Venetiis.
- Martin, M. 1987: Venetian Tana in Later Fourteenth and Early Fifteenth Centuries. In: *Byzantinische Forschungen*. Bd 11. Amsterdam, 375–379.
- Martin, M. 1993: The Venetians in the Black Sea: a general survey. *Rivista di Bizantinistica* 3, 227–248.
- Nystazopoulou Pélékidis, M. 1970: Venise et la mer Noir du XIe au XVe siècle. *Thesaurismata* 7, 15–52.
- Olgiati, G. 1991: The Genoese Colonies in front of the Turkish Advance (1453–1475). *Tarih Araştırmaları Dergisi* 15 (26), 381–389.
- Thiriet, F. 1959: *La Romanie Vénitienne au Moyen Age*. Paris.
- Thiriet, F. 1981: De l’importance des mers dans le système romaniote de Venise. In: *Byzantino Bulgarica*. 1. Sofia, 73–86.
- Veinstein, G. 1986: From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century. *Mediterranean Historical Review* 1 (2), 221–237.

REFERENCES

- Avakov, P.A., Gusach, I.R., Dedulkin, A.V. 2016: Na granitse imperiy: osmanskije i rossijskie ukrepleniya Severo-Vostochnogo Priazov’ya po dannym arkheologii [On the border of empires: the Ottoman and Russian fortifications of the Northeast Azov region according to archeological data]. In: L.A. Belyaev, A.V. Yurasov (eds.), *Ot smuty k imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv. Materialy nauchnoy konferentsii [From Troubles to the Empire. Recent discoveries in the field of archeology and history of Russia 16th–18th centuries. Materials of the scientific conference]*. Moscow–Volgograd, 379–397.
- Balard, M. 1978: *La Romanie Génoise (XIIIe – début du XVe siècle)*. T. I. Roma–Genova.
- Basso, E. 1991: Il “bellum de Sorchati” ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l’Ordo d’Oro. *Studi genuensi. Nova Seria* 1–VIII, 11–26.
- Bocharov, S. 2015: Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th – 15th centuries. In: N. Zugravu (ed.), *Classica et Christiana* 10. Yassi, 443–459.
- Bocharov, S.G. 2015a: Venetsianskoe prisutstvie v Krymu i yakornaya stoyanka Provato v 1356–1382 gg. [The Venetian presence in the Crimea and the anchorage Provato in 1356–1382]. *Stratum Plus* 6, 305–318.
- Bocharov, S.G. 2015b: Venetsianskaya yakornaya stoyanka u mysy sv. Ioanna v Vostochnom Krymu (konets XIV – pervaya polovina XV vv. [Venetian Anchorage at the Cape of St. John in the Eastern Crimea (the end of the 14th – first half of the 15th century)]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya [Historical Journal: scientific research]* 6 (30), 700–709.

- Bocharov, S.G. 2016: Istoricheskaya geografiya Genuezhskoy Gazarii [Historical geography of the Genoese Gazaria]. In: S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov (ed.), *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na Evraziyskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy. Materialy Ced'moy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchyonnoy pamyati G.A. Fyodorova-Davydova* [Dialogue of urban and steppe cultures on the Eurasian space. Historical Geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference, dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov]. Chisinau, 263–269.
- Bocharov, S.G. 2017a: Arkheologiya Latinskoy Gazarii: opredelenie termina i nauchnoe sodержanie [Archaeology of Latin Gazaria: definition and scientific content]. In: N.N. Kradin, A.G. Sitdikov (eds.), *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey «Mezhdv Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperiy»* [Proceedings of the III International Congress of Medieval Archeology of the Eurasian Steppes "Between East and West: the movement of cultures, technologies and empires"]. Vladivostok, 57–63.
- Bocharov, S.G. 2017b: Fortifikatsiya genuezhskikh gorodov Kryma [Fortification of the Genoese cities of Crimea]. In: K.S. Nosov (ed.), *Voprosy istorii fortifikatsii* [Issues of Fortification History] 6. Moscow–Saint Petersburg, 106–111.
- Bocharov, S.G., Maslovsky, A.N. 2015: Solkhatskaya voyna i eyo otrazhenie v genuezhskoy fortifikatsii Vostochnogo Kryma [Solchat war and its reflection in the Genoese fortification of the Eastern Crimea]. In: G.G. Matishov (ed.), *Krym v voynakh Rossii. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Crimea in the wars of Russia. Materials of the Russian Scientific Conference]. Rostov-on-Don, 38–46.
- Diplomatarium, 1880: *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia* 1. A. 1300–1350. Venetiis.
- Diplomatarium, 1889: *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia* 2. A. 1351–1454. Venetiis.
- Fomenko, I.K. 2007: *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII – XVII v.* [The image of the world in the old portolans. Black Sea Coast. The end of 13th – 17th century]. Moscow.
- Karpov, S.P. 1991: Dokumenty po istorii venecijskoy faktorii Tana vo vtoroy polovine XIV v. [Documents on the history of the Venetian trading post Tana in the second half of the 14th century]. In: S.P. Karpov (ed.), *Prichernomor'e v srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages]. 1. Moscow, 191–216.
- Karpov, S.P. 1994: *Putyami srednevekovykh morekhodov. Chernomorskaya navigatsiya Venetsianskoy respubliki v XIII–XV vv.* [Ways of medieval seafarers. Black Sea navigation of the Venetian Republic in the 13th–15th centuries]. Moscow.
- Karpov, S.P. 1997: Kogda i kak vznikla Tana (O proiskhozhdenii ital'yanskoy faktorii na vizantiyskoy okraine) [When and how Tana arose (On the origin of the Italian trading post in the Byzantine suburbs)]. *Vizantiyskiy Vremennik* [Byzantine Chronicle] 57 (82), 5–18.
- Karpov, S.P. 2000: *Latinskaya Romaniya* [Latin's Romania]. Saint Petersburg.
- Karpov, S.P. 2001: Venetsianskaya Tana po aktam kantslera Benedetto B'yanko (1359–1360 gg.) [Venetian Tana on the acts of Chancellor Benedetto Bianco (1359–1360)]. In: S.P. Karpov (ed.), *Prichernomor'e v srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages] 5. Saint Petersburg, 9–28.
- Karpov, S.P. 2015: Ital'yanskie morskije respubliki i Zolotoya Orda. Krizis 1343–1349 gg. [The Italian Maritime Republics and the Golden Horde. The crisis of 1343–1349]. In: S.P. Karpov (ed.), *Prichernomor'e v srednie veka* [Black Sea Region in the Middle Ages] 9. Saint Petersburg, 8–43.
- Korb, I.G. 1906: *Dnevnik puteshestviya v Moskoviyu (1698 i 1699 g.)* [Diary of a trip to Muscovia (1698 and 1699)]. Saint Petersburg.

- Kovalevskiy, M.M. 1905: K ranney istorii Azova. Venetsianskaya i genuehzhskaya kolonii v Tane v XIV v. [To the early history of Azov. Venetian and Genoese colonies in Thane in the 14th century]. In: *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the XII Archaeological Congress]*. T. 2. Moscow, 109–174.
- Martin, M. 1987: Venetian Tana in the Later Fourteenth and Early Fifteenth Centuries. In: *Byzantinische Forschungen*. Bd 11. Amsterdam, 375–379.
- Martin, M. 1993: The Venetians in the Black Sea: a general sarvey. *Rivista di Bizantinistica* 3, 227–248.
- Maslovskiy, A.N. 2015: Zametki po topografii zolotoordynskogo goroda Azaka [Notes on the topography of the Golden Horde city of Azak]. In: S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov (eds.), *Genuehzhskaya Gazariya i Zolotaya Orda [Genoese Gazaria and the Golden Horde]*. Kazan–Simferopol–Chisinau, 383–411.
- Maslovskiy, A.N. 2016: Struktura zolotoordynskogo Azaka. Gorodskie rayony i ikh izmeneniya vo vremeni [Structure of the Golden Horde Azak. Urban areas and their changes in time]. In: P.M. Koltsov (ed.), *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. Materialy V Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii [Problems of archeology of the Lower Volga region. Materials of 5th International Lower Volga Archaeological Conference]*. Elista, 237–242.
- Mytz, V. L. 2009: *Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty [Caffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and conflicts]*. Simferopol.
- Nystazopoulou Pélékidis, M. 1970: Venise et la mer Noir du XIe au XVe siècle. *Thesaurismata* 7, 15–52.
- Olgiati, G. 1991: The Genoese Colonies in front of the Turkish Advance (1453–1475). *Tarih Araştırmaları Dergisi* 15 (26), 381–389.
- Skrzinskaya, E.Ch. 1971: Istoriya Tany (XIV–XV vv.) [History of Tana (XIV–XV centuries.)] In: *Barbaro i Kontarini o Rossii [Barbaro and Contarini about Russia]*. Leningrad, 64–87.
- Thiriet, F. 1959: *La Romanie Vénitienne au Moyen Age*. Paris.
- Thiriet, F. 1981: De l'importance des mers dans le système romaniote de Venise. In: *Byzantino Bulgarica*. 1. Sofia, 73–86.
- Veinstein, G. 1986: From the Italians to the Ottomanes: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century. *Mediterranean Historical Review* 1 (2), 221–237.
- Volkov, I.V. 1990: Gostevaya tserkov' – mechet' Bayazida Veli v Azove [The guest church is the Bayazid Veli mosque in Azov]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. [Historical and archaeological research in the city of Azov and the Lower Don in 1989]*. Azov, 136–150.
- Volkov, I.V. 1991: Oboronitel'nye sooruzheniya venetsianskoy Tany (XV v.) [Defensive installations of the Venetian Tana (15th century)]. In: *Rezyume soobshcheniy XVIII Mezhdunarodnogo kongressa vizantinistov [Proceedings of the 18th International Congress of Byzantinists]*. Pt II. Moscow, 1236–1237.
- Volkov, I.V. 1992: Azovskaya krepost' glazami Evlii Chelebi i russkikh voennykh topografov XVII–XVIII vv. [Azov fortress through the eyes of Evliya Chelebi and Russian military topographers of the 17th – 18th centuries]. In: V.E. Maksimenko, V.N. Korolev (eds.), *Istoricheskaya geografiya Dona i Severnogo Kavkaza [Historical Geography of the Don and the North Caucasus]*. Rostov-on-Don, 83–94.

ARCHAEOLOGY OF THE VENETIAN GASARIA IN 13th – 15th CENTURIES.
DEFINITION OF TERMS AND SCIENTIFIC CONTENTS

Sergey G. Bocharov

Khalikov Institute of Archeology Tatarstan Academy of Science, Kazan, Russia
sgbotcharov@mail.ru

Abstract. The article marks the place of sites associated with the Venetian presence in the Northern Black Sea Region in the framework of the archaeological study of the Byzantine Empire and the Golden Horde. There is a general historical overview of the evidence of Venetian activity in the Azov Sea and on the Crimean peninsula in the 13th–15th centuries.

The layer of materials of the 13th–15th centuries is singled out, in the context of archaeological research of the towns and villages of the Northern Black Sea region, referring to the Venetian presence in the region. The main base of the Republic of St. Mark in Tana was a plot located near the river Don, allotted for settlement by Venetian merchants in the large Golden Horde city of Azak, not far from the Sea of Azov. Three times the Venetian Republic made attempts to add to Tana new settlements in the towns of Soldaya and Vosporo, harbors Provato and Kaliara in the East of the Crimean Coast. However, these efforts have not been crowned with success.

The article introduces into a scientific circulation a new definition – Venetian Gazaria. Under the term Venetian Gazaria for the period of 13th–15th centuries one should understand the whole set of written and material evidence of the Venetian presence in the territory of the Golden Horde State and especially in its commercial settlements in the Northern Black Sea Region.

In the historical sense, the Venetian Gazaria is a small part of the general system of Venetian possessions in the Byzantine Empire – Venetian Romania, but with a fundamental difference. This difference lies in the fact that the Venetian Republic is trying to establish own trading settlements not on the territory of Byzantium, but on the lands of another state – the Golden Horde and on the new conditions are pushing the khans of this eastern empire.

Keywords: Venetian Republic, Byzantine Empire, Golden Horde, Venetian Gazaria, Northern Black Sea Coast, Tana, Provato, Soldaya, historical geography, archaeology

МОТИВ ЖЕРТВЫ В КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ ИНДЕЙЦЕВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Е.Г. Дэвлет

Институт археологии РАН, Москва, Россия
eketek@yandex.ru

Аннотация. Центральноеамериканские каменные монументальные и портативные изваяния, изображающие связанных персонажей; фигуры, держащие в руке или подвешенными на веревке отрезанные головы-трофеи; зернотерки или ритуальные столики, плиты, окаймленные рядами антропоморфных голов, а также подобные головы, выполненные отдельно в виде небольших по размеру скульптурных произведений, соотнесены с культовой практикой различных центральноамериканских племен, которая подразумевала человеческие жертвоприношения, ритуальный и бытовой каннибализм. Иконографические данные конца I – середины II тыс. н.э. соотнесены с археологическими и письменными источниками, поскольку дифференцированные человеческие жертвоприношения описаны многими хронистами, релевантные наблюдения зафиксированы и этнографически. Особое внимание голове приносимого в жертву характерно для центральноамериканской обрядности: головы помещали в специально отведенных местах, имевшихся в каждом селении. Распространенной практикой мумификации трофейных голов и их хранения можно объяснить небольшие размеры голов (имеющих не только и не столько череповидный облик), изображенных в руках персонажей-победителей. Помимо хранения высушенных трофейных голов, аналогичным образом мумифицировались головы почитаемых соплеменников. Смерть на жертвенном камне народы Центральной Америки и Мезоамерики приравнивали к смерти в бою, она признавалась достойным завершением жизненного пути, поскольку душам павших на поле брани суждено было попасть на небо, в обитель богов. Обычай ритуального жертвоприношения, каннибализм и культ трофейных голов у народов Центральной Америки можно связать с преодолением оппозиции жизнь–смерть.

Ключевые слова: Центральная Америка, каменная скульптура, жертвоприношение

Яркая камнерезная традиция коренного населения Центральной Америки отражает мифологические представления аборигенов, их верования, культы и обряды, особенности развития и стратификации общества. Для уточнения семантики некоторых из фигуративных изделий из камня рассмотрены письменные, археологические и этнографические свидетельства, относящиеся к ритуальным жертвоприношениям. Для центральноамериканской обрядности характерна диф-

Дэвлет Екатерина Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь ИА РАН, руководитель Центра палеоискусства.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-31-01015.

Рис. 1. Изображения трофейных голов стиля «мерседес», Коста-Рика (фото Е. Дэвлет)

ференциация жертв. Различия делались между мужчинами-воинами, мужчинами – рядовыми общинниками, юношами, женщинами, девушками и детьми. Их «ценность» была различной, а главные божества пантеона требовали особых жертв. Иерархизации общества сопутствовала иерархизация жертвоприношений и даров, что определяется представлениями об особой сакральной силе обращения к богам элиты, приобщенной эзотерическому знанию. Различия, которые делались между рабами, пленными общинниками и пленными воинами, обреченными на принесение в жертву, вероятно, отражены в скульптуре стиля «мерседес» (с середины IX по XV в.), где средствами индивидуализации служат в том числе и маркеры социального статуса, такие как атрибуты и символика власти, оружие, особые прически, пояса, украшения. Возможно, обнаженные фигуры со связанными руками, лишенные украшений, могли изображать захваченных в плен общинников-земледельцев. Некоторые из так называемых отдельных скульптурных голов и изваяний со сложными прическами или в замысловатых головных уборах могли быть портретными изображениями и воплощать черты тех великих воинов, которые ушли в иной мир на жертвенном камне (рис. 1).

П. Мартин различает два вида жертв, ими могли быть рабы и пленные. В зависимости от того, кто был предназначен для принесения в жертву, выбирался и способ ритуального убийства. Рабов иногда специально держали для этой цели, в таком случае они приобретали статус полубожеств и жили относительно свободно¹. Пленных содержали и откармливали, как и рабов, наподобие домашних животных. С целью добычи пленных – «продовольствия», угодного божеству, совершались специальные облавы. «Охота за головами» во многих регионах стала регулярной, они «... начали похищать людей из племен. Вот как они умерщвляли этих людей. Они схватывали человека, когда он шел один, или двух, когда они шли вместе... и приносили их в жертву... После этого они кропили на дороге кровью и разбрасывали головы убитых по отдельности на дороге»². Пленение и жертвопри-

¹ Lothrop 1926, 35.

² Пополь-Вух (1993), 102.

ношение воина, отличившегося в боях и принадлежавшего к высокому воинскому сословию, заслуживало особого одобрения и считалось почетным. Смерть на жертвенном камне народы Центральной Америки приравнивали к смерти в бою, и она признавалась достойным завершением жизненного пути. Существовало представление, что души павших в бою обязательно отправляются на небо, в обитель богов. Есть свидетельства, что пленный добровольно отверг предложенную ему свободу, предпочтя ей будущее счастье, гарантированное в загробном мире.

Существовало представление, что добыча пленников на войне, их жертвоприношение – залог жизни коллектива. Оппозиция смерть–жизнь реализовывалась через жертвоприношение. Надо полагать, что с этими представлениями связан круг образов, воплощенных в каменных навершиях жезлов или булав, среди которых часто встречаются совы. В мифологии майя совы – посланники владык подземного царства Шибальбы, которые являются медиаторами между обитателями подземного мира и людьми³.

Ритуальный и бытовой каннибализм получил широкое распространение. Обычай ритуального поедания тела убитого пленника мог быть связан с представлениями о том, что мощь побежденного перейдет к победителям, употребившим в пищу его плоть. И хотя данный обычай имел церемониальное происхождение, впоследствии у некоторых других племен стал обыденным явлением.

Рис. 2. Изображение воина с трофейной головой в руке, стиль «мерседес», Коста-Рика (фото Е. Дэвлет)

Специфической чертой Центральноамериканской обрядности является особое внимание, которое уделялось голове принесенного в жертву. Разные авторы единодушно отмечают, что головы жертв никогда не поедали, а помещали в специальные хранилища, в углублении перед храмом, водружали на столб или на дерево, причем, в каждом селении имелось специальное место для голов убитых. Изображения стоящих мужских фигур с головой-трофеем в одной и орудием в другой руке (стиль «мерседес», IX–XV вв., Коста-Рика) служат своеобразной иллюстрацией существования практики обезглавливания убитых у гуэтар (рис. 2). Примечателен тот факт, что голова-трофей значительно меньше по размеру, чем голова основного персонажа. С одной стороны, возможно, таким образом мастер стремился передать превосходство воина над поверженным врагом. Подобный изобразительный прием характерен для древнего искусства различных континентов. С другой сторо-

³ Пополь-Вух (1993), 34.

ны, нарушение пропорций может быть свидетельством того, что головы подвергались мумификации, в результате которой уменьшались в размере. До недавнего времени этот обычай существовал у хиваро и родственных им племен, обитавших в Западном Эквадоре. С практикой высушивания голов могут быть связаны иконографические особенности некоторых каменных намертий (линии на них могут передавать надрезы на черепе)⁴. «Технология» мумификации описана Д. де Ланда. Согласно его свидетельству, у умерших знатных лиц юкатанские майя «отрубали головы... и, сварив их, очищали от мяса; затем отпиливали заднюю половину темени, оставляя переднюю с челюстями и зубами. У этих половин черепов заменяли недостающее мясо особой смолой и делали их очень похожими [на таких], какими они были [при жизни]. Они держали их вместе со статуями и пеплом и все это хранили в молельнях своих домов, со своими идолами, с очень большим почитанием и благоговением. Во все дни их праздников и увеселений они им делали приношения из своих кушаний, чтобы они не испытывали недостатка в них в другой жизни, где, как они думали, покоились их души и пользовались их дарами. Этот народ всегда верил в бессмертие души более, чем многие другие народы, хотя и не имели такой культуры. Ибо они верили, что была после смерти другая жизнь, более хорошая, которой наслаждалась душа, отделившись от тела»⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Дэвлет, Е.Г. 2000: *Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки*. М. Пополь-Вух; *Родословная владык Тотоникапана*. Пер. Р.В. Кинжалова, М., 1993.
Диего де Ланда. *Сообщение о делах в Юкатане*. Пер. Ю.В. Кнорозова. М., 1994.
Lothrop, S.K. 1926: *Pottery of Costa Rica and Nicaragua*. Vol. I (Contribution from the Museum of American Indians Heye Foundation. Vol. VIII). New York.

REFERENCES

- Devlet, E.G. 2000: *Khudozhestvennyye izdeliya iz kamniya indeytsev Tsentralnoy Ameriki* [Stone artefacts of Central American Indians]. Moscow.
Diego de Landa, *Soobshchenie o delakh v Yukatane* [Diego de Landa, *Relación de las Cosas de Yucatán*], Yu.V. Knorozov (transl.) Moscow, 1994.
Lothrop, S.K. 1926: *Pottery of Costa Rica and Nicaragua*. Vol. I (Contribution from the Museum of American Indians Heye Foundation. Vol. VIII). New York.
Popol'-Vukh; Rodoslovnaya vladyk Totonikapana [Popol'-Vuh; *Lineage of Totonican Rulers*], R.V. Kinzhalov (transl.), Yu.V. Knorozov, (ed.). Moscow, 1993.

⁴ Дэвлет 2000, 95–105.

⁵ Де Ланда (1994), 163–164.

VICTIM MOTIVE IN STONE SCULPTURE OF CENTRAL AMERICAN INDIANS

Ekaterina G. Devlet

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
eketek@yandex.ru

Abstract. Central American stone monuments and smaller statues depicting tied persons, figures either holding severed heads in hands or suspended on a rope as a trophy, grindstones (metates), or ritual tables, plates with anthropomorphic heads on the edges and separate similar heads correlate with ceremonial practice of various Central American tribes. This practice implied human sacrifice, ritual and common cannibalism. Iconographic data of the late 1st – the first half of the 2nd millennium AD correspond to archeological and historical sources as differentiated human sacrifice was described by many chronists, relevant observations being documented ethnographically. Paying specific attention to the head of a victim is distinctive of Central American customs: heads were stored in special places in every settlement. The common practice of mummification trophy heads and conditions of their storage explain the small size (not reminding of a skull at all) of the heads in the hands of victorious figures. Besides, heads of worshiped members of the communities were mummified in a similar manner. For the peoples of Central America death on a sacrificial altar was similar to death in a battle and was considered to be a decent way of ending one's life as souls of fallen warriors were destined to ascend to heaven where the gods resided. Customs of ritual sacrifice, cannibalism and the cult of trophy heads of the Central American peoples may be linked to overcoming the life–death opposition.

Keywords: Central America, stone sculpture, ritual sacrifice

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2017), 255–269
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2017), 255–269
© Автор(ы) 2017

ОТ ОБЩИНЫ К ИМПЕРИИ: СИКХСКИЕ МОДЕЛИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

К.А. Демичев

*Нижегородский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Нижний Новгород, Россия
kadem@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция моделей сикхского территориального устройства. Выделяется пять этапов в развитии форм территориального устройства сикхской общины, начиная с момента ее возникновения в XVI в. и до падения сикхской империи в середине XIX в. Для каждого этапа характерны отличительные особенности и специфические черты. Прослеживаются факторы, оказывающие решающее воздействие на развитие моделей территориального устройства. Отмечается, что на первом этапе (начало – середина XVI в.) происходит возникновение первых локальных сикхских общин, объединенных институтом совместной трапезы лангар и общинным молением киртан. На втором этапе (середина XVI – 1699 г.) сикхские территориальные общности формируются на основе системы манджа и становятся не только религиозными, но и территориально-фискальными единицами. Создаются религиозные центры, строятся города и крепости, которые становятся ключевыми пунктами в борьбе сикхов с империей Великих Моголов.

На третьем этапе (1699–1748 гг.) происходит кардинальная трансформация сикхской общины. Система манджи ликвидируется, и создается воинское братство Хальса. На этом же этапе у сикхов появляются развитые представления об идеальном территориальном устройстве сикхской общины, которые связываются с государственной организацией. На четвертом этапе (1748–1799 гг.) возникают военно-территориальные объединения – мисалы, которые со временем трансформируются в самостоятельные княжества и устанавливают контроль над большей частью Пенджаба. Пятый этап (1799–1849 гг.) представляет

Демичев Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского института управления РАНХиГС при Президенте РФ.

собой высшую форму развития территориальной организации сикхов. В это время создается независимое сикхское государство, прошедшее быстрый путь от территориальной державы до региональной империи. В новых условиях сикхи были объединены посредством двух организационных форм – в рамках традиционных религиозных общин сангатов и административно-территориальных структур сикхской империи.

Ключевые слова: сикхи, Панджаб, Хальса, территориальное устройство, Саркар Хальсаджи

Зарождение сикхизма как новой религии, существенно отличающейся и от индуизма, и от ислама, было связано с землей Пятиречья – Панджабом, который в XVI – начале XVIII вв. входил в состав Лахорской провинции (*субы*) империи Великих Моголов. Становление сикхской идентичности происходило в сложных условиях иноконфессионального окружения, что уже на ранних этапах развития общины привело к необходимости идеологической, а затем и вооруженной борьбы с Моголами, индусскими раджами, а затем и с афганцами. Такая борьба едва ли могла быть успешной без опоры на территорию, которую бы сикхи не только априорно считали «своей», но и успешно контролировали. Процесс обретения собственной территории был неотделим от генезиса государственности, который в конечном итоге привел к возникновению сикхской империи, раскинувшейся на всей северо-западной части индийского субконтинента. При этом территориальные модели организации сикхской общины неоднократно изменялись, что было обусловлено внешними и отчасти внутренними вызовами, с которыми сикхам пришлось столкнуться в XVI – начале XIX в.

Основателем сикхского вероучения был гуру Нанак Дэв (1469–1539), чьим местом рождения считается деревня Талванди, которая находилась в нескольких десятках километров от Лахора на реке Рави. Гуру Нанак совершал дальние путешествия, однако завершающий этап его жизни был связан с Панджабом. На правом берегу Рави гуру основал деревню Картарпур, ставшую центром притяжения для последователей нового учения. Именно здесь формировались религиозные практики, которые изначально принимали ярко выраженный общественный характер. Ученики Нанак совершали под руководством своего гуру общую трапезу *гуру-ка лангар* и проводили общинное моление *киртан*¹¹. Считается, что Нанак основывал сикхские общины – *сангаты*, члены которых были объединены институтом лангара.

Второй сикхский гуру Ангад Дэв (1539–1552) не остался в Картарпуре и поселился в деревне Кхадуре на реке Биас². Третий же духовный наставник сикхов Амар Дас (1552–1574) также переехал из деревни своего предшественника, перебравшись в Гоиндвал, находящийся в 10 километрах от Кхадура. Перенос места пребывания гуру на данном этапе эволюции сикхской общины, по всей видимости, еще не являлся актом сакрального «столбения» территории Пятиречья. Это был прагматический шаг, который не приводил к формированию территориальной общности. Центры нахождения сикхских гуру не обладали в это время самостоятельной ценностью вне контекста личности самого гуру. Это свидетельствовало о

¹ Успенская, Котин 2007, 40.

² McGregor 1846, 49,50.

том, что центр духовной жизни религиозной общины перемещался вслед за гуру, и он сам становился центром такого притяжения.

Однако именно при Амаре Дасе сикхская община претерпевает некоторые организационные изменения и приобретает выраженные черты территориальности.

При третьем гуру численность сторонников нового вероучения значительно выросла, что привело сикхского лидера к осознанию необходимости решения вопроса о сборе пожертвований. В итоге гуру ввел и поставил под контроль ежегодные сборы на нужды общины. Для реализации этой цели представители сикхской общины были разделены на 22 округа – *манджи*, во главе с *масандами* как доверенными представителями гуру³. Теперь же сикхи должны были жертвовать часть своего дохода на общие нужды, что привело к тому, что со временем *манджи* превратились в своего рода фискальные единицы⁴. Сбором пожертвований заведовали *масанды*, доставлявшие собранные средства в ставку гуру два раза в год.

Первоначально *манджа* была союзом, скорее личным, чем территориальным, объединявшим единоверцев под началом *масанда* для отправления культа и достижения религиозно значимых целей, подобно тому, как это осуществлялось в рамках *сангата*. Однако введение обязательного сбора способствовало прорастанию именно территориальной формы организации. Безусловно, сикхи и ранее были связаны с землей, домовладением и округом. Однако теперь они объединялись вокруг назначенного *масанда* и *манджи* как молитвенного дома и были связаны общностью пожертвований, которые осуществлялись по территориальному признаку. Возникала локальная общность, которая, осознавая себя частью сикхской общины в целом, тем не менее реализовывала свои функции в пределах, пусть и достаточно расплывчатых, но территориальных границ.

На протяжении второй половины XVI–XVII в. сикхи достаточно активно осваивали земли Панджаба. Сикхские гуру создавали новые поселения (в которых проживали исключительно сикхи), колодцы-купальни *баоли*, становившиеся объектами паломничества. В 1577 г. было основано новое поселение Рамда-спур и начато строительство нового искусственного водоема – Амритсара («Море амриты»)». Впоследствии по названию священного водоема и сам город Рамда-спур стал называться Амритсар. Впервые в сикхской истории на земле, принадлежащей гуру, был построен и заселен целый город.

В создании Амритсара Рам Дас принимал личное участие, привлекая к строительству не только тех сикхов, кто поселился в новом городе, но и многочисленных паломников, стремившихся приобщиться к мудрости своего гуру. Однако завершил строительство Амритсара уже сын Рам Даса – Арджун Дэв (1581–1606), ставший первым сикхским гуру, который получил власть по наследству от своего отца.

Арджун усилил контроль над сборами десятины ежегодных доходов – *дас-вандх*, которые теперь производились только один раз в году в Амритсаре и стали обязательными⁶. Здесь же в октябре 1588 г. посередине священного водоема Амритсар было начато строительство храма *Хари Мандира*, которому было суждено

³ Macauliffe 1909/II, 151.

⁴ Демичев 2011, 218.

⁵ Cunningham 1849, 53.

⁶ Gordon 1904, 30.

стать главным центром сикхской религии и общины. Тем не менее вплоть до конца XVII в. *манджа* оставалась основной формой территориальной организации сикхов, а *масанды*, как свидетельствует анонимный источник второй половины XVII в. *Дабистан-и Мазахиб*, были главными представителями гуру во всех городах и селениях, где проживали сикхи⁷. Показательно, что модель взаимодействия гуру с *масандами* в целом практически ничем не отличалась от модели, характерной для любого другого индийского правителя. Раз в год во время празднования *Байсакхи* масанды доставляли гуру собранный *дасвандх*, отчитывались перед ним и получали из его рук тюрбан и другие предметы одежды, то есть *хилат* («одежду чести»), которой правитель одаривает в знак благодарности и уважения⁸.

Шестой гуру сикхов Харгобдинд (1606–1644) продолжил создание новых поселений и даже начал строительство городов, в том числе в пригималайской области Шивалика⁹. Возникающие сикхские центры не только маркировали направления, по которым осуществлялось перемещение представителей общины, но и становились сосредоточением силы и власти на местном уровне. Подтверждением этого факта становится то, что несикхское население, проживающее на этих территориях, начинает выплачивать сикхам поземельный налог в обмен на покровительство и защиту¹⁰.

Появление силы, которая могла достаточно успешно соперничать с центральной властью на местном уровне, не могло остаться без последствий. В результате в 1628 г. империя Великих Моголов начинает многолетнюю войну против сикхов.

Ожесточенное противостояние с империей способствовало консолидации сикхской общины вокруг своих гуру, которые окончательно приобретают черты не только духовных, но и светских владык.

Последний – десятый – гуру сикхов Гобинд Сингх (1675–1708) предпринял радикальное изменение общины, в том числе и ее территориальной организации. Молодой гуру, воспитанный как воин и правитель, начал с того, что попытался установить жесткий контроль над *масандами*, которые за предшествующие десятилетия обрели слишком большую власть в пределах подконтрольных им территорий и стали присваивать значительную часть обязательных пожертвований в пользу гуру¹¹.

Первый конфликт Гобинда Сингха с *масандами* был связан с тем, что последние, напуганные военными приготовлениями гуру, стали всячески ему препятствовать. Они даже попытались повлиять на гуру через его мать, что, впрочем, не увенчалось успехом¹². Гуру предъявил *масандам* целый ряд обвинений. Он указывал, что они забыли свое предназначение и притесняют сикхов, предаются порокам, употребляя наркотики и посещая проституток, а также присваивают себе пожертвования, предназначенные гуру. В завершение Гобинд Сингх обвинил *масандов* в оскорблении достоинства гуру, указав на их заявление, что именно они «создали» гуру и, «если бы они ему не служили, то на него никто бы и не взглянул»¹³. Подобные высказывания и действия не могли остаться без послед-

⁷ Grewal 2003, 66–67.

⁸ Grewal 2003, 67.

⁹ Grewal 2003, 65.

¹⁰ Успенская, Котин 2007, 75.

¹¹ Singh Kartar 1968, 89.

¹² Macauliffe 1909/V, 11.

¹³ Macauliffe 1909/V, 23.

ствий, поэтому многие *масанды* были наказаны, а те, кто сохранил преданность Гобинду Сингху, получили награду. Тем не менее становилось очевидным, что к концу, XVII в. система *масандов* себя полностью изжила.

Гобинд Сингх пошел на то, что изъял у *масандов* фискальные функции. Сбором *дасвандх* они больше не занимались, а обязательные пожертвования сикхи теперь должны были ежегодно доставлять в Амритсар лично либо предоставлять гуру во время посещения их поселений. В конечном итоге институт *масандов* был ликвидирован в результате коренной реформы социально-политического устройства сикхской общины в 1699 г. В этот год во время празднования *Байсакхи* десятый гуру провозгласил создания *Хальсы* – новой формы организации сикхской общины¹⁴. Теперь *Хальса* представляла собой братство воинов, сплоченных вокруг гуру и готовых отдать жизнь, защищая свою веру.

В новых условиях Гобинд Сингх более не нуждался в *масандах*, которые еще ранее утратили свои основные функции. В итоге этот институт был ликвидирован, что положило конец старой форме территориальной организации сикхов¹⁵. Теперь *Хальса* как воинское братство напрямую подчинялась власти гуру без каких-либо посредников, что было вполне оправдано в условиях полномасштабной войны, которую Могольская империя вновь развязала против сикхов.

Гобинд Сингх формулирует новый жизненный принцип сикхской общины *Радж Карега Хальса (Raj Karega Khalsa)* – «*Хальса* должна править». Практическим воплощением этого принципа становится стремление установить полный сикхский контроль над Пятиречьем. Сам десятый гуру прямо заявлял: «Мы уничтожим гнет турок [Великих Моголов – К.Д.], и я отдам всю страну от Лахора до Пешавара в царство моим сикхам»¹⁶.

Ожесточенные боевые действия, развернувшиеся против сикхов, не способствовали формированию упорядоченной формы территориальной организации в первые годы существования *Хальсы*. В этот период ставка гуру превратилась в военный лагерь, потеря же ряда крепостей как опорных пунктов в Панджабе и вытеснение сикхов из отдельных районов привело к развертыванию активного партизанского движения.

После смерти последнего гуру Гобинда Сингха в 1708 г. борьба с Моголами лишь усилилась. Военным вождем сикхов в это время становится Банда Сингх Бахадур, наводивший суеверный ужас на своих противников и имевший среди них дурную славу колдуна¹⁷. За годы восстания Банды Бахадура 1710–1715 гг. *Хальса* стала главным врагом Моголов, с которым невозможно было не считаться и противодействие которому требовало напряжения всех сил империи.

После казни Банды Бахадура в 1715 г. император Фаррухсийяр-шах издал фирман, согласно которому сикхи должны были быть обращены в ислам под угрозой смерти. За пойманных членов общины или за их отрубленные головы были установлены государственные выплаты¹⁸. Развернувшийся террор продолжался

¹⁴ Демичев 2015, 153–5.

¹⁵ Grewal 2003, 107.

¹⁶ Macauliffe 1909/V, 13, 14.

¹⁷ Habib, Greval 2001, 145.

¹⁸ Cunningham 1849, 95; McGregor 1846, 113.

несколько лет и стал утихать только после 1719 г., когда в результате дворцового переворота Фаррухсийяр-шах был свергнут.

В 1726 г. *назимо* Лахорской субы был назначен Закария-хан, которому было суждено войти в историю как одному из наиболее жестоких гонителей сикхов. Против сикхов был объявлен джихад, а за их головы устанавливалось фиксированное вознаграждение¹⁹.

За годы преследований, последовавших за казнью Банды Бахадура, сикхи не сложили оружия, продолжая вести активные партизанские действия. В этот период в рамках *Хальсы*, которая пока представляла собой скорее личный военный союз, чем территориальный, складываются представления об идеальной государственной форме организации сикхов. Эти представления нашли отражение в своеобразном кодексе поведения сикха и одновременно в правилах устройства сикхской общины *Прем Сумараг* («Путь любви»), которые были созданы в первой трети XVIII в.

Идеальной форме устройства в *Прем Сумараг* посвящена отдельная глава, причем, в ней рассматривается не только модель и структура сикхского государства, но и даются достаточно подробные рекомендации правителю по управлению подданными. Согласно *Прем Сумараг* главой государства должен быть единоличный правитель, который, в зависимости от контекста, обозначается как раджа, махараджа и даже как падишах²⁰. Владения сикхского махараджи были относительно невелики, однако при этом отличались продуманной структурой.

Территориальное деление, в котором сильно чувствовалось могольское влияние, предполагало следующее. Низшей административной единицей должна была стать деревня. В свою очередь группа деревень объединялась в более крупное структурное подразделение – *паргану* (*pargana*). Каждые 21 *парганы* формировали округа – *тарафы* (*tārāf*). Название округу давалось по наименованию самого крупного города, находящегося на его территории. Наконец, каждые 11 округов должны были составлять высшую административно-территориальную единицу государства – провинцию *диса* (*disā*)²¹.

Каждый уровень административно-территориального управления обеспечивал целый штат чиновников, ответственных за сбор налогов, судопроизводство и пр. При этом во все подразделения от паргана до провинций (*диса*) направлялся представитель махараджи («офицер разведки») – *хабар* (*khabar*), который контролировал региональных чиновников и отправлял регулярные отчеты правителю²². Для поддержания порядка в каждый город должен был назначаться особый чиновник – *котвал*, который, с определенной долей условности, может быть соотнесен с начальником полиции²³.

В целом на концепцию идеального сикхского государства большое влияние оказала модель Могольской империи с ее адаптацией под потенциальные потребности конфессиональной державы. При этом необходимо отметить, что практическая реализация этой концепции стала возможной только в начале XIX в.

¹⁹ Kohli 1993, 59.

²⁰ Prem Sumarag 2006, 82–84, 87, 93–95.

²¹ Prem Sumarag 2006, 86.

²² Prem Sumarag 2006, 85, 87.

²³ Prem Sumarag 2006, 87.

В 1730-х гг. начинается активизация сикхского движения, что было обусловлено ослаблением империи Моголов вследствие вторжения в Индию персидского правителя Надира-шаха. Возвращение персидских войск через территорию Пятиречья в сторону Хайберского прохода было омрачено постоянными нападениями сикхских отрядов, которые не только грабили тяжелогруженные добычей обозы, но и отбивали многочисленных пленных, гонимых воинами шаха к себе на родину.

Сикхи столь досаждали Надиру-шаху, что он был вынужден требовать от своего лахорского наместника Закарии-хана самого пристального внимания к проблеме защиты коммуникаций. У Закарии-хана персидский владыка осведомлялся о том, что это за «вредители», которые осмеливаются на него нападать. Наместник пояснил: «Они [сикхи – К.Д.] представляют собой группу факиров, которые дважды в год посещают водоем гуру, купаются в нем, а затем исчезают». На вопрос удивленного шаха о том, где же тогда сикхи живут, Закария-хан ответил: «Дом их находится в седлах их коней». После такого заявления Надир-шах предостерег своего *назима*: «Будь осторожен, недалек тот день, когда эти мятежники захватят твою страну»²⁴.

Слова персидского владыки оказались пророческими. Однако приведенный диалог был весьма примечателен тем, что в нем получила отражение непростое положение членов общины, которые, действуя в территориальных границах Пятиречья, тем не менее в это время не контролировали в полном объеме какой-либо территории. На данном этапе любое крупное скопление сикхов становилось объектом для потенциального удара противника. Любое поселение, где сикхи могли бы жить, открыто демонстрируя свою религиозную принадлежность, могло быть уничтожено превосходящими силами врага. За достоверную информацию о местонахождении сикхов Закария-хан стал выплачивать вознаграждение в 10 рупий, а за каждого живого сикха или же его отрубленную голову выплату повысил до 50 рупий²⁵.

Меры лахорского наместника привели к значительным жертвам среди сикхов, однако община выжила, тем более что, начиная с 1748 г., в истории северо-западной Индии начинается новый этап, связанный с регулярными афганскими вторжениями.

Афганские нашествия способствовали консолидации сикхов. Была восстановлена единая военная организация *Хальсы*, порушенная после казни Банды Бахадура. В 1747 г. сикхи установили контроль над Амритсаром. Именно здесь во время празднования *байсакхи* 29 марта 1748 г. они вынесли коллективное решение – *гурмата* о создании объединенной армии – *Дал Хальсы* («Армии Хальсы»)²⁶. Таким образом, сикхи не только овладели своим главным религиозно-территориальным центром, но и воссоздали организацию, способную обеспечить его действенную защиту.

Дал Хальса, вобравшая в себя несколько десятков относительно небольших отрядов, была разделена на 11 подразделений *мисалов*, чье название происходит от арабского («равный»). Действительно, *мисалы* были равны между собой, и во главе каждого из них стоял выборный военачальник – *сардар*. Главнокомандую-

²⁴ Singh, Singh 2006, 121; McGregor 1846, 115.

²⁵ Singh, Singh 2006, 121.

²⁶ Steinbach 1846, 11, 12.

щим был выбран авторитетный *сардар* Джасса Сингх Ахлувалиа, что также было зафиксировано посредством вынесения *гурмата*²⁷.

Тогда же было принято коллективное решение, что *Дал Хальса* будет собираться в Амритсаре ежегодно во время празднования *байсакхи* и *девали*. Только такие собрания – *сарбат хальса* получили право принимать обязательные для всех сикхов решения *гурмата*²⁸. Известный российский индолог Е.Ю. Ванина тонко подметила определенное сходство движения сикхов с движением чешских гуситов²⁹. Действительно, организация, воссозданная сикхами в середине XVIII в., имела немало сходных черт с организацией *табора* и его военно-демократическими традициями.

В середине XVIII в. борьба с моголами и афганцами шла с переменным успехом, однако в целом положение сикхов в Пятиречье укреплялось. Показательно, что в 1752 г. джалландарский наместник лахорского *наваба* Адин бек даже заключает с несколькими влиятельными сикхскими *сарадарами* соглашение. Формально признав власть *наваба* в Джалландаре, последние получили официальное разрешение на сбор поземельного налога с крестьян в подконтрольных им районах³⁰.

Однако главным свидетельством установления сикхского контроля над большей частью панджабских земель становится распространение системы *ракхи*. Сардары, как представители *Дал Хальсы* на определенной территории, заключали с местным населением, большей частью сельским, своего рода договор о предоставлении покровительства и защиты, который и получил название *ракхи*³¹. О широком распространении системы *ракхи* свидетельствует то, что на защиту со стороны сикхов соглашались не только отдельные деревни или их группы, но и целые сельские округа. Размер *ракхи*, собиравшейся с домохозяйства, улицы или целой деревни, мог составлять от 1/5 до половины урожая, в зависимости от конкретного региона и отношений, которые *сардары* сумели выстроить с местным населением³².

Формирование *ракхи* маркировало новый этап в развитии территориальной организации сикхов, связанной с установлением системы *мисалов*. В условиях военно-политической нестабильности середины XVIII в., непрекращающихся афганских вторжений и формальной смены могольской администрации на афганскую единственной реальной силой Панджаба, заинтересованной в защите интересов местного населения, оказались сикхи. Органически связанные с ведущей этно-кастовой общностью Пятиречья – *джатами*, а также имея широкую поддержку среди других групп сельского населения, сикхи смогли обеспечить защиту и контроль не только районов компактного проживания членов общины, но и целых округов, население которых признало их власть.

Установление *ракхи*, несомненно, способствовало укреплению власти сикхских *сардаров* как в экономическом, так и в политическом отношении. Признание прав *сардаров* на контроль определенных районов страны со стороны всей *Хальсы*

²⁷ Singh, Singh 2006, 131.

²⁸ Успенская, Котин 2007, 216.

²⁹ Ванина 1997, 29.

³⁰ Семенова 1957, 60.

³¹ Rose 1919, 707.

³² Cunningham 1849, 113.

легитимировало их положение, а сбор и сохранение за собой значительной части собираемых средств создавали реальную экономическую основу для укрепления их военного положения и возвышения как самостоятельных правителей. В итоге именно совокупность этих факторов привела к тому, что *мисали* трансформировались из военных отрядов в военно-территориальные объединения, все более приобретающие черты самостоятельных княжеств.

В 1765 г. на ежегодном собрании сикхской общины *сарбат хальсе* в священном городе Амритсаре сикхи вынесли *гурмату* о взятии Лахора, который на протяжении нескольких веков был столицей Лахорской *субы* Могольской империи. В этом же году *Дал Хальса* захватила Лахор, где был начат чекан сикхской монеты – *нанакшахи*³³, что являлось формальным свидетельством независимости. Впрочем, этот акт не привел к созданию единого сикхского государства. Сикхская община продолжала оставаться разделенной на самостоятельные *мисалы* во главе с *сардарами*.

В вопросах внутреннего управления *сардары* как лидеры *мисалов* были полностью независимы. В каждом *мисале* был свой *диван*, свои налоговые чиновники – *кардары*, коменданты крепостей, выполнявшие и полицейские функции – *тханадары*, а также военачальники – командиры крупных отрядов³⁴. Все чиновники *мисала* обладали судебными полномочиями в пределах своей компетенции. На низовом уровне правосудие отправляли традиционные органы, которые отличались стабильностью, независимо от того, чья власть была установлена в Пятиречье в конкретный исторический период: дела мусульман разбирали *кази*, а индусов и сикхов – *панчаяты*, т.е. советы пяти³⁵.

Для решения общих, прежде всего, внешнеполитических вопросов *мисалы* могли объединять свои силы, хотя такие союзы и не отличались стабильностью. Тем не менее в случае реальной внешней опасности они могли совокупно выставить до 64 тысяч всадников при 40 орудиях³⁶.

Начиная с XIX в., многие европейские, а затем и индийские исследователи стали называть союз сикхских *мисалов* конфедерацией, или теократической конфедерацией³⁷. Сходную позицию занимали и некоторые советские исследователи при характеристике *мисалов*³⁸. Впрочем, другие советские специалисты были склонны рассматривать их скорее, как межгосударственный союз, а не конфедерацию³⁹. Последний подход представляется наиболее верным.

Определение союза сикхских *мисалов* в качестве конфедерации представляет собой упрощенный европоцентричный подход. Союз *мисалов* не был институционализирован, членство в нем не было формально прописано. Союзу не делегировались какие-либо полномочия, отдельные от *мисалов*. Участие в общесикхских мероприятиях, прежде всего, военных не было передачей полномочий *мисалов* союзу в целом. Совместное решение *гурмата* на *сарбат хальсе* было актом со-

³³ Singh 1992, 110.

³⁴ Grewal 2003, 94.

³⁵ Grewal 2003, 95.

³⁶ Rose 1919, 707.

³⁷ Cunningham 1849, 112; Gupta 1939.

³⁸ Кочнев 1961, 10.

³⁹ Семенова 1957, 67.

глашения независимых военно-территориальных образований, выразивших свою суверенную волю, освященную авторитетом гуру.

Последний приведенный факт вовсе не означает, что союз *мисалов* носил теократический характер. После смерти десятого гуру Гобинда Сингха в 1708 г. у *Хальсы* не было лидера, который бы замыкал на себе высшие светские и духовные полномочия. Об этом позаботился сам Гобинд Сингх. Всю полноту своей власти гуру передал *Хальсе*, провозгласив при этом новым и вечным гуру не живого человека, а священное писание – *Ади Грантх*. Гобинд Сингх установил, что дух гуру будет вечно пребывать в *Ади Грантх* и *Хальсе*⁴⁰. Сикхская традиция гласит, что Гобинд Сингх выделил в институте гуру три аспекта власти: личную, религиозную и мирскую. Первая завершилась на нем, вторая будет существовать всегда в виде *Ади Грантх*, которая является символическим представителем всех десяти гуру, третья была возложена на всю сикхскую общину – *Хальсу*⁴¹. Таким образом, союз сикхских *мисалов* не был теократией, что было обусловлено как традицией, заложенной Гобиндом Сингхом, так и отсутствием духовного лидера или же духовного органа, который бы мог оказывать решающее воздействие на политику союза.

Дальнейшая история развития территориальной организации сикхской общины была связана с процессом интеграции *мисалов* в единое государство сикхов. Эту миссию возложил на себя *сардар мисала Суккарчакия* Ранджит Сингх.

В 1799 г. молодой Ранджит Сингх устанавливает свой контроль над Лахором, который на протяжении нескольких веков был столицей одноименной провинции (*субы*) Могольской империи, а затем, после афганских вторжений в Индию, и империи Дуррани. Здесь же во время празднования *Байсакхи* в апреле 1802 г. Ранджит Сингх принял титул *Саркар-и-вала* и заявил о своих правах на все Пятиречье, т.е. на всю историческую область, населенную сикхами⁴².

В последующие годы Ранджит Сингх вел гибкую политику объединения страны. Он заключал династические браки, устанавливал дипломатические союзы, прежде всего, с могущественным сардаром Фатех Сингхом Ахлувалиа, с которым он даже побратался, а также усмирял непокорные *мисалы* посредством силы, как это было с *мисалами* Бханги. В целом менее чем за десять лет Ранджит Сингх сумел объединить сикхов под своей верховной властью, практически реализовав, пусть и со столетней отсрочкой, завет десятого гуру Гобинда Сингха – сделать сикхским все Пятиречье.

Правда, необходимо отметить, что объединить территориально всех сикхов Ранджит Сингх так и не сумел. Помешало этому, казалось бы, неизбежному процессу, столкновение с могущественной английской Ост-индской Компанией.

Небольшие сикхские княжества исторических областей Мальвы и Сирхинда (Патиала, Джинд, Набха, Капуртхала и др.), не желавшие подчиняться Ранджиту Сингху, обратились за помощью и покровительством к Ост-индской Компании⁴³. В результате в 1809 г. руководство Компании такое покровительство оказало, выпустив соответствующую прокламацию и направив в регион достаточно крупные

⁴⁰ Cunningham 1849, 74.

⁴¹ The Adi Granth 1877, XCV.

⁴² Gordon 1904, 86.

⁴³ Prinsep 1834, 64.

воинские контингенты. Хотя Ранджит Сингх и рассматривался, как потенциальный союзник англичан, а сикхское государство, как буферная зона, защищающая английские владения в Индии от потенциального вторжения из Средней Азии, оказание помощи княжествам на левом берегу Сатледжа было закономерным. Англичане, верные своей стратегии «буферных зон», планировали превратить эти княжества в буферную зону уже между своими владениями и землями набиравшего силу Ранджита Сингха.

25 апреля 1809 г. между Ранджитом Сингхом и Компанией был заключен договор в Амритсаре, по которому между двумя правительствами устанавливались вечная дружба и граница по реке Сатледж, что ограничило продвижение сикхского правителя на восток⁴⁴. Таким образом, за пределами объединенной сикхской державы оказалось в итоге до одной четверти всех сикхов.

Закрытие восточного направления привело к переориентации экспансии Ранджита Сингха на запад и на северо-запад, что в конечном итоге привело к тому, что сикхская держава превратилась в мощную региональную империю, полиэтническую и поликонфессиональную по своему составу. В состав государства Ранджита Сингха вошли территории, ранее принадлежавшие империи Дуррани, и не населенные сикхами.

В 1818 г. к сикхской державе были присоединены Мултан, в 1819 г. Кашмир и в 1834 г. Пешавар. Все эти исторические области получили статус самостоятельных провинций. В основу нового административного деления сикхского государства была положена провинциальная система, существовавшая в Панджабе еще при Великих Моголах. Вся территория страны была разделена на несколько *суб* – провинций, во главе которых были поставлены наместники или губернаторы – *назимы*. Всего, по мере территориального расширения Саркар Хальсаджи, было создано четыре *субы*: Лахорская, Кашмирская, Мультианская и Пешаварская⁴⁵. Таким образом, три из четырех *суб* в целом территориально совпадали с Лахорской, Мултанской и Кашмирской *субами* Могольской империи. Тот факт, что со второй половины XVIII в. Мултан и Кашмир принадлежали афганцам, ничего принципиально не меняет, так как эти завоеватели также сохраняли могольскую систему.

Провинции сикхской империи были разделены на области – *паргана*, во главе которых Ранджит Сингх нередко ставил своих европейских офицеров. *Паргана*, в свою очередь, подразделялись на округа – *талуки*. Всего в первой половине 1830-х гг. в объединенном сикхском государстве насчитывалось 45 *талуков*⁴⁶. Талуки были разделены на административные единицы – *таппа*, которые могли объединять до сотни деревень. Низшим административно-фискальным подразделением была отдельная деревня – *мауза*.

Несмотря на поликонфессиональный характер государства Ранджита Сингха, в котором основную часть населения составляли мусульмане, сикхи воспринимали свою империю как сикхскую. Формированию такого восприятия способствовала и официальная идеология, восходившая в своих идейных основах еще к временам Гобинда Сингха. Ранджит Сингх правил от имени всей *Хальсы*, реализуя принцип *Радж Карега Хальса* – «*Хальса должна править*». Все завоевания осу-

⁴⁴ Aitchison 1931, 34.

⁴⁵ Khilnani 1972, 97.

⁴⁶ Prinsep 1834, 184.

ществлялись во имя *Хальсы* и от ее имени. Само название сикхского государства звучало как *Саркар Хальсаджи* – «Уважаемый господин Хальса», «Правительство уважаемой Хальсы». На государственной печати была надпись «*Шри Акал сахаи*» («под защитой Вечного Бога»), а монеты чеканились от имени основателя сикхизма – гуру Нанак и последнего десятого гуру Гобинда Сингха⁴⁷.

В целом особенностью территориальной организации сикхов в новых исторических условиях было то, что сикхи были подчинены двум формам организации. С одной стороны, как и раньше, они были разделены по *сангатиям*, т.е. территориальным религиозным общинам, которые объединялись вокруг храмов – *гурдвар*, с другой, их территориальная принадлежность была производной от новой административно-территориальной структуры сикхского государства. При этом сикхи считали «своей» всю территорию империи, включая недавно завоеванные области, исходя из принципа *Радж Карега Хальса*.

Эволюция моделей сикхского территориального устройства прошла несколько этапов, которые обладали своими отличительными особенностями.

Первый этап (начало – середина XVI в.) характеризуется процессом создания первых сикхских общин (*сангатов*) в Пятиречье, объединенных институтом совместной трапезы *лангар* и общинным молением *киртан*. В это время создаются первые сикхские поселения. Какой-либо постоянный центр общины отсутствует, что обусловлено тем, что центр духовной жизни перемещается вслед за гуру, и он сам становился центром такого притяжения.

Второй этап (середина XVI – 1699 г.) связан с формированием сикхских территориальных общностей на основе системы *манджа*, которые становятся не только религиозными, но и территориально-фискальными единицами, в их рамках начинает собираться сначала добровольное, а затем обязательное ежегодное пожертвование в пользу гуру. Начинается создание сакральных центров, в том числе главного – Амритсара, который также приобретает политический характер. Ведется строительство городов и крепостей; они становятся ключевыми пунктами в борьбе сикхов с империей Великих Моголов.

Третий этап (1699–1748 гг.) обуславливается кардинальной трансформацией сикхской общины. Десятый гуру Гобинд Сингх ликвидирует систему *манджи* и реформирует сикхскую общину в воинское братство *Хальсу*, чья власть, по его замыслу, должна распространиться на все Пятиречье. В условиях ожесточенной борьбы с Моголами происходит потеря части ранее подконтрольной территории. Ведущую роль начинают играть военные отряды *Хальсы*, осуществляющие, преимущественно, партизанские действия с опорой на *сангаты*. На этом же этапе у сикхов появляются развитые представления об идеальном территориальном устройстве сикхской общины, которые связываются с государственной организацией.

Четвертый этап (1748–1799 гг.) маркируется возникновением системы *мисалов* – военно-территориальных объединений сикхов, формально политически связанных лишь институтом совместных собраний – *сарбат хальса*. Характерной чертой данного этапа становится трансформация *мисалов* в самостоятельные государственные образования и установление их окончательного контроля над большей частью Пятиречья.

⁴⁷ Успенская, Котин 2007, 227.

Пятый этап (1799–1849 гг.) представляет собой высшую форму развития территориальной организации сикхов. В это время создается независимое сикхское государство, прошедшее быстрый путь от территориальной державы до региональной империи. В новых условиях сикхи были объединены посредством двух организационных форм – в рамках традиционных религиозных общин *сангатов* и административно-территориальных структур сикхской империи. При этом сикхи считали «своей» всю территорию империи, включая недавно завоеванные области и исходя из принципа *Радж Карега Хальса* – «Хальса должна править».

ЛИТЕРАТУРА

- Ванина, Е.Ю. 1997: Расцвет и падение империи Великих Моголов. *Вопросы истории* 12, 20–33.
- Демичев, К.А. 2015: Реформаторская деятельность десятого гуру Гобинда Сингха в контексте завершения милитаризации сикхской общины. *ПИФК* 4, 148–155.
- Кочнев, В.И. 1961: Пенджаб в период мисалей и образование государства сикхов. *Индийский этнографический сборник* 65, 5–44.
- Семенова, Н.И. 1957: Движение сикхов в Пенджабе в первой половине XVIII в. и образование сикхских княжеств. *Краткие сообщения Института востоковедения* XXIII, 55–68.
- Успенская, Е.Н., Котин, И.Ю. 2007: *Сикхизм*. СПб.
- The Adi Granth 1877: *The Adi Granth, the Holy Scriptures of the Sikhs*. London.
- Aitchison, C.U. (comp.) 1931: A Collection of Treaties 1931: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighboring Countries. In: C.U. Aitchison (ed.), Vol. I. *The Treaties and Relating to the Punjab States and Delhi*. Calcutta.
- Cunningham, J.D. 1849: *A History of the Sikhs. From the Origin of the Nation to the Battles of the Sutlej*. London.
- Gordon, J.J. 1904: *The Sikhs*. Edinburgh–London.
- Grewal, J.S. 2003: *The Sikhs of the Punjab. The new Cambridge History of India*. Vol. II. Pt 3. Cambridge.
- Gupta, H.R. 1939: *History of the Sikhs: Evolution of Sikh confederacies*. Calcutta.
- Habib, I., Greval, J.S. (eds. and trans.) 2001: *Sikhs History from Persian Sources*. Delhi.
- Khilnani, N.M. 1972: *British power in the Punjab. 1839-1858*. Bombay.
- Kohli Surinder Singh 1993. *The Sikhs and Sikhism*. New Delhi.
- McGregor, W.L. 1846: *The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh*. Vol. I. London.
- Prem Sumarag 2006: *Prem Sumarag: The Treatise of a Sanatan Sikh*. New Delhi.
- Prinsep, H.T. 1834: *Origin of the Sikh Power in the Punjab and political life of Maharaja Ranjeet Singh. With an account of the Religion, Laws and Customs of the Sikh*. Calcutta.
- Rose, H.A. 1919: *A glossary of the tribes and castes of the Punjab and North-West Frontier Province*. Vol. I. Lahore.
- Singh Kartar. 1968: *Life of Guru Gobind Singh*. Ludhiana.
- Singh Kartar. 1992: *Stories from Sikh History. Book VI. (Banda Sinah Bahadur & Rise of the Sikhs)*. New Delhi.
- Singh Teja, Singh Ganda. 2006: *A Short History of the Sikhs*. Vol. I. Patiala.
- Steinbach, H. 1846: *The Punjab: Being a Brief Account of the Country of the Sikhs; Its Extent, History, Commerce, Productions, Government, Manufactures, Laws, Religions, Etc*. London.

REFERENCES

- Aitchison, C.U. (comp.) 1931: A Collection of Treaties 1931: A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighboring Countries. In: C.U. Aitchison (ed.), Vol. I. *The Treaties and Relating to the Punjab States and Delhi*. Calcutta.
- Cunningham, J.D. 1849: *A History of the Sikhs. From the Origin of the Nation to the Battles of the Sutlej*. London.
- Demichev, K.A. 2015: Reformatorskaya deiatel'nost' desiatogo guru Gobinda Singkha v kontekste zaversheniya militarizatsii sikkhskey obshchiny [The tenth Guru Gobind Singh reform efforts in the context of the conclusion of the militarization of the Sikh Community]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 148–155.
- Gordon, J.J. 1904: *The Sikhs*. Edinburgh–London.
- Grewal, J.S. 2003: *The Sikhs of the Punjab. The new Cambridge History of India*. Vol. II. Pt 3. Cambridge.
- Gupta, H.R. 1939: *History of the Sikhs: Evolution of Sikh confederacies*. Calcutta.
- Habib, I., Greval, J.S. (eds. and trans.) 2001: *Sikhs History from Persian Sources*. Delhi.
- Khilnani, N.M. 1972: *British power in the Punjab. 1839–1858*. Bombay.
- Kochnev, V.I. 1961: Pendzhab v period misaley i obrazovanie gosudarstva sikkhov [Punjab in the period of Misals and formation of the state of Sikhs]. *Indiiskiy etnograficheskiy sbornik* [Indian ethnographic collection] 65, 5–44.
- Kohli Surinder Singh. 1993. *The Sikhs and Sikhism*. New Delhi.
- McGregor, W.L. 1846: *The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh*. Vol. I. London.
- Prem Sumarag 2006: *Prem Sumarag: The Treatise of a Sanatan Sikh*. New Delhi.
- Prinsep, H.T. 1834: *Origin of the Sikh Power in the Punjab and political life of Maharaja Ranjeet Singh. With an account of the Religion, Laws and Customs of the Sikh*. Calcutta.
- Rose, H.A. 1919: *A glossary of the tribes and castes of the Punjab and North-West Frontier Province*. Vol. I. Lahore.
- Semenova, N.I. 1957: Dvizhenie sikkhov v Pendzhabe v pervoy polovine XVIII v. i obrazovanie sikkhskikh kniazhestv [The movement of Sikhs in Punjab in the first half of the 18th and formation of Sikh principalities]. *Kratkie soobshcheniya Instituta vostokovedeniya* [Brief reports of the Institute of Oriental studies] XXIII, 55–68.
- Singh Kartar. 1968: *Life of Guru Gobind Singh*. Ludhiana.
- Singh Kartar. 1992: *Stories from Sikh History. Book VI. (Banda Sinah Bahadur & Rise of the Sikhs)*. New Delhi.
- Singh Teja, Singh Ganda. 2006: *A Short History of the Sikhs*. Vol. I. Patiala.
- Steinbach, H. 1846: *The Punjab: Being a Brief Account of the Country of the Sikhs; Its Extent, History, Commerce, Productions, Government, Manufactures, Laws, Religions, Etc*. London.
- Uspenskaia, E.N., Kotin, I.Iu. 2007: *Sikkhizm* [Sikhism]. Saint Petersburg.
- Vanina, E.Iu. 1997: Rastsvet i padenie imperii Velikikh Mogolov [Blossoming and falling of the Great Moguls Empire]. *Voprosy istorii* [Questions of history] 12, 20–33.

FROM THE COMMUNITY TO THE EMPIRE: SIKH MODELS OF THE
TERRITORIAL ORGANISATION
IN THE 16th – THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Kirill A. Demichev

*Nizhny Novgorod Institute of Management Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia
kadem@mail.ru*

Abstract. The article discusses the evolution of models of the Sikh territorial device. Five stages in the development of forms of territorial organization of the Sikh community, since its foundation in the 16th and to the fall of the Sikh Empire in the mid 19th are highlighted. The author defines distinctive features and characteristic traits for each stage. The factors making decisive impact on development of models of the territorial device are traced.

It is noted that at the first stage, the beginning – middle of the 16th century, there is the emergence of the first local Sikh communities united by the institution of a joint meal of Langar and communal prayer of Kirtan.

At the second stage, the middle of the 16th century – 1699, Sikh territorial communities are formed based on Manji system which became not only religious, but also territorial and fiscal units. Religious centers were created; cities and fortresses crucial in the Sikhs' struggle against the empire of Great Mongols were under construction.

At the third stage, 1699–1748, the cardinal transformation of the Sikh community took place. The Manji system was eliminated and the military fellowship of Khalsa was created. At this stage, the Sikhs developed the ideas associated with the state organization about the perfect territorial system of the Sikh community.

At the fourth stage, 1748–1799, military and territorial communities appeared – Misals. They transformed into independent principalities over time and establish control over the most part of Punjab.

The fifth stage, 1799–1849, represents the highest form of development of the territorial organization of Sikhs. At this time the independent Sikh state, rapidly developed from the territorial power to the regional empire, was created.

In new conditions, the Sikhs were united by means of two organizational forms – within the traditional religious communities of sangat, and administrative-territorial structures of the Sikh Empire.

Keywords: Sikhs, Punjab, Khalsa, territorial organisation, Sarkar Khalsaji

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КРЫМА ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В ОПИСАНИЯХ ИНОСТРАНЦЕВ РУБЕЖА XVIII–XIX вв.

Н.И. Храпунов

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
khrapunovn@gmail.com*

Аннотация. В статье дается общий обзор известий о памятниках археологии и архитектуры эпохи Золотой орды и Крымского ханства, сохранившихся в сочинениях иностранных путешественников, посетивших Крым вскоре после его первого присоединения к России в 1783 г. К настоящему времени известны десятки травелогов, включающих более или менее подробные сведения об объектах культовой, оборонительной, гражданской и погребальной архитектуры мусульманской эпохи на территории Крыма. Некоторые из описанных сооружений безвозвратно утрачены, другие изменились под действием естественных и антропогенных факторов. Потому данные источники бесценны для архитектурно-археологических исследований, а также для подготовки проектов научной реставрации. Анализируемые сочинения относятся к самым разнообразным жанрам – от энциклопедических записок до не отредактированных дневников, от литературных произведений до воображаемых путешествий, что требует критического подхода к источникам. Созданные путешественниками многочисленные рисунки позволяют судить о топографии городов, сформированной в последние годы Крымского ханства, крепостях и оборонительных сооружениях, культовых памятниках и общественных постройках, а также строить осторожные предположения о планах российского правительства по реставрации некоторых важнейших построек.

Также важно проанализировать аспекты формирования образа Крымского полуострова и его культурного наследия в общественном сознании. Путешественники проложили туристические маршруты по Крыму, выявили достопримечательности, требующие обязательного осмотра, сформировали стереотипные представления о прошлом края и воплощавших его памятниках археологии и архитектуры. Так в коллективном воображении формировалось представление о Крыме, в котором смешивались воображение и реальность. Оно передавалось многочисленным читателям путевых записок, ставших чрезвычайно популярным литературным жанром. Восточная культура, зримым воплощением которой были памятники архитектуры и археологии, благодаря путешественникам стала

Храпунов Никита Игоревич – кандидат исторических наук, сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского и Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование» № 15-01-00104.

важной составляющей этого образа. Актуальной научной задачей остается поиск, изучение и издание в русском переводе комплекса указанных источников, а также созданных путешественниками рисунков и чертежей.

Ключевые слова: записки путешественников XVIII–XIX вв., история науки, археология Крыма, исламская археология, Крым, воображаемая география

«Это один из замечательнейших городов в Европе, во-первых, из-за новизны здешних нравов и обычаев – они совершенно восточные и не проявляют ничего европейского, во-вторых, из-за местоположения самого города...», – так писал о Бахчисарае знаменитый путешественник Эдвард–Даньел Кларк (1769–1822), побывавший в древней столице Крымского ханства летом 1801 г.¹ Его слова передают восторг европейцев, открывавших для себя Крым, и, в частности, – расположенные на его территории замечательные памятники восточной архитектуры. За прошедшие два столетия многие из них исчезли с лица крымской земли, другие еще стоят, но и им нанесли ущерб «пожирающее вещи время» (Ovid., Met., XV, 234), а иногда и неумелая реставрация. Записки и рисунки посетивших Крым иностранцев позволяют в некоторых случаях составить представление об облике этих памятников и их отдельных частей. Цель этой статьи – показать на нескольких примерах потенциал почти не используемой группы источников для археологических и архитектурных исследований в Крыму, важный для понимания, формирующегося в общественном сознании рубежа XVIII–XXI вв. «крымского дискурса».

Существует несколько десятков описаний путешествий иностранцев по Крыму, совершенных в период между присоединением Крыма к Российской империи в 1783 г. и Отечественной войной 1812 г.² Даже термины «путешественник», «путешествие» в известной мере условны, ведь некоторые из авторов приезжали в Крым на несколько дней, а другие проводили здесь многие годы. В результате опубликованные ими записки (*травелог*) имеют самую разнообразную жанровую природу: они включают, наряду с энциклопедическими описаниями, более или менее подробные дневниковые записи, переписку, «воображаемые путешествия», написанные вдали от Крыма, а также тексты, в которых фактические сведения принесены в жертву литературным упражнениям. Важным представляется то обстоятельство, что авторы травелогов в любом случае оставались по отношению к Крыму внешними наблюдателями, а их западноевропейская культура позволяла выработать новый, оригинальный взгляд на полуостров. Путевые записки не только стали важным вкладом в начальный этап изучения Крыма, но и способствовали превращению архитектурных и археологических памятников в туристические достопримечательности. Несмотря на то, что история археологического изучения Крыма в последние годы стала популярной темой для исследований³, на проблему обычно смотрят с точки зрения античных и византийских памятников, тогда как мусульманское наследие остается вне поля зрения. К редким исключениям относятся недавние публикации об изучении Старого Крыма⁴. Анализ

¹ Clarke 1817, 170.

² См. знаменитый указатель: Маркевич 1894–1902.

³ Некоторые важнейшие работы перечислены в: Храпунов 2017, 451.

⁴ Шаманаев 2014; Ломакин 2015; Храпунов 2016а.

травелогов, бесценный для реконструкции раннего этапа истории науки, имеет и практическое значение, так как эти источники нередко могут снабдить археологов ценной информацией в виде описаний и рисунков памятников, в дальнейшем исчезнувших с лица земли или значительно пострадавших от антропогенных факторов.

Необходимо отметить и следующее обстоятельство. Травелоги демонстрируют, как западноевропейские представители осмысливали мусульманское прошлое, превращая его в неотъемлемую часть популярных представлений о Крыме, который оборачивался в коллективное воображаемое⁵. Создаваемые и транслируемые путешественниками образы, стереотипы и интерпретации успешно конкурировали с научным знанием о Крыме, нередко выигрывая у него благодаря своей литературной и эмоциональной убедительности. Эти образы, несомненно, оказывали влияние и на политических деятелей прошлого, и на современных историков, задавая канву для интерпретации культурного наследия. К настоящему времени историографией (главным образом, зарубежной) разработан набор исторических и филологических методов, позволяющих эффективно работать с сочинениями путешественников⁶.

Внимание иностранцев привлекали прежде всего крупные городские центры Крымского ханства (Бахчисарай, Карасу-Базар, Кезлев) и османских владений в Крыму (Каффа), где в рассматриваемую эпоху сохранялись прекрасные памятники, позволявшие представить загадочный и манивший европейцев Восток. Пожалуй, не найти такого травелога, где не было бы рассказа о Бахчисарае, основное внимание в котором привлекал, разумеется, ханский дворец. Многие его постройки обветшали и были реконструированы⁷, потому ценны сохранные путешественниками описания утраченных деталей. Так, автор одного из самых подробных описаний памятника – англичанин Реджинальд Хебер (1783–1826), впоследствии прославившийся как поэт, богослов и миссионер, удивился, обнаружив висевшие на стенах «дурные картины», изображавшие летящих птиц, *«вопреки магометанскому запрету на рисование любых животных»*⁸. Француз Шарль де Бар (1750/1751–1825), возможно, собиравший на юге России конфиденциальную информацию по заданию своего правительства, сообщил о хранившихся в большой ханской мечети реликвиях – лоскуте от знамени Пророка и изображении его ступни⁹. Кроме того, путешественники рассказали об устройстве городских кварталов Бахчисарая, системе водоснабжения, загородном дворце ханов в долине Ашлама и многом другом¹⁰.

Кезлев (ныне Евпатория) описывали немногие, вероятно, потому, что город находился в стороне от основных дорог. Немецкий естествоиспытатель на русской службе Петер-Симон Паллас (1741–1811), ездивший по Крыму для составления его фундаментального описания в 1793–1794 гг. и впоследствии поселивший-

⁵ Зорин 2004; Sasse 2007; Dickinson 2002.

⁶ Важнейшие работы и методы описаны в: Толочко 2012, 50–133.

⁷ Гернгросс 1912; Ибрагимов 2015, 25–95.

⁸ Храпунов 2008, 679.

⁹ Храпунов, Гинькут 2015, 406.

¹⁰ Храпунов, Гинькут 2015, 406–407; Caraman 1854, 2; Людольф 1892, 162–164; Храпунов 2016б; Паллас 1999, 29–32; Clarke 1817, 169–198; Храпунов 2008, 678–679; Castelnau 1827, 153–189.

ся на полуострове¹¹, собрал ценную статистическую информацию о Евпатории и городской инфраструктуре – укреплениях, мечетях, медресе, лавках, мастерских, кофейнях¹². Кларк же описывает печальную картину, как будто бы некогда цветущий порт оказался полностью стерт с лица земли в результате российского завоевания¹³.

Наоборот, Карасу-Базар (ныне Белогорск), находившийся на пересечении путей, ведущих в Крым с востока и севера, редко избегал внимания иностранцев¹⁴. Некоторые описания говорят о разрушенных впоследствии памятниках. Француз Жильбер Ромм (1750–1795), наставник юного графа Павла Строганова, сопровождавший ученика в образовательную поездку и одновременно собиравший информацию о южных владениях России по заданию французской «секретной службы», в дороге нежданно-негаданно заинтересовался археологией¹⁵. В Карасу-Базаре он описал мечеть Текие-Хан-Джами, при которой существовала обитель (текие) дервишей¹⁶.

Весьма интересовала иностранцев Феодосия с ее многочисленными памятниками османской эпохи, когда город называли «Кефе». Многие из этих построек до наших дней не сохранились. Путешественники рассказывают о здешних мечетях, банях, недостроенном дворце и монетном дворе последнего крымского хана Шагин-Гирея¹⁷. Особое значение имеют описания пятничной мечети Шахзаде-Сулейман-Хан-Джами¹⁸. Она была построена в начале XVI в. будущим правителем Османской империи – Сулейманом Великолепным. После присоединения Крыма к России мечеть пришла в запустение и была разобрана во второй четверти XIX в.¹⁹ Восточные бани представлялись европейцам невероятной экзотикой, потому их описывали и иногда зарисовывали, а Ромм оставил подробное описание процедур, которым он подвергся в феодосийских общественных банях²⁰.

Внимание многих иностранцев привлекали и оборонительные сооружения османской эпохи. Существуют описания укреплений Перекопской линии, защищавшие Крым от нападений с севера²¹, крепости Арабат, построенной в начале XVIII в. в северной части Керченского полуострова для защиты подступов к Арабатской стрелке, по которой можно было попасть на полуостров с севера²², и сооруженной в то же время крепости Ени-Кале в северной части современной Керчи, предназначенной для контроля над Керченским проливом²³.

¹¹ Сытин 2014.

¹² Паллас 1999, 209–210.

¹³ Clarke 1817, 306–307.

¹⁴ См.: Храпунов, Гинькут 2015, 407; Миранда, 2001, с. 65–66; Паллас 1999, 111–112; Clarke 1817, 159–160.

¹⁵ Чудинов 2001, 215–218; Храпунов 2014а.

¹⁶ Ромм 1941, 39–41; о памятнике: Засыпкин 1927, 148–151.

¹⁷ Храпунов, Гинькут 2015, 407–408; Ромм 1941, 47–48; Clarke 1817, 144–153; Храпунов 2008, 669–670.

¹⁸ Миранда 2001, 68–69; Паллас 1999, 117.

¹⁹ Засыпкин 1927, 140; Катюшин 2007, 151.

²⁰ Ромм 1941, 47–48.

²¹ Храпунов, Гинькут 2015, 403; Ромм 1941, 34–35; Людольф 1892, 169; Паллас 1999, 20–22. О памятнике: Дмитров 1940, 39–83.

²² Ромм 1941, 54–55; Паллас 1999, 118. О памятнике: Белик 2015, 37–50.

²³ Ромм 1941, 52; Паллас 1999, 123–124. О памятнике: Белик 2015, 51–98.

Иногда известия путешественников сбивают с толку современных исследователей. Например, рассказывая о поездке на Чуфут-Кале, Ромм упомянул, что посреди города находятся «*остатки гробницы, воздвигнутой над прахом Айдар-хана*» («*les restes d'un tombeau élevée sur les cendres d'Haïdar Kan*»)²⁴. Исследователи пока не пришли к единому мнению о том, как следует понимать эту информацию²⁵. Проблема в том, что, хотя в центре Чуфут-Кале до наших дней сохранился мусульманский мавзолей (дюрбе), в нем, согласно надгробной надписи, похоронена Джанике-ханым, дочь золотоордынского хана Тохтамыш. Что же касается упомянутого Роммом Айдар-хана, он правил в Крыму несколько месяцев и, по некоторым данным, потерпев неудачу в борьбе за ханский престол, бежал в Московское княжество и умер в Вологде²⁶. Таким образом, либо в центре города находились два мавзолея, один из которых был впоследствии разрушен, причем Ромм по каким-то причинам умолчал об усыпальнице ханской дочери, либо, что более вероятно, его информаторы перепутали имя особы, похороненной в единственном мавзолее. В пользу второго предположения говорит то, что, по словам побывавшего на Чуфут-Кале летом 1829 г. шотландца Джеймса Александра (1803–1885), ему показали «*гробницу одного татарского князя*»²⁷. Возможно, в какой-то момент времени жители Чуфут-Кале и Бахчисарая забыли о том, кто был погребен в мавзолее, а надгробную надпись прочесть не смогли, в результате чего и возникли разные предположения, которые зафиксировали путешественники.

Интерпретация путевых записок иногда оказывается неверной в зависимости от их русского перевода. Описывая Старый Крым, Ромм упомянул окружавшие город укрепления, которые переводчик К.И. Раткевич назвала «валом». На это сообщение иногда ссылаются археологи, изучающие оборонительные сооружения города. В неизданном пока французском оригинале стоит слово «tempart», которое, учитывая внутренние особенности словоупотребления в документе, может обозначать другой тип фортификационных построек – крепостную стену. Вблизи города Паллас Ромм видел погребальное сооружение («Begräbnis»), которое его переводчики С.Л. Белявская и А.Л. Бертье-Делагард передали как «мавзолей», или «памятник», тогда как правильное, очевидно, будет «склеп»²⁸. Это еще раз свидетельствует о необходимости сверять принципиально-важные отрывки источников с текстом оригинала.

Записки путешественников ценны не только информацией о городах и поселениях, отдельных постройках и их элементах. Не менее важны они для реконструкции особенностей восприятия и интерпретации мусульманской культуры, свойственных европейцам в переходный период от эпохи Просвещения ко времени Романтизма. Путешественники не только описывали увиденное, но и пытались осмыслить его, а потому их рассказы демонстрируют специфику мышления и стереотипы своей эпохи. Именно путешественники проложили туристические маршруты по Крыму, выявили достопримечательности, требующие обязательно-

²⁴ Ромм 1941, 70.

²⁵ Зайцев 2013, 496; 2014, 141; Герцен, Могаричев 2016а, 165–174; Герцен, Могаричев 2016б, 269–270.

²⁶ Ибрагимов 2015, 221.

²⁷ Alexander 1830, 258.

²⁸ Подробнее об обоих случаях: Храпунов 2016а, 836, 839.

го осмотра, сформировали популярные представления о прошлом края и воплощавших его памятниках археологии и архитектуры. Путевые записки, ставшие чрезвычайно популярным литературным жанром, создавали образ Крыма, в котором смешались воображение и реальность, и внедряли его в сознание читателей.

Принц Шарль-Жозеф де Линь (1735–1814), выходец из Бельгии, прославившийся как военачальник и интеллектуал, служивший Австрийской и Российской империям, сопровождал Екатерину II во время ее знаменитого путешествия на юг в 1787 г.²⁹ Созданный им документ – совершенно особого рода. Формально это серия писем, отправленных принцем во время путешествия его возлюбленной маркизе Луизе-Марте де Куаньи. Однако содержание писем заставляет предположить, что-либо они изначально сочинялись в расчете на последующую публикацию, либо были отредактированы перед изданием, либо вообще писались как единое произведение через несколько лет после путешествия³⁰. Де Линь был одним из тех, кто создавал образ Крыма как земного рая, обетованной земли³¹. Любопытно, что впервые уподобил Крым раю – более чем за век до завоевания полуострова – хорватский эрудит Юрий Крижанич (1617–1683), пребывавший в ссылке в Тобольске. В Крыму он никогда не был, но, быть может, суровая сибирская природа стимулировала мечтания о благословенном юге, который должен был напоминать далекую родину. Крижанич призвал царя Алексея Михайловича завоевать Крым, место «исполненное всякого божьего дара», и даже перенести на полуостров столицу России³². Впрочем, неизвестно, ознакомился ли русский царь с этим прожектом.

Важнейшей частью образа «крымского рая» была романтика Востока, в представлениях о которой личный опыт переплетался с усвоенным из книг, в частности, французских переводов цикла «Тысячи и одной ночи». Оказавшись в Ханском дворце, ставшем гостиницей для императрицы и ее свиты, де Линь почувствовал, что оказался в восточной сказке: *«Я нахожусь в гареме последнего крымского хана, который был совсем неправ, сняв лагерь свой и передав русским четыре года назад прекраснейшую страну на свете. Судьба назначила мне комнату милейшей из его султанш <...> Мое проклятое воображение не успокаивается с возрастом <...> В нашем дворце, где есть место мавританскому, арабскому, китайскому и турецкому, повсюду фонтаны, небольшие сады, картины, позолота и надписи...»*³³.

В длинных «крымских письмах» де Линя почти нет конкретных данных, а реальность подменена фантазиями. Потому сложно будет вычленировать сведения о реальном состоянии, например, ханского дворца, но именно такого рода описания сделали его главной достопримечательностью Крыма. Представления о крымском рае с его выраженными восточными чертами быстро утвердились в русском сознании и литературном дискурсе³⁴. Записки иностранцев сыграли в

²⁹ Бильбасов 1901.

³⁰ Dickinson 2002, 17, and note 55.

³¹ Об этом сюжете: Schönle 2001; Dickinson 2002; Зорин 2004, 114–122; Храпунов 2014b.

³² Бережков 1891, 74–77.

³³ Ligne 1809, 51.

³⁴ Люсый 2003.

этом огромную роль – не случайно исследователи отмечали влияние де Линя на Пушкинский «Бахчисарайский фонтан»³⁵.

Полной противоположностью Бахчисарая был образ Старого Крыма. Этот некогда цветущий город с многочисленными памятниками золотоордынской и османской эпох к XVIII в. находился в глубоком упадке³⁶. Полуразрушенные оборонительные сооружения, мечети, жилые кварталы, бани и кладбища казались путешественникам, скорее, знаками уходящего прошлого, поэтому в описаниях больше сентиментальных размышлений, чем отображений архитектурно-археологических реалий. Так Старый Крым стал частью литературного дискурса, позволив классикам русского сентиментализма поразмышлять о бренности земной жизни, и одновременно – частью романтического облика Тавриды³⁷.

Разрушение старых крымских городов, в том числе замечательных памятников исламской архитектуры, было во многом вызвано объективными причинами – последствиями двух русско-турецких войн, смут в Крымском ханстве, эпидемий, а также началом массовой эмиграции крымских татар, и связанным с ней запустением полуострова³⁸. Однако иногда путешественники не упускали возможность использовать судьбу памятников Крыма для глобальных обобщений. Так, Кларк на этом основании «разоблачил» Россию как страну варварскую, не способную к созидательной программе. По его словам, Россия не относилась ни к «европейской цивилизации», ни к «Востоку», представителей которого, крымских татар, она жестоко угнетала и уничтожала их культурное наследие. На «карте цивилизации» Кларк отвел России место «скифов», воплощавших разрушительное начало. Судьба археологических и архитектурных памятников Крыма, в том числе мусульманских, оказалась одним из важнейших пунктов в его аргументации. В политическом отношении британец призывал «европейские державы» изгнать русских из Крыма и передать полуостров туркам³⁹.

Заметим, что нередко путешественники создавали интерпретации, которые современному читателю покажутся в лучшем случае нелепыми, но они диктовались особенностями мышления эпохи. Например, всеобщее увлечение античностью и уверенность в том, что ее наследие не могло исчезнуть бесследно, заставляло путешественников искать связи между мусульманской архитектурой и греко-римскими древностями. Так, проезжая по южному берегу Крыма, Хебер обратил внимание на различную конструкцию мечетей и светских построек у крымских татар. Крыши мечетей – щипцовые, покрытые черепицей, с деревянным портиком – разительно отличались от плоских крыш жилых домов. Хебер связал это с влиянием античности, припомнив слова древнегреческого комедиографа Аристофана о том, что в древних Афинах щипцовые крыши возводились над храмами⁴⁰. Ромм «перевернул» эту логику. По его мнению, раз мраморные украшения одной из бахчисарайских бань (несомненно, относящейся к ханской эпохе) похожи на архитектурные детали, вторично использованные в кладке византийской церк-

³⁵ Dickinson 2002, 18.

³⁶ Гаврилов, Майко 2014, 24–42.

³⁷ Храпунов 2016а.

³⁸ См.: Дружинина 1959, 92–146.

³⁹ Храпунов 2014в; 2016в.

⁴⁰ Храпунов 2008, 674.

ви Иоанна Предтечи в Керчи, то, следовательно, керченская церковь относится к позднему времени, и на ее постройку пошли камни, взятые из разобранной мечети⁴¹. Эти ошибочные умозаключения характеризуют представления о непрерывности истории, бытовавшие в XVIII – начале XIX в.

Особый сюжет – это изображения памятников мусульманской археологии и архитектуры, выполненные путешественниками с натуры. Иногда в архивах, музейных и частных собраниях можно обнаружить оригинальные рисунки. В других случаях с них делались гравюры, помещавшиеся в издания травелогов. В последнем случае, разумеется, гравер мог вносить небольшие изменения в мелкие детали или дополнять картину изображением, например, пастухов в экзотических одеждах или кораблей с расправленными парусами. Эти рисунки позволяют реконструировать историческую топографию крымских городов и нередко фиксируют памятники, не сохранившиеся до наших дней или значительно перестроенные, так что их исторический облик был искажен. Большая часть таких картин или не публиковалась, или находится в труднодоступных изданиях, вышедших два столетия назад. Иногда они тиражируются в популярных книгах и статьях, а также Интернете, что запутывает ситуацию. Очевидно, требуется качественная научная публикация всего корпуса видов Крыма исследуемой эпохи.

Пожалуй, самые известные «рисунки иностранца» иллюстрируют путешествие Палласа⁴². Эти гравюры по натурным рисункам немца Христиана-Готтфрида-Хайнриха Гейслера (1770–1844)⁴³. Гравюры изданы в двух вариантах – черно-белом и раскрашенные от руки. Интересны представленные виды крымских городов и селений – Перекопа, Бахчисарая, Эски-Юрта (ныне район Бахчисарая), Чоргуни (ныне Чернореченское), Балаклавы, Карасубазара, Феодосии. Изображения эти интересны не только для реконструкции исторического облика конкретных построек, но и для понимания исторической топографии городов и селений. Примером исчезнувших памятников, изображения которых сохранились благодаря усилиям путешественников, могут быть изображения двух караван-сарая в Карасу-Базаре (Белогорске) на литографии Гейслера⁴⁴. На гравюре показан вид на восточную часть города с юга. Светлые стены двух «ханов» (караван-сарая) видны в центре и в правой части изображения (рис. 1). Во второй половине XVII в. в городе было «восемь больших»⁴⁵, а к концу XVIII в. – 23 «больших и малых» постоянных двора⁴⁶. До наших же дней уцелели развалины одной такой постройки⁴⁷. Таким образом, рисунок Гейслера показывает не только фасады двух постоянных дворов, но и позволяет строить умозаключения относительно их местоположения.

К числу менее известных, но не менее интересных материалов относятся виды Крыма, выполненные французом Жаном-Бальтазаром де ла Траверсом (1752 – после 1798 г.). Этот француз в молодости переехал в Россию, где первоначально поступил во французский театр Екатерины II. Де ла Траверс оказался талантливым рисовальщиком-пейзажистом. В частности, он выполнил альбом видов России по

⁴¹ Ромм 1941, 51, 69.

⁴² Pallas 1801, Pl. 1–27.

⁴³ О нем: Сытин 2014, 202, 225, 234, 238–239.

⁴⁴ Pallas 1801, xx; Pl. 13.

⁴⁵ Эвлия Челеби 2008, 148.

⁴⁶ Паллас 1999, 111; Pallas 1801, 247.

⁴⁷ Захаров 2015, 98–100, рис. 14–16.

Рис. 1. Христиан Гейслер. Вид восточной части города Карасубазара

заказу графа Александра Строганова – отца того самого Павла Строганова, который путешествовал по Крыму в сопровождении Ромма. Ныне многие из работ де ла Траверса оказались в частных собраниях не только в России, но и за рубежом⁴⁸. Среди его рисунков есть несколько видов Крыма, датированных 1787–1789 и 1798 гг. По мнению биографа де ла Траверса Н.И. Александровой, художник мог оказаться в Крыму в свите Екатерины II во время ее путешествия на юг, а в последовавшей за ним русско-турецкой войне 1787–1791 гг. находиться при главнокомандующем Г.А. Потемкине⁴⁹. Не исключено, однако, и другое объяснение. В числе поздних работ де ла Траверса имеется одна, названная «Старый Крым. Руины» (1798), которая при ближайшем рассмотрении оказывается копией акварели известного русского художника М.М. Иванова⁵⁰. На картине представлены развалины медресе при «мечети хана Узбека», существовавшего в XIV–XVI вв.⁵¹ На заднем плане – южная стена и минарет мечети, утративший верхушку (рис. 2). Известно, что де ла Траверс копировал и другие работы Иванова⁵², потому вопрос о происхождении его «крымских рисунков» требует дополнительного изучения. Очевидно, для этого нужно будет сопоставить их с работами других живописцев, Иванова, прежде всего. К несчастью, в каталоге Н.И. Александровой представлены лишь те работы французского художника, которые остались в России, а потому в ближайшее время получить ответ на интересующий нас вопрос вряд ли удастся.

Крымские пейзажи кисти Иванова, как выясняется, связаны и с собранием известного британского путешественника и коллекционера Ричарда Уэрсли (1751–1805). В 1786 г. он побывал в Крыму, в результате чего его коллекция пополнилась

⁴⁸ Александрова 2000.

⁴⁹ Александрова 2000, 11–12.

⁵⁰ Александрова 2000, 115, № 95; ср.: Ломакин 2015, 563, рис. 20.

⁵¹ Гаврилов, Майко 2014, 121–133.

⁵² Александрова 2000, 9–10.

Рис. 2. Жан-Балтазар де ла Траверс. Старый Крым. Руины

четырьмя акварелями⁵³. На литографиях, сделанных с акварелей для издания каталога, представлены четыре вида Крыма (Георгиевский монастырь в окрестностях Севастополя, Балаклавская бухта, города Старый Крым и Феодосия) которые при ближайшем рассмотрении, оказывается, почти полностью соответствуют рисункам Иванова⁵⁴. Так, например, виды Каффы (Феодосии) даны с одного места – художник находился близ так называемой «башни Константина» генуэзского времени (XIV в.) и смотрел на юго-восток. Различия несущественны – на литографии из собрания Уэрсли лучше проработаны мелкие детали, изменены находившиеся на переднем плане группы людей в восточных костюмах, добавлены живописные парусники в море⁵⁵. Очевидно, Уэрсли либо приобрел второй экземпляр рисунка Иванова, либо заказал копию картины русского художника. Как бы то ни было, вид Каффы из коллекции Уэрсли представляет интерес для изучения исторической топографии города (рис. 3). На нем прекрасно видны не только оборонительные сооружения, но и несколько несохранившихся до нашего времени мечетей. Так, в правом углу находится, по всей вероятности, изображение упомянутой выше соборной мечети Шахзаде Сулейман-Хан-Джами (Султан-Селим-Джами). Рисунки «путешествующих живописцев» позволяют восстановить облик этого замечательного памятника.

⁵³ Cross 1997, 356–358; Бертье-Делагард 1910, 49–50.

⁵⁴ Например, Храпунов 2016а, 844–846.

⁵⁵ Ср.: Worsley 1824, 63; Кулаковский 2002, 172–173 (вклейка).

Рис. 3. Коллекция Ричарда Уэрсли. Вид Каффы или Феодосии

Среди тех, кто рисовал феодосийскую мечеть, был шотландец Уильям Хейсти (1755–1832). Большую часть жизни он провел в России, где прославился как архитектор⁵⁶. В 1795–1799 гг. Хейсти служил губернским архитектором Екатеринославской губернии и Таврической области. В это время он составил альбом планов и чертежей памятников Крыма, главным образом, мусульманских⁵⁷. В альбоме представлены изображения ханского дворца в Бахчисарае, «мечети хана Узбека» в Старом Крыму, двух мечетей и фонтана в Кезлеве (Евпатории), а также соборной мечети, нескольких церквей и генуэзской надписи из Феодосии⁵⁸. Хейсти выполнил план и три фасада Шахзаде-Сулейман-Хан-Джами. Чертежи зафиксировали два состояния главного фасада мечети: «оригинальный» – с крытой аркадой и «с переделкой», где аркада заложена, а в получившейся стене устроен парадный портал (рис. 4). Когда произошла эта «переделка», неясно. Во второй половине XVII в. аркада еще существовала⁵⁹, а в 1833 г. уже была заложена⁶⁰.

Чертежи Хейсти свидетельствуют о том, что российское правительство обсуждало возможность реставрации, по крайней мере, некоторых архитектурно-

⁵⁶ Коршунова 1979; Cross 1997, 305–308.

⁵⁷ Маркевич 1895, 138.

⁵⁸ Некоторые из этих чертежей опубликованы: Ибрагимова 2015, 31–43, рис. 10–20; Кутайсов, Кутайсова 2007, 62–65, 88–89; Храпунов 2016а, 847–849, рис. 2–3; Тизенгаузен 1872, прим. **; табл. VII. Заметим, что лишь полное издание «крымского альбома» Хейсти способно дать исследователям архитектурных памятников Крыма начала Нового времени возможность полноценно использовать этот ценнейший источник.

⁵⁹ Эвлия Челеби 2008, 181.

⁶⁰ Тункина 2011, 52–53, рис. 63–64.

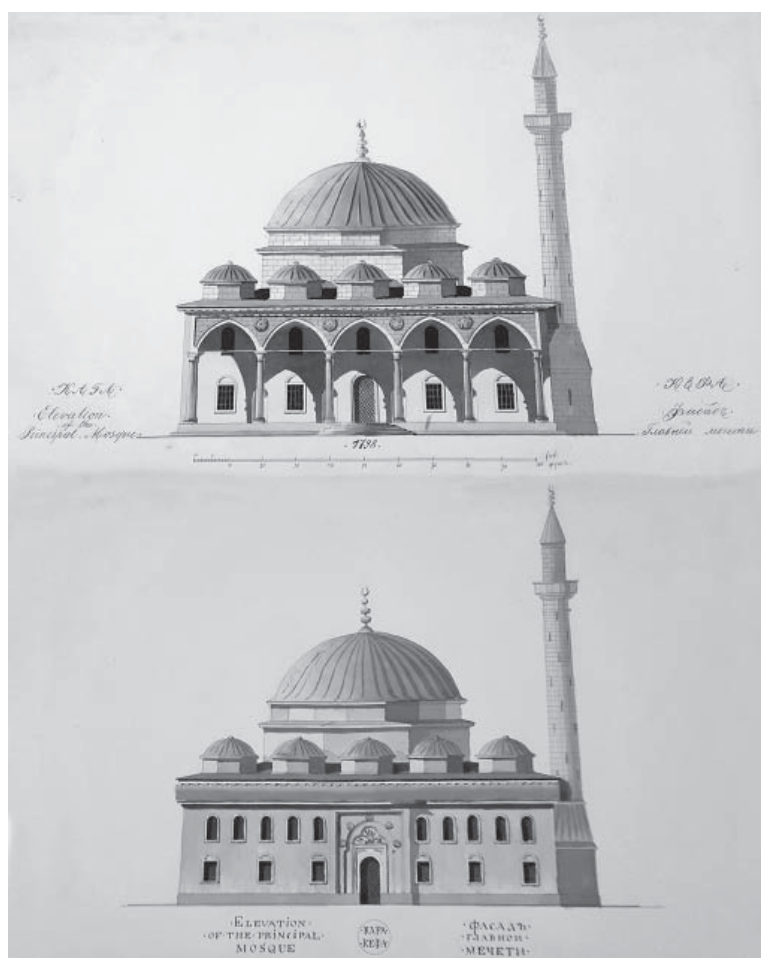

Рис. 4. Уильям Хейсти. Кафа. Фасад главной мечети: оригинальный (вверху) и с переделкой (внизу)

археологических памятников Крыма. Так, сопоставление чертежей «мечети хана Узбека» в Старом Крыму и соборной мечети Татар-Хана в Евпатории с данными других источников показывает, что шотландец изобразил не памятники в текущем состоянии, но планы их реставрации⁶¹. Быть может, упомянутая выше перестройка портала феодосийской мечети также зафиксировала планы реставрации, согласно которым аркада должна была превратиться в стену с пышным входом и двумя рядами окон. Все это свидетельствует о внимании правительства Павла I к проблеме сохранения культурного наследия Крыма мусульманской эпохи. Через год после того, как Хейсти закончил свои чертежи, император выделил средства на ремонт ханского дворца в Бахчисарае, которые были истрачены на самые раз-

⁶¹ Храпунов 2016а, 847–848; Кутайсов, Кутайсова 2007, 62.

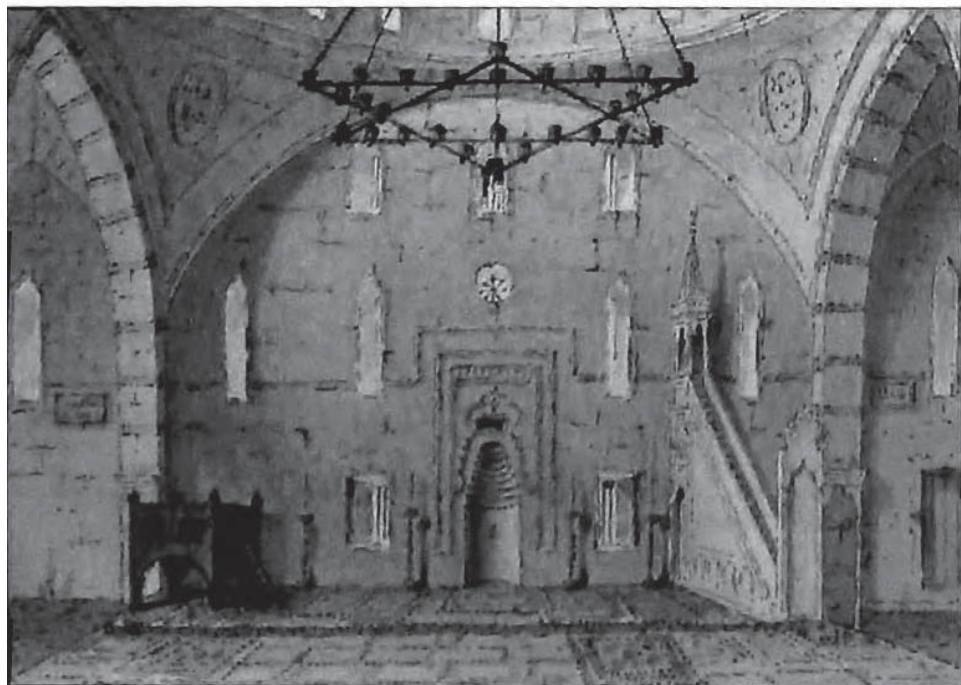

Рис. 5. Андрей Воронихин. Мечети в Крыму

нообразные работы⁶². Чертежи шотландского архитектора могут говорить о том, что планировался ремонт и других выдающихся мусульманских сооружений, однако в любом случае эти планы не были реализованы. Быть может, помешало свержение Павла I в 1801 г. и вызванные им перемены в жизни империи.

Не дошедшие до наших дней интерьеры феодосийских мечетей представлены на акварелях, появление которых связано с путешествием Ромма и младшего Строганова (рис. 5). Их спутником был взятый в качестве рисовальщика крепостной Строгановых Андрей Воронихин (1759–1814), впоследствии прославившийся как архитектор Казанского собора в Петербурге⁶³. В дневнике Ромма не раз говорится о том, что автор поручал снимать планы и делать зарисовки заинтересовавших его объектов⁶⁴. Недавно были опубликованы три ныне хранящиеся в частных коллекциях акварели, сделанные Воронихиным в Крыму. На двух показаны интерьеры мечетей⁶⁵. Памятник на верхнем рисунке – это Муфти-Джами в Феодосии, единственное сохранившееся в городе до наших дней мусульманское культовое сооружение эпохи Крымского ханства (первая половина XVII в.)⁶⁶. Рисунок позволяет представить себе исторический облик памятника. К числу утраченных к настоящему времени элементов относятся орнаментальные медальоны в парусах под барабаном купола и в конхе над молитвенной нишей (*михрабом*), декоративное оформление оконных проемов и дуги арки над молельной нишей, металлическая кольцевая люстра под потолком, деревянная кафедра (*мимбар*). Другую мечеть, представленную на нижнем рисунке Воронихина, атрибутировать сложнее. Сопоставление с рисунками рубежа XVIII–XIX вв.⁶⁷ дает некоторые основания предположить, что это интерьер соборной мечети Шахзаде-Сулейман-Хан-Джами. Убранство обоих зданий традиционно для мусульманских храмов Крыма.

Рисунки (точнее, наброски), выполненные Хебером с натуры, в художественном отношении значительно уступают работам многих других путешественников. Однако их информативность в археологическом отношении от этого не страдает, поскольку англичанин зарисовал целый ряд объектов, пропущенных его «коллегами». В числе прочих достопримечательностей Крыма Хебер изобразил небольшие мечети в Туаке (ныне Рыбачье) и Кореизе на южном берегу, панорамы Феодосии и Балаклавы, а также Ханский дворец в Бахчисарае. С некоторых рисунков были сделаны гравюры для одного из изданий «крымской» части путешествия Кларка⁶⁸. Значение этих изображений как археологических источников можно показать на примере зарисовки мавзолея на Чуфут-Кале (рис. 6). В правой части отчетливо видно «двурогое» надгробие. Тем самым подтверждается предположение исследователей о наличии в этом месте (посреди средневекового города) татарского кладбища⁶⁹.

Таким образом, записки и рисунки иностранных путешественников по Крыму конца XVIII – начала XIX в. сохранили важные сведения о памятниках ар-

⁶² Гернгросс 1912, 20, 24; Маркевич 1895, 138.

⁶³ Раткевич 1941, 5–6; о нем: Яцимирский 1910, 6–18; Терехин, 1968.

⁶⁴ Ромм 1941, 33, 35, 38, 41, 64.

⁶⁵ Romme 2014, 1030.

⁶⁶ Засыпкин 1927, 144; Григорьев, Фролова 1968; Катюшин 2007, 151–152.

⁶⁷ См.: Тункина 2011, 36–37, рис. 49; 26, 28, рис. 34.

⁶⁸ Clarke 1810, 472, 506.

⁶⁹ Герцен, Могаричев 2016а, 173–174.

Рис. 6. Реджинальд Хебер. Могила ханской дочери на Чуфут-Кале

хеологии и архитектуры эпохи Золотой орды и Крымского ханства, в том числе полностью уничтоженных или пострадавших от антропогенных и естественных факторов в последующую эпоху. Эти материалы представляют большую ценность для изучения архитектурно-археологических памятников мусульманской культуры. Травелогги стали важным вкладом в начальный этап изучения Крыма, «открыли» его для читающей публики, способствовали превращению крымских памятников в туристические достопримечательности. Тексты и рисунки путешественников дают уникальную возможность для анализа особенностей изучения и интерпретации мусульманской истории и «восточной» архитектуры в конце эпохи Просвещения – начале эпохи Романтизма, а также для превращения культурного наследия крымских мусульман в неотъемлемую часть популярных представлений о Крыме. Актуальной научной задачей остается поиск, изучение и издание в русском переводе комплекса этих источников, а также созданных путешественниками рисунков и чертежей.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова, Н.И. 2000: *Жан Балтазар де ла Траверс. «Путешествующий по России живописец»*. М.
- Белик, Ю.Л. 2015: *Крепости Керченского полуострова (XVII–XIX вв.)* В сб.: *Керченская старина*. Вып. 2. Симферополь.
- Бережков, М.Н. 1891: *План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем*. СПб.
- Бертье-Делагард, А.Л. 1910. К истории христианства в Крыму. *ЗООИД* 28, 1–108.
- Бильбасов, В.А. 1901: Князь де Линь в России в 1780 и 1787–1788 гг. В кн.: Бильбасов В.А. *Исторические монографии. В 5-ти томах*. Т. 4. СПб, 381–522.
- Гаврилов, А.В., Майко, В.В. 2014: *Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым)*. Симферополь.
- Гернгросс, В. 1912: Ханский дворец в Бахчисарае. *Старые годы* 4 (апрель), 3–32.
- Герцен, А.Г., Могаричев, Ю.М. 2016а: *Крык-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата*. Симферополь.
- Герцен, А.Г., Могаричев, Ю.М. 2016б: К исторической топографии Кырк-Ера: мнимая гробница Айдар-хана. В сб.: *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды*. Казань–Ялта–Кишинев, 269–271.
- Григорьев, А.П., Фролова, О.Б. 1968: О достоверности культурно-исторических деталей в «Книге путешествия» Эвлии Челеби. *Вестник ЛГУ* 2, 151–153.
- Дмитров, Л.Д. 1940: *Перекоп. Ров и вал*. Киев–Львов.
- Дружинина, Е.И. 1959: *Северное Причерноморье в 1775–1800 гг.* М.
- Зайцев, И.В. 2013: Кырк-Йер/Кыркор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства. В кн.: *От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию М. Г. Крамаровского*. М., 494–505.
- Зайцев, И.В. 2014: Образование Крымского ханства. В кн.: *История татар с древнейших времен* 4. Казань, 130–146.
- Засыпкин, Б.Н. 1927: Памятники архитектуры крымских татар. *Крым: журнал общественно-научный и экскурсионный* 2 (4), 113–168.
- Захаров, В.А. 2015: *Очерки истории Белогорья с древнейших времен до средневековья (материалы к археологической карте Белогорского района Республики Крым)*. Судак; Белогорск.
- Зорин, А. Л. 2004: *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века*. М.
- Ибрагимова, А.М. 2015: *Бахчисарайский Ханский дворец XVI–XVIII вв.* Киев.
- Катюшин, Е.А. 2007: *Феодосия. Каффа. Кефе: исторический очерк*. Феодосия.
- Коршунова, М.Ф. 1977: Архитектор В. Гесте (1755–1832). *ТГЭ* 18, 132–143.
- Кулаковский, Ю.А. 2002: *Прошлое Тавриды*. Киев.
- Кутайсов, В.А., Кутайсова, М.А. 2007: *Евпатория. Древний мир. Средние века. Новое время*. Киев.
- Ломакин, Д. А. 2015: Источники по истории изучения комплекса золотоордынских памятников г. Старый Крым (последняя четверть XVIII – начало XXI вв.). *МАИЭТ* 20, 509–566.
- Людольф, де 1892: Письма о Крыме. *Русское обозрение* 2, 155–201.
- Люсый, А.П. 2003. *Крымский текст в русской литературе*. СПб., 2003.
- Маркевич, А.И. 1894–1902: Тауґіса: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. *ИТУАК* 20, 1–394; *ИТУАК* 28, 1–94 (92–185); *ИТУАК* 32–33, 47–128.

- Маркевич, А.И. 1895: К истории ханского бахчисарайского дворца. *ИТУАК* 23, 130–176.
- Миранда, Ф. де. 2001: *Путешествие по Российской Империи*. Пер. с исп. М. С. Альперович. М.
- Паллас, П.С. 1999: *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг.* М.
- Раткевич, К.И. 1941: Путешествие Жильбера Ромма в Крым в 1786 г. В кн.: Ромм Ж. *Путешествие в Крым в 1786 г.* Л., 3–13.
- Ромм, Ж. 1941: *Путешествие в Крым в 1786 г.* Л.
- Сытин, А.К. 2014: *Ботаник Петр Симон Паллас*. М.
- Терехин, А.С. 1968: Архитектор Андрей Воронихин. Пермь.
- [Тизенгаузен, В.Г.] 1872: О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных. *ЗООИД* 8, 363–403.
- Толочко, А.П. 2012: *Киевская Русь и Малороссия в XIX веке*. Киев.
- Тункина, И.В. 2011: *Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы Феодосийского музея древностей. 1771–1871*. Киев.
- Храпунов, Н.И. 2008: Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.). *МАИЭТ* 14, 645–697.
- Храпунов, Н.И. 2014а: Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий. *ФЕ* 2, 63–101.
- Храпунов, Н.И. 2014б: Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки* 3, 58–68.
- Храпунов, Н.И. 2014в: Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым. *ПИФК* 4, 141–153.
- Храпунов, Н.И. 2016а: Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века. *Золотоордынское обозрение* 4/4, 832–860.
- Храпунов, Н.И. 2016б: Бахчисарай Джона Паркинсона (1793 г.). *БИ* 32, 192–202.
- Храпунов, Н.И. 2016в: Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки* 18/3, 116–132.
- Храпунов, Н.И. 2017: Между Византией и Русью: история и археология Крыма глазами интеллектуалов конца XVIII – начала XIX века. *Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна*. Київ, 448–463.
- Храпунов, Н.И., Гиньют, Н.В. 2015: Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара. *МАИЭТ* 20, 395–430.
- Челеби, Э. 2008: *Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.)* / пер. Е. В. Бахревский. Симферополь.
- Чудинов, А.В. 2001: Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов. *Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения*. М., 202–243.
- Шаманаев, А.В. 2014: Охрана памятников Старого Крыма в конце XVIII – начале XX в. *АДСВ* 42, 279–292.
- [Яцимирский, А.И.] 1910: *Строители и рисовальщики Воронихин, Солнцев, Серяков (Русские самородки в жизнеописаниях и изображениях б)*. СПб.
- Alexander, J.E. 1830: *Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829*. London.
- [Caraman, V. L. Ch. duc de] 1854: [Journal d'un voyage en Crimée]. *Journal des débats politiques et littéraires* 23.09.1854, 2–3.
- [Castelnau, G. de] 1827: *Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie* 3. 2nd ed. Paris.

- Clarke, E.D. 1810: *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Part the First. Russia Tartary and Turkey*. London.
- Clarke, E.D. 1817: *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey* 2. 4th ed. London.
- Cross, A. 1997: *By the Banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in the eighteenth-century Russia*. Cambridge.
- Dickinson, S. 2002: Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 3/1, 3–25.
- [Ligne, Ch.J. de] 1809: *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne*. 2nd éd. / éd. [A.-L.-G.] de Staël Holstein. Paris–Genève.
- Pallas, P.S. 1801: *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794* 2. Leipzig.
- Romme, G. 2014: *Correspondance 1779–1786* 2/1. In: A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy, A. Tchoudinov (ed.). Clermont–Ferrand.
- Sasse, G. 2007: *The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict*. Cambridge (Mass.).
- Schönle, A. 2001: Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea. *Slavic Review* 60/1, 1–23.
- [Worsley, R.] 1824: *Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems* 2. London.

REFERENCES

- Aleksandrova, N.I. 2000: *Zhan Baltazar de la Travers. «Puteshestviushchiy po Rossii zhivopisets»* [Jean Balthazar de la Traverse: An artist traveller in Russia]. Moscow.
- Alexander, J.E. 1830: *Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829*. London.
- Belik, Iu.L. 2015: *Kreposti Kerchenskogo poluostrova (XVII–XIX vv.)* [Fortresses in the Kerch Peninsula (seventeenth to nineteenth centuries)]. In: *Kerchenskaia starina*. 2. Simferopol.
- Berezhkov, M.N. 1891: *Plan zavoevaniia Kryma, sostavlennyy v tsarstvovanie gosudarya Alekseia Mikhailovicha uchenym slavianinom Iuriem Krizhanichem* [A plan of the conquest of the Crimea compiled under Tsar Alexey Mikhailovich by learned Slav Juraj Križanić]. Saint Petersburg.
- Bert'e-Delagard, A.L. 1910. K istorii khristianstva v Krymu [To the history of Christianity in the Crimea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities] 28, 1–108.
- Bilbasov, V.A. 1901: Kniaz' de Lin' v Rossii v 1780 i 1787–1788 gg. [Prince de Ligne in Russia in 1780 and 1787–1788] In: V.A. Bilbasov (red.), *Istoricheskie monografi* [Historical monographs] 4. Saint-Petersburg, 381–522.
- [Caraman, V.L. Ch. duc de] 1854: [Journal d'un voyage en Crimée]. *Journal des débats politiques et littéraires* 23.09.1854, 2–3.
- [Castelnau, G. de] 1827: *Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie* 3. 2nd ed. Paris.
- Chelebi, E. 2008: *Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII v.)* [Crimea and neighbouring countries (excerpts from the work by an Ottoman traveller in the seventeenth century)]. Simferopol.
- Chudinov, A.V. 2001: Frantsuzskie agenty o polozhenii v Krymu nakanune russko-turetskoy voyny 1787–1791 godov [French agents on the state of affairs in the Crimea on the eve of the Russo-Turkish war of 1787–1791]. In: *Russko-frantsuzskie kul'turnye svyazi v epokhu Prosveshcheniia* [Russian-French cultural connections in the Age of the Enlightenment]. Moscow, 202–243.

- Clarke, E.D. 1810: *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Part the First. Russia Tartary and Turkey*. London.
- Clarke, E.D. 1817: *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey* 2. 4th ed. London.
- Cross, A. 1997: *By the Banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in the eighteenth-century Russia*. Cambridge.
- Dickinson, S. 2002: Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 3/1, 3–25.
- Dmitrov, L.D. 1940: *Perekop. Rov i val* [*Perekop: ditch and moat*]. Kiev–Lvov.
- Druzhinina, E.I. 1959: *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [*Northern Black Sea Area in 1775–1800*]. Moscow.
- Gavrilov, A.V., Maiko, V.V. 2014: *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkheologicheskoy karte goroda Staryi Krym)* [*Mediaeval town of Solkhat-Krym (materials to the archaeological map of the town of Staryi Krym)*]. Simferopol.
- Gerngross, V. 1912: Khanskiy dvorets v Bakhchisarai [Khan's palace in Bakhchisarai]. *Starye gody* [*Old years*] 4, 3–32.
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Iu.M. 2016a: *Kryk-Er – Chufut-Kale. Krepost' na krayu sed'mogo klimata* [*Kyrk-Er – Chufut Kale. A fortress on the edge of the seventh klima*]. Simferopol'.
- Gertsen, A.G., Mogarichev, Iu.M. 2016b: K istoricheskoy topografii Kyrk-Era: mnimaya grobnitsa Aidar-khana [To the historical topography of Kyrk-Er: Khan Aidar's imaginary tomb]. In: S. G. Bocharov (ed.), *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy* [*Dialogue of urban and steppe cultures in Eurasian tract: historical geography of the Golden Horde*]. Kazan–Yalta–Kishinev, 269–271.
- Grigorev, A.P., Frolova, O.B. 1968: O dostovernosti kul'turno-istoricheskikh detaley v «Knige puteshestviya» Evlii Chelebi [On the authenticity of cultural and historical details in Evliya Celebi's "Book of Travels"]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of the Leningrad State University*] 2, 151–153.
- [Iatsimirskii, A.I.] 1910: *Stroiteli i risoval'shchiki Voronikhin, Solntsev, Seriaikov* [*Builders and draftsmen Voronikhin, Solntsev, Seriaikov*]. (*Russkie samorodki v zhizneopisaniiakh i izobrazheniiakh* 6). Saint Petersburg.
- Ibragimova, A.M. 2015: *Bakhchisaraiskiy Khanskiy dvorets XVI–XVIII vv.* [*Khan's palace in Balhchisarai, 16th–18th centuries*]. Kiev.
- Katiushin, E. A. 2007: *Feodosiya. Kaffa. Kefe: istoricheskiy ocherk* [*Feodosia. Kaffa. Kefe. A historical essay*]. Feodosiya.
- Khrapunov, N.I. 2008: Krym v opisaniikh Redzhinal'da Khebera (1806 g.) [The Crimea as described by Reginald Heber (1806)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in history, archaeology and ethnography of Tauria*] 14, 645–697.
- Khrapunov, N.I. 2014a: Zapiski Zhil'bera Romma o Kryme: arkheologicheskii kommentariy [Jilbert Romme's memoir on the Crimea: a historical and archaeological commentary]. *Frantsuzskiy ezhegodnik* [*French Studies Annual*] 2, 63–101.
- Khrapunov, N.I. 2014b: Alushta kak «krymskiy ray» v opisaniikh inostrannykh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v. [Alushta as Crimean paradise in account of foreign travellers from the late 18th and early 19th centuries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [*Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*] 3, 58–68.
- Khrapunov, N.I. 2014v: Bakhchisaray Edvarda-Dan'ela Klarka: Vostok, Rossiya i Krym [Edward Daniel Clarke's Bakhchisarai: the Orient, Russia, and the Crimea]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 141–153.
- Khrapunov, N.I. 2016a: Staryy Krym i ego pamiatniki glazami puteshestvennikov kontsa XVIII–nachala XIX veka [Staryi Krym and its monuments through the eyes of travellers in the late

- 18th and early 19th centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [*The Golden Horde review*] 4/4, 832–860.
- Khrapunov, N.I. 2016b: Bakhchisaray Dzhona Parkinsona (1793 g.) [John Parkinson's Bakhchisarai (1793)]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporan studies*] 32, 192–202.
- Khrapunov, N.I. 2016v: Krymskie drevnosti glazami Edvarda-Dan'ela Klarka: ot arkheologii k ideologii [Crimean antiquities through the eyes of Edward Daniel Clarke: from archaeology to ideology]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [*Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*] 18/3, 116–132.
- Khrapunov, N.I. 2017: Mezhdru Vizantiei i Rus'iu: istoriia i arkheologiya Kryma glazami intelektualov kontsa XVIII – nachala XIX veka [Between Byzantium and Rus': history and archaeology of the Crimea viewed by intellectuals in the late 18th and early 19th centuries]. In: O. Tolochko (ed.), *Kul'turniy shar. Statti na poshanu Gliba Iuriovicha Ivakina* [*Cultural layer. Articles honouring Hlib Iuriovych Ivakin*]. Kiev, 448–463.
- Khrapunov, N.I., Ginkut, N.V. 2015: Krym v 1784 g. po svidetel'stvu frantsuzskogo puteshestvennika barona de Bara [The Crimea in 1794 as described by French traveller Barod de Baert]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in history, archaeology and ethnography of Tauria*] 20, 395–430.
- Korshunova, M.F. 1977: Arkhitekt V. Geste (1755–1832) [Architect W. Hastie (1755–1832)]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [*Proceedings of the State Hermitage Museum*] 18, 132–143.
- Kulakovskii, Iu.A. 2002: *Proshloe Tavridy* [*The past of Taurica*]. Kiev.
- Kutaisov, V.A., Kutaisova, M. A. 2007: *Evpatoriya. Drevniy mir. Srednie veka. Novoe vremya* [*Evpatoria. Antiquity. Middle Ages. Modern period*]. Kiev.
- [Ligne, Ch. J. de] 1809: *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne*. 2nd éd. / éd. [A.-L.-G.] de Staël Holstein. Paris–Genève.
- Liudolf, de 1892: Pis'ma o Kryme [Letters on the Crimea]. *Russkoe obozrenie* [*Russian review*] 2, 155–201.
- Liusyi, A.P. 2003. *Krymskiy tekst v russkoy literature* [*The Crimean text in Russian literature*]. Saint- Petersburg, 2003.
- Lomakin, D.A. 2015: Istochniki po istorii izucheniya kompleksa zolotoordynskikh pamyatnikov g. Staryi Krym (posledniya chetvert' XVIII – nachalo XXI vv.) [Sources on the history of researches of the Golden Horde monuments in Staryi Krym (last quarter of the eighteenth to the early twentieth centuries)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials in history, archaeology and ethnography of Tauria*] 20, 509–566.
- Markevich, A.I. 1894–1902: Taurica: opyt ukazatelya sochineniy, kasaiushchikhsya Kryma i Tavricheskoy gubernii voobshche [Taurica: an experience of index to the works concerning the Crimea and the Taurida governorate in general]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [*Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission*] 20, 1–394; *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [*Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission*] 28, 1–94 (92–185); *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [*Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission*] 32–33, 47–128.
- Markevich, A.I. 1895: K istorii khanskogo bakhchisaraiskogo dvortsa [To the history of the Khan's palace in Bakhchisarai]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [*Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission*] 23, 130–176.
- Miranda, F. de. 2001: *Puteshestvie po Rossiiskoy Imperii* [*A travel through the Russian Empire*]. Moscow.
- Pallas, P.S. 1801: *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794* 2. Leipzig.

- Pallas, P.S. 1999: *Nabliudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg.* [Observations made during the travel through the southern governorates of the Russian Empire]. Moscow.
- Ratkevich, K.I. 1941: *Puteshestvie Zhil'bera Romma v Krym v 1786 g.* [Gilbert Romme's travel to the Crimea in 1786]. In: K. I. Ratkevich (ed., tr.), *Romm Zh. Puteshestvie v Krym v 1786 g.* [Romme G. A travel to the Crimea in 1786]. Leningrad, 3–13.
- Romme, G. 1941: *Puteshestvie v Krym v 1786 g.* [A travel to the Crimea in 1786]. Leningrad.
- Romme, G. 2014: *Correspondance 1779–1786 2/1.* In: A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy, A. Tchoudinov (eds.). Clermont-Ferrand.
- Sasse, G. 2007: *The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict.* Cambridge (Mass.).
- Schönle, A. 2001: Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea. *Slavic Review* 60/1, 1–23.
- Shamanaev, A.V. 2014: Okhrana pamyatnikov Starogo Kryma v kontse XVIII – nachale XX v. [Monuments protection in Staryi Krym from the late 18th to the early 20th century]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Classical antiquity and the Middle Ages] 42, 279–292.
- Sytin, A. K. 2014: *Botanik Petr Simon Pallas* [Botanist Peter Simon Pallas]. Moscow.
- Terekhin, A. S. 1968: *Arkhitektoriy Andrei Voronikhin* [Architect Andrei Voronikhin]. Perm.
- [Tizengauzen, V. G.] 1872: O sokhraneni i vozobnovlenii v Krymu pamyatnikov drevnosti, i ob izdani opisanii i risunkov onykh [On the preservation and renovation of ancient monuments in the Crimea, and on the publication of their descriptions and drawings]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities] 8, 363–403.
- Tolochko, A. P. 2012: *Kievskaya Rus' i Malorossiya v XIX veke* [Kievan Rus' and Little Russia in the 19th century]. Kiev.
- Tunkina, I.V. 2011: *Otkrytie Feodosii. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy Feodosiiskogo muzeya drevnostey. 1771–1871* [The discovery of Feodosia. Pages in the studying of the Crimea and the beginnings of the Theodosia Museum of Antiquity (1771–1871)]. Kiev.
- [Worsley, R.] 1824: *Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems...*: vol. 2. London.
- Zaitsev, I.V. 2013: Kyrk-Ier/Kyrkor (Chufut-Kale) i ranniaia istoriya Krymskogo khanstva [Kyrk-Er (Chufut-Kale) and the early history of the Crimean khanate]. In: *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh zapadnye sosed. K 70-letiyu M. G. Kramarovskogo* [From the Onon to the Thames. The Chinghisids and their western neighbours. To the 70th anniversary of M. G. Kramarovskii]. Moscow, 494–505.
- Zaitsev, I.V. 2014: Obrazovanie Krymskogo khanstva [The shaping of the Crimean Khanate]. In: *Istoriya tatar s drevneishikh vremen* [A history of the Tatars from ancient times] 4. Kazan', 130–146.
- Zakharov, V.A. 2015: *Ocherki istorii Belogor'ya s drevneishikh vremen do srednevekov'ya (materialy k arkheologicheskoy karte Belogorskogo rayona Respubliki Krym)* [Essays in the history of the Belogorsk area from ancient times to the Middle Ages (materials to the archaeological map of the Belogorsk district of the Autonomous Republic of the Crimea)]. Sudak–Belogorsk.
- Zasyrkin, B.N. 1927: Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar [Monuments of architecture of the Crimean Tatars]. *Krym: zhurnal obshchestvenno-nauchnyy i ekskursionnyy* [The Crimea: social, scientific and excursion journal] 2 (4), 113–168.
- Zorin, A. L. 2004: *Kormia dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [Feeding two-headed eagle... Russian literature in the last third of the 18th and first third of the 19th centuries]. Moscow.

MOSLEM CULTURAL HERITAGE FROM THE GOLDEN HORDE AND
THE CRIMEAN KHANATE PERIODS IN THE CRIMEA AS DESCRIBED BY
FOREIGNERS ca. 1800

Nikita I. Khrapunov

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University and the State Historical, Chersonese,
Chersonese, Russia*
khrapunovn@gmail.com

Abstract. This paper provides a review on archaeological and architectural monuments of the Golden Horde and the Crimean Khanate period in the works of foreign travellers who visited the Crimea soon after its accession to Russia in 1783. So far, there are a few dozens of travelogues providing more or detailed information concerning sites of Moslem cult, military and civil architecture in the Crimea. Some of the monuments are irretrievably lost, the others sustained changes caused by natural and anthropogenic factors. Therefore, the given sources are of great worth for both researches in archaeology and architecture and development of scientific restoration projects. The works under consideration comprised various genres, from encyclopaedic researches to unedited journals, and from literary works to imagined travels, that requires a critical approach to the sources. Numerous drawings of the travellers provide insights into the topography of cities and towns, formed in the last decades of the Crimean Khanate, fortresses and fortifications, cult monuments and public buildings, allowing to make careful conclusions of the Russian government's plans to reconstruct some of these buildings. Another issue under the analysis is the aspects of the formation of the image of the Crimean Peninsula and its cultural heritage in the public consciousness.

Travellers paved touristic routes through the Crimea, discovered the must-see sites, and formed stereotype ideas of the past of this country and its embodiment in archaeological and architectural monuments. That was the way of the formation of the idea of the Crimea in public consciousness, which mixed imagination with reality, and was delivered to numerous readers of extraordinary popular travelogues. Travellers made oriental culture, visually personified in the sites of architecture and archaeology an important feature of the Crimea's image. A relevant scientific task is the search, research, and publication of the base of these sources in Russian, as well as drawings and drafts made by the travellers.

Keywords: travelogues from the 18th – 19th centuries, history of research, archaeology of the Crimea, Islamic archaeology, Crimea, imagined geographies

СКРОМНЫЙ ЧЕСТОЛЮБЕЦ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕУДАЧИ БАРОНА МОДЕСТА КОРФА

А.О. Захаров

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
Zakharov_anton@mail.ru

Аннотация. В 1811 г. среди первых учеников Царскосельского Лицея, основанного Александром I в целях подготовки крупных государственных деятелей, оказался сын сенатора Андрея Корфа Модест (1800–1876). Ему предстояло провести шесть лет среди сверстников и в почти полной удаленности от внешнего влияния: Лицей был учебным заведением закрытого типа. Вместе с Модестом учились гениальный Пушкин, будущие канцлер Российской империи Горчаков, декабристы Пущин и Кюхельбекер, поэт и издатель Дельвиг, адмирал Матюшкин... Из всех лицеистов первого выпуска в правление Николая I Корф сделал наиболее впечатляющую карьеру. Начав службу в министерстве юстиции, продолжив ее под началом Е.Ф. Канкрин, а затем во Втором отделении Собственной его императорского величества Канцелярии при М.М. Сперанском во время подготовки грандиозных Свода законов Российской империи и Полного собрания законов Российской империи, Корф уже в 1831 г. стал управляющим делами Комитета министров. С 1834 по 1843 г. он был государственным секретарем Российской империи, а затем – членом Государственного совета. В 1849–1861 гг. он служил директором Императорской публичной библиотеки. Незадолго до смерти Николай I пожаловал Корфа в действительные тайные советники – чин II класса «Табели о рангах», равный полному генералу на военной службе. В статье на основе дневников Корфа рассказывается о его неудачной попытке стать министром юстиции. Корф оказался заложником, с одной стороны, должности, с другой – репутации. Желание не казаться императору Николаю I «заносчивым» привело Корфа к чрезмерной угодливости и раболепию.

Ключевые слова: Российская империя, XIX в., бюрократия, Модест Корф, Государственный Совет, министр юстиции

Самолюбие и самонадеянность барона Корфа отметил еще наблюдатель в Лицее¹. Модест Андреевич Корф (1800–1876), однокашник великого Пушкина, сделал по меркам своей эпохи головокружительную карьеру, став в сорок два года членом Государственного совета Российской империи. До этого Корф служил управляющим делами Комитета министров (1831–1834) и государственным

Захаров Антон Олегович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Московского городского психолого-педагогического университета, заместитель главного редактора журнала «Восток. Афро-азиатские общества: история и современность».

¹ Цит. по: Долгих 2006, 14–15.

секретарем империи (1834–1843). Но у него, по отзывам современников, была и неосуществленная мечта: он очень хотел стать министром. Об этом свидетельствуют как современники, среди которых А.В. Никитенко и А.Н. Веселовский, так и сам барон. Светская молва прочила Корфа в министры юстиции (в 1839 г.), народного просвещения (в 1849 г.), а государь император Александр II предложил ему возглавить министерство цензуры (в 1859 г.), но до учреждения сего ведомства дело так и не дошло. В памяти потомков Корф остался в первую очередь директором Публичной библиотеки (ныне – Российской национальной библиотеки), которую он превратил в одну из лучших библиотек Европы и неисчерпаемый источник и хранилище сведений о России, благодаря собираемой по его почину коллекции книг «Росси́ка». Директорствовал Корф с 1849 по 1861 г.²

Рис. 1. Корф в молодости

Что же помешало барону Корфу получить вожаемое кресло, а вместе с ним – и право личного доклада императору? Благодаря публикациям дневника Корфа, подготовленным И.В. Ружицкой³, приоткрывается завеса над святой святых бюрократии – процессом принятия решений и кадровой политикой самодержавия⁴. Хорошо известно, что Николай I редко менял министров: по словам Корфа, сие происходило только если убедиться в полной неспособности чиновника, «а эти опыты бывают долготерпеливы»⁵, почему долгие годы во главе морского министерства оставался бездарный Александр Степанович Меншиков, министерства иностранных дел – долгожитель российского политического Олимпа и проводник австрийского влияния в России Карл Васильевич Нессельроде, а министерства путей сообщения – «светило русского взяточничества» Петр Андреевич Клейнмихель. Должность министра юстиции с 1839 по 1862 г. занимал непробиваемый реакционер Виктор Никитич Панин, который во время подготовки крестьянской реформы 1861 г., находясь во главе Редакционных комиссий, сделал все возможное, чтобы реформа была максимально выгодна помещикам. Однако до его назначения одним из претендентов на кресло министра юстиции был Модест Корф.

С формальной точки зрения, в 1839 г. преимущество Панина была его должность – заместитель министра юстиции. В то время, после кончины выдающегося реформатора и законоведа Михаила Михайловича Сперанского, министерство

² Биография М.А. Корфа с акцентом на его библиотечной деятельности: Голубева 1995.

³ Корф 2004, 2010, 2017.

⁴ Мироненко 1990.

⁵ Корф 2004, 403 (запись от 21 декабря 1843 г. (2 января 1844 г.)).

юстиции возглавил Дмитрий Николаевич Блудов, а департамент законов Государственного совета – Дмитрий Васильевич Дашков, ранее, с 1832 по 1839 г. занимавший пост министра юстиции. Именно он и позвал Панина к себе в товарищи (в тогдашнем языке это было официальным наименованием должности заместителя). Но неожиданно для многих, в первую очередь – для самого себя, Дмитрий Васильевич опасно занемог, а потом и скончался 26 ноября (8 декабря). Его смертью открылась вакансия председателя департамента законов Государственного совета, и высшее общество по обыкновению принялось гадать, как теперь сложится правительственный пасьянс.

Еще в первые дни 1839 г., когда угасал Сперанский, по выражению Корфа, «светило русской администрации», свет видел в Корфе кандидата в министры юстиции. И не без оснований. Корф записал свой разговор с председателем Государственного совета князем Илларионом Васильевичем Васильчиковым от 18 (30) октября 1839 г.:

«Вчера я объяснялся с Васильчиковым насчет слухов о моем перемещении. Он принял вид, будто бы до него ничего еще не доходило, хотя это едва ли вероятно. После уверений моих, что я с моей стороны нисколько не содействовал распространению подобного слуха и что я весьма доволен и нынешним моим положением, князь отвечал почти со слезами, что всякое мое перемещение было бы для него ударом: ибо решительно не может представить себе, кем и как меня заместить, но что при всем том, он, конечно, никогда не стал бы противиться моему повышению и готов бы был ему содействовать для личной моей и общей пользы, что Блудов и прежде желал, и теперь желает иметь то место, какое занимает Дашков, считая себя отличным редактором и юристом, но едва ли его желание исполнится, что, напротив, при смерти Сперанского мысль Государя была заменить его или мною, или графом Паниным, но последний не имеет никаких к тому данных, что, впрочем, Дашков нисколько не подозревает своего положения, и хотя за его болезнью все дело стало, однако едва ли захотят огорчить его какими-нибудь мерами прежде, чем это его положение совсем решится, наконец, что во вчерашнем свидании князя с Государем обо всем том покамест совсем не было еще речи. На это я заметил, что место Дашкова нимало не соответствует моим склонностям и вкусам и сколько посему, столько и по недостатку высших теоретических познаний я бы никак не согласился его принять, а к тому же тут и дело чувства: старик Балугьянский⁶ многие годы был моим добрым начальником, и сердцу моему крайне трудно и даже прискорбно было бы поменаться с ним вдруг ролями. После разных возражений, основанных более на том, кем же заместить Дашкова⁷, потому что ни Блудова, ни Панина нельзя признать достойными его преемниками, князь сказал мне, что во всяком случае очень рад нашему объяснению: “По крайней мере, – прибавил он, – зная теперь нежелание Ваше принять эту должность, я воздержусь от всякого напоминания Государю о прежней его мысли: ибо, иначе думая сделать Вам приятное, я мог бы Вам, напротив, при Вашей точке зрения, повредить”. Я кончил эту беседу тем, что должность министра юстиции, конечно, была бы для меня весьма лестна, но что если бы имелось в виду какое-нибудь

⁶ Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847) – государственный деятель, законовед, первый ректор Петербургского университета, в 1826–1847 гг. начальник II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии.

⁷ Выделено М.А. Корфом.

другое мое перемещение, то я лучше всего желал бы сохранить теперешнее мое положение»⁸.

Свидетельство Корфа весьма показательно. У Николая I была мысль переместить Корфа на место Сперанского, хотя из текста не вполне ясно, назначался ли он в департамент законов или становился министром юстиции. Но Корф очень боялся создать себе репутацию «искателя», т.е. искателя почестей и чинов. Вьедливый читатель, конечно, задаст вопрос, есть ли основания считать, что Корф хотел быть министром юстиции, ибо цитированный разговор сему противоречит. Но на этот счет есть у Корфа другая запись, от 18 (30) декабря 1839 г.:

«Угадчица наша публика разгадала нынче только *часть* перемен по случаю смерти Дашкова, так точно как расчеты ее сбылись только *вполовину* и при смерти Сперанского⁹. Место Дашкова получает Блудов, а место последнего — гр. Панин... Панина, разумеется, нечего было уговаривать, и его самонадеянность не нашла надобности маскироваться. Люди близкие называют его назначение “une caprice, une fantaisie de l’Empereur” [капризом, фантазией императора]. Мои личные надежды или, лучше сказать, предсказания на мой счет публики разлетелись как прах, и я не скрою о том сокрушения: это одно министерство, которое льстило моим видам, подобного случая уже не откроется, и следственно моя служба решена: или оставаться вечно госуд<арственным> секретарем, или кончить званием члена Совета! Я не имел прямых надежд, но при скудости нашей в людях считал себя в некоторых правах, особенно по сравнению с Паниным, и как нисколько бы не скорбел, если б министерство поручено было человеку старше и выше меня летами, званием, заслугами, достоинствами. В самом деле не нужно других доказательств *decadence* [упадка] нашего времени, как эти два замещения: Блудов на место Сперанского и Панин на место Дашкова!¹⁰».

Таким образом, Корф сам закрыл себе дорогу по служебной лестнице: вместо того, чтобы просить Васильчикова о содействии своему продвижению или вообще не затевать никаких объяснений с председателем Госсовета, барон озвучил свой

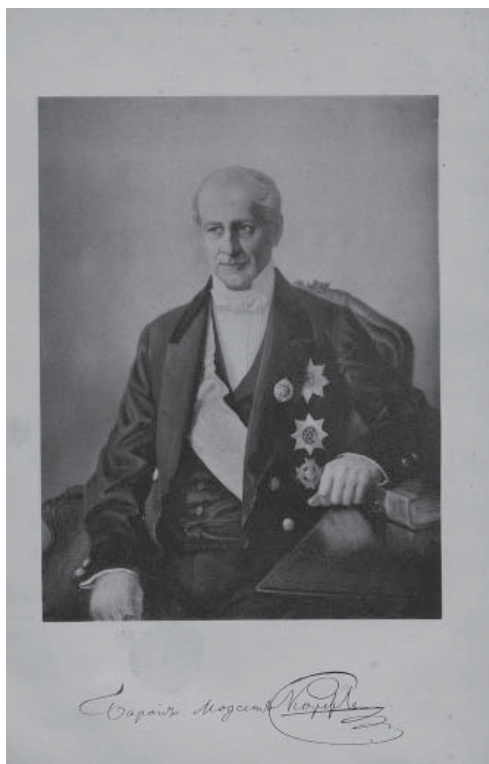

Рис. 2. Корф с орденами

⁸ Корф 2010, 460–461.

⁹ Выделено М.А. Корфом.

¹⁰ Последнее предложение зачеркнуто М.А. Корфом. См.: Корф 2010, 498–499. В записи от 11 (23) июня 1838 г. Корф отметил, что он «не совсем был бы бесполезен» в двух министерствах: «юстиции и народного просвещения» (там же, с. 135).

отказ от министерского кресла. Об этом он сам потом и сокрушался, испытывая к Панину, по словам своей жены, «следы “fiel” [желчи]»¹¹, а по сути – зависть.

Такое поведение было характерно для Корфа. 9 (21) марта 1839 г. он записал свой разговор с министром финансов гр. Канкриным:

«В городе и во всех классах, даже в его канцелярии разнесся нелепый слух, будто бы меня назначают товарищем министра финансов: я счел долгом с ним откровенно об этом объясниться и отвести всякое сомнение насчет того, что подобный вымысел идет от меня или от моих приверженцев: министерство финансов я всегда считал и теперь считаю *вне круга моих желаний*, потому что несколько не чувствую себя приготовленным и способным к этой части управления, а быть товарищем какого бы то ни было министра я признаю, и, вероятно, все признают, ниже теперешнего моего звания»¹².

Когда же 4 (16) декабря 1840 г. кн. Васильчиков сам завел речь о служебном будущем Корфа, тот снова повторил отказ от любого перемещения с должности государственного секретаря, что доставило председателю Госсовета «неожиданную радость»¹³. Корф прекрасно понимал, что «сам добровольно закрыл себе теперь *последний* исход... карьеры» и что обречен стать членом Госсовета «несколькими только годами *позже*». Честолюбие проиграло маске скромности.

Отчего же Корф избрал именно эту маску – показной скромности? Ведь она нанесла сокрушительный удар всем его надеждам, в чем он и сам был уверен. По-видимому, Корф оказался заложником двух обстоятельств. Во-первых, он знал мнение о нем Николая I: «Корфа надобно держать в руках: он заносчив»¹⁴ – и прикладывал все силы, чтобы сгладить это впечатление. Стремление к похвалам и признанию со стороны императора простиралось у Корфа до такой степени, что он мучительно переживал любую холодность государя при личных встречах и радовался тому, как его сын Модя «кланяется» императору, и тому, что его самого император заставил отвесить «шутя, низкий поклон»¹⁵! 14 (26) апреля 1840 г., на Пасху, острую зависть барона вызвало то, что Панина «Государь заставил его целовать себя еще третий раз, пожал ему руку и сказал несколько приветливых слов. Но на мою долю досталось только два форменных поцелуя и холодный, полумороченный взгляд»¹⁶.

Во-вторых, Корф по должности государственного секретаря должен был бесстрастно излагать противоречивые, а подчас противозаконные или недостойные (в его глазах) мнения членов Государственного совета. Ему приходилось лавировать между сильными партиями, угождая членам Государственного совета при изложении их различных взглядов. То есть Корф по своему положению не мог ни с кем ссориться, чтобы не нажить себе влиятельных врагов, которые могли бы погубить его карьеру. Он сознавал, что он хороший редактор, в чем ему отдавали должное и современники. Однако хороший редактор – это еще не обязательно хороший министр.

¹¹ Корф 2017, 78.

¹² Корф 2010, 300–301 [выделено М.А. Корфом].

¹³ Корф 2017, 162.

¹⁴ Корф 2010, 35 (запись от 17 февраля (1 марта) 1838 г.).

¹⁵ Цит. по: Долгих 2006, 133, событие относится к 1848 г.

¹⁶ Корф 2017, 83.

Итак, Корф попал в двойную ловушку – должности и репутации. Когда же он по назначении членом Госсовета стал высказывать свое мнение, не совпадавшее подчас со взглядами Васильчикова, то это вызвало острое негодование последнего¹⁷. Корф с годами становился все более «изворотливым в ведении дел», отличался «прилаживанием к чужим взглядам и неустойчивостью собственных убеждений», по словам военного министра времен Александра II Дмитрия Александровича Милютина¹⁸. О той же черте Корфа, но с гораздо большим отрицательным зарядом, писал Александр Иванович Герцен в критическом разборе книги барона о восстании декабристов 14 декабря 1825 г. «Письмо к императору Александру II» (20 сентября 1857 г.):

«Прежде чем мы займемся безграмотным текстом, отталкивающим по своему тяжелому, татарскому раболепию, по своему канцелярскому подобострастью, по своей униженной лести, не достойной ни нашего времени, ни вашего царствования, мы решаемся обратиться к вам лично, для того чтоб сказать несколько слов о заговоре, который окончился 14 декабря 1825 года»¹⁹.

Критический отзыв Герцена настолько задел Корфа, что тот счел необходимым оправдаться перед императором, направив ему специальное письмо, и написал письмо самому Герцену, оставшееся неопубликованным. В милостивой резолюции Александр II посоветовал Корфу на мнение Герцена «плевать»²⁰.

Однокашник Корфа декабрист Иван Иванович Пущин выразил свое мнение о книге в письме другому декабристу – Матвею Ивановичу Муравьеву-Апостолу от 23 мая (4 июня) 1857 г.: «Убийственная раболепная лесть убивает с первой страницы предисловия»²¹. В глазах же самого Корфа его поведение отличалось лишь необходимой в придворной жизни «почтительностью».

Удивительно, насколько одни и те же действия человека могут быть по-разному восприняты окружающими. Чувство собственного достоинства, отличавшее еще одного лицеиста первого выпуска – Александра Михайловича Горчакова, казалось Корфу «характером самым заносчивым, самым неприятным, самолюбием, не знающим никаких пределов»²². Самого же себя Корф заносчивым не считал и, по-видимому, им не был. А вот приспособленцем и карьеристом – был.

ЛИТЕРАТУРА

- Герцен, А.И. 1958: *Собрание сочинений*: в 30 т. Т. 13. *Статьи из «Колокола» и другие произведения 1857–1858 годов*. М.
 Голубева, О.Д. 1995: *М.А. Корф*. СПб.
 Долгих, Е.В. 2006: *К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов*. М.
 Корф, М.А. 2004: *Дневник. Год 1843-й*. М.
 Корф, М.А. 2010: *Дневники 1838 и 1839 гг.* М.
 Корф, М.А. 2017: *Дневник за 1840 год*. М.

¹⁷ Корф 2004, 316 (запись от 17 (29) октября) 1843 г.).

¹⁸ Милютин 1949, 8.

¹⁹ Герцен 1958, 35.

²⁰ Цит. по: Голубева 1995, 87.

²¹ Пущин 1989, 359.

²² Корф 2010, 419 (запись от 17 (29) августа 1839 г.).

- Милютин, Д.А. 1949: *Дневник*. Т. 2. 1876–1877. М.
 Мironenko, С.В. 1990: *Страницы тайной истории самодержавия*. М.
 Пушкин, И.И. 1989: *Записки о Пушкине. Письма*. М.

REFERENCES

- Herzen, A.I. 1958: *Sobranie sochineniy: v 30 t. [Works: Vol. 1–30]*. Vol. 13: *Stat'i iz "Kolo-kola" i drugie proizvedeniya 1857–1858 godov [Articles in "The Bell" and other works of 1857–1858]*. Moscow.
 Golubeva, O.D. 1995: *M.A. Korff [M.A. von Korff]*. Saint Petersburg.
 Dolgikh, E.V. 2006: *K probleme mentaliteta rossiiskoy administrativnoy elity pervoy poloviny XIX veka: M.A. Korff, D.N. Bludov [On the problem of the Russian administrative elite's mentality in the first half of the 19th century: M.A. von Korff and D.N. Bludov]*. Moscow.
 Korff, M.A. [Korff, M.A. von], 2004: *Dnevnik. God 1843-i [A diary. The year 1843]*. Moscow.
 Korff, M.A. [Korff, M.A. von], 2010: *Dnevniki 1838 i 1839 gg. [The Diaries of 1838 and 1839]*. Moscow.
 Korff, M.A. [Korff, M.A. von], 2017: *Dnevnik za 1840 god [A diary. The year 1840]*. I.V. Ruzhitskaya (red.). Moscow.
 Milyutin, D.A. 1949: *Dnevnik*. Т. 2. 1876–1877 [*The Diary*. Vol. 2. 1876–1877]. Moscow.
 Mironenko, S.V. 1990: *Stranitsy taynoy istorii samoderzhaviya [Pages of the secret history of Autocracy]*. Moscow.
 Pushchin, I.I. 1989: *Zapiski o Pushkine. Pis'ma [Notes on Pushkin. Letters]*. Moscow.

LOWLY MAN OF GREAT AMBITION: A FAILURE BY
 BARON MODEST VON KORFF

Anton O. Zakharov

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
 Zakharov_anton@mail.ru

Abstract. Baron Modest Andreevich von Korff (1800–1876) was a classmate of Russian greatest poet Alexander Pushkin. He had made his career up very quickly and turned the State Secretary of the Russian Empire when he was just thirty-three. In 1843, he was appointed a member of the State Council of the Russian Empire. However, he had strong desire to be a minister. Russian high society believed von Korff would have been a minister on several occasions. He was a candidate to minister of justice in 1839, to minister of public education in 1849, and to minister of censorship in 1859.

Von Korff kept diaries from 1838 to 1852. Few of his diaries have been published in Russia during the last years. Von Korff's diaries shed light on the backstage of the Russian bureaucracy and on the Emperor Nickolas I's decision-making process.

The article deals with von Korff's first failure in his scramble to the ministerial office. His lack of fortune seemingly was a result, on the one hand, of his position as the State Secretary, and, on the other hand, of his reputation as an arrogant man. Such view was held by Nickolas I and was very annoying for von Korff who considered himself shy. Von Korff did struggle with his 'arrogance' and turned to servanthood and timeserving.

Keywords: Russian bureaucracy, 19th century, Modest von Korff, State Council of the Russian Empire, Minister of Justice

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В XIX в. КАК ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ

М.П. Самойлова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия
mp.samoilova@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов темы рецепции античного наследия в истории и культуре России – вопрос о рецепции античности в образовании. Автор уделила внимание современным трактовкам значения термина «рецепция» и его классификации. Применительно к процессу рецепции античного наследия в истории и культуре России автор статьи исходит из утверждения, что рецепция античности носила в России прагматический характер, т.е. использовалась в области функционирования государственных институтов и в системе образования. Проводниками наследия античности в России были классические языки, являвшиеся базовой частью учебных планов гимназий.

Реформы системы образования, а также общественные дискуссии на тему образования в России всегда были посвящены мере присутствия классических языков в содержании учебных программ, а мера эта всегда зависела от общей политической ситуации в стране. Идеологическое обоснование присутствия классических языков в учебном процессе было обеспечено деятельностью С.С. Уварова, П.М. Леонтьева, М.Н. Каткова и других государственных и общественных деятелей и российских ученых XIX в. Они рассматривали классицизм в качестве инструмента формирования консервативной идеологии имперской государственности и воспитания молодежи в консервативном духе. Несмотря на то, что «классицизм» не преследовал целью ввести учащихся в мир античной культуры, постоянные занятия древними языками оказались для многих гимназистов стимулом для более глубокого и основательного изучения античного наследия. Выпускники гимназий свободно владели двумя древними языками и имели достаточные знания основ античной культуры. Несомненно, что выдающиеся достижения отечественной классической филологии конца XIX – начала XX в. напрямую связаны с гимназическим классицизмом. Он же послужил развитию исторической науки, в том числе научным изысканиям историков в области антиковедения.

Ключевые слова: наследие античности, рецепция, классицизм, С.С. Уваров, П.М. Леонтьев, М.Н. Катков, консервативная идеология

Самойлова Мария Павловна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории, регионоведения и журналистики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема рецепции античности в отечественной истории и идеологии тесно связана с проблемой синтеза исконно национальных начал народной жизни и мирового духовного опыта. Этим определяется актуальность темы рецепции античности, одним из аспектов которой является анализ этого процесса в развитии отечественного образования в XIX в.

Само понятие рецепции присутствует сейчас в различных отраслях гуманитарного знания. Применительно к истории можно говорить о заимствовании элементов одной цивилизации другой, заимствовании и приспособлении культурных форм, ценностей, ментальных систем, возникших в другой цивилизационной системе и в другой эпохе. В этом значении термин содержит идею взаимного обогащения.

Автор специальной монографии о рецепции античности в современной культуре Е.А. Чиглинец, анализируя само понятие рецепции, предлагает следующую классификацию. Он выделяет две группы форм рецепции: прагматическую и эстетическую. Прагматическую рецепцию Е.А. Чиглинец усматривает в тех случаях, когда заимствованный античный материал используется последующими обществами напрямую для решения насущных социально-политических или социально-культурных проблем¹. Следует согласиться с Е.А. Чиглинцевым в том, что этот вариант рецепции прослеживается в истории права, а также в сфере политических институтов, которые также тесно связаны с системой права. Эстетическую же направленность Е.А. Чиглинец усматривает в таких областях, как история литературы, искусствоведение. Опираясь на данную классификацию, можно рассматривать рецепцию античности в идеологии и образовании как прагматический вариант рецепции, поскольку обогащенное классикой отечественное среднее образование приводило к восприятию и включению элементов античности в отечественные интеллектуальные, политические и культурные практики в качестве неотъемлемой части социальных, политических, исторических, ментальных процессов в России. В этом значении рецепция античного наследия (как результат и как процесс) является объектом исторического анализа. Прагматическая рецепция прослеживается во многих цивилизационных формах в России: в упомянутой уже системе права, в области государственных институтов, а с XIX в. – и в области образования.

Все главные реформы в системе образования XIX в. как раз были связаны с «мерой» присутствия античного наследия или «классицизма», которое, (как бы не оценивать «классицизм с педагогической точки зрения) вместе с зубрением личных и падежных окончаний, входило в культурную и идеологическую жизнь России XIX в. Общественные дискуссии на тему образования также всегда касались меры присутствия античности в содержании учебных программ, а мера эта всегда зависела от общей политической ситуации в стране. Именно в проблеме «классицизма» четко сфокусировались не только культурно-педагогические идеи, но и главные течения общественно-политической мысли России позапрошлого

¹ Чиглинец 2009, 8.

века, эти дискуссии в более общем плане были связаны с проблемой европейской идентичности культуры России.

Латинский язык в программе российского среднего образования появился в ходе реформы 1802 г., поскольку в университетах преподавание на латинском языке сохранялось, это следует оценить как меру вполне прагматическую: владение латынью было условием учебной, научной деятельности, а также во многих случаях и карьеры на поприще государственной службы. Еще с середины XVIII в. государство прилагало усилия по развитию классического образования, внедрению в учебный процесс древних языков. По данному вопросу Г.С. Кнабе в известной монографии, посвященной античному наследию в истории отечественной культуры, пишет, что результаты этих усилий были невелики². Однако в его рассуждениях в той же главе есть внутренние противоречия: с одной стороны, он говорит о сопротивлении общества насаждению классицизма, с другой – о том, что генерал А.П. Ермолов переводил Тацита, а в походах читал римских историков³. Далее он приводит и другие примеры знания русскими образованными людьми древних языков и их интереса к античной культуре.

Собственно развитие и идеологическое обоснование классицизма как основы среднего образования и, соответственно, части культуры и мировоззрения образованных людей связано с деятельностью князя С.С. Уварова. Он в 1810 г. стал попечителем Санкт-Петербургского учебного округа и уже в 1811 г. провел реформу столичной гимназии, увеличив объем часов, выделяемых на преподавание латинского языка, до 32 часов в неделю. Как раз в это время завязалась дискуссия сторонников и противников классицизма. Назначенный в 1818 г. президентом российской Академии наук Сергей Семенович Уваров способствовал развитию в Академии гуманитарного направления, содействовал пополнению ее видными учеными, делал это с консервативных позиций, укрепляя официальную академическую науку. Его целью было избежать разрушительного воздействия на молодежь радикальных идей современности через занятия отвлеченными древностями. Именно в его работах получил теоретическое обоснование «классицизм» в отечественном образовании. Сергей Семенович формулировал концепцию классического образования как образования «общего среднего», «равно пригодного для всех и во всех положениях жизни, без прямого отношения к какому-либо частному призванию и роду занятий»⁴. Будучи министром народного просвещения, С.С. Уваров обновил учебные планы, существенно увеличил объем часов, отводимый на изучение латинского языка, и закрепил в программе обязательное изучение древнегреческого. Обоснованием этой реформы была необходимость основать идеологию на древней образованности той нации, от которой Россия получила веру и начальную грамотность.

Позднее, в период великих реформ 60-х годов XIX в., сходный подход к оценке античного наследия в культуре России был высказан в знаменитой статье хирурга Н.И. Пирогова, занимавшего должность попечителя сначала Одесского, а затем Киевского учебных округов. В статье «Вопросы жизни» он подчеркивал гуманистический смысл античного наследия и его положительное воздействие на

² Кнабе 2000, 123.

³ Кнабе 2000, 126.

⁴ Кнабе 2000, 270–271.

подрастающее поколение, его значение как неотъемлемого содержания среднего общего образования, которое, несомненно, связывал только с классическим содержанием. «Все готовящиеся стать полезными гражданами, – писал он в этой статье, – должны сначала научиться быть людьми»⁵.

В этом же ключе протекала деятельность Павла Михайловича Леонтьева. П.М. Леонтьев был активным исследователем истории и культуры античности⁶, а также издателем пяти выпусков антиковедческого журнала «Пропилеи» в 50-е годы XIX в. Он под воздействием революционной обстановки Европы превратился в убежденного консерватора и использовал античность для борьбы с радикальными и революционными идеями. Павел Михайлович принимал активнейшее участие в обсуждении актуальных вопросов государственной жизни того времени, публиковал свои идеи в газете «Московские ведомости», особенно много внимания уделяя вопросам реформирования школьной системы. Он был последовательным сторонником классического образования, которое, по его мнению, являлось лучшим лекарством от радикализма; высказывался в пользу полезности античного наследия и классических языков для воспитания молодежи в консервативном духе. В его самостоятельных исследованиях в области древней истории также проявилось стремление рассматривать явления древности в свете социально-политических проблем России: в статье «О судьбе земледельческих классов в древнем Риме» П.М. Леонтьев ставит знак равенства между колонатом и крепостным правом, а колонат считается им главной причиной гибели Римской империи. Таким образом, рецепция античного наследия рассматривалась П.М. Леонтьевым прежде всего с точки зрения социальных проблем современной ему эпохи. Он считал необходимым использовать греко-римское наследие в качестве незаменимого средства для нравственного, эстетического и логического образования, а также в качестве неотъемлемой части государственной идеологии и мировоззренческих установок образованных людей.

Эти теоретические рассуждения П.М. Леонтьева были идеологически и практически поддержаны М.Н. Катковым, который обозначил свое видение роли классицизма в образовании в статьях, перепечатанных в «Русском вестнике». Суть его концепции сводилась к тому, что в основу образования должны быть положены древние языки, а остальные предметы необходимо максимально сократить из учебных планов, поскольку, по мнению М.Н. Каткова, основным злом эпохи является поверхностное многознание, оно стало результатом введения в программы гимназий большого числа специальных предметов, а среднее образование должно быть общим. Он полагал, что эти знания (включая русскую словесность и историю) надо развивать в университетах, а в гимназиях надо воспитывать ум. Что касается богатой культуры античного мира, ее миссии по обогащению русской культуры, то ей М.Н. Катков отводил роль второстепенную, побочную⁷. М.Н. Катков вполне смог осуществить свои идеи, когда министром просвещения в 1866 г. стал граф Д.А. Толстой. Выработку конкретных программ толстовской реформы осуществлял П.М. Леонтьев. Учебные планы не требовали углубленного изучения античного наследия (литературы, поэзии, истории и философии), однако препо-

⁵ Журнал Министерства народного просвещения 1862, 223–245.

⁶ Леонтьев 1851, 49–66.

⁷ Феоктистов 1991, 177.

давание древних языков было организовано очень основательно и требовало от гимназистов упорного труда. Для поступления в университет им предстояло выдержать самый сложный экзамен по древним языкам.

Оценивая роль классицизма и античности в системе образования, можно утверждать, что это был наиболее регулярный путь рецепции античного наследия сознанием и мировоззрением образованного общества. Наиболее простое и лежащее на поверхности объяснение такой концепции содержания образования в России является то, что классицизм стал идейной программой консервативно-охранительного лагеря российской общественности. Реформа образования была единственным успехом, достигнутым этим лагерем в либеральные времена Александра II. Представляется, что наличие классицизма в системе среднего образования отстаивалось столь страстно консервативной общественностью потому, что в их среде он воспринимался как символ имперской государственности. В этом, в частности, причина того, что греческий язык как язык Древней Византии так и не был уравнен с латинским: идеал императорского Рима казался более привлекательным. Государственники, которые выступали одновременно как истинные поборники православия, видели в религии лишь инструмент восстановления или сохранения начавшей разваливаться империи⁸.

Классицизм просуществовал в Российской системе образования до начала XX в. Несмотря на то, что «классицизм» не преследовал целью ввести учащихся в мир античной культуры, постоянные занятия древними языками оказались для многих гимназистов стимулом для более глубокого и основательного изучения античного наследия. На историко-филологические факультеты университетов поступали люди, свободно владеющие двумя древними языками и имеющие достаточные знания основ античной культуры. Несомненно, что выдающиеся достижения отечественной классической филологии конца XIX – начала XX в. напрямую связаны с гимназическим классицизмом, который можно вполне рассматривать как рецепцию античного наследия через систему образования.

В целом проблематика рецепции античного наследия в отечественную историю и культуру не становилась в XIX – начале XX в. предметом специального внимания, хотя на протяжении всего этого периода сохранялся общественный интерес к античности. Российские антиковеды в своих научных изысканиях расширяли временной и географический круг исследований, по-новому осмыслили кардинальные события и явления древнего мира. Примером могут служить трактовки таких традиционных для русской историографии тем, как афинская демократия или установление империи в Риме, рецепция античности проявлялась и в трактовках исследуемых явлений. Если М.С. Куторга и его последователи чрезвычайно высоко оценивали демократический строй Афин, то В.П. Бузескул в своих работах показал не только достоинства, но и недостатки афинского народовластия. Н.И. Кареев полемизировал с устойчивой точкой зрения, оценивавшей падение республики в Риме как конец демократии. Он доказывал, что установление империи для провинциалов дало возможность улучшить их положение и статус, стать равноправными с другими подданными государства⁹. Рецепция, таким об-

⁸ Так, например, граф Д.А. Толстой, занимавший пост Обер-прокурора Св. Синода, известен был как человек малорелигиозный и совершенно не церковный. См. Феоктистов 1991, 172, 403.

⁹ Кареев 1885.

разом, проявлялась в том, что развитие антиковедения находилось под воздействием общей интеллектуальной ситуации в России. Антиковеды, давая исторические оценки античной истории, экстраполировали на события прошлого современные им процессы и явления, и наоборот.

Общее развитие исторической мысли в России во второй половине XIX века свидетельствовало о том, что изучение античности было своеобразной школой для историков различной специализации. Так, например, учениками М.С. Куторги были византист Г.В. Василевский, специалист по западному Средневековью М.М. Стасюлевич, ученый, занимавшийся историей Нового времени, В.В. Бауер. К античной истории обращались Н.И. Кареев и В.И. Герье, которые специализировались также и на новой истории, а крупнейшему русскому медиевисту Д.М. Петрушевскому принадлежало исследование общества и государства у Гомера. Влияния антиковедов не избежали и историки, занимающиеся отечественным материалом. Например, В.О. Ключевский вспоминал, что он и его однокурсники не ходили на лекции С.М. Соловьева, если они совпадали по времени с лекциями по истории античности Ф.И. Буслаева¹⁰.

Особая роль античности в профессиональном мировоззрении отечественных историков определялась несколькими факторами, которые, с точки зрения нашего исследования, отражают рецепцию античного наследия. Античность, прежде всего, воспринималась ими как неотъемлемая часть всемирной, в том числе и отечественной истории. Эту идею наиболее четко выразил Н.И. Кареев в своей работе «Введение в курс истории древнего мира»¹¹. Античность для Н.И. Кареева не только составная часть западной, но и славянской, и русской истории и культуры. Подлинное понимание им истории и культуры античности показал его блестящий анализ гражданской общины в Элладу и Риме. Другая сторона рецепции античности отечественными историками заключается в том, что античное наследие рассматривалось, как замкнутый цивилизационный цикл, законченный процесс, который дает возможность изучать закономерности и причинно-следственные связи, действующие в истории.

Подобный подход к античному наследию в конце XIX – начале XX в. связан с распространением сравнительно-исторического метода, применявшегося в тот период историками разных специализаций. Даже последователи славянофилов, выступавшие за признание особого исторического пути России, считали необходимым применение этого метода. Так, например, историк М. Бережков в работе «Об истории как народном самосознании» (1882 г.) признает, что история России составляет часть всеобщей истории, для определения ее самобытности следует предпринять сравнительное изучение жизни разных народов. Антиковедение, со времен «Пропилеев» рассматривавшее историю как совокупность всех явлений общественной жизни, в этом смысле давало богатейшие возможности для применения сравнительно-исторического метода и для рецепции античного наследия как элемента методологии исторических исследований историками, занимавшимися разными странами и периодами.

Рецепция античности отечественными историками сыграла существенную роль не только в формировании концепций и подходов, но и в разработке

¹⁰ Ключевский 1899, 6.

¹¹ Самойлова 2015, 156–161.

конкретной методики интерпретации фактического материала. Это происходило отчасти потому, что антиковедение по причине своего «академизма» и отхода от политической борьбы наиболее последовательно придерживалось принципа объективности. Стремление к точности, подражанию методам естественных наук провозглашалось и в других отраслях исторического знания, однако на деле не всегда осуществлялось. Так, например, Н.М. Погодин утверждал, что применяет математические методы в науке, фиксируя факты и делая на их основе точные выводы. Однако, когда И.Е. Забелин опубликовал работу, посвященную начальному образованию в России, в которой полемизировал с Н.М. Погодиным, сторонники последнего обвинили Забелина в клевете на «старую Русь»¹². Расхождения с историками, занимавшимися российскими древностями, подтолкнули И.Е. Забелина поступить на службу в Императорскую археологическую комиссию, созданную в 1859 г. Эта комиссия занималась раскопками на юге России, и И.Е. Забелин принял в них активное участие. Там он столкнулся непосредственно с вещественным миром античности. Он принял участие в раскопках скифских курганов (ему принадлежит честь открытия кургана Чертомлык), на Таманском полуострове (склеп богини Деметры, город Фанагория), выезжал на раскопки Ольвии. Таким образом, античность не только в теории, но и на практике оказывалась связанной с разными областями исторической науки.

Следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. роль археологии в усилении общественного и научного интереса к античности была очень велика. Прежде всего благодаря раскопкам в южных степях и на побережье Черного моря сложилась научная школа археологии, а под влиянием развития античной археологии началось и изучение других регионов нашей страны.

Возрастающий интерес общества к истории южных районов России отражает начало издания В.В. Латышевым с 1893 г. журнал «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» на языке оригиналов с русским переводом. А в начале XX в. археолог и исследователь Ольвии Б.В. Фармаковский начал публикацию материалов о памятниках античной культуры, обнаруженных в Северном Причерноморье¹³.

Научный и общественный интерес к античности оживился и усилился после школьной реформы 1871 г., когда в классических гимназиях возобновилось изучение древних языков. Например, журнал «Вестник Европы», предназначенный для широкого круга читателей, публиковал статьи, направленные на популяризацию знаний об античности и ее наследии. В выпусках этого журнала за 1879 г. В.И. Герье представил очерки «Август и установление Римской империи», где он привел все современные ему точки зрения на политическую систему принципата. В журнале «Русская мысль» на рубеже XIX–XX вв. начал печататься молодой М.И. Ростовцев, который также откликнулся на общественный интерес к бытовым и повседневным реалиям греко-римского мира, опубликовав статью «Римский дом», посвященную устройству жилища. Ф.Ф. Зелинский одним из первых исследовал влияние религиозного опыта античности на идеологию и религию Европы и в том числе России, выдвинул концепцию о посреднической

¹² Формозов 1984, 65.

¹³ Фармаковская 1988; Фармаковский 1931, 164–170.

роли христианства в этом процессе¹⁴. Весьма важно то, что ряд его работ носил просветительский характер, что укрепляло интерес к античной культуре¹⁵.

Все эти факты свидетельствуют о преобладании в общественном сознании и у интеллектуалов XIX в. России практического направления рецепции античного наследия, которое рассматривалось в контексте проблем современности и служило источником практического опыта, применимого к потребностям государства в защите и сохранении имперской формы правления и воспитания молодежи в консервативном духе.

ЛИТЕРАТУРА

- Журнал Министерства народного просвещения*. 1862.
 Зелинский, Ф.Ф. 1993: *Древнегреческая религия*. Киев
 Зелинский, Ф.Ф. 1997: *Древний мир и мы*. СПб.
 Зелинский, Ф.Ф. 1899: *Идея нравственного оправдания, ее происхождение и развитие*. СПб.
 Зелинский, Ф.Ф. 1995: *История античной культуры* СПб.
 Кареев, Н.И. 1885: *Введение в курс истории древнего мира*. СПб.
 Ключевский, В.О. 1899: *С.М. Соловьев как преподаватель (Воспоминания о студенческой жизни)* М.
 Кнабе, Г.С. 2000: *Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России*. М.
 Леонтьев, П.М. 1851: О новой теории греческой архитектуры (*Пропилеи. Сборник статей по классической древности*) Т.1. Ч. 2. М.
 Самойлова, М.П. 2015: Проблема рецепции античного наследия на примере творчества Н.И. Кареева. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета* 30, 156–161.
 Фармаковская, Т.И. 1988: *Борис Владимирович Фармаковский*. Киев.
 Феоктистов, Е. 1991: *За кулисами политики и литературы. 1848–1896*. М.
 Формозов, А.А. 1984: *Историк Москвы И.Е. Забелин*. М.
 Чиглинецев, Е.А. 2009: *Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXIII века*. Казань.

REFERENCES

- Chiglintsev, E.A. 2009: *Retseptsiya antichnosti v kul'ture kontsa XIX – nachala XXI veka* [Reception of antiquity in the culture of the late 19th century – beginning of the 21th century]. Kazan.
 Farmakovskaya, T.I. 1988: *Boris Vladimirovich Farmakovskiy*. Kiev.
 Feoktistov, E. 1991: *Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896* [Behind the scenes of politics and literature. 1848–1896]. Moscow.
 Formozov, A.A. 1984: *Istorik Moskvyy I.E. Zabelin* [I.E. Zabelin, The Historian of Moscow]. Moscow.
 Kareev, N.I. 1885: *Vvedenie v kurs istorii drevnego mira* [Introduction to the Course of the Ancient World History]. Saint Petersburg.
 Klyuchevskiy, V.O. 1899: *S.M. Solov'ev kak prepodavatel' (Vospominaniya o studencheskoy zhizni)* [Solovyev as a teacher (Memoirs of the student's life)]. Moscow.

¹⁴ Зелинский 1993, 128; 1997, 420; 1995, 380.

¹⁵ Например: Зелинский 1899, 33; 1895.

- Knabe, G.S. 2000: *Russkaya antichnost'. Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii* [Russian antiquity: the content, role and destiny of the ancient heritage in the Russian culture]. Moscow.
- Leontev, P.M. 1851: O novoy teorii grecheskoy arkhitektury [On the new theory of Greek architecture]. *Propilei. Sbornik statey po klassicheskoy drevnosti* [Propilei. Collection of articles on classical antiquity]. T.1. P.2. Moscow.
- Samoylova, M.P. 2015: Problema retseptsii antichnogo naslediya na primere tvorchestva N.I. Kareeva [The problem of the reception of ancient heritage by the example of the work of N. I. Kareev]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin] 30, 156–161.
- Zelinskiy, F.F. 1993: *Drevnegrecheskaya religiya* [Ancient Greek Religion]. Kiev.
- Zelinskiy, F.F. 1997: *Drevniy mir i my* [The Ancient World and Us]. Saint Petersburg.
- Zelinskiy, F.F. 1995: *Istoriya antichnoy kul'tury* [The History of Ancient Culture]. Saint Petersburg.
- Zelinskiy, F. F. 1899: *Ideya npravstvennogo opravdaniya, ee proiskhozhdenie i razvitie* [The Idea of Moral Justification: its Origin and Development]. Saint Petersburg.
- Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. 1862.

RECEPTION OF ANTIQUITY IN THE EDUCATION SYSTEM OF RUSSIA IN THE 19th CENTURY AS A WAY OF FORMATION OF CONSERVATIVE IDEOLOGY

Maria P. Samoylova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
mp.samoilova@gmail.com

Abstract. The article discusses one of the aspects of the reception of ancient heritage in the history and culture of Russia – a question of the reception of antiquity in education. The author pays attention to modern interpretations of the meaning of the term “reception” and its classification. In relation to the process of the reception of ancient heritage in the history and culture of Russia, the author proceeds from the statement that the reception of antiquity in Russia had a pragmatic nature, i.e., it was used in the field of functioning of state institutions and in the education system. The guides of the antique heritage in Russia were the classical languages, which were a basic part of the curriculum in grammar schools. Reforms of the education system, and public discussions on education in Russia were always devoted to a measure of the presence of classical languages in the curriculum content, and this measure always depended on the general political situation in the country. The ideological justification of the presence of classical languages in the educational process was provided with the activities of S.S. Uvarov, P.M. Leontyev, M.N. Katkov and other state and public figures and Russian scholars of the 19th century. At the same time, they considered classicism as the way of formation of the conservative ideology of the Imperial statehood and the education of youth in a conservative spirit. Despite the fact that “classicism” did not have any intention to introduce students to the world of ancient culture, regular classes in ancient languages turned out to be an incentive for deeper and more thorough study of ancient heritage by many students. Graduates of schools were fluent in two ancient languages and had sufficient knowledge of the foundations of ancient culture. There is no doubt that the outstanding achievements of classical philology of the end of 19th - beginning of the 20th century are directly related to the school classicism in Russia. The classicism attributed

to the development of historical science, including the scientific researches of historians in the field of classical studies.

Keywords: the heritage of antiquity, reception, classicism, S.S. Uvarov, P. M. Leontyev, M.N. Katkov, conservative ideology

АЛБАНСКИЙ ВОПРОС В ЧЕРНОГОРИИ

З.В. Клименко

Институт социологии РАН, Москва, Россия
zklimenko@mail.ru

Аннотация. Албанский вопрос на Балканах за последние 30 лет вышел на первые позиции в мировой политике. Став одной из причин начавшегося в 1990-х гг. югославского кризиса, он уже сыграл свою роль в Сербии и Македонии, трансформировав эти государства. В настоящей статье рассматривается очередной этап его развития, на этот раз в Черногории. Автор освещает историю албанского национального вопроса в этой бывшей югославской республике после распада СФРЮ и изучает современное положение албанского этнического меньшинства. Несмотря на немногочисленность албанской общины в этой балканской стране и постепенно уменьшающуюся ее численность, она обладает большим, можно сказать, судьбоносным влиянием на современную историю Черногории. Особенно примечательной его роль стала в период обретения Черногорией полной государственной независимости в 2006 г. и в последующие годы. Автор исследует позиции видных албанских политиков, взаимоотношения крупнейших национальных политических партий, определяет место албанской общины в структуре черногорского общества. Большое внимание уделено проблеме влияния соседних Албании и Косова на развитие межнациональных отношений и в целом внутривнутриполитической ситуации в Черногории. Отдельный раздел статьи посвящен анализу итогов парламентских выборов в республике, состоявшихся 16 октября 2016 г. в свете участия в них албанских политических сил и избирателей. Результаты выборов в немалой степени способствовали ускоренному вступлению Черногории в Североатлантический альянс в июне 2017 г. Автор предполагает, что Черногорию могут в будущем ожидать те же изменения внутригосударственного устройства, которые уже состоялись в соседней Македонии. Эта страна в результате кризиса 2001 г. фактически превратилась в национально-территориальную федерацию двух народов. Причем последнее было достигнуто неконституционным путем. В Черногории под давлением албанских политиков также наметился пересмотр ее территориального устройства.

Ключевые слова: Новейшая история, Черногория, албанцы, этнические меньшинства, национальные отношения, выборы, Мило Джуканович

Албанский вопрос на Балканах является давним наследием сложной истории региона и его многовековых государственно-политических трансформаций. Земли, населенные албанцами, в тот или иной исторический период входили в состав разных царств и княжеств, империй и королевств. География албанского рассе-

Клименко Зоя Валентиновна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

ления на Балканах в течение веков также не была стабильной. Этнический ареал постепенно расширялся, что было связано как с увеличением численности этого народа, так и с отводимой ему властями Османской империи ролью. Можно сказать, что в период турецкого господства на Балканах албанцы как единственный неславянский и одновременно неправославный народ (некоторое количество албанцев, проживающих в Северном Эпире, исповедовали ортодоксальное христианство) выступали опорой османской власти в Европейской Турции. Эта их роль сохранялась вплоть до Первой Балканской войны, в результате которой 28 ноября 1912 г. было провозглашено независимое албанское государство.

Однако тогдашнее решение албанского вопроса не принесло окончательного удовлетворения национальных чаяний албанского народа. Как считали его идеологи, албанцы были ущемлены в своих национальных чувствах, поскольку стали разделенным народом (в османское время практически все албанцы проживали в едином государстве). Значительная его часть оказалась в Греции, Сербии и Черногории – государствах-победителях в Первой Балканской войне. С тех пор борьба за политическое воссоединение стала краеугольным камнем албанской национальной идеологии, получив свое развитие в концепции «Великой Албании». Особенности этнической карты Балкан дают немало поводов для возникновения великодержавных проектов. В годы Второй мировой войны на несколько лет эта концепция воплотилась в виде сначала итальянского, а затем и германского протектората.

Возврат к границам, установленным международными соглашениями в 1912–1914 гг., снятие с исторической повестки дня проекта общепалканской федерации, осложнения в югославно-албанских отношениях снова, уже после окончания Второй мировой войны, разделили народ, части которого оказались в соседних с Народной Республикой Албанией государствах. Новое воссоединение, сначала в виде автономной области, а затем и края, Косова и Метохии с Сербией, образование в составе Федеративной Народной Республики Югославии (впоследствии Социалистической Федеративной Республики Югославии) никогда прежде не существовавшей Республики Македонии с весьма крупным албанским меньшинством, создание Республики Черногории с меньшей по численности, но все же значительной в черногорских масштабах албанской общиной, открыли новую страницу истории албанского вопроса на Балканах. После кризисов в Косове и в Македонии на рубеже 1990–2000-х гг. албанский вопрос в ныне независимой Черногории может стать причиной очередного обострения ситуации в регионе.

Численность и расселение албанцев в Черногории.

Албанская община в Черногории является самой немногочисленной из всех албанских общин, проживающих в бывших югославских республиках – ныне независимых государствах. Речь, естественно, идет о тех районах Балкан, где албанцы живут уже много веков, массово расселившись с территории собственно Албании в границах бывших средневековых славянских государств уже после их турецкого завоевания.

Поскольку Черногорское княжество, а затем и королевство так полностью и не покорилось Османской империи, а находилось в вассальной зависимости от нее, массового переселения албанцев сюда не наблюдалось, в отличие, например,

от Косовской котловины или окрестностей ныне македонского города Скопье. Причиной этого были также и бедность черногорского государства как такового, малое количество плодородных земель, труднодоступность поселений и малочисленное платежеспособное население, отсутствие вплоть до XX в. выхода к морю (черногорское побережье было австрийским владением).

Черногорские и албанские племена веками жили бок о бок, часто имели сходные бытовые особенности. Это давало иногда ошибочный повод, как отмечали югославские исследователи, считать некоторые племена родственными¹.

Отдельные земли, населенные албанцами, отошли к Черногории в результате русско-турецкой войны по Сан-Стефанскому мирному договору и Берлинскому трактату. Балканские войны, наряду с образованием впервые в истории независимого албанского государства в 1912 г., привели к новому увеличению территории Черногории, в том числе и за счет территорий с албанским населением. Это впоследствии, уже в современную эпоху, станет одной из исторических основ для обоснования проектов собирания земель, населенных албанцами, в единое государство, то есть заявлений албанских политических и общественных деятелей, которые расцениваются соседями Албании как территориальные претензии, или же албанского сепаратизма в отдельных бывших республиках СФРЮ.

Если проследить численность албанского населения Черногории со времен начала проведения регулярных переписей, то мы увидим следующую картину.

В 1909 г. население Черногорского княжества составляло 317856 человек. Считается, правда, что эта цифра сильно преувеличена, и на деле в стране их насчитывалось примерно 220 тысяч. Из них на сербском языке говорили 95% населения². В 1921 г., уже после объединения в 1918 г. королевств Сербия и Черногория, а также ряда югославянских территорий Австро-Венгрии в Королевство сербов, хорватов и словенцев, в Черногории насчитали 223091 жителя. Из них албанцев было 17133 человека, и они составляли самое многочисленное национальное меньшинство. Наибольшее их число проживало в округах Бар и Подгорица. По другим источникам, население Черногории к 1921 г. выросло уже до 311341 человека³. На сербском языке говорил 91% жителей, на албанском – 8,5%⁴.

Перепись 1931 г. пришлось на период нового административно-территориального деления Королевства Югославии. Как известно, было образовано девять крупных областей – бановин. Территория Черногории тогда входила в состав Зетской бановины. Население той части бановины, которая соответствует современным границам нынешней республики, насчитывало 360044 человека, из них албанцев было 18098 человек, или 5,03%⁵.

Следует отметить, что результаты двух межвоенных переписей населения считаются весьма сомнительными. Как отмечается в официальном издании результатов переписи населения 1948 г., то есть первой послевоенной переписи уже в социалистический период, в 1921 г. черногорцы как отдельный югославянский народ тогда в опросных листах не выделялись, а признавались частью единого

¹ Подробнее см.: Janetović 2005, 27; Иванова 2006, 296–297.

² Подробнее см.: Радусинович 1978, 132–134.

³ Радусинович 1978, 201.

⁴ Радусинович 1978, 198.

⁵ Радусинович 1978, 201.

сербского народа. Результаты же переписи 1931 г. так и не были опубликованы и даже не были полностью систематизированы. В 1945 г. на основе сохранившихся опросных листов была подготовлена единственная публикация (для служебного пользования) «Население довоенной Югославии в соответствии с религиозной принадлежностью и родным языком – по переписи 31 марта 1931 г.»⁶. Сербь, хорваты, словенцы и македонцы объединялись в одну группу «югославский народ». Другие славянские народы Королевства Югославии (поляки, чехи, словаки, русины, болгары, русские, украинцы) объединялись во вторую группу. Третью категорию составляли неславянские народы страны (немцы, венгры, румыны, албанцы, турки и др.). Поэтому количество именно черногорцев, а также албанцев в Черногории в последнее десятилетие перед войной можно реконструировать, вычлняя в общей статистике численность населения тех округов, которые составляют территорию современной Черногории. Планировавшаяся в 1941 г. очередная перепись населения не состоялась из-за оккупации Югославии в апреле 1941 г.

В 1948 г. была проведена первая перепись социалистического периода. Она показала небольшой прирост албанского населения: 19425 человек, или 5,2%. Наибольшее число албанцев проживало в Барском срезе (более 10000 человек). Далее следовали окрестности столицы – Титоградский округ (более 6500 человек)⁷. Югославские демографы предполагают, что число албанцев в республике после войны на самом деле было несколько ниже, так как некоторое количество турок, проживавших в Черногории, самоидентифицировались как албанцы⁸. Последующие переписи 1953, 1961⁹, 1971¹⁰, 1981, 1991 гг. показывали поступательный рост абсолютной численности албанцев, а также их доли в населении республики, наряду с ростом числа жителей социалистической Черногории в целом. Так, по данным переписи 1981 г., в Черногории проживали 37981 албанцев, что составляло 6,5% населения (по другим данным 37735 албанцев)¹¹. К 1991 г., году последней общегославской переписи населения, албанцев было 40880 человек, или 6,64% населения¹². По другим данным, албанцев в республике проживало 40415 человек, или 6,57% населения. Причем самоидентификация по признаку родного языка показала, что албанский язык является таковым для 43907 человек или уже для 7,14% населения¹³.

Перепись, проведенная в Черногории уже в период Союзной Республики Югославии в 2003 г., выявила серьезные изменения в национальной структуре населения. Прежде всего, обозначилось резкое падение абсолютной численности албанцев (примерно на 25%) и, соответственно, их доли в национальной структуре. Причем в общее число опрошенных были включены и переселенцы из Косова.

⁶ Konačni rezultati popisa stanovništva od 15. marta 1948. godine 1954, X, XI.

⁷ Konačni rezultati popisa stanovništva od 15. marta 1948. godine 1954, XV, 451.

⁸ Konačni rezultati popisa stanovništva od 15. marta 1948. godine 1954, XIII.

⁹ Popis stanovništva 1953. Knjiga I 1959, LXIX, 275; Popis stanovništva 1961. Knjiga VI. 1967, XXIX.

¹⁰ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 1971. godini.

¹¹ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 1981. godini.

¹² Рассчитано по: Гуськова 1992, 14.

¹³ Данные хоть и приближенные к реальным, но все-таки не вполне точные, поскольку обработка результатов переписи, проведенной в марте 1991 г., пришлось на первую половину 1990-х гг. – период гражданских войн на территории бывшей СФРЮ, которые резко изменили численность и распределение населения по республикам: Демографија Црне Горе.

Еще в ходе агрессии НАТО против СРЮ с 24 марта по 11 июня 1999 г. в Черногорию, так же, как и в другие сопредельные с этим сербским автономным краем территории, хлынул поток беженцев, количество которых в отдельные моменты доходило до 10% всего населения республики. Среди них были не только сербы и черногорцы, но и албанцы, что также способствовало увеличению доли албанского меньшинства в Черногории. Однако к переписи 2003 из всех переселившихся из Косова албанцев осталось 457 человек. В итоге численность албанцев в 2003 г. составила всего 31163 человека или 5,03% населения¹⁴. И опять родным албанский язык является для чуть большего количества людей. На нем говорят 32603 человека¹⁵. Отметим, что до проведения этой переписи сами албанцы утверждали, что их в Черногории проживает около 50000 человек¹⁶.

Перепись 2011 г., проведенная уже после достижения Черногорией полной государственной независимости, только подтвердила эту тенденцию: в стране ныне проживает 30439 албанцев, или 4,91% населения, причем родным албанский язык был для 28741 человека¹⁷. Как с беспокойством отмечал в апреле 2015 г. тогдашний самый молодой депутат черногорской Скупщины Дритан Абазович, албанец по национальности из г. Ульцинь, каждый четвертый албанец к 2015 г. уехал из республики, преимущественно в страны Западной Европы, а также в большей степени в США. По его словам выходило, что в полиции Нью-Йорка служит больше полицейских албанской национальности, чем в черногорской полиции. Он даже высказал опасение, что при такой интенсивной экономической эмиграции можно ожидать исчезновения албанского меньшинства в Черногории¹⁸.

Албанцы расселены компактно на юге страны, в общинах Ульцинь (более 70% жителей) и Бар (до 30% жителей). Эти районы прилегают к Скадарскому озеру и к албанской границе. Город Ульцинь является также центром албанской политической жизни и местом расположения штаб-квартир албанских политических партий в Черногории.

Определенное количество албанцев (около 10% населения города) проживает в столице республики Подгорице, также компактно. Они живут в районе Тузи, их доля составляет почти 60% (от 4748 человек), а также в прилегающих районах. Нынешняя городская община (в границах Подгорицы) Тузи до 1957 г. имела статус и полномочия самостоятельной административно-территориальной единицы, наравне с другими районами Черногории. Албанцы Подгорицы уже много лет выступают за его восстановление.

Позиция албанцев Черногории и их политические организации.

После распада большой Югославии (СФРЮ) в 1991–1992 гг. Черногория вместе с Сербией остались в новом сообществе – Союзной Республике Югославии (СРЮ). В отличие от других республик бывшей СФРЮ межнациональные отношения в Черногории оставались стабильными. Однако с избранием Мило

¹⁴ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2003. 2004, 12, 16.

¹⁵ Попис становништва, домаћинства и станова у 2003, 2004, 10.

¹⁶ www.albanian.com/information/countries/montenegro/index.html. - Дата обращения 29 июня 2017.

¹⁷ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2011. Tabela CG1; Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2011. Tabela CG4.

¹⁸ Abazović 20.04.2015.

Джукановича в 1998 г. президентом республики албанский электорат постепенно стал опорой его партии. В районах с большинством албанского населения на президентских выборах избиратели традиционно отдавали свои голоса за кандидатов от ДПС. Правительства, главную роль в которых играли представители ДПС, также получали поддержку депутатов от албанских партий и коалиций. М. Джуканович оставался на высших постах в государстве вплоть до последних парламентских выборов, состоявшихся 16 октября 2016 г., и в очередной раз занимал пост премьер-министра Черногории. С учетом его политического веса он являлся фактическим главой республики.

Самыми крупными албанскими политическими партиями, возникшими еще на заре многопартийности в Югославии, являются Демократическая уния албанцев (ДУА) и Демократический союз Черногории (ДСЧ, Мехмет Барзи). ДУА долгое время возглавлял Ферхат Диноша, до недавнего времени занимавший в черногорском правительстве пост министра по вопросам прав человека и делам меньшинств, а ныне посол Черногории в Косове¹⁹. Затем партию возглавил Мехмет Зенка, сменивший после выборов 16 октября 2016 г. Ф. Диношу на его министерском посту. В последние годы появилось еще несколько национальных политических организаций.

Хотя албанские партии долгое время функционировали как органичная часть политической системы Черногории, это не отменяло наличия у них определенных национальных и даже, можно сказать, националистических устремлений. Так, например, в ходе предвыборной кампании 2001 г. тогдашний лидер ДУА Фуад Нимани²⁰ заявлял о своей приверженности самостоятельной Черногории, поскольку в союзе с Сербией не только черногорцы, но и албанцы республики не смогут быть равноправными. При этом, отрицая наличие у черногорских албанцев великоалбанских претензий, этот политический деятель перечислил все места в соседней Сербии (в том числе и юг собственно Сербии, без Косова), где права албанцев, по его мнению, нарушались²¹.

В декабре 2000 г. ДУА выдвинула «Платформу о политических и правовых рамках самоуправления национальных общин в Черногории»²². В ней предлагалось внести определенные изменения в политическую систему Черногории. Так, по мнению авторов «Платформы», необходимо было реорганизовать черногорский парламент, который должен был состоять из Веча граждан и Веча национальных содружеств (по образцу тогдашнего югославского парламента). Вече граждан должно было избираться по принципу «один гражданин – один голос». В Вече национальных содружеств каждая национальная община должна была иметь свою делегацию, избранную, в свою очередь, Национальным советом соответствующего народа. Национальные советы, которые предполагалось создать для сотрудничества с правительством, должны были избираться на прямых вы-

¹⁹ Tanjug 24.10.2016.

²⁰ Фуад Нимани родился в 1948 г. в г. Шкодер (Албания) в семье выходцев из г. Ульцинь. Высшее образование получил в Приштинском университете. В 2001–2006 гг. был градоначальником Ульциня, а в 2006–2009 гг. занимал пост министра по вопросам прав человека и делам национальных меньшинств. Скончался 25 апреля 2012 г.

²¹ Vijesti 12.03.2001.

²² Vijesti 5.12.2000; Dimitrijević 2001, 240; Сообщение агентства Бета: Dua: dvodomni parlament za Crnu Goru. Izvor: utorak 5.12.2000.

борах. Парламент республики мог принимать решения большинством голосов в обоих случаях кроме случаев, когда какая-либо национальная делегация сочтет это решение противоречащим своим интересам. Для принятия решения в этом случае необходимо было сначала получить большинство голосов этой делегации. Премьер-министром и председателем парламента не могли быть представители одного и того же народа, а в состав правительства должно было входить по одному «национальному» министру. Национальный состав государственных служащих Черногории должен отражать этническую структуру населения. Албанцы получали бы право пользоваться своим языком в служебной сфере. Также необходимо было открыть по одной коротковолновой и одной средневолновой радиостанции и создать албанскую телекомпанию.

Самое настораживающее положение данной программы касалось создания местной полиции в национальных общинах по пропорциональному этническому принципу. Функции этой полиции должны были регулироваться специальным законом, принятым Вечем национальных содружеств. Данные полицейские подразделения должны были координировать свои действия с Министерством внутренних дел Черногории. При этом ДУА подчеркивала, что албанцы, предлагая эту программу, реализуют свое стремление к самоуправлению, не собираясь ставить под сомнение территориальную целостность и суверенитет Черногории.

Программа ДУА не получила тогда какого-то реального воплощения, поскольку в республике постепенно набирала обороты кампания по выходу Черногории из последнего общегославского государства. Политика дистанцирования М. Джукановича от Белграда и С. Милошевича с его позицией по поводу Косова стала одной из причин албанской поддержки правящей в Черногории коалиции на рубеже 1990-х – 2000-х гг.

Повышению роли албанского фактора в Черногории в немалой степени способствовало тогдашнее избирательное законодательство. Оно предусматривало подачу меньшего количества подписей избирателей (по сравнению с остальными участниками избирательных кампаний) для выдвижения кандидатов, принадлежащих к албанскому национальному меньшинству. Так, если все остальные партии и кандидаты для регистрации своего участия в выборах в черногорский парламент должны были набрать не менее 1% подписей избирателей от их зарегистрированной численности в избирательном округе, что могло составлять до 4000 голосов, то албанским партиям достаточно было представить 1000 подписей²³. Для прохождения в парламент необходимо было преодолеть 3%-й барьер. Крупнейшие политические партии албанцев в итоге регулярно получали несколько депутатских мест.

Забегая вперед, отметим, что в 2011 г. в Черногории были приняты новые поправки в Закон о выборах, согласно которым для жителей страны, принадлежащих ко всем национальным меньшинствам, устанавливались единые требования при выдвижении своих представителей в органы власти. Статья 43, в которой ранее речь шла только об особых правах албанского меньшинства, теперь касалась все малочисленных народов или национальных меньшинств. Она была дополнена положением, что избирательный список от меньшинства, составляющего менее

²³ Zakon o izboru odbornika i poslanika 1998, Član 43; Vijesti 21.02.2001.

2% населения страны, может быть утвержден при подаче за него 300 подписей²⁴. Закон больше не предусматривал предоставления албанскому меньшинству пяти гарантированных депутатских мандатов. По словам Ферхата Диноши, председателя ДУА, а с 2009 г. министра по вопросам прав человека и национальных меньшинств, поправки в закон гарантировали албанцам, в случае преодоления их партиями избирательного барьера в 3%, 3 аутентичных депутатских кресла. Но это максимум. Если ни одна албанская партия не наберет необходимых трех процентов, то суммируются завоеванные голоса всех партий из одного предвыборного списка, который наберет больше 0,7% голосов и тогда окончательно рассчитывается, сколько у того или иного меньшинства будет представителей в парламенте²⁵.

В новом избирательном законодательстве закреплены преференции для представителей всех национальных меньшинств Черногории, в том числе, конечно, и для албанского. Так, в избирательном списке, поданном от партии национального меньшинства, кандидатов должно быть не менее 1/3 от полного числа депутатов, то есть от 81, если говорить о выборах в республиканский парламент. В то время как остальные партии должны предложить избирателю не менее 2/3 от этого числа в качестве кандидатов в депутаты²⁶. В предыдущей редакции закона требование минимального размера избирательного списка в 1/3 от общего состава парламента касалось любого избирательного списка.

Можно сказать, что принятые поправки уравнивали избирательные права национальных меньшинств Черногории с правами албанской общины. Однако большинством албанских политиков эти изменения были расценены как ущемление прав своего народа и вызвали их острые протесты. Последние не прекращаются до сих пор и являются почвой для все новых и новых обвинений властей Черногории в дискриминации албанского населения страны. Его представители прогнозировали изменение отношения к правящей коалиции, хотя и подчеркивали, что албанцы никогда не представляли собой угрозы для политической стабильности в Черногории.

Тем не менее депутат от ДСЧ Мехмет Барзи заявил в парламенте, что «албанцы созрели [для ответа – З.К.]» и что «власти Черногории получают адекватный географии региона ответ»²⁷. Его заявление вызвало острую дискуссию среди албанских политиков, многие из которых предпочли заявить, что не считают его заявление призывом к усилению албанских протестов. «Албанцы как наиболее пострадавшая от нового закона национальная община, не слишком обманута, поскольку и раньше не очень-то доверяла властям», - заявил депутат от Коалиции Албанская перспектива Васель Сиништай. Он даже высказал мнение, что албанцы в период СРЮ имели больше прав, нежели сейчас в независимой Черногории и пригрозил, что оповестит о возникшей ситуации посольство США, представительство ОБСЕ, а также правительства Косова и Албании²⁸.

²⁴ Закон о изменама и допунама Закона о избору одборника и посланика 2011 Члан 33.

²⁵ Pejović 12.09.2011; Закон о изменама и допунама Закона о избору одборника и посланика. Члан 62.

²⁶ Закон о изменама и допунама Закона о избору одборника и посланика. Члан 30 (Менялась ст. 39 избирательного закона от 1998 г.).

²⁷ Pejović, Adrović 10.09.2011.

²⁸ Pejović, Adrović 10.09.2011.

Депутат Генци Ниманбегу (представитель в парламенте от Форцы, одной из самых молодых албанских партий²⁹) выступил с призывом к выработке единой для всех албанских политических сил позиции. Посланник Мехмет Зенка от ДУА (член правящей тогда в Черногории коалиции) предположил, что начнется процесс определения статуса албанской общины страны. Дритан Абазович (тогда участник Форума 2010³⁰) не видел в состоявшемся в парламенте голосовании причин для резкого обострения межнациональных отношений в республике, хотя и отметил, что почва для сильного албанского недовольства имеется. Национальный совет албанцев под руководством Тахира Тахири расценил принятие закона как попытку полной ассимиляции албанцев в Черногории³¹.

Новый период развития – в независимой Черногории.

До определенного времени интересы правящих в Черногории коалиций во главе с ДПС и интересы местной албанской диаспоры совпадали в стремлении отделиться от общего югославского государства. Достижение Черногорией независимости в 2006 г. в немалой степени состоялось благодаря поддержке албанских избирателей. Причем к участию в референдуме были привлечены албанцы, которые к моменту его проведения уже много лет проживали за границами республики, в том числе в Западной Европе и в США. Черногорским же гражданам, проживавшим тогда в Сербии, не разрешили принять участие в общереспубликанском волеизъявлении, поменявшем судьбу страны.

Как оказалось, выход из последнего югославского объединения³² не означал, что отныне развитие черногорской государственности будет происходить в мирном и спокойном общественном климате, не омраченным обострениями национальных противоречий. Все прошедшие с момента обретения Черногорией государственной независимости годы были отмечены постоянным присутствием в политическом дискурсе албанской темы. Позиция сплоченной, хотя и небольшой, албанской общины Черногории, за спиной которой чувствовалась поддержка их

²⁹ Албанская партия «Новая демократическая сила – ФОПЦА» (Nova Demokratska Snaga – FORCA, Forca e Re Demokratike) была основана 22 октября 2005 г. в Ульцине. В 2008 г. открыла отделение в Тузи. С момента основания и по настоящее время ее возглавляет Назиф Цунгу – в 2011–2014 гг. градоначальник г. Ульцинь, выходец из ДУА. По итогам парламентских выборов 2009 г. партия добилась 1 депутатского кресла. В целом четыре участвовавших в этих выборах албанских объединения получили по одному депутатскому креслу каждое, в отличие от выборов 2016 г., где все албанские коалиции добились только одного мандата, о чем подробнее будет сказано ниже.

³⁰ Политическое движение «Форум 2010» было основано в Подгорице в феврале 2010. В него вошли видные черногорские интеллектуалы и политики, которые были недовольны тогдашним положением дел в стране: один из лидеров социал-демократов Черногории Жарко Ракчевич, бывший министр иностранных дел Бранко Луковац, известные военные, журналисты, ученые. Целью движения было строительство новой черногорской государственности по образцу европейских демократий. Позднее многие известные его участники «разошлись» по другим партиям и политическим организациям.

³¹ Pejović, Adrović 10.09.2011.

³² Союзная Республика Югославия просуществовала с 1992 г. по 2003 г. В 2002 при посредничестве (а на самом деле под патронатом) международного сообщества в лице ЕС было подписано соглашение о пересмотре отношений в СРЮ. Создавалось новое государственное объединение – Сербия и Черногория (СиЧ). Его история оказалась еще короче – в 2006 г. в Черногории состоялся референдум о независимости. С тех пор Сербия и Черногория идут каждая своим отдельным путем, но в одном направлении: интеграции в европейские и евро-атлантические структуры.

многочисленных соплеменников из Косова, стала уже непосредственно влиять на внутривосполитическое развитие страны. Пример косовских албанцев, добившихся благодаря поддержке международного сообщества выдающихся успехов в борьбе за реализацию своих политических целей по «освобождению» огромной по европейским меркам территории от, как они утверждали, «сербской оккупации», был очень вдохновляющим.

Поддержка албанцев Черногории не была надежной и в любой момент могла превратиться в проблему для черногорских властей. Вопрос о ее компенсации встает сейчас в полной мере. Основным лейтмотивом стало требование черногорских албанцев выполнить обещания, данные им накануне референдума. А в первой половине 2010-х гг. власти страны столкнулись уже с территориальными претензиями албанской общины к черногорскому государству. И чем больше лет после референдума 2006 г. проходит, тем интенсивней идет дискуссия о положении албанцев в республике. Причем участие в ней принимают не только албанские политики и общественные деятели из Черногории, но также из Албании, соседнего Косова, балканских, европейских и американских исследовательских центров.

Примером последнего может стать совместное исследование одного из основателей Албанско-американского фонда экономиста Кафо Бога и профессора политических наук из Бирмингемского университета Стефана Вольфа, результаты которого были опубликованы в 2011 г. в издаваемой в США албанской газете «Иллирия»³³. В нем утверждается, что приватизация и экономические реформы, проводимые в Черногории, привели к социальной нестабильности, увеличили уровень коррупции, что привело к росту напряженности в отношениях между албанцами и черногорцами. Эта напряженность легко может перекинуться на взаимоотношения с другими национальными и этническими меньшинствами в республике. Права албанцев ущемляются во многих сферах, а применительно к процессу приватизации действие соответствующего закона приостанавливается, если речь идет об участии представителей албанской общины. Одним из примеров подобной дискриминации эксперты считают приватизацию участка земли площадью около 500 га по цене в 6 центов за квадратный метр (правда, без указания конкретного месторасположения данной недвижимости) в пользу одного из родственников М.Джукановича. В целом, как утверждают авторы исследования, албанцы в Черногории являются гражданами второго сорта.

В 2013 г. ведущие албанские политики Черногории высказывали резкое недовольство как правящей ДПС, так и албанскими партиями, вошедшими в правящую коалицию. Власти республики обвинялись в дискриминации албанского меньшинства, запугивании его представителей, ущемлении их имущественных и других коллективных прав³⁴. Лидер ДСЧ М. Барзи незадолго до президентских выборов 7 апреля 2013 г. заявлял, что окончательная поддержка кандидата ДПС Филиппа Вуяновича со стороны албанцев будет обусловлена не только обещанием со стороны ДПС провести референдум о судьбе района Тузи и повысить его статус до уровня общины, но и пересмотреть избирательное законодательство для

³³ Radulović 20.09.2011.

³⁴ Camaj 01.10.2013; Nimanbegu 06.06.2013; Celnici vanparlamentarnih albanskih stranaka 06.06.2013.

увеличения числа депутатов от албанских партий в парламенте. М. Барзи утверждал, что у него имеется письменное обязательство М. Джукановича, данное еще в 1997 г., что Тузи получит статус полноправной общины³⁵. В 2014 г. албанские политики в очередной предъявили требования осуществить децентрализацию власти и вернуть албанцам имущество, а также заявляли о своей поддержке вступления страны в НАТО как в организацию, которая требует от своих настоящих и будущих членов соблюдения прав меньшинств³⁶.

Также в 2014 г. профессором Тиранского университета Сабиной Османович среди албанцев Черногории было проведено социологическое исследование. Было опрошено 352 человека из всех районов проживания албанского меньшинства в республике. Исследование было обнародовано на международной конференции, состоявшейся в Оклендском университете в 2015 г. и посвященной албанским сюжетам³⁷. Оно показало, что спустя 8 лет после достижения Черногорией независимости 75% албанцев высказывали недовольство своим положением. 73% респондентов считали, что власть не исполнила своих обещаний, данных им в 2006 году. 82% были не согласны со способами решения экономических, национальных и управленческих вопросов в районах компактного проживания албанского меньшинства. Как заявляли участники опроса, албанцы не смогли до сих пор занять подобающее им место в государстве, которое они помогли создать. В органах государственного управления, по их словам, они занимали маргинальное положение, упал уровень инвестиций в албанских районах страны, не была завершена реституция имущества. Создание отдельного муниципалитета Тузи так и оставалось пока на уровне обещаний.

Албанцы отмечали дальнейшую централизацию власти, примером чего считали правительственное заявление о разработке генерального плана г. Ульцинь и предлагаемое решение о судьбе общественного предприятия «Морско добро»³⁸. Последнее было преобразовано в государственное агентство по управлению прибрежной территорией в Ульцине и его окрестностях, организации пляжей. Помимо этого оно должно было заниматься распределением участков для их дальнейшего обустройства и ведения тех или иных видов экономической деятельности. Из всей территории, подведомственной этому агентству, 57% находилось на территории города, причем это были самые привлекательные с точки зрения экономики места вдоль моря. Как считали албанцы, агентство не учитывало нужды местного населения, а его деятельность привела к порабощению жителей и колонизации³⁹.

В том же году силами Центра американских исследований в Тиране под руководством Рамиза Лушая в столице Албании были организованы студенческие выступления против существующего положения албанцев в Черногории⁴⁰. Протесты были приурочены к визиту делегации Евросоюза в Албанию.

В октябре 2015 г. во время выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН президента Черногории Филиппа Вуяновича албанские общественные орга-

³⁵ Сообщение агентства МИНА 11.02.2013.

³⁶ Сообщение агентства МИНА 19.02.2014.

³⁷ Kajošević Б. г.

³⁸ Kajošević Б. г.

³⁹ Abazović 20.04.2015.

⁴⁰ Žugić 05.09.2014.

низации в США (в частности, общество «Великая Малесия» со штаб-квартирой в Детройте) организовали демонстрации протеста и заявляли, что албанцы в Черногории проживают на оккупированных территориях, их права попираются, а жизни находятся под угрозой. Единственный путь для улучшения своего положения – объединиться под крылом общей «матери-Албании»⁴¹.

Та же участь постигла и черногорского премьер-министра Мило Джукановича во время аналогичного выступления в Генеральной Ассамблее ООН. На сей раз его назвали военным преступником⁴².

Накал дискуссии и выступлений в 2014–2015 гг. был таков, что дал повод некоторым черногорским интеллектуалам предположить, что в стране внешними силами готовится реализация сценария, подобного тому, который был осуществлен в Македонии в 2001 г. Так, председатель исполнительного комитета Матицы Сербской и одновременно профессор естественно-математического факультета Владимир Божович заявил, что американцы открыто готовят какое-то всеалбанское восстание с целью реализовать некое подобие Охридского соглашения⁴³. Тем самым Черногория была бы преобразована в конституционно-этническую конфедерацию, в которой албанцы имели бы в определенной степени территориально-политическую и полную культурную автономию. По его мнению, с приходом в американское посольство в Черногории американца албанского происхождения Бикса Алии (занимает пост заместителя посла США в Черногории), история албанского вопроса здесь вступила в новую фазу. На это направлена и нынешняя кампания по вступлению Черногории в НАТО⁴⁴.

Исследование, проведенное в 2014 г. Центром за демократию и права человека, показало, что 75,9% албанцев и 53,8% бошняков-мусульман [так в тексте – З.К.] поддерживают полноправное членство Черногории в НАТО. У черногорцев и сербов, выступавших за данную перспективу для республики, данные были 39,8% и 9,3% соответственно⁴⁵. Тем самым албанский вопрос в Черногории становится эффективным средством воздействия на власти республики со стороны внешних факторов балканской политики.

Внутри страны также проводились соответствующие опросы. В начале 2015 г. были обнародованы результаты правительственного исследования, показавшего, что доля албанцев в государственных структурах высшего уровня составляет всего 1,3%, что почти в четыре раза меньше их доли собственно в структуре населения и почти в два раза меньше, чем их было еще четыре года назад⁴⁶.

⁴¹ Mondo.me 02.10.2015.

⁴² Albanci okrenuli leđa Milu: Ti si ratni zločinac. Б.г.

⁴³ Соглашение между властями Македонии и руководством крупнейших албанских политических партий о приостановке боевых действий было достигнуто под давлением деятельности незаконных албанских вооруженных формирований и при международном посредничестве. Оно было подписано в 2001 г. на встрече в г. Охрид (Западная Македония). На его основе 13 августа 2001 г. между правительством Македонии и НАТО под покровительством президента страны Бориса Трайковского был подписан Рамочный договор, предусматривавший внесение больших изменений в законодательство для расширения прав национальных меньшинств, прежде всего албанского. Подробнее см.: Рамочное соглашение между Республикой Македонией и НАТО; Клименко 2015, 38–47.

⁴⁴ Božović 09.06.2015.

⁴⁵ Kajošević 19.02.2014; Istrazivanje CEDEM-a: Albanci najviše za NATO 07.10.2014.

⁴⁶ Vlada: Albanaca tek 1,3 odsto u državnoj upravi 30.01.2015.

В 2016 г. некоммерческая организация «Гражданский альянс» объявила результаты опроса, который показал негативную тенденцию в области занятости представителей национальных меньшинств Черногории в органах власти на республиканском и региональном уровне, причем со ссылкой на Министерство по вопросам прав человека и делам национальных меньшинств. Албанцев оказалось только 1,32% (90 человек) от общего числа опрошенных управленцев. На высшем правительственном уровне этнических албанцев было только 2 человека из более чем 100 управленцев. В итоге был сделан вывод о высокой степени дискриминации представителей этнических меньшинств в Черногории, что вызывало их растущее недоверие в государственные институты и увеличивало этническую дистанцию⁴⁷.

Растущая внутривластная напряженность в Черногории приводит к оттоку иностранных туристов (а 80% черногорской экономики зависит от иностранного туризма), к массовой продаже купленной гражданами России в более спокойные годы недвижимости, которая при этом, естественно дешевет, и к массовой же покупке этой недвижимости албанцами, причем не всегда черногорскими. А это, в свою очередь, способствует дальнейшему росту албанского фактора в республике⁴⁸.

Влияние албанских диаспор за пределами Черногории на развитие внутривластной ситуации в стране.

Безусловно, на ситуацию вокруг албанского меньшинства в Черногории влияют соседнее Косово и собственно Албания. Лидер косовского оппозиционного движения «Самоопределение» Альбин Курти еще в 2009 г. говорил о дискриминации албанцев в республике. Набор обвинений был стандартным: недостаточное представительство албанского меньшинства в органах государственного управления вплоть до того, что главный прокурор г. Ульцинь не является этническим албанцем, ущемление албанского языка и культуры, требование для албанских первоклассников обучения родному языку по учебникам из Тираны, предоставления полномочий самостоятельной общины району Тузи, расширение местного самоуправления для Ульциня. Сюда же добавились и обвинения в территориальных претензиях к Косову, часть территории которого в муниципалитете Печ, как считают косовские оппозиционеры, отошла Черногории⁴⁹. В 2013 г. речь шла даже о возможности участия этого движения в политической жизни Черногории с тем, чтобы все албанские партии выработали общую политическую позицию для совместных выступлений на выборах⁵⁰.

В январе 2015 г. заместитель премьер-министра Косова и одновременно министр иностранных дел Косова Хашим Тачи обещал представителям администрации общины Ульцинь и главам албанских политических партий содействие в их желании ввести на территории общины обучение по букварю, принятом в Албании и в Косове в начальной школе. Он подчеркнул, что это уже сделано в Прешевской долине (Сербия). Также была обещана помощь в организации обуче-

⁴⁷ GA (Građanska alijansa): Albanci i druge manjine diskriminisani 04.02.2016.

⁴⁸ Самодуров 26.05.2016.

⁴⁹ Сообщение агентства Танюс 20.09.2009: Kurti: Albanci u Crnoj Gori su diskriminisani.

⁵⁰ Iako ima ovdasnje korijene: Kurti (ni)je dobrodosao 08.06.2013.

ния албанских студентов из Черногории на факультетах университета в Косове⁵¹. Заметим попутно, что еще в марте 2015 г. состоялось совместное заседание правительств Албании и Косова, в результате чего было подписано 11 соглашений в разных областях. Одно из них касалось совместной организации преподавания албанского языка для албанцев, живущих вне границ Албании и Косова⁵².

Албанский президент Буяр Нишани в феврале 2016 г. в г. Драч встречался с лидерами черногорских албанских партий и Национального совета албанцев. На этой встрече обсуждались вопросы, волнующие албанскую общину в Черногории и говорилось о необходимости выработки общей позиции о положении албанцев в стране. Особенно это было актуально в свете предстоявших в октябре 2016 г. парламентских выборов⁵³.

Одним из трудноразрешимых вопросов в черногорско-косовских отношениях является демаркация совместной границы. Проблема возникла сразу после агрессии НАТО в 1999 г., когда размещенные в данном районе подразделения КФОР разрушили дорогу через перевал Чакор, а пограничный столб на 850 м сместили вглубь черногорской территории⁵⁴. Это стало причиной того, что черногорские власти не вводили в эксплуатацию дорогу в направлении г. Печ, в обустройство которой вложили большие средства. Напряженность в этом районе росла с 2009 г., когда участились протесты албанцев из прилегающих к границе районов Косова, утверждавших, что Черногория узурпировала их имущество.

9 октября 2008 г. Черногория признала одностороннее провозглашение независимости края. Многие считали, что это было началом «благодарности» М.Джукановича албанским избирателям за поддержку его сепаратистской по отношению к союзу Сербии и Черногории позиции на референдуме 2006 г. о государственной независимости. Признание Косова было расценено в соседней Сербии как самый большой удар со стороны братской Черногории. В 2015 г. в Вене представители Черногории и Косова подписали соглашение о демаркации совместной границы. Работа в этом направлении шла с 2011 г., но в итоге представители сторон пришли к единому мнению. Черногорская скупщина летом 2016 г. ратифицировала договор о границе, 1 сентября 2016 г. подобная процедура должна была состояться и в косовском парламенте. Однако под давлением демонстрантов, собравшихся перед зданием законодательного органа края, и при отсутствии в зале заседаний депутатов-сербов, которые отказались участвовать в обсуждении этого соглашения из соображений безопасности, вопрос о демаркации границы с Черногорией был снят с повестки дня⁵⁵. Пока косовский парламент так и не ратифицировал соглашение о границе из-за протестов крупнейшей оппозиционной партии Косова «Самоопределение». Европейский союз обусловил либерализацию визового режима для граждан Косова необходимостью, наконец, ратифицировать соглашение о границе⁵⁶.

⁵¹ Vijesti online 17.01.2015.

⁵² Рама: Албанци уједињени преко Европске уније 23.03.2015.

⁵³ U Dracu: Sastanak predsjednika Albanije i predstavnika albanaca 02.02.2016.

⁵⁴ Јоксимовић 31.08.2016.

⁵⁵ Ђурчин 01.09.2016.

⁵⁶ Susret crnogorskog i kosovskog premijera u Albaniji, ne zna se zašto; Сообщение агентства Бета 22.10.2016.

Для албанских оппозиционных партий и групп этот договор оказался неприемлемым, поскольку по нему около 8000 га территории у подножия горы Чакор закрепляются за Черногорией. Радикально настроенные косовские албанцы считают эту землю своей, поскольку, как они утверждают, там находятся их леса, уголья и жилая недвижимость. Черногорская сторона, напротив, указывает на то, что данные об этой собственности зафиксированы в черногорских кадастровых книгах⁵⁷.

Принадлежность данного района той или иной стороне имеет еще и стратегическое значение. Это один из двух удобных пунктов пересечения границы между Черногорией и Косовом и самый короткий путь между материковой Сербией и черногорским побережьем Адриатики. И то, кому он будет принадлежать, очень важно для грядущей расстановки сил в регионе, а также для черногорско-албанских, сербо-албанских и сербо-черногорских отношений.

Одним из истоков разногласий вокруг пограничного вопроса стало то, что Черногория апеллирует к границам между субъектами югославской федерации, закрепленным в конституции СФРЮ 1974 г., а албанцы требуют вернуться к границам, которые существовали между Черногорией и Османской Турцией до 1912 г., то есть до Первой Балканской войны, после которой территория черногорского королевства значительно расширилась⁵⁸. В современных условиях возобладала позиция Черногории, что и вызвало всплеск протестов в Косове. Высказывалось также мнение, что этот участок земли принадлежит Республике Сербии⁵⁹.

Приведем здесь мнение председателя комитета по вопросам контроля за службами безопасности сербского парламента Момира Стояновича, директора Агентства по вопросам военной безопасности (Војно-безбедносна агенција) в 1993–1999 гг. Он рассматривает проблему с ратификацией черногорско-косовского договора в контексте требований по созданию великоалбанского государства. По его мнению, проблема заключается в необходимости интернационализации албанского вопроса в Черногории. В некоторых общинах Черногории, и до того преимущественно с албанским населением, растет рождаемость среди албанцев, увеличивается приток их единоплеменников из Косова и Албании, а строительство и покупка албанцами жилья происходят в Черногории в течение многих лет.

Он предполагал, что Черногория в скором времени столкнется с применением к ней методологии так называемой «специальной войны». Она заключается в вызывании кризиса в той или иной стране с последующим управлением им и разрешении таким образом, чтобы в любой момент можно было бы оживить тлеющий конфликт для достижения ожидаемых результатов заинтересованной третьей стороной. И вопрос о демаркации черногорско-косовской границы является только предлогом для эскалации албанского вопроса в республике. Целью данной стратегии является создание условий для предъявления властям страны требования предоставить территориям с албанским населением какой-то широкой автономии. Как подчеркивал М.Стоянович, власть Мило Джукановича последние 15 лет сохранялась благодаря поддержке боснийских и албанских партий, поэтому страна может столкнуться с большими проблемами, когда речь будет идти о положении

⁵⁷ Јоксимовић 31.08.2016.

⁵⁸ Јоксимовић 31.08.2016.

⁵⁹ Ђурчин 01.09.2016.

албанского меньшинства в Черногории и когда придет время реально выполнять данные когда-то ему обещания⁶⁰.

Первые признаки реализации этого сценария проявились в заявлении так называемой Албанской Национальной Армии (АНА). Ее представители пригрозили начать албанско-черногорскую войну, если намеченная в косовском парламенте на 1 сентября 2016 г. ратификация черногорско-косовского Соглашения о разграничении состоится⁶¹. Это вооруженное формирование является частью реформированной Освободительной Армии Косова, которая воевала в конце 1990-х гг. против подразделений югославской армии и сербских и югославских сил правопорядка.

27 октября 2014 г. в черногорской газете «День» появилось интервью Кочо Даная, албанского историка, директора Центра политического и социального прогнозирования в Тиране и основателя движения «За истинную (Великую) Албанию»⁶² (создано в 2012 г.). Этот материал вызвал большой резонанс в сербских и черногорских СМИ. В нем К. Данай с помощью карты изложил свое видение границ природной (этнической) Албании, охватывающей половину Черногории, юг Сербии, все Косово, половину Македонии и некоторые области на северо-западе Греции (так называемую Чамерию). Он утверждал, что представляет не какую-то маргинальную партию, как считают черногорские власти, а национальное движение албанцев, желающих жить вместе в своем собственном доме, и подчеркивал, что конституция Албании признает законное право албанцев на Балканах объединиться в единое государство⁶³.

Прощупыванием почвы в плане гипотетического создания некоего подобия территориальной автономии в Черногории можно считать выдвинутое в июне 2016 г. албанскими депутатами местного парламента предложение по изменению Закона о территориальном устройстве страны. Оно предусматривало образование новой, двадцать четвертой, общины под названием Малесия-Тузи⁶⁴. Кстати, один из видных албанских политиков Черногории Ник Джелашай в декабре 2016 г. прогнозировал, что это будет реализовано уже к сентябрю 2017 г.⁶⁵

Ульцин с его албанским большинством населения требует расширения своей самостоятельности в рамках местного самоуправления. Предлагаемые изменения своим следствием будут иметь пересмотр черногорской конституции, по образцу македонских событий 2001 г. По мнению аналитиков, это откроет прямой и законный путь для объединения на региональном уровне общин, где большинство населения составляют албанцы, и может превратиться в подготовку к созданию национально-территориальной автономии⁶⁶.

Одним из показателей существующего стремления разыграть в Черногории албанскую карту и заручиться поддержкой албанских избирателей можно считать данное властями в августе 2016 г. разрешение на приезд в Черногорию лидеру экс-

⁶⁰ Ћурчин 01.09.2016.

⁶¹ Ћурчин 01.09.2016; Сообщение агентства СРНА 26.08.2016.

⁶² Движение в оригинале называется «Shqipëria natyrale», в переводе на сербско-хорватский: «За prirodnu Albaniju». Подробнее см.: www.shqiperianatyrale.com.

⁶³ Danaj Kočo [Intervju]. О развитии великоалбанской идеологии см. также: Борозан 1995.

⁶⁴ Территориальной единицы.

⁶⁵ Raičević 26.11.2016.

⁶⁶ Ристић 05.08.2016.

тренистского Движения за объединение албанцев Тахиру Велию для презентации среди соотечественников своей книги о Великой Албании. Это вызвало резкую отрицательную реакцию черногорской оппозиции⁶⁷. На Джукановича возложили ответственность за возможные будущие претензии черногорских албанцев на территориальную автономию. Его также стали обвинять в попытке заручиться голосами албанских избирателей перед грядущими парламентскими выборами. Причем одним из обвинений стали прогнозируемые махинации со списком избирателей. Так, председатель черногорского Движения за перемены и член президиума крупнейшей оппозиционной коалиции на выборах 2016 г. «Демократический фронт», а ныне депутат черногорской скупщины Небойша Медоевич считал приезд Т. Велия накануне выборов и разрешение властей на его выступление перед соотечественниками в Тузи отнюдь не случайными. По его словам, США контролируют всех более или менее видных албанских политиков в регионе. Они имеют ресурсы для вызова кризиса в Черногории через выведение на первый план политической повестки дня албанского вопроса в республике. Начнется ли еще один пожар на Балканах, зависело от исхода намеченных на 16 октября 2016 г. выборов⁶⁸.

Парламентские выборы в Черногории 16 октября 2016 г.

Сразу оговорим, что в данной статье нами не ставится задача проанализировать весь ход предвыборного марафона и результаты выборов в целом. Эта тема требует отдельного исследования. Мы рассмотрим их только в той мере, в какой это требуется для выявления роли албанского фактора в этой балканской стране.

Очередные парламентские выборы стали новым этапом в развитии политической системы Черногории. В них приняли участие 17 политических субъектов – партий, коалиций, групп граждан. За 81 мандат в черногорской Скупщине боролись 1120 кандидатов. За ходом выборов следили более 2600 наблюдателей, из них около 500 зарубежных⁶⁹.

К избирательным урнам из 528817 имевших на этих выборах право голоса граждан Черногории⁷⁰ пришли 388220 человек или 73,41% избирателей⁷¹. Данные о явке избирателей на момент закрытия избирательных участков отличались от окончательных результатов – 380629 человек или 71,98% избирателей⁷². Действительных избирательных бюллетеней оказалось 382706. В парламент попадали только те партии и коалиции, которые получали не менее 3% голосов избирателей. В итоге из 17 участников выборного марафона в парламент прошли только 9. Для партий некоторых национальных меньшинств избирательный барьер в реальности был еще ниже. Те из них, кто в силу своей численности вряд ли когда-нибудь получили бы необходимые 3% от числа действительных бюллетеней

⁶⁷ Ристић 21.08.2016.

⁶⁸ Medojević 21.08.2016.

⁶⁹ Мањине одлучују о Црној Гори 16.10.2016.

⁷⁰ Сообщение Государственной избирательной комиссии Черногории о численности избирателей, внесенных в избирательный список. Оппозиция постоянно обвиняла власти страны в махинациях со списком избирателей, считая, что в него включены фамилии уже умерших граждан.

⁷¹ Konačni rezultate za izbor poslanika u Skupštinu Crne Gore.

⁷² Сообщение Государственной избирательной комиссии Черногории о явке избирателей на выборы 16.10.2016.

(на этих выборах они равнялись 11468 голосам избирателей), в любом случае гарантированно получали квотируемое место в парламенте. Как правило, одно. Так произошло с Хорватской гражданской инициативой, получившей поддержку 0,47% голосов, и с коалицией «Албанцы решительно (1,27%)»⁷³.

В связи с последним замечанием сошлемся на письмо лидера албанской Форцы Назифа Цунгу, разосланное парламентским партиям в апреле 2016 г. В нем автор требовал включить в «Соглашение о создании условий для проведения свободных выборов» положение, согласно которому гарантировалось бы изменение избирательного законодательства от 2011 г. Упомянутое «Соглашение» было подписано между ДПС и некоторыми оппозиционными партиями в парламенте. Этими изменениями должно было быть уменьшено число голосов, необходимых для получения представителями албанцев депутатских мандатов.

Депутат от Албанской альтернативы Ник Джелошай указал в связи с этим, что еще на выборах 2012 г. одно албанское депутатское кресло стоило 6000 голосов, в то время как остальным партиям достаточно было заручиться поддержкой 4000 избирателей для одного депутата⁷⁴.

Правящая ДПС выступала на выборах самостоятельно под лозунгом, который можно перевести как «Твердым шагом!» («Sigurnim korakom! DPS – Milo Đukanović»). В случае успеха М. Джуканович пообещал в течение нескольких ближайших месяцев ратифицировать пригласительные документы НАТО для Черногории и принять положительное решение о членстве страны в этой военной организации. Также ставилась задача интенсифицировать переговоры с ЕС и до конца срока нынешних мандатов завершить их⁷⁵.

После выборов стало ясно, что будущее правительство страны будет коалиционным. Вопрос был только в составе этих возможных коалиций. Хотя социалисты М. Джукановича и завоевали в парламенте 36 мандатов, оставив далеко позади ближайших соперников, не говоря уже о более мелких партиях, этого все равно не хватило для единоличного формирования правительства. Для сохранения власти им нужно было блокироваться с социал-демократами Черногории (2 мандата, образовались в результате трансформации Социал-демократической партии Черногории Бранко Кривокапича, бывшей традиционным партнером ДПС в прошлые годы⁷⁶) и партиями национальных меньшинств (боснийская, албанская и хорват-

⁷³ По результатам переписи 2003 г., в Черногории проживали 6811 хорватов, что составляло 1,1 % населения. Вряд ли при такой численности они получили бы поддержку 11468 избирателей, когда сильны традиции голосовать за «свою» национальную партию: Попис становништва, домаћинства и станова у 2003. Књига 3. Становништво: вјероисповјест, матерњи језик и национална или етничка припадност према старости и полу. Подаци по општинама. Подгорица, новембар 2004, 13. К 2011 г. хорватов стало еще меньше – 6021 человек: Popis stanovništva, домаћинства и станова у 2011. Tabela CG1. Stanovništvo prema starosti i nacionalnoj odnosno etničkoj pripadnosti...

⁷⁴ Rudović 08.04.2016.

⁷⁵ Сообщения агентства МИНА и газеты «Вести онлайн».

⁷⁶ Традиционным партнером ДПС Мило Джукановича на выборах и в структурах власти была Социал-демократическая партия Черногории (СДПЧ (SDP CG), лидер Ранко Кривокапич, на выборах 2016 г. получила 4 мандата). Одним из основателей и заместителем лидера партии был Иван Брајович (Ivan Brajović). В июне 2015 г. он вышел из СДПЧ. На учредительном заседании новой партии «Социал-демократы Черногории» (СДЧ, 31 июля 2015 г.) И. Брајович был избран ее ответственным представителем, а на Первом съезде СДЧ (31 января 2016 г.) – ее первым председателем. После выборов 16 октября 2016 г., на которых СДЧ добила 2 мандатов, И. Брајович избран Председателем Скупщины Черногории. Подробнее см.: Skupština Crne Gore. Об истории СДПЧ и Социал-

ская партии завоевали вместе 4 мандата). Вместе это давало 42 мандата, то есть необходимое большинство для формирования правительства (всего в черногорский парламент избирается 81 депутат). Однако многие аналитики черногорской действительности сомневались в способности правительства в составе ДПС, социал-демократов и партий меньшинств решить поставленные перед страной задачи. ДПС предрекали необходимость идти на большие уступки коалиционным партнерам или в ближайшие 2 года проводить внеочередные парламентские выборы. В связи с этим предполагалась даже возможность создания коалиции с одной из оппозиционных партий⁷⁷.

Самые крупные оппозиционные ДПС коалиции Демократический фронт (ДФ, выступал под лозунгом «Мы или он») и «Ключ» добились 18 и 9 мандатов соответственно. В целом оппозиционные силы завоевали 39 мест в парламенте⁷⁸, а также одержали победу в ряде муниципалитетов Черногории.

Сразу после выборов оппозиция потребовала от генерального прокурора Черногории аннулировать результаты голосования как несвободного и недемократического. Выборы 2016 г. сопровождались серьезными злоупотреблениями, число и размер которых, как считала оппозиция, значительно превосходили подобные явления за всю историю черногорского парламентаризма⁷⁹. Координационный центр сети черногорских неправительственных организаций (Mreža za afirmaciju nevladinog sektora, MANS) сообщил о подаче более сотни заявлений о нарушении избирательного законодательства⁸⁰. В итоге лидеры Демократического фронта были готовы поддержать формирование правительства меньшинства, если в нем не будет ДПС, причем даже без участия самого ДФ⁸¹.

Еще одним немаловажным поводом для требования оппозиции отменить результаты выборов стала пришедшаяся на самый день голосования «попытка» государственного переворота. 16 октября 2016 г. жители Черногории были ошарашены новостью, что власти арестовали 20 граждан соседней Сербии. Их подозревали в намерениях захватить правительственные здания, провокационно стрелять по мирному населению и арестовать премьера Мило Джукановича⁸². Это, по мнению оппозиционных лидеров, сильно повлияло на исход голосования, поскольку в подобных условиях нельзя было сказать, что выборы проводились в спокойной и непредвзятой атмосфере.

Оппозиция потребовала создать специальную комиссию с международным участием по расследованию обстоятельств дела и установлению исполнителей и заказчиков преступления. К тому же возник вопрос, почему в день выборов в сложившейся ситуации экстренно не были созваны заседания правительства, Совета

демократов Черногории (СДЧ, SD CG) см. сайты: www.sdp.co.me/istorijat и www.sdcg.me. См. также: Janković 30.06.2015.

⁷⁷ Kajošević 18.10.2016.

⁷⁸ Konačni rezultate za izbor poslanika u Skupštinu Crne Gore.

⁷⁹ Конфузија Демократског Фронта 17.10.2016; Vijesti. 17.10.2016, Pokušaj državnog udara.

⁸⁰ Vijesti online. Brojne nepravilnosti tokom izbora: Glasalo se uz pritiske i sukobe.

⁸¹ Vijesti online. Predsjedništvo DF: Spremni smo da podržimo manjinsku vladu.

⁸² Jovanović; Vijesti online, DF: Dikić je drug Veljovića i Popovića...; Jovanović, Mihajlović.

по вопросам обороны и Совета национальной безопасности, в то время как премьер М. Джуканович утверждал, что обо всем узнал из СМИ⁸³.

От албанской общины в выборах участвовали три коалиции.

В коалицию «Только с одной целью» («Samo sa jednim ciljem») входили следующие партии: ведущая в коалиции Демократическая партия албанцев (лидер Фатмир Джека), ДСЧ Мехмета Бардзи, Перспектива Амира Холая и Гражданская инициатива, которую возглавляет Васель Сиништай⁸⁴. Первым номером в списке кандидатов шел один из бывших министров по делам меньшинств, градоначальник Ульциня Гзим Хайдинага⁸⁵. Самое интересное, что первое официальное представление этой коалиции избирателям состоялось буквально за две недели до выборов. Она получила 0,8% голосов избирателей и осталась без мандатов.

Вторую албанскую коалицию «Албанцы решительно» («Albanci odlučno») составляли Форца (лидер Назив Цунгу, представитель в парламенте прошлого созыва основатель и заместитель председателя партии Генци Ниманбегу), ДУА (М. Зенка) и Албанская альтернатива (Ник Джелошай). Незадолго до выборов глава коалиции Г. Ниманбегу заявлял в интервью, что ее целью является продвигать политическую платформу, которая защитит интересы албанского народа в Черногории и поддержит евро-атлантическую интеграцию страны.

В основе позиции предвыборного объединения лежала программа защиты основ албанской национальной идентичности: языка, образования и национальных символов. Лозунг избирательной кампании коалиции «Албанцы решительно» подразумевал решимость ее кандидатов бороться за улучшение социально-экономического положения албанцев в Черногории, который живут веками на своей земле. Одной из своих задач коалиция видела прекращение албанской эмиграции и дискриминации албанцев. Для достижения этих целей коалиция была готова сотрудничать с теми партиями в республике, которые разделяют ее цели⁸⁶. Для преодоления разногласий между албанскими политическими партиями лидеры данной коалиции обратились с призывом к официальным лицам Албании и Косова помочь сформировать единый список кандидатов для участия в предстоящих выборах.

К слову заметим, что разобщенность албанских политических сил в Черногории является для них давней проблемой. Еще в период избирательной кампании 2012 г. вставал вопрос о выступлении единой коалицией, однако в конце концов было решено идти на выборы тремя колоннами. Причиной послужило несогласие лидеров албанских партий по поводу того, чья фамилия будет возглавлять коалиционный список кандидатов. Председатель Демократической партии Ф. Джека требовал поставить его на первое место, а глава ДУА М. Зенка предпочитал оставить это место за собой, обвинив другие албанские партии в желании выгнать ДУА из Скупщины вопреки интересам албанского народа. Предложение о едином албанском выступлении на выборах 2012 г. исходило опять от А. Курти. В итоге в тех выборах также участвовали даже четыре албанских списка, каждый из кото-

⁸³ Pokušaj državnog udara 17.10.2016; Dan. 18.10.2016: Lideri antirežimskih snaga juče održali konsultacije u Podgorici. Opozicija ne priznaje izbore.

⁸⁴ Adrović 03.10.2016.

⁸⁵ Adrović 07.10.2016.

⁸⁶ Vijesti online. Albanske partije zajedno na izborima u Crnoj Gori; Nimandegu [Intervju] 19.09.2016.

рых представлял собой коалицию албанских партий и политических организаций – коалиция Форцы и Гражданской инициативы, союз Демократической партии, Албанской альтернативы и ДСЧ, коалиция Партии демократического процветания и ДУА⁸⁷. Четвертый список подала Группа граждан «Албанский молодежный альянс»⁸⁸.

Та же ситуация повторилась и в ходе подготовки к парламентским выборам 2016 г., причем задолго до их непосредственного проведения⁸⁹. Г. Ниманбегу называл албанцев Черногории «конструктивным меньшинством», внесшим ключевой вклад в процесс достижения республикой государственной независимости, но не обладающим достаточным политическим искусством для совместного отстаивания общих интересов⁹⁰. Албанская общественность за рубежом Черногории потребовала от местных политиков объединиться и перед принятием важных политических решений советоваться со своими коллегами из Албании и Косова⁹¹.

Однако демонстрируемое намерение привлечь поддержку единоплеменников, особенно занимающих официальные посты в балканских государствах за пределами Черногории, можно было бы расценивать как организацию вмешательства во внутренние дела страны. Попытки интернационализировать албанский вопрос со стороны албанских политических деятелей продолжились еще одним заявлением Г. Ниманбегу. В интервью газете «Вести» он предупредил, что его коалиция войдет в новое правительство Черногории только в том случае, если международное сообщество будет посредником в этом процессе⁹².

В итоге этот политический блок получил на выборах 0,9% голосов избирателей и добился одного депутатского кресла. Г. Ниманбегу оказался единственным из всех кандидатов от трех участвовавших в выборах албанских политических объединений, кто прошел в черногорский парламент.

Н. Джелашай, третий номер в списке кандидатов в депутаты этой коалиции, конкретизировал албанские требования: создание отдельной общины Малесия (Malesija) с максимальными полномочиями, расширение полномочий других общин, где живут албанцы, принятие Закона о предприятии «Морско добро» в Ульцине. По его мнению, проблему демаркации границы между Косовом и Черногорией должен решать Международный суд⁹³. Уже после выборов он заявил в интервью, что уже к сентябрю 2017 г., самое позднее к 2018 г., Тузи станет полноправной общиной, причем без проведения необходимого референдума. Отметим, что внесение изменений в «Закон о территориальном устройстве страны» предусматривалось специальными соглашениями представителей коалиции «Албанцы решительно» и ДПС не позднее окончания ближайшей весенней сессии черногорского парламента.⁹⁴

Третьей албанской силой на выборах был Демократический союз албанцев Николы Гамая, но он не получил ни одного мандата.

⁸⁷ Kajošević 19.09.2012; Zenka 12.08.2012.

⁸⁸ Сообщение агентства МИНА 22.09.2012.

⁸⁹ Kajošević 06.12.2015.

⁹⁰ Nimanbegu 19.09.2016.

⁹¹ Kajošević 30.11.2015.

⁹² Ниманбегу [Интервју] 09.10.2016.

⁹³ Vijesti online. Albanske partije zajedno na izborima u Crnoj Gori.

⁹⁴ Raičević 26.11.2016; Kajošević 26.11.2016.

От других партий и коалиций в парламент также баллотировались кандидаты-албанцы: Дритан Абазович (*Velika koalicija Ključ*), Никола Гегай (ДПС) и другие.

В итоге новое коалиционное правительство, утвержденное черногорской Скупщиной 28 ноября 2016 г., составила по-прежнему правящая ДПС и партии меньшинств. Хотя М. Джуканович оставил пост премьер-министра Черногории, это место занял его заместитель по партии Душко Маркович. В течение последних 25 лет он занимал различные посты в правительстве Черногории, а непосредственно перед выборами 2016 г. был вице-премьером по политическим вопросам, курировал внутреннюю и внешнюю политику страны, руководил Министерством внутренних дел.

Пост министра по вопросам прав человека и делам национальных меньшинств получил лидер ДУА М. Зенка. Его предшественник Ф. Диноша стал первым послом Черногории в Косове после признания его суверенным государством. Г. Ниманбегу занял пост заместителя председателя парламента Черногории. Все эти назначения однозначно свидетельствуют об увеличении роли албанского фактора в политической жизни Черногории, несопоставимого с численностью самого албанского меньшинства.

Курс на вступление в НАТО, несмотря на протесты населения страны и требование решать подобные вопросы на референдуме, продолжается более интенсивно, двустороннее сотрудничество Черногории и Косова развивается. Вопрос только в том, какую цену придется заплатить черногорскому народу. Какие уступки ему придется сделать ради сохранения мира внутри страны и добрых отношений с теми внешними силами, которые менее двадцати лет назад подвергли его страну бомбардировкам? Причем бомбардировки эти велись в защиту единоплеменников тех, кто сейчас при снизившейся общей численности своего национального меньшинства последовательно добивается расширения территориальных и политических прав уже в самой Черногории?

Более десяти лет назад нам довелось комментировать результаты черногорского референдума о государственной независимости, состоявшегося 21 мая 2006 г. Тогда выход Черногории из последнего югославского объединения был решен буквально несколькими десятками долями процента голосов избирателей. И вклад этот был албанским⁹⁵. Каково же было наше удивление, когда нам попалась заметка с практически таким же названием, но уже по поводу результатов партии М. Джукановича на выборах 2016 г.⁹⁶ В результате политического торга коалиция нескольких партий албанского национального меньшинства, получившая в парламенте 1 (одно!) место, добилась нескольких высших постов в стране.

Прошло 10 лет, а деятельность до недавнего времени бессменного лидера Черногории по-прежнему ассоциируется с пирровыми победами. Видимо, стремление сохранить выбранный политический курс и свои властные полномочия вопреки воле половины населения, в системе ценностей известного балканского политика превалирует над необходимостью сохранения стабильности собственной страны, а его деятельность на посту руководителя Черногории оставляет впечатление намеренного создания зачастую искусственных препятствий на пути созидательного государственного строительства.

⁹⁵ Klimentko 2006.

⁹⁶ Мањине одлучују о Црној Гори 16.10.2016.

Албанские общины в бывшей Югославии в течение последних 25 лет показали себя как сплоченное и дееспособное национально-политическое целое. Прежде всего это касается Косова, где подпольная антиюгославская работа в течение всего XX в. и особенно второй его половины не прекращалась ни на день. Сначала в рамках радикального марксизма, противопоставлявшего отступническому социализму в Югославии, а затем буквально в национально-освободительном «от сербской оккупации» ключе формировалась албанская идеология. Она находила свое выражение и в сфере государственного управления в период СФРЮ, и в общественно-политической сфере в период появления новых независимых государств на Балканах.

С начала 1990-х гг. нелояльность албанского населения Сербии и в меньшей степени Македонии законно избранным властям стала открытой и активной, приобретая облик неприятия того государства, где оно проживает. При этом нередко оказывались нарушенными этнические права других групп населения. Как показал опыт Македонии уже в 2001 г., при этом могут страдать и государства, которые официально не обвинялись в нарушении прав албанского меньшинства. С другой стороны, взрывоопасность именно албанского вопроса на Балканах, что обусловлено и историческими причинами, стала удобным поводом для оказания давления на страны региона извне.

После окончания войны в Боснии и Герцеговине и подписания Дейтонского соглашения в конце 1995 г. положение этнических албанцев в бывшей Югославии вышло на первый план международного внимания. Хотя еще до распада СФРЮ в 1991–1992 гг. американское руководство высказывало властям страны свою озабоченность ситуацией в Косове. С этого периода развернулась работа албанских диаспор в ведущих государствах мира по формированию определенного общественного мнения и соответствующей позиции их правительств. Назовем такие албанские организации в США, как Американский албанский национальный совет и Гражданскую американскую албанскую лигу. Эти структуры всячески способствовали привлечению внимания правительства США к албанскому вопросу, прежде всего в СРЮ, организовывали встречи местных албанских лидеров с ответственными лицами в руководстве страны, проводили общественные кампании.

Подобная деятельность велась местными албанскими общественными организациями в Швейцарии, Германии, Великобритании, Италии. В этих странах существуют мощные албанские диаспоры, как правило, контролирующие доходные виды преступного бизнеса и аккумулирующие в своих руках огромные средства. Часть их направлялась на Балканы для ведения вооруженной борьбы с местными властями. Упомянем и о взимании с албанских рабочих в Европе и Америке части их доходов на те или иные нужды албанских общин в постюгославских государствах. Так финансировались параллельные албанские системы здравоохранения, образования и управления в Косове и Македонии. В сочетании с бойкотом албанцами государственных и политических систем ряда государств, в которых они проживали, это создавало облик угнетенного и преследуемого народа. Целью данной стратегии была интернационализация албанского вопроса по всем Балканам для инициирования международного вооруженного вмешательства, что в итоге и произошло с СРЮ в 1999 г.

Опыт Македонии показал, что согласие властей с албанскими политическими требованиями отнюдь не гарантирует нормализации обстановки. Став вполне законными представителями албанского меньшинства в парламенте страны, бывшие члены Освободительной Национальной Армии (вооруженные отряды, которые в 2001 г. вели борьбу с силами правопорядка и военными в Македонии) выдвигают все новые и новые требования к властям, ущемляющие уже основное население. В начале 2000-х гг. фактически были заложены основы фрагментации македонского общества и преобразования Македонии в македонско-албанскую национальную федерацию. Столкновения в македонском парламенте в 2017 г. по поводу избрания его председателем этнического албанца, причем с нарушением законной процедуры, продемонстрировали, что спустя шестнадцать лет принятые законодательные изменения больше не устраивают крупнейшее этническое меньшинство этой бывшей югославской республики. События в Македонии 2001 г. следует рассматривать как очередной этап в отторжении населенных албанцами районов от независимого государства, которое под угрозой быть обвиненным в нарушении норм международного гуманитарного права оказывается скованным в своих действиях против национального сепаратизма на своей территории.

Косовский опыт продемонстрировал, что и достижение государственной независимости, и международное признание многими ведущими государствами мира не является конечной целью. Мы наблюдаем попытки косовских политиков влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в Сербии и в Черногории, где проживают уже не такие многочисленные албанские общины⁹⁷.

То, что роль албанского фактора в Черногории будет расти, и он будет использоваться в нужные моменты для сохранения внешнеполитического курса страны на все более тесное вхождение в евро-атлантические структуры, причем на предлагаемых внешними силами условиях, несомненно. Также с его помощью легко будет воздействовать на власти республики для продолжения проводимой политики реформ по рецептам всемирных экономических организаций. Албанский вопрос в Черногории является составной частью албанского вопроса в целом на пространстве бывшей СФРЮ. Скоординированное взаимодействие албанских общин Косова, Македонии, Черногории и Албании будет проявляться как инструмент давления на власти пока еще славянских государств бывшей Югославии. Имеющиеся противоречия в самой албанской среде будут находиться под контролем внешних факторов в лице постоянно находящихся на Балканах миссий евро-атлантических структур или же посольств ведущих западных государств с тем, чтобы они не мешали необходимому для достижения общих целей межалбанскому сотрудничеству. Пока не сильно проявляют себя албанские общины на юге Сербии, для решения возникающих проблем в правительстве Сербии уже давно функционирует специальный комитет по делам Прешева, Буяновца и Мед-

⁹⁷ По переписи населения Сербии 2002 г. (данные из Автономного края Косова отсутствуют) албанцев в собственно Сербии проживало 61647 человек, что составляло 0,8% ее населения. Перепись 2011 г. албанцы бойкотировали, поэтому их насчитали только 5809 человек или 0,1%. Массовый отказ от участия в переписи наблюдался в общинах Буяновац и Прешево и в незначительной степени в общине Медведжа, поскольку в этом муниципалитете сербы составляют большинство. По неофициальным оценкам, в целом в этом регионе Сербии в бойкоте участвовало около 34000 этнических албанцев. Подробнее см.: Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији 2013, 21; Маринковић 2013, 3.

веджи. Хватит ли мудрости у руководства Черногории для сохранения мирного и конструктивного развития межнациональных отношений в республике на благо представителей всех проживающих там народов, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуськова, Е.Ю. (ред.) 1992: *Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992)*. М.
- Гуськова, Е.Ю. (ред.) 2008: Рамочное соглашение между Республикой Македонией и НАТО (с Приложениями А, В и С). В кн.: Е.Ю. Гуськова (ред.), *Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы*. Т. 3 (2000–2005). М., 153–169.
- Иванова, Ю. В. 2006: *Албанцы и их соседи*. М.
- Клименко, З.В. 2015: Албанский вопрос в Македонии. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 4, 38–47.
- Dimitrijević, V. (ured.) 2001: *Ljudska prava u Jugoslaviji 2000. Pravo i praksa u Saveznoj Republici Jugoslaviji i međunarodni standardi ljudskih prava*. Beograd. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bgcentar.org.rs/bgcentar/wp-content/uploads/2013/04/ljudska-prava-u-srj-2000.pdf.
- Janetović, Z. 2005: *Deca kareva, pastorčad kraljeva. Nacionalne manjine u Jugoslavije 1918–1941. god.* Beograd.
- Klimenko, Z. 2006: *Pirova pobeda crnogorske demokratije*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mail-archive.com/sim@antic.org/msg29594.html>.
- Мариновић, И. 2013: *Попис становништва 2011. Основне структуре популације Србије Демографски преглед*. Београд, 47, 1–4, www.minrzs.gov.rs/files/doc/porodica/Demografski_pregled/2013/47_Popis_stanovnistva_2011.Osnovne_strukture_populacije_Srbije.pdf.
- Борозан, Ђ. 1995: *Велика Албанија: поријекло – идеје – пракса*. Београд.
- Радусиновић, П. 1978: *Становништво Црне Горе до 1945. године. Општа историјско-географска и демографска разматрања*. Београд.

REFERENCES

- Борозан, Ђ. 1995: *Велика Албанија: поријекло – идеје – пракса*. Београд.
- Dimitrijević, V. (ured.) 2001: *Ljudska prava u Jugoslaviji 2000. Pravo i praksa u Saveznoj Republici Jugoslaviji i međunarodni standardi ljudskih prava*. Beograd, bgcentar.org.rs/bgcentar/wp-content/uploads/2013/04/ljudska-prava-u-srj-2000.pdf.
- Guskova, E. Yu. (ed.) 1992: *Yugoslaviya v ogne. Dokumenti, fakti, komentarii (1990–1992)* [*Yugoslavia in the fire. Documents, facts, comments (1990–1992)*]. Moscow.
- Guskova, E.Ju. (red.) 2008: Ramochnoe soglasenie mezhdu Respublikoy Makedoniei i NATO (s Prilozhenijami A, B i S) [The framework agreement between the Republic of Macedonia and NATO (with Annexes A, B and C)]. In: E.Ju. Guskova (red.), *Albanskiy faktor v razvitiu krizisa na territorii byvshey Jugoslavii. Dokumenty* [The Albanian factor in the development of the crisis in the territory of the former Yugoslavia. Documentation]. Vol. 3 (2000–2005). M., 153–169.
- Ivanova, Yu.V. 2006: *Albantsi i ikh sosedi* [The Albanians and their Neighbours]. Moscow.
- Janetović, Z. 2005: *Deca kareva, pastorčad kraljeva. Nacionalne manjine u Jugoslavije 1918–1941 god.* Beograd.

- Klimenko, Z. 2006: *Pirova pobeda crnogorske demokratije* [Pyrrhic victory of Montenegrin democracy], <https://www.mail-archive.com/sim@antic.org/msg29594.html>.
- Klimenko, Z.V. 2015: Albanskiy vopros v Makedonii [The Albanian question in Macedonia] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod] 4, 38–47.
- Мариновић, И. 2013: *Попис становништва 2011. Основне структуре популације Србије Демографски преглед*. Београд, 47, 1–4, www.minrzs.gov.rs/files/doc/porodica/Demografski_pregled/2013/47_Popis_stanovnistva_2011.Osnovne_strukture_populacije_Srbije.pdf.
- Radusinović, P. 1978: *Stanovništvo Crne Gore do 1945. godine. Opšta istorijsko-geografska i demografska razmatranja* [Population of Montenegro until 1945. General historical-geographic and demographic considerations]. Beograd.

THE ALBANIAN QUESTION IN MONTENEGRO

Zoya V. Klimenko

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 zklimenko@mail.ru

Abstract. During the last 30 years, the Albanian question in the Balkan region has been established as the major issue in the world politics. Became one of the reasons of the Yugoslavian crisis in 1990s, it has already played a role in Serbia and Macedonia, having transformed these states. The article analyzes the new stage of its development, this time in Montenegro. The author highlights the history of the Albanian national question in the former Yugoslavian republic after the breakup of the Socialist Federative Republic of Yugoslavia, as well as examines the current position of the Albanian ethnic minority. Despite the paucity of the Albanian community in that Balkan country (and even gradually decreasing its size), it has a great, fateful, influence on the modern history of Montenegro. Its role became especially remarkable in the period when Montenegro gained full state sovereignty in 2006, and in the next years. The author explores the positions of prominent Albanian politicians, the relationship of the largest national political parties, as well as defines the role of the Albanian community in the structure of the Montenegro society. Great attention is paid to the problem of the influence of neighboring Albania and Kosovo on the development of inter-ethnic relations and overall on the internal situation in Montenegro. A special section of the article is devoted to the analysis of parliamentary elections in the republic, held on October 16, 2016, in a view of participation of Albanian political forces and voters. Their results largely contributed to the accelerated accession of Montenegro to the North Atlantic Alliance in June 2017. The author suggests that in future Montenegro could expect the same changes of the state structure, which have already taken place in neighboring Macedonia. The latter, because of the 2001 crisis, has actually become a national-territorial federation of two nations, and that was achieved by unconstitutional means. In Montenegro, under the pressure of Albanian politicians, a restructuring of its territorial organization is also on the agenda.

Keywords: Modern History, Montenegro, the Albanians, ethnic minorities, national relations, elections, Milo Djukanovich

ЭТНОЛОГИЯ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2017), 335–344
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2017), 335–344
©Автор(ы) 2017

ЖУРНАЛ «ХАН ТЕНГЕР» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА ОЙРАТОВ СИНЬЦЗЯНА

Б.В. Меняев

Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия
bmeyaev@mail.ru

Аннотация. В статье описываются образцы фольклора ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, опубликованные в китайском научно-популярном журнале «Хан Тенгер» с указанием их жанровой принадлежности. Опубликованные образцы фольклорных текстов свидетельствуют о жанровом многообразии устного творчества ойратов, их уникальности и самобытности. Научно-популярный журнал «Хан Тенгер» по сути, является многотомным сборником устного народного творчества ойратов, которые являются одной из ветвей калмыцкого народа, проживающего в России. Автор статьи попытался проанализировать некоторые необрядовые тексты фольклора в сопоставление с калмыцким фольклором и устным творчеством других народов. Тексты необрядового фольклора переложены ойратского «ясного письма» на современный калмыцкий язык и переведены на русский язык.

Ключевые слова: фольклор, Китай, ойраты, жанр, «Хан Тенгер», необрядовые тексты, ясное письмо

Журнал «Хан Тенгер» (1981–1993 гг.) – китайское периодическое издание, посвященное вопросам изучения народной культуры монгольских народов, проживающих на территории Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район, автономный район Внутренняя Монголия). Журнал печатался Народным издательством Синьцзяна (ойр. *Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin xorō*) в г. Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая с 1981 по 1993 гг. Выходил четыре раза в год.

Меняев Бадма Викторович — младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого научного центра РАН.

«Хан Тенгер» – это последнее свидетельство активного бытования «ясного письма» в Синьцзяне. «Ясное письмо» («тодо бичиг», ойратская письменность) было создано в 1648 г. ойрат-калмыцким просветителем, переводчиком, буддийским монахом Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662) на основе уйгуро-монгольского алфавита. Благодаря этой письменности на ойратский язык были переведены практически все основные канонические тексты буддизма, велась официальная переписка трех ойратских государственных образований (Джунгарского, Хошутского и Калмыцкого ханств), зафиксированы законодательные уложения. «Ясное письмо» использовалось в Калмыкии вплоть до 1926 г., в Монголии (среди ойратов западной части страны) – до 1945 г., и среди ойратов Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая оно используется до сих пор. На «ясном письме» издаются газеты, журналы, книги.

В журнале «Хан Тенгер» опубликованы образцы фольклора, письменной и исторической литературы, этнографические и исторические заметки ойратов на «ясном письме», собранные во второй половине XX в. представителями синьцзянской интеллигенции (Хо. Бадай, Т. Джамцо, Ч. Эрнця, Бу. Монке, Дамринжав, С. Баазар, Узмя и др.). Собрание настоящих фольклорных текстов является уникальным. Уменьшение числа носителей ойратского языка, а, значит, фольклорной традиции не позволяет надеяться на то, что в будущем удастся существенно пополнить этот фольклорный материал. В Синьцзяне носителей ойратского языка осталось около 170 тысяч человек. В связи с этим актуальным видится представление уникальности и многообразия устной традиции ойратов Китая, что осуществимо через транслитерацию и перевод фольклорных текстов.

«Хан Тенгер» состоит из фольклорных текстов, скомпонованных по тематическим разделам: *Üliger-in dalai* «Море сказок» (мифы, сказки, легенды, предания и т.д.), *Zang dadyal* «Традиции и обряды» (этнографические заметки, исследования по материальной культуре ойратов), *Jangyar-in sudulal* «Исследования «Джангара» (научные статьи, отрывки из эпоса), *Xur-in dusal* «Капли дождя» (триады, пословицы, загадки и т.д.). Теоретически обоснованная научная классификация по жанрам ойратского фольклора в настоящее время отсутствует, поэтому тематическая разбивка в журнале «Хан Тенгер» проведена условно: легенда может рассматриваться как предание и наоборот и т.п. К некоторым текстам даны предисловия, в которых указаны имена собирателей. При этом нет данных по информантам – сказителям, носителям устной традиции и месту записи.

Образцы фольклора монгольских народов Китая, опубликованные во всех выпусках журнала «Хан Тенгер» автором статьи представлены в виде таблицы формата Excel. В таблице отражена следующая информация: транслитерация названия фольклорного произведения с ойратского языка; перевод на русский язык; жанровая принадлежность фольклорного произведения (миф, легенда, эпос, сказка, восхваления и др.); номер, выпуск, страницы журнала; оригинальность произведения.

ХАН ТЕНГЕР							
База данных «Хан Тенгер» ежеквартального научно-популярного журнала. Издание Народного издательства Синьцзяна (ойр. <i>Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin xorō</i>), г. Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, 1981–1993. В журнале опубликованы статьи и материалы по этнографии и фольклору ойратов Китая на «ясном письме».							
№	Наименование	Перевод	Жанр	год вы-пуска	номер	стр.	оригинальность
1	Arban tabutai Aral Mergen	Пятнадцатилетний Арал Мерген	туули-улигер	1981	1	1	оригинальный
2	Cereq-in sayān xān	Белый хан войска	туули-улигер	1981	1	32	оригинальный
3	Amin ildū	Любимый меч	сказка	1981	1	76	оригинальный
4	Eberēn bütüqsen erdeni sayān uutu	Нерукотворный драгоценный белый мешок	сказка	1981	1	89	оригинальный
5	Mundaq bayani mungxaq köbüün	Глупый сын большого богача	Сказка сатирическая	1981	1	106	оригинальный
6	Xoyiçin köbüün xān suuqsañ-ni	О том, как пастух стал ханом	Сказка сатирическая	1981	1	121	оригинальный
7	Nom medekü ügei noyon	Неграмотный князь	Сказка сатирическая	1981	1	129	оригинальный
8	Xulxayiči xuuliçi-igi mekeleqsen-ni	О том, как вор обхитрил законника	Сказка сатирическая	1981	1	130	оригинальный
9	Xab ügei mergen	Невезучий стрелок	Сказка сатирическая	1981	1	132	оригинальный
10	Sāral sayixan boqşıγo	Красивый серый воробей	Сказка о животных	1981	1	134	оригинальный

Проведенный анализ ойратских фольклорных текстов, опубликованных в журнале «Хан Тенгер», показал, что все произведения по социальной функции можно поделить на две большие группы: обрядовые и необрядовые. Под обрядовыми следует понимать фольклорные произведения, имевшие магическое значение, или произведения, исполняемые в процессе обряда и описывающие его содержание. К ним мы относим: воскурения, призывания, свадебные песни, благопожелания и др. Необрядовые ойратские фольклорные произведения исполняются вне ситуации осуществления ритуала, имеют развлекательный или назидательный характер. К ним мы относим эпос, тууль-улигеры (*bāturlıq üliġer*), восхваления (*maqtał*), мифы (*domoq üliġer*), легенды (*domoq*), предания (*tuuġi*), сказки (*üliġer*), песни (*duud*), малые жанры фольклора (пословицы и поговорки (*züyir cecen üge*), загадки (*onısuyā*), триады, четвериады (*yurbantas, dörböntes*)).

В настоящей статье рассмотрим некоторые образцы необрядового фольклора ойратов Синьцзяна, опубликованные в журнале «Хан Тенгер».

В фольклоре ойратов Синьцзяна есть легенды о древних родовых отношениях, о возникновении народных обрядовых праздников (Цаган Сар «Белый месяц») — их можно объединить в группу генеалогических; а те, в которых повествуется о животных и растениях, можно отнести в группу этиологических легенд.

Этиологические легенды составляют архаический пласт ойратской устной несказочной прозы. Они объясняют происхождение различных животных и птиц, особенности их внешнего вида и повадок, возникновение тех или иных обычаев, примет. В живом бытовании такие легенды рассказываются как ответ на вопросы типа: «Почему произошло?», «Как возникло?», «По какой причине так называется?». Несколько этиологических легенд было опубликовано в выпусках журнал «Хан Тенгер»: «Kümün уауād үлir ideji noхоi уауād šaq idedeq болuqsan bui?» («Почему человек стал есть хлеб, а собака отходы?»), «Mis-in čēji уuundu хarjingnadaq bui?» («Почему кошка храпит?»), «Eljigen уuundu orkilaxu болuqsan bui?» («Почему осел ревет?»), «Takā уuundu sō dunda дуууāradāq?» («Почему петух кричит в полночь?») и др. Между тем наличие в этих произведениях ярко выраженных этиологических элементов позволяет отнести их к объяснительным легендам. Действие легенд начинается с зачина: «Это было давно, когда только на земле появились звери». Животные, как и люди, имеют своего хана и ханшу. Композиция этиологических легенд усложнена. В некоторых из них присутствует мотив трудных задач, характерный для сказок. В этой связи интересен сюжет легенды «Takā уuundu sō dunda дуууāradāq?» («Почему петух в полночь кричит?»)¹: «Давным-давно, когда перья у петуха были очень красивыми, у павлина перья не такими красивыми были, оказывается. Тогда же павлин первым услышал о том, что младшая из семи небесных дев собирается спуститься на землю, чтобы задать пир. В один из дней павлин отправился к петуху и говорит: «Петушок, братец мой! Я должен отправиться в чуждальную страну к хорошим друзьям, чтобы повеселиться с ними. Как я могу поехать в такой одежде, ты одолжи мне, пожалуйста, свою. Сегодня в полночь я верну ее тебе», – сказал павлин. Так, говорят, петух одолжил свою одежду павлину. Павлин облачился в красивую одежду петуха, а свою одежду надел на петуха и отправился на пиршество, устроенное младшей из семи небесных дев. Там он весело пировал и не заметил, как полночь миновала, опомнился павлин только когда начало светать. Он не смог вернуться и отправился в небесную страну с младшей из семи небесных дев. С тех пор, говорят, петух ждет, когда павлин вернет ему красивую одежду, которую одолжил, поэтому он стал кричать в полночь» [перевод Б.В. Меняева].

Данный сюжет поясняет два явления из мира животных: первое – отчего петух кричит в полночь, второе – причину появления у павлина красивых перьев. Персонажами этой легенды являются птицы: петух, павлин. Присутствует в легенде и чисто психологическое описание животных персонажей.

Следует отметить, что данный сюжет весьма распространен в калмыцкой сказочной традиции. Например, в калмыцкой сказке «Эр така тоһстн хойр» («Петух и павлин») павлин также просит у своего друга петуха красивые перья для похода в гости в чуждальную страну. В отличие от синьцзянской версии, в калмыцкой сказке место отправления павлина не уточнено: «Нег дэжэ тоһстн ик хол хэр һазр оржэ гишчд одх зөвтэ болжэ һарна» («Однажды так вышло, что павлин собрался в гости в чуждальную страну»)². Павлин, взяв красивые перья, сказал петуху: – «Кемр би өр цээтл эс ирэд бээхлэм, өрлэ чи намаг дуудад хээкр, кемр үдлэ эс ирэд бээхлэм, асхн ора намаг дууджэ хээкр. Асхн оратад би эркн биш ирхүв»,

¹ Хан Tenggrī 1987, 184.

² Хальмг туульс 1972, 10.

- *гижэ тоһстн эр такад келнэ* («Если я не вернусь к рассвету, то утром ты кричи, если же к полудню не вернусь, то кричи вечером, вызывая меня. Я вернусь поздно вечером»)³. В конце калмыцкой сказки объясняется, отчего петух кричит утром рано, в обед и в полночь: *Тегэд, тер цагас нааран, эр такас өдрт һурв: өрүн өрлэ, үдлэ болн сөөни өрэллэ тоһстниг дуудад, эврэннь сээхн өрвлгэн тоһстнас хэрү авхар седэд, хээкрэд бээдг болихасн. Терүнэс кэлтэ тоһстна өрвлгнэ такан өрвлгэс сээхн болдг болсмн* («Вот почему с тех пор петухи голоса трижды в день: рано утром, в обед и ночью. Кукарекает петух, надеясь вернуть себе красивые перья, которые взял у него павлин. С тех пор перья павлина стали красивее, чем у петуха»)⁴.

В несказочной прозе ойратов Синьцзяна имеется интересный сюжет антропогонического мифа о сотворении человека «*Ėjĭ bāba kĭtĭi keqsen-ni*» («О том, как Эджи-баба сотворил человека»): *Давным-давно в мире случился великий потоп, во всем мире горы, леса, люди и животные, вплоть до свиней и собак, оказались затопленными водой. В то время даже бог-творец, именуемый Эджи-баба, не мог найти себе кров, он, неся на спине свою мать, поднялся на гору Сумеру и там, в пещере, вместе с матерью стал созерцать. Через несколько лет потоп прекратился, земля понемногу затвердела, стали высыхать лужи и почва. На земле, кроме них, никого не было – ни людей, ни животных. Однажды мать Эджи-баба загрустила, она стала обрезать камнем два края шкуры горного барана. Из этих кусочков она сшила две маленькие куклы – человечков. Одному человечку она приделала половой орган, собиралась пришить другому, но в этот момент закончились нитки, и она сказала: «Ну все, хватит». Когда она набивала фигурки глиной, ее сын – бог-творец увидел те две фигурки, почитал заклинания и оживил их. Так появились мальчик и девочка. Эти два живых существа спустились с горы Сумеру и создали семью. У них родились дети, и род их стал разрастаться. От них и берет начало человечество* [перевод Б.В. Меняева].

Легенды о сотворении людей из глины или земли, аналогичные ойратской версии, встречаются у многих народов. К примеру, «в греческой мифологии: людей вылепил из земли и воды Прометей, сын титана Иапета, двоюродный брат Зевса; у народов Африки: верховное божество догонов Амма делает из сырой глины первую человеческую пару; в шумерском мифе о Лахаре и Ашнан: по повелению Намму, матери богов, и Нинмах при помощи других богов, смешав воду и глину, был создан человек»⁵.

Почти во всех вариантах мифа человек создается из глины, а жизнь наполняется божественным дыханием. В представлении ойратов Синьцзяна фигурок из глины оживил бог-творец Эджи-баба (добуддийский персонаж), в калмыцких же вариантах мифа о сотворении человека упоминаются божества буддийского пантеона бодхисатва Манджушри («покровитель мудрости») и Будда Шакьямуни. «*Бурхан-Бакии, впервые спустившись с небес на землю, ехал на лошади. Вскоре он увидел шедшего по берегу человека, который только что был сотворен. Подъехав к нему и поздоровавшись, он понял, что этот человек не имеет разума. Бурхан-Бакии, благословляя его, вдохнул в него через нос и рот душу и разум. Если*

³ Хальмг туульс 1972, 10.

⁴ Хальмг туульс 1972, 10.

⁵ Данилевская 2014, <http://www.proza.ru/2014/05/19/110>.

*этот человек будет жить один, то не будет народа, – подумал Бурхан-Бакии и привел свою дочь, отдав ее в жены тому человеку. У них появились дети, и потомство их размножилось. Так во вселенной зародилось человечество»*⁶.

В журнале «Хан Тенгер» сказки частично разделены по жанрам. Составители обозначили только сказки о животных – «Sāral sayıxan boqşırğ» («Красивый серый воробей»); «Ünegen ba ötöge» («Лиса и медведь»); «Temē, ünegen, čono, bars dörbü» («Верблюды, лиса, волк и барс»); «Xulıuna ünügen-igi mekeleqsen-ni» («Как мышшь лису обманула»); «Doıolong alaı şazayai» («Хромая пестрая сорока») и др. Однако в номерах журнала представлены сказки и других жанров:

– бытовые сказки – «Tabun ejitei tarıun şara köbüün» («Толстый рыжий мальчик, у которого было пять матерей»); «Nusuxai boro marıa abuqsan-ni» («О том, как Нусха Боро выиграл спор»); «Şayāčın köbüün» («Мальчик, собиратель алычковых»); «Opöčın köbüün» («Мальчик-сирота»); «Xarālči lama-in üliger» («Сказка о ламе-проклинателе») и др.;

– волшебные сказки – «Cecen dagini» («Мудрая дакини»); «Māni sayān tüşimel-in erdeni sayān takā» («Драгоценная белая курица Мани Цаган-тушимеля»); «Sidity erdeni» («Волшебная драгоценность»); «Tarbus-in altan üre» («Золотая арбузная семечка»); «Altan-yēr bādaq eljigen» («Осел, испражняющийся золотом») и др.;

– богатырские сказки – «Babuq batur» («Бабуг-батыр»); «Malzan Ulān batur» («Батыр Малзан Улан»); «Bam ulān batur hortu moyoi-du bariqdaqsan-ni» («О том как Бам Улан-батыр поймался ядовитой змее»); «Ere sēr batur» («Эр-сер батыр»); «Yabuıan Mergen» («Йобогон Мерген») и др.

Рассмотрим сказки о животных ойратов Синьцзяна по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка»⁷.

Из раздела «Сказки о животных» (1–299) «Сравнительного указателя сюжетов» с сюжетами сказок о животных ойратов Синьцзяна, опубликованных в журнале «Хан Тенгер», соотносятся сюжетные типы: 20А – «Звери в яме»: *кабан, волк, медведь, заяц, лиса и пр., очутившись в волчьей яме, поочередно пожирают друг друга; последней остается лиса, она выбирается из ямы*. В сказке ойратов Синьцзяна «Temē, ünegen, čono, bars dörbü» (Верблюды, лиса, волк и барс) хитрая лиса поочередно съедает мясо трех своих братьев: верблюда, волка и барса⁸.

В сказке «Sāral sayıxan boqşırğ» («Красивый серый воробей») прослеживается международный сюжетный тип 56А – «Лиса и дрозд (соловей, дятел)». В тексте «Sāral sayıxan boqşırğ»⁹: *Лиса грозит свалить три крепких, как сандал, тополя, сгрызть щавель, выпить всю воду из колодца, перепелка дает красивому серому воробью хороший совет: «Где же твои рога, чтобы, бодая, свалить три крепких, как сандал тополя? Где же твои клыки, чтобы сгрызть весь щавель? Где же твой живот, чтобы выпить всю воду из колодца?» Лисе не удастся заполучить оставшееся единственное яйцо воробья. Лиса мстит перепелке, ей удастся схватить сидевшую под деревом перепелку. Однако находчивой перепелке удастся обмануть лису и избежать смерти*.

⁶ Басаев 2004, 37.

⁷ Бараг, Березовский, Кабашников 1979.

⁸ Хан Tenggrı 1987, 128.

⁹ Хан Tenggrı 1981, 134.

На страницах журнала опубликовано большое количество протяжных песен. Они разнообразны по социальной функции, тематике и объему: обрядовые (свадебные песни – «Soliu deltei xaliun» («Буланый с лохматой гривой»), «Sayiram nuuriyin usun» («Воды озера Сайрам»), «Narin yubi-in zērde» («Рыжко из Нарин гоби»), «Sayaq sayaq sārāl» («Буланый иноходец»), «Narini baḡa šaḡa» («Стройный малый соловый»), «Giškedel sayitai kēre» («Гнедой с красивой поступью»), «Köqšin kēre morin» («Старый гнедой»), «Kenze sayibarkēre» («Осенний бледный гнедой»), «Mingyan juugiin usun» («Воды Минган Джу»), «Cegēken nuur-in köbödü» («Воды прозрачного озера»), «Sayıxan Xangyai-in buıı» («Красивый олень Хангая»), «Töl töl хага» («Гладкий черный»), «Aḡšan bulaq-in usun» («Воды целебного родника»), «Саḡān тохой-in nutuq» («Кочевье Цаган тохоя») и др.), колыбельные песни («Buubuldai-Buubuldai» («Буувлда-Буувлда»)); лирические песни («Xurdun cōxor limbi» («Пестрая лимба»)).

<p><i>Сээрм нуурин усн</i> <i>Сээрм нуурин уснь</i> <i>Салькна-ла аюһар цээлзнэ.</i> <i>Сээхн-ла мелһр тандан</i> <i>Сансн-ла дууһан дуулнав.</i></p> <p><i>Хашаат-хашаатын бүүрт</i> <i>Хамг сээдүднь цуглна.</i> <i>Хамгин толһа танд</i> <i>Үгин товчиг медүлнэв.</i></p> <p><i>Борт-боорт бүүрт</i> <i>Бүгдинтн сээдүд цуглна.</i> <i>Бүгдин толһа танд</i> <i>Үгин товчиг медүлнэв¹⁰.</i></p>	<p>Воды озера Сайрам Воды озера Сайрам Блестят на ветру. Вам, красотой преисполненным, Посвящаю песню.</p> <p>В местности Хашата Собирается вся знать. Вам, главному над всеми, Кратко скажу вам.</p> <p>В местности Борто Собирается вся знать. Вам, главному над всеми, Кратко скажу вам. [Перевод Меняева Б.В.]</p>
---	---

В рассматриваемой песне встречаются топонимы: *Сээрм нур* – «озеро Сайрам» (кит. *Selimi-hu* – название крупного пресноводного высокогорного озера на западе Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, расположенного недалеко от казахстанской границы в горах Борохоро, в 114 км к юго-западу от озера Эби-Нур. Это озеро имеет историческое значение. Здесь пролегал маршрут путешествия великого ойратского просветителя Зая-пандиты, описанный в «Биографии Зая-пандиты» его учеником Раднабхадрой); *Хашаатын бүүр* – «местность Хаша»; *Боорт бүүрт* – «местность Борт».

В журнале «Хан Тенгер» имеется немалое количество исторических песен. Среди них представлен вариант песни о Шуна-батыре «*Нэрн һувин зеерд*» (*Рыжко из Нарин-гоби*).

¹⁰ Xan Tengri 1981, 134.

<i>Нэрн хувин зеерд Нэрн хувин зеерднэ Нааран-цааран цэвнэ. Насн баһта Шунань Наһцнран темцэд урвжэ.</i>	<i>Рыжско из Нарин-гоби Рыжско из Нарин-гоби Порхает в разные стороны. Молодой Шуна Устремился к родственникам по матери.</i>
<i>Хунн шарһ мөрнь Хуян цокм шаңхгта. Хульжң-ла бичкн Шунань Наһцнран темцэд урвжэ.</i>	<i>Трехгодовалый соловый конь С длинной гривой, которая бьет крупу. Своенравный молодой Шуна Устремился к родственникам по матери.</i>
<i>Дөнн шарһ мөрнь Дөрәһән цокм шаңхгта. Дөрмкэ бичкн Шунань Наһцнран темцэд урвна.</i>	<i>Четырехлетний соловый конь С длинной гривой, которая бьется о стремя. Разгоряченный молодой Шуна Устремился к родственникам по матери.</i>
<i>Хунын күзүн һаңзата, Хурц көк тэмктэ. Хургин ахлач Шунань Наһцнран темцэд урвна.</i>	<i>С курительной трубкой, мундштук-лебедь, С крепким табаком. Глава собрания Шуна Устремился к родственникам по матери.</i>
<i>Ценин күзүн һаңзата, Цел көк тэмктэ. Цергин ахлач Шуна Наһцнран темцэд урвна¹¹.</i>	<i>С курительной трубкой, белый аист, С очень крепким табаком. Глава войска Шуна Устремился к родственникам по матери. [Перевод Меняева Б.В.]</i>

Песни о Шуна-батыре очень распространены среди монгольских и других народов: у калмыков России («Чон-Баатыр» («Чоно-батыр»), «Шон-Баатр» («Шоно-батыр»), «Цастын цаһан уул» («Снежно-белая гора»)); у бурят («Шоно батор» («Шоно-батыр»)); у захчинов Западной Монголии («Нарийн говийн зээрд» («Поджарый гобийский рыжий»)); у алтайцев («Шуну»)), у киргизов и казахов («Сны бытырь», «Суну-Матыр»). В бурятском варианте песни «жизнь Шоно батора предстает цельной историей с обязательной концовкой. Судьба героя прослежена от рождения до смерти, причем воспроизводятся все основные повороты в его судьбе»¹². Последние годы жизни Шуна-батора отражены в калмыцко-ойратских вариантах песни (1725–1732 гг.). «Считается, что песня о Шуна-батыре, личность которого до сих пор представляет загадку, появилась среди калмыков (ойратов) в России в начале XVIII в. Главный герой песни о Шуна-батыре наделен чертами богатыря. У ойратов вообще принято величать титулом “баатар” (“богатырь”) храбрых воинов, отличившихся в борьбе за родную землю. Шуна-батыр в одиночку разбил войско маньчжуров, когда его брат, Галдан-Церен, позорно бежал. Интригуя, последний оклеветал своего брата, чем вызвал гнев отца – джунгарского хана Цеван-Рабдана»¹³.

¹¹ Хан Tengri 1990, 51.

¹² Тулохонов 1973, 143.

¹³ Омакаева 2016, 401.

В ойратской песне Шуна-батыр на *рыжско* из *Нарин-гоби* направился к калмыкам на Волгу, родственникам по матери. Дядей по матери (ойр. *наһи*) ему приходился калмыцкий правитель Аюка-хан (1672–1690 гг.). В песне указан возраст Шуна-батыра: *наһи баһта Шунань* (молодой Шуна), *хульжэң-ла бичкн Шунань* (Своенравный молодой Шуна), *дөрмкэ бичкн Шунань* (разгоряченный молодой Шуна); социальный статус: *хургин ахлач Шунань* (глава собрания Шуна), *цэргин ахлач Шуна* (глава войска Шуна).

В калмыцком варианте песни («Заһлма хурдн боран унад» («Седлав сивого, быстрого [словно] кобчик»)) при изображении Шуна-батыра широко используются эпитеты: *Огтрһуднь хадгсн / Олднь дүүсгн Луузң нертэ Шоно билэ / Цеңгднь цэргсн / Цең цоохр шовун / Цэргтнь дүүрсгн Луузң нертэ Шоно* (В небе образовавшееся / Громоздкое белое облако / Это был известный многим Шоно по имени Луузанг / Плавно летающая / Бело-пестрая птица / В армии прославившийся Шоно по имени Луузанг)¹⁴.

Итак, описание образцов устного народного творчества из журнала «Хан Тенгер» показывает неоднородность жанрового состава фольклора ойратов Синьцзяна. В силу определенных исторических, географических особенностей сохраняется значительный пласт жанров, характеризующихся архаичностью (*bätürliq üliqer, bätürliq tuuli, maqtāl, aradiyin duud, yöröl, onisuyā, züyir cecen üge*). Образцы ойратского фольклора, представленные в журнале «Хан Тенгер», выбрали в себя четкость и организованность народного языка, точность и меткость его структуры, простоту и естественность бытовой, разговорной речи людей. В ойратской сказочной традиции основы сюжетов сказок о животных «*Sāral sayixan boqşırqo*» («Красивый серый воробей») и «*Temē, ünegen, čono, bars dörbü*» («Верблюд, лиса, волк и барс») сохранили общую международную структурную основу, которая обогащалась и поддерживалась благодаря культурным контактам, что закономерно для мирового фольклора. В дальнейшем предстоит более тщательный анализ фольклорных жанров Синьцзяна, сравнительное изучение разных вариантов, существующих у разных этносов и субэтносов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бараг, Л.Г., Березовский, И.П., Кабашников, К.П. (ред.) 1979: *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*. Л.
- Басаев, Д.Э. 2007: *Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания*. Элиста.
- Данилевская, С. 2014: *Легенды о происхождении человечества. Обзор*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/05/19/110>
- Омакаева, Э.У. 2016: Тема миграции и антропотока в монголоязычном песенном фольклоре: на материале ойратских и калмыцких исторических песен о Шуна-батаре и Убаши-хане. В сб.: В.И. Колесник (ред.), *Великие евразийские миграции*. Элиста, 401–404.
- Тулохонов, М.И. 1973: *Бурятские исторические песни*. Улан-Удэ.

REFERENCES

- Barag, L.G., Berezovskiy, I.P., Kabashnikov, K.P. 1979: *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka* [Comparative index of stories. East Slavic tale]. Leningrad.

¹⁴ НА Калм. НЦ РАН. Ф. 5. ОП. 2. ЕД.ХР.118.

- Basaev, D.Je. 2007: *Sem' zvezd. Kalmytskie legendy i predaniya* [*Sevan Stars. Kalmyk legends and traditions*]. Elista.
- Danylevska, S. 2014: *Legendy o proiskhozhdenii chelovechestva. Obzor* [*Legends about the origin of humankind. Review*]. <http://www.proza.ru/2014/05/19/110>
- Omakaeva, E.U. 2016: *Tema migratsii i antropotoka v mongoloyazychnom pesennom fol'klore: na materiale oyratskikh i kalmyckikh istoricheskikh pesen o Shuna-batore i Ubashi-hanekhe* [*The theme of migration and antroflow in Mongolian folk songs: the Oirat and Kalmyk historical songs about Shauna Bator and Ubashi Khan*]. Elista, 401–404.
- Tulokhonov, M.I. 1973: *Buryatskie istoricheskie pesni* [*Buryat historical songs*]. Ulan-Ude.

THE JOURNAL «KHAN TENDER» AS A SOURCE OF STUDY OF XINJIANG OIRATS' FOLKLORE

Badma V. Menyayev

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
bmeyayev@mail.ru

Abstract. The article deals with the samples of folklore of the Oirats of Xinjiang Uyghur Autonomous region of China, published in Chinese popular scientific journal “Khan TenGer” with an indication of their genre affiliation. Published examples of folklore texts demonstrate genre diversity of the oral tradition of the Oirats, their uniqueness and identity. The popular science journal “Khan TenGer” in fact, is a multi-volume collection of folklore of the Oirats, who are one of the branches of the Kalmyk people in Russia. The author analyses some non-folklore texts in comparison with the Kalmyk folklore and oral creativity of other peoples. The non-folklore texts were paraphrased from Oirat “clear letter” into the modern Kalmyk language and translated into Russian language.

Keywords: folklore, China, Oirats, genre, «Khan Tenger», non-routine texts, clear letter

КРЯШЕНЫ ТАТАРСТАНА: РЕЛИГИЯ И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

И.В. Севастьянов

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
rushd-al@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия религиозной и этнической идентичности у представителей двух этнографических групп кряшенской этноконфессиональной общности, а именно молькеевской (Кайбицкий р-н Республики Татарстан) и заказанской (Пестречинский р-н Республики Татарстан). В статье рассматриваются особенности исторического формирования двух названных этнографических групп и анализируется влияние этих особенностей на современную этническую идентичность и религиозное самосознание в их современной среде. Выводы статьи основаны в том числе на статистических данных анкетного опроса, проведенного автором в 2006 г. среди кряшенского населения указанных районов, а также на углубленных интервью и общих полевых наблюдениях. В работе показана специфика проявления этнической идентичности у кряшен рассматриваемых этнографических групп, различия во взаимодействии этнического и конфессионального у представителей каждой из них, взаимодействие с этническими соседями кряшен обоих районов. Делается попытка прогнозирования перспектив дальнейшего бытования этнокультурной идентичности кряшен РТ обеих рассматриваемых локальных групп, влияние на этот процесс общей ситуации в республике в сфере межэтнических и межнациональных отношений.

Ключевые слова: кряшены, татары, этническая идентичность, религиозное самосознание, православие, ислам

Вопрос об этническом самоопределении кряшен как народа в значительной степени связан с их конфессиональной принадлежностью, во многом определяющей их культурное своеобразие и отличительность на фоне татарской лингвистической общности Волго-Уральского региона. В этом отношении кряшены близки к таким этноконфессиональным группам, как, например, эстонцы-сету, болгары-помаки, боснийские мусульмане, хемшилы, аджарцы и некоторые другие сообщества сходного типа, так или иначе представленные на востоке Европы и в некоторых сопредельных регионах. Для всех подобных этнических (этноконфессиональных) сообществ так или иначе характерно «переходное» положение между разными культурно-историческими массивами. Это, в свою очередь, порождает немало споров об этническом («национальном») статусе названных сообществ,

Севастьянов Иван Владимирович – соискатель Института этнологии и антропологии РАН.

специфика которых определяется, прежде всего, их религиозной принадлежностью. Ярким примером тому служат кряшены, чье этническое самоопределение продолжает оспариваться гласно и негласно в самом Татарстане на официальном уровне: это особенно ярко проявилось во время всероссийской переписи населения 2002 г.

Между тем, новый оборот кряшенская проблема в Татарстане приняла после произошедших в декабре 2013 г. поджогов православных церквей (все эти церкви были из числа недавно восстановленных, и в них велись богослужения) в нескольких кряшенских селениях, расцененных республиканской прокуратурой как террористические акты¹. Практически никто не сомневается в причастности к этим поджогам радикальных исламистов, действующих на территории РТ уже не один год. В данном случае теракты в виде поджогов, направленные против ряда кряшенских приходов, можно рассматривать как прямую агрессию по отношению к Православной церкви как таковой. Так, раньше, в начале 2000-х гг., имели место протесты «Иттифака» и ТОЦ против строительства православной церкви в Набережных Челнах, попытки поджога, открывавшегося там кряшенского прихода; а со стороны части мусульманского духовенства раздавались призывы обратить кряшен «обратно в ислам»². Но при этом не отмечалось случаев прямого насилия или злостного вандализма на почве религиозной или национальной нетерпимости, а Татарстан приводился как пример мирного и толерантного сосуществования людей разных вер и национальностей. Между тем, именно радикальный исламизм в настоящее время может стать угрозой для мирного и спокойного существования кряшенских православных общин Татарстана и, более того, межрелигиозных отношений во всей республике.

На фоне подобного рода инцидентов (поджоги и попытки поджогов церквей) следует ожидать обострения чувства этнической и религиозной обособленности у кряшенского населения республики, в особенности, надо думать, у наиболее верующей его части. И это, в свою очередь, может способствовать усилению взаимного отчуждения православной и мусульманской общин внутри татарской языковой общности волго-уральского региона, что вряд ли можно считать благоприятной тенденцией. По этой причине актуальным будет изучение современной этнорелигиозной идентичности представителей кряшенского населения Татарстана и его взаимоотношений с иноэтничными соседями, традиционно исповедующими как ислам, так и православие.

Чтобы лучше понять локальные особенности проявления религиозной и этнической идентичности указанных этнографических групп молькеевской и заказанской, попытаемся представить общую картину их исторического формирования. Особо следует сказать, что большинство кряшен проживает на территории РТ. В некоторых соседних регионах есть районы их компактного расселения. Имеются кряшенские селения в Республике Удмуртия. Особую локально-этнографическую группу составляют кряшены Бакалинского района Республики Башкортостан. Заказанскую этнографическую группу кряшен (наиболее многочисленную) специалисты рассматривают как наиболее старую, начало ее формирования относят к

¹ Независимая газета 02.12.2013.

² Соколовский 2002, 62.

XVI в.³ Кроме того, существуют елабужская, чистопольская группы; к ним также нередко добавляют и мензелинскую группу (в ином случае мензелинских кряшен рассматривают как часть восточно-заказанских).

Во многом особняком здесь стоит молькеевская этнографическая группа кряшен, о специфике которой будет сказано ниже. Что касается кряшен, живущих на территории Пестречинского района, то их обычно относят к примешинской (от реки Меша) этнографической локальной подгруппе заказанских кряшен.

Современный этнокультурный ландшафт Пестречинского р-на (западное Заказанье) составляют мусульманско-татарский, кряшенский и русский компоненты. По словам местных старожилов-кряшен, никто из них «и не видел» здесь удмуртов или чувашей. Здесь издавна преобладало татарское население, мусульманское по большей части. К этому следует добавить, что особенности традиционной культуры кряшен Заказанья (соответственно и кряшен Пестречинского района) ныне воспринимаются в качестве эталона кряшенской народной традиции как таковой.

Своеобразие этнографической группы молькеевских кряшен связано, в том числе, и с историческими особенностями формирования этнической карты района их расселения. Территория нынешнего Кайбицкого р-на издавна была зоной активных межэтнических контактов предков современных татар и чувашей. В духовной и в материальной культуре молькеевских кряшен прослеживается значительное влияние соседних чувашей-анатри (группа *хирти*). В прошлом, по свидетельству источников, этноним «чуваш» употреблялся молькеевскими кряшенами как самоназвание⁴. Почти каждый местный житель может припомнить в своем роду чувашских предков. Кроме того, не исключено участие в формировании молькеевских кряшен и мишарского компонента⁵.

Здесь следует отметить, что, по-видимому, название «кряшены» в прошлом обычно не распространялось на группу молькеевских кряшен, которые соседнему татарско-мусульманскому населению были известны под именем «чувашей». В прошлом, как отмечает Д. Исхаков, часть предков молькеевских кряшен обозначались в качестве «новокрещеных татар», а другая их часть в качестве «новокрещеных чувашей»⁶. Таким образом, можно говорить, по крайней мере, о двух (чувашском и татарско-мусульманском) религиозно-этнических компонентах в истории формирования кряшен Кайбицкого района. Еще в недавнем прошлом (конец XIX в.) этноним «чуваши» бытовал среди молькеевских кряшен отчасти даже в качестве самоназвания. При этом подобное обозначение в отношении данной группы кряшен нередко употребляется татарами-мусульманами и поныне. Об этом неоднократно сообщали мне сами жители «крещено-татарских» деревень Кайбицкого района⁷. Кроме того, предки молькеевских кряшен относились к числу «новокрещеных инородцев», поскольку они приняли православие только в XVIII столетии.

³ Баязитова 1986, 5.

⁴ Износков 1893, 14.

⁵ Исхаков 1993, 12.

⁶ Исхаков 1993, 6.

⁷ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Молькеево.

В свою очередь, пестречинские кряшены, предки которых были из числа «старокрещеных татар», сохраняли многие языческие верования даже в XIX в. В то же время за относительно долгий период времени (XVI – начала XX в.) они успели воспринять многие христианские представления, которые стали органично вплетаться в их старые верования. Судя по всему, именно приверженность «старокрещеных» к своим исконным обычаям и традициям способствовала их постепенному усвоению православия и меньшей восприимчивости к мусульманскому влиянию со стороны своих мусульманских соседей⁸. Тут сказывалось и отсутствие влияния на их традиционный жизненный уклад исламской догматики, что особенно отличало «старокрещеных» от татар-мусульман.

Во многом это сказывается и сейчас на самоидентичности и духовных традициях потомков «старокрещеных». К примеру, представители старшего поколения жителей Кряш-Серды и сейчас нередко называют себя «чиста кряшен» (чистый кряшен(ка))⁹. В прошлом этот эпитет применялся к кряшенам, сохраняющим приверженность своим языческим верованиям и обрядам. Отметим, что в Кряш-Серде до сих пор совершают моление «*курбан буткасы*», отмечают Нардуган (праздник, близкий к русским святочным играм, проводившийся в период между Рождеством и Крещением), что говорит о большой степени сохранности дохристианских традиций и их воспроизводстве в настоящее время. При этом сезонные летние моления («*курбан буткасы*»), сопровождающиеся ныне христианской атрибутикой (иконы, кресты), воспринимаются местным населением как сугубо «свои», «христианские».

В этой связи следует отметить, что в постсоветский период религиозная и, соответственно, во многом культурно-бытовая отличительность кряшен от татар-мусульман во многом стала причиной и своеобразным символическим ресурсом для требования ряда кряшенских организаций признания за кряшенами статуса отдельного народа. В частности, появилась точка зрения, согласно которой предки кряшен были христианами уже в Средние века. Об этом немало написано в сочинениях журналиста и историка-энтузиаста М. Глухова, пытавшегося связать историю кряшен с племенем кераитов, существовавшим в XIII столетии и, возможно, исповедовавшим христианство несторианского толка¹⁰. Подобного рода изыскания, по-видимому, подхваченные некоторыми из активистов кряшенского движения, должны были служить цели добиться признания кряшен как отдельного народа, имеющего свою особую историю и культуру, со стороны российского общества и государства. Надо сказать, что представители локальной группы кайбицких (молькеевских) кряшен оставались в стороне от названных процессов «этнического возрождения» и в их среде не наблюдалось и не наблюдается какого-либо активного движения за свое национально-культурное самоопределение в качестве особого этнического сообщества, обладающего собственной идентичностью.

В настоящей статье наше внимание будет сосредоточено на проблеме взаимодействия этнической и религиозной идентичности у представителей кряшенского населения РТ на примере двух различных этнографических групп кряшен: зака-

⁸ Исхаков 2014, 66, 67.

⁹ ПМА 2006, РТ, Пестречинский р-н, с. Кряш-Серда.

¹⁰ Глухов-Ногайбек 1993, 195–210.

занской (на примере кряшен Пестречинского района) и молькеевской (Кайбицкий район). Кроме того, будет рассмотрен вопрос о роли религиозного фактора во взаимодействии кряшен с соседними этническими группами (татарами-мусульманами, чувашами, русскими).

Выводы, представленные в этой статье, основываются главным образом на полевых материалах автора, собранных путем анкетного опроса во время экспедиционных выездов 2005 и 2006 гг. Исследовательская работа велась в селениях Кряш-Серда, Янцеваы, Кибячи, деревнях Толкияз, Колкомерка Пестречинского района и населенных пунктах Кайбицкого района: селах Молькеево, Старое Тябердино, Большое Тябердино, деревнях Баймурзино, Янсурино (официально – село Янсуриновское) и селе Хозесаново. Все перечисленные населенные пункты в этническом отношении практически однородны. Во всех них кряшены составляют абсолютное большинство. Прежде всего, это относится к Пестречинскому району. В районе проживания молькеевских кряшен имеется заметный чувашский этнический компонент. В настоящее время по-прежнему наблюдается процесс ассимиляции представителей чувашского народа в местной «крещено-татарской» среде (преимущественно благодаря этнически смешанным бракам). Как правило, в данном случае уроженцы кряшенских сел берут в жены чувашек. Как свидетельствуют мои собственные полевые наблюдения, в этом случае нередко смена последними своей чувашской этнической идентичности на кряшенскую¹¹. Есть и примеры смешанных браков между татарами-мусульманами и кряшенами (опять же, муж – кряшен, жена – татарка-мусульманка)¹². В некоторых подобных случаях имеет место даже смена религии и, соответственно, переход в православие (когда женщина татарско-мусульманского происхождения, выходя замуж за местного, становится православной под влиянием изменившейся этноконфессиональной среды).

Молькеевские кряшены, как уже упоминалось, соседствуют с чувашами, также православными по вероисповеданию. Так, в соседнем с Хозесаново этнически смешанном селе Турминское есть православная церковь, где регулярно ведутся службы, в том числе на «кряшенско-татарском» (церковный вариант языка кряшен), а также на чувашском языках. От жителей некоторых других «крещено-татарских» сел Кайбицкого района можно услышать, что, мол, хозесановское население отличается большей религиозностью по сравнению с ними самими. В свою очередь, некоторые уроженцы Хозесаново отзываются о религиозной ситуации в своем селе в таком духе: «У нас тут вообще мало, кто особо верующий; это если только заболит или, скажем, уже совсем в старости – тогда да, будет все это исполнять, как церковь указывает»¹³. Кроме того, ни в одном из кряшенских сел Кайбицкого района сейчас нет постоянно действующей церкви.

По словам кряшенского православного священника о. Дмитрия (Сизова), в селе Хозесаново еще в середине XX в. имелась небольшая группа «кряшен-мусульман», «совмещавших» ислам с некоторыми «чувашскими» языческими верованиями. В настоящее время их потомки, из числа молодого или среднего поколения, под влиянием православного большинства стали принимать крещение.

¹¹ ПМА 2006, РТ, Кайбицкий р-н, с. Большое Тябердино.

¹² ПМА 2006, РТ, Кайбицкий р-н, с. Молькеево.

¹³ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Хозесаново.

Особое своеобразие этнокультурному облику «крещено-татарских» деревень Кайбицкого района придает издавна проживающая в селе Старое Тябердино небольшая группа кряшен-язычников, «некрещеных кряшен», происхождение которой до сих пор остается неясным и во многом загадочным¹⁴. Также до конца не ясны и истоки их верований. Кроме того, кряшены-язычники есть и в соседнем селении Камылово (выселок из Старого Тябердино).

Что касается кряшенского населения Пестречинского района, то здесь ситуация с церковными приходами несколько иная. Существует мнение, что кряшены Пестречинского района в целом считаются не столь религиозными по сравнению с кряшенами Нижнекамского или Мамадышского районов. Между тем, постоянно действующая церковь в честь Святителя Николая (служба на «татарско-кряшенском» языке), открывшаяся в 2006 г., ныне есть в Кряш-Серде. Когда еще не была построена церковь в Кряш-Серде, верующим из близлежащих кряшенских сел в случае известной необходимости (основные православные праздники, обряды, таинства) приходилось ездить в Казань, где находится главный кряшенский церковный приход, храм в честь Тихвинской иконы Божьей Матери (в просторечье Тихвинская церковь).

С целью изучения особенностей этнического и религиозного самосознания кряшенского населения двух названных этнографических групп нами был принят анкетный опрос в перечисленных выше селениях Кайбицкого и Пестречинского районов РТ. Всего в обоих районах было опрошено 180 человек в возрасте от 18-ти лет, постоянно либо временно проживающих в данных населенных пунктах. В частности, были предложены вопросы об их отношении к религии, этническом самосознании, посещении церкви и пр.

Примечательно, что большинство из опрошенных (78% из всей совокупности участвовавших в опросе) мною респондентов назвали себя, так или иначе, верующими людьми. При этом среди кряшен пестречинской группы верующих оказалось несколько больше (85% от всех опрошенных в Пестречинском районе), чем среди кряшен молькеевской группы (72% от всех опрошенных в Кайбицком районе). Колеблющихся от общего числа – 8,5%; в первой группе – 5%, во второй – 12%. Во второй (молькеевской) группе было на 6,5% больше безразличных к религии и на 3,5% больше неверующих. В то же время 94% из всех опрошенных причислили себя к православным (приблизительно одинаковая доля в обеих группах). Можно предположить, что подобная ситуация отражает роль религии как, прежде всего, маркера этнокультурной принадлежности представителей кряшенского сообщества, отличающего их от татар-мусульман. Несколько человек из опрошенных нами назвали себя просто «христианами» и верующими по-своему. Мусульманином назвал себя лишь один человек из числа молькеевской группы.

Таким образом, конфессиональная («православная») идентичность у подавляющего большинства представителей обеих исследуемых групп прослеживается со всей очевидностью, несмотря на то, что принадлежность к «православию» в этом случае не всегда соответствует причислению себя к категории верующих людей. Те же, кто предпочитали называть себя просто «христианами», все равно считали, к примеру, необходимым держать дома в красном углу православные иконы.

¹⁴ Исхаков 1993, 5.

«Без икон нельзя, грех», – поясняли они¹⁵. К тому же все кряшенское население рассматриваемых районов отмечает одни и те же православные праздники (Пасха, Рождество, Троица, Петров день), независимо от уровня религиозности и личного отношения к религии. Т.е. все это стало органической частью этнокультурной традиции кряшенского населения и прочно укоренилось в его образе жизни. Между тем, среди представителей двух рассматриваемых этнографических групп кряшен религиозное самосознание по-разному соотносится с этнической идентичностью, что будет проиллюстрировано ниже.

Характерно, что большинство пестречинских кряшен выбрали для себя непосредственно кряшенскую идентичность (72%), то есть назвали себя именно кряшенами «по национальности», а из молькеевских кряшен таких было только 16%. Большинство из них предпочли назваться «татарами» или «крещеными татарами» (45,5%). Но здесь нельзя не учитывать того факта, что выбор респондентом «кряшенской национальности» может в то же время сочетаться с другими идентичностями (скажем, татарской).

Большинство пестречинских кряшен заявило, что кряшены ближе к русским, чем к другим народам (84%); среди молькеевских кряшен согласных с этим утверждением оказалось 62%. Очевидно, что здесь играет роль именно близость вероисповедания, а, кроме того, особенности расселения и соседства пестречинских кряшен. Нельзя забывать и о том, что среди кряшен Пестречинского района процент верующих людей все-таки оказался большим, равно как и процент регулярно посещающих церковь и знающих некоторые православные молитвы (это будет проиллюстрировано ниже), а ведь именно православие, нередко называемое здесь «русской верой», было названо главной чертой, сближающей кряшен с русскими. Для молькеевских кряшен, в свою очередь, играет большую роль близкое соседство с чувашами, родственные связи с ними, память о чувашских предках. Впрочем, как уже говорилось, высокий процент выбора русских как наиболее «близкого» этноса характерен для обеих групп. Важными факторами такого выбора, судя по всему, выступают конфессиональная принадлежность (86% среди представителей пестречинской и 82% среди представителей молькеевской группы заявили, что с русскими их роднит, прежде всего, религия), в наибольшей степени сближающая кряшен с русскими, и ориентация на русский язык многих респондентов. При этом было замечено (на уровне выявленной в ходе обработки анкетных данных статистической связи), что та точка зрения, согласно которой с русскими кряшен больше всего сближает именно религия, была больше всего характерна для лиц женского пола.

Между тем, уровень знания основных молитв и частота посещения церкви, согласно данным опроса, оказались весьма невысокими. Во-первых, что касается посещения церкви, то из пестречинских кряшен около 7% постоянно посещают церковь (каждое воскресенье и по главным праздникам), среди молькеевских – только 1%. С другой стороны, среди молькеевских кряшен оказалось больше тех, кто посещает церковь только по основным праздникам (24%), что объясняется близостью расположения церкви. Среди пестречинских кряшен таких оказалось только около 10%. Впрочем, тех, кто посещает церковь нерегулярно, как придется,

¹⁵ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Хозесаново.

оказалось, опять же, больше среди пестречинских кряшен (57%); среди молькеевских – только 46%. По всей видимости, это связано с тем, что как раз в 2006 г. в селе Кряш-Серда была построена постоянно действующая церковь, благодаря чему посещать храм для многих здешних прихожан стало значительно проще.

Респондентам был задан вопрос о знании ими православных молитв. В результате оказалось, что 52% из всех опрошенных не знали наизусть никаких православных молитв, а около 27% из общей совокупности знали некоторые молитвы не полностью, причем среди пестречинских таких было на 11% больше. Еще 2% от общей совокупности заявили, что если и молятся, то «по-своему». Кроме того, обработка данных нашего опроса показала наличие заметной связи между знанием молитв респондентами и их полом: в целом, женщины знают молитвы лучше, чем мужчины.

Основным языком чтения молитв у пестречинских кряшен был назван именно «кряшенский» (43%), и лишь около 5% молькеевских назвали таковым свой язык молитвы. Для последних таковым языком выступает именно «татарский» (54%). Некоторое количество опрошенных (около 27%) из молькеевской группы употребляют в этом случае, по их словам, как «русский и татарский», так и «русский и кряшенский» (видимо, различия между татарским и «кряшенским» языком не проводится). В пестречинской группе сходное восприятие языка молитвы было отмечено у 7%. Русский в качестве основного языка молитв назвало примерно равное количество людей из обеих групп (около 15%). Таким образом, на этом примере мы ясно видим, что само восприятие языка, употребляемого для молитвы, сильно различается у верующих людей из двух исследуемых этнографических групп. Наибольший процент назвавших свой язык «кряшенским» среди пестречинских кряшен говорит о выраженном этническом самосознании, проявляющемся и через религиозную жизнь.

Соблюдающих регулярно посты из обеих групп в целом оказалось только 2%, соблюдающих отчасти – уже более 20%. Причем здесь нами отмечается связь соблюдения (отчасти) постов респондентами с их полом. В основном, соблюдение постов распространено среди женской половины населения кряшенских селений обеих групп. Всего 77% от всех опрошенных нами, по их словам, никаких постов не соблюдали вообще. В обеих рассматриваемых группах таковых оказалось примерно одинаковое количество (соответственно 74 и 80%). Что касается соблюдения постов членами семей респондентов, то и здесь процентное соотношение оказалось примерно таким же. Так, к примеру, только 3% из всей совокупности респондентов заявили о соблюдении «всех» православных постов членами своих семейств. В остальном, все здесь выглядело совершенно аналогично вышеприведенным цифрам.

Кроме того, в пестречинской группе, согласно данным опроса, в религиозном обиходе большее предпочтение отдается церковной литературе на «кряшенском» языке (53%). Всего же, следует здесь отметить, имеется подобная литература дома у 45% опрошенных из обеих групп. При этом среди молькеевских кряшен отдается равное предпочтение как церковной литературе на русском языке (38%), так и аналогичной литературе на «кряшенском» (те же 38%). Среди пестречинских кряшен, согласно данным опроса, лишь около 25% пользуются религиозной литературой на русском языке.

Языком православного богослужения регулярно посещаемого церковного прихода для 77% кряшен Пестречинского р-на является только «татарский» или, по их словам, «кряшенский». Меньшее количество (16%) посещает приход со службой на русском языке. Всего 7% сказали, что ходят в церкви со службой как на татарском, так и на русском языках. Среди молькеевских такой приход, где идет служба только на «татарском» («крещенском»), посещает лишь 5% опрошенных. Еще 15% из числа молькеевских кряшен назвали языком своего церковного прихода «крещенско-татарский» в сочетании с чувашским и русским. Еще больше (20%) в этой группе было тех, для кого языком церковной службы был исключительно русский язык. Больше половины (54%) в молькеевской группе посещали приход только с чувашским и русским языком. И только 6% – исключительно с чувашским. То, что большинство представителей молькеевской группы отметили одновременно русский и чувашский языки церковной службы, говорит лишь о том, что большинство верующих из их числа посещает церковь в близлежащем селе Турминское. В здешней церкви служба ведется и на чувашском, и на «русском», а иногда и на «кряшенском» языках. К тому же, судя по общему настрою респондентов-кряшен из Кайбицкого района, для них не столь уж важно, на каком именно языке ведется служба в посещаемом ими церковном приходе. Русский (в данном случае скорее церковно-славянский) и чувашский языки воспринимаются как одинаково приемлемые наравне с родным татарским языком.

Довольно высок процент высказавшихся за открытие кряшенского церковного прихода в обеих группах – почти 91%, причем среди пестречинской группы – 95%, в молькеевской – 87%.

Показательными оказались данные, выявленные в ходе опроса по поводу отношения респондентов к браку их близких родственников с людьми другого (не-кряшенского) этнического происхождения. Характерно, что против браков с татарами-мусульманами высказались 14% в обеих группах, что оказалось наиболее высоким количественным показателем в этом случае, поскольку процент отрицательно отнесшихся к браку с представителями других национальностей был явно ниже. Между тем, тех, кто в этом случае предпочел бы человека другой («нетатарской») национальности, хотя и не стал бы возражать против подобного выбора родственников, оказалось больше среди пестречинских кряшен (21% против среди 5% молькеевцев). Вполне возможно, что и здесь играет роль прежде всего фактор конфессионального различия между «крещенами» и татарами-мусульманами. Показательно на этом фоне, что против браков с русскими высказались только 2% из всех опрошенных. Несколько больше, причем именно из числа молькеевских кряшен, высказались против браков своих родственников с чувашами (9%) – поясним, что этот вопрос был адресован только кряшенам Кайбицкого района.

Очевидно, что причина подобного процентного соотношения коренится именно в конфессиональном различии между кряшенами и татарами-мусульманами. По-видимому, различие религиозного характера оказывается в данном случае решающим (несмотря на языковую общность кряшен и татар-мусульман). При этом около 2% из пестречинской группы заявили, что к бракам с русскими относятся особенно хорошо (несмотря на разницу в языке). Впрочем, несмотря ни на что большинство (около 70%) из всех опрошенных отметили, что национальность при заключении брака значения не имеет.

В целом, следует сделать вывод, что на материале данного опроса и полученных количественных результатов мы можем выявить взаимосвязь между религиозным самосознанием и этнической идентичностью у представителей двух этнографических групп кряшен. Во-первых, среди кряшен Пестречинского р-на более высокий уровень проявления религиозности соответствует выраженному кряшенскому этническому самосознанию. Очевидно, что по этой же причине подавляющее число респондентов из пестречинской группы назвали русских в качестве наиболее близкого к кряшенам народа (84%). Между тем, почти половина (50%) из упомянутой группы назвала также и татар в числе наиболее близких к кряшенам народов. Главной причиной тому, как неоднократно поясняли сами респонденты, является общность языка у кряшен и татар-мусульман. Об этом, в частности, заявили 84% опрошенных из группы пестречинских кряшен. Главной же культурной чертой, сближающей кряшен с русскими, как и ожидалось, было названо общее вероисповедание (86% от всех опрошенных первой группы).

Кроме того, некоторая часть всех опрошенных из пестречинской группы в качестве наиболее близких к кряшенам национальностей, наряду с русскими и татарами, назвали также чувашей (10%) и удмуртов (около 1%). По всей видимости, здесь опять же сказывается единство религии, а также сходство многих народных традиций и обычаев у тех, и других. «Мы кряшены у всех понемногу что-то берем», – так объясняли нам некоторые из жителей Кряш-Серды¹⁶.

Для молькеевских кряшен русские и чувашаи оказались примерно на одном уровне близости по отношению к ним («крещеным») (соответственно 62% и 56%). Здесь, очевидно, играют роль родственные связи с чувашами и близкое соседство с ними. Иная картина у кряшен пестречинской группы объясняется этническими особенностями района расселения (исключительно русско-татарское окружение). Что же касается русских, то здесь главную роль, по всей видимости, сыграла близость религии. Почти, как и в первом случае, 83% опрошенных из Кайбицкого района заявили, что с русскими их сближает именно религия. Кроме того, главным фактором, сближающим их с чувашами, местные жители «крещено-татарского» происхождения опять же назвали религию (74% от всех опрошенных из молькеевской группы).

Таким образом, мы видим, что в обоих случаях выбор наиболее «близкой» (в культурном и этническом плане) национальности зависит от конфессионального фактора, который одинаково действовал как у первой (в отношении русских), так и у второй (в отношении как русских, так и чувашей) группы. Главным сближающим признаком в отношении татар-мусульман применительно к обеим этнографическим группам кряшен оказалась общность языка.

Явная двойственность и некоторая размытость этнического самосознания у представителей молькеевской группы объясняется, в том числе, и историческими причинами, о которых упоминалось выше. Здесь играет роль и память о мусульманских предках, о чувашских предках, так же, как и нынешние, широко бытующие, родственные связи с соседним чувашским населением. По словам одного из респондентов (с. Молькеево), в прошлом у многих местных жителей были «домашние» мусульманские имена (к примеру, Акрам), о которых не распространя-

¹⁶ ПМА 2005, РТ, Пестречинский р-н, с. Кряш-Серда.

лись среди чужаков¹⁷. До сих пор в ряде местных сел почитаются старые мусульманские кладбища (села Хозесаново, Ст. Тябердино).

В то же время жители Молькеево могут показать специально огороженный участок земли на перекрестке двух сельских улиц, где в прежние времена стояла православная церковь¹⁸. Среди самих молькеевских кряшен определенное распространение ныне получила версия о принятии их предками крещения «от Ивана Грозного», что особенно парадоксально с исторической точки зрения, поскольку хорошо известно, что предки молькеевских кряшен относились к числу «новокрещенных» (т.е. крестившихся и принявших православие уже в XVIII в.). В свою очередь, для кряшен Заказанья (если говорить о более-менее активно интересующихся историей своего народа), напротив, более характерно представление о древних истоках формирования «кряшенского этноса», «изначально» исповедовавшего христианство. С другой стороны, от представителей молькеевской группы можно услышать высказывание такого рода: «Мы просто привыкли к православной вере, и какой смысл все это менять» (с. Молькеево). Или же считают, даже памятуя о своих мусульманских предках, что в нынешнем религиозном окружении надо придерживаться той религии, «в которую здесь все верят» (слова жителя средних лет из села Хозесаново)¹⁹.

Попытаемся подвести итоги и сделать выводы из приведенных здесь сведений и материалов. Главной проблемой, которая здесь рассматривалась, было взаимодействие религиозного и этнического компонентов этнокультурной идентичности кряшенского населения двух указанных районов РТ. Анализ данной проблемы проводился на основе данных, полученных в ходе анкетного опроса, непосредственных наблюдений, отчасти и углубленных интервью. Основным выводом здесь можно считать то, что для этнической идентичности представителей двух рассматриваемых этнографических групп кряшен фактор религиозной принадлежности имеет неодинаковое значение. В двух разных этнокультурных контекстах сама религиозная идентичность по-разному проявляет себя, хотя речь и идет о двух близкородственных группах, формально принадлежащих к одной этноконфессиональной общности. Это я и попытаюсь проиллюстрировать ниже.

Начнем с того тезиса, что если в случае с кряшенами пестречинской группы (как, по-видимому, и в случае с другими группами кряшен Заказанья) большая укорененность в религиозной традиции, как правило, сопутствует выраженному кряшенскому этническому самосознанию, то в случае с молькеевской группой фактор религиозной принадлежности действует по-другому. В среде пестречинских кряшен, судя по нашим опросам и подсчетам, наблюдается тенденция к усилению выраженности особого этнического самосознания в зависимости от уровня религиозности. По всей видимости, для людей более религиозных, как правило, характерна и более четкая «кряшенская» этническая (или этноконфессиональная) идентичность. Об этой закономерности я могу судить на основании собственных общих полевых наблюдений во время полевых выездов в Республику Татарстан в 2001 г., 2005 г., 2006 г. и 2016 г. К тому же нельзя забывать и о влиянии представителей православного духовенства кряшенского происхождения на подопечную

¹⁷ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Молькеево.

¹⁸ ПМА 2006, РТ, Кайбицкий р-н, с. Молькеево.

¹⁹ ПМА 2005, РТ, Кайбицкий р-н, с. Хозесаново.

им паству, преимущественно состоящую из единоплеменников. Огромную роль в деле возрождения в Татарстане кряшенских приходов и общем оживлении религиозной жизни в среде кряшен сыграл о. Павел (Павлов), настоятель Тихвинской церкви в Казани. Кряшенскую духовную миссию при Казанской епархии сейчас возглавляет о. Дмитрий (Сизов), родом из чистопольских кряшен, ведущий службу в церкви села Кряш-Серда.

Надо сказать, что к тому же выводу приходит на страницах своей монографии «Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России» этнолог-религиовед О.Е. Казьмина, указывая на наличие четкого особого этнического самосознания у кряшен Заказанья, сильнее всего выраженного у более религиозных представителей кряшенского народа²⁰. В данном случае О.Е. Казьмина ссылается на данные полевого опроса кряшенского населения РТ во время экспедиции кафедры этнологии МГУ 2001 г. Поскольку мне самому довелось принимать участие в указанной экспедиции, приведу здесь в качестве сравнительных данных некоторые результаты собственных этнографических наблюдений в кряшенских деревнях Мамадышского, Тукаевского, Нижнекамского районов РТ. Так, к примеру, отличающееся особой религиозностью население села Большие Аты (именно здесь был открыт один из первых кряшенских приходов уже в постсоветское время) также продемонстрировало сильную приверженность к идее «кряшенства» и своей этнокультурной самобытности. Все местные жители из числа опрошенных нами назвали себя кряшенами «по национальности», и никак иначе²¹. Подобного рода тенденция была отмечена нами и в других кряшенских селениях указанных районов. Православная религия и соответствующие ей бытовые традиции и обряды, как правило, осознавались респондентами кряшенского происхождения как главная культурная черта, отличающая их от остального татароязычного (преимущественно мусульманского) населения.

Весьма показательно, что, несмотря на примерно один и тот же процент (в обеих рассматриваемых здесь этнографических группах) лиц, назвавших себя «православными», собственно «верующих» среди пестречинских кряшен оказалось заметно больше, как это было показано выше. Кроме того, количество постоянно посещающих церковь среди пестречинских кряшен оказалось больше в процентном отношении, чем среди молькеевских. Также в первой группе было больше соблюдающих посты и заметно больше предпочитающих церковную литературу на «кряшенском языке». Последняя особенность еще не свидетельствует об уровне религиозности как таковом, но доказывает укорененность в своей этноконфессиональной традиции и предпочтение «своего» языка (т.е. налицо тенденция называть свой родной татарский язык «кряшенским»).

Немаловажно отметить, что более религиозные люди, по моим наблюдениям, были более отрицательно настроены по отношению к бракам своих родственников с татарами-мусульманами. Следовательно, здесь прослеживается определенная зависимость брачных предпочтений от фактора религиозных различий между кряшенами и татарами-мусульманами. В то же время насчет возможных браков своих родственников с русскими некоторые респонденты из первой группы отзывались особенно положительно. Здесь опять же речь идет о более религиозных

²⁰ Казьмина 2009, 153.

²¹ ПМА 2001, РТ, Нижнекамский р-н, с. Большие Аты.

людях, причем преимущественно пожилого возраста. По-видимому, для придерживающихся православной традиции кряшен становится актуальным представление о себе как о народе, наиболее близком к русским (благодаря общности религии), но со своим, «кряшенским», языком и некоторыми своеобразными обычаями. Нельзя не учитывать и то, что в сознании кряшенского населения (особенно людей пожилого возраста) закрепилось представление, что татары – это непременно мусульмане, в отличие от православных кряшен. В свою очередь русские воспринимаются как народ одного с кряшенами вероисповедания и по этой причине более близкий к ним.

В свою очередь, для людей не особенно религиозных, но считающих себя патриотами своего (кряшенского) народа, доказывающих его древность, самобытность и т.п. может быть характерна тенденция все больше осознавать себя православными. Но в данном случае религиозная принадлежность будет лишь важным компонентом этнокультурной идентичности, в той или иной степени сближающей индивида с другими представителями своего народа. Такого рода процесс не может не способствовать стремлению многих представителей кряшенского сообщества к этническому самоопределению в качестве отдельного от татар народа с особой традиционной культурой, в значительной степени определяемой православием.

Специфика проявления этноконфессиональной идентичности молькеевских кряшен заключается в совсем ином характере связи между религиозным и, собственно, этническим самосознанием представителей названной локальной группы. Первый вывод, достаточно осторожный, – это отсутствие явной взаимосвязи между уровнем религиозности и этнической идентичностью (т.е. в данном случае известная православная набожность не определяет большую выраженность особого этнического самосознания); второй вывод – православное вероисповедание в данном случае только отделяет молькеевских кряшен от татарско-мусульманской этнической общности, но не способствует формированию специфической, определенно выраженной «кряшенской» идентичности. Религиозная отличительность молькеевской группы кряшен на фоне основного татарского этнолингвистического массива, по-видимому, способствует только ее внутреннему обособлению, но не сближает с остальными кряшенами РТ. Здесь, в частности, подразумевается тенденция к определенной консолидации на основе общей этнокультурной и религиозной идентичности, условно обозначаемой как «кряшенство».

Можно предположить, что причиной тому являются сохранившиеся воспоминания о мусульманском прошлом (об этом напоминают старые мусульманские кладбища на территории селений, запечатлевшаяся в местном фольклоре память о сельских мечетях), являющиеся одной из основных исторических причин сравнительно слабой и неопределенной выраженности у молькеевских кряшен специфического кряшенского этноконфессионального самосознания. Определенную роль здесь, вероятно, сыграл также чувашский этнический компонент и сильное влияние чувашских народных верований, обусловленные тесным соседством с чувашами. Очевидно и то, что вышеприведенные факторы опосредованно оказывают влияние на отношение представителей молькеевской группы к современному кряшенскому движению в целом. Явная индифферентность молькеевских кря-

шен в вопросе об этническом самоопределении кряшен Татарстана определяется названной неопределенностью и размытостью их этнической идентичности, обусловливаемой особенностью формирования их локального сообщества. Особую роль здесь играет описанный выше характер исторической памяти (которая может иметь в большей или меньшей степени осознанный характер) представителей местных сельских сообществ. Свою роль здесь играет и территориальная обособленность от других локальных групп кряшен, проживание в татарско-чувашском регионально-этническом пограничье.

Более того, в среде молькеевских кряшен мне приходилось даже сталкиваться с каким-то настороженным отношением к выраженным проявлениям последовательной религиозности (или иначе православной воцерковленности). «Здесь если будешь, скажем, посты все соблюдать, в церковь ходить, как полагается часто, то остальные решат: это, мол, очень грешная женщина, раз все в церковь ходит и молится», – так отзывалась об этой ситуации одна жительница средних лет из Старого Тябердина²². Не могу со всей точностью сказать, характерно ли подобное отношение к «церковной» религиозности для жителей остальных кряшенских селений Кайбицкого района. Но, по-видимому, весьма небольшой процент (меньший, чем в пестречинской группе) более или менее «воцерковленных» уже говорит сам за себя.

Возможно, слабая связь между православным вероисповеданием и этнической самоидентификацией (в данном случае довольно размытой) объясняется исторически наблюдавшейся конфессиональной неустойчивостью в этом районе татарско-чувашского пограничья. Подобная неустойчивость, видимо, связана с наличием перечисленных выше этнокультурных факторов: смена мусульманства, с одной стороны, а с другой стороны чувашского язычества православным христианством, соответственно, татарскими и чувашскими предками молькеевских кряшен. Таким образом, влияние исторической и родовой памяти на этническую и конфессиональную идентичность в настоящем контексте остается важным и актуальным вопросом.

Совсем другого рода ситуация у кряшен пестречинской группы. Можно с осторожностью предположить, что именно органическое наслоение христианства на старые верования способствовало формированию у представителей рассматриваемой группы устойчивого этноконфессионального кряшенского самосознания. Немаловажно и то, что в данной этнокультурной среде (кряшенские селения Пестречинского р-на) какие-либо следы исламского влияния практически не прослеживаются.

Этнологии как науке давно известно, какое огромное влияние оказывает та или иная религия на образ жизни исповедующих ее групп людей (в том числе и этнических групп). Это влияние отражается как на бытовом укладе, так и, в наибольшей степени, на этнокультурной идентичности и самоидентификации носителей какой-либо конкретной религиозной традиции. Например, говоря здесь о кряшенской тематике, следует отметить тот факт, что именно православное вероисповедание резкой чертой отделило кряшен от татар-мусульман. Это разделение выразилось в этнокультурном облике кряшенского населения, включая как быто-

²² ПМА 2006, РТ, Кайбицкий р-н, с. Старое Тябердино.

вую культуру, так и их групповую самоидентификацию, не говоря уже о духовных воззрениях. В то же время несомненно, что в XX в. произошли коренные изменения в жизни народов нашей страны, коснувшиеся в равной степени как татар-мусульман, так и кряшен. Хорошо известно, что эти изменения способствовали стиранию многих культурных барьеров и различий в бытовом укладе, связанных с религиозной традицией. Кроме того, общая секуляризация всей сферы культуры также была налицо. При этом данный процесс одинаково касался как мусульманских, так и православных общин Татарстана.

С другой стороны, в постсоветские годы, когда наблюдалось довольно быстрое возвращение религии в различные сферы общественной жизни, вновь актуализировалась и религиозная идентичность, а также ее связь с этническим самосознанием. Этот факт, в частности, подтверждается данными наших анкетных опросов и общими этнографическими наблюдениями в среде кряшенского населения из разных районов республики Татарстан. При этом сама религиозная идентичность не всегда связана с уровнем религиозности как таковой, а определяется во многом фактором этнокультурной принадлежности (т.е. в данном случае тем, что можно условно назвать «кряшенством»). Тем не менее характер и особенности проявления этнокультурной принадлежности могут существенно варьироваться в пределах одной (что в данном случае, скорее, условно) этноконфессиональной группы. Данный фактор оказывает влияние и на специфику религиозной идентичности, в двух рассматриваемых здесь случаях по-разному взаимодействующей с этнической идентичностью представителей интересующих нас этнографических групп кряшен.

Между тем, упомянутые коренные изменения, произошедшие в советский период нашей истории, плюс длительный опыт мирного совместного сосуществования разных народов, исповедующих разные религии, на территории Среднего Поволжья способствовали формированию вполне толерантных и добрососедских взаимоотношений между представителями местных этнических сообществ. Видимо, благодаря этому и в постсоветский период истории здесь не наблюдалось какого-либо открытого межэтнического или межрелигиозного противостояния. Реальную опасность для межнациональных отношений в регионе, чему свидетельством в Татарстане стали недавние поджоги православных церквей, сейчас представляет радикальный исламизм, чьи адепты пытаются посеять вражду и взаимное недоверие между последователями ислама и христианами. При этом особую неприязнь у них, по-видимому, вызывает православное христианство, утвердившееся в среде кряшен, народа татароязычного, но исповедующего иную религию, чем преобладающее большинство татар.

Учитывая все вышеприведенные данные, можно предположить, что в перспективе процессы этнического самоопределения и самоидентификации будут проходить у представителей молькеевской и заказанской групп кряшен неодинаково. Для первых характерно индифферентное отношение к проблемам кряшенского самоопределения и оторванность от современного кряшенского движения в целом, общее принятие «крещено-татарской» (или просто татарской) идентичности. И эта ситуация в ближайшем будущем, по-видимому, не претерпит заметных изменений. В свою очередь среди заказанских кряшен сейчас можно отметить скорее рост этнического самосознания, выражающегося и через особый этноним

(кряшен(ка)). Это подтверждается данными нашего анкетного опроса, согласно которому подавляющее большинство опрошенных пестречинской (заказанской) группы назвали себя кряшенами «по национальности». При этом отмечается значительная роль религиозного фактора в тех этнических процессах, которые наблюдаются в среде кряшен заказанской группы.

ЛИТЕРАТУРА

- Баязитова, Ф.С. 1986: *Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении*. М.
 Исхаков, Д.М. 1993: Молькеевские кряшены: проблемы формирования. В сб.: Д.М. Исхаков (ред.), *Молькеевские кряшены: Сборник статей*. Казань, 4–18
 Исхаков, Р. 2014: *Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начала XX вв.)*. Казань.
 Казьмина, О.Е. 2009: *Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России*. М.
 Износков, И.А. 1893: *Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края*. Вып.2. М.
 Соколовский, С. В. 2004: *Кряшены во всероссийской переписи населения 2002 года*. М.

REFERENCES

- Bayazitova, F.S. 1986: *Govory tatar-kryashen v sravnitel'nom osveshenii* [*Dialects of the Tatar-Kryashens: the comparative analysis*]. Moscow.
 Iskhakov, D.M. 1993: Molkeevskie kryasheny: problemy formirovaniya [Molkeev Kryashens. Problem of ethnic forming]. In: D.M. Iskhakov (ed.), *Molkeevskie kryasheny: Sbornik statey* [Molkeev Kryashens. Collected articles]. Kazan, 4–18
 Iskhakov, R. 2014: *Ocherky istorii traditsionnoy kultury i narodnoy religioznosti tatar-kryashen (XIX – nachala XX vv.)* [Tradition culture and folk religiousness of the Tatar-Kryashens. Historical essays (from the 19th to beginning of the 20th century)]. Kazan.
 Kazmina, O.E. 2009: *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov e novaya religioznaya situatsia v Rossii* [Russian Orthodox Church and recent religious situation in Russia]. Moscow.
 Iznoskov, I.A. 1893: *Materialy dlya istorii khristyanskogo prosvescheniya inorodtsev Kazanskogo kraja*. [Materials on historical research of Christian education of native peoples of Kazan Province]. Vip. 2. Moscow.
 Sokolovskiy, S.V. 2004: *Kryasheni vo vserossyskoy perepisi 2002 goda* [The Kryashens in 2002 Russian general census of population]. Moscow.

THE KRYASHENS OF TATARSTAN: RELIGION AND PROBLEM OF ETHNIC SELF-DETERMINATION

Ivan V. Sevastyanov

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 rushd-al@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of interaction and interrelation between ethnic and confessional identity of the Kryashens, a Turk-language ethno-confessional community of

Volga-Ural region. The Kryashens belong to Orthodox denomination, but speak Tatar language. The author examines two different local groups of the Kryashen ethnic community: Molkeevo and Zakazanskaya (outside-Kazan) groups. Every group has its own history of formation as well as specific ethno-confessional history that has influenced on their contemporary ethnic identity (ancestors of Mokeevo Kryashens belonged to “novokreshenye inorodzhi” (newly baptized Christian foreigners), ancestors of outside-Kazan Kryashens to “starokryashenye”).

The author analyzes the phenomena of contemporary identity of these two groups of the Kryashens and the interaction of ethnic and religion consciousness in their surroundings. The Kryashens of Zakazanskaya group have the distinct Kryashen ethnic identity that differ them from Molkeevo Kryashens, whose ethnic identity is very indeterminate. The confessional consciousness of Zakazanskaya Kryashens has a significant influence on their ethnic identity, that greatly hold on affiliation to Orthodox denomination.

In this article an attempt to forecast the subsequent development of further existence of ethnic and cultural identity of the Kryashens both local groups in Tatarstan is made and the influence of the general situation in the Republic in the sphere of inter-ethnic relations on this process is analyzed.

Keywords: the Kryashens, the Tatars, ethnic identity, religion consciousness, Orthodox Christianity, Islam

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТОПОНИМОВ И ЭТНОНИМОВ «КАЛМАК» НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

И.И. Дремов

Областной центр экологии, краеведения и туризма, Саратов, Россия
iid57@yandex.ru

Аннотация. В ономастиконе Руси XVI в. и в топонимике Поволжья, Южного Урала, Казахстана нередко встречаются монгольские корни, а также имена и названия «Калмак». В составе родов, имен и географических названий Южного Урала, Юго-Западной Сибири, Казахстана и Поволжья имеют широкое распространение топонимы с корнем «Калмак» и названия монгольского происхождения. Приводятся источники, в которых свидетельства о калмаках в Поволжье и восточнее Волги предшествуют появлению здесь ойрат-калмаков в XVII–XVIII вв. Имеются многочисленные упоминания о калмаках к востоку от Волги предшествующего времени в источниках XV–XVI вв. Есть основания считать, что потомки Золотой Орды – калмаки сохраняли монгольские традиции, языческую религию и, возможно, язык. Язычники калмаки могли сохраняться вдали от столичных центров и оставить свой след в топонимии и этнонимии Башкортостана.

Ключевые слова: калмаки, ойраты монголы, топонимы, антропонимы, этнонимы, Урал, Поволжье, XV–XVI вв.

В этническом составе основных групп башкирского народа, описанном и изученном Р.Г. Кузеевым, есть крупное объединение «калмак», в состав которого входят родовые подразделения кара-калмак и аюка-калмак¹. Родовые подразделения «калмак» имеются также почти во всех крупных племенных объединениях:

- юрматы – в составе родов тальтим, татигас;
- бурзяты – в составе родов бурзян, мунаш, ногай бурзян, ямаш, янсары, янса;
- усерган, муйетен – в составе родов сураш, усерган;
- тангаур, тунгаур, дунгаур – в роде тунгаур;
- тамьян – в родах башай, куян, мулют, мясагут;
- кыпсак – в родах ак-кыпсак, бушман-суун-кыпсак, кара-кыпсак, карагай-кыпсак, кыпсак, сэнкем-кыпсак;
- ай, айле – в родах каратавлы, табынмазар, сарт-айле, ай, айле;
- кудей – в роде шайтан-кудей;
- дуван – в роде дуван;

Дремов Игорь Иванович – кандидат исторических наук, археолог областного центра экологии, краеведения и туризма Саратовской области.

¹ Кузеев 1974.

- кокшсы;
- сызгы, сыскы;
- упей;
- катый – в родах инзер-катый, узгун-катый, бала-катый, улу-катый, кара-катый, ялан-катый;
- сынрян – в родах аю-сынрян, кидрас, сынрян;
- группа башкирских казаков;
- табын – в родах барын, кара-табын, дуван-табын, юмран-табын, кесе-табын, кальсер-табын, сарт-табын, кара-табын, табын;
- кувакан – в роде тубэляс-кувакан;
- мин – в роде азнай-иль-куль-мин, азнай-мин, кункас-иль-куль-мин, кункас-мин, кырк-уйле-мин, мин, минляр;
- балыксы².

Характерно, что рода и подразделения «калмак» отсутствуют как у всех северо-западных, так и у иргиз-камеликских башкир, которые должны были территориально больше контактировать с ойрат-калмаками и волжскими калмыками. Следы этих контактов сохранились у головного рода калмак с подразделениями аюка-калмак и кара-калмак (так называли тюрки джунгаров). В то же время в составе родов башкир сохранились названия и более древних монгольских родов. В группе табын присутствуют, кроме «калмак», род барын (древнемонгольский род по Грумм-Гржимайло)³ и подразделения миркит и монгол. Группа мин также включает подразделение миркит, производное от меркитов, разгромленных Чингисханом и рассеянных среди разных народов. Род меркит есть также в составе родов теленгитов и бурятов на Алтае, то есть сравнительно близко с местом их изначального проживания. Характерно, что род барын, который Рашид а-Дин поместил в раздел тюрко-монгольских племен⁴, в составе родов волжских калмыков отсутствует. Следовательно, род барын и его подразделения меркит и монгол могли попасть в состав башкиров до начала миграции ойратских племен на запад. В то же время племя барын входит в состав киргизов вместе с племенами кытай и найман, происходящих с территорий проживания ойратов на северо-западе Китая и в Семиречье.

Не так однозначен и вопрос о времени появления топонимов с названием «Калмак». В бассейне р. Сакмара М.Г. Усманова выделила ряд пунктов с названием Калмак: «*Калмак ятыуы* ‘пойма калмаков’; *Калмак узэге* ‘речка калмаков’; *Калмак карауылы* ‘сторожевая калмаков’; *Калмак кунган йылгакы* ‘речка, возле которой заночевали калмаки’ – ручей, прав. приток Короюл в дер. Кызылъяр Зианчуринского района; *Калмак яткан йылга* букв. ‘речка, возле которой находились калмаки’ в дер. Куватово; *Калмак* ‘Калмак’ – рч., прав. пр. Степного Зилаира; *Калмак кырылган* ‘Калмак кырылган’ – местность в дер. Юмашево Баймакского; *Калмак яткан йылгакы* – рч., прав. пр. Сакмара; *Калмак колаган* букв. ‘речка, в которую провалился калмак’ – р., прав. пр. Балгошло в дер. Ишбулды Зилаирского районов Башкирии. В материалах архивных документов на территории Сакмарского бассейна зафиксированы бывшие населенные пункты *Калмак*,

² Кузеев 1974.

³ Грумм-Гржимайло 1926, 501.

⁴ Рашид-ад-Дин 1952, 187.

Большой Калмак при рч. *Большой Калмак*, *Калмакова*, *Калмакский*; гидронимы *Малый Калмак*, *Малый Калмацкий*⁵. Кроме того, в топонимике бассейна р. Сакмара встречаются монголизмы, происхождение которых М.Г. Усманова объясняет не прямым участием монгольских групп, а опосредованно через культурное влияние⁶. Наибольшая концентрация монголизмов выделяется исследователем топонимии бассейна реки Демы Р.З. Шакуровым на северо-востоке Башкирии⁷. Наличие в Башкирии значительного пласта монголизмов в топонимике и этнотопонимов «Калмак» может свидетельствовать о продолжительном взаимодействии предков башкир с монголами или о длительном присутствии монголов или калмаков на данной территории.

Естественно объяснять происхождение подобных топонимов взаимодействием местных народов с ойрат-калмыками после начала XVII в., когда ойраты начали свое продвижение на запад. Но в одном из башкирских шежере сообщается, что после завоевания Иваном Грозным Казани земли ногаев, «посоветовавшись и отмерив, отделили, в упомянутом городе Казани и закрепили в книге» за башкирскими племенами Тунгэк и Усерган. Тогда же были расписаны их границы между Яиком и Сакмарой, которые проходят, в том числе, и по верховьям р. **Калмак**⁸. Следовательно, топоним существовал уже до 1552 г. Это не нонсенс, если учесть, что в списке опричников Ивана Грозного 1572 г. значится имя Калмак⁹ и что в грамоте Ивана Грозного уральским предпринимателям – братьям Строгановым предписывалось торговать с бухарцами и калмаками¹⁰.

Имя или прозвище «Калмак» было распространено в русских княжествах XVI в. у разных слоев населения, включая духовенство и дворянство. В «Ономастиконе» академика С.Б. Веселовского значатся: «Калмак, поп, 1545 г., Новгород; Калмак Власьев, помещик, 1568 г., Ярославль; Федор Иванович Колмак Овцын, XVI в.; Петр и Исаак Колмаковы, 1564 г., Олонец; Колмак и Неустрой Борисовичи Обрютины, 1568 г., Ярославль; Колмак и Домачный (Домачний) Михайловичи Васьковы, 1568 г., Ярославль»¹¹. Этот список можно продолжить¹².

Обычно это несоответствие между временем появления имени «Калмак» / «Колмак» и началом миграции на запад ойрат-калмаков объясняется финно-угорской основой от «колма» «троичность», «третьяк» – третий сын в семье. Примером не финно-угорского происхождения имени «Калмак» являются имена крымских послов в Москву и русских послов в Крым: «1559 год..., приехали ко царю и великому князю..., два крымца, Сар да **Колмак**...»¹³. Через 10 лет в 1569 г. уже из Москвы в Кафу (Феодосию) были посланы рязанские казаки **Колмак** и Ширяй, причем выбор пал на них потому, что они хорошо знали и эти края, и дорогу туда¹⁴. В писцовой книге конца XVI в. Тверской губернии упоминается Колмак

⁵ Усманова 1994, 75.

⁶ Усманова 1994, 135–137.

⁷ Шакуров 1986, 71–72.

⁸ Кузеев 1960, 65.

⁹ Список опричников 2003, 37.

¹⁰ Цепков 2008, 54.

¹¹ Веселовский 1974, 95.

¹² Дремов 2014, 129–131.

¹³ Барсов 1895, 117.

¹⁴ Садиков 1947, 154–160; Прокофьев 1988, 168.

Иванов сын Старкова, который никому не служит – ни царю, ни князю¹⁵. Также Колмак Иванов сын Старкова фигурирует в «Отписке Великого князя Симеона Бекбулатовича о посылке им по государеву указу детей боярских Тверитян и Новоторжцев на службу в Великий Новгород, с приложением списка их»¹⁶. В этом документе упомянут **Колмак Иванов сын Старков**, а через несколько строк **Третьяк Иванов сын Старков**. Судя по отчеству и фамилии, это братья, которые находятся в разных разрядах, причем Колмак имеет более высокий статус, чем Третьяк. Так как Колмак в данном случае не может быть «третьяком» – третьим сыном, более вероятно, что его имя тюрко-монгольского происхождения.

В русских и западноевропейских источниках второй половины XV–XVI вв. имеется значительное количество разрозненных упоминаний о калмаках заволжских и казахстанских степей, которые сложно объяснить лишь эпизодическими продвижениями ойратов далеко на запад. В Лихачевском летописце (ок. 1488 г.) говорится, что в стоянии на реке Угре в 1480 г. вместе с татарами принимали участие и калмаки: «...со царем братаничь его царь Касим, да 6 сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и *колмаки*, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел»¹⁷. Затем на протяжении всего XVI в. встречаются упоминания о борьбе ногаев с калмаками на Яике и Эмбе и даже о пленении в 1560 г. астраханскими стрельцами «калматских людей многих» в районе Сарайчука (в низовьях Яика). Европейцы также знали от русских о калмаках, упоминали о них в географических трудах и помещали к востоку от Волги на картах XVI в., а фразмауро в 1459 г. отметил на реке Итиль, севернее сближения Волги с Доном, город или поселение «Calmuzi sara»¹⁸.

В конце XVI в. казахский хан Тауекель (Тевекель русских источников) назывался ханом казахов и калмаков. В документе говорится, что казахи и калмаки «кочуют все поблиску и все в соединенье»¹⁹. О том же свидетельствует «Книга Большому Чертежу»: «...промеж рек Кендирлик (Кенгир), Сурсы (Сарысу) *Казачья Орда да Калмыки*»²⁰, хотя источники не оставляют сомнений, что ойрат-калмаки в конце XVI в. кочевали значительно восточнее Иртыша, лишь доходя до его верховий, а казахи – к западу от Иртыша. О подчинении казахам основных улусов, составлявших союз ойратов, исторические свидетельства отсутствуют, но известно, что во второй половине XVI в. отряды калмаков были на службе в войсках сибирских, узбекских и казахских ханов, то есть вели независимый от ойратского союза «казачий» образ жизни.

Следует вывод, что во второй половине XV – начале XVI в. калмаки кочевали к востоку от Волги и находились в тесных отношениях с соседними тюркоязычными народами – мангытами-ногаями, башкирами, казахами, узбеками, каракалпаками и др. Тема существования не известной ранее группы кочевников на пост-золотоордынском пространстве, которую соседние народы называли калмаками, является относительно новой²¹. Принципиальные возражения этой гипотезе мне

¹⁵ Писцовые книги 1877, 88.

¹⁶ Попов 1890, 55.

¹⁷ Покровская 1975, 28–32.

¹⁸ Дремов 2014, 80–91.

¹⁹ Юдин 1969, 129–131.

²⁰ Макшеев 1880, 130.

²¹ Дремов 2012, 278–282.

не известны. Имеются два подхода к решению вопроса о культурной и языковой принадлежности калмаков Дешт-и-Кыпчака. Ж.М. Сабитов отрицает возможность монголоязычности постзолотоордынских калмаков и считает их тюркоязычными наследниками Золотой Орды, не принявшими ислам²². Возможность такого подхода нельзя исключать, но другой тезис автора об идентичности калмаков и каракалпаков не находит подтверждений и лишает аргументации основного вопроса²³. С.К. Хойт считает калмаков Дешт-и-Кыпчака потомками монголов, сохранившими древние традиции²⁴.

Прямых указаний на этническую принадлежность калмаков Дешт-и-Кыпчака источники не содержат. Имеются некоторые косвенные подтверждения их принадлежности к монгольской культуре. Источники единодушно повествуют о язычестве калмаков и отмечают их особую прическу. Наличие длинных волос, отличающих калмаков от бритоголовых татар мусульман, – это важная этническая особенность, имеющая монгольское происхождение²⁵. Различие между «правильной», с точки зрения приверженцев ислама, прической и монгольской косой имело для мусульман столь важное значение, что «в разгар тюркизации и исламизации в Средней Азии в XV в. монгольские ханы насильно заставляли своих монголов срезать длинные волосы и носить чалму. Непослушным вбивали в голову гвозди»²⁶. Поэтому неслучайно все европейцы, сообщавшие о калмаках, живущих к востоку от Волги, отмечали, что они, в отличие от татар, носят длинные волосы. Это вопрос не моды, а принципиального следования традиционной монгольской культуре.

Кроме того, Утемиш-хаджи в первой половине XVI в. рассказывал о специфическом бурном выражении траура на монгольском языке и в соответствии с монгольским обычаем у калмаков Сары-Арки при хане Узбеке, подытоживая: «и поныне существует еще тот обычай среди них в Улуг-Таге (Улытау)»²⁷. У мусульман запрещаются громкие и бурные проявления траура. Следовательно, в начале XVI в. в Улытау в Центральном Казахстане сохранялись носители монгольского языка и традиций, как и во времена Узбека.

На монгольскую основу калмаков Сары-Арки может указывать «Шаджарат ал-атрак» середины XVI в. Там объясняется, как произошло отуречивание кочевых узбеков. Согласно «Шаджарат ал-атрак», после того, как узбеки отделились от калмаков и переселились в Туркестан, спустя некоторое время в их состав вошли и проживавшие там народы тюркского происхождения²⁸. Калмаки же, следовательно, остались при своей религии и языке. В связи с этим В.В. Бартольд отмечал, что предки узбеков, как и части казахов, изначально, до принятия ими ислама, были монголоязычны²⁹.

Подтверждением того, что монгольский язык в Средней Азии был в ходу в конце XV в. и позже, является рукопись словаря «Мукаддимат ал-Адаб» с мон-

²² Сабитов 2014, 134–143.

²³ Дремов, Семенова 2015, 73–82.

²⁴ Хойт, 2015, 14, 101.

²⁵ Дремов 2014а, 80–91.

²⁶ Бартольд 2002, 191.

²⁷ Утемиш-хаджи 1992, 105.

²⁸ Семенов 1954, 3–37.

²⁹ Бартольд 2002, 275.

гольским переводом, хранящаяся в бухарской библиотеке. Рукопись переписана в 1492 г. Н.Н. Поппе во введении к «Мукаддимат ал-Адаб» отмечал, что само существование этого монголо-тюркского словаря свидетельствует, что еще в конце XV в. монгольский язык в Средней Азии продолжал сохранять некоторое значение, иначе бы данный словарь не переписывали. Этим словарем еще пользовались при узбекском Абдулла-хане во второй половине XVI в., когда он был завещан и передан в библиотеку³⁰.

Может вызывать сомнения сама возможность длительного сохранения монгольских корней в тюркоязычной среде, но некоторые исторические подтверждения этому имеются. Примером консервации языка и культуры в турецкой мусульманской среде при сохранении религиозных обычаев являются казаки-некрасовцы, которые жили в турецком окружении свыше 200 лет: с 1708 по 1920-е гг., при этом более тысячи некрасовцев вернулись в Россию лишь в 1962-63 гг. За 250 с лишним лет они сохранили культурную самоидентификацию в полном объеме – быт, фольклор, язык и религию³¹. Очевидно, у потомков кочевников монголов Чингизхана и Бату, завоевавших Дешт-и-Кыпчак, возможности для сохранения культуры и языческих верований на окраинах ханских владений были не хуже, чем у донских казаков в турецкой среде.

В Афганистане и Иране уцелела большая этническая группа монгольского происхождения – хазарейцы. Они называют себя «хазара» – от персидского «тысяча». Хазарейцы – потомки Никудерийской Орды (по имени старшего эмира джучидов Никудер). Из трудов Рашид ад-Дина известно, что Никудерийская орда возникла не из чагатайских, а из джучидских отрядов Бату и Орды, находившихся в армии Хулагу³². Современные исследования ДНК подтверждают монгольское происхождение хазарейцев и указывают на связь с населением Дешт-и-Кыпчака, рекрутированным в Иранский поход Хулагу от восточного крыла улуса Джучи³³. Современные хазарейцы говорят на хазараги, являющимся восточным диалектом персидского языка с большой долей монгольских и тюркских слов. Каким был их язык 300-400 лет назад, неизвестно.

В предгорьях Дагестана живут потомки монголов – кайтаки, которые также к настоящему времени утратили монгольский язык, говорят на языке кавказской языковой группы, считают себя исконными мусульманами, и даже в их преданиях не встречается сведений о монгольском происхождении. Но до середины XVII в. их язык сохранял монгольские корни, и было известно, что кайтаки – потомки монголов. В.В. Бартольд отмечал, что первые упоминания о них встречаются в трудах Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йезди – современников борьбы Тимура (Тамерлана) с Тохтамышем в 1395 г. Отмечается, что кайтаки воевали на стороне золотоордынского хана Тохтамыша и были язычниками (люди «без веры» или «с дурной верой»). Спустя столетие И. Барбаро сообщал, что кайтаки – христиане греческого, армянского и католического вероисповедания. В середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби привел слова кайтакского языка, среди которых выделяется значительная группа монгольских названий. Он писал

³⁰ Поппе 1938, 275.

³¹ Тумилевич 1961.

³² Сабитов 2010.

³³ Сабитов 2010, 81–82.

о кайтаках: «По происхождению они монголы, пришедшие из области Махан(?); сами они турки, говорят по-монгольски»³⁴.

При Чингисхане родовые связи были во многом нарушены, произошло этническое смешение. Не могли этого избежать и потомки тех монголов-завоевателей XIII в., которые сохранили свою аутентичность в Улусе Джучи. Тем не менее, калмаки Дешт-и-Кыпчака могли иметь корни и в ойратской среде, так как, согласно «Сокровенному сказанию монголов», ойраты были отданы в подчинение Джучи и были в его войске³⁵. В отличие от хазарейцев и кайтаков, калмаки сохраняли свой традиционный образ жизни. Между кочевниками калмаками Дешт-и-Кыпчака и ойрат-калмаками могли поддерживаться контакты, что должно было способствовать сохранению их этнической самоидентификации и культурных традиций. Нельзя исключать и возможность существования монгольского языка, а тем более двуязычия калмаков в тюрко-мусульманской среде в течение нескольких столетий. В связи с этим распространение онима «Калмак» и многочисленных монголизмов на территории Поволжья, Урала, Казахстана, Северного Кавказа и Крыма может быть не только результатом продвижения сюда ойратов в XVII–XVIII вв. и наследием времен монгольского завоевания конца XII – начала XIII в., но и свидетельством проживания здесь калмаков – потомков золотоордынских монголов, сохранявших монгольские культурные и языковые традиции.

В Башкирии онимы монгольского происхождения появились в период монгольского завоевания при Чингисхане и его наследниках в XII–XIII вв. и в эпоху Золотой Орды в XIV в. В это время монгольский компонент мог присутствовать в среде местного населения и иметь самостоятельные поселения, что подтверждается наличием золотоордынских поселений и могильников в Башкирии и крупным городищем Абисово в 42 км от Уфы. К этому времени могут относиться топонимы с монгольскими корнями и возникновение родовых подразделений миркит, барын, монгол. В XV–XVI вв. на постзолотоордынском пространстве монгольские традиции, религия и, в той или иной степени, монгольский язык сохранялись среди калмаков, что устанавливается из отдельных упоминаний в письменных источниках. Язычники калмаки могли сохраняться вдали от столичных центров и оставить свой след в топонимии и этнонимии Южного Урала. К этому времени, судя по шежере, относится название р. Калмак (приток р. Сакмара) и, вероятно, Калмак карауылы (сторожевая калмаков) и Калмак-кырылган (место гибели или захоронений калмаков). После продвижения ойратов в Южную Сибирь, Урал и Поволжье в XVII–XVIII вв. ойрат-калмаки имели кочевья на Южном Урале. Часть топонимов с названием «калмак» могут быть наследием этого времени, о чем говорится в некоторых шежере и о чем свидетельствуют этнонимы аюка-калмак и кара-калмак.

ЛИТЕРАТУРА

Альшиц, Д.Н. 2003: *Список опричников Ивана Грозного*. СПб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kdkv.narod.ru/Opr1573/Opr-1573-Spis.html>

³⁴ Бартольд 2002, 371.

³⁵ Дарваев 1990, 209–210.

- Барсов, Е.В. (ред.) 1895: *Летописец Русский (Московская летопись)*. В кн.: *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских*. Кн. 3. М.
- Бартольд, В.В. 2002: *Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.
- Веселовский, С.Б. 1974: *Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. М.
- Грумм-Гржимайло, Г.Е. 1926: *Западная Монголия и Урянхайский край*: в 3-х т. Т. II. Л.
- Дарваев, П.А. (ред.) 1990: *Сокровенное сказание монголов. Анонимная монгольская хроника 1240 года*. Элиста.
- Дремов, И.И. 2012: Калмаки степей Казахстана XIV–XVI веков. В сб.: А.А. Бесембаев (ред.), *Кадырбаевские чтения-2012. Материалы III Международной научной конференции*. Актобе, 278–282.
- Дремов, И.И. 2014: Калмаки и средневековая Русь. *Древняя Русь* 3, 129–137.
- Дремов, И.И. 2014а: Длинноволосые калмаки. *Этнографическое обозрение* 6, 80–91.
- Дремов, И.И., Семенова, И.В. 2015: Казахи и калмаки Улытау в постзолотоордынское время. В кн.: А.Р. Хазбулатов (ред.), *Национально-освободительная борьба казахского народа. Булантинская битва*. Астана, 73–82.
- Калачов, Н.В. 1877: *Писцовые книги XVI века*. Отдел. II. СПб.
- Кузеев, Р.Г. 1960: *Башкирские шежере*. Уфа.
- Кузеев, Р.Г. 1974: *Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения*. М.
- Макшеев, А.И. 1880: Географические сведения Книги Большому Чертежу о киргизских степях и Туркестанском крае. *Записки Русского географического общества по отделению этнографии* 6, 110–141. Покровская, В.Ф. 1975: Летописный свод 1488 г. из собрания Н.И. Лихачева. В кн.: К.Н. Сербина (ред.), *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник*. М., 28–32.
- Попов, Н.А. (ред.) 1890: Отписка Великого князя Симеона Бекбулатовича о посылке им по государеву указу детей боярских Тверитян и Новоторжцев на службу в Великий Новгород, с приложением списка их. В кн. Н.А. Попов (ред.), *Акты Московского государства, изданные императорскою академиею наук*. Т. 1. СПб, 52–57.
- Поппе, Н.Н. 1938: *Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб*. Ч. I–II. М.–Л.
- Прокофьев, Н.И., Алехина, Л.И. (ред.) 1988: Посольство Ивана Новосильцева в Турцию. Комментарии. В кн.: Н.И. Прокофьев, Л.И. Алехина (ред.), *Записки русских путешественников XVI–XVII вв.* М.
- Рашид-ад-Дин 1952: *Сборник летописей*. Т.1. М.–Л.
- Сабитов, Ж.М. 2010: Происхождение хазарейцев с точки зрения ДНК-генеалогии. *The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия)* 1. Вып. 2, 27–39.
- Сабитов, Ж.М. 2014: Калмаки восточного Дашт-и Кыпчака в XIV–XVI вв. *Global-Turk* 3,4, 134–143.
- Садиков, П.А. 1947: Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. / Приложение 1. «Речи» Семёна Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань. *Исторические записки* 22, 154–160.
- Семенов, А.А. 1954: К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. В кн.: *Труды Института истории, антропологии и этнографии АН ТаджССР*. Т. XII. Сталинабад, 3–37.
- Тумилевич, Ф.В. 1961: *Сказки и предания казаков-некрасовцев*. Ростов-на-Дону.
- Усманова, М.Г. 1994: *Имя отчей земли: Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмара*. Уфа.
- Утемиш-хаджи 1992: *Чингиз-наме*. Алма-Ата.
- Хойт, С.К. 2015: *Этническая история ойратских групп*. Элиста.
- Цепков, А.И. (ред.) 2008: *Сибирские летописи*. Рязань.

Шакуров, Р.З. 1986: *По следам географических названий*. Уфа.

Юдин, В.П. (ред.) 1969: *Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений)*. Алма-Ата.

REFERENCES

- Alshits D.N. 2003: *Spisok oprichnikov Ivana Groznogo [List of Oprichnik's of Ivan the Terrible]*. Saint Petersburg. <http://kdkv.narod.ru/Opr1573/Opr-1573-Spis.html>
- Barsov, E.V. (red.) 1895: *Letopisets Russkiy (Moskovskaya letopis')* [The Russian chronicle (the Muscovite Chronicle)]. In: *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh [Reading in the Imperial Society of History and Antiquities of the Russia]*. 3. Moscow.
- Bartold, V.V. 2002: *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov [Works on the history and Philology of Turkic and Mongol peoples]*. Moscow.
- Veselovskiy, S.B. 1974: *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii [Onomasticon: Old-Russian names, nicknames and surnames]*. Moscow.
- Grumm-Grzhimaylo, G.E. 1926: *Zapadnaya Mongoliya i Uryanhayskiy kray [Western Mongolia and Urjanhaj Territory]*: in 3 v. V. II. Leningrad.
- Darvaev, P.A. (red.) 1990: *Sokrovennoe skazanie mongolov. Anonimnaya mongol'skaya khronika 1240 goda [Secret Mongol legend. Anonymous Chronicles of Mongolian from the year 1240]*. Elista.
- Dremov, I.I. 2012: *Kalmaki stepey Kazakhstana XIV–XVI vekov [The Kalmaks in Kazakhstan steppe of the 14th–16th centuries]*. In: A.A. Besembaev (red.), *Kadyrbaevskie chteniya 2012. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Kadyrbaev Readings in 2012. Materials of IIIrd International Scientific Conference]*. Aktope, 278–282.
- Dremov, I.I. 2014: *Kalmaki Desht-i-Kipchaka XV–XVI vv. i srednevekovaya Rus' [The Kalmaks of Desht-I-Kypchak in 15th–16th centuries and medieval Russia]*. *Drevnyaya Rus' [Journal of Ancient Russia]* 3, 129–137.
- Dremov, I.I. 2014 a: *Dlinnovolosye kalmaki [The Long-Haired Kalmaks]*. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]* 6, 80–91.
- Dremov, I.I., Semyonova, I.V. 2015: *Kazakhi i kalmaki Ulytau v postzo-lotoordynskoe vremya [The Kazakhs and the Kalmaks in the Ulytau after the Golden Horde]*. In: A.R. Khazbulatov (red.), *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba kazakhskogo naroda. Bulantinskaya bitva [National liberation struggle of Kazakh people. Battle of Bulanty]*. Astana, 73–82.
- Kalachov, N.V. 1877: *Pistovye knigi XVI veka [16th century Cadasters]*. Pt II. Saint Petersburg.
- Kuzeev, R.G. 1960: *Bashkirskie shezhere [Shezhere of the Bashkirs]*. Ufa.
- Kuzeev, R.G. 1974: *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya [The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of resettlement]*. Moscow.
- Maksheev, A.I. 1880: *Geograficheskie svedeniya Knigi Bol'shomu Chertezhu o kirgizskikh stepyakh i Turkestanskom krae [Information about geography on the Kyrgyz steppes and Turkestan in the Book for Big Drawing]*. In: *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Note the Russian Geographical Society in the specialty of Ethnography]*. Vol. 6. Saint Petersburg, 110–141.
- Pokrovskaya, V.F. 1975: *Letopisnyy svod 1488 g. iz sobraniya N.I. Likhachyova [The 1488 Chronicle from the collection of N. Likhachev]*. In: K.N. Serbina (red.), *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Ezhegodnik [Monuments of culture. Recent discoveries. Yearbook]*. Moscow, 28–32.
- Popov, N.A. (red.) 1890: *Otpiska Velikago knyazya Simeona Bekbulatovicha o posylke im po gosudarevu ukazu detey boyarskikh Tverityan i Novo-torzhtsev na sluzhbu v*

- Velikiy Novgorod, s prilozheniem spiska ikh [The message of the Grand Duke Simeon Bekbulatovichs about sending him men to Great Novgorod from the cities of Tver and Novotorzhsk for the service. With a list of these people]. In: N.A. Popov (red.), *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye imperatorskoy akademii nauk* [Acts of the Moscow State. Edition of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. Saint-Petersburg, 52–57.
- Poppe, N.N. 1938: *Mongol'skiy slovar 'Mukaddimat al-Adab* [Mongolian dictionary Mukaddimat al-Adab]. Pt I–II. Moscow–Leningrad.
- Prokofyev, N.I., Alekhina, L.I. (red.) 1988: Posol'stvo Ivana Novosiltseva v Turtsiyu. Kommentarii [Ivan Novosiltsev embassy in Turkey. Comments]. In: N.I. Prokofyev, L.I. Alekhina (red.), *Zapiski russkikh puteshestvennikov XVI–XVII vv.* [Notes by Russian travelers of the 16th–17th centuries]. Moscow.
- Sabitov, Zh.M. 2010: Proiskhozhdenie khazareytssev s tochki zreniya DNK-genealogii [The origin of the Khazars in terms of DNA-Genealogy]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy (Russian version)* 1. Vol. 2, 27–39.
- Sabitov, Zh.M. 2014: Kalmaki vostochnogo Dasht-i Kypchaka v XIV–XVI vv. [The Kalmaks of East Dasht-i Kypchak in the 14th–16th centuries]. *Global-Turk* 3,4, 134–143.
- Sadikov, P.A. 1947: Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g. / Prilozhenie 1. «Rechi» Semena Elizar'eva syna Mal'tseva o pokhode tatar i turok pod Astrakhan' [Trip to the Astrakhan Tatars and Turks in 1569/Application 1. «Speech» of Semyon Elizariev Maltsev's son on the campaign of the Tatars and Turks under the Astrakhan]. *Istoricheskie zapiski* [Journal of Historical notes] 22, 154–160.
- Semenov, A.A. 1954: K voprosu o proiskhozhdenii i sostave uzbekov Shey-bani-hrana [To the question about the origin and composition of the Uzbeks of Shaybani Khan]. In: *Trudy Instituta istorii, antropologii i etno-grafii AN TadzhSSR* [Transactions of the Institute of history, anthropology and ethnography AS TadzhSSR] T. XII. Stalinabad, 3–37.
- Tumilevich, F.V. 1961: *Skazki i predaniya kazakov-nekrasovtsev* [Tales and legends of Cossacks of nekrasov]. Rostov-na-Donu.
- Usmanova, M.G. 1994: *Imya otchey zemli: Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie toponimii basseyna reki Sakmara* [The name of the native land: Historical-linguistic study of toponyms of the Sakmara River basin]. Ufa.
- Khoyt, S.K. 2015: *Etnicheskaya istoriya oyratskikh grupp* [Ethnic history of oyrats groups]. Elista.
- Tsepkov, A.I. (red.) 2008: *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. Ryazan.
- Shakurov, R.Z. 1986: *Po sledam geograficheskikh nazvaniy* [In the footsteps of geographical names]. Ufa.
- Yudin, V.P. (red.) 1969: Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (Iz vlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) [Materials of history of Kazakh Khanates in 15th – 18th centuries. (Extract from the Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata.

ORIGIN AND DISTRIBUTION OF TOPONYMS AND ETHNONYMS «KALMAK» IN THE SOUTHERN URALS

Igor I. Dremov

Regional Centre of Ecology, the Study of Local Lore and Tourism, Saratov, Russia
iid57@yandex.ru

Abstract. Mongol roots as well as the name “Kalmak” are often met in the Russian onomastics of the 16th century and among toponyms of the Volga region, Southern Urals, South-Western

Siberia and Kazakhstan. There are widespread onyms with the “Kalmak” root and the names of Mongolian origin in tribe names and geographical names of the Southern Urals and in other territories. Mongol roots were quite common in Russian onomastics of the 16th century (in the toponyms of the Volga, Ural, Kazakhstan), as well as the names and titles “Kalmak”. The onyms with the root “Kalmak” and the names of mongolian origin are widespread in the composition of grammatical genders, names and geographical names of the southern Urals, South-Western Siberia, Kazakhstan and the Volga region. There are the sources in which the evidence of the Kalmaks in the Volga region and to the east from it preceded the appearance the Oirat-Kalmaks in the 15th–17th centuries. The sources of the 15th–16th centuries have numerous mentions of the Kalmaks of the previous time to the East from the Volga River. There is reason to believe that the descendants of the Golden Horde, the Kalmaks, preserved the Mongolian traditions, pagan religion and perhaps the language. The pagans Kalmaks could survive away from the Metropolitan centers and have left their trace in toponyms and etnonyms of Bashkortostan.

Keywords: the Kalmaks, the Oirat, Mongolian, toponyms, anthroponyms, ethnonyms, Ural, Bashkortostan, the Volga region, the 15th–16th centuries

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2017), 373–379
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2017), 373–379
©Автор(ы) 2017

ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ МЕТАПОНТА И ТАРЕНТА ИЗ КЕРЧЕНСКОГО МУЗЕЯ

М.Г. Абрамзон

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия
abramzon-m@mail.ru*

Аннотация. В статье публикуются две южноиталийские золотые монеты IV и III вв. до н.э. из фондов Восточно-Крымского историко-культурного музея заповедника (Керчь). Одна из них представляет статер, отчеканенный в Таренте около 332–330 гг. до н.э. для эпирского царя Александра Молосского, прибывшего в Италию на помощь грекам в борьбе с луканами и бруттиями. Вторая монета – тетробол Метапонта, отчеканенный в 280–279 гг. до н.э. для царя Пирра. Обе монеты вместе с гемидрахмой Акраганта конца V в. до н.э. происходят из переданной ФРГ коллекции боспорских монет, предположительно принадлежащей довоенному собранию Керченского музея и вывезенной в Германию в 1943 г.

Монеты Метапонта, Тарента и Акраганта были найдены где-то на европейской стороне Боспора, возможно в Пантикапее или его округе. Эти исключительно редкие для Боспора находки вместе с другими многочисленными южноиталийскими и сицилийскими монетами (Неаполя, Метапонта, Кротона, Бруттия, Тарента, Периполиума, Мегар, Сиракуз и Мессаны (мамертины)), ювелирными изделиями и предметами торевтики, найденными в Северном Причерноморье и на Боспоре, свидетельствуют о возможных торгово-экономических контактах региона с Великой Грецией и Сицилией в конце V–III в. до н.э.

Ключевые слова: Боспор, Сицилия, Великая Греция, Метапонт, Тарент, Акрагант, античные монеты, денежное обращение, торговые связи, Керченский музей

Абрамзон Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 15-01-00251 «Денежное обращение, экономическая и политическая ситуация на Боспоре в античную эпоху по нумизматическим материалам из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2006–2014 гг.).

В 2010 г. ФРГ передала в Институт археологии НАН Украины коллекцию боспорских монет, предположительно происходящую из довоенных фондов Керченского музея, перемещенную вместе с другими его ценными экспонатами в Германию в 1943 г. Из ИА НАН данная коллекция поступила на постоянное хранение в Крымский историко-культурный заповедник (ныне – ВКИКМЗ)¹. Всего коллекция включает 488 экз. из которых 485 – боспорские монеты, три экземпляра принадлежат центрам Великой Греции и Сицилии (рис. 1).

Одной из трех привозных монет – гемидрахме Акраганта 413–406 гг. до н.э.² посвящена отдельная статья, касающаяся малоисследованного вопроса о торгово-экономических контактах Боспора с Великой Грецией и Сицилией³. Я полагал, что серебро Акраганта – единственная иноземная монета среди боспорских типов в германской коллекции, однако выяснилось, что в нее входили еще две южноиталийские золотые монеты, которые находились временно в пробирной палате и не были доступны для исследования: тетробол Метапонта⁴ и статер эпирского царя Александра I (342–330 гг. до н.э.)⁵.

Рис. 1. 1 – триобол Метапонта, 280–279 гг. до н.э.; 2 – статер Александра Молосского, ок. 333–330 гг. до н.э. Увел. в 1,5 раза

Лукания, Метапонт. Ок. 280–279 гг. до н.э.

AV 1/3 статера или тетробол

Л.с. ΛΕΥΚΙΠΠΟΣ. Голова бородатого Левкиппа в коринфском шлеме с гребнем вправо; шлем украшен изображением Сциллы, бросающей камень, вправо.

О.с. В поле [М]—Е. Два ячменных колоса; между ними ΣΙ.

Лит.: *Head* 1881, pl. XXIV, 14; *BMC* 1, 238, no. 1; *SNG ANS* 2 396–398; *SNG Lockett* 404; *SNG Cop. Suppl.* 43; *Sear* 1978, no. 413; *Johnston* 1990, no. G5.1–3.

1) Инв. КП-178138. Вес –2,82 г. Диаметр – 12 мм. Проба 916° (рис. 1, 1).

¹ КРУ «Керченский историко-культурный заповедник». Акт № 51 от 24.11.2010 г. Инв. КП-177936-178424. См. Быковская, Иванина 2011, 40–42.

² ВКИКМЗ. Акт № 51 от 24.11.2010 г., № 484. Инв. КП-178419.

³ Абрамзон 2015, 160–173.

⁴ ВКИКМЗ. Акт № 51 от 24.11.2010 г., № 203.

⁵ ВКИКМЗ. Акт № 51 от 24.11.2010 г., № 204.

Тетробол отчеканен по аттическому весовому стандарту. Данный тип золота датируют временем около 350–330 гг. до н.э.⁶, иногда – 330 г. до н.э.⁷ Однако по мнению экспертов *CNG*, эти монеты скорее всего чеканились для Пирра после битвы при Геракле в 280 г. до н.э.⁸ Сам Пирр, вслед за Александром, чеканил свои монеты, главным образом, в Италии и Сицилии: золото и бронзу – в Сиракузах⁹, октоболы, тетрадрахмы и дидрахмы – в Сиракузах¹⁰, Таренте¹¹ и Локрах (Бруттий)¹².

Вторая монета отчеканена от имени эпирского царя Александра, сына Нептолема I.

Калабрия, Тарент. Ок. 332–330 гг. до н.э.

AV статер

Л.с. Голова бородатого Зевса Додонского в дубовом венке вправо.

О.с. ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ / ΤΟΥ ΝΕΟΠΤΟΛΕΜΟΥ по сторонам от пучка молний; в поле справа – наконечник копья.

Lit.: *BMC* 7, 110, no. 1; pl. XX, 1; *Hunt. Coll.* II, 12, no. 1; pl. XXXI, 17; *Sear* 1978, no. 1983.

2) Инв. КП-178139. Вес – 8,47 г. Диаметр – 18 мм. Проба 958° (рис. 1, 2).

Данный тип золота Александра Молосского традиционно рассматривается в чеканке Эпира, но еще Б. Хэд предполагал, что эти статеры чеканились в 332 г. до н.э. в Южной Италии, куда Александр прибыл для оказания помощи грекам в борьбе против луканов и бруттиев¹³. Другие исследователи также считали, что статеры выпускались в Италии после 332 г. до н.э.¹⁴; им сопутствовала серия тарентского серебра, выпущенная во время итальянской экспедиции Александра 334–330 гг. до н.э.¹⁵ Возможно монетный двор Тарента чеканил все золото и серебро для Александра¹⁶.

Вместе с упомянутой гемидрахмой публикуемые монеты из ВКИКМЗ при-
мыкают к очень небольшому кругу редких находок южноиталийских и сицилий-
ских монет, происходящих из Северного Причерноморья¹⁷. Свод этих находок

⁶ Head 1881, pl. XXIV, 14; 1887, 64; Sear 1978, no. 413.

⁷ NAC 33 (6 April 2006), lot 31.

⁸ NAC (Zurich) 13 (8 October 1998), lot 153; CNG 53 (15 March 2000), lot 63; Triton V Sale (16 January 2002), lot 1107; CNG Mail Bid Sale 72 (14 June 2006), lot 109; CNG 106, Lot 19 (13 September 2017); CNG 403 (9 August 2017), lot 2; CNG 406 (27 September 2017), lot 6; CNG 407 (11 October 2017), lot 12.

⁹ Например, BMC 7, 111, no. 1 (AV); SNG ANS 5 845–846, 850; SNG Cop. 808 (AE).

¹⁰ Например, октоболы: SNG Cop. 93–94; SNG ANS 5 828–829; SNG Lloyd 1531.

¹¹ SNG ANS 5 396–398.

¹² Head 1887, 273.

¹³ Head 1887, 272; BMC 7, 110, no. 1.

¹⁴ Hunt. Coll. II, 12, no. 1.

¹⁵ Hunt. Coll. I, 72, nos 55–56.

¹⁶ Sear 1978, 194.

¹⁷ Обзор находок монет Великой Греции и Сицилии в Северном Причерноморье см. Абрамзон 2015, 160–173.

дополняют также архивные источники: неизданные рисунки секретаря и хранителя музея ООИД Н.Н. Мурзакевича (1806–1883) с прорисями монет из раскопок 1840-х–начале 1850-х гг. на Левке и перечни монетных находок, составленные карантинными чиновниками, руководившими раскопками¹⁸.

Таблица 1

Находки монет Южной Италии и Сицилии в Северном Причерноморье

№	Место находки	Центры Южной Италии и Сицилии	Количество монет
1.	О-в Левка ¹⁹	Бруттий ²⁰ Неаполь ²¹	1 +1
		Периполиум ²²	1
		Мамертины ²³	1
		Мегара ²⁴	+1
		Мессана ²⁵	1
		Сиракузы: Гиерон II ²⁶	+1
2.	Пантикапей и окрестности	Акрагант ²⁷	1
		Метапонт (для Пирра) ²⁸	1
		Тарент (для Александра Молосского) ²⁹	1
3.	Горгиппия	Метапонт (?) ³⁰	1
4.	Анапский р-н (клад до 1868 г.) ³¹	Кротон	+1
		Тарент	+1
5.	Кубанская область	Сиракузы ³²	1

Кроме редких находок монет Великой Греции и Италии в Северном Причерноморье и на Боспоре зарегистрирован крайне немногочисленный южноиталийский импорт конца V–III в. до н.э., представленный несколькими категориями археологического материала: расписной краснофигурной керамикой Южной Ита-

¹⁸ 1) СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 1132; 2) ИР НБУВ. V, 1572–1577. Л. 5 об.–8; 3) ГАОО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 1. Л. 289–290; 4) НА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620. Л. 5–5 об.; 5) Архив ОАМ. Инв. № 59182.

¹⁹ Зограф 1941, 153.

²⁰ ГАОО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 1. Л. 289.

²¹ ГАОО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 1. Л. 289.

²² ИР НБУВ. V, 1575. Л. 8.

²³ ГАОО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 1. Л. 289.

²⁴ Мурзакевич 1853, 237.

²⁵ Булатович 1971, 217.

²⁶ Булатович 1971, 217.

²⁷ Абрамзон 2015, 160–173.

²⁸ ВКИКМЗ. Инв. КП-178138.

²⁹ ВКИКМЗ. Инв. КП-178139.

³⁰ Индикация с монеты Метапонта (?). См. Новичихин, Галут 2013, 52.

³¹ Blau 1867, 151.

³² ОАК за 1897 г., 1899, 65, 175.

лии, главным образом Апулийской школы³³, и ювелирными украшениями и предметами торевтики, производство которых также ассоциируется с Южной Италией и Сицилией³⁴.

Этот ряд находок неслучайно дополняют публикуемые золотые монеты, отчеканенные для эпирских царей Александра I и Пирра на соседних монетных дворах, расположенных в полусотне километров друг от друга на берегу Тарентского залива. Именно из этой части Великой Греции (главным образом из Тарента) с конца V по III в. до н.э. на север шел поток изделий и монет, отдельные из которых изредка достигали Северного Причерноморья и Боспора.

Хотя какие-либо сведения о локализации места находки публикуемых золотых монет отсутствуют, у меня мало сомнений в том, что обе они были занесены в район боспорской столицы одновременно – после 280 г. до н.э. и найдены вместе, учитывая единую природу этих южноиталийских выпусков для эпирских царей и исключительную редкость находок южноиталийских монет на Боспоре. Вместе с монетой Акраганта и другими упомянутыми находками они являются важным свидетельством малоприметных (возможно опосредованных) контактов Южной Италии и Сицилии с Северным Причерноморьем. Они позволяют констатировать, как и нумизматические материалы из Центральной Европы, Иллирии и Греции, Крита, Восточного Средиземноморья, что основное время этих контактов приходится на конец V–III в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 2015: Гемидрахма Акраганта из Керченского музея. *ВДИ* 1, 160–173.
- Булатович, С.А. 1971: Монетные находки на острове Левке. *МАСП* 7, 212–225.
- Быковская, Н.В., Иванина, О.А. 2011: Коллекция боспорских монет, переданная из Германии. В сб.: В.Н. Зинько (ред.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур* (Боспорские чтения XII). Керчь, 40–42.
- Вдовиченко, И.И., Турова, Н.П. 2006: Античные расписные вазы из собрания Ялтинского историко-литературного музея (БИ XIV). Симферополь–Керчь.
- Зограф А.Н. 1941: Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье. *СА* 7, 152–160.
- Мурзакевич, Н.Н. 1853: Монеты, отысканные на острове Левке или Фидониси. *ЗООИД* III, 237–245.
- Новичихин, А.М., Галут, О.В. 2013: *Золото Горгииппии: научно-популярный альбом-каталог*. Краснодар.
- Трейстер, М.Ю. 2010а: О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д.В. Карейши и А.Б. Ашика 1834–1835 гг. В кн.: И.В. Тункина (сост.), *Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений*. Т. I. СПб, 589–601.
- Трейстер, М.Ю. 2010б: Ювелирное дело и торевтика. В кн.: Г.М. Бонганд-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. II. М., 534–598.
- Blau G. von. 1868: Trapezunter Komnenaten. *Berliner Blätter Münz-, Siegele- und Wappenkunde*. Bd 4. Berlin, 151–182.
- Head, B.V. 1881: *British Museum. Guide to the Coins of Ancients*. London.
- Head, B.V. 1887: *Historia Nummorum. A Manual of Greek Numismatics*. Oxford.

³³ Вдовиченко, Турова 2006, 9; 39–42; 112–115.

³⁴ Jackson 2006, 133–134; Трейстер 2010а, 590, 598; 2010б, 554–555, 557.

- Jackson, M.M. 2006: *Hellenistic Gold Eros Jewellery. Technique, Style and Chronology*. Oxford (BAR IS 1510).
- Johnston, A. 1990: *The Coinage of Metapontum*. Pt. 3. New York (NNM 164).
- Sear, D. 1978: *Greek Coins and Their Values*. Vol. I. *Europe*. London.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2015: Gemidrachma Akraganta iz Kerchenskogo Muzeya [A hemidrachm from Akragas in the Museum of Kerch]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 160–173.
- Blau G. von. 1868: Trapezunter Komnenaten. *Berliner Blätter Münz-, Siegel- und Wappenkunde*. Bd 4. Berlin, 151–182.
- Bulatovich, S.A. 1971: Monetnye nakhodki na ostrove Levke [Coin finds from the Island of Leuke]. In: *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Materials on the archaeology of the North Black Sea Region]. 7. Odessa, 212–225.
- Bykovskaya, N.V., Ivanina, O.A. 2011: Kolleksiya bosporskikh monet, peredannaya iz Germanii [A collection of Bosporan coins gotten from Germany]. In: V.N. Zinko (ed.), *The Bosporus Cimmerian and the barbarian world during the epoch of the Antiquity and the Middle Ages. Interaction of cultures* (Bosporan Readings XII). Kerch, 40–42.
- Head, B.V. 1881: *British Museum. Guide to the Coins of Ancients*. London.
- Head, B.V. 1887: *Historia Nummorum. A Manual of Greek Numismatics*. Oxford.
- Jackson, M.M. 2006: *Hellenistic Gold Eros Jewellery. Technique, Style and Chronology*. Oxford (BAR IS 1510).
- Johnston, A. 1990: *The Coinage of Metapontum*. Pt 3. New York (NNM 164).
- Murzakevich, N.N. 1853: Monety, otyskannye na ostrove Levke ili Fidonisi [Coins found in Island of Leuke or Fidonisi]. *Zapiski Odesskogo Obschestva istorii i drevnostey* [Transactions of Odessa Society for History and Antiquities] III, 237–245.
- Novichikhin AM, Galut O.V. 2013: *Zoloto Gorgippii: nauchno-populyarnyy al'bom-katalog* [Gold of Gorgippia: popular science album-catalog]. Krasnodar.
- Sear, D. 1978: *Greek Coins and Their Values*. Vol. I. *Europe*. London.
- Treyster, M.Yu. 2010a: O khronologii nekotorykh pogrebal'nykh kompleksov iz raskopok D.V. Kareishi i A.B. Ashika 1834–1835 gg. [On the chronology of some funerary complexes from the 1834–1835 excavations by D.V. Kareisha and A.B. Ashik]. In: I.V. Tunkina (ed.), *Paul Du Brux. Collected works*. I. Saint-Petersburg, 589–601.
- Treyster, M.Yu. 2010b: Yuvelirnoe delo i torevtika [Jewellery and toreutics]. In: G.M. Bongand-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani* [Ancient Heritage of the Kuban]. II. Moscow, 534–598.
- Vdovichenko, I.I., Turova, N.P. 2006: *Antichnye raspisnye vazy iz sobraniya Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya* [Antique painted vases from the collection of the Yalta Historical and Literary Museum] (Bosporskie issledovaniya [Bosporan Studies] XIV). Simferopol–Kerch.
- Zograf, A.N. 1941: Nakhodki monet v mestakh predpolagaemykh antichnykh svyatilishch na Chernomor'e [Coin finds in the places of conjectural classical sanctuaries in the Black Sea]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 7, 152–160.

GOLD COINS OF METAPONTION AND TARENTUM IN THE KERCH MUSEUM

Mikhail G. Abramzon

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia
abramzon-m@mail.ru

Abstract. The article is a publication of two the 4th – 3rd centuries BC South Italian gold coins in the Kerch Museum. One of them is the Epeirote King Alexander's stater struck in Tarentum, the possible mint for all Alexander's coinage in gold and silver, ca 332–330 BC, during his Italian expedition to help the Greeks in their struggle against the Lucanians and the Bruttians. The second issue is a Metapontion tetrobol (1/3 stater) probably struck for Pyrrhos of Epeiros following the battle of Herakleia (280 BC). Joining with the Akragas hemidrachm of the end of the 5th century BC, both gold coins came from the collection of Bosporan coins presented by the Federal Republic of Germany to the Museum in 2010. This numismatic collection presumably belongs to the pre-war Kerch Museum collection, which was transferred in Germany in 1943.

These coins of Metapontion, Tarentum and Akragas were found somewhere in the European Bosporus, most likely in Pantikapaion or its outskirts. Joining a number of extremely rare finds of South Italian and Sicilian coins (Neapolis, Metapontion, Croton, Bruttium, Tarentum, Peripolium, Megarae, Syracuse, Messina (Mamertini)) and also jewelery and toreutics items in the North Black Sea Region, the coins analyzed can be considered as the important evidence of trade-economic links between the Bosporus and Magna Graecia and Sicily at the end of the 5th – the 3rd century BC. Perhaps, these contacts were indirect.

Keywords: Bosporus, Magna Graecia, Sicily, Metapontion, Tarentum, Akragas, Greek coins, currency, trade links, Kerch Museum

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ АРХАИЧЕСКОЙ ПЛАСТИКИ НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

И.В. Бузунова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
buzunova-i@mail.ru

Аннотация. Коллекция античной скульптуры Эрмитажа обладает особыми чертами, предопределившими критерии подхода к изучению древнегреческого искусства в рамках эрмитажного собрания. Ввиду отсутствия в собрании музея монументальной пластики эллинов VI – начала V в. до н.э., исследование архаического стиля возможно на примере оригинальных бронз, миниатюрные размеры которых не искажают ясности статуарного канона. Специфика крупномасштабных памятников древности становится понятной благодаря древнеримским произведениям, воспроизводящим в свободной манере стилистику оригиналов эпохи архаики. В результате складывается широкое представление об основных параметрах архаического языка и главных статуарных типах архаического периода – скульптурах курсов и кор.

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, античная скульптура, музейные коллекции, греческая скульптура, архаика

Каждое музейное собрание имеет характерные особенности, сложившиеся под влиянием вкусов собирателей искусства, продиктованные модой на художественные стили и памятники, а также зависящие от условий формирования коллекционного фонда музея¹. Эти критерии определили состав эрмитажной коллекции античной скульптуры с точки зрения ее полноты или недостаточности по отдельным хронологическим периодам. Так, в области архаической пластики отсутствуют монументальные статуи, поэтому картина развития пластического искусства эллинов получается редуцированной. В результате, доклассический период VI – начала V вв. до н.э. изучается по древнеримским репликам греческих оригиналов, которые с той или иной мерой подробности воспроизводят основные черты раннего стиля. Помимо римских работ обогащают наши знания о морфологии архаического языка подлинные древнегреческие бронзы, а также памятники из археологической коллекции, вошедшие в собрание музея в результате раскопок на территории Причерноморья в XIX–XX вв.

Бузунова Ирина Валентиновна – методист Научно-методического сектора Научно-просветительного отдела Государственного Эрмитажа.

¹ Горбунова, Саверкина 1975, 13.

Наиболее точное представление о пластических, иконографических особенностях архаической скульптуры дают оригинальные работы греков – миниатюрные бронзовые статуэтки из коллекции классических древностей Эрмитажа. Они являются замечательными образцами архаического искусства и, невзирая на небольшие размеры, обладают всей полнотой стилистических характеристик². В данном случае речь идет о двух первоклассных памятниках: куросе с о. Самос 590–570 гг. до н.э. и фигурке Афродиты с Эротами 490 г. до н.э. с о. Эгина, служившей подставкой зеркала. Курос (инв. № В 616) изображен обнаженным, прямостоящим, с плотно прижатыми к телу руками и выставленной вперед левой ногой, демонстрирующей шаг. Все в его фигуре соответствует канону, заимствованному греками, по мнению ученых, из арсенала древнеегипетского искусства для создания особого статуарного типа³. По аналогии с древнеегипетскими статуями эрмитажному «юноше» присущи фронтальность, четырехфасадность, характерная поза, абсолютная симметрия тела и лица. Подобного рода архаические скульптуры величиной с человеческий рост и выше, преимущественно каменные или мраморные, в XIX в. назывались Аполлонами, так как в них видели изображения божества⁴. Однако эта версия не получила твердой аргументации и до настоящего времени не нашла подтверждения ни в эпиграфических, ни в археологических источниках. Скорее, можно предположить, что куросы, найденные *in situ* на территории некрополей и теменосов, служили надгробными статуями или вотивными приношениями в храмы, о чем помимо местонахождения памятников свидетельствуют высеченные на постаментах эпитафии⁵.

Вместо больших статуй, в качестве вотивов часто использовались миниатюры из бронзы, подобные эрмитажному экспонату, а также из камня, дерева или из драгоценных материалов: слоновой кости, серебра⁶. Статуэткам, которые в основных параметрах следовали монументальному прототипу, свойственна определенная доля условности, обобщенность трактовки образа, как это видно на примере архаических бронзовых куросов из коллекции Берлинского и Самосского музеев⁷. По классификации М.Г. Рихтер (Gisela Maria Richter 1882–1972) эти произведения, наряду с эрмитажной бронзой, вошли в круг островных работ группы Орхомен-Фера 590–570 гг. до н.э.⁸ Им присущи общие черты: несколько искаженные пропорции большеголовой фигуры с несоразмерно длинными по отношению к короткому торсу ногами, мягкие объемы тела, плавно перетекающие друг в друга и отражающие воздействие ионийских традиций. Однако, невзирая на типологическую общность памятников одной группы, каждый имеет свои особенности. Так, бронзу из коллекции Эрмитажа отличает высокий художественный уровень⁹. В ее пластике гармонично сочетаются суммарно проработанные крупные массы тела с детализацией черт лица, переданный цельно объем волос с дробным рисунком гравированных прядей. Резьбой выделены конструктивно

² Билимович 1973, 7.

³ Richter 1970, 1. Boardman 1996, 18–19. Rolley 1998, 116. Stewart 1990, 12, 108–109.

⁴ Jeffery 1976, 1; Rolley 1998, 146.

⁵ Давыдова 2000, 142.

⁶ Richter 1970, 9; Давыдова 2000, 142.

⁷ Richter 1970, 61, figs. 181–189, 190–192.

⁸ Richter 1970, 70–71. № 52, 53, fig. 187–189, 190–192.

⁹ Билимович 1973, 11.

важные элементы: область паха, коленные чашечки, а зрачки глаз для усиления декоративности когда-то подчеркивались инкрустацией, к сожалению, утраченной. Фигурка, что характерно для мелкой бронзовой скульптуры, использовалась в быту, возможно, являясь подставкой треножника, о чем свидетельствует отверстие на уплощенном темени¹⁰, и одновременно была вотивом, на что указывает вырезанная аргивским алфавитом (написание буквы Λ) надпись на постаменте «Поликрат меня посвятил»¹¹.

Художественные достоинства куроса пробудили к нему интерес любителей искусства эпохи Просвещения, и с этого времени памятник входит в каталоги античной скульптуры. К сожалению, более ранняя история вещи неизвестна, но, без сомнения, заслуживает самого пристального внимания для уточнения места и времени создания скульптуры. Впервые курос, будучи частью веронской коллекции Шипионе Маффеи (Scipione Maffei 1675–1755)¹², публикуется в каталоге собрания 1732 г. Затем, после приобретения антика венецианским дожем Бернардо Нани (Bernardo Nani 1712–1760), он упоминается в монографии П. Пачуди (Paolo Rasciaudi 1710–1785) «Монументы Пелопоннеса» 1761 г.¹³, где автор собрал во едино произведения с Эгейских островов, Пелопоннеса, оказавшиеся в Италии в результате Венецианско-Отоманских войн конца XVII века. Следующим владельцем бронзы стал французский коллекционер граф Ж.А. Пурталес-Горжье¹⁴, который продал ее в 1865 г. С.А. Геденову (1816–1878) для Эрмитажа¹⁵.

Атрибуция памятника оставалась спорной до момента появления в начале XIX века теории известного немецкого ученого Т. Панофки (Theodor Panofka 1800–1858). Изучив стилистические особенности, он предположил самосское происхождение статуэтки. Это мнение подтвердилось через столетие в результате открытия в 1930-х гг. на Самосе группы аналогичных по стилю и технике исполнения произведений, опубликованных Э. Бушором (Ernst Buschor 1886–1961)¹⁶. Другой тезис исследователя касался интерпретации посвячительной надписи на постаменте с упоминанием имени Поликрата, который был принят за легендарного правителя острова – тирана Поликрата (538–521 гг. до н.э.). Т. Панофка высказал версию о том, что статуэтка делалась по заказу в середине VI в. до н.э. как миниатюрное повторение статуи Аполлона Пифийского работы знаменитых мастеров Теодора и Телекта (Herod. I. 51; III. 41; Plin. Sec. XXXIV. 83), а затем ее посвятили в дельфийский храм божества¹⁷. Гипотеза Панофки способствовала сложению устойчивого мифа, бытующего до сих пор и, бесспорно, нуждающегося в серьезном обосновании для подтверждения или опровержения. Кроме того, к пересмотру атрибуции бронзы побуждает противоречивость свидетельств

¹⁰ Билимович 1973, 11; Richter 1970, 71–72. №54, Fig. 193–195. Предположительно, курос служил подставкой треножника. См.: Билимович 1964, 24.

¹¹ Надпись сходного содержания «Дайнагор меня посвятил» выполнена на подставке куроса из собрания музеев Берлина. См.: Давыдова 2000, 142; Richter 1970, 142. № 175, Fig. 515–517.

¹² Maffei Scipione 1732, 261; Круглов 2014, 13. А.В. Круглов отмечает, что Ш. Маффеи был основателем «одного из первых музеев Европы».

¹³ Rasciaudi 1761/2, 50–51.

¹⁴ Т. Панофка упоминает куроса в составе коллекции графа Пурталеса-Горжье. См.: Panofka 1834, 42–51. pl. XIII.

¹⁵ Билимович 1964, 24; Круглов 2014, 13.

¹⁶ Buschor 1935, 11–13. Abb. 29, 31, 32, 35, 37, 38.

¹⁷ Билимович 1964, 24–25.

античных авторов о времени создания самосскими ваятелями гипотетического прототипа – скульптуры Аполлона Пифийского. Возможно, разрешить проблему поможет, как сказано выше, обращение к истории памятника, поскольку вопреки надписи раннеархаическая манера исполнения и состояние поверхности позволяют отнести его к другому, более раннему историческому периоду начала VI в. до н.э. (590–580 гг. до н.э.), чем время правления Поликрата¹⁸.

Основным типом архаической женской статуи в VI – начале V вв. до н.э. стала так называемая кора, как полагают, изображавшая жрицу богини в строго канонической позе, роскошном одеянии, с атрибутом в руке или служившая вотивом¹⁹. Ясное представление о характерных особенностях ранней женской пластики сложилось лишь в последней четверти XIX века, благодаря замечательному открытию на Акрополе в слое «персидского мусора» группы кор, украсивших впоследствии собрание Акропольского музея²⁰. Памятники подобного рода уникальны и являются большой редкостью в музейных коллекциях, однако их нехватку компенсируют небольшие бронзовые статуэтки, которые, повторяя монументальный образец, воспроизводят черты архаического стиля²¹ с учетом изменения масштаба и материала. Бронзовые миниатюры получили широкое распространение в античном мире, став массовым материалом, ведь они часто служили предметами женского обихода, например, подставками зеркал.

Эрмитажная Афродита с Эротами, стоящая на табурете (инв. № В 815), тоже выполняла роль подставки для бронзового диска зеркала. Отполированный диск, некогда укрепленный в дугообразной пластине на голове богини²², был найден вместе с фигуркой, но оказался разрушенным, поэтому не выставляется²³. Изящная статуэтка 480 г. до н.э. напоминает мраморную кору фронтальным расположением тела в пространстве, гармоничными пропорциями, а также жестами рук: в правой руке богиня держит атрибут (шишку пинии), а левой кокетливо приподнимает край одежды. Ее лицо с тонким овалом, миндалевидными глазами и архаической улыбкой на губах, прическа из длинных, падающих на спину волос, традиционны для архаики и, по мнению исследователей, находят аналогии как в ряду бронзовых статуэток²⁴, так и в группе акропольских скульптур²⁵. Важное значение в трактовке образа имеет одежда, с одной стороны, играющая декоративную роль, отсюда ее многослойность, богатство рисунка складок с узнаваемым «ласточкиным хвостом», изощренность в сочетании тонкого ионического хитона с более плотным диагонально расположенным плащом, сколотым на плече фибулой. С другой – одеяния демонстрирует его разнообразное взаимодействие с телом, объемы которого подчеркиваются драпировками или, наоборот, нивелируются. Так, впереди тонкая материя облегает грудь Афродиты, словно обвола-

¹⁸ Richter 1970. 71. № 54, fig. 193–195.

¹⁹ Stewart 1990. 12, 110, 120–121.

²⁰ Richter 1968, 5–6.

²¹ Билимович 1973, 7. Charbonneaux 1958, 1.

²² Жебелев, Мальмберг 1907, 22.

²³ Билимович 1973, 24, кат. 54.

²⁴ Richter 1968, 84. № 136, fig. 435–438. Dumont, Chaplain 1890/2, 249. Pl. XXXIII. Иконография статуэтки, в том числе трактовка лица и прически аналогичны ряду миниатюрных бронз, например, из Коринфа.

²⁵ Жебелев, Мальмберг 1907, 22–24. Richter 1968, figs. 597–598, figs. 389–393.

кивает руки, обрисовывая мускулатуру, ниже ткань пеплоса скрадывает формы в противовес тыльному ракурсу, где вновь отчетливо проступают контуры фигуры. Стоящие на плечах богини Эроты с распростертыми крыльями статуэтки усиливают декоративный эффект и проясняют некоторые аспекты атрибуции. В форме их изогнутых крыльев, возможно, отражаются ионийские влияния²⁶, дополняющие основные черты стиля Эгинской школы²⁷.

Эрмитажная бронза выделяется в массе подобного рода памятников превосходным исполнением, чистотой стилистических характеристик и может наравне с монументальными скульптурами служить ярким образцом архаической пластики. Однако у исследователей остается открытым ряд вопросов, сформулированных С.А. Жебелевым (1867–1941) и К.С. Мальмбергом (1860–1921) в публикации 1907 г., где говорилось о спорной атрибуции (по мнению авторов статьи – конец VI в. до н.э.) и, в принципе, о проблеме происхождения вещи, к сожалению, до сих пор не решенных²⁸. Историческая справка в «Каталоге античной художественной бронзы» 1973 г. о поступлении памятника из частной коллекции А.Д. Блудова (1817–1886), купившего Афродиту в Греции, к сожалению, провенанс не уточняет.

Для понимания тонкостей языка архаики, реконструкции его формообразующих элементов в области монументальной пластики, необходимо обратиться к большим античным скульптурам Эрмитажа, так как именно они передают специфику, обусловленную масштабами. При этом необходимо учитывать, что основное ядро классического собрания древностей составляют древнеримские памятники, среди которых отсутствуют точные копии архаических образцов²⁹. Тем не менее в римских репликах, преимущественно августовского времени, встречаются черты раннего стиля греков, популярного в среде аристократов. Согласно классификации европейских и русских антиковедов³⁰, произведения с преобладанием стилистических архаизмов называют архаистическими, а скульптуры, наделенные лишь формальными признаками архаики, принято именовать архаизирующими³¹.

К немногочисленной группе архаистических памятников Эрмитажа относится базальтовый торс Афины I в. до н.э. (инв. № А 168), поступивший в 1851 г. с коллекцией Н.Н. Демидова (1773–1828), которая формировалась в Италии³². В каталогах античной скульптуры Г.Е. Кизерицкого (1847–1904) 1901 г. и О.Ф. Вальдгауэра (1883–1935) 1923 г. сказано, что Афина обнаружена на вилле Лукулла на Посилиппо близ Неаполя, где находилась, очевидно, еще с римского времени. От большой статуи в рост сохранился только торс, но даже в таком фрагментированном состоянии скульптура обладает, на первый взгляд, четко артикулированными архаическими особенностями. Ей присущи фронтальность тела, расположенного

²⁶ Жебелев, Мальмберг 1907, 22–24. Отмечая ионийские черты в изображении одежды и крыльев, авторы не утверждали ионийского происхождения самой статуэтки, связывая ее с Эгинской школой и говоря о том, что влияние Ионии распространялось на разные художественные центры.

²⁷ Charbonneaux 1958, 31, 77, pl. XIV.

²⁸ Жебелев, Мальмберг 1907, 22–24.

²⁹ Саверкина 1982, 98.

³⁰ Fullerton 1994, 378–380. Про архаистические тенденции в римской пластике Августовского времени см.: Bol 2010/IV, 37.

³¹ Kruglov 2005, 46.

³² Вальдгауэр 1923, 79, № 119; Кизерицкий 1901, 11, № 22. Г.Е. Кизерицкий в качестве одного из первых владельцев скульптуры называет г. Дж. Мальдура.

в одной плоскости, обобщенность пластической массы, ярко выраженная локализация каждого ракурса и неподвижность, несмотря на видимость движения. Левая нога, судя по очертаниям сохранившегося бедра, была выдвинута вперед, а правая рука, фрагмент плеча которой позволяет реконструировать ее положение, поднята вверх, возможно из-за копья³³. В целом образный строй произведения соответствует древнему канону, и вместе с тем скульптуру отличает эклектичный характер исполнения, что отмечалось авторами эрмитажных каталогов начала XX в.³⁴

Противоречива, прежде всего, трактовка одеяния Афины, сочетающего в себе разновременные художественные тенденции, как ранние, так и более поздние. Многослойная одежда, состоящая из хитона, пеплоса и короткого, сложно задрапированного плаща-гиматия кажется вполне традиционной для архаики. Однако мастер, свободно обращаясь с прототипом, располагает короткий ионийский гиматион не канонически наискосок, в соответствии с иконографией статуй VI – начала V вв. до н.э.³⁵, а собирает его на плечах под эгидой, отчего тот провисает в центре, формируя сложную систему складок³⁶. Их графичность, строгая симметрия, образованный краями полотнищ узор в форме «ласточкиного хвоста» напоминают декоративные, условного характера одежды акропольских кор, но сходство поверхностно. Складки гиматия богини ложатся естественно, согласно расположению ткани, причем их рисунок аналогичен драпировкам пеплоса у раннеклассических, а не архаических скульптур³⁷. Отход от традиции проявляется также в трактовке материи, в древних памятниках обычно тонкой у нижнего платья, тяжелой у верхнего, а в эрмитажном варианте – одинаково плотной. Прорабатывая пластику фигуры, римский мастер использует архаическую антитезу лицевого и тыльного ракурсов, поэтому впереди толстая ткань одежд почти нивелирует объемы тела, сзади же, наоборот, неожиданно подчеркивает каждый, моделируя абрис спины, мышцы ягодиц. Важно отметить, что эта черта идет вразрез с древним каноном, где, помимо противопоставления фронтальной и оборотной сторон статуи, амбивалентны низ и верх торса: тончайший хитон, ниспадая из-под гиматия, традиционно обрисовывает ноги коры, тогда как плечи и грудь скрыты покровом. Фантазийно, с точки зрения архаического прототипа, изображен атрибут Афины – эгида. Она, в отличие от больших, закрывающих грудь богини до пояса³⁸ доспехов VI – начала V в. до н.э., невелика и скорее напоминает образцы высокой классики³⁹. Горгонеийон в виде маски с буклями волос тоже не имеет аналогов в раннегреческой пластике⁴⁰. Таким образом, складывается эклектичный

³³ Кизерицкий 1901, 11, № 22.

³⁴ Кизерицкий 1901, 11, № 22; Вальдгауер 1923, 79, № 119.

³⁵ Richter 1968, figs. 340.

³⁶ Вальдгауер 1923, 79, № 119. О.Ф. Вальдгауер отмечает эклектичное расположение плаща, не пересекающего грудь, а подобранного на плечах. Аналогию в системе расположения складок верхнего одеяния Афины можно увидеть в раннеклассической скульптуре. См.: Paribeni 1963, 48, № 79; Подобный стиль изображения одежд восходит и к архаическим памятникам. См.: Richter 1968, figs. 324–325, 347–348, 368–372.

³⁷ Саверкина 1982, 99.

³⁸ Ridgway 1970, pl. 1. Aegina. West Pediment, Athena (Münich Glyptothek); pl. 39. Angelitos Athena. Acr. 140 (Acropolis Museum).

³⁹ Boardman 1985, fig. 200, Athena Medici; fig. 202, Athena Velletri.

⁴⁰ Вальдгауер 1923, 79, № 119. Подчеркнута стилизация горгонеийона, тогда как сам стиль статуи, по мнению автора, восходит к образцам начала V в. до н.э. Саверкина 1982, 99.

образ богини с преобладанием архаических элементов, что позволяет отнести его к группе архаистических произведений⁴¹ раннеимператорского времени⁴². Датировку памятника облегчает материал скульптуры – зеленый базальт, применявшийся для изготовления стилизаций под бронзу в I в. до н.э.⁴³

Архаизирующее направление древнеримской пластики в Эрмитаже представляет одна из лучших статуй античного собрания – так называемый Эрот Соранцо (инв. № А192). Скульптура, наделенная яркими особенностями, стилистически противоречивая, с XIX в. была в центре внимания ученого сообщества Европы⁴⁴ и России⁴⁵. Наиболее полное, исчерпывающее на момент создания исследование памятника с описанием провенанса опубликовал в 1915 г. О.Ф. Вальдгауер⁴⁶. Изложенные им венецианские предания связывали происхождение скульптуры с Восточной Грецией: одно – с Византией, откуда статуя могла быть вывезена в Италию Энрико Дандоло (1108–1205), другое – с одним из Эгейских островов, где ее мог купить в 1312 г. венецианский дож Соранцо (1240–1328). Ученый, ссылаясь на отсутствие документов⁴⁷, опроверг эти версии и сделал вывод о единственно возможной атрибуции скульптуры с опорой на стиль исполнения, явно римский⁴⁸. Согласно его мнению, Эрота, созданного древнеримским ваятелем, нашли в Италии, и он в XIV в. оказался в Palazzo Soranzo. В дальнейшем антик купил известный торговец древностями Антонио Санквирико⁴⁹, перепродавший его в 1851 г. первому директору Эрмитажа С.А. Геденову для собрания музея⁵⁰.

С Эротом Соранцо связан целый узел проблем атрибуции, происхождения, иконографии, интерпретации. Прежде всего важно понять, какой древнегреческий образец послужил прототипом эрмитажного памятника: раннеклассическое произведение первой половины V в. до н.э. с архаической основой⁵¹ или эклектичное по своему характеру творение мастеров школы Пасителя I в. до н.э.⁵² Анализ скульптуры выявляет архаизацию черт уплощенного лица, где брови трактованы в виде граней, ромбовидные глаза, очерченные валиками век, не заглублены, щеки проработаны схематично и, в целом, манера исполнения фронтально расположен-

⁴¹ Кизерицкий 1901, 11, № 22. Автором отмечается архаистический характер памятника. Саверкина 1982, 99.

⁴² Кизерицкий 1901, 11, № 22. В каталоге произведение атрибутируется II в. до н.э. В дальнейшем эта точка зрения не поддерживается.

⁴³ Саверкина 1982, 99. Несмотря на ясный атрибуционный признак статуи – базальт, позволяющий отнести ее к I в. до н.э., автор отмечает сложность более точной датировки ввиду уникальности произведения. Langlotz 1946–1947, 95.

⁴⁴ Barry, Helbig W., Conze A., Flasch A., Roscher W.H., Furtwängler A., Joubin A. etc.

⁴⁵ Геденов С.А., Кизерицкий Г.Е.

⁴⁶ Вальдгауер 1915, 27.

⁴⁷ Вальдгауер 1915, 27–29.

⁴⁸ Вальдгауер 1915, 28.

⁴⁹ Круглов 2008, 169. Автор приводит данные о коллекции А. Санквирико.

⁵⁰ Круглов 2008, 169. В статье фигурирует информация об антикварной деятельности А. Санквирико, а также сведения о работе в Италии первого директора Эрмитажа С.А. Геденова. Вальдгауер 1915, 29. Автор указывает на архивные документы, свидетельствующие о покупке Эрота. См.: АГЭ. 1851 г. Д. № 20.

⁵¹ Conze A., Waldhauer O., Lippold G. предполагали, что в основе композиции Эрота – произведение первой половины V в. до н.э. Вальдгауер, например, твердо считал, что прототипом произведения послужил оригинал Пифагора Регийского – скульптора первой половины V в. до н.э. См.: Вальдгауер 1915, 62.

⁵² Ridgway S., Robertson M., Borbein A.H., Boardman J.

ной скульптуры близка к раннегреческой. Но с намеренно архаизированным обликом юноши диссонирует чересчур изысканная сложносоставная прическа из выющихся волос. Она находит аналогии в произведениях строгого стиля первой половины V в. до н.э.⁵³ и, вместе с тем, отлична от них причудливым фасоном с частью волос, зачесанных от затылка на лоб и образующих небольшую челку, с короткими локонами, ниспадающими вдоль щек, и длинными прядями, волной лежащими на шею. Тратовка волос придает скульптуре ощутимый налет нарочитой декоративности, свойственной образцам неоаттической школы⁵⁴, таким образом косвенно указывая на связь с кругом Пасителя. Стилистическая разнородность статуи находит продолжение в ее композиционном построении, прежде всего в напряженной скованной позе, в которой соединены, а точнее сказать, противопоставлены жестко зафиксированный торс с абсолютно прямыми плечами и движение сильно отставленной в сторону левой ноги, придающей фигуре неустойчивость. Столь же противоречиво сочетание схематичных черт лица с резким поворотом головы вправо, обобщенной пластики ног с дробной трактовкой мышц груди и пресса.

Сложный характер скульптуры усугубляет неясная интерпретация. Исторически эрмитажный памятник считался изображением Эрота, так как немецкий антиковед А. Флэш в 1878 г. связал его с античным торсом из Спарты⁵⁵. Согласно теории Флэша, из аналогии пластики, ракурсов скульптур следовало тождество иконографии: если спартанский торс с выемками для крыльев на спине мог интерпретироваться как статуя бога любви, то его стилистический пандан в Эрмитаже тоже. Позже у Эрота Соранцо обнаружили отверстия ниже лопаток, и эта версия обрела новых сторонников в антиковедческой среде⁵⁶. Но О.Ф. Вальдгауер отрицал мнение большинства, ссылаясь на слишком низкое расположение углублений, предназначенных явно не для крыльев; на разницу в размерах двух будто бы идентичных памятников, находя отличия в их стиле и в деталях (например, на плечах спартанского торса отсутствуют следы волос прически)⁵⁷. Ученым была выдвинута собственная гипотеза, основанная на реконструкции атрибутов. Они, невзирая на хорошую сохранность статуи с незначительными реставрированными деталями, не дошли до нашего времени. Однако жест левой почти полностью оригинальной руки, составленной из трех античных фрагментов, давал пищу для размышлений. О.Ф. Вальдгауэр, тщательно изучив положение кисти и пальцев⁵⁸, их поверхность, предположил, что в руке юноши находились яблоки – любовный подарок, а не лук – атрибут бога любви. Используя реконструированный атрибут

⁵³ Саверкина 1986, 30, кат. 2. Аналогии в прическе в памятниках второй четверти V в. до н.э.: в фигурах Афродиты с «Трона Людовизи» и Триптолема с Элевсинского рельефа.

⁵⁴ Саверкина 1986, 30, кат. 2.; Ridgway 1970, 132.

⁵⁵ А. Flash имел ввиду памятник высотой 70 см, обнаруженный в 1878 г. в Спарте и хранящийся в музее города. См.: Tod, Wace 1906, 148, № 94, fig. 22. В качестве аналогии приведен Эрот Соранцо. См.: Tod, Wace 1906, 123–124, fig. 21.

⁵⁶ А. Flasch не упоминал отверстия в спине Эрота Соранцо, чтобы обосновать его интерпретацию, как бога любви. Их отметил Е. Thraemer, предполагая, что углубления использовались для крепления бронзовых крыльев.

⁵⁷ Вальдгауер 1915, 38. Размер отверстий 0,08 x 0,155; 0,85 x 0,045.

⁵⁸ Вальдгауер 1915, 39. Для реконструкции атрибута важна сохранность указательного пальца и первых фаланг остальных пальцев левой руки, позволяющих воссоздать с большой долей вероятности движение кисти, а, соответственно, и предмет в ней.

— яблоки вкупе с данными нарративных источников в качестве доказательств⁵⁹, ученый увидел в эрмитажном герое возлюбленного Аполлона — Гиакинфа⁶⁰, формирование культа которого завершилось к началу V в. до н.э. Гипотеза О.Ф. Вальдгауера объясняла особенности композиционного строя статуи: странный поворот головы, якобы обусловленный наблюдением за полетом диска во время соревнования с Аполлоном, крупномасштабность скульптуры, стоявшей обособленно, поэтому строго фронтально.

Исследователь категорически отвергал возможность включения Гиакинфа в группу, указывая на его монументальный размер, постановку тела в единой плоскости и устремленный в сторону взгляд⁶¹. Тем не менее неоднозначная композиция в сочетании с другими качествами антика до сих пор вызывает споры по поводу одиночного или группового характера памятника⁶². В настоящее время большинство ученых придерживается мнения о связи Эрота Соранцо с кругом Пасителя, видя в нем меньшую по размеру фигуру скульптурной группы, где могли быть представлены разные мифологические герои⁶³. Теоретически, пару эрмитажному эфебу составляла статуя большего размера, привносящая в группу повествовательный аспект и делающая Эрота устойчивей. Таким образом, исторически сложились две на первый взгляд взаимоисключающие друг друга научные концепции, в слиянии которых лежит истина. По всей видимости, эрмитажная реплика была частью скульптурного ансамбля работы неонатического мастера. Он, следуя вкусу своего времени, взял за образец отдельно стоящую статую строгого стиля и на ее основе создал вполне самостоятельное произведение, насыщенное модными архаизмами⁶⁴, поскольку известно, что ваятели I в. до н.э. — I в. н.э. свободно черпали идеи из арсенала прошлого и творчески их перерабатывали. Для формирования окончательного суждения необходимо уточнить провенанс Эрота Соранцо, исследовать уникальный памятник на предмет его аутентичности и стилистической принадлежности, выявляющей сложное переплетение разновременных элементов с включением утонченной архаизации.

Древнеримские статуи, стилизованные под архаику, из собрания Эрмитажа наряду с подлинными греческими бронзами VI — начала V вв. до н.э. создают необходимый фундамент для изучения архаического искусства пластики, демонстрируя главные качества древнего канона. Традиционность одних, жестко следующих прототипу, оригинальность других, выраженная в эклектичном художественном строе, расширяют представление о древнегреческой скульптуре до-

⁵⁹ Herod IX, 7; 9, 11; Polyb. XVIII, 30; Plin. XXIV, 59.

⁶⁰ Вальдгауер 1915. 45–47. Автор доказывал свою версию интерпретации, базируясь не только на реконструкции атрибута в руке юноши — яблок, как любовного подарка, но также ссылаясь на свидетельства источников о существовании культа Гиакинфа в Амиклах, на Сицилии и непосредственно в Таренте, где работал Пифагор Регийский (предполагаемый автор прототипа эрмитажной статуи).

⁶¹ Вальдгауер 1915, 44–45.

⁶² Уже в XIX в. ряд ученых придерживался мнения об изначальном присутствии рядом с Эротом второго персонажа: Wolters, Furtwängler A., Joubin A.

⁶³ Саверкина 1986, 31, кат. 2; Ridgway B.S., Borbein A.H. — Афродита с Эротом, Schrader H. — Триптолем с Деметрой и Персефой, Langlotz E. — Ганимед с Зевсом. Boardman 1985, 87, fig. 70; Ridgway 1970, 132–133, pl. 163.

⁶⁴ Саверкина 1986, 32.

классического и постклассического времени и оставляют широкое пространство для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Билимович, З.А. 1964: Три архаические бронзы из коллекции Эрмитажа. В сб.: Тезисы докладов на Юбилейной научной сессии. Октябрь 1964: К 200-летию Эрмитажа. 1764–1964. Л., 24–26.
- Билимович, З.А. 1973: *Античная художественная бронза*. Каталог. Л.
- Вальдгауер, О.Ф. 1915: *Пифагор Регийский*. Петроград.
- Вальдгауер, О.Ф. 1923: *Античная скульптура*. Петроград.
- Горбунова, К.С. Саверкина, И.И. 1975: *Искусство Древней Греции и Рима в собрании Эрмитажа*. Л.
- Давыдова, Л.И. 2000: Архаический курос из раскопок на острове Березань. В сб.: С.Л. Соловьев (ред.), *Античное Причерноморье. Сборник статей по античной археологии*. СПб, 140–143.
- Жебелев, С.А. Мальмберг, В.К. 1907: *Три архаические бронзы из Херсонесской губернии* (Материалы по археологии России. 32). СПб.
- Кизерицкий, Г.Е. 1901: *Музей древней скульптуры*. СПб.
- Круглов, А.В. 2008: Венера Гримани-Нани. В сб.: Е.Н. Ходза, А.М. Бутягин (ред.), *Античный мир. Искусство и археология* (ТГЭ.Т. XLI). СПб, 158–182.
- Круглов, А.В. 2014: Неизвестное об известном. О происхождении рельефа «Гибель Ниобид». В сб.: А.В. Конивец (ред.), *250 историй про Эрмитаж. Сборник статей: в 3-х т. Т. 2*. СПб., 12–16.
- Саверкина, И.И. 1982: Две архаистические скульптуры в собрании Эрмитажа. В сб.: *Художественные изделия античных мастеров. Сборник статей*. Л., 97–100.
- Саверкина, И.И. 1986: *Греческая скульптура V в. до н.э. в собрании Эрмитажа. Каталог*. Л.
- Boardman, J. 1985: *Greek sculpture: The Classical Period*. London.
- Boardman, J. 1996: *Greek sculpture: The Archaic Period*. London.
- Buschor, E. 1935: *Altsamische Standbilder*. Berlin.
- Charbanneaux, J. 1958: *Les bronzes grecs*. Paris.
- Dumont, A. Chaplain, J. 1888-1890: *Les céramiques de la Grèce propre*. Vol. I–II. Paris.
- Fullerton, M.D. 1994: Book reviews Glyptothek, Munchen. Katalog der Sculpturen Bd. VI. *AJA* 98.2, 378–380.
- Jeffery, L. 1976: *Archaic Greece. The City-States 70–500 B.C.* London.
- Kruglov, A. 2005: *The Collection of works in Archaistic Style in the Hermitage Museum's Department of Classical Antiquities*. In: S.Solovyov (red.), *Archaic Greek Culture: History, Archaeology Art and Museology*. Saint Petersburg, 46–50.
- Maffei, S. 1732: *Verona illustrate*. Verona.
- Langlotz, E. 1946–1947: Bemerkungen zu einem Basaltkopf in München. In: *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 61/62, 95–111.
- Paciaudi, P.M. 1946–1947: *Monumenta Peloponessia*. Vol. I–II. Roma.
- Paribeni, E. 1763: *Museo Nazionale romano*. Roma.
- Richter, M.-G. 1968: *Korai. Archaic Greek Maidens*. London.
- Richter, M.-G. 1970: *Kouroi. Archaic Greek Youths*. London.
- Rolley, C. 1998: *Le sculpture grecque*. Paris.
- Ridgway, B.S. 1970: *The Severe Style in Greek Art*. Princeton.
- Stewart, A. 1990: *Greek Sculpture*. London.

REFERENCES

- Bilimovich, Z.A. 1964: Tri arkhaischeskie bronzy iz kollektsii Ermitazha [The three archaic bronzes in the Hermitage collection]. In: *Tezisy dokladov na Yubileynoy nauchnoy sessii. Oktyabr' 1964. K 200-letiyu Ermitazha. 1764–1964* [Proceedings of the Anniversary scientific session. October 1964: To the 200th anniversary of the Hermitage. 1764–1964]. Leningrad, 24–26.
- Bilimovich, Z.A. 1973: *Antichnaya khudozhestvennaya bronza* [Ancient Art Bronze. Catalog]. Leningrad.
- Boardman, J. 1985: *Greek sculpture: The Classical Period*. London.
- Boardman, J. 1996: *Greek sculpture: The Archaic Period*. London.
- Buschor, E. 1935: *Altsamische Standbilder*. Berlin.
- Charbanneaux, J. 1958: *Les bronzes grecs*. Paris.
- Davydova, L.I. 2000: Arkhaicheskiy kuros iz raskopok na ostrove Berezan' [An archaic kouros from the excavations at the Island of Berezan]. In: S.L. Solovyov (red.), *Antichnoe Prichernomor'e: Sbornik statey* [The Ancient Black Sea: Collection of articles]. Saint Petersburg, 140–143.
- Dumont, A. Chaplain, J. 1888–1890: *Les céramiques de la Grèce propre*. Vol. I–II. Paris.
- Fullerton, M.D. 1994: Book reviews Glyptothek, Munchen. Katalog der Sculpturen Bd. VI. *American Journal of Archaeology* 98.2, 378–380.
- Gorbunova, K.S. Saverkina, I.I. 1975: *Iskusstvo Drevney Gretsii i Rima v sobranii Ermitazha* [Greek and Roman Antiquities in the Hermitage]. Leningrad.
- Jeffery, L. 1976: *Archaic Greece. The City-States 700–500 B.C.* London.
- Kizeritskiy, G.E. 1901: *Muzey drevney skul'ptury* [Museum of the Ancient Sculpture]. Saint Petersburg.
- Kruglov, A. 2005: *The Collection of works in Archaistic Style in the Hermitage Museum Department of Classical Antiquities*. In: S. Solovyov (ed.), *Archaic Greek Culture: History, Archaeology Art and Museology*. Saint Petersburg, 46–50.
- Kruglov, A.V. 2008: Venera Grimani-Nani [Venus of Grimani-Nani]. In: E.N. Khodza, A.M. Butyagin (reds.), *Antichnyy mir. Iskusstvo i arkheologiya* [The Ancient World. Art and Archaeology] (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Transactions of the State Hermitage. XLI]. Saint Petersburg, 158–182.
- Kruglov, A.V. 2014: Neizvestnoe ob izvestnom. O proiskhozhdenii rel'efa «Gibel' Niobid» [Unknown about the known. On the origin of relief “The loss is Niobes”]. In: A.V. Konivets (ed.), *250 istoriy pro Ermitazh. Sbornik statey* [250 stories about the Hermitage: Collection of articles]. Vol. 2. Saint Petersburg, 12–16.
- Langlotz, E. 1946–1947: Bemerkungen zu einem Basaltkopf in München. In: *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 61/62, 95–111.
- Maffei, S. 1732: *Verona illustrate*. Verona.
- Paciaudi, P.M. 1761: *Monumenta Peloponessia*. Vol. I–II. Roma.
- Paribeni, E. 1763: *Museo Nazionale romano*. Roma.
- Richter, M.-G. 1968: *Korai. Archaic Greek Maidens*. London.
- Richter, M.-G. 1970: *Kouroi. Archaic Greek Youths*. London.
- Ridgway, B.S. 1970: *The Severe Style in Greek Art*. Princeton.
- Rolley, C. 1998: *Le sculpture grecque*. Paris.
- Saverkina, I.I. 1982: Dve arkhaisticheskie skul'ptury v sobranii Ermitazha [Two Archaistic sculptures in the Hermitage]. In: *Khudozhestvennye izdeliya antichnykh masterov: Sbornik statey* [Artistic Masterpieces of Antique Masters: Collection of Articles]. Leningrad, 97–100.
- Saverkina, I.I. 1986: *Grecheskaya skul'ptura v V veke do n.e. v sobranii Ermitazha. Katalog* [The 5th century BC Greek Sculpture in the Hermitage. Catalogue]. Leningrad.

Stewart, A. 1990: *Greek Sculpture*. London.

Valdgauer, O.F. 1915: *Pifagor Regiyskiy [Pythagoras of Rhegion]*. Petrograd.

Valdgauer, O.F. 1923: *Antichnaya skul'ptura [Ancient Sculpture]*. Petrograd.

Zhebelev, S.A. Malmberg, V.K. 1907: *Tri arkhaicheskie bronzy iz Khersonesskoy gubernii [Three archaic bronzes from Chersonese province]* (Materialy po arkheologii Rossii [Materials on the Archeology of Russia]). 32. Saint Petersburg.

ARCHAIC SCULPTURE IN THE STATE HERMITAGE AND THE STUDY OF GREEK ART

Irina V. Buzunova

The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, Russia

buzunova-i@mail.ru

Abstract. The Hermitage collection of classic sculpture has special features that predetermined the criteria of the approach to the study of ancient Greek Art. In the absence of the Greek sculptures of the 6th – beginning of the 5th centuries BC in the museum collection, it is possible to study the Archaic style on the basis of the original bronzes, the miniature size of which do not distort the clarity of the statuary canon. Specific character of large-scale monuments of the antiquity becomes clear thanks to ancient Roman works that in a broad manner reproduce the stylistics of the archaic epoch originals. As a result, one can form a broad view on the basic parameters of the archaic language and main statuary types of the Archaic period – sculptures of *kouroi* and *korai*.

Keywords: The State Hermitage, museum collections, Greek sculpture, Archaic period

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2017), 392–401
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2017), 392–401
© Автор(ы) 2017

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ДАТИВА В ВИЗАНТИЙСКОМ ГРЕЧЕСКОМ XI–XV вв. (НА МАТЕРИАЛЕ ВИЗАНТИЙСКИХ КАНОНИЧЕСКИХ ВОПРОСОТВЕТОВ)

А.В. Анашкин

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, Москва, Россия
miles-an@rambler.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности употребления датива в греческом языке византийского периода (XI –XV вв.) на материале византийских церковных канонико-правовых вопросов. Причина, по которой уделяется внимание этой грамматической категории имени, состоит в ее постепенном исчезновении в греческом языке, по общему представлению, именно в византийский период. В работе используется стилометрический метод количественного и качественного анализа, результаты которого позволяют проследить частоту употребления датива в исследуемых текстах и широту его функционирования. На основании полученных данных автор приходит к выводу, что датив является сравнительно живым элементом языка исследованных источников и дальнейшее изучение его использования в этих текстах может оказаться важным для понимания его последующей судьбы, а также при составлении описательной грамматики греческого языка византийского периода.

Ключевые слова: датив, морфология греческого языка поздневизантийского периода, канонические вопросы, эротапокризы, стилометрический метод количественного и качественного анализа

Анашкин Антон Владимирович – кандидат филологических наук, заместитель декана богословского факультета по научной работе ПСТГУ.

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать некоторые особенности употребления дательного падежа в памятниках византийской эротапокритической письменности и попытаться понять, как эти данные могут пролить свет на вопрос функционирования датива в греческом языке византийского периода.

Предметом научного рассмотрения стали девять памятников церковно-канонической вопросоответной письменности XI–XV вв.¹ Эти небольшие по объему произведения, в отличие от больших юридических сводов, отражали реалии своего времени, в них как бы оживают картины действительности, приходской жизни греческой деревни средне- и поздневизантийского периодов². Данные тексты представляют собой сборники различных ответов церковных иерархов по вопросам канонического права, литургии, духовных практик, браков и так далее. Жанровая природа канонических вопросоответов трудноуловима³: рассуждая о ней, необходимо выбрать точку отсчета – либо мы говорим о вопросоответных коллекциях на синхронном срезе (как о законченных произведениях с одним автором или – по крайней мере – редактором и заранее продуманной композицией), либо об их генезисе (превращении в коллекции заданных разными людьми – с разным уровнем образования и языкового чутья – по разным случаям и в разное время вопросов и данных на них в разное время ответов). Несомненно, перед нами жанровое превращение: акты живого общения, происходящего в форме дистанционного диалога, а точнее деловой переписки, застывают и кодифицируются как собрание прецедентов – по сути, справочник (об этом можно судить по рукописной традиции вопросоответных собраний)⁴.

¹ А именно: 1. Ответы Никиты Ираклийского: *Ἐρωτήσεις ἀποσταλεῖσαι παρὰ Κωνσταντίνου ἐπισκόπου πρὸς τὸν μακαριώτατον μητροπολίτην Ἡρακλείας κύριον Νικήταν, καὶ ἀποκρίσεις τοῦ αὐτοῦ ἀρχιερέως ὠφέλιμος* (Павлов, А.С. (изд.) 1895: Канонические ответы Никиты, митрополита Ираклийского (XI–XII века) в их первоначальном виде и в позднейшей переработке Матфея Властаря (XIV в.); 2. Ответы Николая Грамматика (Бенешевич 1987, 101–111); 3. Ответы Петра Хартофилакса (Бенешевич 1909/VIII №); 4. Ответы Никифора Хартофилакса: *Ἐρωτήσεις Μαξίμου μοναχοῦ πρὸς τὸν ἀγιώτατον κυρὸν Νικηφόρον καὶ γεγονότα χαρτοφύλακα τῆς τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας περὶ διαφορῶν κεφαλαίων* (Бенешевич 1906, 519–521); 5. Ответы Илии Критского: *Ὑπόμνησις γενομένη παρὰ τινος ἱερέως πρὸς τὸν ἱερώτατον μητροπολίτην Κρήτης κύρ Ἥλιαν περὶ τῆς προσκομιδῆς* (Желтов, Бернацкий 2005, 23–53); 6. Ответы Луки Хризотерга: *Ζητήματα, ἅπερ ἔλυσεν ὁ Πατριάρχης Λουκᾶς* (Алмазов 1903, 19–49); 7. Ответы Никиты Солунского: *Ἐρωτήσεις διαφορῶν νομίμων καὶ κανονικῶν ζητημάτων ἀνευχεῖσθαι Νικήτα, τῷ ἀγιωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης, καὶ λύσεις αὐτῶν ἀπολυθεῖσαι παρ' αὐτοῦ* (Павлов 1895, 381–387); 8. Ответы Нила Родосского: *Ἰωνᾶ Ἱερομονάχου ἐρωτήσεις περὶ τινῶν ἀναγκαιῶν καὶ ἀποκρίσεις κύρι Νεῖλου τοῦ ἀγιωτάτου Μητροπολίτου Ρόδου* (Алмазов 1903, 51–84); 9. Ответы Иоасафа Эфесского: *Ἰωάσαφ Ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγγέλλου ἀποκρίσεις πρὸς τὰς ἐρωτήσεις, ἃς ἠρώτησεν ὁ εὐλαβέστατος ἐν ἱερεῦσιν κύρ Γεώργιος ὁ Δραζίνος* (Алмазов 1903, 14–42).

² Заметим, что отечественным исследователям принадлежит честь первой — и зачастую единственной — научной публикации большинства текстов этих вопросоответников. А. И. Алмазов, А. С. Павлов, В. Н. Бенешевич, верно оценившие значение этих памятников для истории права, вероятно, руководствовались не только чисто кабинетным интересом к давно отжившим реалиям. Отдельные вопросы, актуальные в конце XIX – начале XX в., могут иметь значение и для современной церковной жизни.

³ Вопрос жанровой принадлежности вопросоответной литературы в разное время поднимался разными исследователями. См.: Ermilov 2013, 110–125; Papadouyannakis 2006, 91–105; Dörrie, Dörries 1966, 343–344.

⁴ Анашкин 2015, 8–11.

За каждой вопросоответной парой скрывается акт живой эпистолярной коммуникации, который потом фиксируется, редактируется, унифицируется, встраивается в ряд ему подобных, т.е. генетически отдельные вопросоответные коллекции развиваются из действительной переписки между священнослужителями и архиереями, между епископом и патриархом и так далее⁵, и, таким образом, в своей основе речь идет не о литературной фикции, как кажется на первый взгляд. Следовательно, эти коллекции не литературный вымысел, как это может показаться на первый взгляд. Контент-анализ текстов позволяет заключить, что в своей основе данные тексты восходят к эпистолярному жанру, вернее, к особой его разновидности – жанру деловой переписки⁶. Поэтому они в определенной мере отражают особенности живого языка.

МЕТОДОЛОГИЯ

Причина, по которой мы сосредоточили внимание на такой именной категории, как датив, лежит в его неустойчивом положении в именной морфологии, постепенном выходе из употребления где-то в византийский период и передаче его функций через аккузатив и генитив⁷. Выявить частоту использования датива важно для определения и уяснения широты его функционирования в византийский период греческого языка.

Одним из методов, применяемых в данном исследовании, стал стилометрический метод количественного анализа, который позволяет провести статистический расчет абсолютного количества случаев употребления датива в текстах, выявить динамику его применения и сравнить полученные данные между нашими авторами. Такой подход имеет явное преимущество: он позволил нам обработать большой объем данных без излишних усилий. При этом очевидно, что примененный метод имеет и свои ограничения, поскольку существует определенная опасность того, что наши последующие объяснения результатов анализа могут показаться слишком упрощенными, так как при подобном подходе семантический и функциональный анализ осуществляется минимально.

Поэтому в исследовании применяется контент-анализ текстов, который позволил провести качественный анализ случаев употребления дательных форм для выявления их функционального спектра. Кроме того, вводится относительный показатель интенсивности (частотности) применения датива, позволяющий сопоставить некоторые его особенности в разные периоды и у разных авторов с учетом различия в объеме текстов.

⁵ Отвечающей стороной в этой переписке было некое компетентное лицо, которое не обязательно должно было быть клириком. Как видим, это мог быть и хартофилакс, в обязанности которого, в том числе, входило разрешать канонические казусы.

⁶ Анашкин 2014, 57–69. Об обстоятельствах этой переписки см.: Anashkin 2016, 9–10; 2015, 8–9; 2013, 90, 92; 2017, 58.

⁷ О процессе исчезновения датива в греческом см.: Holton, Manolassou 2010, 546–547; Horrocks 2010, 284; Browning 1983, 82–83. О процессе развития греческого языка также см.: Mackridge 2009.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В области исторической морфологии на основании лингвистических данных, полученных при рассмотрении текстов из так называемой народной литературы, принято считать, что в Средние века в греческом языке дательный падеж исчез. Поэтому кажется, что сравнение поздневизантийских текстов в диахронии должно демонстрировать неуклончивую тенденцию к уменьшению его применения и сужению диапазона его функций⁸. Между тем, данные, полученные при исследовании наших памятников и представленные в таблице 1, свидетельствуют об обратном.

Таблица 1
ПОКАЗАТЕЛЬ СРЕДНЕГО ЧИСЛА ДАТИВА В ТЕКСТАХ

	Абсолютное количество форм в дативе	Среднее число форм в дативе на 100 слов
Никита Ираклийский (XI в.); 13 <i>вопр.-отв.</i> (1305 слов) ⁹	34	3
Николай Грамматик (XI в.); 19 <i>вопр.-отв.</i> (1348 слов)	59	4
Петр Хартофилакс (XI в.); 21 <i>вопр.-отв.</i> (656 слов)	20	3
Никифор Хартофилакс (XI в.) 5 <i>вопр.-отв.</i> (479 слов)	53	11
Илия Критский (XII в.) 7 <i>вопр.-отв.</i> (2721 слов)	69	3
Лука Хризовберг (XII в.); 20 <i>вопр.-отв.</i> (1431 слов)	54	4
Никита Фессалоникий (XII в.); 17 <i>вопр.-отв.</i> (1627 слов)	52	3
Нил Родосский (XIV в.); 21 <i>вопр.-отв.</i> (1483 слов)	36	2
Иоасаф Эфесский (XV в.); 54 <i>вопр.-отв.</i> (3030 слов)	93	3

⁸ Holton, Manollessou 2010, 546.

⁹ В виду того, что показатель количества вопросов и ответов в текстах не является надежным для сравнения частотности употребления форм по причине различия объема каждого отдельного вопросоответного блока, мы ввели показатель количества слов для каждого памятника.

Данная таблица содержит показатели интенсивности употребления дательного падежа на 100 слов для каждого текста. Показатель частоты (зд. = среднее число) рассчитывается по формуле $[x_{dat}^- = (S_{dat} * 100) / S_{wf}]$, где x_{dat}^- – среднее число форм в дативе, S_{dat} – абсолютное число форм в дативе, S_{wf} – общее количество текстовых символов в этих памятниках. Результаты этого анализа позволяют нам, во-первых, проследить частотности употребления датива в текстах разных периодов и, во-вторых, определить, как эти данные соотносятся с тенденцией сохранения датива в литературных памятниках поздневизантийского периода на примере исследования произведений Феодора Метохита (*Личные заметки и наблюдения*) и Матфея Эфесского (*письма*), проведенного Штаффаном Вальгреном¹⁰.

Данные таблицы указывают на то, что среднее число форм в дативе в большинстве текстов колеблется от 3-х до 4-х на 100 слов. Меньше этого показателя датив используется только в тексте Нила Родосского (2/100); больше – в тексте Никифора Хартофилакса (11/100). Полученные показатели среднего числа оказались меньше аналогичных показателей в произведениях Феодора Метохита и Матфея Эдесского, где они достигают 9–10 форм в дативе на 100 слов¹¹. Однако следует заметить, что наши тексты (в отличие от упомянутых выше) не относятся к числу литературных памятников и поэтому в большей степени могут отражать действительное положение датива в греческом языке XI–XV вв. И хотя очевидно, что в наших текстах данная падежная форма не представлена широко, однако же для исследованного корпуса текстов ее присутствие – вполне естественная практика. Соотношение приблизительно таково: 1 форма в дативе на 25–35 слов. Штаффан Вальгреном в своем исследовании приводит интересные данные по соотношению форм датива в текстах классических и византийских авторов. Так, он отмечает, что в Анабасисе Ксенофонта и Панегирике Исократа на одну форму датива приходится более 25 слов, а в византийских текстах примерно каждое десятое слово – форма датива¹².

Для представления более ясной картины функционирования этого падежа в данных текстах мы разделили все случаи с дативом по типу его употребления (табл. 2).

¹⁰ Wahlgren 2014, 171–174.

¹¹ Этот показатель был рассчитан по нашей формуле на основе данных исследования Вальгрена: Wahlgren 2014, 172–173.

¹² Wahlgren 2014, 171.

Таблица 2.
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛЯ) ДАТИВА

	Никита Ираклий- ский	Николай Грамма- тик	Петр Хар- тофи- лак	Ники- фор Харто- филак	Илия Крит- ский	Лука Хризो- верг	Никита Фессало- никий- ский	Нил Родос- ский	Ио- асаф Эфес- ский
Adver- bialis (ἰδίᾳ, ἀληθείᾳ, διπλῶ)	2	2	1	0	0	2	2	0	1
Датив субъ- екта дей- ствия	0	1	1	0	0	2	1	0	1
Датив in- strumenti, causae, modi, socia- tivus etc. ¹³	3	4	0	4	2	7	13	7	5
Датив как предложное дополнение	11 ἐν: 6; ἐπί: 4; σύν: 1	38 ἐν: 32; ἐπί: 3; σύν: 1; παρά: 2	9 ἐν: 8; ἐπί: 1	28 ἐν: 24; ἐπί: 3; παρά: 1	46 ἐν: 38; ἐπί: 7; πρός: 1	22 ἐν: 21; πρός: 1	15 ἐν: 13; ἐπί: 2	10 ἐν: 9; σύν: 1	45 ἐν: 41; ἐπί: 4
Датив не- прямого объекта ¹⁴	16	11	6	18	20	20	21	5	33
Датив при- надлежно- сти	1	0	0	0	1	0	0	0	1
Локативный и темпо- ральный датив	0	3	3	3	0	1	0	13	6
С отглагол. прилага- тельными на -τέον	1	0	0	0	0	0	0	1	1
Общее чис- ло форм в дативе	34	59	20	53	69	54	52	36	93

Так, в исследуемых текстах, как видим, датив часто используется без синтаксической зависимости от предложения¹⁵ или глаголов с префиксами, соотносимыми

¹³ В этом же разделе мы учли (единичные для наших текстов) случаи датива каузального объекта при verba affectum: ὀργίζεσθαι τινί сердиться на кого-либо, из-за кого-либо.

¹⁴ Главным образом имеется в виду датив адресата действия, а также лица или предмета, которому предназначается действие или признак.

¹⁵ Отметим, что нами не зафиксировано ни одного случая соединения с дативом предлогов περί (около, с помощью, посредством, из-за) и ὑπό (под, в зависимости от, по причине, из-за). Очевидно, что для передачи указанными предлогами соответствующих значений использовались либо другие предлоги, либо другие падежи.

с теми предложениями, которые сочетаются с дативом. Например, в вопросоответах Луки Хризоверга 12 случаев *Dativus modi, auctoris, instrumenti, temporis* (случаи датива как падежа косвенного дополнения не были учтены) на 54; в ответах патриарха Николая Грамматика 10 случаев на 59 общих; в ответах Никиты Солунского 16 случаев на 52; в эротапокризах Нила Родосского 21 случай из общего числа датива 36 — «чистый» датив. Итак, количественное соотношение беспредложного датива к общему числу форм колеблется между 17% (Николай Грамматик, XI в.) и 58% (Нил Родосский, XIV с.). Данное наблюдение позволяет нам сделать предварительный вывод о том, что в текстах наших авторов прослеживается тенденция сохранять датив и использовать его в самых разных значениях. То обстоятельство, что в исследуемых текстах частотность его появления в целом приближена к частотности его применения в текстах классических авторов, свидетельствует о том, что датив как таковой в данном случае не является стилистическим маркером авторов этих текстов, но является скорее языковой нормой памятников этого круга. Вместе с тем важно подчеркнуть, что приведенная здесь типологизация датива во многом является приблизительной, поскольку мы могли не учесть семантические особенности каких-либо форм беспредложного, или чистого, датива.

Впрочем, необходимо указать и на отклонения в употреблении датива, которые, хоть и редко, и тем не менее обнаруживаются в наших текстах. Так, иногда встречается употребление предлога с винительным падежом там, где можно было бы обойтись без этого нагромождения, используя дательный падеж (полагаем, что это явление можно рассматривать как пример замещения дательного падежа конструкцией *предлог + Acc.*, которая закрепились в современной практике новогреческого языка¹⁶). Например:

1. οὗτος δε μικρόν τι ἡγουμενεύσας, εἶτα τὴν οἰκείαν ἀσθένειαν ἐπιγινούς, παρητήσατο ταύτην **πρὸς ἕτερον** (Вопрос 19. Ответы Николая III Грамматика).

А он, пробыв немного игуменом и затем познав собственную немощь, попросил [передать] ее (власть — А.А.) другому.

2. Τὸ αὐτὸ ἔφη καὶ **εἰς τοὺς ποιοῦντας** μετὰ κλάσματος ἄρτου τὸν ἄμνόν, ἡγουν κρατίζον¹⁷ τὴν σφραγίδα μετὰ ὀλίγον ἄρτον, διὰ τὴν σπάνην τῶν ἀνθρώπων τοῦ ἐσθίειν. (Ответ 21. Ответы Нила Родосского).

То же самое он (Нил — А. А.) сказал совершающим агнца из обрезка хлеба, то есть когда кладут печать на небольшую часть хлеба, из-за отсутствия людей для употребления *целого*.

Это наблюдение, на наш взгляд, указывает на уже существовавшую склонность к упрощению типов склонения и к выражению падежных форм для обозначения отношений между предметами через посредство использования предлогов и, как кажется, позволяет говорить о тенденции к полной замене датива во всех

¹⁶ Так, в новогреческом языке для выражения косвенного дополнения используется либо родительный падеж — у безударных форм личных местоимений, либо предложная конструкция с винительным — у существительных и ударных форм местоимений.

¹⁷ κρατίζον, вероятно, нужно рассматривать как форму зарождающегося новогреческого неизменяемого деепричастия (а не неаугментированного имперфекта), которое сейчас бы выглядело как κρατώντας.

его функциях и, прежде всего, в основной – как падежа косвенного дополнения.¹⁸ Все это свидетельствует об общей тенденции к исчезновению дательного падежа.

Интересным также кажется случай предложно-падежного сочетания *предлог ἐν + датив* вместо *dativus possessivus* в 14 вопросоответе Иоасафа Эфесского:

Τὸ περὶ τοῦτο δὲ οὕτω γίνεταί ἐν ἡμῖν ...

Относительно же этого так бывает у нас...

На фоне изложенного выше данный пример, где употребление предлога *ἐν* излишне, представляется вовсе не случайным: подобная вставка предлога является, вероятно, свидетельством того, что дательный падеж в наших текстах иногда уже не воспринимается как падеж непрямого дополнения.

В целом же, падежная система исследуемых текстов полностью соответствует древнегреческой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение функционирования датива в памятниках поздневизантийской церковно-канонической эротапокритической литературы может помочь проследить его судьбу в так называемом народном греческом языке поздневизантийского периода. Главное наблюдение настоящего исследования таково, что при прослеживаемой тенденции к исчезновению дательный в наших текстах жив и является в известном смысле продуктивной моделью именной морфологии, а значит, при составлении описательной грамматики греческого языка византийского периода данные тексты должны быть обязательно учтены. Обращение к византийским каноническим вопросоответам необходимо, поскольку может дать представление о бытовании языка в рамках определенной традиции или даже среды.

ЛИТЕРАТУРА

- Анашкин, А.В. 2013: Канонические «Ответы» патриарха Константинопольского Николая III Грамматика (1084–1111): содержание, источники, история текста. *Вестник ПСТГУ: Филология* 2 (32), 87–113.
- Анашкин, А.В. 2014: Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода. *Вестник ПСТГУ: Филология* 4 (39), 57–69.
- Анашкин, А.В. 2015: *Жанровые и языковые особенности византийских канонических вопросоответов XI–XV вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук.* М.
- Анашкин, А.В. 2017: Эпистолярные «следы» в византийских церковных канонико-правовых эротапокризах XII в. (на материале канонических ответов митрополита никиты ираклийского). *Вестник Костромского государственного университета* 2 (23), 56–59.
- Кисилиер, М.Л. 2011: *Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Мосха.* СПб.
- Anashkin, A. 2016: Towards a genesis of Byzantine church canonical erotapokriseis by Niketas metropolitan of Herakleia (XI c.): epistolary trace. In: S. Marjanović-Dušanić (ed.), *Abstracts of the 23rd International Congress of Byzantine Studies (University of Belgrade,*

¹⁸ Тенденция эта прослеживается, как минимум, начиная с VII века – Луг Духовный Иоанна Мосха: Кисилиер 2011, 50–55.

- 22–27 August 2016. *Thematic Session of Free Communications: Byzantine literature in the 11th century*). Belgrade, 9–10.
- Browning, R. 1983: *Medieval and Modern Greek*. Cambridge.
- Dörrie, H., Dörries, H. 1966: Erotapokriseis. *Reallexikon für Antike und Christentum* 6, 343–344.
- Ermilov, P. 2013: Towards a Classification of Sources in Byzantine Question-and-Answer Literature. In: A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio (eds.), *Theologica Minora. The Minor Genres of Byzantine Theological Literature (SBHC 8)*. Turnhout, 110–125.
- Holton, D., Manolessou, I., 2010: Medieval and Early Modern Greek. In: E. G. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Chichester, 539–563.
- Horrocks, G.C. 2010: *Greek: A History of the Language and its Speakers*. Chichester.
- Mackridge, P.H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766 – 1976*. Oxford.
- Papadoyannakis, Y. 2006: Instruction by Question and Answer: The Case of Late Antique and Byzantine Erotapokriseis. In: S. F. Johnson (ed.), *Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, Didacticism, Classicism*. Hampshire, 91–105.
- Wahlgren, S. 2014: Case, Style and Competence in Byzantine Greek. In: M. Hinterberger (ed.), *The Language of Byzantine Learned Literature (SBHC 9)*. Turnhout, 170–175.

REFERENCES

- Anashkin, A.V. 2013: Kanonicheskie “Otvety” patriarkha Konstantinopol’skogo Nikolaya III Grammatika (1084–1111): sodержanie, istochniki, istoriya teksta [Canonical “Replies” by the Patriarch of Constantinople Nicholas III Grammatikos (1084–1111): content, sources, history of the text]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology] 2 (32), 87–113.
- Anashkin, A.V. 2014: Problemy zhanra voprosotvetnoy literatury v kontekste tserkovno-kanonicheskoy pis’mennosti pozdnevizantiyskogo perioda [Genre Problems of Question-and-Answer Literature in Context of Late Byzantine Canonical Writing]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [St. Tikhon’s University Review. Series III: Philology] 4 (39), 57–69.
- Anashkin, A.V. 2015: *Zhanrovye i yazykovye osobennosti vizantiiskikh kanonicheskikh voprosotvetov XI–XV vv.: avtoreferat dissertatsii* [Genre and Linguistic Features of Byzantine Church Canonical Questions and Replies of the 11th–15th centuries: Abstract of a Candidate’s Thesis]. Moscow.
- Anashkin, A.V. 2017: Epistolyarnye «sledy» v vizantiyskikh tserkovnykh kanoniko-pravovykh erotapokrizakh XII v. (na materiale kanonicheskikh otvetov mitropolita Nikity Irakliyskogo) [Epistolary Trace in Byzantine Church Canonical Erotapokriseis of the 12th century (on the material of canonical erotapokriseis by Nicetas metropolitan of Heraclea)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University] 2 (23), 56–59.
- Anashkin, A. 2016: Towards a genesis of Byzantine church canonical erotapokriseis by Niketas metropolitan of Herakleia (XI c.): epistolary trace. In: S. Marjanović-Dušanić (ed.), *Abstracts of the 23rd International Congress of Byzantine Studies (University of Belgrade, 22–27 August 2016. Thematic Session of Free Communications: Byzantine literature in the 11th century)*. Belgrade, 9–10.
- Browning, R. 1983: *Medieval and Modern Greek*. Cambridge.
- Dörrie, H., Dörries, H. 1966: Erotapokriseis. *Reallexikon für Antike und Christentum* 6, 343–344.
- Ermilov, P. 2013: Towards a Classification of Sources in Byzantine Question-and-Answer Literature. In: A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio (eds.), *Theologica Minora. The Minor Genres of Byzantine Theological Literature (SBHC 8)*. Turnhout, 110–125.

- Holton, D., Manolassou, I. 2010: Medieval and Early Modern Greek. In: E. G. Bakker (ed.), *A Companion to the Ancient Greek Language*. Chichester, 539–563.
- Horrocks, G.C. 2010: *Greek: A History of the Language and its Speakers*. Chichester.
- Kisilier, M.L. 2011. *Mestoimennye klitiki v «Luge Duhovnom» Ioanna Moskha* [*Pronominal Clitics in the «Spiritual Meadow» by John Moschus*]. Saint Petersburg.
- Mackridge, P.H. 2009: *Language and national identity in Greece, 1766 – 1976*. Oxford.
- Papadoyannakis, Y. 2006: Instruction by Question and Answer: The Case of Late Antique and Byzantine Erotapokriseis. In: S. F. Johnson (ed.), *Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, Didacticism, Classicism*. Hampshire, 91–105.
- Wahlgren, S. 2014: Case, Style and Competence in Byzantine Greek. In: M. Hinterberger (ed.), *The Language of Byzantine Learned Literature (SBHC 9)*. Turnhout, 170–175.

ON USE OF THE DATIVE CASE IN BYZANTINE GREEK 11th – 15th
CENTURIES (ACCORDING TO LATE BYZANTINE CANONICAL
QUESTION-AND-ANSWERS (EROTAPOKRISEIS))

Anton V. Anashkin

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia
miles-an@rambler.ru

Abstract. The paper examines a little-studied topic in the Byzantine philology. It deals with some features in the use of the dative case in Late Byzantine canonical question-and-answers (ἐρωταποκρίσεις). The reason why we will focus on the grammatical category is its gradual decrease in the Greek during the Byzantine period according to commonly accepted view. In the investigation stylometric methods of quantitative and qualitative analysis are used. Its results make it possible to retrace frequency of use of the dative in the texts and its functional field. Basing upon the analysis the author comes to conclusion that the dative is rather alive and productive element of the language of these texts. Further investigation of its use in the texts can turn to advantage for understanding of its fate and is very important for making up a comprehensive Byzantine grammatical manual.

Keywords: dative case in Byzantine Greek, morphology of the Late Byzantine Greek, canonical question-and-answers, stylometric methods of quantitative analysis

ЕГИПЕТСКИЕ КАЗНИ И ВАВИЛОНСКИЙ ПЛЕН (к вопросу о судьбах ветхозаветных крылатых единиц в истории русского языка)

Н.В. Позднякова, А.А. Осипова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия
nvp2018@bk.ru; osashenka@yandex.ru*

Аннотация. В формировании литературных языков всех христианских народов немаловажную роль сыграла Библия – неиссякаемый источник не только сюжетов и символов, но и крылатых выражений, анализ которых поможет восстановить иерархию ценностей древних общностей и создать языковой портрет современных наций. Заметный след библейские крылатые выражения оставили и в истории русского языка. С момента принятия христианства на Руси и с появлением письменности в сознании народа прочно закрепились библейские постулаты, оказавшие огромное влияние на формирование национального менталитета. Показателем востребованности фразеологических единиц в современном языке является их использование в публицистическом дискурсе. В статье исследуется, какие библеизмы с компонентами *Вавилон* и *Египет* функционируют в современном русском языке, а какие перешли в пассивный запас. Выбор данных библеизмов не случаен: современная политическая борьба на Ближнем Востоке уходит своими корнями в историю Древнего мира, в определенной мере зафиксированную в Ветхом Завете. Авторы приходят к выводу, что актуализация тех или иных библеизмов обусловлена общественно значимыми событиями. Неизменно востребованными в современном русском остаются единицы, которые описывают различные человеческие пороки, связанные с историей Вавилона (*вавилонская башня*, *вавилонская блудница*, *вавилонское смешение языков*, *вавилонское столпотворение* и др.), и тяжелые испытания, ассоциирующиеся с десятью казнями египетскими (*египетские казни*, *тьма египетская*). Остальные крылатые выражения, связанные с данными топонимами, перешли в пассивный запас языка и сейчас их можно встретить лишь в художественной и эпистолярной литературе XVIII – начала XX в.

Позднякова Наталья Викторовна – старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Осипова Александра Анатольевна – старший научный сотрудник Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Работа выполнена в рамках поддержанного Министерством образования и науки РФ гранта «Историко-лингвистический комплекс как компонент действующей системы электронной поддержки изучения русского языка различными группами обучающихся и дистанционного образования на русском языке» (реализация федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы, соглашение № 09.z71.25.0152).

Ключевые слова: лингвистика, библеизмы, вавилонская башня, вавилонское столпотворение, египетские казни, тьма египетская, современный публицистический дискурс

Библия – неиссякаемый источник не только сюжетов и символов, но и крылатых выражений, которые, несомненно, повлияли на формирование литературных языков всех христианских народов. Более того, крылатые выражения (далее КВ) библейского происхождения оставили неизгладимый след в культуре, а их анализ «может привести к реконструкции тех (нередко скрываемых или неосознаваемых) понятий и понятийных систем, иерархий ценностей, стереотипов, мифов, культурных парадигм, которые в данной общности соотнобразуются и сопровождаются крылатыми единицами и которыми создается языковой автопортрет нации»¹.

Заметный след библейские крылатые выражения оставили и в истории русского языка. С момента принятия христианства на Руси и, следовательно, с появлением письменности в сознании народа прочно закрепились библейские постулаты, оказавшие огромное влияние на формирование национального менталитета². По словам С.Г. Шулежковой, «уже в рукописях X–XI вв. можно обнаружить корни множества библеизмов, которые вошли в золотой фонд лексико-фразеологического состава русского литературного языка»³. Вопрос о количестве подобных единиц в русском языке поднимался неоднократно: по разным подсчетам оно колеблется от 300 до 2000 единиц⁴. Такой разноречивой, по признанию славистов, обусловлен зыбкостью границ крылатых единиц. Пути освоения большинства библеизмов также хорошо известны. А.В. Григорьев указывает, что источниками заимствования подобных выражений являются «богослужебные, толковые и экзегетические тексты, созданные Отцами Церкви, а также апокрифы»⁵, литургическая практика, славянские сочинения авторов-паломников в Святую Землю и иконописные изводы.

На время освоения и степень освоенности библеизмов в русском языке влияли различные факторы. В печатном виде на церковнославянском языке Библия появилась на Руси в конце XVI в. Можно сказать, что наиболее активный период проникновения библейских фразеологических оборотов в русский язык составил примерно три века (с XVI по XIX)⁶. В это время любому малограмотному человеку были понятны и близки библейские сюжеты и герои. Хотя, по утверждению Л.П. Дядечко, начало отражения крылатых единиц в общеязыковых (неспециальных) лексикографических трудах восходит к XIII в., когда в самых ранних лексикографических текстах, являющихся своеобразными зачатками фразеологических словарей, обнаруживаются попытки истолкования семантически неразложимых выражений библейского происхождения. Таким образом, уже «в древнейшей лексикографии закладываются традиции семантической интерпретации как цельно-, так и раздельнооформленных номинативных единиц, включая КС(в) [крылатые слова (выражения) – Н.П., А.О.], первоначально подчиненных исключительно

¹ Chlebda 2005, 526.

² Chlebda, Mokienko, Szuleżkova 2003; Шулежкова, Меркулова, Михин, Осипова и др. 2006; Шулежкова, Меркулова, Михин, Осипова и др. 2009; Шулежкова, Михин, Осипова и др. 2011.

³ Шулежкова 2013, 5.

⁴ Николаюк 1998; Грановская 2003; Дубровина 2010; Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010.

⁵ Григорьев 2007, 79.

⁶ Дубровина 2012, 14.

абстрагирующей, идеалистической богословской мысли»⁷. Первая же «осознанная» фиксация фразеологизмов связана с появлением «Церковного словаря» П. Алексеева (1-е изд. – 1773–1779 гг.). Позже без описания подобных единиц не обходился ни один словарь русского языка. Официальное признание значимости языковых образований с «печатью авторства» относится лишь к концу XX столетия⁸.

Сокращение фонда библеизмов и их употреблений приходится на XX в. Многие исследователи видят в этом историческую подоплеку – Октябрьскую революцию 1917 г. и последовавший запрет Библии. Однако сами вожди пролетарского движения, в силу своего происхождения и образования, очень хорошо были знакомы с Библией и активно употребляли библейские крылатые выражения. Но так или иначе, активный пласт КВ значительно уменьшился: одни из них устарели, вторые из крылатых превратились в безымянные, третьи стали малопонятными, так как у носителей языка была утрачена связь с библейскими сюжетами.

Показателем востребованности фразеологических единиц в современном языке является их использование в художественном и публицистическом дискурсе⁹. В рамках данной статьи мы решили проследить, какие библеизмы, основным компонентом которых являются топонимы *Вавилон* и *Египет*, функционируют в современном русском языке, а какие перешли в пассивный запас; с чем связана их актуализация в современном дискурсе. Выбор данных библеизмов не случаен: современная политическая борьба на Ближнем Востоке уходит своими корнями в историю Древнего мира, в определенной мере зафиксированную в Ветхом Завете.

Вавилон – один из богатейших городов Древней Месопотамии, важный политический, экономический и культурный центр Древнего мира. Руины Вавилона расположены у окраины современного города Эль-Хилла (мухафаза Бабиль, Ирак). В библейской фразеологии зафиксировано несколько КВ, которые связаны с разными историческими событиями, отраженными в Ветхом Завете. Их условно можно разделить на три группы.

В первую группу вошли библейские обороты *вавилонское пленение*, *вавилонский плач*, *вавилонская тоска*, *вавилонская работа (труд)*, *на реках Вавилонских седоном и плачем*, возникшие в связи с определенным периодом в истории еврейского народа – вавилонским пленом иудеев 597–539 гг. до н.э. (Пс. 136:1). Данные выражения объединены значением «страдания, тяготы неволи; удрученное состояние кого-л., вызванное жизненными невзгодами». Эти КВ редко встречались в литературе и публицистике XVIII – начала XX в., а потому постепенно ушли в пассивный запас языка. Ср., из письма А.П. Чехова: *Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь... на реках Вавилонских седоном и плачем... Пастухов водил меня ужинать к Тестову, пообещал 6 к. за строчку. Я работал бы у него не сто, а 200 в месяц, но, сам видишь, лучше без итанов <...> на визит пойти, чем у него работать. «Будильник» я не терплю, и если соглашусь строчить в нем, то не иначе, как с болью*¹⁰.

⁷ Дядечко 2003, 53.

⁸ Шулежкова 1995; 1999; 2013.

⁹ Осипова 2003; 2010; Михин, Осипова, Позднякова 2015.

¹⁰ Чехов 1974, 69.

Вторая группа представлена КВ, возникшими на основе сюжета о строительстве вавилонской башни и смешении языков (Быт. 11: 1-9): *вавилонская башня*, *вавилонское столпотворение*, *вавилонское смешение языков*. Библиизмы данной группы нередко используются в современном публицистическом дискурсе в значениях:

– «обреченные на провал замыслы переустройства общества на ложных началах»¹¹: *А дальше происходит размытие национального стрежня <...> И вся Европа сегодня – это абсолютно **Вавилонская башня**, плавильный котел национальностей, где все национальное не то что не приветствуется, а, наоборот, запрещается*¹²;

– «бестолковый шумный разговор, когда никто не слушает друг друга»: *Телеконференция с использованием телефонных линий с главой компании Opel Ником Рейли (Nick Reilly) оказалась похожей на **вавилонское смешение языков**. Ее участники из разных частей земного шара пытались в четверг одновременно установить связь с брюссельским пресс-центром. Затем возникли технические проблемы*¹³;

– «беспорядок, шумиха, гам»: *В просторном зале спортивного комплекса Российского Государственного Университета Физической Культуры было, можно сказать, **вавилонское столпотворение**: борцы, судьи, тренеры, почтенные гости, зрители. Но что удивило, Киврин безошибочно определил место, где наши пути должны были пересечься...*¹⁴.

КВ второй группы, несомненно, являются весьма актуальными в современном дискурсе, так как в их переносном значении на передний план выступает сема 'разрозненность человеческого общества'.

Третья группа КВ, включающая компонент *Вавилон*, представлена такими единицами, как *Новый Вавилон* («необыкновенная значимость, богатство, роскошь или другие качественные характеристики какого-то современного города, места или явления»); *вавилонская блудница* («распутная женщина, соблазнительница»); *выводить (писать) вавилоны*, *вавилонами двигаться* («о пьяном»); *с вавилонами говорить*, (языком) *Вавилоны разводить* («говорить намеками, затемнять суть сказанного»)¹⁵. Все они репрезентируют различные человеческие пороки – блуд, пьянство, невоздержанность, развращенность, ср.: *«Почему Москву превратили в “новый Вавилон”? – задал следующий вопрос Геннадий Андреевич. – Почему ее расширили от Мытищ до Калуги? Это глупость, которая полностью парализует все транспортные артерии. Почему 70–80% российских денег свозится в Москву, и эту жирную пенку разворовывают сердюковы и им подобные? Так что вопрос выборов в Москве – общероссийского масштаба. И мы будем делать все для того, чтобы они были честными, достойными умными и интересными»*¹⁶.

Необходимо отметить, что некоторые библейские обороты в современном публицистическом дискурсе терпят различного рода трансформации, чаще также

¹¹ Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010, 56.

¹² Правда.ру 18.09.2017, www.pravda.ru/world/europe/european/18-09-2017/1348799-eu_tower-0/

¹³ ИНОСМИ.ру 22.01.2010, <http://inosmi.ru/europe/20100122/157741762.html>

¹⁴ Karelin.ru 07.2010, <http://www.karelin.ru/karelin-fond/index.php/43-geroi-nashego-vremeni/287-sergej-kivrin-v-iskusstve-ne-mozhet-byt-konkursov>

¹⁵ Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010, 99.

¹⁶ Сайт КПРФ 24.07.2013, <https://kprf.ru/party-live/cknews/120963.html>

сохраняя отрицательные коннотации, ср.: Ты, Митрофанова, такого дяди племянница, а вавилоньки на голове устраиваешь!¹⁷; Цела (пока) скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» с серпом и молотом в руках, что стоит у входа ВДНХ-СССР <...> Чтобы успокоить москвичей, опасавшихся, что скульптуру попросту хотят уничтожить, говорят: «Ее разберут для реставрации по современной технологии». Очень опасный замысел! Разобрать-то разберут, очередной рыночный Вавилон соорудят, а про гениальное творение забудут¹⁸; Правда ли, что можно жить без этнопреступности, и не превращать столицу государства в жуткий Вавилон и область криминального «кормления» различных диаспор? Оказывается, можно. Нужно только проводить грамотную национальную политику, которая «как нож по сердцу» для либерального российского чиновника¹⁹; Рыночная экономика («вавилонская блудница») господствует в нынешнем мире (в «Вавилоне великом») благодаря тайне денег, тайне стоимости («тайне вавилонской блудницы»)²⁰ и др.

Таким образом, история Вавилона ассоциируется ни с одним из чудес света – висячими садами Семирамиды (хотя они были выращены именно в Вавилоне при ассирийской царице Семирамиде в IX в. до н.э.), ни с богатством и экономическим расцветом первого мегаполиса, ни с изгнанием иудейского народа в Вавилон и связанными с этим тягостями, а с различными человеческими пороками и распущенностью, что напрямую отражается и на использовании библеизмов в современном русском языке.

Египет – еще один топоним, с упоминанием которого в Библии связано много символов и сюжетов, породивших библейские КВ. Одни из них (египетский суд; египетский плен / египетское пленение; египетская работа / труд) в современном русском языке уже ушли в пассивный запас. Так, КВ египетский суд фиксируется лишь в текстах XVIII–XIX вв. при «посмертной оценке кого-либо»²¹. Две другие единицы возникли на основе библейского рассказа об иудеях, страдавших в египетском плену. Причем единственный пример, функционирующий в современном публицистическом дискурсе, репрезентирует вторую версию происхождения КВ египетский труд – тяжелый труд египетских рабов при сооружении египетских пирамид: Материал, избранный скульптором – капы, это наплывы, наросты на деревьях; и он, кап, по прочности почти не уступает камню. И Татаев вложил в свои творенья египетский труд, то есть труд строителей пирамид. Колоссальный труд, приложенный к таланту, и сделал Татаева скульптором-волшебником²².

Вторая группа представлена библеизмами казни египетские и тьма египетская, которые, несомненно, относятся к активно используемым единицам в современной публицистике. Выражения возникли на основе описания бедствий, по-

¹⁷ Цитата из художественного фильма Э. Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964).

¹⁸ Правда 11-14.07.2003, <https://kprf.ru/pravda/issues/2003/70/article-1233/>

¹⁹ Сайт КПРФ 31.07.2013, <https://kprf.ru/actions/civilresistance/121216.html>

²⁰ Татаров Н.М. Светопредставление. Ч. 2. Апокалипсис, <http://apokalypsis.hop.ru/09-1.htm>

²¹ Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010, 460.

²² Официальный сайт народного художника России И. Татаева 13.10.2013, <http://iles-tataev.com/index.php/novosti/74-iles-tataev-ya-tolko-malenkij-soavtor-ee-velichestvo-prirody>

стигших египтян за отказ египетского фараона освободить поработенных сынов Израилевых. Фараон не послушался, и на Египет было обрушено 10 бедствий.

КВ *казни египетские* обозначает общее именование тяжелых испытаний и бедствий. В российской публицистике данный библеизм используется в нескольких значениях. Во-первых, «природные бедствия, катаклизмы»: *На Смоленск обрушились казни египетские? Внезапное потепление навлекло на регион настоящее бедствие в виде нашествия насекомых*²³; *«Египетские казни» России: после наводнения на федерацию полезла саранча*²⁴, *«Казни египетские»–2013: миллионные стаи саранчи достигли Каира*²⁵. Во-вторых, «бедственное материальное положение кого-л., обусловленное политикой государства»: *Кому-то очень хочется провести эксперимент на выживание шахтеров-пикетчиков: долго ли у них хватит сил и мужества нести протестную вахту и в жару, и в холод, и в дождь, и в снег? Может быть, эта «казнь египетская» применена специально, чтобы непокорные горняки не смели свое суждение иметь, не поднимали головы и не мешали воровать. А может, даже спровоцировать голодных людей на бунт, ведь шахтеры и их семьи второй год выживают, кто как может*²⁶; *Казни египетские: сколько осталось российскому турбизнесу?* (Заметка о том, что без поддержки государства, которое и инициировало запрет на туристические полеты в Египет, туристическая отрасль России вместе с малыми авиакомпаниями может прекратить существование)²⁷.

Тьма египетская – девятое наказание, обрушившееся на Египет: «Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня; у всех же сынов Израилевых был свет в жилищах их» (Исх. 10: 22-23). В современном русском языке КВ *тьма египетская* используется в двух значениях. Во-первых, «природные катаклизмы, сопровождающиеся темнотой»: *Тьма египетская: ураган в Казахстане*²⁸; *Библейская Тьма египетская, которую устроил якобы пророк Моисей, не раз происходила и в наше время. И вот вчера утром это странное явление наблюдали жители Стокгольма <...> жители Стокгольма, как всегда, встретили осеннее солнечное утро, и уже многие поспешили по своим обычным делам. Как вдруг... город накрыла непонятная для всех, очень страшная тьма*²⁹. Второе значение КВ – «нестабильная политическая обстановка в Египте» – новое. Возникновение этого значения связано с политическим переворотом 03.07.2013 г., когда министр обороны Египта Абдул Фаттах Ас-Сиси объявил о свержении президента Мухаммеда Мурси и о приостановлении действия Конституции. Ср. названия информационных заметок: *Тьма египетская. Сможет ли президент Мурси удержать*

²³ Московский комсомолец в Смоленске 19.05.2013, <http://www.gorodnews.ru/mk/item.php?id=1996>

²⁴ Обозреватель 26.06.2015, www.obozrevatel.com/abroad/10759-egipetskie-kazni-rossii-posle-navodneniya-na-federatsiyu-polezla-sarancha.htm

²⁵ Голос русскоязычной Америки 03.03.2013, <http://www.forumdaily.com/kazni-egipetskie-2013-sarancha/>

²⁶ Московский городской комитет КПРФ 10.02.2017, <https://msk.kprf.ru/2017/02/10/23112/>

²⁷ Бизнес России 11.11.2016, glavportal.com/article/proschaj_egipet/

²⁸ 360°py 18.07.2017, <https://360tv.ru/news/obschestvo/tma-egipetskaya-uragan-v-kazahstane-v-kadrah-iz-socsetej-125930/>

²⁹ Esoreiter.ru 18.10.2017, <http://esoreiter.ru/index.php?id=1017/18-10-2017-094552.html&dat=news&list=10.2017>

страну от распада?³⁰; *Тьма египетская*. Арабская весна продолжается третий год³¹. Именно такое «прочтение» библеизма дало возможность использовать его и в более общем значении – «кризис власти»: «*Тьма египетская*» над Ереваном: Армения готовит провокацию на линии фронта? (название информационной заметки об опасениях властей Армении повторения египетского сценария)³².

Таким образом, говоря о функционировании библеизмов в современном русском языке, следует заметить, что продолжается исторически унаследованная традиция использования подобных КВ. Конечно, некоторые из них перешли в пассивный запас и сейчас встречаются только в художественной и эпистолярной литературе XVIII – начала XX в. Часть библейских КВ активно используется в современном публицистическом дискурсе. Неизменно востребованными остаются единицы, которые описывают различные человеческие пороки, связанные с историей Вавилона, и тяжелые испытания, ассоциирующиеся с десятью казнями египетскими. Более того, новые общественно значимые события порождают в библеизмах новые значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Грановская, Л.М. 2003: *Словарь имен и крылатых выражений из Библии: ок. 400 имен; более 300 крылатых выражений*. М.
- Григорьев, А.В. 2007: О путях проникновения библейских фразеологизмов в русский язык. *Русский язык в школе* 6, 75–79.
- Дубровина, К.Н. 2010: *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов*. М.
- Дубровина, К.Н. 2012: *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*. М.
- Дядечко, Л.П. 2003: *Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря): учеб. пособие: в 4 ч. Ч. 4*. Киев.
- Михин, А.Н., Осипова, А.А., Позднякова, Н.В. 2015: От старославянских устойчивых словесных комплексов до современных политических лозунгов (к истории формирования концепции Магнитогорской фразеологической школы). В сб.: *Устойчивые фразы в парадигмах науки: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского*. Тула. С. 479–484.
- Мокиенко, В.М., Лилич, Г.А., Трофимкина, О.И. 2010: *Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 ед.* М.
- Николаюк, Н.Г. 1998: *Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник*. СПб.
- Осипова, А.А. 2003: Интертекстемы-советизмы и библейские реминисценции в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты». В сб.: С.Г. Шулежкова (ред.), *Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сборник докладов международной научной конференции*. Магнитогорск, 351–358.
- Осипова, А.А. 2010: Библейские крылатые единицы в художественной картине мира В.П. Астафьева. В кн.: В.М. Мокиенко (ред.), *И вновь продолжается бой...: сборник научных статей, посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой*. Магнитогорск, 192–198.
- Чехов, А.П. 1974: Письмо Чехову Ал. П., 13 мая 1883 г. Москва. В кн.: А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 1. Письма, 1875–1886*. М, 68–72.

³⁰ Вести.ру 30.01.2013, <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1019308&cid=5>

³¹ Ридус 24.08.2013, <https://www.ridus.ru/news/105005.html>

³² Day.Az 15.02.2011, <http://news.day.az/politics/253295.html>

- Шулежкова, С.Г. 1995: *Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие*. Челябинск.
- Шулежкова, С.Г. 1999: Судьбы библейских крылатых выражений в русском языке. В сб.: *Динамика фразеологического состава языка: тезисы международной научной конференции*. Курган, 84–85.
- Шулежкова, С.Г. 2013: *От земли обетованной к небесам обетованным (очерки о судьбах библейских крылатых выражений)*. М.
- Шулежкова, С.Г., Меркулова, Н.В., Михин, А.Н., Осипова, А.А. и др. 2006: *Фразеологический словарь старославянского языка: более 4000 единиц*. М.–Магнитогорск.
- Шулежкова, С.Г., Меркулова, Н.В., Михин, А.Н., Осипова, А.А. и др. 2009: *Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка: свыше 350 ед.* Магнитогорск.
- Шулежкова, С.Г., Михин, А.Н., Осипова, А.А. и др. 2011: *Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед.* М.
- Chlebda, W. 2005: *Szkice o skrzydlatych slowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole.
- Chlebda, W., Mokienko, W.M., Szuleżkova, S.G. 2003: *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask.

REFERENCES

- Chekhov, A.P. 1974: Pis'mo Chekhovu Al. P., 13 maya 1883 g. Moskva [Letter to Al.P. Chekhov., 13 May 1883. Moscow]. In: *A.P. Chekhov. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* T. 1. Pis'ma, 1875–1886 [A.P. Chekhov. Complete Works and Letters: in 30 vol. Vol. 1. Letters, 1875–1886]. Moscow, 68–72.
- Chlebda, W., Mokienko, W.M., Szuleżkova, S.G. 2003: *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask.
- Chlebda, W. 2005: *Szkice o skrzydlatych slowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole.
- Dubrovina, K.N. 2010: *Enciklopedicheskiy slovar' bibleyskikh frazeologizmov* [Encyclopedical dictionary of Biblical phraseological units]. Moscow.
- Dubrovina, K.N. 2012: *Bibleyskie frazeologizmy v russkoy i evropeyskoy kul'ture* [Biblical phraseological units in Russian and European culture]. Moscow.
- Dyadechko, L.P. 2003: *Novoe v russkoy i ukrainskoy rechi: Krylatye slova – krilati slova (materialy dlya slovary): ucheb. posobie: v 4 ch.* Ch. 4 [New in Russian and Ukrainian speech: Popular quotations (items for the dictionary): in 4 chapters]. Pt 4. Kiev.
- Granovskaya, L.M. 2003: *Slovar' imen i krylatykh vyrazheniy iz Biblii: ok. 400 imen; bolee 300 krylatykh vyrazheniy* [Dictionary of Biblical names and catchphrases: about 400 names; more than 300 catchphrases]. Moscow.
- Grigoryev, A.V. 2007: O putyakh proniknoveniya bibleyskikh frazeologizmov v russkiy yazyk [On the ways of entering of Biblical catchphrases into Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language in School] 6, 75–79.
- Mikhin, A.N., Osipova, A.A., Pozdnyakova, N.V. 2015: Ot staroslavlyanskikh ustoychivyykh slovesnykh kompleksov do sovremennykh politicheskikh lozungov (k istorii formirovaniya kontseptsii Magnitogorskoy frazeologicheskoy shkoly) [From Old Church Slavonic set units to modern political slogans (on the history of formation of conception of Magnitogorsk phraseological school)]. In: *Ustoychivye frazy v paradigmax nauki: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.L. Arkhangel'skogo* [Set phrases in science paradigms: Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 100th Anniversary of V.L. Arkhangel'sky]. Tula, 479–484.
- Mokienko, V.M., Lilich, G.A., Trofimkina, O.I. 2010: *Tolkovyy slovar' bibleyskikh vyrazheniy i slov: ok. 2000 ed.* [Dictionary of Biblical phrases and words: about 2000 units]. Moscow.

- Nikolayuk, N.G. 1998: *Bibleyskoe slovo v nashey rechi: slovar'-spravochnik* [Biblical word in our speech: reference dictionary]. Saint Petersburg.
- Osipova, A.A. 2003: Intertekstemy-sovetizmy i bibleyskie reminiscencii v romane V.P. Astaf'eva «Proklyaty i ubity» [Intertexteme-sovietisms and Biblical reminiscences in V.P. Astafyev's novel "Cursed and killed"]. In: S.G. Shulezhkova (ed.), *Intertekst v khudozhestvennom i publicisticheskom diskurse: sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Intertext in art and publicistic discourse: papers of the International scientific conference]. Magnitogorsk, 351–358.
- Osipova, A.A. 2010: Bibleyskie krylatye edinitiy v khudozhestvennoy kartine mira V.P. Astaf'eva [Biblical catchphrases in the narrative world image of V.P. Astafyev]. In: V.M. Mokienko (ed.), *I vnov' prodolzhaetsya boy... : sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh yubileyu d-ra filol. nauk, prof. S.G. Shulezhkovoy* [The battle is going on again: A Collection of papers dedicated to the Jubilee of Prof. S. G. Shulezhkova]. Magnitogorsk, 192–198.
- Shulezhkova, S.G. 1995: *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitiye* [Catchphrases of the Russian language, their sources and development]. Chelyabinsk.
- Shulezhkova, S.G. 1999: Sud'by bibleyskikh krylatykh vyrazheniy v russkom yazyke [The fate of Biblical catchphrases in the Russian language]. In: *Dinamika frazeologicheskogo sostava yazyka: tezisy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The dynamics of phraseological set of the language: abstracts of the International science conference]. Kurgan. S. 84–85.
- Shulezhkova, S.G. 2013: *Ot zemli obetovannoy k nebesam obetovannym (ocherki o sud'bach bibleyskikh krylatykh vyrazheniy)* [From the Promised Land to the Houses of the Holy (Essays on Biblical catchphrases and their fate)]. Moscow.
- Shulezhkova, S.G., Korotenko, M.A., Merkulova, N.V., Mikhin, A.N., Mishina, L.N., Osipova, A.A. et al. 2006: *Frazeologicheskiy slovar' staroslavianskogo yazyka: bolee 4000 edinits: prospekt* [Phraseological Dictionary of Old Church Slavonic Language: over 4000 units]. Moscow–Magnitogorsk.
- Shulezhkova, S.G., Korotenko, M.A., Merkulova, N.V., Mikhin, A.N., Osipova, A.A. et al. 2009: *Materialy k frazeologicheskomu slovaryu staroslavianskogo yazyka: svyshe 350 ed.* [Items for phraseological dictionary of Old Church Slavonic language: over 350 units]. Magnitogorsk.
- Shulezhkova, S.G., Korotenko, M.A., Mikhin, A.N., Osipova, A.A. et al. 2011: *Frazeologicheskiy slovar' staroslavianskogo yazyka: svyshe 500 ed.* [Phraseological dictionary of Old Church Slavonic language: over 500 units]. Moscow.

THE PLAGUES OF EGYPT AND THE BABYLONIAN CAPTIVITY (revisiting the fate of the old testament catch units in the history of russian language)

Nataliya V. Pozdnyakova, Aleksandra A. Osipova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia
nvp2018@bk.ru; osashenka@yandex.ru

Abstract. The Bible played an important role in the formation of literary languages of all Christian people. It is the ever-living source of not only plots and symbols, but also catchphrases, which are needed to be analyzed to restore the hierarchy of values of ancient communities, and to create a language portrait of the modern nations. Biblical catchphrases left a noticeable imprint in the history of the Russian language, too. Since the moment of Christianity adoption on Old

Russia and writing advent, the biblical postulates were fixed in consciousness of the people, and had an impact on the national mentality formation. The use of phraseological units in the publicistic discourse is an indicator of their demand. In this article, we study biblical phrases with components Babylon and Egypt, and reveal the ones, functioning in modern language or have passed into passive vocabulary. The choice of the units is not random: modern political struggle in the Middle East is rooted in the history of antiquity, noted in the Old Testament. The authors concluded that the actualization of different bible phrases depends on social events. In the Russian language, in demand are still units, describing various human evils, connected with the history of Babylon (The Tower of Babel, Lady of Babylon, the confusion of Babylon, the Confusion of tongues, and etc.), and bitter trials, associated with the ten plagues of Egypt (the plagues of Egypt, Egyptian darkness). The other biblical catchphrases, connected with these toponyms, have passed into the passive vocabulary and now can be met in fine or epistolary literature of the 18th – the beginning of the 20th century.

Keywords: linguistics, Biblical catchphrase, The Tower of Babel, the confusion of Babylon, the plagues of Egypt, Egyptian darkness, modern publicistic discourse

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2017), 412–418
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2017), 412–418
© Автор(ы) 2017

INTERACTION BETWEEN METAPHORS AND THEIR NON-METAPHORICAL SURROUNDINGS IN POLITICAL TEXTS: MODELS OF IDENTITY AND OPPOSITION

Wang Jianing, Tatyana M. Voronina

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
805870962@qq.com; tmv313@ya.ru*

Abstract. Conceptual metaphors can be realized not only on the level of words, phrases and sentences, but also on the level of text. Since there is vast research literature on extended conceptual metaphors (both sustained and original) in media texts, we focused on models of interaction between the metaphor and its non-metaphorical textual surroundings. We analyzed political media texts and identified the following types of interaction: models of identity and models of opposition. In models of identity, the meaning of the metaphorical model corresponds to that of the non-metaphorical context. Either both elements of the model play an equal part in conveying the main meaning of the text or one of them prevails. In models of opposition, one language expression can be interpreted both in its direct and metaphorical meaning (or meanings), each of them corresponding to one element in the non-metaphorical context and contradicting another. As the text unfolds, these models play the pivotal role since they ensure the text's integrity and coherence and enhance its pragmatic effect.

Keywords: conceptual metaphor, political text, metaphor in the text, extended metaphor, modelling, identity, opposition

Modern studies show that conceptual metaphor exists and is realized not only on the level of words, phrases and sentences but also on the level of text. A special emphasis is placed on the role metaphor plays in organizing the text and in ensuring its coherence and integrity. L.G. Babenko points out the importance of such text characteristics as consistency and extendedness: she believes that, found on the surface level of the text, which is a linear sequence of words, sentences, and superphrase unities, these characteristics are primarily related to the text's semantic unfolding and the sequence of meanings on the deeper level¹. Studies of the process of the text unfolding itself

Ван Цзянин – аспирант кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина.

Воронина Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в слове и дискурсе: лексикографический когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»), а также при поддержке Программы повышения конкурентноспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

¹ Babenko, Kazarin 2005, 43.

and the metaphorical means it employs require a dynamic approach while ‘research of the dynamics of metaphorization requires us to consider metaphor primarily as a textual phenomenon’². Initially such studies focused on literary texts but nowadays they also deal with functions of metaphors in media texts, including political ones. For instance, K.S. Filatov demonstrates that ‘in media texts, metaphorical elements are used not sporadically but systematically and not only serve as means of creating images but organize the whole textual structure. Thus, metaphors play a key role in text formation’³. Liao Meizhen contends that metaphorical fragments of the text are organized through projection of two domains and their implications⁴. N.G. Shekhtman uses the term ‘coherence of imagery’: ‘an extended metaphorical model (especially if it includes the title of the text) can ensure coherence of imagery and create relations of prospection and retrospection, which, in their turn, enhance coherence of the political text and ensure its comprehensive perception’⁵. A.P. Chudinov also points out the pragmatic function of metaphors: ‘extended conceptual metaphor (along with other means) can provide coherence and integrity of the text, enhance its aesthetic significance and pragmatic potential and accentuate its semantic and emotional integrity’⁶.

There exists vast research literature on the ways of extending conceptual metaphors (sustained or original) in media texts. A.P. Chudinov points out that apart from one dominant model, there can be two or three models realized simultaneously: he analyzes the relationship between the metaphorical title of an article and its main text and reveals such literary strategies as defeated expectancy, enhanced expectancy, and fulfilled expectancy⁷.

In this article, instead of focusing on models of extended metaphors in texts, we will be discussing models of interaction between such metaphors and their non-metaphorical textual surroundings. We have analyzed over thirty articles published between 2015 and 2017 in the political section of Russian on-line newspaper ‘Gazeta.ru’ (<https://www.gazeta.ru/politics>).

As a result, we have identified the following models of interaction between the metaphor (*m* or *M*) and its non-metaphorical context (*nm* or *NM*): models of identity and opposition. Capital letters in these abbreviations denote prevalence of the metaphor or its non-metaphorical context in conveying the main meaning of the text.

Let us consider models of identity first.

1. Model of identity *M* = *NM*. Metaphorical and direct meanings of words and phrases are realized simultaneously to create a single effect and to make an evaluative comment. For example:

Diplomat vysokogo poleta (**High-flying** diplomat) (21.03.2017, 17:34)

Zakharova rasskazala kak Lavrov otprazdnoval svoj den rozhdenia v samolete
(Zakharova reported about Lavrov’s celebrating his birthday **on a plane**)

Svoy 67 den rozhdenia rossiyskiy ministr inostrannykh del Sergey Lavrov vstretil ‘na vysote’, soobshila v feysbuke ofitsialny predstavitel MID RF Maria Zakharova.

² Alekseeva (eds.), Ivinskikh, Mishlanova, Polyakova 2013, 23.

³ Filatov 2014, 159.

⁴ Liao Meizhen 2014, 68.

⁵ Shekhtman 2008, 131.

⁶ Chudinov 2006, 75.

⁷ Chudinov 2006, 76–88.

(According to Foreign Ministry spokesperson Maria Zakharova, Russian Foreign Minister Sergey Lavrov celebrated his 67th birthday **high up in the air**). *Lavrov otmetil prazdnik na bortu samoleta iz Yaponii v Moskvu – v ocherednoy raz podcherknuv svoj imidzh professionala, dla kotorogo rabota prevyshe vsego.* (Lavrov celebrated this holiday **on board the plane** from Japan to Moscow, thus once again emphasizing his image of a real professional, who prizes his work **above everything else**). *‘Gazeta.Ru’ razbiralas v fenomene Lavrova, kotory bolee desyati let opredelyaet litso otechestvennoy diplomatii.* (*‘Gazeta.Ru’ analyzed the phenomenon of Lavrov, who for over a decade has been the key figure of Russian diplomacy.*)

This text combines the conceptual metaphor associating upward movement with success (the minister is described as successful and efficient) with such words as ‘*polet*’ (flight) and ‘*vyсота*’ (height) being used in their direct meanings. The Russian phrase ‘*na vysote*’ is particularly interesting since it is used both in its direct (‘at high altitude’, ‘high up’) and metaphorical meaning (‘top level’, ‘top notch’).

2. Model of identity $m=NMI, NM2, \dots$ The meaning of the metaphorical model corresponds to that of its immediate non-metaphorical context, with the latter playing the dominant role in conveying the meaning of the text. For example:

Kholodny god dlya Lukashenko (Cold year for Lukashenko) (06.01.2017, 18:50)

Chego zhdut ot rossiysko-belorusskikh otnosheniy v 2017 godu (What to expect from Russia-Belarus relations in 2017)

K kontsu 2016 goda belorussko-rossiyskie otnosheniya dostigli tochki zamerzaniya. (By the end of 2016 relations between Russia and Belarus had reached the **freezing point**). *Iz mnozhestva poyavivshikhsya za god konfliktov fakticheski ne byl razreshen ni odin.* (**Out of the numerous conflicts arising during the year, not one was resolved**). *‘Gazeta.Ru’ sobrala prognozy razvitiya otnosheniy dvukh soyuznykh stran v nastupayushem gody.* (*‘Gazeta.Ru’ has gathered forecasts for the development of relations between the two partner states in the coming year*). *K kontsu 2016 goda politicheskie otnosheniya Minska i Moskvy dostigli rekordnogo pokholodaniya.* (By the end of 2016, political relations between Minsk and Moscow have demonstrated **unprecedented cold**). *Prichem ni v Moskve, ni v Minske ne vidyat perspektiv i putey ikh uluchsheniya.* (What is more, neither Moscow nor Minsk government **see the future of this relationship or ways to improve it**). *Obe storony ostalis pri svoikh obidakh i ne idut na kompromissy.* (Both states harbour hard feelings against each other and **are not ready to make compromises**). *V dekabre Rossia tak i ne soglasilas ni na odin belorussky variant razresheniya ‘neftegazovogo krizisa’, perenesya peregovory o postavkakh uglevodorodov na 2017 god.* (In December, Russia **did not agree** to any of the solutions to the ‘oil crisis’ problem proposed by Belarus and **suspended the negotiations** on the supply of hydrocarbons until 2017). *Minskoe rukovodstvo, v svoyu ochered, arestovalo trekh rossiyskikh zhurnalistov na svoey territorii, a prezident strany Alexandr Lukashenko demonstrativno proignoriroval summity ODKB i EAES, gde Moskva igraet lideruyushuyu rol.* (The Minsk government, in their turn, **arrested** three Russian journalists on their territory while President Alexandr Lukashenko **pointedly ignored** the CSTO and EEU **summits**, in which Moscow plays the leading part). *Dlya Lukashenko, vidimo, opaseniya isportit otnosheniya s Rossiey uzhe neaktualny.* (Apparently, Lukashenko is no longer afraid of jeopardizing the relationship with Russia). *Oni uzhe isporcheny, i potomy belorussky lider oshushaet bolshuyu svobodu*

manevra. (This relationship is already damaged and the Belorussian leader now has more freedom of maneuver).

In the title and in the first part of the text the phrases with the meaning of ‘freezing’ are repeated, which shows the realization of the dominant metaphorical model ‘international relations as a climate’ (‘good relations – warm, bad relations – cold’). The non-metaphorical fragment of the text explores the reasons that led to the deterioration of the relationship (conflicts left unsolved, sides unwilling to compromise, negotiations suspended, the summit pointedly ignored, and so on). At the same time, although the meaning of the metaphorical model is identical to that of the main text, we believe that the role of the text in conveying this meaning prevails over that of the metaphor. In the middle fragment of the text there is a full conformity between the metaphor and its non-metaphorical context: $M = NM1, NM2, \dots$ (the emphasis is made on the relations between the two countries and these relations are seen as cold) but in the title and in the last passage the accent is placed only on one side of the conflict to implicitly convey the author’s opinion that the deterioration of the relationship will mainly affect Belarus but not Russia.

3. Model of identity $M = nm1, nm2, \dots$. The meaning of the metaphorical model corresponds to its non-metaphorical context but the metaphor plays the main role in conveying the meaning of the text. For example:

Putin potreboval perekryt kanaly nelegalnoy migratsii (Putin demanded to **block the channels** of illegal immigration) (09.03.2017, 13:47)

President Rossii Vladimir Putin potreboval perekryt kanaly nelegalnoy migratsii v stranu, peredaet TASS. (President of Russia Vladimir Putin demanded that the channels of illegal immigration **should be blocked**, according to TASS). *Pri etom on utochnil, chto Rossia budet prinimat tekhn, kto khotel zdes zhit i rabotat, sobludaya zakony*. (He pointed out that Russia will **accept those who want to live and work in the country following its laws**). *‘My sozdaem tsivilizovannuyu prozrachnuyu sredy dlya tekhn, kto khotel by zhit i rabotat v Rossii, no, bezuslovno, sobludaya nashi zakony, uvazhaya traditsii i kulturu nashey strany’, – zayavil Putin*. (‘We are creating a civilized **transparent** environment for those who would like to live and work in Russia but these people should certainly respect traditions and culture of this country’, Putin said). *Po ego slovam, ‘pri etom kanaly nelegalnoy migratsii, lubyte fakty narusheniya migratsionnogo zakonodatelstva dolzhny reshitelno presekatsya* (He said that **‘channels of illegal immigration and any attempts to breach the immigration laws should be firmly dealt with’**). *Ranee Putin zayavil o neobkhodimosti postavit zaslon na granitsakh Rossii na puti kontrabandy i nelegalnoy migratsii*. (Previously Putin asserted that it is necessary to **hinder** illegal trafficking and immigration on Russian borders).

Thus, the meaning of presence/absence of obstacle is represented through the conceptual metaphor (‘block the channels’, ‘transparent environment’) and through the non-metaphorical means (‘accept those who want to live and work in the country following its laws’, ‘any attempts to breach the immigration laws should be firmly dealt with’). However, the metaphorical expressions with the meaning ‘creating an obstacle’ dominate the text in terms of quantity and occupy ‘strong’ positions in the text (the title and the last sentence). Thus, the author highlights the idea of curbing illegal immigration while the idea of encouraging legal immigration remains in the periphery. A.P. Chudinov pointed out that the persuasive impact on the reader is stronger if the author resorts to

metaphorical expressions in comparison with the usage of non-metaphorical means: 'it is well-known that figurative language attracts the reader's attention more and makes writing more powerful'⁸.

Models of the second type – those of opposition – are even more effective in realizing the pragmatic function of metaphors in the text.

4. Model of opposition $NM = (M)_1 M_2 \leftrightarrow NM$.

Such model is usually found in texts where one expression can be interpreted both in its direct and metaphorical meaning and one of these meanings contradicts the rest of the text. For example:

Yaponia perekhodit granitsu (Japan is **crossing the border**) (15.07.2015, 12:23)

Yaponia smozhet osuschestvlyat voennye operatsii za rubezhom. (Japan will be able to carry out military operations abroad).

Profilny komitet nizhney palaty parlamenta Yaponii odobril projekt zakona, v sootvetstvi s kotorym vooruzhennyye sily strany mogut vesti boevye deystvia za granitsej. (The special committee of the lower house of the Japanese parliament passed the bill which allows the country's armed forces to **carry out military operations abroad**). *Protivniki zakonoproekta schitayut, chto on protivorechit konstitutsii strany i mozhet vtyanut yeyo v voennye konflikty po vsemu miru.* (Opponents to this bill believe that it contradicts the country's constitution and can embroil the country into military conflicts all over the world) <...> *V nastoyashy moment idet glubokaya perestroyka politiki Yaponii v oblasti bezopasnosti, - govorit Dmitry Streltsov, – v napravlenii togo, chto v Yaponii nazyvayut 'normalnoy stranoy', ne otyagchennoy nikakimi ograniicheniyami.* (According to Dmitry Streltsov, at the moment the Japanese policy in the sphere of national security is undergoing a profound **transformation leading towards what in Japan is referred to as the 'normal country'**, that is, free from any restrictions). *Proiskhodit postepenny otkaz ot kontseptsii 'patsifistskoy strany'.* (The country is gradually abandoning the concept of a 'pacifist state').

In the Russian language, the phrase '*perekhodit granitsu*' ('cross the border') in its metaphorical meaning refers to going beyond the accepted limits ('cross the line'). Thus, here we find that the metaphor is in relation of opposition with the non-metaphorical sentence in the last part: '*eto perestroyka v napravlenii togo, chto v Yaponii nazyvayut "normalnoy stranoy"*' ('a transformation towards what in Japan is referred to as a "normal country"'). If we understand this phrase literally, then it will not contradict the rest of the text. The fact that this phrase was included in the title, however, implies that it was not used as a free phrase and that here we are dealing with the effect of defeated expectancy in its pure form. This might also signify implicit evaluation of the bill as breaking the norms.

4. Another type of the model of opposition is $NM1 = M \leftrightarrow NM2$. A metaphorical expression can acquire two different indirect meanings, each of them corresponding to one element of the surrounding non-metaphorical context and contradicting another. For example:

NATO zachischaet kontakty s Rossiei (NATO wants to **facilitate contacts** with Russia) (23.03.2017, 08:57).

⁸ Chudinov 2006, 65.

Gensek NATO zayavil o vazhnosti kontaktov s Rossiey. (The Secretary General of NATO **highlighted the importance of contacts** with Russia).

Gensek NATO Jens Stoltenberg zayavil o vazhnosti podderzhivat kontakt s Moskvoy v period napryazhennikh otnosheniy. (The Secretary General of NATO Jens Stoltenberg **highlighted the importance of maintaining contacts with** Moscow in the period of strained relations). *Vmeste s tem aliatsii prodolzhaet rassmatrивat Rossiю v kachestve odnoy iz osnovnykh ugroz i deystvovat vopreki interesam Kremlya.* (The Alliance, however, **continues regarding Russia as one of the main threats and acting against the Kremlin's interests**).

The author juxtaposes the two metaphorical meanings of the verb ‘zachistit’: its technical meaning ‘to clean, to grind to bare metal for better contact and performance’ and its military meaning ‘to carry out a clearance operation to eliminate enemy forces’.

Thus, our analysis of political media texts has brought to light the following types of interaction between extended conceptual metaphors and their surrounding non-metaphorical context: models of identity and models of opposition. In models of identity, the meaning of the metaphorical model corresponds to the non-metaphorical context. Both elements of the model can play an equal part in conveying the main meaning of the text or one of them can prevail. In models of opposition, one expression can be interpreted both in its direct and metaphorical meaning (or meanings), each of them corresponding to one element in the non-metaphorical context and contradicting another. These models are essential for unfolding the text and not only create its unity and coherence but also enhance the text’s pragmatic effect.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Л.М., Ивинских, Н.П., Мишланова, С.Л., Полякова, С.В. 2013: *Метафора в дискурсе: учеб. пособие*. Пермь.
- Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В. 2003: *Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник: практикум*. М.
- Филатов, К.С. 2014: Особенности журналистских текстов, развернутых с помощью метафор. *Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки* 20 (191). Вып. 23, 155–164.
- Чудинов, А.П. 2006: *Политическая лингвистика*. М.
- Шехтман, Н.Г. 2008: Реализация текстообразующей функции концептуальной метафоры в политическом тексте. *Политическая лингвистика* 3 (26), 128–131.
- Liao Meizhen 2014: Metaphors we Construct and Organize our Text and Talk by. *Foreign language research* 176, 61–68.

REFERENCES

- Alexeeva, L.M., Ivinskikh, N.P., Mishlanova S.L., Polyakova, S.V. 2013: *Metafora v diskurse: uchebnoe posobie* [Metaphor in Discourse: study guide]. Perm.
- Babenko, L.G., Kazarin, Y.V. 2003: *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika: Uchebnik. Praktikum* [Linguistic Analysis of Literary Text. Theory and Practice: Textbook. Workshop]. Moscow.
- Chudinov, A.P. 2006: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics: study guide]. Moscow.
- Filatov, K.S. 2014: Osobennosti zhurnalistskikh tekstov, razvernutykh s pomoshch'yu metaphor [Characteristics of Media Texts Extended Through Metaphors]. *Nauchnye Vedomosti. Ser. 'Humanities'* 20 (191). Issue 23, 155–164.

- Liao Meizhen 2014: Metaphors we Construct and Organize our Text and Talk by. *Foreign language research* 176, 61–68.
- Shekhtman, N.G. 2008: Realizatsiya tekstoobrazuyushchey funktsii konceptual'noy metafory v politicheskom tekste [Realization of the Text-Forming Function of the Conceptual Metaphor in Political Text]. *Political Linguistics* 3 (26), 128–131.

ИНТЕГРАЦИЯ МЕТАФОРЫ И НЕМЕТАФОРИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: МОДЕЛИ ТОЖДЕСТВА И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Ван Цзянин, Т.М. Воронина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
805870962@qq.com; tmv313@ya.ru

Аннотация. Современные исследования показывают, что концептуальная метафора существует и реализуется не только в сфере слова и высказывания, но и на уровне целого текста. Достаточно подробно исследованы способы развертывания концептуальной метафоры (как устойчивой, так и авторской) в журналистском тексте. В данной статье акцент делается не собственно на моделях развертывания метафоры в тексте, а на моделях взаимодействия метафоры с неметафорическим окружением в тексте при ее развертывании. На материале политических медиатекстов выявлены следующие виды взаимодействия концептуальной метафоры и ее неметафорического окружения: модели тождества и модели противопоставления. В моделях тождества реализованная метафорическая модель соответствует неметафорическому окружению, при этом оба элемента модели могут быть равноправными при выражении основного смысла текста либо один из них может доминировать. В моделях противопоставления одно языковое выражение можно интерпретировать и в метафорическом, и в прямом смысле (либо в разных метафорических смыслах), каждый из которых соответствует одному элементу неметафорического окружения и противоречит другому. Эти модели важны для развертывания текста и не только работают на создание его целостности и связности, но и участвуют в создании прагматического эффекта.

Ключевые слова: концептуальная метафора, политический текст, метафора в тексте, развернутая метафора, моделирование, тождество, противопоставление

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	–	Античная древность и средние века. Екатеринбург
БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь– Керчь
БС	–	Боспорский сборник. Москва
БЧ	–	Боспорские чтения. Симферополь
ВВ	–	Византийский временник. Москва
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
Вестник ЛГУ	–	Вестник Ленинградского государственного университета. Ленинград
ГАОО	–	Государственный архив Одесской области. Одесса
ГИМ	–	Государственный исторический музей. Москва
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ДСК	–	Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. СПб, 1907 (Т. 1); София, 1987 (Т. 2).
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИТУАК–	–	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КБН	–	Корпус боспорских надписей. Москва–Ленинград, 1965.
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь–Керчь
МАСП	–	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
НА ИИМК РАН–	–	Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Санкт Петербург
ОАК	–	Отчеты Археологической комиссии
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА	–	Российская археология. Москва
СА	–	Советская археология. Москва
СПбФ АРАН	–	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТГЭ	–	Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
ФЕ	–	Французский ежегодник. Москва
ABSA	–	Annual of the British School at Athens. London
AJA	–	American Journal of Archaeology. Boston
AJN	–	American Journal of Numismatics. New York
AJP	–	American Journal of Philology. Baltimore
BAR IS	–	British Archaeological Reports International Series. Oxford
BCH	–	Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris
BMC 1	–	Pool R.S., Head B.V., Gardner P. A Catalogue of the Greek Coins. Italy (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. I). London, 1873
BMC 7	–	Gardner P. Catalogue of the Greek Coins. Thessaly to Aetolia (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. VII). London, 1883
Chios	–	D. McCabe. Chios Inscriptions. Texts and List. Princeton, 1986
CNG	–	Classical Numismatic Group. Lancaster–Pennsylvania–London
CQ	–	The Classical Quarterly. Cambridge
DOP	–	Dumbarton Oaks Papers. Harvard
Epigr. tou Oropou	–	Petrakos V. Hoi Epigraphes tou Oropou. Athens, 1997
FD III	–	Fouilles de Delphes, III. Épigraphie. Paris, 1929–1943
GRBS	–	Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham
Hunt. Coll. I	–	Macdonald G. Catalogue of Greek Coins in the Hunterian Collection University of Glasgow. Vol. I. Italy, Sicily, Macedon, Thrace, and Thessaly. Glasgow, 1899
ID	–	Inscriptions de Délos. 1–7 vols. Paris, 1926–1972

IG	–	Inscriptiones Graecae. I–XII. Berlin, 1913–1940
LGPN	–	P.M. Fraser, E. Matthews (eds.), A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford, 2000.
LSAM	–	Sokolowski F. Lois sacrées de l'Asie Mineure. Paris, 1955
LSCG	–	Sokolowski F. Lois sacrées des cités grecques. Paris, 1969
MGH	–	Monumenta Germaniae Historica. Frankfurt am Main
NAC	–	Numismatica Ars Classica AG
NC	–	The Numismatic Chronicle. London
NN	–	Notae Numismaticae
NNM	–	Numismatic Notes and Monographs. New York
P.C.Z	–	Edgar C. Zenon Papyri. I–V. Caire, 1926–1937
P.Oxy	–	The Oxyrhynchus Papyri. I–LXXIX. Oxford, 1898–2014
PSI	–	Vitelli G., Norsa M. Papiri grecchi e latini. I IX. Firenze, 1917–1929
RBN	–	Revue Belge de Numismatique. Bruxelles
RE	–	Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RIC	–	Sutherland C.H.V. et al. The Roman Imperial Coinage. Vol. I–X. London, 1984–1994
RN	–	Revue Numismatique. Paris
SBHC	–	Studies in Byzantine History and Civilization. Turnhout
SIG	–	Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. I–IV. Lipsiae, 1915–1924
SNG ANS 2	–	Sylloge Nummorum Graecorum USA. The Collection of the American Numismatic Society. Pt 2. Lucania. New York, 1972
SNG ANS 5	–	Sylloge Nummorum Graecorum USA. The Collection of the American Numismatic Society. Pt 5. Sicily (Syracuse –Siceliotes). New York, 1988
SNG Cop.	–	Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. I. Italy–Sicily (Parts 1–5). West Milford, 1981
SNG Cop. Suppl.	–	Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Supplementum. Acquisitions 1942–1996. Vastervik, 2002
SNG Lloyd	–	Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain II. The Lloyd Collection. Pts 7–8. Sicily (Syracuse–Lipara). London, 1937
SNG Lockett	–	Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain III. The Lockett Collection. Pt 1. Spain–Italy. London, 1938
SNR	–	Schweizerische Numismatische Rundschau. Vol. I: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica (1987); Vol. II: Osborn M.J., Byrne S.J. Attica (1994); Vol. III: A. The Peloponnese, Western Greece, Sicily and Magna Graecia (1997); Vol. IIIB: Central Greece from the Megara to Thessaly (2000); Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea (2005); Vol. VA: Corsten T. Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia (2010).
ZPE	–	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Köln

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А.</i> (Москва) – Фольклорные материалы к расшифровке смысла зооморфных наскальных изображений с «умноженными» частями тела.....	5
<i>Гаилов В.А.</i> (Москва) – О царском культе в Парфии (на примере булл из раскопок Гебеклы-депе)	14
<i>Пилипко В.Н.</i> (Москва) – Гипсовая скульптура из Башенного сооружения Старой Нисы (предварительное сообщение)	31
<i>Ленская В.С.</i> (Москва) – Частные жертвоприношения в Древней Греции	47
<i>Рунг Э.В., Вендиктова Е.А.</i> (Казань) – Межгосударственные договоры классической Греции: нарративная традиция и эпиграфика.....	64
<i>Зелинский А.Л.</i> (Киев) – Аркадская надпись и сыновья Таис	75
<i>Квашин В.А.</i> (Вологда) – Об одном парадоксе римских законов о роскоши	85
<i>Лазарев С.Н.</i> (Челябинск) – Характер военной службы в позднеримской империи	97
<i>Бонин А.В.</i> (Москва) – Сельские поселения Боспора I в. до – начала II в. н.э.	109
<i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Некоторые аспекты денежного обращения Боспора в VI–III вв. до н.э.	120
<i>Завойкина Н.В.</i> (Москва) – Два <i>abecedaria</i> позднеархаического времени из Фанагории.....	145
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Гунчина О.Л.</i> (пос. Сенной), <i>Сапрыкина И.А.</i> (Москва) – Содержание серебра в статерах Тейрана и реконструкция техники серебрения.....	152
<i>Винокуров Н.И., Крыкин С.М.</i> (Москва) – Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э.	170
<i>Голофаст Л.А.</i> (Москва) – Поливная керамика из слоев хазарского времени в Фанагории	195
<i>Кузнецов В.Д.</i> (Москва) – Надгробие из Кеп	207
<i>Болдырева И.И.</i> (Воронеж) – Англосаксонское женское монашество VIII века в свете переписки миссии святого Уинфреда Бонифация	211
<i>Елкина И.И., Пахунов А.С., Кочкаров У.Ю., Гринько А.Е., Дэвлет Е.Г.</i> (Москва) – Шерстяные изделия из могильников Мошечая и Подорванная Балки (VIII–X вв.): качество сырья и технология изготовления	223
<i>Бочаров С.Г.</i> (Казань) – Археология Венецианской Газарии XIII–XV вв. Определение термина и научное содержание	233
<i>Дэвлет Е.Г.</i> (Москва) – Мотив жертвы в каменных изваяниях индейцев Центральной Америки	250

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

<i>Демичев К.А.</i> (Нижний Новгород) – От общины к Империи: сикхские модели территориального устройства XVI – пер. пол. XIX в.	255
<i>Храпунов Н.И.</i> (Симферополь) – Культурное наследие Крыма эпохи Золотой Орды и Крымского ханства в описаниях иностранцев рубежа XVIII–XIX вв.	270

<i>Захаров А.О.</i> (Москва) – Скромный честолюбец: история одной неудачи барона Модеста Корфа.....	292
<i>Самойлова М.П.</i> (Нижний Новгород) – Рецепция античности в системе образования России в XIX в. как путь формирования консервативной идеологии.....	299
<i>Клименко З.В.</i> (Москва) – Албанский вопрос в Черногории	309

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Меняев Б.В.</i> (Элиста) – Журнал «Хан Тенгер» как источник изучения фольклора Ойратов Синьцзяна	335
<i>Севастьянов И.В.</i> (Москва) – Кряшены Татарстана: религия и проблема этнического самоопределения	345
<i>Дрёмов И.И.</i> (Саратов) – Происхождение и распространение топонимов и этнонимов «Калмак» на Южном Урале.....	362

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ

<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск) – Золотые монеты Метапонта и Тарента из Керченского музея	373
<i>Бузунова И.В.</i> (Санкт-Петербург) – Особенности изучения архаической пластики на примере памятников из собрания Эрмитажа.....	380

ЛИНГВИСТИКА

<i>Анашкин А.В.</i> (Москва) – К вопросу об употреблении датива в византийском греческом XI–XV вв. (на материале византийских канонических вопросов-ответов)	392
<i>Позднякова Н.В., Осипова А.А.</i> (Магнитогорск) – Египетские казни и вавилонский плен (к вопросу о судьбах ветхозаветных крылатых единиц в истории русского языка).....	402
<i>Jianing W., Voronina T.M.</i> (Yekaterinburg) – Interaction between metaphors and their non-metaphorical surroundings in political texts: models of identity and opposition	412

HISTORY

ARCHAEOLOGY, ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY

<i>E.G. Devlet, M.A. Devlet</i> (Moscow) – Folklore Text for Interpreting the Meaning of Zoomorphic Rock Images with “Multiplied” Body Parts.....	5
<i>V.A. Gaibov</i> (Moscow) – King’s Cult in Parthia (Bullae from Excavations at Göbekly-Depe)	14
<i>V.N. Pilipko</i> (Moscow) – Plaster Sculptures from the Tower Building at Old Nisa (Preliminary Report)	31
<i>V.S. Lenskaya</i> (Moscow) – Individual Sacrifices in Ancient Greece	47
<i>E.V. Rung, E.A. Venidiktova</i> (Kazan) – Interstate Treaties in Classical Greece: Narrative Tradition and Epigraphy	64
<i>A.L. Zelinskiy</i> (Kiev) – The Arcadian Inscription and Sons of Thais	75
<i>V.A. Kvashnin</i> (Vologda) – On Paradox of Roman Sumptuary Laws	85
<i>S.A. Lazarev</i> (Chelyabinsk) – The Nature of Military Service in the Late Roman Empire... ..	97
<i>A.V. Bonin</i> (Moscow) – Bosporan Rural Settlements During the 1 st century BC – the beginning of the 2 nd century AD	109
<i>S.N. Ostapenko</i> (Moscow) – Some Aspects of the Currency on the Bosphorus During the 6 th – 3 rd Centuries BC.....	120
<i>N.V. Zavoykina</i> (Moscow) – Two <i>Abecedaria</i> of Late Archaic Period from Phanagoria	145
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>O.L. Gunchina</i> (Sennoy), <i>I.A. Saprykina</i> (Moscow) – A Study of Silver Content and Surface-Silvering of Teiranes’ Staters.....	152
<i>N.I. Vinokurov, S.M. Krykin</i> (Moscow) – Roman Policy in the North and North-West Black Sea Region in the Mid-1 st Century AD	170
<i>L.A. Golofast</i> (Moscow) – Clazed Pottery from the Khazar Layers at Phanagoria	195
<i>V.D. Kuznetsov</i> (Moscow) – A Tombstone from Kepoi	207
<i>I.I. Boldyreva</i> (Voronezh) – Anglo-Saxon Monasticism of the 8 th Century in the Light of the Correspondence of the St. Winfred Boniface Mission	211
<i>I.I. Elkina, A.S. Pakhunov, U.Ju. Kochkarov, A.E. Grinko, E.G. Devlet</i> (Moscow) –The 8 th –10 th Centuries Woolens from the Necropolises of Moschevaya Balka and Podorvan-naya Balka: Raw Material Quality and Production Technology	223
<i>S.G. Bocharov</i> (Kazan) – Archeology of the Venetian Gasaria in 13 th –15 th Centuries. Definition of Terms and Scientific Contents.....	233
<i>E.G. Devlet</i> (Moscow) – Victim Motive in Stone Sculpture of Central American Indians...	250

NEW AND MODERN HISTORY

<i>K.A. Demichev</i> (Nizhny Novgorod) – From the Community to the Empire: Sikh Models of the Territorial Organization in the 16 th – the First Half of the 19 th Century.....	255
<i>N. I. Khapunov</i> (Chersonese) – Moslem Cultural Heritage from the Golden Horde and the Crimean Khanate Periods in the Crimea as Described by Foreigners ca. 1800	270
<i>A.O. Zakharov</i> (Moscow) – Lowly man of great ambition: a failure by Baron Modest von Korff	292
<i>M.P. Samoylova</i> (Nizhny Novgorod) – Reception of Antiquity in the Education System of Russia in the 19 th Century as a Way of Formation of Conservative Ideology	299
<i>Z.V. Klimenko</i> (Moscow) – The Albanian Question in Montenegro	309

 ETHNOLOGY

<i>B.V. Menyaev</i> (Elista) – The Journal “Khan Tenger” as a Source of Study of Xinjiang Oirats’ Folklore	335
<i>I.V. Sevastyanov</i> (Moscow) – The Kryashens of Tatarstan: Religion and Problem of Ethnic Self-Determination	345
<i>I.I. Dremov</i> (Saratov) – Origin and Distribution of Toponyms and Ethnonyms “Kalmak” in the Southern Urals	362

IN WORLD MUSEUMS

<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk) – Gold Coins of Metapontion and Tarentum in the Kerch Museum	373
<i>I.V. Buzunova</i> (Saint-Petersburg) – Features of Study of the Archaic Plastic Arts on the Example of the Monuments from the Collection of the State Hermitage Museum ...	380

LINGUISTICS

<i>A.V. Anashkin</i> (Moscow) – On Use Dative Case in Byzantine Greek 11 th – 15 th Centuries (According to Late Byzantine Canonical Question-and-Answers (Erotapokriseis)	392
<i>N.V. Pozdnyakova, A.A. Osipova</i> (Magnitogorsk) – The Plagues of Egypt and Babylonian Captivity (Revisiting the fate of the Old Testament catch units in the history of Russian language)	402
<i>Jianing W., Voronina T.M.</i> (Yekaterinburg) – Interaction between metaphors and their non- metaphorical surroundings in political texts: models of identity and opposition	412

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!!!! ORCID**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для литературных произведений:

Толстой, Л.Н. 1980–1982: *Полное собрание сочинений*. М.

Пушкин, А.С. 1960–1968: *Собр. соч.*: в 10 т. М.

Пушкин, А.С. 1978: *Избранное*: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	a	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2017

Сдано в набор 5.12.2017. Подписано в печать 11.01.2018.

Дата выхода ???. 2017.

Формат 70х100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.